

Из жизни
Русского
зарубежья

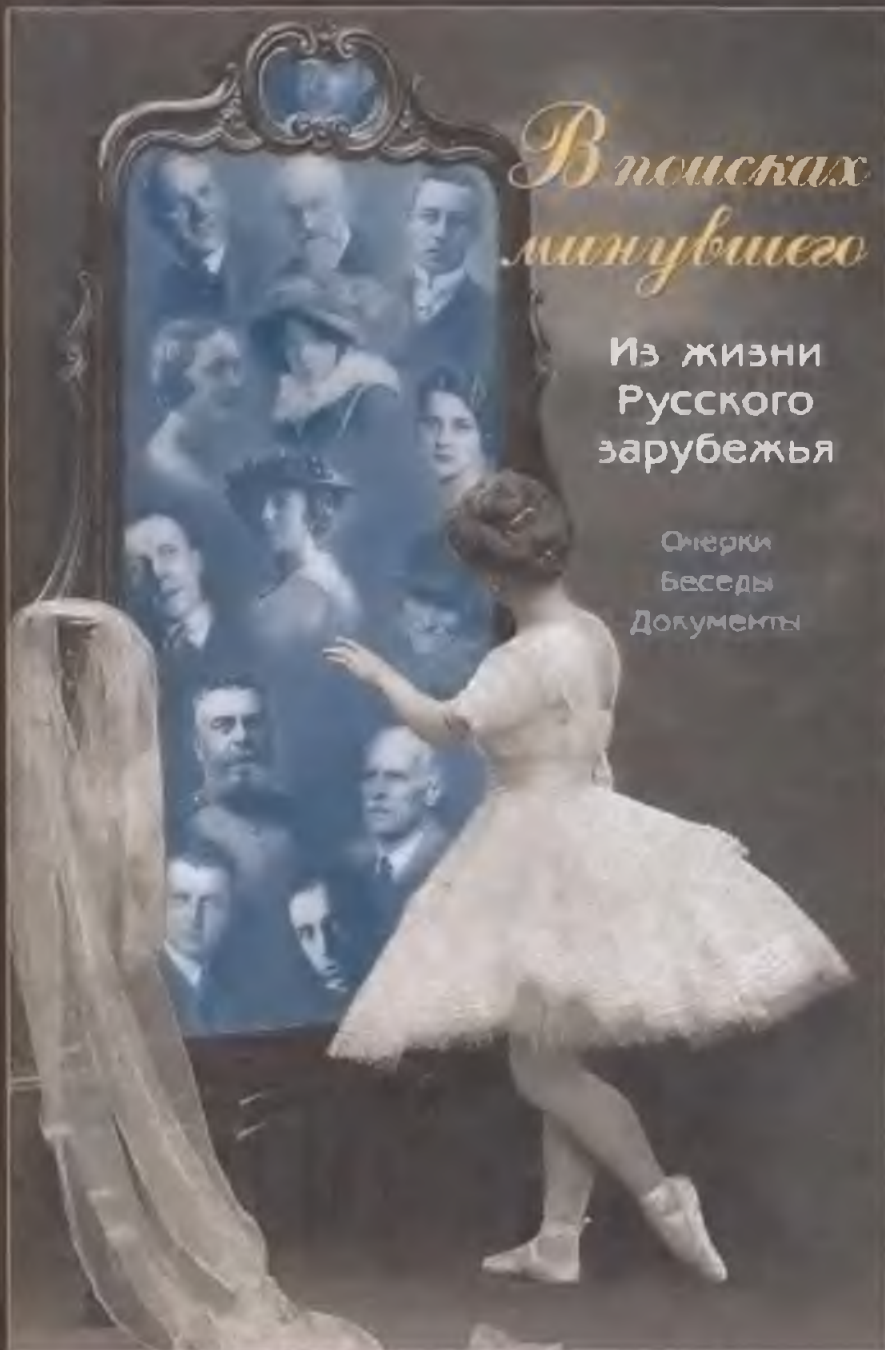
*В поисках
минувшего*

Очерки
Беседы
Документы

*В поисках
минувшего*

Из жизни
Русского
зарубежья

Очерки
Беседы
Документы

Был целый мир – и нет его...
 Вдруг – ни похода ледяного,
 Ни капитана Иванова,
 Ну абсолютно ничего!

Г. Иванов

В поисках минувшего

Из жизни Русского зарубежья

**Очерки
Беседы
Документы**

Автор-составитель

В.П. Нечаев

**Москва
Книжница · Русский путь
2011**

УДК 929
ББК 84 (2 Рос)6
Н-59

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Художник *П.В. Иващенко*

ISBN 978-5-903081-15-8 (Книжница)

ISBN 978-5-85887-415-7 (Русский путь)

© Нечаев В.П., текст, комментарии, фотографии, 2011

© ЦНБ СТД РФ, текст, фотографии, 2011

© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2011

НАМ ОСТАЕТСЯ ПАМЯТЬ

Нет прошлого — считай, и нет человека. Тот, кто сознательно перечеркивает пережитое, отрекается от него — обкрадывает себя, обманывает себя. Жизнь не роман, переписать-перекомпоновать не получится. Одно лишь время, мудрый судья, даст оценки, внесет исправления, дополнит суждения, а то и вовсе переоценит ценности прежних лет...

И точно так же по отношению к истории и культуре правильнее, наверное, оставаться историком-летописцем, архивистом, объективным профессионалом.

История культуры Русского зарубежья складывалась не из одних только хрестоматийных вершин. Огромный, многоцветный и многооттеночный мир этой уникальной культуры вовсе не исчерпывается именами Бунина, Шмелева, Ремизова, Зайцева, Тэффи, Алданова, Ходасевича, Георгия Иванова, Рахманинова, Стравинского, Нижинского, Преображенской, Трефиловой, Карсавиной, Бенуа, Сомова, Добужинского, Бакста, Бердяева, Шестова, о. Сергия Булгакова и И. Ильина. Можно назвать и еще несколько десятков имен так называемого первого ряда. Но ведь были и другие русские люди. Они жили рядом в одно время с теперь уже признанными представителями Зарубежья; они так же думали, чувствовали и, главное, спасались в чужом мире, утверждались, выживали духовной работой, творчеством. Каждый — по мере отпущенных ему судьбой таланта, сил, времени. Но даже несколько бедных поэтических строк, даже одно усилие творчества из того трагического времени великого русского исхода — сегодня драгоценны. И как исторические свидетельства, и как доказательство обязательного присутствия «творческой составляющей» в национальном характере.

Уже вошли в читательский мир и завоевывают свою литературную славу деятели культуры следующего ряда из рожденных в дореволюционной России, впитавших ее культуру с молоком матери и проявивших себя за ее пределами: Гайто Газданов, Василий Федоров, Юрий Терапиано, Борис Поплавский... Безусловно, время еще откроет и покажет нам новые имена, и кто-то из «незамеченного поколения» (по определению В. Варшавского) будет востребован новым временем.

В те первые годы эмиграции обстоятельства накладывали на их индивидуальные биографии, на особенности их личностей общие «эмигрантские» закономерности, формируя всякий раз одну из типичных моделей изгнан-

ничества. Тяготы жизни, материальные, нравственные трудности многим и многим не дали проявить себя в полной мере. Одиночество было болезнью каждого. Поэтому, несмотря на все политические противоречия, порой крайне резкие, общение русских стало очень важным, да, пожалуй, основным фактором культурной жизни Русского зарубежья. Общение не давало растеряться, рассыпаться русской культуре, питало ее творческие ростки, спасало в крайние минуты отчаяния...

Теперь мы собираем камни. Пытаемся собрать. По крохам, по будто бы незначимым вещам: по выцветшим фотографиям, письмам, записочкам, квитанциям или рассказам теперь уже детей и внуков. Если очень повезет — найдется публикация в пожелтевшей газетке или — вот радость! — в книге. Мы пытаемся вырвать из забвения их тени, их имена, их судьбы, но главное — их творчество. Не претендуя на какую-либо законченность заметок, хотелось протянуть ниточку от прошлого к настоящему, собрать побольше фактов, извлечь из встреч и находок свидетельства, которые сами давали бы картину прошлого. Ибо прошлое живет в настоящем.

Мое личное знакомство с Русским зарубежьем началось в самом конце 1950-х. Начало моей трудовой деятельности было связано с Российским (тогда — Центральным) государственным архивом литературы и искусства. И мне, молодому сотруднику ЦГАЛИ, было поручено ответить на неожиданный запрос КГБ: какие сведения о похищении генерала Миллера имеются в архиве. Тогда я впервые открыл для себя журналы «Жар-птица», «Современные записки», «Воля России», «Иллюстрированная Россия». Позже прочел А. Ветлугина, В. Вейдле, М. Алданова, М. Осоргина, К. Мочульского, А. Седых, Б. Пантелеймонова. И это стало началом моей до сих пор продолжающейся «русской зарубежной истории». А уже в 1960-е годы судьба свела меня с журналистом, другом А. Куприна — Евгением Сергеевичем Хохловым, библиографом и историком Сергеем Порфирьевичем Постниковым, историком и преподавателем Николаем Николаевичем Кноррингом, писателем и журналистом Владимиром Брониславовичем Сосинским, поэтом Алексеем Владимировичем Эйснером, писательницей Анной Александровной Кашиной-Евреиновой...

Типичные представители Русского зарубежья, все они так или иначе были связаны с культурой и внесли свой особенный личный вклад в ее историю.

А в начале 1980-х я уже беседовал в Праге с поэтессой Эмилией Кирилловной Чегринцевой, актрисой Клавдией Петровной Макаевой и дочерью историка Кизеветтера Екатериной Александровной Максимович.

В ноябре 1988 года я впервые попал в Париж. О «французском Париже», о его Лувре, бульварах и площадях, соборах и домах мы все много читали и слышали. Но теперь я открывал для себя «русский Париж». К сожалению, в его уже, так сказать, осеннюю пору: те, кто мог рассказать что-то о прежней России и о первой эмиграции, уходили из жизни один за другим. И я торопился поймать, удержать, использовать любую возможность, — а они, мои старые русские, в свою очередь, из всех сил старались мне помочь — отыскать хоть какие-то свидетельства

об ушедших людях и временах. Неумолимое время вносило в мои поиски печальные коррективы, и значимость моих встреч осознавалась особенно остро при очередном известии о чьем-то уходе... И все же эти порой последние встречи, эти уже не прекращающиеся ни на день поиски документов, книг, дневников, фотографий — стали моим счастливым делом. Теперь мой долг — попытаться сохранить для будущего эти крупницы русского наследия.

Иной раз трудно писать о людях, которых ты хорошо знал, о живых встречах, но много труднее описывать события и людей, которых в твоей личной жизни не было. Однако судьба этих людей отчего-то волнует меня, заставляя искать, рыться в архивах, восстанавливать утерянные факты и забытые события их жизни. И по мере кропотливых поисков эти факты чужих биографий и далекие события в какой-то момент как будто переполняют тебя, требуя двигаться вглубь и дальше, предпринимать следующие поисковые шаги, искать и ждать новых и новых встреч. Я всегда готов к случаю — этому, как правило, нечаянному, но непременно спутнику любой исследовательской работы. Как не верить в закономерность случайности, в предопределение событий? Внимательное изучение документов, тронутых желтоватым налетом времени и возвращающих события прошлого, встречи со значительными людьми — все это завораживает, отвлекает от текущих дел и превращает жизнь в интересный поиск, погоню за прошлым.

Книга складывалась как бы сама собой. Одна находка, встреча влекла за собой другую. По меткому замечанию математика, вице-президента Академии педагогических наук, а главное — известного книжника Алексея Ивановича Маркушевича, все «сплеталось в венок». Пока наконец накопленный материал не «потребовал» свести эти встречи и находки воедино. И вот под одной обложкой собраны рассказы о людях эмиграции, о бурном времени ушедшего столетия, которое их формировало, об их отношениях в миру и к миру.

Я позволю себе сделать небольшое отступление. Поиски и находки. Между ними течет, отнюдь не плавно, жизнь историка-архивиста, исследователя. Два слова. Два измерения.

Поиск — это долгий, часто многолетний путь. Порой в потемках, с тупиками и лабиринтами. Но почти всегда освещаемый и согреваемый всполохами встреч с незабываемыми и, увы, убывающими с каждым годом людьми — благородными хранителями и бескорыстными дарителями. И даже если поиск не приведет к находке, и так бывает, эти встречи — лучшее утешение в поисковых неудачах.

В отличие от тернистого пути поиска, находка — это в корне реальный переход в иное измерение. Ты нашел, тыходишь в чужую биографию, туда, а там все не так, как здесь — другой свет, другие звуки, другие чувства, другие мысли. Перед тобой жизнь давно ушедшего и, кажется, почти всеми забытого человека. Его нет уже пятьдесят, сто лет, но, однако, вот же он — весь здесь, в этой чудом и долгой памятью сохраненной стопке старых бумаг и тоненькой пачке фотографий.

И всякий раз в момент обретения находки, в минуту разборки нового архива замирает сердце: что окажется в этой папке с оторванными завязками? Или в этом истрепанном дневнике? Или в этом ветхом листке, всего лишь с несколькими строчками размашистого, неразборчивого почерка. Ясно читаются только последние четыре слова: «Да храни Вас Бог!»

Однако что бы там ни нашлось — стихотворение, рассказ, или скрупулезные записи о расходах на еду и лекарства, или счета, билеты, объявления — для историка и архивиста это равнозначимые и равноправные ценности. Они часть творчества и бытия, а в большинстве случаев — «творческого бытия» незаурядных представителей Русского зарубежья, несправедливо потерявшихся в истории. Найдка — реальная возможность их творческого воскрешения и счастливый шанс для нас узнать, увидеть, понять и почувствовать, какими разносторонне талантливыми, какими деятельными и стойкими в житейских испытаниях они были. Они надеялись, что мы, сегодняшние, их стихи, рассказы, статьи, записки все-таки прочтем.

О встречах с русскими пражанами и парижанами и пойдет мой рассказ. Мне бы хотелось сохранить их голос, их речь, а поэтому по мере необходимости дополнить его документальными свидетельствами и обязательно — образцами творчества моих героев — удивительных представителей русской культуры XX века.

Поэтому в книгу включены литературоведческие очерки, психологические зарисовки, биографические реконструкции, стихи и проза, поэтические переводы и статьи, письма и дневники. Основная масса материалов публикуется впервые.

Хотелось бы еще и еще раз напомнить, что история эмиграции — наша русская история. И каждому, кто к ней неравнодушен, кто с любовью к ней прикоснется, она открывает свои тайны.

В заключение рад возможности выразить свою благодарность тем, кто в той или иной мере помогал мне: Ю.И. и Т.В. Коваленко, В.Г. Хазанову, И.Б. Баскиной, В.И. Масловскому, А.М. Смелянскому, С.А. Соколовой, Г.Г. Спак, Н.Ю. Черновой, М.А. Эскиной, М.А. Васильевой, Т.А. Малышевой, А.Ю. Жукову. Приношу свою искреннюю признательность за помощь и всестороннее содействие, оказанное в процессе сбора материалов и работы над книгой, А.А. Туринцеву, А.П. Колоницкой, О.Ю. Корнеевой, Е.Я. Поволоцкой. Особо хочу поблагодарить мою семью: жену Т.С. Касаткину и дочь А.В. Нечаеву за их терпение и поддержку. И наконец, низкий поклон В.Г. Кононовой, О.М. Фельдману и С.Е. Фроловой, без внимания и помощи которых эта книга вовсе бы не состоялась.

Авторские выделения в цитатах и в публикуемых текстах (подчеркивание) в настоящем издании переданы курсивом.

Знаком ^{*)} обозначены примечания авторов текстов; знаком ^{*} обозначены примечания составителя, необходимые по ходу чтения; арабскими цифрами обозначаются комментарии в конце издания.

**Из жизни
Русского зарубежья**

**Очерки
Беседы
Документы**

На ветрах истории:

Александр Александрович Кизеветтер

Имя Кизеветтера я услышал впервые в студенческие годы, в середине 1950-х. Тогда же мне удалось познакомиться с его книгами о русском театре, изданными еще до его высылки из России в 1922 году. Тогда же я прочел его «Исторические силуэты», увидевшие свет в 1931 году в Берлине. Находясь под огромным впечатлением от прочитанного, я конечно же пытался найти еще какие-то работы Кизеветтера и хотя бы что-то узнать лично о нем. Но в те годы это было совершенно невозможно.

Мог ли я предположить, что тридцать лет спустя познакомлюсь с дочерью Кизеветтера — Екатериной Александровной Максимович? И что в пражской квартире ее отца и в московской квартире ее знакомых я буду иметь удовольствие беседовать с ней. Она была замечательной рассказчицей и многое помнила в деталях. Но за эти прошедшие до нашего знакомства десятилетия, к моменту моей встречи с Екатериной Александровной я уже многое узнал о своем герое...

Александр Александрович Кизеветтер родился 10 мая (по старому стилю) 1866 года в Петербурге. Его отец, Александр Иванович, служил заведующим архивом Главного штаба. Прадед со стороны отца был кузнецом в Зондергаузене (Тюрингия). Дед был музыкантом. Переселившись в Россию, дед дал начало русской ветви своей фамилии. Мать Кизеветтера, Александра Николаевна, происходила из рода Турчаниновых и была внучкой известного церковного композитора протоиерея П.И. Турчанинова, а ее отец преподавал историю в гимназиях и училищах и был заметным деятелем Ведомства учреждений императрицы Марии.

В 1868 году семья Кизеветтеров переехала в Оренбург (Александр Иванович получил назначение на должность представителя Военного ведомства при генерал-губернаторе). Окончив оренбургскую гимназию, Кизеветтер в 1884 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. И конечно же, он, впрочем, как и абсо-

лютное большинство студентов, не мог оказаться вне сферы интеллектуального, духовного и душевного влияния знаменитого историка В.О. Ключевского и стал его верным учеником. Но не одному только Ключевскому обязан Кизеветтер своим блестящим образованием и сохранявшейся в нем до последнего дня потребностью познавать мир и делиться знаниями. Курс общей истории читал В.И. Герье, семинары по всеобщей истории вел П.Г. Виноградов, политэкономии учил С.Ф. Фортунатов, логику и психологию преподавал М.М. Троицкий, философии обучал Н.Я. Грот, историю русской литературы читал Н.С. Тихонравов, историю всеобщей литературы — Н.И. Стороженко, Алексей Н. Веселовский и др. И еще в университетские годы Кизеветтер, по его собственному признанию, «предавался театральному запою» — наслаждался игрой М.Н. Ермоловой, Г.Н. Федотовой, А.П. Ленского, А.И. Южина, Садовских. Но основным местом его времяпрепровождения был читальный зал Румянцевской библиотеки.

Уже на третьем курсе Кизеветтер по совету Ключевского взял для своей кандидатской работы тему о служилом землевладении в Московском государстве XVI–XVII веков. Впоследствии из этого выросла первая печатная научная статья Александра Кизеветтера «Значение “перехожих четвертей” при мене поместий в XVIII веке», опубликованная во 2-м номере «Юридического вестника» за 1890 год.

По окончании в 1889 году курса обучения Кизеветтер оставлен при университете для подготовки к защите степени магистра по кафедре русской истории. И с этого времени началась его пожизненная просветительская работа.

Он преподавал историю в гимназиях, географию и историю в Лазаревском институте восточных языков, литературу в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1897 году, уже в качестве приват-доцента, А.А. Кизеветтер читает спецкурс в Московском университете, лекции на педагогических курсах, которые заменили закрытые в 1905 году Высшие женские курсы В.И. Герье, в Обществе воспитательниц и учительниц...

В 1903 году Кизеветтер издает книгу «Посадская община в России XVIII столетия». Работа над книгой длилась целых семь лет, этот серьезный труд сразу же поставил Кизеветтера в ряд крупных историков России. Книга была целиком построена на неизданных архивных материалах и освещала одну из интереснейших для исследователя общественной и государственной жизни России проблем — проблему администрирования и управления. Эта печатная работа была представлена к защите в каче-

стве диссертации на степень магистра русской истории. Защита состоялась в Московском университете в декабре 1903 года. Оппонентами были историки В.О. Ключевский и М.К. Любавский.

Помимо научной деятельности Кизеветтер принимал активное участие в работе Московского комитета грамотности, где руководил Исторической комиссией. Комитет занимался вопросами снабжения сельских школ книгами и учебными пособиями. Кроме того, Кизеветтер работал в Комиссии по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний. Много сил вкладывал Александр Александрович и в дело создания лекционного бюро при комиссии (он был его председателем). А еще он посещал «Среды» Н.Д. Телешева, где сблизился со многими театральными деятелями.

Поднимающаяся в России волна политического движения захлестнула и Кизеветтера. Еще в 1901 году он участвовал в обсуждении программы намеченного к изданию за границей политического журнала «Освобождение» под редакцией П.Б. Струве. Правда, Кизеветтер тогда не сотрудничал в журнале, но способствовал тайному распространению его в России. В 1905–1908 годах политическая деятельность Кизеветтера была особенно активной. После обнародования Манифеста 17 октября он написал листовку, в которой изложил основные понятия конституционного права. В октябре 1905 года он присутствовал на собраниях учредительного съезда Конституционно-демократической партии, а в январе следующего года на II съезде партии Кизеветтер был избран членом ее Центрального комитета и оставался им вплоть до ликвидации партии. Одновременно он являлся еще и членом Московского городского партийного комитета и Комитета своего района, был активным участником предвыборных кампаний в 1-ю и 2-ю Государственные думы. Ездил по стране, выступал на митингах, агитировал. Совместно с В.А. Маклаковым написал пособие для партийных ораторов. На выборах во 2-ю Думу был выставлен кандидатом от кадетской партии и избран депутатом от Москвы.

После роспуска 2-й Государственной думы А.А. Кизеветтер несколько отошел от политики, вернувшись к научной и литературной работе. Но и в эти годы он много писал по общим и конкретным вопросам текущей жизни России.

Еще в 1903 году Кизеветтер стал членом редакции журнала «Русская мысль», с конца 1907 года формально был его редактором, а после того как П.Б. Струве взял редакторство, остался сотрудником журнала. Как публицист Кизеветтер выступал и на страницах газеты «Рус-

ские ведомости», а с 1906 года вплоть до закрытия газеты был ее постоянным сотрудником. Его статьи появлялись в «Русском богатстве», в «Образовании» и в «Журнале для всех».

В 1909 году издается его научный труд «Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комментария», который был представлен к защите на докторскую степень (30 мая 1909 года Кизеветтеру присуждена степень доктора русской истории). Он продолжает преподавать: в Московском университете, в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, на московских Высших женских курсах. В.О. Ключевский делает представление об избрании Кизеветтера профессором по кафедре истории России. Однако Министерство народного просвещения это представление не приняло из-за политической неблагонадежности А.А. Кизеветтера.

В 1911 году Кизеветтер вместе с К.А. Тимирязевым, П.Н. Лебедевым, Н.Д. Зелинским, С.А. Чаплыгиным, В.И. Вернадским, В.П. Сербским и др. (всего около ста человек) оставил университет в знак протеста против увольнения из-за конфликта по поводу упразднения автономии высшей школы ректора профессора А.А. Мануйлова, его помощника профессора М.А. Мензбира и проректора профессора П.А. Минакова.

Тем временем появляются новые научные труды Кизеветтера: «Исторические очерки» (1912), «Исторические отклики» (1915), составленные из ранее опубликованных статей по русской истории XVIII–XIX веков. В 1915 году выходит книга «Гильдия московского купечества», написанная по просьбе Московского купеческого общества, а в 1917 году — первый том материалов о Нижегородской ярмарке с общим предисловием А.А. Кизеветтера.

Но пришел февраль 1917 года, и рухнул государственный строй России. Отношение к происходящему у Кизеветтера неоднозначное. Он снова активно выступает в печати, в основном в «Русских ведомостях»: пишет статьи — об отречении Николая II, о Партии народной свободы, о войне до победного конца, осуждает большевизм и его программу, выступает в защиту республиканского парламентаризма и конституционных свобод и т.д. и т.п. Кизеветтер был убежден, что Февраль пришел с опозданием для решения самодержавных и сословных проблем, но слишком рано для решения правовых и духовных вопросов.

К октябрьским событиям 1917 года отношение Кизеветтера уже четко определено: он категорический противник революционных преобразований и политики большевиков.

В марте 1917 года Кизеветтер вернулся к преподавательской работе в Московском университете, а с декабря 1918 года по приглашению А.И. Южина читает лекции по русской истории в театральной школе при Малом театре. Как член культурно-просветительского отдела Московского областного совета кооперативных объединений он ездит с лекциями по области, принимает участие в работе кооперативного издательства «Задруга». В 1919–1922 годах он сотрудник Главархива, а с июня 1922 года заведует Центральным архивом Высшего совета народного хозяйства.

Как член Центрального комитета партии кадетов Кизеветтер постоянно находился под присмотром со стороны ЧК и трижды подвергался арестам. Уже в конце ноября 1917 года партия кадетов была запрещена и объявлена вне закона. По меткому определению А.И. Солженицына, эта партия была «при царе крайняя зараза революции, а при власти пролетариата — крайняя зараза реакции»¹.

Первый раз Кизеветтер был арестован вместе со всей семьей 29 (16) сентября 1918 года как заложник. После убийства председателя Петроградского ЧК М. Урицкого и покушения на жизнь Ленина (30 августа) было дано указание немедленно арестовать «значительное количество заложников». В ответ на террористические акты только по постановлению Петроградской ЧК было расстреляно 500 человек заложников. Так был введен институт заложников².

Ордер на арест был подписан Дзержинским и Ксенофоновым. В защиту Кизеветтера в октябре в ВЧК обратились со своими письмами советы старост историко-филологического факультета Московского университета, Московского коммерческого института, московских Высших женских курсов. В письме заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского от 12 октября 1918 года говорилось:

Дальнейшее пребывание в тюрьме грозит А.А. Кизеветтеру самыми печальными последствиями для его здоровья и прекращением его столь известной и ценной научной деятельности, чем будет нанесен большой ущерб делу народного просвещения. Народный комиссариат по просвещению убедительно ходатайствует в срочном порядке рассмотреть дело А.А. Кизеветтера и его семьи на предмет освобождения, если не встретится к тому каких-либо препятствий под домашний арест³.

После краткого пребывания на Лубянке Кизеветтер просидел три с половиной месяца в Бутырской тюрьме. Там он перевел книгу Ф. Шарль-Ру «Александр II, Горчаков и Наполеон III» (Париж, 1913) специально для издательства М. и С. Сабашниковых, но книга не была издана.

5 декабря 1918 года Президиум коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией постановил: «...как бывшего члена ЦК кадетской партии Александра Александровича Кизеветтера оставить в заключении в концентрационном лагере»⁴.

В самом начале января 1919 года совет старост 2-го Московского государственного университета отправил телеграмму председателю Совнаркома. Эта телеграмма сохранилась с резолюцией Ленина: «Лацису и Петерсу на заключение и сообщение мне»⁵.

По распоряжению М. Лациса 13 января 1919 года (по старому стилю 31 декабря 1918 года) Кизеветтер был освобожден. Однако только на заседании коллегии юридически-следственного отдела ВЧК, состоявшегося 11 февраля 1919 года, было постановлено: «...освободить; дело сдать в архив»⁶.

В ноябре 1919 года Кизеветтер был арестован вторично в связи с делом Национального центра, по которому были расстреляны общественный деятель Н.Н. Щепкин, председатель школьного совета А.Д. Алферов и его жена А.С. Алферова, начальница гимназии, профессор Института инженеров путей сообщения А.А. Волков и др. Задержан Кизеветтер был на две с лишним недели. Следует заметить, что тогда едва ли не вся московская интеллигенция была привлечена к дознанию и даже побывала в стенах ЧК. Даже К.С. Станиславский и И.М. Москвин провели под арестом один день.

В третий раз Кизеветтер был арестован губчека в Иваново-Вознесенске вечером 28 марта 1920 года. В то время в Иваново располагался Рижский политехникум, в котором ученый работал. А.А. Кизеветтеру, Р.Ю. Випперу, М.М. Богословскому как «выразителям буржуазной культуры» было запрещено чтение лекций в высших учебных заведениях Москвы. В ночь с 29 на 30 марта Кизеветтер был препровожден в Москву и просидел под арестом без всяких обвинений и объяснений около месяца. Во всяком случае, в архивно-следственном деле никаких материалов, кроме телефонограммы Иваново-Вознесенского губчека, не содержится. Можно предположить, что арест был связан с делом так называемого Тактического центра, по которому проходили профессор С.А. Котляревский, историк С.П. Мельгунов и многие другие. О деятельности Тактического центра рассказал член военной комиссии центра князь С.Е. Трубецкой в своих воспоминаниях «Минувшее», переизданных в Москве в 1991 году. Он был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет заключения, а затем в 1922 году был выслан из России. В показаниях С.А. Котляревского

(3 марта) и Н.Н. Виноградского (15 и 20 февраля) имя Кизеветтера как члена ЦК кадетской партии связано с Тактическим центром и упомянуто несколько раз⁷.

В начале августа 1922 года на квартире Кизеветтера был произведен обыск. Затем по постановлению Государственного политического управления последовала его высылка. 16 сентября Кизеветтер покинул Москву, в которую ему не суждено было вернуться.

Еще в мае 1922 года Ленин в письме Дзержинскому писал по этому поводу: «Надо это подготовить тщательно. Без подготовки мы наглумим». Он предлагал более внимательно просматривать некоммунистические издания и «собирать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей»⁸ для вынесения решения о высылке их за пределы России. 10 августа 1922 года Калинин подписывает декрет, в котором в число мер наказания за проступки против государственных интересов России «в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности в РСФСР в административном порядке»⁹.

Итак, в конце сентября 1922 года Кизеветтер в числе первых мыслителей, ученых, писателей, инженеров — словом, в числе лучших людей России на пароходе «Oberbürgermeister Hacken» был выдворен за пределы отечества. Его спутниками стали Н.А. Бердяев, С.Е. Трубецкой, С.Л. Франк, Ю.И. Айхенвальд и другие. Всего примерно двести человек. Инициатором этой акции был Лев Троцкий. Позже эта карательная акция, трагическая для науки и культуры новой России, получила название «философский пароход».

И вот теперь, представив читателю краткую биографию Александра Александровича Кизеветтера, обратимся к живым воспоминаниям его дочери Екатерины Александровны Максимович, записанным мной с ее слов.

После окончания Кооперативного института я работала в таком учреждении со странным названием — Центролен¹⁰. Однажды, кажется, это было в конце июля или самом начале августа 1922 года, ко мне на работу пришла сестра и сказала, чтобы я отпросилась с работы. — «Через три дня, — заявила она, — мы уезжаем за границу». Я вытаращила глаза. Она объяснила, что вызывали в чрезвычайку не только отца, но и многих других известных лиц для беседы и велели всем им срочно принести фотографии для оформления документов на высылку. Отъезд растянулся месяца на полтора. Нужно было решить вопрос о стране, которая могла бы принять высылаемых. По Рапалльскому договору

это могла сделать Германия. Условия сбора для тех времен были довольно терпимые. Во-первых, можно было продать какие-то вещи и взять с собой определенную сумму денег. Мы продали рояль и еще кое-что. Во-вторых, можно было взять с собой немного книг и фотографий.

Отъезжающие зафрахтовали пароход от Шлиссельбурга до Штеттина (ныне Щецин. — В.Н.).

Накануне отъезда я ходила на вечер в Центролен. Помазала губы свеклой, надела платье, пошитое из занавесок, а через день надо было уезжать в Петроград. В купе с нами ехал Николай Александрович Бердяев¹¹. Среди высылаемых были писатель М.А. Осоргин¹², публицист А.Ф. Изюмов¹³, философы И.А. Ильин¹⁴, С.Е. Трубецкой¹⁵, редактор «Русских ведомостей»¹⁶ В.А. Розенберг¹⁷ и многие другие. В изгнание ушли люди, отношение которых к воцарившемуся в России режиму было неизменно сдержанным или отрицательным. Некоторые говорили, что идею о высылке ученых, писателей и философов Ленину подсказал Горький.

Вокзал был полон провожающих. Время было голодное, и многие принесли для своих отъезжающих пакетики со съестным. И потом долго-долго махали вслед уходящему поезду.

Перед отъездом к нам домой пришла группа студентов попрощаться. Отец читал им лекции в Московском университете и в Народном университете Шанявского. Кстати, за революционную деятельность он трижды арестовывался и сидел в тюрьме. Несколько раз арестовывали и меня.

В Петрограде мы жили в гостинице «Астория». Вечером 28 сентября на немецком пароходе «Oberbürgermeister Hacken» отплыли из Петроградского порта в Кронштадт, а затем взяли курс на Штеттин. Только в ночь на 2 октября наш корабль пристал в Штеттине, откуда мы переехали в Берлин, где прожили три месяца.

О настроении папы в те годы нетрудно догадаться. Чувство тоски владело им чуть ли не с самого первого дня высылки. Сохранились его стихи. Вот одно из стихотворений пражского периода:

Из-за чего в изгнании томлюсь?
Из-за чего мне грубо путь заказан
К твоим полям, измученная Русь?
Ведь я с тобой сыновней связью связан!

Из-за чего я не могу вдохнуть
Родного воздуха, который, дух врачаю,
Вливает силы в ноющую грудь?
Из-за чего здесь дни свои влачу я?

Из-за того ль, что я не запятнал
Своей души изменническим торгом
И палачей России не лобзал
С подобострастно-напускным восторгом?

Из-за того ль, что им хвалы не расточал,
Не покупая их блага позором?
Но гордо и презрительно молчал
И жалил их своим немым укором!

Берлин, где существовала большая русская колония, стал для многих изгнанников промежуточным пунктом, откуда они постепенно разъехались по белу свету.

П.И. Новгородцев¹⁸ и П.Б. Струве¹⁹ звали папу в Прагу, русская диаспора которой по своему составу отличалась от берлинской, парижской, белградской. К этому времени Прага стала своеобразным русским академическим центром. И вот перед самым Рождеством мы покинули Берлин, и с 1 января 1923 года Прага стала нашим постоянным прибежищем.

Сохранилось свидетельство самого папы о первых месяцах нашей жизни в Чехии. Вот взгляните на черновик его письма. 3 апреля 1923 года он писал актрисе Малого театра Гликерии Николаевне Федотовой²⁰, с которой был дружен:

«Глубокоуважаемая Гликерия Николаевна,

Все это время, с момента выезда за пределы России, мы не переставали вспоминать Вас и много раз хотели писать Вам, но жизнь была довольно хлопотливая, пока наконец мы не осели окончательно здесь, в Праге, где я состою теперь профессором юридического факультета²¹. Пользуясь некоторой передышкой в работе по случаю празднования, исполняю свое давнишнее желание написать Вам. Прежде всего, прошу принять мои сердечные поздравления со Святым праздником. Дай Вам Бог встретить и провести праздник возможно спокойнее, с некоторым хотя бы отдыхом от Ваших страданий.

Позвольте описать Вам вкратце нашу жизнь. Около трех месяцев по выезде из России мы прожили в Берлине. Попали как раз на резкое и неудержимое вздувание цен. Начали понемногу проживать привезенное из России, томясь бездействием и неизвестностью относительно будущего. Правда, я тотчас получил несколько литературных заказов, но это было мало для спокойного и твердого устройства жизни. У меня была одна надежда — на Прагу, где русские профессора получают правительственную чешскую стипендию и обучают русских же студентов. И вот в декабре эта надежда оправдалась. Я получил приглашение от чешского правительства и принял его.

Уже четвертый месяц мы живем в Праге. Мне здесь нравится. Город красивый, колоритный, оригинальный. Бывали ли в нем? Компания профессоров очень приятная, русские студенты настроены серьезно, хорошо работают. Местное население относится к русским в высшей степени радушно. Все это помогает переносить некоторые неудобства здешней жизни: плохой климат, туманный и серый, и полное отсутствие подходящих квартир. Мы до сих пор живем в двух комнатах в профессорском общежитии.

Екатерина Александровна поясняет, что Кизеветтеры «сначала жили на квартире историка Георгия Владимировича Вернадского²², который в это время уехал с семьей в Париж, а затем поселились в одном из пражских районов, Слободарне, в доме для холостых рабочих». Там же жил и Н.О. Лосский с семьей.

Это общежитие дорогое и, кроме того, расположено среди фабрик, которые наполняют воздух копотью и тяжелыми запахами. Впрочем, на лето, с 1 мая, нам удалось нанять дачу в прекрасной местности, на реке, среди гор.

Я много работаю. Прочитал здесь два публичных курса. Они прошли с большим успехом. Бывало много народу — и русских, и чехов. На две недели ездил в Берлин тоже для чтения публичного курса. Теперь меня зовут в Лондон. Но я еще не решаюсь.

Есть здесь русский театр, субсидируемый чешским правительством. Им руководит Сургучев²³ (автор «Осенних скрипок»). При нас тут долго гастролировала Полевицкая²⁴. На Пасхе будем справлять юбилей Островского. Я буду читать о нем. А в дальнейшем предполагается поручить мне читать историю русского театра для драматических курсов при театре. Открывается и русская опера с Касторским²⁵ во главе. Как видите, здесь ценят русскую культуру, и жить здесь можно как бы в атмосфере настоящей русской интеллигентной жизни.

Примите, дорогая Гликерия Николаевна, еще раз мой горячий привет. Всегда помню и часто перебираю в мыслях те беседы с Вами, которые так освежали душу, подымая ее высоко-высоко над окружающей действительностью в области поэзии и художественной красоты.

Передайте, пожалуйста, мои сердечные приветы Екатерине Ивановне²⁶, Ал.Ал. Яблочкиной²⁷, Е.Д. Турчаниновой²⁸ и всем, кто помнит меня. С глубочайшей душевной преданностью.

А.К.»²⁹

По приезде в Прагу Кизеветтер сразу же включается в научную и общественную жизнь: он был избран членом Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике, вошел в состав Русской академической группы, объединявшей всех живших в Чехословакии преподавателей российской высшей школы, стал членом Русского института в Праге, профессором русской истории Русского юридического факультета, принял участие в создании и работе Русского народного университета и в течение многих лет был председателем его историко-филологического отделения, читал курс истории в Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского.

А.А. Кизеветтер, как мы помним, был блистательным лектором и даже написал пособие по ораторскому искусству. Он выступал с про-

светительскими чтениями по различным областям знания в городах Чехословакии, Подкарпатской Руси, Прибалтики, Болгарии, Югославии. Одно из его выступлений в Карпатах завершилось небывалым триумфом: восторженные слушатели на руках несли профессора из аудитории к экипажу.

В конце 1924 года в Праге прошел III съезд русских академических организаций за границей, на котором обсуждался вопрос о создании Русского исторического общества, одним из членов-учредителей которого стал А.А. Кизеветтер. (Открытие и первое заседание общества состоялось 7 апреля 1925 года.) Впоследствии, в 1930 году, Кизеветтер вошел в состав президиума общества, позже стал его председателем.

Особо следует оговорить деятельность Александра Александровича в Русском заграничном историческом архиве. Архив был создан в 1923 году, вскоре после приезда Кизеветтера в Прагу, по инициативе пражского Земгора (Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей).

Кизеветтер был активным сторонником совместного участия историков и архивистов в работе архива. Вместе с известными историками В.А. Мякотиным, Е.Ф. Шмурло, Б.А. Евреиновым, А.Ф. Изюмовым, А.В. Флоровским, И.О. Панасом и другими он вошел в состав коллегиального органа управления архивом, став впоследствии его председателем. Именно такой блестящий коллектив ученых превратил архив в научное учреждение общерусского национального значения.

Архив вел большую работу по сбору документальных материалов по русской истории. В марте 1928 года Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики приняло от Земгора архив в свое ведение и на свой бюджет. К этому времени он занимал более двадцати комнат старого Тосканского дворца в Градчанах и состоял из следующих основных отделов: «документов», «книжно-журнального и газетного», «донского», «казачьего».

К сожалению, научная деятельность Кизеветтера не могла развернуться в полной мере, так как Александр Александрович был исследователем внутренней жизни России, а в Праге архивов с необходимыми ему документами по этому вопросу не было. И вероятно, по этой причине ему не удалось написать в эмиграции органичного, значительного продолжения своих русских исторических исследований. В эти годы он опубликовал вторым изданием книгу «М.С. Щепкин» (Прага, 1925), работу «Выдающиеся русские артисты» (на чешском языке; Прага, 1926), брошюру «Московский университет» (Прага,

1927), книгу очерков «Исторические силуэты: Люди и события» (Берлин, 1931).

Вообще, все написанное Кизеветтером в его пражский период, — этюды, статьи, очерки, рефераты, рецензии — печаталось обычно на страницах толстых журналов, пользовавшихся вниманием широких кругов русской интеллигенции: «Современных записок» (Париж), «Студенческих годов» (Прага), «Slavia» (Прага), в сборниках «Крестьянская Россия» (Прага), «На чужой стороне» (Берлин — Прага). Он был постоянным автором берлинской газеты «Руль» (издававшейся на русском языке И.В. Гессеном; сотрудничество продолжалось до 1931 года, то есть до самого конца существования газеты). С 1923 года Кизеветтер печатался в русской газете «Сегодня», выходившей в Риге. Активно выступал в журнале С.П. Мельгунова «Борьба за Россию» и в газете «Возрождение» (в первые месяцы ее издания).

В своих устных и печатных выступлениях Кизеветтер неизменно размышлял о судьбах России, защищал ценности русской культуры и, будучи сторонником демократической, парламентской формы государственного правления, осуждал диктатуру большевиков. Этот перечень проблем, волновавших Кизеветтера, далеко не полон, но все же он дает некоторое представление о духовной и гражданской энергии этого замечательного человека. За 1923–1933 годы Кизеветтер опубликовал около 500 работ! И конечно, длинный список его публикаций и научных трудов символически завершает книга мемуаров «На рубеже двух столетий».

Книга увидела свет в 1929 году в пражском издательстве «Орбис». (В 1997 году была переиздана московским издательством «Искусство».) Это было издание Русского заграничного исторического архива — первый выпуск серии мемуаров. Книга была встречена с восторгом. Даже такой взыскательный критик, как Марк Алданов, откликнулся положительной рецензией в «Современных записках»³⁰.

Нельзя не отметить высокой исторической, документальной и литературной ценности этих мемуаров. Перед нами проходят картины российской общественной жизни, фигуры замечательных личностей своего времени. И то, как умно это описано, как тонко оценено, как глубоко проанализировано, составляет неоспоримое достоинство воспоминаний.

Свой труд Кизеветтер начал еще в 1923 году, сразу после высылки из России. Вначале это были отдельные очерки. Всерьез он взялся за мемуары в 1926 году. Даже после выхода книги Александр Александр-

рович не прекратил уже привычную работу. Параллельно он писал начальные главы к воспоминаниям — «Оренбург. 1866–1881» и продолжение их — «Мои тюрьмы. [1919–1921]». Отдельные главы, отредактированные, вернее выхолощенные для газетной публикации, печатались в 1932–1933 годах в рижской газете «Сегодня».

И все же... Вот какой, казалось бы, парадокс: в жизни, до краев заполненной научной и общественной деятельностью, Кизеветтер чувствовал себя одиноким. Он похоронил жену, падчерицу, заболел диабетом... и все это случилось с ним в эмиграции, на чужбине. Вдали от родных мест и родных лиц, вдали от непонятных чужим малых и милых житейских и духовных мелочей, что на своей стороне могли бы и согреть, и утешить. Свою скрытую ото всех печаль и одиночество Кизеветтер смог выразить в слове — в цикле стихотворений, написанных во второй половине 1920-х годов...

Александр Александрович Кизеветтер скончался на шестьдесят седьмом году жизни 9 января 1933 года, в пятом часу утра. Екатерина Александровна Максимович вспоминает:

Дня за три отец выступал перед студентами. 6 января в кухне зажгли маленькую елочку. Встречали Рождество. Впечатление было такое, будто папа отсутствовал. Мы должны были отправиться к Розенбергам, Владимиру Александровичу³¹, экономисту и публицисту. В этом доме жили Кускова³² и Прокопович³³.

Папа в этот день делал рождественские визиты. Он направлялся к Лосским³⁴. Вдруг является Кускова и говорит, что папе плохо. Он у графини Паниной³⁵. Я быстро пошла туда и нашла папу в припадке. Там уже был доктор Альтшуллер³⁶, который лечил когда-то Чехова. Папа умер в полном сознании и за несколько часов до смерти еще думал о собрании правления Исторического общества, которое должно было состояться в его рабочем кабинете. И, как всегда, шутил. Когда речь зашла о грелке, за которой надо было подняться в квартиру В.М. Чернова³⁷, бывшего председателя Учредительного собрания, папа сказал: «Сейчас грелку из Учредительного собрания принесут». Умер отец к утру 9 января.

На следующий день газеты сообщили о кончине папы.

Погребение состоялось в четверг 12 января в два часа дня на православном кладбище на Ольшанах. Памятник на могиле был установлен на средства, собранные Русским историческим обществом.

В одну из наших встреч Екатерина Александровна Максимович передала мне прижизненные рукописные копии задуманных книг ее отца, сделанные Анастасией Сергеевной Петрункевич («Оренбург. 1866–1881» и «Мои тюрьмы. [1919–1921]»). Они хранятся в Рукопис-

ном отделе Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ.

У нас есть возможность представить текст «Моих тюрем» читателям. Это не беспристрастный, а захватывающе интересный рассказ об эпохе. В нем время видится рельефно, ярко, близко. Это голос подвижника и просветителя, жившего в сложные для его страны времена в мире наук и идей, страстно любившего жизнь, и людей, и эту страну.

Следует оговорить, что первая часть воспоминаний Кизеветтера печатается непосредственно по рукописи, хранящейся в Рукописном отделе ЦНБ СТД РФ³⁸, а вторая, так и не завершенная автором (рукопись не сохранилась), — по публикации в рижской газете «Сегодня»³⁹.

А.А. Кизеветтер

МОИ ТЮРЬМЫ

[1919–1921]

Часть I БУТЫРКИ

I

Когда в ноябре 1917 года после нескольких дней непрерывной пальбы в Москве вдруг наступила зловещая тишина, знаменовавшая собою победу большевиков, я сказал жене⁴⁰: «Теперь надо готовиться к казенной квартире». У жены болезненно сжалось сердце, и она нервно бросила мне в ответ: «Ах, не говори так!»

Прошло около года, прежде чем для нас началась полоса «казенных квартир». Первоначально большевики как будто сами были удивлены своей победой и нисколько не верили в прочность своего положения: они словно пробовали почву и на открытые проявления к водворению их власти не решались отвечать немедленной террористической расправой. Помнится, когда во время представления в Большом театре впервые в царской ложе появились фигуры большевистских комиссаров, публика встала с своих мест и, обратившись к царской ложе, долго кричала в негодовании: «Вон! Долой!» И большевики претерпели эту демонстрацию, не решившись как-либо на нее отозваться. Месяца через два такой эпизод стал уже совершенно невозможен. Тогда без всякого повода, по одним только смутным подозрениям о том, что в театре может находиться какой-либо злоумышленник, стали время от времени объявлять всю публику задержанной и выпускать ее по одному человеку, причем каждый подвергался обыску и осмотру документов, и для некоторых эти осмотры кончались арестом. Надо только удивляться тому, что возможность такого финала проведенного в театре вечера все-таки не отбивала охоту у москвичей искать в театрах эстетических впечатлений.

Пока большевики осматривались и приноравливались, пока они чувствовали себя еще в значительной мере висящими в воздухе за отсутствием сколько-нибудь налаженного аппарата властвования и политического сыска, добольшевистская общественность, словно по

инерции, продолжала двигаться по прежним рельсам. Продолжали выходить прежние газеты, и в них печатались весьма резкие статьи против распоряжений большевистской власти. Я сам поместил в «Русских ведомостях»⁴¹ не одну статью такого рода и без всякой оглядки называл в них вещи своими именами. Политические партии, враждебные большевикам, имели еще возможность открыто держать свои бюро и устраивать заседания своих комитетов. В то время как некоторые кадетские лидеры, и в том числе Милюков⁴², уже умчались на юг, за пределы большевистской досягаемости, Партия народной свободы⁴³ не спускала своего флага и даже устроила в Москве открытый съезд, на котором обсуждался вопрос о международной ориентации. А в Москве уже сидел германский посол при большевистском правительстве Мирбах⁴⁴, оставшийся весьма недовольным резолюцией этого кадетского съезда, провозглашавшей необходимость противогерманской ориентации. Кажется, именно от Мирбаха как раз и изошли первые указания на невозможность терпеть доле Партию народной свободы. Упомянутый съезд и явился лебединой песнью названной партии как открытого политического сообщества. Тотчас после съезда последовал новый отлив видных кадетов на юг: уехал Винавер⁴⁵, другие делали приготовления к отъезду. Товарищи по партии начали усиленно уговаривать меня также покинуть пределы большевистской России; одни звали меня с собой на юг, другие в Сибирь.

Я сразу принял на этот счет определенное решение: сидеть на месте и никуда не двигаться. Надо заметить, что в тот момент покидавшие большевистскую Россию бежали не столько от большевиков, сколько от немцев, в скором приходе которых в Москву очень многие были твердо уверены. Большевики, правда, уже начали усиленно навинчивать свою власть и пробовать приемы столь чудовищно разросшегося затем кровавого террора. Но у них все еще не было той силы, которая появилась впоследствии, и еще не исключалась возможность изменения против них общего политического положения. Опасность полагалась лишь в том, что они откроют немцам двери к Москве, и приход немцев рассматривался как неминуемая гибель для тех политических деятелей, которые связали свою деятельность с верностью России Антанте⁴⁶. А скоро стало известным, что большевики заранее идут немцам навстречу в этом отношении. Партия народной свободы была объявлена собранием «врагов народа», и это объявление

было развешено во всеобщее сведение по всем улицам. Стало известным, что большевиками уже подписаны приказы об аресте членов Центрального комитета Партии народной свободы. Тогда последовал новый ряд нелегальных отъездов на юг. Снова стали уговаривать и меня последовать их примеру. Я не изменил своего первоначального решения. Я отдавал себе ясный отчет в грозящих мне опасностях. Но эмигрировать вместе с семьей представлялось в тогдашних условиях совершенно невозможным. А бросить семью на произвол зловещих случайностей и разъединиться с ней в столь опасное время я чувствовал себя не в силах. Я не колебался ни минуты. Какое-то безотчетное чувство повелевало мне остаться на своем месте, несмотря ни на что. Ввиду дошедшего до меня известия о том, что подписан приказ о моем аресте, я только решил покинуть на время свою квартиру и стал, как говорилось на Руси в давние времена, «меж двор скитаться». Нашлись истинные друзья, самоотверженно предложившие меня приютить с немалым для себя риском. Ушел я из своей квартиры как раз вовремя. Дня через два после того за мной явились чекисты с автомобилем. Им сказали, что меня нет в Москве. Они сделали легкий обыск и все добивались — где я нахожусь. Однако они удалились, не оставив никакой засады.

Между тем над партией разразился первый удар. В помещении партийного бюро в Брюсовском переулке был произведен обыск как раз в то время, когда там шло вечернее собрание, и все находившиеся на собрании лица были арестованы. В числе арестованных был Н.М. Кишкин⁴⁷. Их отправили сначала в Таганскую тюрьму, а впоследствии перевели в Бутырки. В Брюсовском переулке была захвачена и моя дочь Катя⁴⁸. Вот в тот вечер я и покинул свою квартиру. Конечно, я был до крайности взволнован участью дочери. Но, к счастью, ее отпустили на следующий день, и она вместе с моей женой пришли ко мне туда, где я обрел временный приют.

Я недолго пробыл «в подполье». Я чувствовал себя совершенно неспособным к такому существованию. Более всего меня тяготило сознание, что я ставлю в рискованное положение тех, кто предоставляет мне приют. Помимо того, мне было очень скучно прятаться и таиться. Да и по всему стало видно, что большевики как будто удовлетворились арестом Кишкина с компанией и не приступают к дальнейшим репрессиям. Я решил, что приказы об аресте

стах отложены и хода им не дано. Я вернулся домой, стал как ни в чем не бывало читать лекции в университете и без всякого стеснения разгуливать по улицам. Продолжал и публицистическую свою деятельность.

Так прошла весна и лето, и началась осень. Осенью снова стали обозначаться тревожные симптомы. 30 августа 1918 года Каплан стреляла в Ленина в Москве, а в Петербурге был убит Урицкий. Большевики воспользовались этими событиями для начала массового террора⁴⁹.

Между тем уже началась эпопея Гражданской войны. На юге Алексеев⁵⁰ приступил к формированию добровольческой армии. Корнилов⁵¹, Деникин⁵², Марков⁵³, вырвавшись из тюремного заключения в Быкове, пробрались к Алексееву на Дон⁵⁴. Все указывало на то, что со стороны Дона против большевиков скопляются грозные тучи. В то же время в Уфе возникло «временное правительство», которое тоже готовилось развернуть знамя борьбы с большевиками. В состав этого правительства были избраны и некоторые лица, находившиеся в пределах большевистской досягаемости; в том числе — Н.И. Астров⁵⁵, бывший еще в Москве. Ясно, что ему нельзя было оставаться там ни минуты. Но теперь уже не только стремление избежать личной опасности побуждало к отъезду политических деятелей. Они устремились за пределы властвования большевиков для того, чтобы принять непосредственное участие в начинавшейся вооруженной борьбе за освобождение России от большевистского ига. Астров и гр. Панина⁵⁶ спешно уехали на юг. Струве⁵⁷ уже находился там же. Новгородцев⁵⁸ вскоре последовал за Астровым.

Кучка оставшихся еще в Москве членов Центрального комитета Партии народной свободы собралась в одной частной квартире обсудить положение. Тут Юренев⁵⁹ заявил, что уезжает немедленно. Павел Долгоруков⁶⁰ сообщил, что уедет через некоторое время, Головин⁶¹ и я заявили, что остаемся.

Когда я возвращался домой, один знакомый, встретившийся мною на Кузнецком Мосту, воскликнул в тревоге: «Что вы разгуливаете? Разве вы не знаете, что ваши дни сочтены?» А я ощущал спокойствие человека, принявшего определенное и окончательное решение.

II

Накануне дня Веры, Надежды и Любви после ужина я прилег на диван с книжкой. Жена прилегла на кровати в той же комнате за перегородкой. Был одиннадцатый час вечера. Вдруг в передней звякнул короткий звонок. Он прозвучал как-то отрывисто и зловеще. Жена тотчас вскочила с постели и вышла из-за перегородки с побледневшим лицом и широко раскрытыми глазами.

— Это обыск, — сказала она в сильной тревоге.

— Ты думаешь? — спросил я недоверчиво.

И как бы в ответ на мой вопрос звонок зазвенел резко и учащенно. Мы как-то инстинктивно бросились в кухню, а там за входной дверью на черной лестнице уже гудел какой-то басистый грубый голос. Все сомненья исчезли: надо было отворять.

Жена пошла в переднюю отворять, а я остался за перегородкой. Я слышал, как жена отворила дверь, и передняя наполнилась людьми. У меня было такое чувство, что через секунду начнется какая-то совершенно новая полоса моей жизни, зловещая, долгая, которая Бог знает чем кончится. И мне хотелось вот эту еще оставшуюся секунду постоять без всяких мыслей, чувствуя себя пока еще на этом берегу, от которого я сейчас отстаю, быть может, безвозвратно. А в той же самой комнате, по другую сторону перегородки, кто-то уже спрашивал торопливым голосом:

— Гражданин Кизеветтер дома?

Я вышел. Молодой человек среднего роста и вызывающе-нахального вида, в какой-то форменной тужурке так и бросился ко мне, словно я он него убегал.

— Вы — гражданин Кизеветтер? — спросил он нервным, падающим голосом.

Я чувствовал себя спокойным, и мне было удивительно, что я спокоен, а он волнуется. Видно было, что этот субъект только начинает свою доблестную деятельность и вместо профессионального уверенного спокойствия ощущает потребность рваться в бой, бушевать и безобразничать во славу своих новых господ. Он подал мне ордер, в котором было написано, что в моей квартире должен быть произведен тщательный обыск, после которого я должен быть арестован.

— Вы член Партии народной свободы? — спросил он.

— Да.

— И член Центрального комитета?

— Да.

— Кто еще состоит в этом Центральном комитете?

— Не считаю нужным их называть. Мы не скрывались. Список членов Центрального комитета вы можете найти в газетах и в печатных изданиях нашей партии.

— Нам некогда разыскивать эти издания.

— Это меня не касается.

— А где ваш билет члена Центрального комитета?

— Никакого билета у меня нет. Мы не занимались этими пустяками.

— У вас должен быть билет.

— Повторяю, что его у меня не имеется.

В комнате стояла уже целая группа людей. Один из них произнес:

— А при других обысках мы уже находили такие билеты.

— Ну вот ищите, и если найдете — значит, я соврал, — ответил я.

Начался обыск. Не знаю, что может быть омерзительнее чувства, испытываемого при обыске. Тут совершенно забываешь о личной опасности, о предстоящем аресте и его возможных дальнейших последствиях. Все заслоняется ощущением гадливости, которое чувствуешь при виде того, как какие-то нахалы с сознанием своей власти и правоты перерывают вашу квартиру, ваши вещи, ваши бумаги и письма, и вы должны присутствовать при этом, как при каком-то правильном акте, диктуемом законами общежития. Я не испытывал негодования. Все оттенки чувства тонули в одном ощущении гадливости, презрения. Обыскватели суетились, их руки поспешно ерзали по вещам и бумагам, глаза жадно впивались в разные предметы. Жена была нервно возбуждена. С ее уст сорвались несколько резких фраз. Это было точно нечто желанное для субъекта, руководившего обыском. Он начал давать грубые ответы. Я успокоил жену, и мы молча следили за обыском. Я чувствовал, что для обысквателей наше молчание досаднее всего. Им именно хотелось слышать протесты и возражения, чтобы получить случай накричать на нас и тем проявить свою власть. Повторяю, они, видимо, «рвались в бой» и, не находя для этого предлога в моем презрительном равнодушии, чувствовали какое-то разочарование. Тогда они стали задирать меня. Субъект, усевшийся за письменным столом и расшвыривавший там бумаги в то время, как его помощники рылись в наших постелях, начал задавать мне какие-то иронические вопросы насчет моего отношения к советской вла-

сти. Я ответил совершенно спокойно и односложно, что все предписания власти исполняю.

— Да, — сказал он повышенным тоном, — но вы при этом ее ненавидите.

— Вы хотите, — ответил я, — чтобы все люди думали и чувствовали одинаково, вы понимаете сами, что это невозможно.

На дальнейшие его фразы я уже не подавал никаких реплик. Я ни за что не хотел доставить ему удовольствия вступить со мной в политические прения, и это, видимо, злило его. Да, предо мной был не специалист своего дела, отправляющий профессиональную обязанность с привычным самообладанием и спокойствием. Предо мной был нахал, и притом неумный, желавший покуражиться надо мной и не умевший это сделать. А в то же время важные вещи он упускал из под носа. На письменном столе лежала рукопись моей статьи с очень определенными выпадами против большевиков. И вот пока этот нахал пускал в меня тупые стрелы своей глупости, Наташа⁶² незаметным образом, медленно и осторожно отодвигала от его руки эту рукопись и в конце концов совсем сняла ее со стола, унесла и уничтожила.

Когда в нашей комнате все было перевернуто вверх дном, обыскиватели перешли в комнату дочерей. Там нашли квитанцию об уплате взноса в Партию народной свободы.

— Вы тоже члены партии? — спросили их.

Они ответили утвердительно.

— Как вы относитесь к большевистской власти? — был дальнейший вопрос.

— Мы относимся к ней отрицательно, — отвечали дочери.

— Чего же с ними делать? Они тут все кадеты, — стали переговариваться друг с другом обыскиватели.

Руководитель решил быстро и просто:

— Арестуем тут всех, да и все, там уж разберутся.

Ордер был только на одного меня. Но это обстоятельство не остановило их. По телефону они вызвали автомобиль и велели нам всем собираться к отъезду. Жена и дочери стали увязывать белье и кое-что из пищи. Квартира представляла собой хаос. Все было перевернуто вверх дном. Вещи, бумаги были разбросаны горами. Теперь только обыскиватели заметили, что в квартире был еще мой кабинет, где находились другой письменный стол, наполненный бумагами, и большие полки, уставленные книгами. Они так и ахнули, и один из них сказал:

— Сущая беда обыскивать ученых, у них одних бумаг и книг не оберешься.

Было уже очень поздно. Обыскиватели устали и махнули рукой на мой кабинет, так и не тронув его. Спрашивается, какой же смысл ввиду этого имел весь вообще обыск? Ведь в кабинете-то и мог находиться какой-нибудь материал, обличающий какие-нибудь мои крамольные замыслы. Правда, там на самом деле ничего не было, кроме ученых книг и архивных выписок по моей специальности, но — ведь обыскиватели-то этого не знали. Вот разительный пример того, насколько плохо в первое время власти большевиков был у них оборудован аппарат Чеки. Это уже со временем они обзавелись для этого дела опытными специалистами, не со вчерашнего дня занимавшимися сими операциями.

Но вот автомобиль прибыл. Мы все одеты. Наши узлы у нас в руках. Нас выводят на лестницу. Прощай, наше гнездо! Вернемся ли мы опять сюда? Когда и при каких обстоятельствах? Вероятно, на радостях, что работа на сей день кончена, руководитель обыска вдруг сказал мне:

— А ведь я вас знаю, я ваши лекции слушал.

«Вот так медный лоб», — подумал я. Входную дверь в нашу квартиру заперли и приложили к ней печати. Мы сошли с лестницы и вышли на крыльцо. Моросил дождь. Воздух был теплый. Мы уселись, окруженные чекистами. Автомобиль тронулся по направлению к Лубянской площади.

III

Через три-четыре минуты нас уже подвезли к бывшему дому Российского страхового общества на Лубянской площади, где теперь помещалась Чека. Нас ввели в какую-то комнату, где некоторый субъект опросил наши имена, занес их в список, и нас повели по коридору. Сначала мы были подведены к женскому отделению. Здесь мне предстояло разлучиться с женой и дочерьми. Мы поцеловались крепко-крепко. Разбираться в своих чувствах было некогда. Нервы были натянуты. В голове не было ни одной ясной мысли. Меня повели в мужское отделение.

Вслед за своим конвойным я вошел в очень небольшую комнату. У правой стены ее были устроены из деревянных досок три миниатюрных будки, вроде телефонных. Оказалось, что эти будки слу-

жили одиночными камерами для более важных арестантов. У левой стены комнаты стояла длинная деревянная скамейка. Более в комнате ничего не было. У потолка висела зажженная лампа. Распахнутая настежь довольно большая дверь вела в следующую комнату.

Я заглянул туда. Там было темно. Это была комната длинная и широкая, вся уставленная низкими деревянными нарами. На этих нарах и некоторых столах, стоявших между нар, лежали заключенные. Храп наполнял комнату. Очевидно, где-нибудь тут и мне должно было найтись местечко. Но я не хотел будить спящих, да и ко сну меня совсем не клонило. Я решил дожидаться утра в первой комнате, сел на скамейку и положил рядом с собой свой узел. Было около четырех часов ночи. Я сидел и не мог собраться с мыслями, таким головокружительным вихрем пронеслись все только что разыгравшиеся события. Что с нами будет теперь? Об этом я не загадывал.

Скоро оказалось, что не все заключенные спали. Бессонница часто мучит тюремных затворников. Ко мне вышел из второй комнаты совсем молодой человек, почти юноша. Он был одет в черную куртку и был в высоких сапогах. Его лицо было желтое, темные круги виднелись под глазами. Он присел ко мне, и мы заговорили. Я узнал от него, что отец его близкий приятель того Николая Васильевича Давыдова⁶³, с которым я так сошелся по совместной деятельности в университете Шанявского. Юношу арестовали по обвинению в участии в какой-то противобольшевистской организации. Он уже просидел некоторое время в Бутырской тюрьме, и вот теперь его привезли из тюрьмы сюда, очевидно, для допроса. Здесь он нашел отца и мать, только что арестованных из-за него. Он был очень взволнован, с трепетом ожидал допроса, не мог заснуть и был рад новому собеседнику. Мы побеседовали до тех пор, когда рассвело и заключенные стали подниматься с нар. Начинался тягучий, нудный тюремный день. Теперь тишина сменилась многоголосым говором, зашмыгали люди, все по очереди отправлялись к умывальникам, потом стали подходить с чайниками к громадному котлу за кипятком.

Лишь только я вошел в общую комнату, меня тотчас взяли на abordаж несколько евреев, которые группой занимали место на койках у самой входной двери. Они предложили мне место на нарах среди своей компании, сказали, что знают меня по моей деятельности и хотят всячески обо мне позаботиться. Я сел с ними пить чай и оглянулся вокруг. Комната представляла собою вид грязно-

го третьесортного трактира, если не хитровской ночлежки. Все заключенные сидели на нарах, сбившись в группы и кучки. Каждая группа занималась совместным чаепитием. Иные бродили от одной группы к другой. Были тут люди самых различных одежд, состояний и возрастов. Я сейчас же познакомился с отцом моего ночного собеседника. Время от времени прибывали новые арестанты. Комната гудела, как пчелиный улей.

Сейчас же обозначилось, что эта случайно сбитая здесь в одну кучу толпа уже завела в своей среде зачатки элементарной организации. Эти кучки более сблизившихся между собою лиц, сидевших более или менее обособленными кружками, именовались «коммунами». Отправления некоторых очередных повинностей, например уборка камеры, принос откуда-то медного бака с кипятком перед общим чаепитием и прочее — распределялись по очереди между коммунами, а каждая из них уже внутри себя распределяла эти повинности между своими членами. Сверх того вся камера в совокупности избирала общего старосту, который держал верховные бразды правления над камерой и сносился с «начальством»: с караульными, тюремными надзирателями и прочими. Когда я прибыл в это логовище, старостой камеры состоял матрос с «Потемкина»⁶⁴. Не знаю, за что он попал в тюрьму, но говорили, что положение его весьма опасно и дело для него пахнет «стенкой». Это был высокий и довольно красивый молодой человек с тонким, бледным лицом, прекрасными глазами и чрезвычайно нахальным видом. От всей его фигуры веяло каким-то развратным щегольством. Он был эпилептик, и говорили, что с ним в камере случались припадки.

В первоначальных наблюдениях время быстро пролетело до того момента, когда началась раздача передач, т.е. припасов и вещей, принесенных заключенным с воли их родными и знакомыми. Надзиратели вносили эти передачи в первую комнату и сдавали их старосте. Староста уже передавал принесенное заключенным и при этом от всего съестного отделял часть для тех, кто ни от кого передач с воли не получал. Вся эта процедура вызвала большое оживление. К великому моему изумлению, вдруг выкликнули и мою фамилию. Значит, на воле уже знали, где мы находимся, и кто-то уже принял на себя попечение о нашем питании. Я подошел к старосте и получил от него горшочек с гречневой кашей и узелок с хлебом и вареными яйцами. При этом прилагалась записка с перечислением принесенных для меня вещей. Я должен был расписать-

ся в получении и возратить записку надзирателю. Записка была без подписи, но по почерку я узнал, кто был наш добрый гений. Это была Элиза Романовна Нилендер⁶⁵, ранее жившая у нас гувернанткой наших детей, а теперь жившая отдельно, но каждое утро приходившая к нам. Очевидно, она, придя к нам, нашла двери нашей квартиры запечатанными, узнала от дворника о всем, что произошло, и тотчас же приняла энергичные меры для выяснения, где мы находимся, и соорудила для нас первую передачу.

Когда суeta и оживление, вызванные получением передач, полеглись, заключенные опять расселись по кучкам и принялись обедать. Сразу стало видно, что без передач с воли все были бы осуждены на голодание. Казенный обед, который разносили дежурные уборщики, состоял всего из кипяченой воды, в которой плавали жалкие листочки капусты.

Я сидел со своими евреями, ел кашу и яйца, но евреи, кроме того, стали угощать меня жареной уткой и еще какими-то деликатесами. «Не стесняйтесь, кушайте, — говорили они, — нам это нарочно присылают, чтобы кормить здесь хороших людей». Может быть, я грешу против этих евреев, но мне почему-то стало вдруг не по себе — какое-то смутное подозрение запало в душу. Пообедав, я стал ходить по первой комнате. Один из евреев тотчас присоединился ко мне. Начался разговор. Он начал наводить беседу на причины моего ареста. Я еще больше насторожился, особенно когда он начал в резких выражениях возмущаться большевиками.

— За что вас могли арестовать? — спрашивал он.

— Я не сомневаюсь в том, что меня арестовали просто на всякий случай, ввиду того, что я был членом Партии народной свободы, ибо никаких иных поводов для ареста я не подавал, — отвечал я ему.

Он стал говорить о том, что хотел бы продолжать со мной знакомство и по выходе нашем из тюрьмы. Я уже мало слушал его. Все мои мысли были направлены на жену и дочерей, — как-то они чувствуют себя, что с ними будет далее, когда их выпустят на свободу? — таковы были вопросы, неотступно стоявшие передо мною.

Между тем в главной нашей комнате начались какие-то прения. Староста-матрос развязным тоном делал какое-то предложение по части распорядка в камере. Кто-то начал было возражать. Староста заявил, что он только передает волю надзирателя. Все тотчас примолкли. Но выступил мой еврей. Он начал весьма резко

нападать на начальство. Тут моя подозрительность поднялась еще на несколько градусов. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. Передо мной стоял высокий господин с длинной бородой и симпатичным выражением лица. Я его уже раньше заметил.

— Переходите-ка в нашу коммуны, — сказал он, — у нас освободилось на нарах одно местечко. А против этих евреев я вас предостерегаю, что-то тут с ними неладно.

Я с удовольствием принял любезное предложение, поблагодарил евреев за любезное внимание и, сказав, что нашел здесь своих знакомых, перебрался на «новую квартиру». Мой новый покровитель оказался бывшим военным судьей. Он уже сидел порядочно времени в Бутырской тюрьме и вот теперь привезен был на Лубянку для допроса, подобно моему ночному собеседнику. Он был очень симпатичен, и я радовался новой компании.

Мое место на нарах пришлось между судьей и каким-то атташе румынского посольства, который говорил по-русски, хотя и очень плохо. В составе этой группы был и мой ночной собеседник со своим отцом, и еще несколько лиц, знакомых с Н.В. Давыдовым, так что я почувствовал себя среди «своих». Около девяти часов вечера нужно было уже ложиться спать. Лишь только я растянулся на своем ложе, как тотчас почувствовал, что попал в царство клопов. Они ползли по подушке, по одеялу, по моим соседям. Это было стихийное бедствие, которому оставалось только безропотно покориться, было очевидно, что тут никакая самооборона невозможна, в этой скученности и грязи.

Впрочем, скоро другое обстоятельство совершенно отвлекло мое внимание от клопов. Двери, ведущие из нашей камеры в первую комнату, вдруг захлопнулись с резким шумом. Мой сосед пришел в неопишемое волнение.

— Ах, боже! На сегодняшнюю ночь запирают двери! — воскликнул он, задыхаясь, — знаете ли вы, что это значит? — И он стал рассказывать мне страшные вещи.

IV

— Если запирают двери в первую комнату, — говорил он, волнуясь, — это значит, что ночью кого-нибудь отсюда возьмут на расстрел. Я уже пережил здесь несколько таких ночей. Боже, какой ужас!

И он, хватаясь за сердце, поведал мне кошмарные тайны лубянской Чеки.

— Вот однажды точно так же заперли на ночь двери. Среди ночи мы все проснулись от шума. Вошедший надзиратель воскликнул несколько фамилий и прибавил: «Без вещей!» Все знали, что это означает «к стенке». Гробовая тишина настала. Никто не откликнулся. Надзиратель повторил первую по списку фамилию и прибавил вопрос — «Здесь?» Опять напряженное молчание, и наконец из глубины комнаты кто-то не своим голосом чуть слышно ответил: «Здесь». — «Выходи!» Но вызываемый не мог идти, он был почти без чувств. Уборщики под руки выволокли его за дверь. Надзиратель выкликнул следующую фамилию. На этот раз вызываемый оказался малолетним кадетом. Это был мальчик лет 14. Он выскочил вперед, весь дрожа, и с визгом, истерично крикнул: «Вы меня сейчас расстреляете?» Тогда стоявший рядом с надзирателем солдат ударил мальчика кулаком по лицу с матерной бранью. Мальчика утащили. Еще несколько человек вышли на вызов молча и спокойно, бледные как смерть. И всю ночь до рассвета после этой сцены камера возбужденно гудела. У меня сердце колотилось, как молотком ударяло, я думал, что разорвется.

Дня через два привезли к нам из тюрьмы арестованных министров Маклакова⁶⁶, Щегловитова⁶⁷, Протопопова⁶⁸ и с ними протоиерея Восторгова⁶⁹. Они уже знали, что их решено расстрелять. Они пробыли с нами дня два. Щегловитов был мрачен, необщителен. Восторгов всех очаровал. Он был в каком-то особом настроении, точно в состоянии какого-то вдохновения. Он много говорил со всеми, всех утешал, ободрял, всех увещевал готовиться к смерти, погружаясь в молитву. Откровенно говорил о своей политической деятельности среди черносотенцев и признавал, что во многом ошибался и был неправ. Чувствовалось, что в этом человеке произошло нравственное перерождение, душа его просветилась, он был готов принять муки и предстать перед Господом. И опять заперли на ночь двери. Ночью их всех вызвали «без вещей». Потом стало известно, что, когда их всех поставили «к стенке» и взвод красноармейцев готовился дать залп, Восторгов произнес вдохновенную речь, обращенную к солдатам, и они выстрелили в воздух. Начальник взвода пришел в бешенство и разразился ругательствами и угрозами. Тогда раздался второй залп и — все было кончено.

Замечу здесь, что после, в Бутырской тюрьме, я еще от многих слышал точно такие же рассказы о Восторгове и его настроении и поведении во время тюремного заключения.

И еще третий раз — продолжал рассказывать судья — заперли на ночь двери. Это после того, как к нам привезли Виленкина⁷⁰. Виленкин студентом был членом Партии народной свободы в Петербурге. Это был очень способный молодой человек, с успехом ораторствовавший на митингах. В партии он был на левом крыле. Впоследствии я встретил его в Москве в форме гусара, он отбывал воинскую повинность. Кажется, он затем вышел из партии кадетов, чувствуя себя настроенным левее этой партии. Он стал жертвой провокации. После того как его арестовали, он из тюрьмы потребовал свидания с Дзержинским⁷¹. Тот вызвал к себе Виленкина. Виленкин говорил Дзержинскому на ту тему, что расстрелами большевики ничего не достигнут. Дзержинский будто бы обещал сохранить жизнь Виленкину и отослать его обратно в тюрьму. А вскоре после того один служащий в Чека вошел с Виленкиным в переговоры и предложил устроить ему побег из тюрьмы. Виленкин имел неосторожность пойти на эту удочку и дал согласие. Провокатору только и надо было этого согласия. И по обнаружении этих переговоров Дзержинский подписал распоряжение о расстреле Виленкина за намерение бежать. И вот его привезли в лубянскую Чеку уже явно для расстрела. Виленкин обнаружил героическое присутствие духа. Он был спокоен, казался даже беззаботным. Писал Дзержинскому письма, в которых резко протестовал против предстоящего расстрела. И в ту ночь, когда в третий раз заперли у нас двери, вызвали Виленкина. Он вышел немедленно, бодро и гордо. Со всеми простился и, выходя, весело крикнул товарищу, которого тоже вели на казнь вместе с ним: «А ты не забыл взять наши папиросы?»

— Так вот, — заключил судья свои страшные рассказы, — двери опять заперли, значит, заснуть невозможно, сердце опять колотится так, что того и гляди разорвется.

Зловещая тревога реяла в камере. Все возились на своих ложах. Вступая в этот адский круг, я уже заранее приготовился к тому, что меня ждут всякие ужасы. Я скрепился как только мог и лежал неподвижно. К общему удивлению, ночь прошла благополучно, никого не вызывали. Вероятно, по какой-либо причине чей-нибудь уже решенный расстрел был в последнюю минуту отложен.

Затворение дверей в этих случаях происходило потому, что вызванные к расстрелу, будучи введены в первую комнату, там подвер-

гались некоторым предварительным манипуляциям: их связывали рука об руку попарно и уже в таком виде вели дальше. Двери в камеру затворялись на засов, чтобы заключенные не видели этих манипуляций, а вероятно, и во избежание каких-либо эксцессов вроде возможных попыток протеста со стороны прочих заключенных.

На следующий день, когда мы в своей «коммуне» пили утренний чай (то была действительно коммуна, ибо мы, члены ее, отдавали все свои передачи в общий раздел между собою), прибыли новые арестанты. Из их числа некоторые прямо присоединились к нам. То был близкий знакомый семьи молодого человека, разговаривавшего со мной в первую ночь. Его арестовали именно в связи с делом этого молодого человека, хотя он и не имел к этому делу никакого отношения. Это возбудило тревогу в нашей коммуне: мы все уже успели проникнуться искренним сочувствием к молодому человеку и его отцу, людям прекрасным и очень симпатичным. Мы стали говорить о том, что могут начать арестовывать вообще всех близких знакомых этой семьи. Молодой человек, видимо, страдал: ведь именно из-за него их знакомый попался в эту кашу. Привели в этот день и Арсеньева⁷², молодого ученого, очень талантливого специалиста по истории религиозных движений, преимущественно средневековых. Теперь, когда я пишу эти строки, он тоже находится в эмиграции и занимает кафедру в Кенигсберге. И он тоже пристал к нашей коммуне. О причинах своего ареста он не имел никакого понятия.

Опять начался день, похожий на день в какой-нибудь хитровской ночлежке. Все сидели группами, пили чай, жевали передачи, разговаривали. Появление передач, привод новых арестантов, вызов некоторых прежних на допрос вносили движение и оживление в монотонное течение дня. Сидевший с нами чиновник румынской миссии говорил: «Вот никогда не думал, что русская тюрьма имеет такой вид. Это какой-то трактир». Ему объяснили, что это не тюрьма, а только пересылочный пункт, куда арестованных привозят для первоначальной сортировки и откуда их потом везут либо в тюрьму, либо к стенке, либо, если арест окажется зряшным, выпускают на свободу. Этот румын, говоривший, хотя и плохо, по-русски, сблизился со мною. Его интересовало видеть русского профессора в качестве арестанта. Он старался оказывать мне разные маленькие услуги, расспрашивал меня о русских делах и русской жизни и предложил мне написать что-нибудь ему на память в его записную книжку, сказав:

— Ведь эта ваша запись может оказаться в Европе.

Я что-то написал ему, разумеется, что-то безразличное по содержанию, чего требовала осторожность в эти зловещие дни. Где-то теперь этот румынский дипломат и где мои строки на листке его книжки?

Частое прибытие новых арестантов показывало, что в городе идут беспрерывные аресты. Однако никого из моих товарищей по партии не появлялось. Привозили все более не политиков, а обывателей. Правда, надо заметить, что некоторые из привезенных не попали в нашу камеру. Их заперли в первой комнате, в те деревянные будки, о которых я упоминал выше. Мы их в лицо не видели. В их числе был Найденов⁷³, муж артистки Малого театра. Его впоследствии расстреляли. Как только привезли коммерсантов, их сейчас же нарядили чистить отхожее место, утопающее в невыразимой грязи. Очевидно, это было сделано со специальной целью досадить крупным буржуйам и наложить на них повинность, противную по обстановке ее выполнения. Так прошло несколько дней, однообразно и бестолково. Я задавал себе вопрос — доколе же я проторчу здесь и что будет дальше? Разумеется, приходилось мириться с тем, что ответов на эти вопросы взять неоткуда. Не могу сказать, чтобы я испытывал тревогу. Было такое чувство, что нормальная жизнь вообще оборвалась и что теперь пойдет какая-то бестолковщина — нелепая и, может быть, страшная, и будет всего этого так много, что нечего сразу выходить из себя, а надо запастись терпением, стиснуть зубы, зажмурить глаза и отдаться течению жизненной волны. Вот только узнать бы поскорее что-нибудь о жене и дочерях...

Неожиданно пришло некоторое развлечение. Нам всем вдруг было приказано вынести на двор тюфяки и подушки и вытрясти их. Было приятно, что можно будет хотя на несколько минут выйти из камеры и глотнуть свежего воздуха. Потавил я громадный тюфяк. При виде моей фигуры, согбенной под тюфяком, румынский дипломат заливался смехом.

— Ах, профессор... — говорил он, смеясь, — ну профессорское ли это дело?

Надо отдать ему справедливость, он не ограничился смехом и шутивными замечаниями, а начал деятельно помогать мне в моей работе.

В этот день меня ожидала еще одна новость. Ежедневно трое или четверо заключенных ходили с конвойными через двор в кух-

ню, откуда они должны были принести в камеру бак с кипятком для чаепития. И вот ходивший в тот день на кухню сказал мне:

— А я видел на кухне вашу жену.

Трудно выразить, какая радость охватила меня при этом известии. Я решил устроить свидание с женой на кухне и попросил того, кто на следующий день пойдет за кипятком, сказать моей жене, чтобы она ждала меня наутро в кухне, и я приду за баком, чтобы увидаться с ней.

На следующий день ходивший в кухню сказал мне, что он мою жену видел и все ей передал. С замиранием сердца стал ждать свидания. Но дожждаться его мне не пришлось. В тот же день в пять часов пополудни в камеру к нам явился надзиратель и стал читать список арестантов, предназначенных для отправки в Бутырскую тюрьму. В списке оказалось и мое имя. Признаться, тут я взволновался. В глубине моей души таилась какая-то смутная надежда на то, что, быть может, нас отсюда выпустят на свободу. Теперь эта надежда была разрушена. Предстояли тюремные мытарства, вероятно продолжительные, и бог весть, чем они кончатся. Должно быть, на лице моем отразилась моя взволнованность. Румын спросил меня:

— Вы, кажется, нездоровы?

Но я был здоров и уже сбросил с себя набежавшую минутную слабость. Да и некогда было отдаваться своим настроениям. Всем попавшим в список велено было немедленно приготовиться к отъезду. Из нашей коммуны, кроме меня, увозили в тюрьму Арсеньева, молодого человека, его так и не допрашивали, его отца и его знакомого. Румын и судья оставались на Лубянке. Часа через полтора нас построили шеренгами и начали выводить во двор. Там стояло две-три автомобильных платформы. Мы должны были взгромоздиться на них. Мы, члены одной коммуны, постарались попасть на одну платформу и сговорились употребить все старания к тому, чтобы в тюрьме нас не разлучили, а посадили в одну камеру. Нагрузка нашей платформы окончилась. В середине кучей стояли арестанты. А по краям вся платформа кругом была утыкана красноармейцами, вооруженными винтовками и револьверами.

Мы поехали. Я смотрел на московские дома и улицы, на людей, двигавшихся по улицам на свободе, и ощущал новое для себя чувство отрезанности от окружающей меня жизни. Вот наша платформа перерезала линию бульваров между Страстным и Петровским бульварами. На бульварах гуляло много народа, шум голосов до-

носился до меня, у меня мелькнула мысль: наверное, там гуляет кто-нибудь из моих приятелей и не подозревает, что эта платформа, мимо него проехавшая, влечет меня в бутырские казематы.

До Бутырок домчались быстро. Вот мы уже и въехали в тюремные ворота. Нас ввели в приемную комнату. Там за столом сидел помощник начальника тюрьмы. Он начал делать нам перекличку.

V

Окончив перекличку, помощник начальника тюрьмы вдруг заявил:

— В одиночном корпусе имеется только одно свободное место, туда направляется Кизеветтер.

Попасть в одиночный корпус считалось привилегией. Там были только политические арестанты и совсем не было уголовных. Это избавляло от многих тяжелых неприятностей. Кроме того, сидя в отдельной камере, можно было спокойно заниматься, тогда как в обширных общих камерах, набитых шумною толпой, это было почти невозможно. Вот тебе и раз! Мне придется разлучиться с товарищами по Лубянке! Я придвинулся к помощнику и стал просить его не разъединять меня от товарищей по заключению на Лубянке. Помощник спокойно ответил:

— Как вам будет угодно.

И вдруг я почувствовал, что он в это самое время тихонько толкнул меня ногой. Что это? Он дает мне какой-то тайный знак? Или это мне только показалось? Я все же повторил свою просьбу. Тогда он сказал, пристально глядя мне в глаза:

— Пройдите с конвойным в коридор.

Переступив порог коридора, я сразу наткнулся на высокого человека в военной форме с университетским значком. То был сам начальник тюрьмы. Он поджидал моего появления и, подойдя ко мне, тихо спросил:

— Не хотите ли сесть в ту камеру, где сидит Кишкин?

Мне вдруг сразу все стало понятно. Я радостно ответил согласием и выражением глубокой благодарности. О моем аресте весть долетела до Бутырской тюрьмы, и Кишкин тотчас обратился к начальнику тюрьмы с просьбой, — как только меня привезут, назначить меня в камеру, занятую кадетами: Кишкиным, Шполянским⁷⁴, Мячиным⁷⁵ и Романовым⁷⁶.

Высшее тюремное начальство в Бутырках в то время было еще прежнее. Надзиратели были сменены, но начальник тюрьмы и его

помощник почему-то оставлены прежние. Оба они нисколько не сочувствовали большевистской власти, и все их симпатии были на стороне заключенных. Это были хорошие люди, они делали все возможное для них для облегчения заключенных. Удивительно, что им удалось в течение довольно продолжительного времени удержаться на своих местах. Они тотчас же дали согласие на просьбу Кишкина и, как мы только что видели, сдержали свое обещание.

Лишь только начальник тюрьмы сделал мне свое предложение, во мне явилось безотчетное чувство, что надо мною «бдит» какая-то благодетельная сила, которая уберет меня от опасностей и мучений. Не мать ли моя молится за меня? — промелькнуло в моей голове.

А начальник тюрьмы уже вел меня по высокой каменной лестнице. Мы поднимались в верхний этаж здания. То был так называемый одиночный корпус. Он был выведен в несколько этажей. Середина здания представляла собой свободный пролет во всю высоту здания, который зиял, словно глубокая бездна, по обеим сторонам пролета вились лестницы с перилами, на каждом этаже были площадки, от которых вправо и влево шли коридоры. Стоя на такой площадке, вы видели все этажи вниз и вверх. В коридорах шли одна за другой замкнутые двери, которые служили входом в камеры. В этих камерах по одному или по два и по три помещались заключенные. Кроме того, в каждом коридоре была одна камера угловая для уборщиков. Эти камеры для уборщиков были рассчитаны на пять-шесть человек. Их особенностью было отсутствие наружного окна. Окно в них выходило во внутренний коридор. Таким образом, в этих угловых камерах, в противоположность всем остальным, не было дневного света и весь день горела электрическая лампа. Зато, сидя в такой камере, можно было видеть все происходящее в коридорах и общаться с людьми, проходившими по коридору.

В такой-то именно камере (№ 0,2) в одном из верхних этажей и сидели вместо уборщиков четверо кадетов из числа арестованных в кадетском клубе в Брюсовском переулке. Это опять-таки была любезность начальника тюрьмы, который устроил так, чтобы Кишкин, Шполянский, Мячин и Романов могли сидеть вместе, чего они сами желали. И вот я попадал в ту же камеру пятым, то есть попадал под крылышко своих друзей и получал полную уверенность в том, что тюремное заключение будет для меня окрашено дружескими заботами обо мне моих сотоварищей по камере. Чего же лучшего можно

было желать в моем положении? Немудрено, что я от всего сердца благодарил начальник тюрьмы, пока он вел меня по лестнице.

Вот мы и на площадке нужного нам этажа. Начальник тюрьмы велел дежурному надзирателю принести ключ от камеры № 0,2. Когда ключ был принесен, начальник проявил редкую деликатность. Оставив меня с надзирателем на площадке, он пошел сначала один предупредить обитателей камеры № 0,2 о моем прибытии, дабы внезапностью моего проявления они не слишком взволновались.

— Ведь в тюрьме люди очень нервничают, — объяснил он мне.

— Ну, теперь идемте, — сказал он, вернувшись через минуту.

И я был введен в камеру, низкую, темноватую, с шестью койками и одним окном во внутренний коридор. Лишь только я переступил порог камеры, как тотчас оказался в объятиях Кишкина. Потом я перецеловался с остальными товарищами.

Начальник тюрьмы удалился, и дверь захлопнулась. В камере стоял стол, и мы уселись за него на табуретах. Полилась беседа. Разумеется, меня закидали вопросами о том, что делается на воле. А я, давая ответы на вопросы, то и дело восклицал: «Как я рад, что меня арестовали!» В этом была доля правды. Жить на воле при большевиках становилось все тяжелее. Говорю не о материальных лишениях, которые тогда были чрезвычайно тягостны, но еще тяжелее было моральное состояние. Вечно находиться под дамокловым мечом обыска и ареста было весьма несладко. И гораздо было лучше сознавать, что обыск и арест уже совершились. Кроме того, жить на воле значило носить на рту замок, взвешивать каждое слово, обдумывать каждый шаг и так или иначе неизбежно идти на некоторые компромиссы, стараясь только держаться в тех пределах, за которыми уже начиналась утрата своего достоинства. Тюрьма сразу избавляла от всего этого. Положение определялось начистоту. Будучи официально признанным врагом советской власти, можно было уже отбросить осторожность, становившуюся ненужной. Кроме того, мир для меня теперь замыкался четырьмя стенами камеры, а в этих стенах около меня четыре человека, перед которыми нечего было таиться и дипломатничать. Все создавало чувство несомненного облегчения. Этим чувством и вызывались у меня вышеупомянутые восклицания. И все же при всем том была в них и доля преувеличения. Во-первых, тяжелая сторона ареста заключалась в том, что я был теперь оторван от своей семьи. Во-вторых, тяжела была полная неопределенность будущего.

Вопрос — удастся ли выйти отсюда целым и невредимым — невольно закрадывался в голову. Но я давал в тот вечер перевес той первой части проблемы, которая располагала к удовлетворению фактом ареста, и поступал так с некоторым умыслом: мне хотелось внести бодрящую ноту в настроение товарищей, которые уже насиделись в тюрьме и томились по воле. И расписывал им все отрицательные стороны этой жизни на «воле» в тенетах большевистской неволи. Да и в самом деле, вся Москва и вся Россия были тогда тюрьмой, и разница между «волей» и «заключением» была скорее количественной, нежели качественной. И мне показалось, что мои слушатели внимали моим речам с одобрением, слушая эти мои речи, они не так уже завидовали тем, кто был вне тюрьмы. Я был очень возбужден. Сидя на Лубянке, я держал себя в струне и не давал воли нервам. Теперь, попав к приятелям, я почувствовал потребность спустить натянутую струну, дать несколько разрядиться этому напряжению. Я говорил возбужденно, нараспашку, и Кишкин, как опытный врач, заставил меня принять валерьянки. Мы начали ужинать. Здесь тоже была коммуна. Все четверо складывали в общую массу все полученное из дома и из всего этого сообща сооружали меню для обеда и ужина. В честь моего прибытия ужин на этот раз заключился какао со сливками. Пребывание в одиночной камере имело еще то преимущество, что тут можно было по-своему устанавливать порядок дня, не было обязанности ложиться в определенный час.

Мы, естественно, засиделись за ужином, продолжая разговоры. Так много нужно было рассказать друг другу. Я рассказывал о том, что делается «на воле». А мне сообщали кое-что такое, чего я и на воле не знал. Ибо проникали-таки в нашу камеру некоторые весьма секретные сообщения о делах политических, шедшие не из Москвы, а из таких далеких мест, где уже было поднято знамя вооруженной борьбы с большевистской властью. Но об этом после.

Наконец Кишкин сказал: «Мы очень возбуждены. Перед сном нам нужно немного успокоиться. Поэтому выполним наш обычный порядок и сыграем партию в лото». И в самом деле, эта молчаливая игра успокоила расходившиеся нервы. Затем мы стали укладываться спать. Вдоль одной стены помещалось пять коек. В углу спал Кишкин. Рядом с ним занял койку и я. По другую сторону от меня оставалась пустая койка. Затем были рядом еще две койки, на которых спали Мячин и Шполянский. Боковая стена была занята

дверью и полкой с посудой и провизией. В противоположной нашим койкам стене стояла шестая койка, на которой спал Романов. Все улеглись. Лампу притушили. Но мне не спалось. Во-первых, было свежее. Я прикрылся летним пальто. Одежда мне еще не принесли. Во-вторых, за этот день было пережито столько неожиданных обстоятельств и ощущений, что я все еще не чувствовал себя вполне успокоившимся. И главное, в мозгу сверлила мысль: где жена и дочери и что с ними?

Все было тихо в тюрьме. Только недалеко от нашего окна журчал тихий говорок дежурных караульных. Из окна был виден коридор и часть пролета. Странное было зрелище. Какое-то громадное пространство, окутанное темнотой, а там и сям, словно пикеты среди темного поля, кучки дежурных надзирателей, по два, по три человека, тихо переговариваются и попыхивают папиросами. Заснул я, кажется, уже под утро.

VI

Спать, во всяком случае, пришлось недолго, ибо в шесть часов утра тюрьма уже поднималась. В нашей камере все проснулись и, быстро вскочив с коек, поспешно натягивали брюки и сапоги. Я последовал общему примеру. Причина спешки заключалась в следующем. По коридору ходил дежурный надзиратель и открывал камеры, чтобы заключенные могли идти в уборную отправлять естественные нужды и умываться. Очень важно было попасть в уборную из числа первых, ибо потом пришлось бы весьма долго дожидаться очереди. Так как окно нашей камеры выходило во внутренний коридор, то мы, одевшись, могли обратиться через окно с просьбой к надзирателю поскорее отомкнуть нашу дверь. Надзиратели всегда эту просьбу исполняли за редкими исключениями, о которых будет сказано в дальнейшем. В брюках и ночных рубашках, без верхнего платья, с полотенцем в руках мы выбегали из камеры в уборную, которая находилась почти рядом с нашей камерой. Это была довольно обширная комната. По одной ее стене шли ватерклозеты, по другой умывальники. Мы спускали рубашки, оканивались холодной водой из-под крана, быстро вытирались полотенцем, мыли лицо и бежали обратно в камеру.

Там начинался обычный распорядок дня. Он был строго установлен по общему соглашению и под главным руководством Киш-

кина. Как опытный невропатолог, руководитель большой лечебницы, он предложил режим, рассчитанный на поддержание нашей нервной системы на возможно большей высоте самообладания. В тюрьме так легко опуститься: на душе тяжело, вынужденное безделье неограниченно, и начнет человек целыми днями валяться на койке, впадая в унылую протрацию. Во избежание этого в нашей камере строго проводился режим, имевший целью не дать нам опуститься. Опишу здесь обычный распорядок нашего дня.

После умывания мы, вернувшись в камеру, выстраивались в ряд и делали под руководством Кишкина комнатную гимнастику. Это отлично полировало кровь. Потом, по очереди, кто отправлялся за кипятком и заваривал чай, кто запасался водой для всей камеры, кто выносил парашу, кто подметал комнату. Потом садились за чай. Мячин заведовал распределением продуктов. Он давал каждому по яйцу. В это время дежурный надсмотрщик приносил положенную порцию хлеба. Мы садились за стол и чайничали. Мимо нашего окна проходили в уборную к умыванию другие арестанты нашего коридора, и мы могли перекидываться с ними несколькими фразами. В первый же день остановился у нашего окна генерал Маниковский⁷⁷.

— Сам Кизеветтер здесь появился, — шутливо сказал он, — ну, теперь мы всю кадетскую мудрость узнаем.

После чая доканчивалась уборка комнаты. Тут иногда происходила пикировка между торопливым Кишкиным и флегматичным Мячиным. Кишкин все делал быстро и, окончив чай, принимался уже подметать комнату, в то время как Мячин еще священнодействовал над стаканом чая и ворчал на то, что ему пылят по нос во время чаепития. Этими легкими пикировками ограничивались недоразумения между обитателями нашей камеры. Три с половиной месяца мы прожили в большой тесноте, и не было у нас не только никакой ссоры, но и не было и простых размолвок, если не считать одного мимолетного случая, быстро ликвидированного, о котором я, может быть, упомяну ниже. В этом отношении наша камера составляла положительно блестящее исключение из общего правила. Почти во всех камерах сожители ссорились друг с другом.

По окончании уборки камеры мы все садились заниматься. Кто читал, кто писал. Книги получали из тюремной библиотеки и из дому с передачами. Потом являлся газетчик с большевистскими «Известиями». Газета часто прочитывалась вслух. Затем начинался самый интересный момент дня. Приносились передачи. Громад-

ное значение имели эти передачи в нашей тюремной жизни. Не говорю уже о том, что без них мы померли бы с голоду. Казенное кормление было возмутительно-безобразно: вода с листиками капусты, иногда с немойтой чечевицей, от которой так называемый суп наполнялся грязным песком. Но кроме того, передачи представляли собой единственную точку нашего соприкосновения с семьей. Как трогательно было, развертывая посылку, видеть во всем явные знаки любви и заботливого внимания близких к нам людей! К передаче обязательно прилагалась записка с перечислением всего присланного, на которой мы должны были написать: «Получил все сполна, имя и фамилия». Никаких сообщений писать не разрешалось, но можно было прибавить: «обнимаю», «целую» и т.п.

Как дорого было видеть почерк близкого человека и его подпись! Это стоило удовлетворения физического аппетита.

Наши семьи поставили дело снабжения нас передачами очень высоко. Они сносились друг с другом и составляли передачи планомерно, так что в общей сложности у нас получался отличный подбор яств для общей трапезы. Нам присылали щи в термосе, так что мы получали их горячими даже в морозные дни. Присылались разные любимые нами кушанья. Словом, проявлялась такая любвеобильная заботливость, которая трогала до слез. Не жалели ни денег (а дороговизна на все быстро поднималась), отказывая себе самим в разных вещах, ни собственных сил. А на физические силы близких нам людей эти передачи падали поистине тяжким бременем. Ежедневно во всякую погоду, и в дождь, и в снежную метель, приходилось им отправляться на окраину города, в Бутырки, и когда трамваи останавливались (а это бывало нередко), нужно было пешком пересекать с ношей весь город. Но это еще было не все. У тюрьмы всегда была огромная очередь, и вот часами приходилось стоять под дождем, снегом и ветром, пока дождешься очереди подойти к тюремным дверям. Потом надо было ждать, пока дежурные надсмотрщики примут передачу, отнесут ее в камеру и вернуться с вожденной распиской: «Получено все сполна».

Процедура принятия передачи свершалась крайне медленно по той причине, что всякая передача подвергалась подробнейшему осмотру, дабы не проскочила в вещах и пище секретная записка или письмо. И вот не только развязывались узлы и вскрывались пакеты, но и вытряхались вещи, прощупывалось принесенное платье, разламывали пироги и рылись в начинке и проч. и проч. Ну и

конечно, записочки, тем не менее, все же проскакивали, ибо чем придирчивее надзор, тем сильнее подстрекается изобретательность для его обхода. Так, Шполянскому два раза в неделю приносилось из дому чистое белье. И он по окончании передач тщательно подпарывал надрубленные платки и из оборки извлекал тончайшим образом свернутые трубочки папиросной бумаги, на которых были написаны целые послания.

И еще одно удовольствие доставляли нам эти передачи. Визави с нашим окном, выходявшим во внутренний коридор тюрьмы, в противоположной стене коридора было окно на тюремный двор. И вот мы открыли, что если встать у нашего окна на стол, вытянуться на цыпочках и прижаться к стеклу окна, то через дальнее окно противоположной стены коридора можно видеть силуэты людей, стоявших на тюремном дворе. Мы тотчас сообщили об этом открытии нашим семьям (далее я объясню, как мы сносились с домашними). И вот с тех пор, как только передачи оканчивались, мы по очереди влезали на стол, прижимались к окну и вглядывались в противоположное окно. А оттуда нам кивали головами дорогие нам существа. Все это надо было проделывать возможно быстрее, дабы не заметили надзиратели.

По окончании этих «смотрин» Кишкин, Мячин и Шполянский сходились на кулинарный совет. Все принесенное на этот день всем нам складывалось вместе и составлялось меню обеда. В это время в коридоре появлялись надсмотрщики с обеденными котлами. Я уже упомянул выше о том, что представлял собою тюремный казенный обед. Большею частью мы до него не дотрагивались, а уступали его целиком дякону и священнику, которые сидели в нашем коридоре и были очень рады получить дополнительную порцию.

Мы съедали принесенные яства, часть их оставляя на ужин. После обеда следовали установленные нами «часы молчания». Необходимо было в течение суток дать каждому из нас возможность на некоторое время остаться наедине с собственными мыслями и чувствами. Мы ложились на койки и лежали молча, думая свои думы. Так продолжалось до того момента, когда по коридору раздавался крик: «На прогулку!» Всем полагалось гулять по дворику полчаса. Водили гулять покоридорно. Впрочем, между коридорами не было установлено постоянной очереди. Все зависело от усмотрения надсмотрщиков, и потому время прогулки бывало самое

различное. Бывали даже редкие, впрочем, случаи, когда нас вывели гулять тотчас после умывания еще в темноте. Но большею частью мы гуляли либо до обеда, и тогда приходилось покидать прогулку для получения передачи, либо в послеобеденное время. У каждого корпуса был свой дворик. Дворик нашего одиночного корпуса был очень маленький. Он был окружен высоким забором; так что мы гуляли точно по дну глубокого колодца. Разумеется, с нами выходили караульные. Но во время прогулки мы предоставлялись сами себе, то есть могли ходить в каком угодно порядке. Тут-то мы могли побеседовать с теми товарищами по коридору, которые сидели в других камерах. Эта возможность помимо прогулок открывалась еще лишь в часы так называемой «оправки», то есть посещения уборной для отправления естественных нужд. Для этого тоже отводились определенные полчаса в течение суток. В остальное время надо было пользоваться парашей у себя в камере. Конечно, мы все пользовались ею для испускания мочи. Но если в неурочное время обнаруживалась потребность в действии желудка, было очень стеснительно из-за товарищей по камере прибегать к параше. В этих случаях приходилось иногда испытывать немалые мучения, дожидаясь момента, когда начнется оправка.

Вернувшись с прогулки, мы приступали к лекциям. Мы положили, чтобы каждый из нас по очереди прочитал какой-нибудь курс по своей специальности. За время тюремного сидения я прочитал, таким образом, чуть ли не полный курс русской истории. Лекция продолжалась часа полтора. Кишкин, слушая лекцию, обыкновенно занимался лепкою разных бюстиков из глины, которая доставлялась ему из дома. Он вылепил бюсты каждого из нас, очень похожие. Затем лепил бюсты с разных портретов. Это его искусство произвело немалый эффект среди надсмотрщиков. Некоторые из них с удовольствием позировали Кишкину.

К концу лекций уже наступала вечерняя темнота. Пора было приниматься за подготовку ужина. Дело это осложнялось тем, что надо было подогреть остатки от обеда. По правилам тюрьмы строго воспрещалось что-нибудь варить в камере. Конечно, это запрещение всеми нарушалось. У каждого была припасена для этой цели какая-нибудь кастрюлька с соответствующими приспособлениями для разведения огня. Конечно, начальство об этом знало и смотрело на это сквозь пальцы. Тем не менее приходилось соблюдать осторожность. Во-первых, если кто-либо из надсмотрщиков желал,

что называется, «подложить свинью», он прежде всего бил именно в это слабое место и поднимал историю из-за варки. Поэтому надо было улучать время, когда менее надежные надсмотрщики оказывались подальше от камеры. Во-вторых, и тех надсмотрщиков, которые истории поднимать не желали, не надо было ставить в такое положение, при котором они были бы вынуждены проявить свою власть, то есть не надо было делать нарушение правил, ибо, конечно, за каждым надсмотрщиком могли шпионить желавшие выслужаться товарищи по службе. И вот мы скучивались между окном и тем углом, в котором кипятится наш ужин, заслоняя своими телами запретную кулинарную операцию. После ужина на сон грядущий мы садились за лото и, сыграв три-четыре партии, укладывались спать.

Я описал, так сказать, обычный остов нашего тюремного дня. Теперь постараюсь очертить ту жизнь, которая в этих внешних рамках наполняла наше существование.

VII

Судьба продолжала мне благоприятствовать. Через несколько дней Кишкин был вызван на прием к тюремному врачу. У них это было условлено. Кишкин вернулся с докторского приема в хорошем расположении духа. Доктор передал ему секретное письмо от его жены, чтением которого Кишкин и занялся немедленно. Прочитав письмо, он тотчас же сжег его на спичке и пепел тщательно уничтожил. Ведь в камере всегда мог быть произведен обыск. Покончив с этим делом, Кишкин обратился ко мне с веселым выражением лица и сказал:

— Могу вам сообщить, что наш тюремный врач — ваш бывший ученик по Лазаревскому институту. Это наш добрый гений. Идя на громадный риск, он, как видите, помогает нам сноситься письмами с нашими семьями. Ну-с, он уже знает, что вы находитесь здесь, и горячо желает быть вам полезным. Он просил вас сказать, что ваша жена и дочери тоже сидят здесь в женском отделении, и он о них заботится. Скоро он и вас вызовет к себе на прием.

Эта речь Кишкина звучала для меня сладкой мелодией. Итак, я нахожусь под одной кровлей с женой и дочерьми, и о них заботится добрая и благородная душа. Ложась спать в этот вечер, я чувствовал радость от сознания, что мои где-то тут, недалеко от меня.

Дня через три меня действительно вызвали к доктору. Я тотчас же узнал своего ученика. Он запер дверь своей приемной комнаты и, вынув из кармана своего халата письмо, торопливо сунул мне его в руку. Я быстро спрятал письмо в карман. Доктор сообщил мне, как помещены мои жена и дочери, сказал, что они настроены бодро, и предложил через несколько дней вновь вызвать меня на прием, прибавив, что, может быть, одновременно вызвать и жену, так что мы с ней увидимся. Нечего и говорить о том, как горяча была моя благодарность этому прекрасному человеку.

Доктор прибавил еще, что в городе много говорят о моем аресте и с разных сторон делаются попытки добиться моего освобождения на поруки.

Это свидание с доктором очень утешило меня. Вскоре после того я был в тюремной церкви (о посещении церкви скажу дальше), и там тоже арестованная дочь Д.Н. Шипова⁷⁸ шепнула мне, что она сидит в одной камере с моими. Однако свидания с женой доктор устроить мне не успел. Произошло нечто еще более радостное для меня. Приблизительно через неделю, получая передачу, я взглянул на препроводительную записку и обомлел от радости: записка была написана почерком моей жены! Значит, мои уже на свободе! Точно гора свалилась у меня с плеч. «Ну, теперь, — воскликнул я в радостном порыве, — я готов сидеть здесь хоть несколько лет!»

Освобождение жены и дочерей тотчас выразилось и в целом ряде других признаков. Элиза Романовна Нилендер все время заботилась о нас как только могла и ежедневно присылала нам передачи. Но она не могла сделать многого по той причине, что наша квартира все оставалась запечатанной. Теперь я получил с ближайшей передачей целый ряд необходимых предметов из нашего дома, что показывало, что квартира наша распечатана и, следовательно, моя семья уже живет в нормальной обстановке. Я получил белье, теплое платье, одеяло. Родственники моей невестки принесли мне даже великолепный тюфячок на койку, которому завидовали мои сожители. Пищевые передачи тоже стали теперь пополняться вкусными вещами. Стали мне регулярно присылать кефир, который я пил с наслаждением. Наконец, я стал получать из дома книги и мог теперь заниматься. При посредстве доктора я время от времени мог сноситься с семьей письмами. Между мной и женой было так условлено, что, получив от меня через доктора письмо, она на следующий день в препроводительной к передаче записке при перечис-

лении посылаемых предметов ставила цифры не арабские, а римские. И это означало, что мое письмо ею получено.

Таким же путем переписывался с семьей и Кишкин. Иногда в полученном конверте, кроме письма его жены, оказывалось и письмо от Н.Н. Щепкина⁷⁹. В этих-то письмах Щепкина и содержались подробные сообщения о ходе политических событий и на Дону, и в Сибири, о которых Щепкин был хорошо осведомлен. Таким образом, мы в своей камере знали многое из того, что оставалось неизвестным находившимся на свободе москвичам. Разумеется, все вообще получаемые нами письма по прочтении тотчас тщательно уничтожались.

Жизнь в нашей камере протекала по определенно налаженной колее. Я, получив из дому книги, стал каждое утро до обеда заниматься переводом на русский язык книги Шарля-Ру «Наполеон III, Александр II и Горчаков»⁸⁰ и за время моего заключения успел перевести всю эту книгу. Выйдя на свободу, я предложил М.В. Сабашникову⁸¹ издать этот перевод. Он согласился и дал мне некоторый аванс. Но осуществить этого издания ему не удалось: для частных издательств настали трудные времена. Духом я был спокоен. О будущем не помышлял, осознавая бесплодность этих помышлений. Большое удовлетворение доставляли мне известия о том, что различные организации добиваются разрешения взять меня из тюрьмы на поруки. Хлопотали об этом и профессора, и студенты, и труппа Малого театра, и некоторые другие организации. Я не обольщался надеждами на успех этих хлопот. Но мне был приятен самый факт этого широкого отклика на стрясшуюся надо мной беду. Я почувствовал, что между мною и Москвой существуют крепкие нравственные связи, что Москва признала меня «своим человеком», что не втуне прошла моя научная, преподавательская и общественная деятельность. Это сознание в сильной степени скрашивало для меня пребывание в узилище.

Кишкин тоже держался бодро. Он взял на себя роль, как бы сказать, дядьки нашей камеры. Он смотрел на всех нас словно на своих пациентов, а на нашу камеру словно на палату своей невропатологической лечебницы. Он неотступно наблюдал за точным выполнением заведенного у нас распорядка дня и поддерживал общее настроение на уровне надлежащей бодрости. Это доставляло ему, видимо, удовлетворение, ибо как раз входило в круг привычной для него профессиональной деятельности невропатолога,

а нам это приносило, несомненно, громадную пользу и чрезвычай-но помогало переносить заключение с наименьшим ущербом для нашей нервной системы. Тем не менее при некоторой наблюдательности можно было заметить, что Кишкин, не давая себе распускаться, однако, в душе сильно тяготится заключением. Это было видно, по некоторым его мимолетным вздохам, по некоторым намекам, по форме шутливым, а по существу довольно горьким. И немудрено. Заключение всего легче переносит наш брат, кабинетный работник, ученый или писатель. Оно гораздо тяжелее для практического деятеля, особенно одаренного таким духом инициативы и склонного к такой кипучей общественной работе, как это было свойственно Кишкину. Романов весь ушел в серьезное чтение. Он был студент старшего курса и пользовался тюремным досугом для пополнения образования. Он глотал большие книжищи по разным отраслям знания и, по крайней мере на вид, переносил заключение совершенно спокойно и терпеливо. С ним-то и произошла у нас на короткое время единственная в нашей компании размолвка. Он завел правило после лото и перед сном прочитывать нам вслух по одной новелле из «Декамерона». Как-то раз, когда, кончив чтение, он закрылся с головой одеялом, кто-то из нас, думая, что он уже заснул, пошутил над его склонностью к скоромным новеллам Боккаччо. На следующее утро Романов встал мрачнее тучи, весь день ни с кем не разговаривал, еле отвечал на вопросы. День прошел в нашей камере необычайно кисло. Назавтра началась такая же история. Тут Кишкин не выдержал и так распек Романова за нелепую обидчивость, что с него как рукой сняло. Кроме этого мимолетного эпизода, ни одна тучка не набегала на ясный небосклон нашей общей дружбы за время нашего совместного тюремного сидения.

Шполянский запоем читал романы. Он, подобно Кишкину, жаждал внешней деятельности. Со временем, как увидим далее, ему удалось найти такую деятельность в самой тюрьме, и это его очень подбодрило. Всех тяжелее переносил заключение Мячин. Он тосковал, грустил, читал Евангелие, ходил расслабленно, шмыгая ногами, что всегда вызывало протесты Кишкина, который требовал, чтобы Мячин взял себя в руки. По-видимому, торопливость Кишкина раздражала Мячина. Он стремился к уединению, и кончилось тем, что ушел от нас в отдельную камеру, где был один, и выражал по этому поводу удовольствие.

VIII

Камеры в нашем корпусе открывались лишь для оправки и прогулки. В остальное время они были заперты на ключ. Но во время оправки и прогулки мы имели возможность общаться с обитателями других камер нашего коридора. Была, кроме того, одна возможность встречаться и с арестантами из других корпусов. Эта возможность создавалась посещением богослужений в тюремной церкви по субботам и воскресеньям.

Оправки служили постоянным поводом для пререканий между арестантами и надсмотрщиками. Первые стремились продлить время оправки и воспользоваться им для беседы с соседями по коридору, вторые стремились пресекать такие беседы и ускорять оправку. На этой почве то и дело возникали инциденты. Большим успехом у тюремных юмористов пользовалось философское изречение одного надзирателя, который в пылу спора с заключенным гневно воскликнул: «Оправка есть оправка!»

Прогулки, как уже сказано, продолжались всего полчаса. Зато тут мы уже вполне законно могли разговаривать кто с кем хотел. Строго воспрещалось только подходить к калитке и заглядывать через щель в смежный двор, где гуляли заключенные другого корпуса. Я уже сказал выше, что наш дворик походил на глубокий колодец: с одной стороны возвышался наш многоэтажный корпус, с других сторон — высокие заборы. Естественно, что воздух здесь был довольно спертый. Но все же он был гораздо лучше того, который мы вдыхали в стенах тюрьмы, а над нами как-никак виднелся клочок голубого неба. Посещение церкви сулило еще более заманчивую возможность освежиться от сидения в затворе. Туда водили желающих по субботам ко всенощной и по воскресеньям к обедне. Церковь стояла на среднем тюремном дворе, который был обсажен деревьями, — все другие дворы были просто голые площадки.

Как приятно было выйти из пыльного и затхлого коридора на этот двор, втянуть в себя запах древесной листвы, увидеть более широкий кусок неба! В первый раз я попал в церковь ко всенощной, и это первое посещение началось с очень тяжелого впечатления. Когда мы вошли, вся церковь была наполнена плачущими женщинами. Одни плакали тихо, другие громко всхлипывали. Оказалось, что все это были жены бывших недавно смещенных надзирателей, и

их мужей всех в этот день расстреляли. В церкви только что перед нашим приходом была отслужена панихида. Началась всенощная. Служил молодой тюремный священник. Пели на клиросе священники и дьяконы, сидевшие в тюрьме. Их было много, и хор получился отличный. Я пошел и на следующее утро к обедне. Церковь была набита битком арестантами. Женщины стояли отдельно за особой решеткой. Я подошел вплотную к этой решетке, и тут-то дочь Шипова шепнула мне, что сидит в одной камере с моими. Встретился я в церкви с группой молодежи из Вологды. Это все были члены Партии народной свободы. Они очень обрадовались, увидев меня. Они дали мне лист бумаги, на котором Кишкин, Шполянский и Мячин написали им на память какие-то изречения. Просили, чтобы и я что-нибудь написал. Еще не зная хорошенько тюремных порядков, я взял лист и стал писать на виду всех. Лишь только я успел отдать лист и молодые люди отошли от меня, ко мне быстро подошел надзиратель с гневным выговором. Я насилу отговорился незнанием порядков, а то он мне грозил наказанием.

Вскоре заключенные в тюрьме священники и дьяконы получили разрешение по очереди служить в тюремной церкви, и это доставляло им большое удовлетворение.

IX

На прогулках я скоро познакомился с большинством сидельцев нашего коридора. Это было весьма пестрое общество. Во-первых, в тюрьме сидело очень много председателей домовых комитетов. Сажали их за всевозможные провинности. Председатель домового комитета того дома, в котором жил Н.И. Астров, был посажен в тюрьму после того, как Астров нелегально покинул Москву и уехал на юг. Этот человек сидел в тюрьме не то как заложник за Астрова, не то просто отбывал наказание за то, что не усмотрел за своим квартирантом, хотя предупреждать отъезды квартирантов из Москвы отнюдь не входило в обязанности председателей домовых комитетов. А наряду с этим многие председатели таких комитетов сидели просто за то, что по ошибке поставили на какой-нибудь бумажке не ту печать. За все про все путь был один — в Бутырки.

Второй обильный контингент сидельцев составляли духовные лица. Настоящее гонение на церковь еще не было начато, патриарха еще не трогали, а уже многочисленные священники, дьяконы,

игумены наполняли камеры Бутырок и других тюрем. Если бы мы вышли все вместе из тюрьмы, мы могли образовать крестный ход из духовенства длиною во всю Тверскую. Один из священников, старик, был явно помешанным, но его все же продолжали держать в тюрьме. Зато был и такой священник, который мечтал остаться в тюрьме возможно долее: на воле, говорил он, мне нечем жить, я умру с голоду, а здесь все-таки я имею ежедневную порцию хлеба.

Затем следовали лица, сидевшие по действительной или воображаемой принадлежности к разным политическим организациям. Незадолго до моего ареста были расстреляны сидевшие в московских тюрьмах бывшие министры и чины прежней полиции. Но в Бутырках еще находились бывший командующий войсками Московского округа Мрозовский⁸² и полицеймейстер Будберг⁸³. Будберга я так и не видел. А Мрозовский гулял с нами по тюремному дворику. На службе он имел репутацию зверя. Теперь это был жалкий старик, с трудом волочащий ноги. «Меня-то они уже не выпустят», — твердил он постоянно. А наряду с этим он то и дело предавался несбыточным надеждам. Нередко во время прогулки он подходил то к одному, то к другому и таинственно говорил: «Мне сообщают из самых верных источников, что к такому-то числу все будет кончено». В Бутырках сидело много губернаторов. Все они скопились в одной камере не нашего, а общего корпуса. Эту камеру так и называли «губернаторской». Но один из губернаторов попал почему-то в наш корпус. Он произвел неприятное впечатление тем, что зачем-то явно льстил Кишкину и мне, восхваляя нашу политическую деятельность, хотя по своему черносотенному направлению никак не мог быть ее сторонником. Мрозовский был гораздо умнее, о прошлом совсем не заговаривал и держал себя со всеми нами совершенно просто, как с людьми, по воле судьбы попавшими в одинаковое с ним бедственное положение. Сидел в нашем коридоре Львов⁸⁴, брат Георгия Львова⁸⁵, председателя Временного правительства. Он рассказывал про себя страшную вещь. Не так давно его взяли из Бутырской тюрьмы и повезли на расстрел. Его уже связали рука с рукой с другим приговоренным к смерти, и осталось лишь дожидаться автомобиля, который должен был отвезти их к месту казни. Что пережил он в эти страшные минуты? Вдруг его осенила мысль. Он спросил того, кто распоряжался их отправкой: «Как у вас записаны мое имя и отчество?» Тот посмотрел в список и ответил: «Николай Николаевич Львов». — «Я вовсе не Нико-

лай Николаевич, меня зовут совершенно иначе, проверьте мои документы». Проверили документы и... отвязали его и отвезли обратно в тюрьму. Не приди ему в голову спросить — как записаны его имя и отчество в список осужденных на расстрел — и он был бы расстрелян. Его смешали с Николаем Николаевичем Львовым⁸⁶, известным земским деятелем и членом первой Государственной думы. Сидел с нами чех Макса⁸⁷, профессор Пражского университета, попавший в Россию во время мировой войны и сидевший в тюрьме ввиду того, что чешские legionеры выступили против большевиков. Макса подружился с нами, давал мне читать книги Масарика⁸⁸ на немецком языке. Ни он, ни я не подозревали, что нам придется через шесть лет свидеться в Праге при столь изменившихся обстоятельствах и его, и моей жизни.

Сидел у нас в коридоре француз Нодо⁸⁹, известный корреспондент парижских газет. Он был подвергнут так называемой строгой изоляции, то есть его водили в уборную и на прогулки одного, чтобы он не приходил совсем в общение с другими заключенными. Таких арестантов со строгой изоляцией было несколько в нашем коридоре. Издали мы Нодо видели. Он являл собой очень мрачную фигуру. Потом его выпустили из тюрьмы, но, кажется, взяли под строжайшую опеку вне тюрьмы, результатом чего было появление его корреспонденций во французских газетах с похвалами большевистскому режиму. Мы видели его мрачную фигуру под сводами Бутырок, отлично понимали, какую цену надлежит придавать его комплиментам по адресу большевиков. Сидела с нами группа лиц, привлеченных по делу о политическом шпионаже в связи с деятельностью английского консула Локкарта⁹⁰. То были молодой человек Фриде⁹¹, один американец и тот самый военный судья, с которым я познакомился в Чека на Лубянке. Вся ту компанию, которая на Лубянке составляла нашу коммуну, кроме румынского дипломата, доставили в Бутырки. Молодой человек со своим отцом, Арсеньев и другие сидели в общем корпусе, и я встречал их в церкви. Военный судья просил меня устроить его в наш одиночный корпус, и это удалось благодаря нашему любезному начальнику тюрьмы, который иногда вечерами являлся в нашу камеру и беседовал с нами. Теперь судья сидел в нашем коридоре вместе с Фриде. Приплели его к делу Локкарта совершенно зря. Ему предстояло судиться по этому делу вместе с Фриде и американцем.

Через некоторое время появился у нас на прогулках новый

субъект. Он ходил по дворику, еле передвигая ноги. Его лицо представляло собой какую-то мертвую маску, ни кровинки. Глаза были совершенно потухшие. Иногда, смотря на него, можно было подумать — живой ли это человек или труп, искусственно приводимый в движение? То был Иоффе⁹², обвинявшийся в какой-то прикосновенности к Ярославскому восстанию. Вдруг как-то раз утром по всему нашему громадному корпусу зазвенел громкий радостный смех и пронзительный голос звучал, не переставая, бурными переживаниями. Человек этот бегал по коридору, обнимал встречающих, хохотал, что-то рассказывал необычайно веселое. Мы не могли опомниться от удивления, увидав, что то был наш ходячий мертвец Иоффе. Секрет этого превращения состоял в том, что Иоффе был кокаинист. Он только что раздобыл какими-то способами кокаину и воскрес из мертвых, превратившись в истерического весельчака.

Мало-помалу стали к нам насаживать арестованных большевиков. Они попадали в тюрьму за различные преступления по должности. Нам особенно повезло на следователей, избличенных во взятках. Боже, какие это были все идиоты! Мы только изумлялись тому, что на должность следователей большевики сажают настоящих кретинов. Болтался среди нас еще молодой немчик из Прибалтийского края. В котелке, в легком пальтеце, в узеньких брючках и штиблетах он имел вид какой-то сосульки. Он часто менял камеры и всем сожителям внушал почему-то отвращение. Мне с ним еще пришлось встретиться много позднее при дальнейших моих тюремных скитаниях, о чем скажу в своем месте. Я перебрал, кого смог припомнить из тех, которые делили с нами тюремное заключение более или менее продолжительное время. Но было еще очень много мимолетных арестантов. Нет-нет, да вдруг и появится неожиданная фигура.

— Зачем вы сюда попали?

— Да пришел вчера вечером в гости, а там — обыск, вот и меня забрали.

Таких случаев было очень много. Но и помимо неожиданных попаданий на обыски весьма нетрудно было в то время обывателю очутиться в тюрьме, к полному своему изумлению.

Однажды после ужина играем мы в свое лото и вдруг видим, мимо нашего окна по коридору движется шествие: дежурный надзиратель, за ним надсмотрщик, а за ними тихими шагами, в нахлобученной на голову шляпе, с лицом, выражающим беспредельное

недоумение, плетется Николай Алексеевич Каблуков⁹³ — профессор статистики и политической экономии. Мы ему крикнули: «Выто к нам зачем, Николай Алексеевич?» Он безмолвно развел руками, вытаращив на нас глаза. Его посадили вместе с судьей. Он пробыл в тюрьме весь следующий день, гулял с нами по дворику все с тем же выражением застывшего на лице недоумения. К вечеру его выпустили на свободу. Каким образом он попал к нам, мы так и не могли добиться. Один человек несомненно остался в выигрыше от ареста Каблукова. Сидел в нашем коридоре один студент. Во время «оправки» он оказался соседом с Каблуковым и этими минутами воспользовался, чтобы сдать Каблукову зачет.

Потом так же неожиданно и мимолетно появился у нас присжанный поверенный Гольдовский⁹⁴. Явился он вместе с каким-то артельщиком. Артельщик попал как кур в ощи́п. Он принес Гольдовскому какие-то бумаги для подписи от какой-то фирмы и попал в тот самый момент, когда Гольдовского увозили из его дома в тюрьму. Прихватили кстати и артельщика. Но курьезно было то, что Гольдовский освободился дня через три, а несчастный артельщик долго еще после того все гулял с нами по тюремному дворику и насили-то выцарапался на свободу. Посетил нас на несколько дней М.М. Новиков⁹⁵. Иногда были совсем уже какие-то шальные привозы. Вдруг привезли артистку Гзовскую⁹⁶. Она провела в тюрьме одну ночь за то, что на каком-то концерте продекламировала басню Крылова «Квартет». Большевики приняли на свой счет и прямо с концерта отправили Гзовскую в Бутырки. Но на следующий день был концерт Шаляпина⁹⁷. Шаляпин заявил, что не выйдет на сцену, пока Гзовская не будет выпущена. И ворота тюрьмы тотчас открылись перед ней. Однажды привезли целую свадьбу — и жениха, и невесту, гостей во фраках и бальных платьях, священника и дьякона, и мальчика с иконой. Другой раз доставили целый цыганский хор. То вдруг привезли почти всех московских нотариусов. За ними вскоре последовала партия английских матросов. Наконец рекорд нелепостей был побит следующим эпизодом. Выйдя как-то на прогулку, мы заметили, что за ночь прибыло много новых арестантов и все вновь прибывшие были кривы на правый глаз. Оказалось, что разыскивается преступник, кривой на правый глаз. И вот был отдан приказ тащить в тюрьму с больших улиц всех кривых. В каждой трагедии есть комические сцены.

X

А трагедия разыгрывалась на наших глазах самая ужасная. Развертывалась вакханалия кровавого террора. Я уже говорил выше о казнях, совершившихся незадолго до моего ареста. Теперь следовало продолжение.

Через несколько дней после моего прибытия в Бутырки в седьмом часу вечера загудел автомобиль. По коридору затопали ноги, забряцало оружие. Послышался звук отворяемого замка, потом вскоре опять с шумом кучка людей прошла обратно. Через несколько минут мы уже знали от надсмотрщика, что увезли Будберга. Из газеты на следующее утро мы узнали, что ночью Будберг был расстрелян. И стали люди вдруг исчезать поодиночке.

Гулял я как-то по дворику с арестованным офицером. Он предавался радужным мечтаниям о том, что скоро «все кончится». На следующий день офицер на прогулку уже не явился. Я стал про него спрашивать и узнал, что ночью его взяли «без вещей». Очень волновались сидевшие по делу Локкарта. Я часто гулял с Фриде. Мы говорили о предстоящем их процессе. Он смотрел на дело совершенно верно. «Процесс — декорация, — говорил он, — все дело в том, захотят они крови или нет?» Сестра Фриде⁹⁸ поступила в тюремную больницу сестрой милосердия для того, чтобы быть ближе к брату. Как-то в церкви она стала перед братом на колени и поцеловала ему руку. У меня были с собой маленькие ножницы, каким-то чудом оставшиеся незамеченными при обыске перед входом в тюрьму. Вообще все режущие и колющие орудия при впуске в тюрьму отбираются. Настал день, когда Фриде на прогулке попросил меня одолжить эти ножницы до утра, когда он мне их отдаст на opravке.

— Зачем это вам? — спросил я.

— Завтра нас везут на суд, — ответил он, — я хочу постричься, привести себя в порядок.

На следующее утро мы видели за чаем, когда мимо нашего окна проследовали с конвойными Фриде, американец и судья. Мы успели пожать им руки. К вечеру судья вернулся. Он был приговорен к тюремному заключению на много лет. Фриде не вернулся. Его приговорили к расстрелянию и оставили в заключении в здании суда. Однако исполнение приговора было почему-то отложено. Мы увидели Фриде еще один раз. Неожиданно однажды утром он появился перед нашим окном, окруженный красноармейцами. Он хотел

остановиться у нашего окна, но красноармейцы с силой толкнули его в плечо и увлекли дальше.

— Вот они, опричники! — крикнул Кишкин, не помня себя.

К счастью, солдаты так спешили, что не уловили этого восклицания. Зачем привозили Фриде в тюрьму на несколько минут, оставалось нам неизвестным. Через несколько дней в газетах было напечатано, что приговор над Фриде приведен в исполнение. А еще совсем недавно он ходил с нами вот тут, по этому дворику, и я давал ему свои ножницы. Дико было читать эти газетные строки: приговор приведен в исполнение. Судья рассказал нам про ход процесса. Конечно, процесс был издевательством над правосудием. Крыленко⁹⁹ требовал казни для всех подсудимых. Адвокат Кобяков¹⁰⁰ сказал в своей речи, обращаясь к Крыленко: «Я когда-то потерял свое здоровье, защищая вас в судах; если вы теперь доконаете меня казнями моих подзащитных, то я уже не смогу защищать вас, когда и для вас настанет час возмездия».

Кобяков был в последнем градусе сахарной болезни. Он умер четыре года тому назад здесь, в Праге, на положении эмигранта.

Судье жизнь пощадили. Ему назначили многолетнее тюремное заключение. «Это пустяки, — говорил он, — это только для эффекта, выпустят гораздо раньше».

И точно, я еще встречал его на улицах Москвы до своего изгнания.

Дошла страшная очередь и до Мрозовского. Опять вдруг в коридоре начался шум, топот и бряцание оружия. Появились вооруженные красноармейцы. Шла оправка, камеры были открыты. Мрозовский, красный от волнения, подошел к нашей камере. Кишкин поцеловал его в губы и, крепко пожимая его руку, говорил:

— Вы солдат, будьте мужественны.

Увезли и Мрозовского туда, откуда нет возврата. Где была гарантия безопасности для каждого из нас? Никакой не могло быть гарантии. И лишь только раздавался на тюремном дворе гудок автомобиля, все вопросительно смотрели друг на друга: за кем?

XI

По правилам, установленным Чекой, заключенным разрешались свидания с родными, один раз в месяц, на полчаса, через две решетки, разделенные коридорчиком. К чему такие безобразные ограничения? На стенах тюрьмы еще висели правила времени старого ре-

жима. Их забыли снять. Там говорилось, что свидания допускаются раз в неделю и на гораздо более продолжительное время, нежели на полчаса, и не через две решетки. Эти свидания были мучительны. Видишь перед собой дорогое существо. Хочется заключить его в объятия. А тут две решетки, между которыми по коридорчику ходит дежурный. Разговор никакой невозможен. Место свидания представляет собой ряд стойл, примкнутых к решеткам. Во всех стойлах — по одному человеку. Свидание идет одновременно для многих арестованных. Шум и гам стоит такой, что приходится кричать, надсаживаясь, чтобы хотя какое-нибудь слово долетело до собеседника. Я дважды имел свидание при таких условиях. Ко мне приходили жена и дочери. Я только видел их растерянные лица. Должно быть, им тяжело было видеть меня за решеткой и не иметь возможности ни прикоснуться ко мне, ни перемолвиться со мной хотя сколько-нибудь толково. А я чувствовал в эти минуты свиданий невыразимую жалость к ним. Полчаса пролетали как одна минута. И вот уже опять на целый месяц надо оторваться друг от друга и довольствоваться только тем, что иногда после передачи увидишь с высоты верхнего этажа через два окна туманный силуэт знакомой фигуры. А при моей сильной близорукости мне и видеть-то удавалось очень немного. Нет, эти свидания только разжигали желание увидеть своих как следует и подчеркивали его недостижимость.

Время шло да шло. Вот уже и осень кончилась. Зимой повеяло. Уже снег выпал. Уже из дому мне прислали шубу. А положение мое оставалось все в полной неопределенности. Доходили смутные слухи о том, что о моем освобождении хлопочет большевик Рязанов¹⁰¹. Я никогда не был с ним знаком. Но он знал меня по моим сочинениям. Рязанов вообще поставил себе задачей покровительствовать ученым и писателям и вызволять их из Чеки. Однако пока что ничто еще не свидетельствовало о каких-нибудь результатах его хлопот относительно меня. И мне как-то плохо верилось в справедливость упомянутых слухов. «Придется здесь зазимовать», — думалось мне.

Как-то раз после обеда я шагал по нашей камере по диагонали от двери в противоположный угол и обратно. Кроме меня в камере был только Шполянский. Остальные были — кто на свидании, кто у доктора. Я шагал и думал: вот сейчас я приближусь к двери, вдруг дверь раскроется и я услышу голос: «Кизеветтер на свободу!» И что же вы думаете? В двери вдруг щелкнул замок, она распахнулась, и раздался голос:

— Кизеветтер здесь?

У меня дух захватило.

— Здесь.

— Собирайте вещи, пойдете в больницу.

Это что значит? Я в больницу не просился. Никаких заявлений о болезни не подавал. И мне совсем туда не хочется. А может быть, — мелькнуло у меня в голове, — это предварительный этап к освобождению, может быть, это часть плана тех, кто обо мне хлопочет? Я очень взволновался. Шполянский дал мне валерьянки. Надо было собирать вещи, увязывать узел. Через четверть часа за мной должен был явиться конвойный. Шполянский помогал мне. Мне было ужасно жалко, что придется покинуть нашу камеру, не простившись с отсутствующими товарищами. Вот явился и конвойный. Я поцеловался с Шполянским и стал вслед за конвойным спускаться по лестнице. Вышли из здания нашего корпуса, пересекли двор и очутились по ту сторону стены, опоясавшей участок тюремных корпусов. Как-то сразу расширился горизонт. Тюремная больница, состоявшая из нескольких бараков, рассыпанных по широкому двору, обсаженному деревьями, находилась не в центральном, а уже во втором концентрическом круге тюремной территории, который был обрамлен более низкой стеной, нежели та, что сжимала собою тюремные казематы. Получалось впечатление, что я попадал действительно в какую-то промежуточную территорию между тюрьмой и волей. При входе на территорию больницы я был присоединен к кучке других арестантов, также направляемых в больницу. То были все интеллигентные люди, явно не политические арестанты, если не считать одного псаломщика, долгового парня с гулким басом, который мог быть арестован по своей принадлежности к церковнослужителям. Он сейчас же объяснил мне, что мне надо проситься в ту палату, где находятся политические арестанты, и назвал номер палаты. Это была с его стороны немалая услуга, которой я и не преминул воспользоваться.

Нас ввели в приемную, и здесь предстояло подвергнуться неприятности. Фельдшер, принимая нас по списку, совал каждому под мышку под расстегнутую рубашку термометр для определения температуры. Разумеется, он совал всем по очереди один и тот же термометр, а мои компаньоны все были довольно грязны, и весьма было возможно, что среди них были больные. Я кое-как обтер этот злосчастный термометр концом своей рубашки и с омерзени-

ем сунул его под мышку. Температура у меня, конечно, оказалась нормальная. Тех, у кого температура была повышенная, фельдшер направлял в карантинный барак для дальнейшего диагноза. Остальных стал расписывать по палатам. Мне думалось, что при всех этих порядках вхождение в больницу есть лучшее средство схватить какую-нибудь инфекцию. Но предстояла еще и вторая неприятность. Надо было снять и сдать в больничное депо все верхнее платье и облечься в больничный халат. Принесли халаты. Все поношенные. Опять недурной способ схватить какую-нибудь мерзость. К счастью, служитель предложил мне халатик, только что полученный из мастерской. Я от души поблагодарил его. Фельдшер сразу сам назначил [меня] в ту самую палату, о которой говорил псаломщик, который тоже был определен туда.

Нас ввели в довольно просторную комнату, уставленную кроватями и наполненную людьми в халатах. Сейчас же раздались приветственные восклицания. Это приветствовал мое появление Мельгунов¹⁰², уже порядочное время сидевший здесь. Мы очень обрадовались друг другу. Нашлись и другие знакомые. Встретил я здесь господина, с которым когда-то, давным-давно, когда я был молодым преподавателем, а он студентом, мы играли в одном любительском спектакле. И вот через длинный ряд лет такая встреча!

Был тут директор частной гимназии Флеров¹⁰³, чешский консул в Москве — Рикси¹⁰⁴ (теперь мой сосед здесь, под Прагой!), генерал Эверт¹⁰⁵, писатель Столпянский¹⁰⁶ и ряд других лиц, все из интеллигенции.

Мой псаломщик немедленно устремился в тот угол, где на кровати восседал маленького роста, седой, сухонький и востренький монах. Псаломщик вступил с ним в оживленную беседу. Мельгунов, ставший моим чичероне в новой обстановке, сейчас же сообщил мне, что этот монах есть не кто иной, как известный сподвижник распутинской компании епископ Варнава¹⁰⁷. Незадолго перед этим мы читали в своей камере № 0,2 в «Известиях» показания Варнавы следователю и были свидетелями того, какое возмущение вызвали эти показания среди духовенства, сидевшего в одиночном корпусе. Варнава в этих показаниях расшаркивался перед большими и наплел немало далеко не безопасных вещей на разных духовных лиц.

Мельгунов сообщил мне тут же, что Варнава, приехав в больницу с допроса и увидев, какое дурное впечатление произвели на

всех его показания, напечатанные дня через два в газетах, отслужил в палате молебен и сказал слово на тему того места Евангелия, где сказано: «Когда вас призовут перед князи, и не думайте о том, что вам глаголати, ибо Дух Святой сам внушит вам, что глаголати»¹⁰⁸. Так Варнава перелагал ответственность с себя на Духа Святаго. Вряд ли этот тактический маневр удовлетворил негодующее на Варнаву духовенство. Я с любопытством разглядывал издали этого епископа. Поглядывал и он на меня.

Скоро подали ужин. Пища в больнице была много лучше, нежели в тюремных корпусах. Ее можно было есть и даже насыщаться. Существенным добавлением к ужину явились вкусные припасы, которыми со мной поделился Мельгунов. Вскоре после ужина в палату явился доктор, не тот, который состоял при тюрьме, а другой, когда-то высидевший в молодости не малое время в этих самых Бутырках за политическую неблагонадежность. Большевистский переворот застал его на месте врача тюремной больницы. К большевикам он относился с полной ненавистью и всей душой сочувствовал нам. Наскоро опросив всех о состоянии здоровья (в этой палате не было настоящих больных, а все больше переутомленные, нервно расстроенные, истощенные), он засиделся и закалялся с нами. Он шутил, рассказывал анекдоты, видимо стараясь поднять настроение своих пациентов, и во время беседы время от времени быстро совал в руку некоторым из пациентов записочки. То были записочки от родных, которые через посредство доктора сообщались письменно с заключенными. Все продолжая шутить и рассказывать разные разности, он вдруг ударил себя ладонью по лбу и сказал Мельгунову:

— Ах, да, я ведь вам давно должен, — и передал ему пачку денег.

Мельгунов даже вспыхнул от неожиданности. Разумеется, то были деньги от жены Мельгунова. Когда доктор ушел, меня позвали взять ванну. Ванна была устроена весьма неудобно. Нетрудно было простудиться. Я постарался возможно скорее проделать эту операцию. Когда я вернулся в палату, там уже приготавливались ко сну. Существенной частью этих приготовлений был вынос параша. Так как параша была одна на всю палату, то она представляла собой столь объемистую кадку, что тащить ее приходилось целой компанией. Наконец все улеглись. Лампу притушили.

Я лежал и соображал, как бы мне узнать, каким образом и в силу чего я попал в больницу и что это может означать для моей

дальнейшей участи. Хотел я было прямо спросить о том давеча у любезного и словоохотливого доктора, но для первого раза постеснялся, притом же не хотел заводить о том речь при других. Среди этих размышлений я и забылся сном.

XII

Наутро я встретился в умывальной комнате с Варнавой. Он тотчас заговорил со мной. Предлагал вопросы на разные политические темы. Я отвечал весьма осторожно и туманно. Потом мне сообщили, что он сказал кому-то про меня: «Замысловатый старичок».

В больнице режим отличался от общетюремного некоторыми чертами. Пища была несравненно лучше. Прогулки длились гораздо более получаса, и притом гулять приходилось не по тесному дну мрачного колодца, а по аллеям между деревьями; стены, окружавшие двор, были невысокие, видно было много неба, и по всему этому прогулка доставляла больше удовольствия. Главное же преимущество состояло в том, что свидания с родными давались здесь не через решетку, а можно было сидеть рядом с пришедшими на свидание, можно было поцеловаться с ними и беседовать свободно, так как надзиратели, похаживая по комнате, не подходили вплотную к разговаривающим. Ближайшей моей целью и стало добиться свидания с женою здесь, в больнице.

На прогулке можно было встретить и тех, кого видел в других палатах. Я увидел тут Алексинского¹⁰⁹, того самого, который когда-то заседал вместе со мною во второй Государственной думе, являясь тогда лидером фракции социал-демократов большевиков, а потом превратился в националиста. Обратил на себя мое внимание один молодой человек, низкого роста, плотный, мускулистый, с большими выпуклыми глазами. Он ходил по аллеям быстрыми легкими шагами без верхнего платья, хотя стоял морозец. Он помещался в нашей палате. Это был молодой офицер, арестованный за участие в противобольшевистской организации. В женском отделении той же больницы сидела его молодая жена, такая же большеглазая. Он хорошо пел и артистически делал гимнастику с разными акробатическими упражнениями, которые он выполнял легко, изящно и ловко. Я слышал потом от доктора, уже по освобождении моем из тюрьмы, что его и жену его расстреляли. Продолжительная прогулка занимала здесь значительную часть времени до обеда. После обеда все отдыхали на крова-

тях. Потом в сумерках составлялся хор. Пели хоровые песни. Многие играли в карты. Кое-кто прохаживался по палате. Директор Флеров ходил медленными размеренными шагами с таким же удивленным лицом, какое было у Н.А. Каблукова. Его впоследствии выпустили на свободу, но предварительно ему пришлось провести одну ночь на Лубянке в Чеке, и это стоило ему жизни, он схватил там тиф и вскоре по возвращении домой умер. В этих занятиях время дотягивалось до ужина. После ужина являлся милый доктор (его фамилия была Голубинцев¹¹⁰), и начиналась оживленная общая беседа. Вскоре доктор принес мне письмо от жены. Моя семья уже вошла с ним в сношения. Из этого письма я узнал то, что меня интересовало. Оказалось, что водворение меня в больницу было не этапом к освобождению, а заменой освобождения. Хлопотавшие о моем освобождении напирали главным образом на мое болезненное (якобы) состояние. Отсюда те, кому надлежало, и сделали вывод: коли он болен, то его надо отправить не на свободу, а в тюремную больницу.

Ввиду этого известия пребывание в больнице утрачивало в моих глазах значение; несмотря на упомянутые выше благоприятные особенности больничного быта, я предпочитал вернуться в камеру № 0,2. Там у нас царил дух бодрой самодисциплины, а посещения церкви давали возможность разнообразных встреч со многими людьми, попадавшими в разные корпуса Бутырок. Здесь же, в больнице, мы варились в собственном соку. Притом настроение здесь преобладало кислое, стариковское. Мы жили тут и в прямом, и в переносном смысле «в халатах». Все вздыхали, охали, кисли. Мельгунов, большеглазый офицер и я составляли, кажется, единственное исключение. Подошли зимние дни. Смеркаться стало очень рано. Между тем на всю палату была только одна лампа, подвешенная к потолку. Читать при таком освещении я не мог. Большинство играло в карты. Я не играл ни в какую игру. Оставалось слоняться из угла в угол и вести разговоры с Флеровым, настроенным уныло-недоумевающе, с Рикси, который томился и все спрашивал, когда все это кончится, с моим старым знакомым по любительскому спектаклю, который тоже ходил повеся нос. Все это было весьма скучно. Некоторое развлечение представлял Варнава. Когда он подходил к окну, смотрел на звезды, согнувшись и кряхтя, мне представлялся Иван Грозный, истощенный болезнью и смотрящий через окно на зловещую комету. Иногда в окно раздавался легкий стук. Варнава кого-то благословлял через окно, что-то го-

ворил через стекло и возвращался на свое место. И так мне хотелось вернуться к своим товарищам в камеру № 0,2. Предварительно мне еще было нужно дождаться свидания с женой в более свободной тюремной обстановке.

Между тем в больнице началось оживление. Пошли толки о том, что по случаю недавней годовщины большевистского переворота подписаны распоряжения об освобождении многих арестантов и скоро начнут приводить в исполнение эти распоряжения. И точно, почти ежедневно после обеда в палату стал являться надсмотрщик с бумажкой в руке. Он становился в позу и возглашал: «На свободу гражданин...» — и затем делал продолжительную паузу. Можно представить себе, как напряженно все ждали продолжения, а он наслаждался эффектом и держал всех на медленном огне. Наконец он произносил фамилию освобождаемого, и названный счастливчик собирал вещи, со всеми прощался и скрывался за дверью. Одним из первых был освобожден Мельгунов. Потом последовал ряд дальнейших освобождений. Однажды не в обычный послеобеденный час, а много позднее, уже ближе к ужину, в камеру явились два вооруженных и вызвали генерала Эверта «на свободу». Генерал страшно взволновался. С ним сделался сердечный припадок.

— Да неужели правда на свободу! — наконец произнес он задыхающимся голосом.

— Скорее, скорее! — сказал красноармеец. — Автомобиль дожидается.

Упоминание об автомобиле еще более испугало генерала. Он подозревал, что его ждет не освобождение, а расстрел. А красноармейцы все торопили. Генерал простился со всеми и в крайнем волнении последовал за красноармейцами. К счастью, на другой день мы узнали, что генерала точно освободили. Автомобиль был нужен потому, что генерала из тюрьмы повезли в Чеку, на Лубянку, а оттуда уже выпустили на свободу. Он лично принес на следующий день передачу своему соседу по койке, дабы успокоить нас насчет своей участи.

Дошла очередь и до моего знакомого по любительскому спектаклю. Впрочем, он получил свободу иным порядком. Ему предстояло судиться по явно вздорному обвинению в спекуляции. В ожидании суда он и сидел в тюремной больнице уже несколько месяцев. И вот надсмотрщик как-то утром сказал ему, что в контору пришла повестка, вызывающая его к следователю. Но день прошел, повестки ему не предъявили. Ложась спать, он был очень рас-

строен. Он подозревал, что надсмотрщик просто пошутил над ним, и он не выдержал и плакал от огорчения. Однако на следующее утро повестка была предъявлена, и его увели к следователю. После нашего обеда он вернулся, и — каким сияющим! Он был уже переодет в свой домашний костюм, вошел бодрой быстрой походкой, точно воскрес и ожил. Следователь ликвидировал его дело, не признав наличности состава преступления. И он уехал от нас на волю. Потом я встречал его еще в Москве.

Но вот полоса освобождений кончилась. Меня она не коснулась. Без Мельгунова мне стало еще скучнее. А дело со свиданием не налаживалось. Свидания полагались раз в месяц. Этот срок еще не исполнился со времени моего предшествовавшего свидания с женой. Тут-то и была закорючка. Но на помощь пришел Мензбир¹¹¹. Он соорудил в качестве ректора университета хитроумную бумагу в том смысле, что моя жена должна мне передать какие-то его распоряжения по университетским делам, что это неотложно, и потому он просит дать жене экстренное свидание со мною в тюремной больнице. Эта бумага возымела действие, и вот я получил наконец великое счастье обнять мою жену, посидеть с ней рядом и наговориться. Насчет шансов моего освобождения она не могла мне сообщить ничего утешительного. На следующий же день я подал заявление о моем желании выписаться из больницы в одиночный корпус. Голубинцев очень жалел, что я покидаю больницу, уговаривал меня не делать этого. Но я не изменил своего решения.

XIII

В камере № 0,2 меня встретили с распростертыми объятиями. Словно я вернулся к себе домой из какой-то поездки. За время моего отсутствия в обиходе одиночного корпуса произошел ряд перемен. Во-первых, я встретил некоторых новых лиц. Взираясь по лестнице одиночного корпуса с своими узлами, я увидел спешащего мне навстречу Ив. Алекс. Ильина¹¹². Он несколько дней уже пребывал в Бутырках, так же как и я, не имея понятия о том, какое ему предъявляется обвинение. Просидел он затем недолго. Почти ежедневно ему приносили вместе с передачами огромные букеты цветов, очевидно, от его многочисленных поклонниц.

В мое отсутствие в нашей камере побывал неожиданный гость. Посадили в Бутырки нашего костромского кадета Огородникова¹¹³.

Он расположился на моей койке и пробыл в камере № 0,2 недели полторы (мое сидение в больнице продолжалось около двух недель). При нем в нашей камере лото заменилось винтом. Огородников все более лежал на койке и читал романы из тюремной библиотеки. Затем его освободили. Но смерть уже витала над его головой. Вскоре его вновь арестовали по обвинению в участии в какой-то конспиративной организации, и он был затем расстрелян вместе с Черносвитовым¹¹⁴.

К лото мои товарищи в камере № 0,2 уже не возвращались. По вечерам после ужина они винтили. Начали было и меня обучать этой игре, но я оказался столь неспособным к усвоению этой премудрости, что пришлось махнуть на меня рукой. При каждом моем ходе Кишкин хватался за бока и качался от смеха.

Кроме Ильина я нашел в нашем коридоре и еще новых сидельцев. Привезли в Бутырки Александра Самарина¹¹⁵, бывшего московского предводителя дворянства, и Джунковского¹¹⁶, бывшего московского губернатора, а впоследствии товарища министра внутренних дел и начальника корпуса жандармов. Они поселились вдвоем в одной камере. На стенах тюрьмы еще висели забытые на них старые «Правила внутреннего тюремного распорядка», подписанные Джунковским. А теперь сам Джунковский ходил мимо них по коридору в качестве арестанта, приходилось и ему самому прилагать старания к тому, чтобы исподтишка нарушать иные из этих правил. Так, по некогда подписанным им «Правилам» строго воспрещалось заниматься в камерах варкою пищи. А теперь я видел, как Джунковский, присев на корточки, разогревал в уголке котелок в то время, как Самарин старался заслонить Джунковского и его котелок своей фигурой. Я заметил эту сцену, проходя мимо их камеры на opravку. Мы много смеялись на этот счет на прогулках, и Джунковский смеялся больше всех. Ирония судьбы!

Впрочем, Джунковский мог спокойно и, может быть, даже не без горделивости взирать на свои тюремные правила. По сравнению с порядками, которые применялись к нам большевиками, эти правила были куда либеральнее. Я уже упоминал об этом выше, когда говорил о свиданиях. На прогулках к Джунковскому очень липнул какой-то субъект с кривыми рахитическими ногами. Говорили определенно, что это был шпион и провокатор. Самарин и Джунковский надолго засели в тюрьме. Впоследствии их судили. Самарина за участие в церковных делах, к которым он был всегда

близко прикосновенен. На церковном соборе в Москве он был даже одним из кандидатов в патриархи. Самарин держался на суде с большой смелостью и достоинством. Он говорил прямо, что не боится страданий за верность Христу и его церкви и почтет для себя счастьем принять всякие муки. Конечно, Крыленко требовал смертной казни. Но видно, и судьи поняли, что смертная казнь ввиду поведения Самарина на суде лишь окружила бы его ореолом мученичества, и Самарин был присужден не то к пожизненному, не то к какому-то необъятно долгому заключению. Такой же приговор был вынесен и Джунковскому. Джунковский был известен тем, что, будучи московским губернатором, он относился с большой гуманностью к «политическим» и многих вызволял из большой беды. Товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов он пробыл без году неделю и быстро пал из-за своей борьбы с Распутиным¹¹⁷. Многие думали, что это явится для него главным козырем при защите на суде. Но председатель суда борьбу с Распутиным как раз и поставил Джунковскому в главную вину. «Вы хотели свалить Распутина, это значит, что вы хотели оздоровить и тем укрепить монархию», — так поставил вопрос председатель на суде.

Стремление укрепить монархию принималось за смертный грех, и Крыленко требовал «уничтожить» подсудимого. Однако многочисленные свидетели раскрыли разительные факты, из которых было видно, как много делал Джунковский для облегчения участи тех, кому грозили тяжелые кары за политическую неблагонадежность при прежней власти. Блестящую речь в защиту Джунковского произнес при этом актер Южин (Сумбатов)¹¹⁸. Казалось бы, надлежало отпустить Джунковского на все четыре стороны. Но большевики считали за великую милость со своей стороны уже то, что Джунковскому была оставлена жизнь. Подобно Самарину, он был присужден к бесконечному сидению в тюрьмах и концентрационных лагерях. Они действительно просидели очень долго. Потом их все же отпустили на свободу, потом снова сажали и выпускали, не знаю, как им живется в настоящий момент.

Прибыли в наш корпус и новые лица из среды духовенства. Между ними мне был наиболее симпатичен епископ Вятский Никандр¹¹⁹. Он располагал к себе открытым характером, простотою обращения, благородством душевного облика. Он держался непринужденно, на прогулке бросался снежками с французскими офицерами, которые тоже вдруг наполнили наш корпус на некоторое время. Я подружился

с ним, мы часто беседовали. Его много раз сажали, выпускали и опять сажали, судили вместе с другими духовными лицами и в конце концов довели до того, что он сошел с ума.

Застал я по возвращении из больницы и ряд перемен в порядках в обиходе нашего корпуса. Одни перемены были к лучшему, другие к худшему.

Во-первых, явилось некоторое послабление по части запира-ния камеры. Было разрешено держать камеры незамкнутыми между обедом и ужином, и в это время мы получили возможность посещать друг друга в разных камерах. Тут, между прочим, многие начали ходить к Кишкину, потому что он лепил с них бюстики. Затем, заключенным предложено было принять участие в разда-чах по камерам обеда и передач, для того чтобы иметь надзор за дежурными уборщиками, которые при отправлении этих обязан-ностей делали разные злоупотребления. В числе заключенных, выз-вавшихся нести эту работу, был и наш Шполянский. Это очень было для него кстати, он томился по внешней деятельности. Ему хотелось двигаться. Теперь у него явилось именно такое дело, за-нимавшее порядочную часть дня. Притом тем, кто принял учас-тие в этих работах, разрешено было находиться вне камеры, хо-дить по коридорам значительную часть дня. Они могли подходить в коридорах ко внешним окнам, видеть двор, даже часть улицы. Шполянский очень был всем этим доволен.

Явилась и еще новость. Желавшим было предложено посещать тюремные мастерские для обучения ремеслам. Многие охотно взя-лись за это. Впрочем, из нашей камеры решили заняться этим де-лом только Кишкин и я. Шполянский погрузился в работу с убор-щиками. Мячин не отличался вообще подвижностью. Романов упи-вался чтением. Кишкин и я охотно воспользовались новым средством разнообразить тюремную жизнь. Посетителям мастер-ских несколько увеличили хлебный паек. Но конечно, дело было не в этом, а в том, что теперь мы время между обедом и ужином могли проводить вне своей камеры, среди других лиц, за новой ра-ботой. Это очень освежало и развлекало. Кишкин стал ходить в столярную мастерскую. Я выбрал переплетную. Мастерские были расположены в том же корпусе, но в других частях его, нежели наши камеры. Уже одна эта прогулка по всему корпусу давала развлече-ние. В переплетной мастерской собиралось довольно много духо-венства. Был тут и епископ Никандр, который и явился моим не-

посредственным наставником в переплетном деле. Часто приходил Самарин. Впрочем, он не работал, а толковал с духовенством о церковных делах и пел церковные стихиры вместе с хором священников и дьяконов. Мы переплетали книги из тюремной библиотеки. Я все переплетал книжки философского журнала «Логос»¹²⁰. Курьезны были посещения нашей мастерской дежурными надсмотрщиками. Сидели мы на скамейке рядом: я, профессор Московского университета, Никандр, епископ Вятский, и какой-то бывший крупный чиновник. Является надсмотрщик, мальчишка лет 19, становится в позу и с важностью произносит: «Здравствуйте, молодцы-переплетчики!» И три седых «молодца» поднимаются и приветствуют начальство.

Некоторое новое развлечение доставило посещение камер фотографом. Всех тотчас после ареста снимали в профиль и анфас в фотографии, состоявшей при Чека. Это была съемка в полицейских целях. Теперь же в тюрьму был командирован фотограф, который снимал нас в камерах для увековеченья сцен тюремного быта. Уже не знаю, для чего это понадобилось, кто это придумал. Снимки предназначались для какого-то устроенного большевиками музея, но фотограф сообщил, что наши родные могут получить снимки, с нас снятые, и указал, как это можно будет через него сделать. Действительно, снимки были нашими родными получены. Самарин почему-то ни за что не хотел подвергнуться фотографированию и прятался за спины товарищей. Он находил унижительным фигурировать на снимках на положении арестанта. Мы никак не могли понять этой точки зрения. Мы находили, что наш арест унижает только тех, кто нас держит в тюрьме. Я даже говорил, что ничего не имел бы против того, если бы меня посылали под конвоем разгребать снег перед университетом. Это было бы зрелище, могущее возбудить в проходящей публике полезные настроения.

В это время у Кишкина смертельно заболела мать. Ему разрешили с ней проститься. Вечером его с конвойными свезли на извозчике в его квартиру для этой цели. А у меня умерла сестра. Но о прощании с сестрой не могло быть и речи.

Еще одна новость состояла в том, что в тюрьму стали то и дело приезжать всевозможные комиссии. Они вызывали каждого из нас и всегда предлагали одни и те же вопросы. Начиналось с вопроса:

— За что вы арестованы?

— Мне это неизвестно.

— Но вы должны же это знать.

— Мне кажется, это должны знать те, кто распорядился меня арестовать.

— Так вы не желаете отвечать на этот вопрос?

— Не не желаю, а не могу, ибо мне это неизвестно.

Затем следовал вопрос: «Как вы относитесь к советской власти?»

Обычным ответом на этот вопрос было: «Лояльно». Это значило просто: «Отвяжитесь». Но бывали и любопытные вариации. Один профессор государственного права ответил: «Как к предмету изучения».

А один водовоз сказал:

— Я ее жалею.

— Это почему? — спросил допрашивающий, вытаращив удивленные глаза.

— Да уж очень ее ругают, — ответил остроумный водовоз.

Приезды комиссий очень нам надоедали. Приходилось писать бесчисленные анкеты все на одни и те же вопросы. Это была какая-то сказка про белого бычка. Мало-помалу становилось ясно, что эта возня с комиссиями и анкетами началась потому, что Чека потеряла всякую нить в деле регистрации арестантов. Нахватали тьму людей, рассовали их по тюрьмам и сами не знали хорошенько, кто у них сидит. Хаос был полный. В результате этого хаоса иные арестанты оказывались нигде не записанными в Чека, и человек сидел в тюрьме, забытый властью, и сидение его длилось бесконечно. Теперь, по-видимому, кто-то спохватился. Стали разбираться в этом хаосе, но разборка пошла тоже в высшей степени бестолково. Толкались на одном месте, и без конца спрашивали об одном и том же, и начинали все сначала. Одной из таких комиссий я заявил, что вот сижу уже три месяца ни разу никем не допрошенный. В тот же день меня вызвали к допросу здесь же, в тюрьме. Мои товарищи с большим любопытством, даже волнением ждали моего повествования о допросе: ведь их тоже еще не допрашивали. Но допрос мой носил характер комедии. Следователем оказалась какая-то девица нерусская, неопределенной национальности, совершенная невежда в русских политических делах. Она ничего не знала обо мне, никогда не слыхала моей фамилии, не имела представления о «Русских ведомостях», о Партии народной свободы и тому подобном. Было очевидно, что допрос назначили для проформы и запись допроса просто будет брошена в корзину.

XIV

Я отметил благоприятные новости в обиходе нашего корпуса. Но был ряд новостей и противоположного свойства. Большевики явно начали подбираться к начальнику тюрьмы, которого с полным основанием не считали надежным агентом своей власти. Каким-то образом он еще держался на своем посту. Но его стали обставлять новыми органами, стеснявшими его действия. Появился в тюрьме особый комиссар-большевик, необразованный и нахальный. Появилась какая-то коллегия, назначенная Чекой. Начальник тюрьмы был оттираем на задний план, и уже нельзя было рассчитывать на его содействие в деле облегчения нашего положения. Вероятно, почуяв это, низкий персонал служителей — надсмотрщики, уборщики и тому подобные, недовольные установленным над ними надзором со стороны выбранных от заключенных — перешли в наступление. Прежде всего, они повели подкоп под нашу камеру. Им хотелось выдворить нас из камеры № 0,2; во-первых, для того, чтобы камера эта по-прежнему была отдана уборщикам, а во-вторых, чтобы разъединить нас, ибо мы дружно отстаивали наши права в разных мелочах тюремной жизни. Начались мелкие, но досадные прижимки. Не отпирали нашу камеру в надлежащие часы. Нарочно долго не выпускали нас на opravку и тому подобное. Мы протестовали. Стали усиленно следить за нашим котелком, чтобы поймать нас на варке пищи с поличным. Мы изошлись в изобретательности, дабы избежать этого. Пошла игра в кошки-мышки. Наконец, когда один надсмотрщик набросился на нас с площадной бранью, мы устроили громкий скандал. Кишкин и я орал на надсмотрщика неистовыми голосами. Прибежал «член коллегии». Стал брать надсмотрщика под свою защиту, оправдывая его «необразованностью». Мы так разошлись, что накричали и на члена коллегии. После этого многие заключенные в страхе пророчили нам, что нас теперь сживут со света, что нам не избежать суровых кар. Однако вместо того грубого надсмотрщика из нашего коридора убрали, и к нам стали относиться с какой-то опаской. Кишкин говорил, что в тюрьме вообще можно погибнуть, если боятся давать отпор. Я же был склонен думать, что мы все-таки сильно рисковали этой историей, и обернулась она не во вред нам, всего скорее, в связи с какими-нибудь трениями в самих начальственных кругах, которые нам, конечно, были неизвестны.

Между тем комиссии и анкеты стали понемногу давать некоторые результаты. Кстати, еще два слова о комиссиях. Приехала как-то в тюрьму одна из них. Когда дошла очередь до меня и я пошел к столу, за которым заседали члены комиссии, все зеленая молодежь обоего пола, один из них вдруг весь вспыхнул как маков цвет. На этот раз меня отпустили очень скоро. Потом мне сообщили, что, когда я удалился, покрасневший как рак член комиссии всплеснул руками и сказал: «Ведь это профессор Кизеветтер! Ведь я его слушал в университете Шанявского! И помню, как пристав за ним шпионил и что-то в бумажку записывал». Стыдно-таки стало этому юнцу допрашивать своего старого профессора. Мне вспомнилось тут нахал, который, делая у меня обыск, без всякой краски на лице отрекомендовался моим слушателем.

Результат бесчисленных комиссий выразился в том, что некоторые явно вздорные дела получили движение. Стали кое-кого освобождать. О положении моего дела не было ни слуху ни духу. И вдруг мне принесли бумагу. В ней было написано, что я зачислен в политические заложники и в качестве такового буду переведен из тюрьмы в концентрационный лагерь.

В этой новости была и утешительная, и мрачная сторона. Первая заключалась в том, что, по общим уверениям, заключение в концентрационных лагерях много легче, нежели в тюрьме, так что из лагерей в виде наказания переводят в тюрьму. Лагери расположены по Москве в монастырях. Там внутри лагеря можно все время свободно передвигаться куда угодно без конвойных, замыкающихся камер нет, нельзя лишь выходить за черту лагеря, наконец — оттуда пускают на побывку домой в известные дни. Все это, конечно, было привлекательнее сидения в Бутырках, где все уже осточертело и однообразие тюремной жизни начинало угнетать все сильнее. Опасность, сопряженная со званием «заложника», не имела в моих глазах значения: ведь, в сущности, все мы, обитатели большевизии, были фактически заложниками. В любой момент каждого из нас могли схватить и убить. Но мрачная сторона полученного мною распоряжения состояла в том, что я, таким образом, должен был расстаться с надеждой вновь получить возможность заниматься обычной деятельностью, я отрывался от университета, от научных занятий, от свободного распоряжения своим временем, от общения со знакомыми. Не говоря уже о том, что короткие отпуски домой не могли заменить жизни в семье. И главное, все

это пришлось бы претерпевать, осознавая, что такое может длиться до бесконечности.

Я раздумывал о всем этом и живо представлял себе, какой это будет удар для жены и детей, и сердце мое сжималось. Подходило Рождество. Уже за несколько недель перед тем всем заключенным было доставлено еще одно большое огорчение. Упразднили тюремную церковь. Запретили совершать в ней богослужения. Из предшествующего повествования читатель уже знает, какое это было глубокое лишение для всех нас. И вот теперь на прогулках все чаще заходила речь о том, как будет обидно остаться без богослужения на Рождество и Крещение. Решено было добиваться разрешения на богослужение хотя бы только в первый день Рождества и в день Крещения. Начали подавать коллективные заявления в «коллегию».

Спервоначально получился решительный отказ. Но все решили продолжать кампанию: составили ходатайство со ссылкой на то, что в минувшую еврейскую Пасху евреям было разрешено богослужение и для этого им было отведено особое помещение. После этой загвоздки долго не было никакого ответа. Наконец решение коллегии состоялось. Оно заключалось в том, что церковь открыта не будет, но заключенным разрешается устроить богослужение в тюремном коридоре. Тут взялось за дело и наше многочисленное духовенство. Вместе с передачей с воли был доставлен походный антиминс, и таким образом можно было отслужить и всенощную, и обедню. Было устроено архиерейское богослужение. Служил епископ Никандр в сослужении со многими священниками. Другие составили отличный хор. За всенощной Самарин наизусть прочел все Шестопсалмие. После всенощной епископ Накандр устроил общую гласную исповедь. Эта служба в коридоре под сводами тюрьмы представляла собой что-то намекающее на катакомбы первых христиан. На следующее утро была обедня, и все причащались. После обедни епископ ходил по всем камерам, кропил их святой водой. А вечером мы устроили на окне нашей камеры елку. Тут все оборудовал Кишкин. Заблаговременно ему доставили с передачей микроскопическую елочку, орехов, цветной бумаги. Мы наделали украшений, зажгли свечи. И во время вечерней оправки зажгли елочку. Какой получился эффект среди заключенных! Все это мы приготовили сюрпризом для нашего коридора. Когда мы уже ложились спать, в наше окно всунулась голова комиссара.

— Как не стыдно, — сказал он важно, — вы — ученые люди, и верите в елку.

Кишкин вступил с ним в комичный разговор. Комиссар обнаружил всю свою глупость, не заметив, что Кишкин вышучивает его.

Накануне Нового года на прогулке я долго разговаривал с епископом Никандром. Речь шла о предстоящем мне переселении в концентрационный лагерь. Чего-чего мы не переговорили, каких только не настроили предположений. И он, и я были далеки только от мысли о том, что предстояло мне на следующий день.

Вечером мы в своей камере решили встретить Новый год. Впервые, решили читать вслух тот рассказ, на котором случайно откроется книжка. И загадали: коли рассказ будет с хорошим концом, то новый год принесет нам освобождение из тюрьмы. Раскрылась книга на рассказе Алексея Толстого «Овражки»¹²¹. Читали вслух попеременно Кишкин и я. Как известно, в этом талантливом рассказе герой переживает большие опасности, находится один момент на краю гибели, но кончается все благополучно и радостно. Мы в хорошем настроении сели за стол пить какао в честь наступающего Нового года. Улеглись затем в постель, я заснул, не думая ни о чем.

XV

Первый день нового 1919 года начался как обыкновенно. Был я в мастерской. Ходил на прогулку. Обедали. После обеда я сидел в камере, которая по новому положению была открыта до ужина. Вдруг является в нашу камеру один офицер, сидевший в нашем коридоре, жмет мне горячо руку со словами:

— Поздравляю, профессор, вы — свободны.

Не успел я опомниться от этих слов и что-нибудь сказать, как у нашей двери раздался голос надзирателя:

— Кизеветтер.

— Здесь.

— Как звать?

— Александр Александрович.

— На свободу.

Я стоял посреди камеры как в столбняке. И все присутствовавшие как-то остолбенели. Первый очнулся Кишкин.

— Нечего стоять, — торопливо заговорил он, — собирайтесь, сейчас придут за вами.

Тогда все задвигались и заговорили. Мы перечеловались. Все поспешно помогали мне увязать узлы. Прибежал епископ Никандр и поцеловал меня. Вскоре за мной явился конвойный. Не разбираясь в своих ощущениях, я последний раз окинул взором камеру № 0,2 и стал вслед за конвойным спускаться с лестницы. Шполянский провожал меня до выходной двери из нашего корпуса. Затем мы с конвойным пересекли дворик нашего корпуса, прошли какие-то ворота и вошли в контору тюрьмы. Здесь надо было выждать выполнения каких-то письменных формальностей. Я стоял и все не мог прийти в себя. Я чувствовал сильное волнение. Совсем я не волновался так, когда меня влекли в тюрьму. Тогда я испытывал какое-то напряженное безразличие. А теперь сердце словно хотело выпрыгнуть. Какая-то дама подошла, стала о чем-то меня спрашивать, я смотрел на нее и не слышал, что она говорит. Наконец я сказал ей:

— Простите меня, меня сейчас выпускают на волю, и я ничего не понимаю, что мне говорят.

Она улыбнулась ласково и пожелала мне всего лучшего. Но вот я подписал какие-то бумажки, и конвойный повел меня к наружным воротам тюрьмы.

Перед самыми воротами дежурный стал пересматривать все вещи, которые я уносил. Раскрыв чемодан, он воззрился на кучу исписанных листков бумаги. Это был перевод французской книги, сделанный мною в тюрьме.

— Как же с этим быть? — раздумчиво сказал дежурный. — Ведь все это надо прочесть.

Я молчал, и он молчал в каком-то колебании. Тут же стоял освобождаемый одновременно со мною уголовный. Он заметил резонно:

— Да ведь это профессор, он все равно до самой смерти будет писать.

Дежурный, очевидно, оценил всю неотразимость этого аргумента и решительно захлопнул чемодан.

И вот я стою уже по другую сторону тюремных дверей! На той самой аллейке тюремного наружного двора, на которой, бывало, выстраивались наши родные с передачами, чтобы кивнуть нам снизу и одним глазком взглянуть на нас через стекло двух окон нашего этажа. С минуту я смотрю на это наружное окно нашего этажа. Но я близорук и ничего не различаю за ним. Еще несколько шагов, и я уже на московской улице, один, без конвойного, с полной свободой распоряжения своими движениями. Какое странное чувство, от которого я отвык за три с половиной месяца! Но вдруг все заполняется

одним неудержимым желанием: скорее, скорее обнять жену и детей. Показывается извозчик. Я сажусь в санки не торгуясь... Санки быстро скользят по снегу. Однако какой странный вид являют московские улицы. Я уже знал, что за время моего тюремного сидения большевики прекратили всю частную торговлю и с магазинов были сорваны вывески. Вот Тверская без вывесок, с заколоченными магазинами. Какое унылое безобразие! Точно Мамай прошел. Скорее, скорее, извозчик, я тороплюсь. Вот и наше крыльцо¹²². Я быстро взбираюсь по лестнице и, затаив дыхание, трогаю звонок.

— Кто там? — слышен голос Элизы Романовны.

— Я, я...

Она узнает мой голос, вскрикивает:

— Ах! — и распахивает дверь.

Выбегает Наташа. Мы горячо целуемся, она спешит в кухню за мамой. Жена выходит совсем оторопелая. Она не верит глазам, не может прийти в себя. Только накануне она говорила по телефону с Покровским¹²³, и он сказал, чтобы успокоилась на мысли, что все хлопоты напрасны, что меня не выпустят. И вдруг — я здесь, дома. Жена смотрит вопросительно, смущенно. Только на следующий день ее чувства вдруг прояснились, она сознала отчетливо, что я на свободе, и радость заиграла в ее душе. Катюши не было дома. Она пришла позднее и широко раскрыла удивленные и радостные глаза при виде моей фигуры. Мы идем на кухню. Там готов горячий кофе. Я с наслаждением пью его, поглядывая кругом себя. Потом бегу к Мензбиру — он живет напротив, благодарю его за содействие по устройству свидания жены со мною в тюремной больнице. От Мензбиро я телефонировал друзьям. Все ахали, радовались и поздравляли.

Еще сидя в тюрьме, я говаривал товарищам: если только меня выпустят, первый день проведу дома с семьей, а потом целыми днями буду ходить по Москве и вдыхать свежий воздух. Теперь я стал выполнять эту программу. На следующий день мы с женой съездили в Бутырки, отвезли передачу в камеру № 0,2 и забрали остатки моих вещей. Затем я начал бродить по Москве. Побывал у обоих тюремных докторов — общего и больничного, от души благодарил их за все. Голубинцева я встречал потом на собраниях «Задруги»¹²⁴, куда он вступил членом. Он скоро умер. Его жена застрелилась у его гроба.

Я все ходил и ходил по моей Москве и вдыхал морозный воздух, которым наслаждался после тюремной пыли и грязи. Наконец доходило до того, что схватил простуду и засел дома.

Почему меня вдруг освободили? Я так и не узнал этого. Говорили, что Рязанов хлопотал и что швейцары университета Шанявского много помогли своим ходатайством.

Я возобновил лекции в университете. Казалось, гроза над моей головой миновала. Но будущее было чревато дальнейшими событиями.

Часть II ВТОРОЙ АРЕСТ

I

Отбыв свое первое четырехмесячное заключение, я вернулся к обычной своей деятельности, возобновил лекции в университете, стал вновь заниматься непрерывными своими научными исследованиями и, кроме того, поступил на службу в архив бывшего Министерства иностранных дел, который помещался на Воздвиженке, в нескольких шагах от моей квартиры. Зима и лето 1919 года прошли для меня благополучно. Между тем политические события развивались быстро. Деникин уже принял решение идти прямо на Москву, и это движение принимало по видимости все более победоносный характер. А с востока надвигался Колчак¹²⁵. Наступательные движения этих армий будили у всех в тайниках сердца напряженные ожидания и надежды. Как-то в самом конце Великого поста, перед наступлением Пасхи, остроумный Балиев¹²⁶ в кабаре «Синяя птица» поздравил публику «с наступающим»... и публика разразилась рукоплесканиями. Все внезапно, не сговорившись, откликнулись на слова остроумного конферансье как на привет наступающему... не пасхальному празднику, а Деникину.

В это время в Москве существовало несколько междупартийных конспиративных объединений, которые вели сношения с добровольческими армиями. Деятельное участие в этих сношениях принимал Николай Николаевич Щепкин, внук гениального русского актера, крупный общественный деятель, член центрального комитета Партии народной свободы.

Человек исключительного личного мужества, Щепкин отдался всецело подпольной работе по налаживанию сношений конспира-

тивных московских организаций с добровольческими армиями. И вот осенью 1919 года грянула катастрофа. К Щепкину была подослана большевистская провокаторша с перехваченным паролем. Щепкин был внезапно арестован в своем доме и увезен в Чеку на Лубянку. И тотчас вслед за тем по всей Москве пошли многочисленные аресты. Хватали всех сколько-нибудь заметных общественных деятелей, и в том числе всех еще находившихся в Москве членов Партии народной свободы. Было ясно, что и ко мне в ближайшую ночь неизбежно должны нагрянуть непрошенные гости. Мы с женой решили, что я немедленно покину квартиру, переночую у одного своего приятеля, стоявшего столь далеко от политической жизни, что набег чекистов на его квартиру мог считаться исключенным, а на следующее утро выберусь из Москвы в имение другого моего приятеля, который давно уже звал меня погостить у него в имении на лоне природы.

Жена быстро собрала в небольшой узел нужные мне вещи, и я немедленно отправился искать безопасного ночлега. Нельзя было терять ни минуты. В течение всего дня по Москве шли аресты, и я знал, что многие сотоварищи по партии уже препровождены в Чеку.

Впопыхах мы с женой не сообразили одного обстоятельства: мой приятель, у которого я решил переночевать, жил в том же самом квартале, где находился дом Щепкина, и нам не пришлось в голову, что в этом квартале могут быть предприняты обыски всех квартир подряд, ни одной не пропуская.

И вот я со своим скромным узелком пробираюсь по улицам. Совсем некстати мне попался на пути знакомый преподаватель и пустился в долгие рассказы о своем участии в разных лекциях, организуемых большевиками. Насилу-то я от него отвязался. Уже спускались сумерки, когда я добрался до квартиры моего приятеля. Там меня встретили с распростертыми объятиями и с полной уверенностью заявили, что под их кровлей я могу считать себя в совершенной безопасности.

Мы с приятелем благодушно занялись чаепитием. Но не прошло и часа, как в комнату в волнении вошла жена приятеля и сказала:

— По двору ходят субъекты в кожаных куртках и справляются о нашей квартире, вам бы лучше уйти от нас.

Приятель мой резко перебил жену:

— Вздор, вздор, никакого обыска у меня быть не может.

И в эту самую минуту в передней звякнул сильный и резкий звонок.

Я уже был хорошо знаком с звуком звонков такого рода. Я тотчас вышел в кухню, приотворил дверь в черные сени, они оказались пустыми, я сделал шаг по направлению к выходу во двор, но тотчас с верхней площадки черной лестницы раздался визгливый женский возглас:

— Стой! — и в одно мгновение увешанная револьверами чекистка в кожаной куртке и мужском военном картузе подскочила ко мне, словно разъяренная кошка; дуло ее револьвера очутилось у моего виска, и она непрерывно кричала: — Назад, назад!

Я поспешил изобразить на лице спокойную невинность и сказал ей:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я никуда не хочу бежать, я не знал, что квартира находится под стражей, и готов вернуться в комнаты.

Вся эта сцена произошла буквально в одно мгновение. Вернувшись в кабинет моего приятеля, я застал там еще самое начало вторжения. Появившийся из передней нахальный человечек в кожаной куртке быстро подошел к сидевшему у стола хозяину квартиры и тотчас приставил револьвер к его виску. Мой приятель, человек раздражительный и резкий, брезгливо указал на револьвер и сказал:

— Уберите эту пошлость, тогда я буду с вами разговаривать.

Эта фраза была столь неожиданна для чекиста, что он отвел свой револьвер.

Начался обыск. Прибыло еще несколько чекистов. Они перерыли все комнаты, вся квартира была поставлена вверх дном. А между тем, пока длился обыск, время от времени звякал звонок, приходили гости: как раз в тот вечер дочь хозяина, музыкантша, должна была играть на рояле, все приходившие объявлялись арестованными; пришла моя жена; собралось целое общество. Пока чекисты носились по всей квартире, мы все скучились в кабинете и сидели молча, каждый был погружен в свои думы. Чекистка, обрушившаяся на меня на черной лестнице, сидела тут же в качестве надзирательницы за нами, тараща на нас свои тупоумные глаза. Наше мрачное молчание ей надоело. Она сделала нам строгое замечание:

— Что же вы все молчите, извольте разговаривать.

Никто не откликнулся на ее приглашение. Обыск продолжался почти до утра. Чекисты нанесли в кабинет из всех комнат всякую всячину: белье, книги, бумаги, фотографические альбомы, все это навалили в общую громадную кучу и так всю эту гору и оставили, ничего не взяв с собою. Наконец нам было объявлено, что

мы все будем отведены в Чеку на Лубянку. Повели нас пешком. Это была целая процессия. Была теплая августовская ночь. Мы шли под конвоем посреди улицы. На улицах не было ни души. Окна во всех домах были темны. Наш безмолвный кортеж двигался словно по какому-то захваченному неприятелем городу.

И вот мы у ворот Чеки. Нас ввели не в нижний этаж, где я при первом аресте провел с неделю перед препровождением меня в Бутырки, а в верхний, где помещался только что вновь образованный Особый отдел Чеки и при нем — Внутренняя тюрьма. Нас вели по узким извилистым коридорам, и по обе стороны каждого коридора были расположены камеры для заключенных. Когда-то здесь помещалась громадная гостиница. Всю нашу гурьбу ввели в небольшую пустую комнату всего с тремя стульями. Конвойный объявил нам:

— Здесь вам придется провести ночь, а наутро будет новое распоряжение.

Нечего сказать, хорошенький пикник! Дамы примостились на стульях, мужчины прикорнули на полу. Разумеется, никто не мог заснуть. Наутро, без умывания, голодные, мы стали ждать решения своей участи. Наконец явилось какое-то начальство. Всех, кроме меня и моего приятеля, построили в коридоре попарно и объявили, что их поведут в Бутырку. Их увели, а мы с приятелем были оставлены в Особом отделе Чеки.

Мы застряли там на неделю с лишним. Положение, в которое мы попали, оказалось особенно тягостным потому, что на несколько дней мы были всецело отрезаны от всего остального мира. Особый отдел Чеки был только что учрежден, и о его существовании почти никто еще не знал. Оставшиеся на воле наши родные на следующий же день после нашего ареста бросились по всем тюрьмам для установления места нашего пребывания и для организации передачи нам продовольствия. Но во всех тюрьмах ответ был один: «У нас такие не значатся». Мы словно бесследно сгинули со света. И по Москве пошла молва, что я расстрелян. Как я узнал уже здесь, в эмиграции, эта молва перекинулась тогда и за границу. Можно себе представить, что пережила моя семья. А мы с приятелем в это время томились в Особом отделе от заправского голода. Ломтик хлеба и кипяток с несколькими листиками капусты — вот был весь казенный обед, который мы получали. Без передач из дома мы были осуждены на страдания голода. Нечего делать, приходилось довольствоваться духовною пищею. На голодный желудок, дабы сократить время, я излагал приятелю возникновение крепостного права

в России, а приятель отплачивал мне лекциями по своей специальности. К допросу нас не вызывали, никто из начальства не являлся к нам в комнату, кроме дежурных коридорных, которые, если бы даже и захотели, не могли бы ничего сообщить нам в разъяснение нашего положения, ибо сами они не имели понятия о том, за какие вины попадают к ним привозимые заключенные.

Положение наше было прескверное. Скоро судьба послала нам некоторое развлечение. Нас поместили в комнате, которая служила, как бы сказать, «предварилкой» для заключенных, привозимых в Москву из разных провинциальных городов. Их везли со всех вокзалов на Лубянку, в Чеку и впредь до разбора их бумаг и окончательного определения дальнейшего направления их дела сажали на несколько дней в ту самую комнату, где мы с приятелем томимись неопределенностью нашего положения. Таким образом, перед нами как бы дефилировала вереница разнообразнейших человеческих фигур, и мы могли воочию наблюдать, как широко раскинулась на всю страну и на все группы населения сеть большевистского террора и большевистского шпионажа. Кого только мы не перевидали при этой быстрой, кинематографической смене перед нами всевозможных представителей гонимого большевиками населения России.

В первый же день появился перед нами некий заморенный субъект, которого возили по разным городам и наконец доставили в нашу «предварилку». Он не был расположен распространяться о причинах, по которым он попал в лапы Чеки, а может быть, подобно нам, и сам не имел о том понятия. Он был очень обтрепан и беспрерывно чесал обеими руками все части своего тела, очевидно, он нес на себе густой рой насекомых. С ним-то нам и пришлось провести первую ночь в нашей «предварилке». Коек в комнате не было. Приятель мой лег на ночь на столе. Я растянулся на полу, и тут же около меня улегся наш товарищ по несчастью. Эта ночь стоила мне большой неприятности. Я проснулся с чесоткой по всему телу, и никакие усилия затем не могли избавить меня за все время этого второго моего ареста от насекомых, очевидно перекочевавших на меня от моего соседа по ночлегу.

На следующий день этого человека от нас взяли. Но взамен к нам нагрянула целая компания, весьма разношерстная по составу. Тут были интересные личности, которые развлекали нас в нашем унылом заключении. О них стоит рассказать особо поподробнее.

II

После того как от нас увели измороженного и обсыпанного насекомыми беднягу, которого зачем-то без конца возили по чекистским тюрьмам всевозможных городов, мы с приятелем недолго оставались в одиночестве в нашей комнатухе. В тот же день она наполнилась новыми личностями. Прежде всего, явился господин в сопровождении двух подростков-гимназистов. Привезли их в Особый отдел Чеки потому, что они жили в одном доме, соседнем с домом Щепкина, и бывали у Щепкина в гостях. Очевидно, по Москве в эти дни хватало всех, кто так или иначе приходил с Щепкиным в соприкосновение. А вскоре за тем прямо с одного из железнодорожных вокзалов к нам привезли еще двоих арестантов.

Не знаю, были ли они как-нибудь друг с другом связаны или привезли их вместе случайно, но только трудно было бы представить себе другую пару людей, столь друг на друга не похожих. Один из них был социалистом-революционером, другой — анархистом. По иронии судьбы социалист-революционер являл собою законченный тип крайнего индивидуалиста, насупленного, отстраняющегося от всякого общения, а анархист оказался, что называется, «душа-человек» и сейчас же стал центром всей компании.

Эсер, человек еще молодой, сейчас же сел в уголок и твердил одно: «Главное, скорее бы в Бутырки отвезли, там я уже все знаю, там все пойдет своим порядком».

Говорил он это так, точно Бутырки были его родным насиженным гнездом. Получалось такое впечатление, словно тюремная жизнь для него — самая налаженная житейская колея. Был он скучен и неинтересен. Зато его спутник, анархист, так и кипел бурным темпераментом. То был мужчина весьма пожилой, высокий, толстый, с копной развевающихся длинных кудрей на голове, с широким жирным лицом, со сверкающими глазами и громким раскатистым голосом. Он, как появился, так и наполнил всю нашу комнату суетой, шумом, смехом. Он немедленно отрекомендовался боевым анархистом, выдавшим всякие виды, и сразу можно было понять, что нас ожидает множество удивительных рассказов, за достоверность которых поручиться было бы весьма неосторожно, но слушать которые будет в высшей степени занятно.

Оба они, и эсер, и анархист, сейчас же развязали свои туго набитые дорожные корзинки и достали оттуда довольно обильные

съестные припасы. Угрюмый эсер методически поглощал свои яства, не обнаруживая никакого намерения поделиться ими с товарищами по несчастью. Напротив того, жизнерадостный анархист, вытащив из своей корзины преаппетитные пироги, принялся настойчиво наделять ими всех присутствующих, не принимая отказов и оставляя для себя самого лишь очень немного. Признаться, эти анархические пироги доставили тогда немалую отраду нашим отощавшим желудкам. А в то же время любезный анархист уже сыпал рассказами, один занятнее другого.

— Мы, анархисты, — говорил он, энергично потрясая кудрями, — нарочно теперь поддаемся чекистам, пусть забирают нас и сажают в Бутырки, нам того и надо. Вот мне непременно нужно скорее попасть в Бутырки, там у нас уже все готово, только меня и ждут, мы там произведем восстание и всю тюрьму разнесем.

— Как же вы это сделаете? — спрашиваем мы.

— О, это уже наше дело, — небрежно бросает он в ответ и немедленно переходит к другому сюжету. — Вот я вам расскажу, как я однажды спасся от ареста. Я занимал небольшую комнату на четвертом этаже высокого дома. У меня находился ручной печатный станок и шрифт. Стою и работаю, печатаю прокламации. Вдруг нагрянула полиция. Стали ломиться в дверь. Что было делать? Я распахнул окно. Смотрю, под самым окном большое дерево. Высоконько было, но размышлять было некогда, я же и в цирке на всякий случай обучался, ну и бухнул из окна с таким расчетом, чтобы налететь прямо на дерево. Долетел до верхушки, зацепился за ствол руками, да и съехал по стволу на руках до земли. Все руки ободрал, кровь хлещет, боль невыразимая, но терять времени было нельзя, и я побежал что было духу, заматавая следы, только меня и видели.

— А во многих тюрьмах вы сживали? — спросил кто-то.

Анархист ответил величественно:

— Без числа и во всевозможных. Самые ужасные тюрьмы в Швейцарии. Не дай вам бог туда попасть.

— Как же вы туда попали?

Анархист не сморгнув сообщил нам, что он участвовал в убийстве австрийской императрицы Елизаветы¹²⁷.

— Три года я просидел после того в швейцарской тюрьме. В одиночной камере. Пол и стены были обиты мягкой материей, не пропускающей никаких звуков. Три года я провел в гробовой тишине, не слышал ни одного звука, не видел ни одного человека.

— Как же вас кормили?

— Очень просто: ходишь по камере беззвучными шагами, бросишь случайно взгляд на окошечко в двери, а там уже давно беззвучно вдвинута доска с кушаньем.

Без передышки лились подобные рассказы из уст нашего симпатичного импровизатора. Два гимназиста стояли перед ним как вкопанные, затаив дыхание и разинув рты. К сожалению, к вечеру этого же дня и анархиста, и эсера увезли в те самые Бутырки, куда они оба стремились: один — в уверенности найти там привычную жизнь, где «все идет своим порядком», а другой — в предвидении каких-то фантастических подвигов.

А наутро судьба послала нам новых мимолетных сожителей. Сначала явился рослый, красивый молодой человек. Он тотчас же выложил нам свою грустную историю. Мы узнали, что он женат на прекрасной англичанке, — он показал и карточку действительно весьма миловидной особы, сам он, по его словам, заведовал каким-то автомобильным гаражом и отказывался давать автомобили советским служащим не для служебных надобностей, а для частных дел.

— Ясно, — говорил он, — что меня возненавидели и подстроили донос, будто я состою английским шпионом.

Он был настроен очень беззаботно и высказывал уверенность, что будет скоро освобожден, так как имеет солидных покровителей. Увы, эти его надежды лопнули. Его скоро расстреляли.

Пока мы слушали его повествование, в нашу комнату впорхнул молодой смазливый офицерик. Посасывая конфетки, он сообщил нам, что попал в тюрьму по недоразумению, привезли его прямо с фронта, где он верой и правдой служил большевикам, и вдруг в ответственный момент, накануне какой-то важной операции, его схватывают и влекут в Москву, в Чеку по обвинению в предательстве.

— Это обвинение, — говорил он, — до такой степени дико, что я уверен, что меня просто смешали с каким-нибудь однофамильцем.

Два молодых человека, штатский и военный, устроили себе ложе на полу, разлеглись рядом и начали бесконечный оживленный разговор о том, с какой женщиной живет тот или другой большевистский комиссар, перебирали всех любовниц советских сановников, горячились, уловляя друг друга в неточности сведений,

вдоль и поперек шныряли по всем закоулкам скандальной хроники правящих кругов, которая, по-видимому, составляла для них интереснейший предмет для собеседования.

А пока наша комната наполнялась этой пустопорожней болтовней, кругом нас в этом же здании творились ужасные дела. Как мы узнали потом, здесь же, только в другом коридоре, сидел Щепкин, а в нашем коридоре сидели присоединенные к делу Щепкина супруги Алферовы¹²⁸, популярнейшие в Москве педагоги, братья Астровы¹²⁹, Черносвитов, Огородников и многие другие. Шли допросы, и готовилась кровавая расправа.

Посматривая в глазок нашей камеры, мы стали замечать, что по коридору конвойные часто водят заключенных, и среди них все чаще стали мелькать знакомые для нас лица. Однажды, когда я смотрел в глазок, по коридору вели Черносвитова. Его лицо оказалось совершенно анфас прямо перед дверью нашей камеры. Я видел его в течение минуты прямо перед собой и был потрясен его видом: в лице ни кровинки, глаза совсем потухли, он двигался как автомат. Очевидно, допросами из него вымотали всю душу и он был доведен до полного изнеможения. Это был уже не человек, а ходячий труп и, видимо, уже чувствовал над собой веяние смерти.

Другой раз, подойдя к глазку и взглянув в него, я содрогнулся. Прямо у нашей двери в коридоре был поставлен столик, за которым, окруженный конвойными, сидел близко знакомый мне приват-доцент математик, тоже привлеченный к делу Щепкина по обвинению в составлении для этой организации шифров для сношения с Добровольческими армиями. Он сидел за столом с пером в руке, перед ним лежал лист бумаги, и он не отрываясь все смотрел перед собой в одну точку, не подозревая, конечно, что взгляд его падает прямо на отверстие того глазка, за которым стою я.

Что это был за мучительный, ужасный взгляд! Я не мог от него оторваться. В нем было какое-то бездонное страдание, какой-то жгучий ужас, словно он видел перед собой роковой страшный призрак. Было очевидно, что он только что приведен от следователя с допроса и ему велено изложить письменно объяснение по каким-нибудь вопросам, затронутым на допросе. И он чувствовал, что каждое написанное им слово может погубить его. Его участь была уже решена: он был расстрелян через несколько дней.

Как-то раз, когда меня вели в уборную, я столкнулся с Алферовым, которого из уборной выводили. Это был случайный недо-

смотр конвойных. По правилам полагалось водить так, чтобы заключенные друг с другом не встречались. Это правило причиняло нам большие мучения. Иной раз приходилось ждать часами, когда путь окажется свободным и конвойный выведет вас из камеры. На этот раз произошел недосмотр, и Алферов столкнулся со мною в узком повороте коридора лицом к лицу. Мы были с ним близкими друзьями. Но он, очевидно, уже зная, что его участь решена, не хотел компрометировать меня перед конвойными, он не подал и вида, что знает меня, а только, проходя мимо меня, на мгновение вдруг притиснул свой локоть к моему локтю. Это было его предсмертное прощание со мною.

Всех схваченных по этому делу расстреляли в подвале этой же лубянской тюрьмы. Даже тайны чекистских подвалов выходят-таки наружу. И потом по Москве стало известно, как произошел этот расстрел. Щепкин заявил своим палачам:

— Да, я боролся против большевистской власти, я делал все, что было в моих силах, чтобы содействовать вашему падению, я и впредь стал бы делать то же, а теперь я отдаю себя в ваше распоряжение.

И он спокойно стал к стенке. Недаром со времени Русско-турецкой войны 1877 года грудь этого человека была украшена Георгиевским крестом. Когда и Алферову был объявлен смертный приговор, его жена, тоже сидевшая в Чека, потребовала, чтобы расстреляли и ее. Ей сказали, что смертный приговор на нее не распространяется. Тогда она осыпала советскую власть такими хулами, что в конце концов было велено прикончить и ее.

Пока я сидел в Особом отделе, шли самые страшные дни: решалась судьба этих моих друзей.

Между тем мой приятель был выпущен на свободу, его взяли на поруки некоторые его ученики, принадлежавшие к коммунистической партии. Я остался один. Увели и офицерику, [и] автомобилиста.

Прошло еще несколько дней, и вот наконец около пяти часов утра меня разбудили и велели немедленно одеться и идти с конвойными во двор тюрьмы. На дворе стояла уже целая толпа. Нам велели строиться по 15 человек в ряд. Чуть-чуть брезжили первые признаки рассвета. Отворились огромные ворота, и наша растянувшаяся на великое пространство процессия двинулась по пустым улицам нашей Москвы. Путь был неблизкий. Надо было прой-

ти на самую окраину совершенно противоположной стороны Москвы. Пришлось тащить на себе свою поклажу. Я страшно устал и шел под конец через силу. К Бутыркам мы приблизились уже в начале десятого часа. А перед Бутырками уже стояла другая огромная толпа — то были родные и друзья, принесшие передачу заключенным. Конечно, в этой толпе оказалось немало моих знакомых и приятелей. И они приветствовали меня радостными восклицаниями. Наконец я нашелся. Ведь пока я сидел в Особом отделе, все терялись в догадках, куда я девался, и даже опасались, не сгинул ли я совсем.

III

Итак, волею судьбы пришлось мне из Особого отдела Чеки, с Лубянки перекочевать по образу пешего хождения в те самые Бутырки, в которых я незадолго до того провел уже несколько месяцев. Но теперь меня ожидала там совсем иная обстановка.

Всю нашу ватагу, пригнанную сюда с Лубянки, ввели в коридор нижнего этажа тюрьмы. Пока мы стояли в куче, ожидая, когда нас начнут распределять по камерам, около меня очутилась знакомая личность. Рассказывая о своем первом сидении в Бутырках, я упоминал о некоем молодом человеке, который тогда сидел с нами в одиночном корпусе, ходил в коротеньких узеньких брючках, в легком пальтеце и котелке, постоянно менял камеры и ни с кем не уживался. Он-то и предстал теперь передо мною. Но какая перемена декораций! Теперь он был одет фабричным рабочим, в куртке, с большим картузом, сдвинутым на затылок. Он бросился ко мне сияющим, словно мы были закадычными друзьями. Но я тотчас заметил, что коридорный староста (избираемый из среды заключенных) поспешил как-то брезгливо отогнать его в сторону. Меня назначили в палату, в которой оказалась койка и этого субъекта. Он вновь пристал ко мне на правах старого приятеля, стал угощать меня медом, которого у него была целая тарелка, и предаваться «воспоминаниям прошлого». Я уже раздумывал, как бы мне отделаться от этого назойливого господина, не внушавшего к себе доверия, как тот же коридорный староста пришел ко мне на помощь. Он отозвал меня в сторону и сказал мне:

— Держитесь подальше от этого субъекта, это — шпион. Вот что я вам посоветую. Во втором этаже сейчас сидит видимо-неви-

димо людей вам знакомых, найдутся, конечно, там и ваши приятели. Подайте немедленно заявление дежурному надзирателю о том, что вы просите перевести вас туда к ним, так как имеете основание предполагать, что арестованы по одному с ними делу.

Я сейчас же написал такое заявление; и не прошло и часа, как конвойный уже вел меня во второй этаж. Там меня ожидал удивительный сюрприз. Оказалось, что, пока я сидел в Особом отделе, в Москве разыгралась целая «оргия» арестов. Хватали представителей всевозможных либеральных профессий — профессоров, докторов, адвокатов, инженеров и прочая, и прочая. Все обширные общие камеры громадного корпуса тюрьмы были битком набиты людьми, принадлежащими к тому слою населения столицы, к которому в соответственных случаях прилагается термин «вся Москва». Лишь только я вступил в коридор второго этажа, со всех сторон слышались мне навстречу приветственные восклицания. Разумеется, оказался тут и мой сожитель по первому заключению в Бутырках — Кишкин, и он тотчас повел меня в ту палату, в которой помещался и сам. Палата, в которую он меня ввел, представляла собою громадную, длиннейшую комнату. Двумя параллельными рядами по противоположным стенам стояли койки, а в середине помещался большой длинный стол. Я перездоровался со всеми и стал устраиваться на отведенной мне койке. В это время был «час молчания», когда все лежат на койках, храня полную тишину, чтобы дать друг другу возможность несколько отдохнуть от окружающей сутолоки. Я растянулся на своей койке и молча стал оглядывать свою новую компанию. Почтенная была компания! Большевики, можно сказать, срезали единым взмахом всю головку московского интеллигентного общества. Зачем, почему — этого никто не знал, потому что арестованным не было произведено никаких допросов. Просто сцапали и засадили всех в общий капкан. Похоже было на то, что дело Щепкина вызвало в правящих большевистских кругах большую растерянность, они испугались, не знали, за что ухватиться, чтобы определить, насколько широко и в каких именно направлениях раскинулась по Москве крамольная агитация. Они решили на всякий случай поскорее захватить в свою сеть всех, кто так или иначе фигурировал на поверхности столичной жизни и мог оказаться центром притяжения при собирании антибольшевистских сил. Вот эффектная вышла бы группа, если бы фотограф снял всю картину этой палаты во время часа молча-

ния. Я переводил глаза с койки на койку и на каждой из них усматривал арестанта, чье имя было известно не только всей Москве, но и далеко за ее пределами.

Уже два ближайших моих соседа, справа и слева, представляли собою фигуры крупные и характерные в истории русской общественности. Я помещался между двух Дмитриев Николаевичей. То были Шипов¹³⁰ и Доброхотов¹³¹. Шипов — знаменитый многолетний председатель Московской губернской земской управы, сыгравший крупнейшую роль в организации земских сил на арене общественно-политического творчества. В ту пору, когда Горемыкин¹³², Сипягин¹³³ и Плеве¹³⁴ прилагали все усилия к тому, чтобы возможно сильнее обкорнать самостоятельность земства, а Витте¹³⁵ под своей эгидой выдвинул сенсационную записку о несовместимости земства с самодержавием, — Шипов приобрел огромное влияние в земской среде по всей России как стойкий и неуклонный борец за широкое развитие самостоятельности земства и за объединение всех земств в единую всероссийскую организацию. Люди весьма различных убеждений сходились тогда на признании за Шиповым высокого морального авторитета. В нем признавали и чтили и широкий размах организационного таланта, и кристальную чистоту побуждений, и рыцарственное благородство всего его душевного строя. Весь этот моральный свой капитал он неуклонно и настойчиво вкладывал в то, что считалось главной задачей момента: в подготовку благоприятных условий для проведения в жизнь в той или иной форме идеи сплочения земств во всероссийскую объединенную организацию. Петербургские правящие сферы считали поэтому Шипова опаснейшим радикалом, и когда Плеве объявил решительный поход против оппозиционной интеллигенции, он начал с того, что не утвердил выборы Шипова на новое трехлетие в председатели Московской губернской земской управы. Это неутверждение вызвало тогда огромную сенсацию по всей России по двум причинам: во-первых, потому, что, как я уже сказал, Шипов много лет стоял во главе московского земства, и, во-вторых, потому, что при всей своей горячей преданности идее земского самоуправления Шипов был в сущности человеком очень умеренных политических убеждений, и его неутверждение показывало, что Плеве вступает на путь самой безудержной реакции. Шипов являлся, можно сказать, одним из последних могокан стародавнего славянофильства. Будучи противником всевластия петербургской правящей бюрократии,

отстаивая идею широкого общественного самоуправления, он в то же время в качестве правоверного последователя славянофильской закваски [18]40-х годов твердо держался того убеждения, что Россия должна навсегда оставаться при самодержавной монархии как при такой политической форме, которая отвечает самой сердцевине русского национального духа. Он упорно держался старого славянофильского догмата: «Царю — сила власти, земле — сила мнения», и потому, ведя борьбу против всевластия бюрократии во имя общественного самоуправления, он выступал и принципиальным противником конституционализма; его политическим идеалом была самодержавная монархия, опирающаяся на совещательное народное представительство в стиле древнерусских земских соборов. Он выступал последовательным сторонником этой идеи в то время, когда земское движение развивалось и ширилось под знаменем конституционализма, и, таким образом, он, в сущности, глубоко расходился в своих конечных планах с большинством прогрессивных земцев. Однако это нисколько не мешало ему оставаться общепризнанным вождем земского движения. То было явление редкое в истории русской общественности. Русские общественные партии так часто подвергались справедливому упреку в чрезвычайной нетерпимости, в неспособности уважать чужие мнения, если они не совпадают целиком с господствующими тенденциями. Однако пример Шипова показывал, что и русское общество могло порою обнаружить способность оценить искренность убеждений и чистоту намерений, если эти убеждения и намерения и не укладывались всецело в рамки общепринятых тенденций. Вожди земско-конституционного движения хорошо знали, что их пути впоследствии разойдутся с программой Шипова, но они знали в то же время, что в борьбе с всевластием бюрократии русское земство имеет в лице Шипова надежного вождя, соединяющего в себе незаурядный организационный талант с высоким душевным благородством. Это всеобщее признание получило особенно яркое выражение на знаменитом общеземском съезде в ноябре 1904 года¹³⁶. Этим съездом была начата открытая борьба за политическое переустройство России. И хотя громадное большинство членов съезда стояло за конституцию, что и было провозглашено в резолюции, принятой съездом, но председателем съезда единогласно был избран антиконституционалист Шипов: все знали, что Шипов, несмотря на свое разноречие с большинством съезда, поведет заседа-

ния съезда с тем беспристрастием, которое вытекало из его душевного благородства.

Немудрено, что большевики, поставив своей задачей изъять из оборота всех выдающихся деятелей, не склонных преклониться перед их властью, не могли оставить в покое Шипова. И вот он теперь лежал на тюремной койке рядом со мною, и отпечаток глубокой печали покрывал все черты его истомленного лица.

Интересный эпизод произошел с ним при его аресте. Его прежде всего посадили на Лубянку, в предварительную тюрьму Чеки. И что же? Оглядевшись в своей камере, он признал в ней комнату, которая некогда была его собственным кабинетом! Когда-то этот дом принадлежал ему, и теперь как раз его прежний кабинет служил для него тюремной клеткой. Каких только неожиданностей не приходилось испытывать в те бурные дни!

Шипов и в тюрьме сиял своим благородством. Во внимании к его старости и болезням мы все единогласно объявили его свободным от очередных дежурств по уборке камеры. Надо было видеть, как он возмутился, и с какой решительностью отверг эту привилегию, и настоял на своем участии в несении общей повинности. Большевики так и заморили этого благороднейшего старца в своих казематах.

Мой сосед по койке с другой стороны — Дмитрий Николаевич Доброхотов — был также колоритной фигурой среди излюбленных москвичами общественных деятелей. Это было живое воплощение преданий [18]60-х годов. Решительные манеры, задорный клок седых волос над высоким лбом, резкая саркастическая речь, строгая выдержанность позитивистского мировоззрения без малейшего уклонения в сторону метафизической мечтательности, несколько подчеркнутая аскетичность в одежде, — все это вместе взятое составляло определенный букет, по которому вы сразу узнавали в этом оригинальном и интересном старике отдаленного потомка... не самого Базарова, а тех людей [18]60-х годов, которые, сами не будучи в душе Базаровыми, пленялись броскими чертами этого типа. А Базаровым Доброхотов не был уже потому, что был человеком нежной, добрейшей души. Сам старик, заваленный делами, он не пропускал ни одного дня, не побывав у своей старой матушки. Это уже было не по-базаровски. Не по-базаровски был он проникнут и альтруистическими чувствами. Председатель Совета присяжных поверенных, старый заваленный делами адвокат,

он находил время для работы в Обществе вспомоществования недостаточным студентам. Молодежь он любил всей душой, и студенты, со своей стороны, высоко ценили его как своего испытанного друга. Я не мог удержаться от желания посвятить этим двум моим соседям в тюремной камере несколько теплых слов. Не буду уже перечислять других членов нашей компании, хотя, перечисляя их, можно было бы написать небезынтересную страничку по истории московской общественности. Был тут Сергей Андреевич Котляревский¹³⁷, профессор, земский деятель, видный член кадетской партии. Увы, скоро после этой нашей последней встречи в стенах тюрьмы он проявил величайшее малодушие, толкнувшее его на такие шаги, которые нельзя было ожидать по его прошлому. На организованном большевиками процессе Тактического центра, к которому и Котляревский был привлечен в качестве обвиняемого, он выступил с показаниями, в которых предал ряд своих товарищей. А потом он занял у большевиков немаловажный пост официального юрисконсульта при редактировании разных декретов. Кажется, теперь он состоит на пенсии, на покое.

Но вот «час молчания» окончился. К столу подошел князь Кропоткин¹³⁸ (не знаменитый анархист, а его однофамилец, мировой судья, кадет) и объявил:

— Час молчания кончен, мы приступаем к своим занятиям.

Начались лекции, в которых скоро и мне пришлось принять участие. О нашем совместном сидении расскажу в следующем очерке.

[На этом рассказ обрывается.]

[1929–1932]

«Именная печать»:

Сергей Владиславич Завадский

В 1909–1916 годах в петербургском научно-популярном вестнике античной литературы «Гермес», издаваемом двумя известными филологами А.И. Малейном и С.О. Цыбульским, были напечатаны стихи римских поэтов Катулла, Горация, Марциала. Переводчиком был Згадай-Северский. Кто скрывался за этим псевдонимом, в литературоведческих кругах не было известно. Даже в «Книге стихотворений» Катулла, выпущенной в серии «Литературные памятники» издательством «Наука» в 1986 году, где были перепечатаны три перевода загадочного Згадай-Северского, о переводчике сказано: «Никаких сведений о нем установить не удалось»¹³⁹.

В мои задачи не входит интриговать читателей. Сразу назову имя переводчика — Сергей Владиславич Завадский. О нем и пойдет мой рассказ. Начну с одного его высказывания.

Бесследно не проходит ни одна жизнь. После каждого из людей остается посев доброго и злого, умного и глупого, высокого и низменного. Но посев этот обычно остается безымянным. Кто сеял, неизвестно. Только немногие кладут именную печать на свое жизненное дело, будь оно положительным или отрицательным¹⁴⁰.

Так писал Сергей Владиславич Завадский. И о нем, о Завадском, известном правоведе, талантливом переводчике, исследователе русского языка и литературы, о его «жизненном деле» и пойдет речь.

Имя Сергея Владиславича (не Владиславовича, так как, по его лингвистическим соображениям, «-ович» — это полонизм) Завадского вошло в советскую литературу еще в 1960-е годы в связи с именем Марины Ивановны Цветаевой. Он был человек, Цветаевой чтимый. «Мой Завадский» — так называла она Сергея Владиславича. В письме от 2 ноября 1924 года к писательнице и журналистке Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой (1886–1964) Марина Ивановна писала:

Есть у меня новая дружба, если так можно назвать мое уединенное восхищение человеком, которому более 60 лет... — но дружба в моих устах, только моя добрая воля к человеку. И вот, не будучи в состоянии угодить ему стихами (пушкинианец), — вяжу ему шарф.

Это — профессор права — Завадский — бывший петербургский прокурор, председатель нашего союза и соредактор по сборнику. Я уверена, что он бы меня очень любил, если бы я жила в Праге¹⁴¹.

Напомню, что в конце 1925 года в Праге был издан сборник «Ковчег» (на титульном листе указан 1926-й, однако книга вышла раньше) под редакцией В.Ф. Булгакова (последнего секретаря Л.Н. Толстого), С.В. Завадского и М.И. Цветаевой.

А вот как описывал Завадского в своих воспоминаниях публицист, юрист, сотрудник Русского заграничного исторического архива Дмитрий Иванович Мейснер (1899–1980):

...медленно спускался по лестнице, останавливаясь и осторожно переводя дыхание, высокий, больной сердцем... седобородый человек, с изящными манерами, с утомленным и немного скорбным лицом¹⁴².

Помнится, Мейснер и «познакомил» меня впервые с Сергеем Владиславичем.

Шли годы. И однажды поэтесса и актриса Татьяна Данииловна Клименко-Ратгауз, принимавшая душевное участие в моих архивных изысканиях, дала мне адрес бывшей актрисы Русской драматической группы в Праге Клавдии Петровны Макаевой, падчерицы С.В. Завадского, предупредив, что «у них» (Клавдия Петровна жила с сестрой Галиной Петровной), скорее всего, ничего особенно интересного уже не осталось, так как все бумаги забрал филолог и историк Иван Онуфриевич Панас (1891–1980), а письма режиссера, драматурга, теоретика и историка театра Н.Н. Евреинова (1879–1953) и других деятелей русской культуры взяла знакомая женщина-врач, кому-то достались цветаевские документы и, вроде бы, что-то еще было передано в московские архивы...

Здесь прерву свой рассказ о С.В. Завадском и представлю его падчерицу.

Я стал наводить справки о Клавдии Петровне, и вот что удалось узнать.

Родилась 3 февраля 1906 года в Петербурге, в семье служащего Министерства путей сообщения, помещика Екатеринославской губернии Петра Алексеевича Полешко (в советское время П.А. Полешко работал в Комиссариате путей сообщения заместителем начальника фи-

нансово-экономического отдела, в сентябре 1937 года был расстрелян как «враг народа», впоследствии реабилитирован).

В 1916 году Клавдия поступила сразу во второй класс гимназии. В 1917 году родители девочки развелись, мать вышла замуж за Завадского, после чего они переезжали из города в город: из Харькова в Киев, потом снова в Харьков, оттуда в Ростов и наконец в Москву. По воле семейных обстоятельств Клавдия Петровна училась во множестве гимназий. Окончив в конце концов в 1923 году уже московскую среднюю школу, поступила в Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова, окончила его в 1925 году.

В конце 1925 года Клавдия Полешко уехала к родным в Чехословакию (где в Праге уже жили мать и сестра, которые приехали к Завадскому еще раньше, в 1923 году), там вскоре вышла замуж за студента-архитектора С.С. Макаева. Материально им жилось очень трудно: в Чехословакии тогда была безработица. Клавдия Петровна пыталась давать уроки французского и английского языков. Муж подрабатывал случайными заработками, как и многие другие эмигранты.

Единственной радостью в эти трудные времена для нее оставался театр. Да и Сергей Владиславич Завадский был не чужд театру.

24 января 1934 года была организована постановка очень популярного в те времена «судебного процесса» по роману писателя Пантелеймона Романова «Товарищ Киняков, или Три пары шелковых чулок». Подготовка «процесса» велась при непосредственном участии Завадского. В спектакле были заняты юристы Д.Б. Иванов, А.М. Гаврин, журналисты С.И. Варшавский, К.К. Цегоев, актеры Г.П. Крекшин, П.Н. Алексеев, Т.Д. Ратгауз, К.П. Макаева и другие. Весь сбор от спектакля поступал в пользу Объединения русских юристов в Праге.

Мне хотелось проследить и проанализировать связь творческого человека в эмиграции с, так сказать, культурной подпочвой. Я не раз просил Клавдию Петровну зафиксировать на бумаге или на диктофоне свои интереснейшие рассказы. Но, к сожалению, она так и не собралась это сделать. И увы, не оставила воспоминаний. Хотя одна история все же, к счастью, сохранилась. Года через три она в одном из писем ко мне (от 22 июня 1989 года) поведала о «театральном периоде» своей жизни. И теперь ее живые бесценные свидетельства о русской театральной Праге — перед вами.

С начала 20-х годов и до 1947 года существовало в разное время несколько трупп. Наиболее известная из них была, без сомнения, хорошо известная вам так называемая «Пражская группа Художествен-

ного театра»¹⁴³, образовавшаяся в то время, когда часть труппы Художественного театра оказалась за границей и большая ее часть во главе с Качаловым¹⁴⁴ вернулась в Москву, а меньшая часть, в которой были такие известные актеры, как Германова¹⁴⁵, Крыжановская¹⁴⁶, Вырубов¹⁴⁷, осталась за границей. Им оказало помощь чехословацкое правительство, поддержавшее труппу материально, что позволило ей в течение нескольких лет существовать и давать спектакли во многих городах Западной Европы. Однако к концу 20-х годов она распалась, уже не знаю, по каким причинам. Собственно в Праге они выступали очень мало, так что, например, я, приехавшая сюда в 1925 году, видела только «Медею» и «Дни Турбиных». Это были спектакли на очень высоком уровне.

Помимо этого существовала короткое время труппа некоего актера из Бессарабии Владимиров¹⁴⁸. Это были актеры, собранные с бора да по сосенке. Успеха они не имели. Владимиров быстро прогорел и куда-то уехал. После этого, насколько мне вспоминается, были лишь отдельные любительские спектакли, например, писатель Евгений Николаевич Чириков¹⁴⁹ поставил свою пьесу «Ведьма», в которой, помнится, играла его жена, актриса Иолшина¹⁵⁰, и дочь Новелла Евгеньевна¹⁵¹. Обо всем этом лучше может помнить Татьяна Данииловна¹⁵², так как она в то время стремилась к театру. А у меня был маленький ребенок, и я не имела возможности мечтать о театре.

Наш же театр, так называемая Русская драматическая группа, образовался в 1931 или в 1932 году. В Прагу приехал один из бывших членов «Пражской труппы Художественного театра» Павел Алексеев¹⁵³. Он очень нуждался и обратился за помощью к Сергею Владиславичу, а тот, зная мою любовь к театру и наслышавшись о моих прежних «успехах» в школьной и другой самодеятельности на родине, предложил ему поставить в пользу студенческого общества какой-нибудь спектакль. Была выбрана пьеса В. Катаева «Квадратура круга»¹⁵⁴, где я и Татьяна Данииловна сыграли главные роли. С тех пор и началась моя с ней дружба, продолжающаяся до сих пор. Спектакль имел неожиданно большой успех, и с него начал формироваться наш полупрофессиональный театр, просуществовавший до конца 1947 года. Дохода никакого он нам не приносил, конечно, слишком мало было здесь русской публики, так что все мы, и профессиональные актеры, и любители, играли из любви к театру. Алексееву года через два удалось устроиться в Ужгороде (принадлежавшем в то время Чехословакии), куда он переехал. От Т.Д. Ратгауз я знаю, что он остался там, работал в советском театре и умер где-то в доме для престарелых актеров.

О первом нашем режиссере я уже рассказала. После отъезда Алексеева режиссеров у нас было несколько. Первые годы больше всего спектаклей ставила актриса Эвелина Федоровна Днепров¹⁵⁵. Она была еще в 90-е годы прошлого [XIX] века знаменитейшей провинциальной актрисой, которую газеты называли «южнорусская Дузе»¹⁵⁶.

Мои родители, по происхождению харьковчане, с восторгом вспоминали ее игру в дни их молодости. В Праге это была уже очень старая больная женщина (правда, тщательно скрывавшая свой возраст). Память у нее ослабела, так что роли она забывала, но все же иногда играла прекрасно (например, бабушку в «Обрыве» Гончарова, мать в «Бедности — не порок» или няню в «Дяде Ване»). Блистательным режиссером она не была, так как не была особенно умна, ни культурна, но все же многому нас научила. Видно, «дар от Бога» давал себя знать. Умерла она в глубокой старости летом 1945 года в мое отсутствие, так что я даже не нашла ее могилы. Помимо нее спектакли ставил Евгений Осипович Норманд¹⁵⁷, профессиональный актер из Кишинева, неплохой режиссер, характерный актер и прекрасный карикатурист. Но в 1935 году он вместе с Татьяной Данииловной получил ангажемент в Рижский русский театр и переехал туда. Однако там он долго не удержался и поехал на родину, в Кишинев. О его дальнейшей судьбе ни я, ни Татьяна Данииловна ничего не знаем. После его отъезда режиссировали до 1930 года, кроме Днепровой, еще актриса бывшего Александринского театра Нина Григорьевна Коваленская¹⁵⁸ и Ольга Александровна Полуэктова¹⁵⁹, бывшая начинающая актриса 2-й студии Художественного театра. В конце 1939 года в Прагу переехал бывший актер МХАТа Василий Иванович Васильев¹⁶⁰. Еще в московской постановке «Гамлета» он играл то ли Розенкранца, то ли Гильденстерна, то есть был начинающим. А в Пражской группе из того, что я видела, он прекрасно сыграл Алексея Турбина. У него в Варшаве был свой театр, но в это время в Варшаве жить было опасно, и он с женой, тоже актрисой, Гуляницкой¹⁶¹, и еще двумя актрисами перекочевал в Прагу, где стал нашим постоянным режиссером. Примерно в 1948 году он переехал в Ленинград, где его сестра¹⁶² была известной актрисой, и даже стал режиссером в Театре комедии, что находится над магазином Елисеева. Я потеряла с ним в 60-е годы связь и думаю, что он уже умер. Последние наши спектакли, в которых участвовали приехавшие из Парижа актеры Художественного театра П. Павлов¹⁶³ и В. Греч¹⁶⁴ (а также и несколько других актеров), ставила Вера Греч, прекрасный режиссер и актриса. Это были «Васка Железнова», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Село Степанчиково», «Так и будет» Симонова. С этими спектаклями мы с огромным успехом гастролировали по всей Чехословакии, поскольку в то время Советский Союз был в моде. Но тогда же театр и распался. Часть актеров уехала обратно в Париж, часть — в Советский Союз. Никаких художников, оформлявших спектакли, у нас не было. Мы были очень бедны для этого. В небольшом театрикe, который мы арендовали для наших спектаклей, мы среди декораций, реквизитного хлама общими усилиями разыскивали то, что нам больше всего подходило.

Кое о ком я Вам уже написала. Большую половину составляли бывшие актеры. Остальные были любители, и среди них очень талант-

ливые, из которых могли бы выйти действительно хорошие актеры, но каждый из них должен был зарабатывать себе на пропитание и потому об актерской будущности мечтать не мог. Перечислять их нет смысла.

Из всего, что я написала, Вам уже должно быть ясно, что — помимо Пражской труппы Художественного театра — никаких «средств существования» у наших трупп не было. Была только любовь к театру¹⁶⁵.

Но возвратимся к С.В. Завадскому. Мой опыт архивиста-исследователя подсказывал, что даже там, где, как все уверяют, будто бы ничего уж ценного не осталось, всегда, обязательно что-то интересное найдется. И вот на свой страх и риск я написал Клавдии Петровне еще письмо и в декабре 1985 года получил ответ:

...Мы многие материалы раздали разным людям и теперь уже ничего не знаем об их судьбе. У нас на руках осталось мало. <...> Конечно, мы с сестрой очень хотели бы, чтобы память о нем как о литературоведе, тонком знатоке русского языка, как о блестящем юристе сохранилась, и хотелось бы передать все имеющееся у нас в надежные руки. <...> Осталось у нас и большое количество писем отчима к нашей матери, но они слишком личного характера, и, думается, нам их лучше всего будет перед нашей смертью уничтожить...¹⁶⁶

В ответном письме я умолял ничего не уничтожать, так как даже личные письма могут содержать много неожиданных и интересных сведений. Нельзя выбрасывать даже обычные документы — удостоверения, квитанции и т.п. Я просил сохранить в неприкосновенности все, что у них осталось, до моего приезда в Прагу.

И вот в марте 1986 года мне улыбнулась удача: командировка в Прагу! Звоню Клавдии Петровне, оказывается, она в больнице, но меня ждет ее сестра...

Мне открывает дверь полная седая женщина. Говорит чуть задышавшись — сердце! Она радушно принимает меня и указывает на довольно большую стопу бумаг, приготовленных к моему приходу. Я немедленно погружаюсь в семейный архив. Здесь личные документы Клавдии Петровны: список ее ролей (1932–1947), фото сцен из спектаклей Русской драматической группы в Праге, программки спектаклей, фотографии актеров Я.И. Велеховой-Фоминой, П.Е. Горянского, Н.Н. Дрейера, Л.К. Лидиной, Я.Б. де Росси и т.д.

Но большая часть — это архив С.В. Завадского: рукопись книги об отце, Владиславе Ромуловиче Завадском (1840–1910), сенаторе, известном общественном деятеле, переводы Софокла, Эсхила, Катулла. Наброски и черновики статей, гранки воспоминаний о Московском

университете, о его работе прокурором Петербургской палаты, письма к жене, фотографии...

Я забыл о времени... Но вот Галина Петровна вручает мне «как человеку из России, заинтересовавшемуся судьбой Завадского» карандашный портрет Сергея Владиславича работы художника Федора Ивановича Захарова, скончавшегося в августе 1968 года в Нью-Йорке. Я благодарю и понимаю, что портрет дарится мне отчасти и в знак окончания моего визита. Быть может, впрочем, я и ошибаюсь, но злоупотреблять гостеприимством Галины Петровны более не мог и, сложив архив в большую сумку и откланявшись, возвращаюсь в гостиницу.

Уже в Москве, внимательно разбирая архив Завадского, я по наброскам, документам и обрывкам черновых записей попытался воссоздать его жизнь. И вот в конце концов передо мной предстала значительная личность, разносторонне талантливый, без преувеличения, крупный государственный человек!

Сергей Владиславич Завадский, по народности русский, по вере православный, по отцу подолянин, по матери москвич, родился 18 февраля (ст. стиля) 1871 года в Казани¹⁶⁷.

Так начиналось незаконченное автобиографическое жизнеописание С.В. Завадского.

Свою родословную Завадский вел от польского дворянского рода Рогая-Завадских.

...Род этот может быть назван древним: достоверно, от сына к отцу и далее возводимый до самого начала XVI столетия, он, по преданиям, восходит даже к XI веку, ко времени Первого крестового похода. Но, выйдя было на проселки истории, род наш более уж никак не выдвигался и только сидел на земле по деревням (кто в Заваде, кто Грудовске, кто в Жарнове — под Краковом). Наша линия, Грудовская, давно переселилась из Малой Польши сперва на Волынь, а затем в Подолию. <...> Среднее образование получил в первой саратовской, третьей харьковской и пятой московской гимназиях. Окончил последнюю в 1889 году, награжден золотой медалью. Высшее образование получил в Московском университете по юридическому факультету¹⁶⁸.

...Поступил я на юридический факультет, но в первую зиму очень разбрасывался, слушая лекции на всех факультетах (кроме медицинского, откуда меня погнал невыносимый и стойкий запах анатомического театра); историко-филологическому, впрочем, я оставался верен и после. <...> На юридическом факультете Московского университета в ту пору не было среди профессоров Сириуса, каким засверкал для

меня Ключевский (Василий Осипович, прославленный историк). Предпочтительно перед всеми «юристами» на первое место я ставлю экономистов Чупрова (Александра Ивановича), профессора политической экономии и статистики, и Янжула (Ивана Ивановича), впоследствии академика, нам читавшего финансовое право. <...> Историю римского права и часть догмы (общие учения и вещные права) читал Боголепов (Николай Павлович), впоследствии министр народного просвещения, вторую часть догмы (обязательное право, наследственные и семейные), и торговое право, и гражданский процесс — Гамбаров (Юрий Степанович). <...> По выдержании государственных экзаменов весною 1893 года и по представлению диссертации «Вечный потомственный наем. Опыт конструкции института» удостоен диплома первой степени. Осенью того же года по предложению проф[ессора] Н.П. Боголепова оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права¹⁶⁹.

Так писал о себе С.В. Завадский.

Видя, что сын разбрасывается в своих жизненных и научных занятиях, отец настоял на том, чтобы Сергей записался в кандидаты на судебные должности, и Завадский некоторое время работал при Петербургском суде и в Комиссии по пересмотру судебных уставов. Настоящая прокурорская деятельность Завадского началась, однако, в Псковской губернии, в городе Острове, где он два года был товарищем прокурора Псковского окружного суда по Островскому участку.

...Остров — уездный город Псковской губернии на реке Великой, захолустье порядочное, — вспоминал он. — ...Сохранились (по крайней мере, до конца XIX в.) шоссейная застава со шлагбаумом, поднимавшимся и перед Пушкиным и в последний раз поднимавшимся перед его гробом. И тут мне всегда приходило на память: «...иль мне в лоб шлагбаум влепит // Непроворный инвалид»¹⁷⁰. <...> В этих пушкинских краях началась моя прокурорская судьба¹⁷¹.

Впоследствии Завадский занимал посты товарища прокурора в Москве и Петербурге, а позже служил прокурором в Великих Луках и Новгороде. В 1906 году он назначается членом Петербургской судебной палаты и занимает должность товарища обер-прокурора Уголовного и гражданского кассационного департамента Петербургской судебной палаты. Заметим, что при И.Г. Щегловитове, министре юстиции в 1906–1915 годах, Завадский, будучи человеком, абсолютно независимым в своих суждениях, не пользовался милостями Министерства юстиции. Тем не менее его профессиональные качества, безупречная репутация и твердые убеждения были востребованы государством, и в 1915 году Завадского назначают уже прокурором Петербургской судеб-

ной палаты. Так уж случилось, что именно при прокурорстве Завадского был убит Григорий Распутин. Положение Сергея Владиславича становится щекотливым. Вот с какой позиции Завадский приступал к расследованию дела об убийстве Распутина. Приводим несколько строк из его воспоминаний «На Великом изломе», опубликованных в книгах восьмой и одиннадцатой «Архива русской революции».

Вопреки Льву Толстому я исповедую, что насилие не возбранено даже евангельским учением. Мало того, я смею утверждать, что Евангелие обещает прощение за самое преступное насилие, если оно совершено во имя великой любви, то есть ради такой цели, которая вполне чужда личных выгод решившегося на преступление и окружена для него сиянием святости. И вот в этом суждении моем нет ничего противного духу Христову: я не о самодовольных преступниках говорю, а настаиваю лишь на том, что, по смыслу несомненных слов великого учителя, надо выше ставить не душевную незапятанность грехом, но святую цель, и потому для нее жертвовать душою, именно душою, а не одною землею жизнью. Отправляясь от такого понимания евангельских предписаний, я бы, конечно, не мог удивиться, ощутив, что оправдываю убийц Распутина, если бы налицо были два, по мне, совершенно необходимых условия: если бы я мог думать, что смерть Распутина неизбежна для спасения России и если бы я удостоверился, что убийцы не дышат самодовольством, а в сознании своего греха идут навстречу ответственности. Но в том-то и дело, что ни одного из этих условий не было¹⁷².

Только 19 января 1917 года Сергей Владиславич был назначен сенатором Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената.

В прокуратуре он занимал редкое место: он принадлежал к числу тех почти не существующих прокуроров, которые интересуются гражданским правом и своими заключениями по гражданским делам. Он избрал гражданские дела, чего, кажется, не делал ни один прокурор. Давал обстоятельные, мотивированные заключения. Недаром он окончил затем свою судебную службу обер-прокурором Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената¹⁷³.

Так характеризовал судебную деятельность Завадского Николай Николаевич Чебышев, сам бывший сенатор и бывший прокурор в Киеве и Москве.

Одновременно со своей служебной деятельностью Завадский читал лекции по гражданскому праву в Александровском лицее (с весны 1913 года) и много писал в журналах «Право», «Вестник гражданского права», «Журнал Министерства юстиции» и других периодических из-

даниях. В свое время А.М. Горький намеревался напечатать его перевод трагедии Софокла «Царь Эдип» в издаваемом писателем журнале «Летопись», но переводчик не пожелал.

Вскоре после февраля 1917 года Временное правительство предложило Завадскому должность первоприсутствующего Гражданского кассационного департамента, а 11 марта А.Ф. Керенский по рекомендации Горького назначил его товарищем председателя Верховной следственной комиссии по расследованию преступных деяний представителей старого режима. Председателем комиссии был популярный судебный деятель адвокат Н.К. Муравьев.

Задачи Муравьева были безбрежные: он думал об истории. Мои гораздо скромнее: я думал о правосудии и о судьбе лиц, уже лишенных Керенским свободы в ожидании нашего расследования. В голове у Муравьева предносился будущий, чуть ли не ученый труд о недостатках павшего режима. В моей голове копошились планы беспристрастного и быстрого следствия¹⁷⁴ —

вспоминал С.В. Завадский в 1923 году. По утверждению лиц, близко наблюдавших деятельность Завадского в комиссии, он «вел себя корректно, не поддаваясь бурлившим тогда революционным течениям»¹⁷⁵.

Считая, что комиссия не отвечала требованиям нормального следствия, Завадский вскоре решил выйти из ее состава. Во второй половине мая 1917 года он был уволен, но продолжил когда-то начатую им работу в Комиссии по восстановлению судебных уставов.

Октябрь покончил с Сенатом. 28 ноября сенаторы нашли сенатские двери закрытыми. Вскоре начались аресты. Поэтому в начале 1918 года Сергей Владиславич покинул Петроград. Его путь лежал в Харьков, недалеко от которого был расположен хутор, принадлежавший его жене. В Харькове Завадский записался присяжным поверенным. А вскоре, в мае 1918 года, бывший сенатор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (1917), министр судебных дел Украинской державы Михаил Павлович Чубинский (1871–1943) от имени украинского правительства, возглавляемого гетманом П.П. Скоропадским, предложил Сергею Владиславичу войти в кабинет министров. Завадский ответил согласием, выехал в Киев и стал товарищем министра юстиции и государственным (державным) секретарем правительства Скоропадского на Украине. Завадскому принадлежит авторство Манифеста гетмана (от 14 ноября 1918 года), в котором высказывалась мысль, что Украина и Россия, освободившиеся от большевистской власти, должны объединиться на основе федерации. После отречения от власти Скоропадского

(14 декабря 1918 года) и прихода к власти Симона Петлюры Завадскому ничего не оставалось, как податься на юг.

С осени 1919 года Завадский работал товарищем председателя Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине. Но менее чем через год (после того как А.И. Деникин передал командование П.Н. Врангелю) начались его скитания по России под чужим именем Степана Владимировича Завистовского.

Только в начале сентября 1921 года Завадский как «гродненский мещанин» покинул пределы России, и начался типичный путь эмигранта. Сначала в Польше, где ему пришлось перебиваться частными уроками. В апреле 1922 года Завадский получил приглашение от Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике «занять профессорскую вакансию». 6 мая Сергей Владиславич в Праге.

В письме к жене (находившейся еще в Москве и приехавшей в Прагу позже) Сергей Владиславич сообщал:

Я стараюсь учиться чешскому языку. Выговор у меня ужасный, но уже фразу я умею построить. Надеюсь, что к осени буду говорить. Впрочем, еще весною ждут выступления коммунистов, и до осени далеко. Я беру уроки чешского языка со Струве¹⁷⁶ и Зайцевым¹⁷⁷, даровитым приват-доцентом административного права. <...> Кстати, вспомнил. Скажи Клаве (Макаевой, падчерице Завадского. — В.Н.), что в одной со мной квартире поселились профессор И.И. Лапшин¹⁷⁸ и что в Праге живет профессор Н.О. Лосский¹⁷⁹. Значит, для занятий Клавы философией у нее могут быть настоящие советы от двух знаменитостей, ни в чем не согласных друг с другом¹⁸⁰.

На Русском юридическом факультете он стал читать курс гражданского права. Преподавал в Русском народном (свободном) университете, в котором являлся товарищем ректора и где руководил Кружком ревнителей русского слова. Этот кружок приобрел особое значение, так как многие представители эмиграции (особенно молодежи) начали постепенно забывать родной язык.

Несмотря на преподавательскую работу, отнимавшую у него много времени и сил, Сергей Владиславич не оставил научных занятий по своей специальности, о чем свидетельствует целый ряд опубликованных исследований и статей на юридические темы. Это выпуски лекций по гражданскому праву, читанные на Русском юридическом факультете и изданные в Праге в 1923–1929 годы. Это статьи в журналах, в частности в «Современных записках», в 1923–1931 годах. В 1924 году

С.В. Завадский совместно с Н.Н. Алексеевым, А.В. Маклецовым, Н.С. Тимашевым подготовил и выпустил в свет двухтомный сборник «Право Советской России». (Сборник был переиздан на немецком языке в Тюбингене в 1925 году.)

Постепенно Завадский становился незаменимым членом пражской русской колонии. Он пользовался всеобщей любовью и авторитетом. Всюду он помогал. Никому не отказывал в совете и поддержке как в личных, так и в общественных делах. Не случайно он был избран первым председателем Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, председателем Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, председателем Русской академической группы, товарищем председателя правления Союза русских академических организаций за границей.

Завадский принимал деятельное участие в научных съездах, часто выступал с докладами и публичными лекциями не только в Праге, но почти во всех больших городах Чехословакии, а также в Париже, Берлине, Белграде, Нью-Йорке, Софии, Риге, Таллине. В конце сентября 1928 года в Белграде проходил I съезд русских писателей и журналистов за границей. Сергей Владиславич принял участие в его работе от Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, его доклад был посвящен защите авторских прав. В 1928 году на IV съезде русских академических организаций за границей, проходившем в Белграде, Завадский читал доклад «Не новое и не старое правописание, а новейшее». В сентябре 1930 года в Софии открылся V съезд русских академических организаций за границей, на котором он выступил с сообщением «Об отчествах от собственных имен на -слав», где, в частности, обосновывал и отстаивал написание своего отчества как «Владиславич».

Хочется упомянуть и еще один аспект в общественной деятельности Завадского. В марте 1928 года в Праге было создано русское издательское общество «Единство». Его председателем был избран С.В. Завадский. Вот начало воззвания о литературном сотрудничестве, с которым обратились председатель и секретарь общества к деятелям русской, украинской и белорусской культуры:

Давно наболевший и жгучий вопрос о сложных национально-культурных взаимоотношениях трех главных ветвей единого русского народа стал за последние тяжелые годы, исполненные внутренних срывов и внешних толчков, одной из самых важных и животрепещущих проблем, зловеще угрожающей судьбам всего народа нашего в целом и каждой его части в отдельности.

Центробежные стремления уже не останавливаются на пороге естественной защиты местных культурных своеобразий и не ограничиваются понятной борьбой за подлинную децентрализацию, а страстно направлены ко всемерному языковому, культурному и государственному расколу, охватывающему все более широкие круги малоросской и белорусской общественности и все более поощряемому и поддерживаемому извне.

Разъединительные течения эти лишены достаточных оснований не только строго научных и исторических, но и просто оправдываемых жизненною целесообразностью, питаются воспоминаниями об одних лишь старых обидах и поддерживаются недостаточным знакомством с нашим прошлым и его уроками. Для того чтобы в меру сил противодействовать самоубийственным попыткам расчленения русского племени, в Праге Чешской учреждается издательское общество «Единство»¹⁸¹.

Благодарным признанием и высокой оценкой эмигрантским сообществом культурно-общественной деятельности Завадского стало его избрание в марте 1932 года членом совета Русского заграничного исторического архива в Праге, а после смерти историка и общественно-го деятеля А.А. Кизеветтера — его председателем (1933–1935).

Творческое горение Завадского в последний период его жизни поражает: лекции по истории русских городов, доклад, посвященный отмене крепостного права в России, слово к столетию вступления в силу Свода законов Российской империи, статьи, посвященные Русской православной церкви, прокурорскому надзору и прокуратуре и проч., и проч. Причем Завадского интересовала не только правовая сторона русской истории, но всегда культурный ее контекст. Он писал, в частности, о неточностях в передаче быта у Толстого и Достоевского. Спорил с литературоведами о дате рождения В.Г. Белинского. По его мнению, разысканная С.А. Венгеровым метрическая запись о рождении критика не является абсолютно точной, так как Белинский и его друзья отмечали это событие несколькими днями раньше. «Наши метрики утверждали не столько событие рождения или смерти, сколько событие крещения или погребения»¹⁸², — указывал Сергей Владиславич.

Завадский, без всякого сомнения, может считаться серьезным знатоком русского языка и литературы. Особенного внимания заслуживают его лекции в защиту кириллицы, которую некоторые филологи считали устаревшей, полагая латиницу более перспективной для будущего русского языка. Его постоянной целью была чистота русского языка, он хотел очистить язык от всего, что проникло в него за последние две-три десятилетия вследствие иноземных влияний, ошибок филологов и т.п. Он

готовил к печати «Словарь ошибок, неточностей, спорных вопросов и неудачных заимствований в живом русском языке, устном и письменном». К сожалению, этот труд не был закончен.

Каждый народ заслуживает своего языка и, прибавлю, своей словесности. И если правда, что видимое лицо русского народа хуже русского языка и русской словесности, то отсюда только следует, что видимое лицо народа не является его подлинным лицом: действительность беспощадна и часто не позволяет развернуться природным свойствам вовсю, в настоящий их рост¹⁸³.

Он писал о языке Грибоедова, выдвигал тезис о «романтичности» Гоголя, о его особой «душевной настроенности»¹⁸⁴. Он говорил о простоте и изящности тургеневского слова. В частности, его речь «Тургенев как человек и писатель» была произнесена в Софии. «Вечное у Тургенева, — писал Сергей Владиславич, — его любовь к человеку, его ясная простота художественных образов и языка, его лиричность, музыкальная доверчивость его произведений»¹⁸⁵.

«Страшной глубине наглядности» Толстого он противопоставлял «страшную глубину мысли Достоевского»¹⁸⁶. В этом отношении интересна его статья «Великий упроститель: К познанию личности Толстого»¹⁸⁷ и черновые заметки к лекции о Толстом. Его занятия Лесковым и Салтыковым-Щедриным остались нереализованными в набросках лекций и статей «Н.С. Лесков», «Пародия Достоевского на Щедрина», «Салтыков-Щедрин»¹⁸⁸.

Горячий поклонник Пушкина, видевший в нем высочайшее проявление русского духа, Завадский считал, что развитие русской литературы, несмотря на гений Толстого и Достоевского, отклонилось от просветленной стихии Пушкина. Пушкин был для Завадского «источником живой воды». Так и называлась одна из его статей, посвященных Пушкину, опубликованная 8 июня 1925 года в однодневной газете «Русская культура» (Прага).

Из более поздних писателей ему близок был Чехов, в котором он видел продолжение пушкинской линии русской литературы. По его словам:

Гении — это высокие горы, а где есть горные вершины, там есть и горная цепь. Явление гениев — патент на благородство того народа, соками чьей культуры они воспитаны¹⁸⁹.

Особое место в наследии Завадского занимают переводы античных авторов. В его архиве сохранились неопубликованные переводы трагедий Софокла «Эдип на царстве», «Электра», «Смерть Аякса», Эсхила «Орестея», «Прометей освобожденный», «Прикованный Проме-

тей», «Персы», «Семеро против фив», «Молящие», а также стихотворений Катулла. В этом отношении интересно признание Сергея Владиславича:

...Любил и древние языки, особенно греческий, еще в гимназии, с пятого класса, сидел над Софоклом и Катуллом, но занимался грамматикой очень неровно, а потому правильно не отмечена в аттестате склонность к классической древности¹⁹⁰.

Влияние Завадского в среде русской эмиграции было более чем заметно. И это не могло быть иначе, принимая во внимание его энергию, его патриотизм и широту интересов. Приведу свидетельство поэта, беллетриста и критика Алексея Алексеевича Фаринича, окончившего философский факультет Пражского университета и преподававшего тогда в русских гимназиях Ужгорода и Пряшева.

Помню, в 1930 году Сергей Владиславич читал лекцию о Тургеневе. На ней он восхищался новым русским словом, внесенным в литературу карпатороссами: русскость. После этой лекции я решил занести ему свои пробы пера. Тогда еще в языковом вопросе я колебался: писать ли по-русски? по-украински? Или вытворить карпаторусскую смесь на украинско-русских основах? К моему стыду, я старался писать на такой смеси. Но были у меня вещи и на литературном языке. С ними я зашел к Сергею Владиславичу. Несколькими меткими фразами он мне привил совсем другой вкус к языку. Он во мне зажег страстную любовь к русскому правдивому языку¹⁹¹.

Сергей Владиславич Завадский скончался 2 июля 1935 года в Праге, в своей квартире в доме № 27, что на Бучковой улице. Его похоронили на Ольшанском кладбище.

Смерть Завадского стала огромной нравственной и культурной потерей для русской эмиграции. Бывший ректор Московского университета, профессор Карлова университета Михаил Михайлович Новиков, размышляя о судьбе русского ученого на чужбине, невольно обращался к просветительскому наследию Завадского. «Наш долг, — писал он, — заключается в том, чтобы не дать поблекнуть этим письмам, сохранить их свежими и неприкосновенными дальнейшим поколениям»¹⁹².

Мы же, со своей стороны, попытались вернуть в контекст русской истории и культуры имя, образ и «жизненное дело» С.В. Завадского, которому он самоотверженно служил и которое, без сомнения, достойно «именной печати».

Разные грани его творчества представлены в материалах, которые мы публикуем в этом сборнике.

Прежде всего, это воспоминания Завадского о членах Учредительного собрания и Временного правительства Федоре Федоровиче Кокошкине и Андрее Ивановиче Шингареве, с которыми он выступил 24 января 1924 года на заседании Пражской группы демократического студенчества. 28 ноября 1917 года, в день предполагаемого открытия Учредительного собрания, Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев были арестованы большевиками по постановлению Петроградского военно-революционного комитета как одни из лидеров оппозиционной партии кадетов и заключены в Петропавловскую крепость. 6 января 1918 года по состоянию здоровья они были переведены в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь на 7 января их зверски убили ворвавшиеся в больницу матросы и красногвардейцы. Убийцы не понесли наказания. Трагическая гибель Кокошкина и Шингарева получила широкий общественный резонанс. В похоронах на Никольском кладбище Александро-Невской лавры участвовала масса народа. Были организованы Комитет по увековечиванию памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева и фонд оказания помощи их семьям.

Государственным человеком Завадский оставался до конца своих дней. Он много и ярко, талантливо писал о правовом воспитании, о судах, о прокуратуре и т.п. Эта сторона его творческого наследия представлена статьей «О российском и русском многоединстве», актуальной и для сегодняшнего времени.

Он выступал в своих работах и как литературовед, и как лингвист. Неоднократно обращался к творчеству А.С. Пушкина. Именно Завадскому принадлежит идея проведения Дня русской культуры в день рождения поэта — 6 июня. Ниже печатается статья Завадского «Пушкин и Катулл».

Более двадцати лет, вплоть до 1934 года, трудился Сергей Владиславич над переводами Гая Валерия Катулла. Это был второй (после перевода А.А. Фета) полный перевод стихотворений великого поэта. Несколько стихотворений Катулла печатаются в окончательной редакции переводчика с его примечаниями.

Все эти материалы публикуются по автографам, хранящимся в архиве С.В. Завадского в Рукописном отделе ЦНБ СТД РФ¹⁹³.

Милостивые государи!

Я не мог не откликнуться на студенческий призыв, не мог не принять участия в сегодняшнем чествовании памяти Кокошкина¹⁹⁴ и Шингарева¹⁹⁵. Когда я услышал о том, что такое чествование предполагается, и это уже второй раз в Праге, я ощутил огромное удовлетворение, и вот почему. Русскому человеку как-то свойственно недооценивать, а то и вовсе не ценить подвиг. Поскольку он не придает значения своему подвигу, это, по моему крайнему разумению, одобрительно, что-то есть наивно-чистое и трогательно-простое в спокойном отношении к собственным хорошим и самоотверженным поступкам. И в эту пору неслыханного национального бедствия мы со справедливою настойчивостью можем сказать, что русская земля богата людьми, оставшимися в неизвестности по своей доброй воле, предпочитавшими не прикалывать своего имени к своему подвигу. Мне уже пришлось здесь, в частности, приводить стихи талантливой русской чешки, поэтессы Каролины Павловой, рожденной Яниш¹⁹⁶, которые я люблю с юношеских лет за их строгую и выпуклую правоту; позвольте привести их и сегодня:

Мы говорили в дни Батыея,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия
И гибнут наши имена¹⁹⁷.

Но совсем иное у меня отношение, когда я встречаюсь с такою же равнодушною оценкою чужого подвига. В этом я всегда чувствовал обидную смесь неблагодарности к заслугам и забвения вчерашнего дня. И мне было больно, что мы не сохранили имени творца Слова о полку Игореве, что мы не можем даже с

приблизительную вероятностью решить, кто был тем богатырем, которого народ наш украсил в своих былинах сказочными вымыслами под именем Ильи Муромца¹⁹⁸, что мы забываем имя проф. Василия Петрова¹⁹⁹, который первым открыл вольтову дугу, что мы только теперь удосужились оценить Ломоносова как великого ученого. Вот почему, говорю я, мне стало радостно, когда я узнал, что русские студенты, русское завтра, помнит и чтит погибших деятелей, чтит русское вчера. В добрый час, пусть русский человек останется по-прежнему скромным в самооценке, но пусть отсюда, из Праги, пойдет широкою волною на века стремление — помнить и благодарно хранить в своем сердце всех, кто отдавал себя в первую голову не своему личному, а общему делу.

И тем не менее начальным моим движением было отказаться от выступления на сегодняшнем чествовании. И в самом деле, какие воспоминания о покойных я мог бы сюда принести?

Шингарева я видел всего два раза, и то мельком, в Государственной думе, когда он не выступал, и в гостиную общих знакомых, откуда он уже уходил. А если Кокошкина я когда-то знал довольно близко, то это было давно, на заре нашей юности, а ему в этом году исполнилось бы уже 52 года.

Но затем искушение быть причастным хорошему делу превозмогло. Почему бы мне, подумал я, не сказать несколько слов о Кокошкине, не о Кокошкине на трибуне и на кафедре, а о Кокошкине попросту в домашней обстановке? И потом у меня явилась еще одна мысль, которою я охотно поделюсь с вами и которая в одно свяжет их обоих, Кокошкина и Шингарева, и будет, смею надеяться, вполне уместною именно сегодня.

Итак, вот мои несколько слов о Кокошкине. Я знал его в Москве, во Владимире и в Петербурге. В Петрограде я с ним уже не виделся.

Познакомились мы, когда ему и мне было не больше 18 лет, на первом курсе юридического факультета в актовом зале Московского университета. Он сразу обратил на себя мое внимание — начитанный, владевший иностранными языками, умевший думать и говорить, он явно был один из немногих. Помню, я тогда же, после первого нашего разговора, узнав от него, как его фамилия, посмотрел в наш печатный список и увидел там: Кокошкин Федор Федорович, Владимирская гимназия и, в скобках, с золо-

тою медалью. Сперва мы встречались на лекциях, но скоро дороги наши разошлись: я через политическую экономию пришел к пореформенному праву, а он увлекся историей философии права и затем историей политических учений, стал заниматься государственным правом. Но, разное посещая практические занятия, участие в которых более сближает, чем совместное слушание лекций, мы постоянно виделись вне университета: сперва в доме общих знакомых, а потом и у нас. Кокошкины — москвичи, у них до последнего времени сохранились остатки прежних земельных владений их, сельцо Брехово недалеко от Москвы, около станции Голицыно. Но мать его, вдова, была начальницей владимирской женской гимназии и своим трудом поставила семью на ноги. Кокошкин жил в Москве один. А общие знакомые наши, о которых я упоминал, были его друзьями по Владимиру: простая, патриархальная русская семья, где мы все по-юношески, а порою и прямо по-детски веселились. Здесь я познакомился с сестрою Кокошкина, приехавшей из Владимира, и младшим его братом, поступившим в университет немного позже нас. И тут Кокошкины, все трое, выделялись, вовсе не стремясь выделиться: ум, воспитанность, душевная порядочность — все это делало, что они, и не проталкиваясь вперед, были впереди. Мы, конечно, там больше дурачились, дурачились и у нас, когда стали и у нас собираться, но, право, и в юношеских развлечениях, в первых ухаживаниях, среди танцев и на коньках ум сказывался не менее, чем в серьезных разговорах. И вот Кокошкин, который, как легко было заметить по обращению с ним сестры и брата, находился в семье на положении божка, явно обнаруживал и «лестничный» ум, нужный для того, чтобы шаг за шагом доказывать то или иное положение, но обнаруживал и ум — я бы сказал — *per saltum**, как ход шахматного коня, ум — смею думать, более редкий, ту способность *герарти***²⁰⁰, быстрой отповеди, которая блескает искрами и рассыпается ракетой; оба брата отличались этим. Не вижу причины скрывать, что Кокошкин тогда, на мою оценку, был слишком правый. Это у него, как и у академика Шахматова²⁰⁰, было взято извне, в виде готовых традиций, и долго не устояло. А главное было то, что ничего своекорыстного в этих его убеждениях

* Одним махом, сразу (*лат.*).

** Удачный ответ, реплика (*фр.*).

не было. Всю жизнь он равнял не по тому, что могло бы принести выгоду ему и тем, кто с ним и возле него, а по тому, что представлялось для него имеющим общественную важность. Московское знакомство наше кончилось вслед за нашими государственными экзаменами; помню, как на мое шумливо-радостное сообщение ему, что мне предложили остаться при университете для приготовления к профессуре по кафедре гражданского права, он спокойно и сдержанно (выдержка его выдавалась) ответил мне сообщением, что он оставлен по кафедре государственного права. А потом я уехал очень скоро за границу на год и более в Москву не вернулся.

Спустя несколько лет я дважды, оба раза на короткое время, посетил Владимир. В оба мои приезда туда я заставал там и Кокошкина. Нам уже было под тридцать. Я видел его в обществе, среди кн. Урусова²⁰¹, впоследствии сенатора и члена Государственного совета, расстрелянного большевиками в Кисловодске, Маклакова 2-го²⁰², тогда поверенного инспектора, впоследствии министра внутренних дел, также расстрелянного большевиками, Чебышева²⁰³, бывшего министром внутренних дел при Деникине, Муратова²⁰⁴, впоследствии тамбовского и курского губернатора и члена Государственного совета. Из них Чебышев выделялся своим широким образованием и был левее меня, но шел слева к центру, тогда как Кокошкин левел. Остальные томились мыслью о карьере, и особенно простодушно выходило это у Маклакова: уже и тогда он мастерски рассказывал свои анекдоты в лицах и вздыхал, твердя, что должность податного инспектора — тупик без выхода. Кокошкин держался замкнуто, почти особняком. Но он рос. Больше всего мне он памятен в своей семье. Как сейчас вижу перед собой мать его, Ольгу Наумовну, сестру его, Марию Федоровну, и брата Владимира Федоровича, и его самого за вечерним самоваром. Владимир Федорович острит удачно и без жала, Мария Федоровна горячится и волнуется, а он ко всему подходит по-своему просто, без шор и спокойно. И надо всем царствует светлая голова и ясное сердце Ольги Наумовны. Хорошая семья была у Федора Федоровича, в этом отношении он родился и рос богачом, и в семье его с молчаливого согласия выделяли на первое место, и его это не портило, не превращало в семейного деспота. Я живо ощущал, что он во Владимире — человек не губернского формата.

Прошло еще несколько лет. Кончался 1904 год, когда к нам в Петербург как-то — я говорю без преувеличения — забежал Кокошкин. Он прямо был с того известного совещания в доме Набокова²⁰⁵, где он исполнял секретарские обязанности. Я не ржусь в чужие перья и поэтому не хочу потаить, что дорога, избранная совещанием, и тогда не казалось мне верною, но бескорыстное счастье, светившееся в его глазах и бывшее ключом в его речах, утративших обычную неторопливость, окатило меня с ног до головы свежими брызгами. Кокошкин верил в то, что над Россиею занялся день, и был весь — жертвенный порыв.

В 1906 году мы виделись мельком: он приехал в Петербург членом Первой Государственной думы и не имел времени навещать знакомых. У нас весною и летом этого года часто бывала его сестра, даже днями оставалась в Павловске, и я больше со слов ее, чем со слов его, знал, что горение его продолжается. Как-то в июле я провожал ее на утренний поезд: она возвращалась от нас из Павловска в Петербург, вслед ей я дружески, шутиливо крикнул, прося передать приветствия «народному трибуну». Идя прочь, я увидел в газетном киоске кипу «Правительственного вестника»²⁰⁶, удивленный, я купил номер. Первая дума была распущена.

Судьба больше нас не свела. Зато вот вам мои скудные воспоминания о человеке формата *in quarto*^{*}, исходящие — от человека в 16-ю долю листа. Размеры естественно вышли уменьшенными. А потом — сверх моей латыни — было желание сообщить вам, как живое переживание — уют семьи Кокошкина, неумышленность его жизненного пути, его подхода к общественному делу без оглядывания на себя. Но не [всё] удалось показать, зато я вам просто об этом рассказал как умел.

И отважился на это вот по какому соображению. Что я воспринял от личного общения с Кокошкиным, что я знал о Шингареве из бесспорных источников, заставляет меня уделить им место в красном углу моего сердца. Позвольте пояснить вам мою мысль, я все время ее имел в виду.

Когда человек или класс людей старается удержать у себя или захватить себе львиную долю благ, я этому давно не удивляюсь. Это естественно. Но, по мнению моему, естественность не исклю-

* В четверть (лат.).

чает и постыдности, и с поборниками такой естественности мне не по пути; я отхожу в сторону. Другое дело, когда человек или люди борются за свои права в мере справедливости, то есть в мере пропорциональности, привнося в правительственные области математические понятия.

Хотя я и помню евангельскую притчу о работниках последнего часа, но справедливость, если и ниже святой несправедливости, по которой человек лишает себя необходимого для других, зато неизмеримо выше обычной несправедливости, когда других лишают всего, лишь бы себе стало хорошо. И я холодно приветствую, равнодушно уважаю справедливых людей, борющихся за свое право; борьба их полезна, они, несомненно, достойные люди.

Но горячее мое сочувствие, но искреннее мое восхищение, восхищение бескрылого при виде крылатого, давно и бесповоротно отдано людям, которые живут и работают для других. Кокошкин и Шингарев имели все данные для того, чтобы беспечально устроиться в прежней России, для того, чтобы стать почтенными людьми, ничем не жертвуя или жертвуя мало чем. Лично им голодать не приходилось, и по темпераменту своему они не горели желанием все опрокинуть и поднять восстание. И оба они жили только тем и для того, чтобы менее счастливым, чем они, стало лучше. Они предлагали свое уступить, а не чужим воспользоваться. И этот путь, давно указанный Великим Учителем не для одних-единственных личностей, но и для разных их сочетаний, был избран и Кокошкиным, и Шингаревым.

Личной выгоды на избранном ими пути для них не было, напротив, он их привел к жертвенной смерти. И мы выполняем наш нравственный долг, поминая их обоих сегодня. И, выполняя этот долг, мы должны отчетливо сознавать разницу. Борьбаться за свое преуспеяние — естественно, бороться за свое право — законно, бороться за справедливость, не замыкаясь в грани формального права, — честно, а бороться за других — прекрасно.

И я удовлетворен, что на могилу двух прекрасных людей принес сегодня свой скромный венок, дань признательной памяти.

О РОССИЙСКОМ И РУССКОМ МНОГОЕДИНСТВЕ

Еще в гимназии я от законоучителя слышал анекдот о споре христианина с магометанином. Магометанин хвалил монолитность ислама и не одобрял христианства за разные его церкви и секты. Христианин ответил сравнением: по реке можно плавать лишь вверх и вниз, а по морю во всех направлениях, но никто не ставил за то рек выше морей. Невольно этот анекдот приходит мне на память именно теперь, когда многие отворачиваются от организованного и даже органического многоединства в государстве и в народе ради простого единства, как это предпринято Гитлером²⁰⁷, или ради расчленения на упрощенную множественность, как этого добиваются ирландствующие, украинствующие и каталонствующие.

Не может быть ни однородности во сколько-нибудь значительном государстве, ни однородности во сколько-нибудь значительном народе. Даже в Западной Европе, где расстояния гораздо меньше, чем у нас, француз-нормандец явно отличен от француза-гасконца, а итальянец-ломбардец от итальянца-сицилийца; и уж само собою разумеется, почему псковичи, рязанцы и иркучане, расселившиеся на таком огромном пространстве, отличаются во многом друг от друга, хотя и все почитаются за великороссов, не только за русских. Чем однозначней духовная жизнь человека, тем и проку от него меньше даже как от специалиста. Спорно, вырождаются ли физически дети от браков между близкими родственниками, но, быть может, исконное от этих браков отталкивание вызывалось наблюдением, что уменьшение количества предков способствует духовному обнищанию потомства. В таком случае становится сильней утверждение, что разноплеменность предков является благоприятным условием для гениальности: тут богатство наследственности зависит, конечно, уже не от числа, а от более резкой разнокачественности прародителей, одно другого стоит. Но далеко не все у человека — от рождения, многое и от общения с другими людьми; и потому важно, чтобы перекрещивающихся взаимовлияний у каждого из нас было больше и по количеству, и по разнокачественности. Однако настоящее общение, не поверхностное и действительное, с трудом переплескивается за государственные границы: международные торговые сношения, облегченные быстрходными паровыми судами, поездами-экспрессами, аэро-

планами, телеграфами, телефонами, теперь уже давно не служат длительному и прочному обмену культурными ценностями наряду с товарными, а международные ученые съезды и новый еще совсем обмен лекторами — это для культурного взаимообогащения — свечка и даже спичка на ветру. Отсюда явствует, как велико воздействие, оказываемое на отдельных людей обширным и многоплеменным государством, большим, разветвленным и разбросавшимся, рассевшимся на просторе народом, поскольку люди эти пользуются взаимным общением, не переезжая для этого государственной границы.

Такими счастливыми для культурного нарастания условиями обладала Россия в течение свыше двухсот лет, обладает и теперь под большевистским игом, которое лишь задерживает и искажает, но не уничтожает действие этих условий: 1) не государство, а целый материк даже и в нынешних обрезанных границах; 2) всероссийское разномародное общение и общение не только между народами, в России живущими, но и с иностранцами, раньше охотно на ее приволье оседавшими и приносившими ей свои знания, способности, иногда всю свою личность; 3) много-многомиллионный русский народ, не только трииединый (велико-, мало- и белорусы), но и многоеиединый, переливающий на много-многотысячеверстном пространстве разнообразными красками и оттенками даже в лоне того или другого своего ответвления. А в итоге? Называю имена придиричливо скупо. Великорусы Пушкин и Лев Толстой, малорус Гоголь, белорус Достоевский; белорус Глинка, великорусы Мусоргский и Римский-Корсаков, полуимеретин Бородин; великорусы Иванов и Валентин Серов, малорус Руф Судковский²⁰⁸ (лучший, по-моему, художник-маринист), еврей Левитан; итальянец Растрелли, великорусы Воронихин²⁰⁹ и Захаров²¹⁰, немец Витберг²¹¹; архангелогородец Ломоносов, волжанин Лобачевский, сибиряк Менделеев, рязанец Павлов (Иван Петрович); датчанин Востоков (Остенек)²¹², великорус Шахматов²¹³ и малорус Потебня²¹⁴; немец Миних²¹⁵ и русский Суворов; великорусы Сперанский²¹⁶ и Николай Милютин²¹⁷, немец Бунге²¹⁸ и полунемец Витте²¹⁹. И все это — они и другие крупные деятели со славными именами, так и давно уже безыменные по вине людской неблагодарности — великая рать работников на ниве всероссийской и общерусской культуры, служители организованного российского (государственного) и органического русского (народного) многоединства. Общий российс-

кий дом строили и обставляли, приспособляли под житье не одни великорусы: работал над этим весь русский народ (даже пришлые карпаторусы, как, например, Балудянский²²⁰) и все народы России (например, и поэт молдаванин Кантемир²²¹, и министр армянин Лорис-Меликов²²², и профессор зырянин Жаков²²³).

И вот уже начато злое дело: преемники строителей и устроителей растаскивают общий дом по балке и по кирпичику, горя желанием «выселиться на хутора» и забывая русскую пословицу: «Стали братья пегашку делить, каждому брату по пежинке досталось». И твердят: «Россия — тюрьма народов», твердят и те, кого российская государственность не дала онемечить, ошведить, ополячить.

Не будем торопиться, однако, с обвинениями лишь отпадающих. В ссоре часто обе стороны неправы. И конечно, было бы недостойно ограничиваться указанием, что Россия не одна и не всех больше допускала притеснения, и не только притесняла, хотя это указание само по себе и верно. Нет, нужно во имя правды сказать без обиняков, что в России удовлетворяемы были не все справедливые требования национальных меньшинств. Но ведь не был удовлетворен и первенствующий народ русский; это бесспорно даже и в таком случае, если мы понятие русского народа произвольно сузим до одних великорусов. Следовательно, виновником оказывается не русский народ, не великорусская его отрасль, а старый строй империи. А тогда тяжелая вина падает и на всех отпадающих не от бывшей России и не от настоящей, а от всякой, даже и будущей, какова бы она ни была: они ответственны и перед российским целым, и перед самими собою за свое слепое и упорное нежелание даже попытаться не рвать с общим нашим многоединством, оставаясь в нем уже на новых равных правах.

Думали ли вы над тем, что наш народ знает глагол *обрусеть* (даже говорит, например, «заяц обрусел» в смысле «стал ручным») и не знает глагола *обрусить*, книжного, такого же искусственного, как слова «своеобразный», «умозрительный» и тому подобного? От идущих искони живых глаголов на *-ить* отглагольные существительные меняют последнее «с» в корню на «ш»: воскресить — воскресение, смешить — смешение, повесить — повешение. А от воскреснуть, висеть — воскресение, висение («с» в таких случаях остается неизменным). И вот в русском языке есть слова *обрусение* (от *обрусеть*: сам стал русским), как и *облесение* (от *облестеть*: местность сама поросла лесом), тогда как ни *обрушения*, ни *облешения*

нет: лесоразведением нашему народу заниматься было еще не так давно незачем, а насильственно навязывать свою русскость кому бы то ни было он склонности никогда не имел, и легко угадать, откуда вышли первоначальные зачинщики такого навязывания, если обратить надлежащее внимание на латинско-немецкое происхождение слов *русификация* и *русифицировать*, как равно и на противное духу русского языка приурочивание слова *обрусение* к глаголу *обрусить*, а не *обрусеть*.

Самое ужасное в этих отщепенских устремлениях — украинский сепаратизм: тут работают не на разброд разных российских народов, а на распад единого (точнее — триединого, а точнее — многоединого) русского народа. Только «творимая легенда» может не считаться с единым происхождением всех русских, которое было известно еще начальному летописцу и Слову о полку Игореве и подтверждается рядом особенностей, одинаково отличающих все ответвления русского языка от других славянских языков. Самые названия *Малороссия* и *Великороссия*, доселе чуждые народной толще, измышлены греками в качестве географического (топографического), не племенного обозначения: как эллинская экспансия на Запад вызвала потребность в термине *Великая Греция* в отличие от Греции основной, или *Малой*: так и русская экспансия на север и северо-восток (верней: последовательный ряд экспансий) заставила византийцев заговорить о *Великой России*, в отличие от основной, *Малой*. Не разрезали русского народа надвое и два разных ига, татарское и польское: об этом свидетельствует и то, что русские (по числу главных племен) не раздвоились, а растроились (значит, источник тому не в разной государственности, а в разноречии вследствие расселения), и то, что Малороссия так легко воссоединилась с северо-восточною Русью. Но, быть может, расчленение одного народа на два произошло позже? Было бы странно допустить это предположение после того, как уже при Алексее Михайловиче²²⁴ киевская разновидность православия победила московскую в самой Москве, после того, как ростовские великорусы еще до синодской канонизации признали своим святым малоруса, сына Саввы Туптала, Данила Туптеленкова (святого Дмитрия Ростовского)²²⁵, после того, наконец, как в общерусское государственное дело, считая его за свое национальное, вложились Разумовские²²⁶, Безбородко²²⁷, Завадовский²²⁸, Кочубей²²⁹, а за ними Трошинский²³⁰, Вронченко²³¹ и бесчисленное множество других малорусов до на-

ших дней. Но опять-таки, быть может, эта новая русская экспансия с юга на север была лишь поверхностным движением, а народные слои уже начисто разъединились? Недаром же, говорят некоторые, малорусы дразнят великорусов «кацапами», а те их «хохлами». Неужели, однако, этим «некоторым» ничего не известно о древнегреческих абдеритах, немецких швабах, французских гасконцах? Неужели они не знают, что и среди великорусов смеются над пошехонцами, сулят «амчанина (жителя Мценска) на двор», говорят, что «в Старице рака с колокольным звоном встречали», что «Орел да Кромы — первые воры», а «Ливны — всем ворами дивны»? Зубоскальство — не вражда, соседская перебранка — не доказательство разнонациональности. Напротив, глубинно показательно, что русалки водятся и в Днепре, и в Оке, что северные и сибирские великорусы пронесли сквозь века до последнего времени как свое национальное достояние киевские былины, в которых, кстати сказать, к Киеву приурочен и ростовец Алеша (Александр) Попович²³²; что, наконец, и малорус Гоголь, и великорус Лев Толстой в существенном и основном одинаково пережили духовный надлом, одинаково же отходя от чисто художественного творчества к религиозно-нравственному учительству. Это уже подлинно убедительное свидетельство единых корней многоединой, во множестве единой общерусской культуры. И приходится признать, что не русское многоединство является наносным, искусственно привитым, а наносным были немецко-московско-великорусские попытки обеднить это многоединство наклоном к упрощенному единству; наносным оказываются и немецко-польско-малорусские попытки обеднить это многоединство упрощенною множественностью отдельных государственных новообразований.

Прискорбно вспомнить, как российское правительство опасалось то Евангелия на малорусском языке, то малорусских литературы и театра, не постигая, что все это лишь новые краски в общерусской культурной сокровищнице. Еще прискорбней сознавать, что и наши ученые в историю *русской* (не великорусской) словесности не включали малорусских поэтов и писателей, а в *русской* (не великорусской) истории проходили мимо прошлого литовско-польской и австро-венгерской Руси. И совсем грустно, особенно малорусам, видеть и слышать, как украинцы, напрасно отождествляющие себя со всеми малорусами, трудятся над превращением части народа Пушкина, Гоголя, Толстого и Шевченко²³⁴ в народ

Шевченко, оставляя другой части и Пушкина, и Толстого, и даже Гоголя (переводы — не подлинник). А еще тяжелей знать, как украинские сепаратисты поражают (пока только указательным перстом на карте) тех, кому великодушно уступили исконное национальное имя русских, и, помимо исторических малорусских земель, мысленно захватывают себе также земли, принадлежавшие еще Москве (как, например, Харьковская губерния) или завоеванные Петербургом (как, например, Новороссия и Кубань), только потому, что там большинство населения малорусы. Самим отказаться от общерусской литературы хоть и убыточно, все-таки не так уж трудно, но нелегко других заставить отказаться от своей земли: люди и от чужого не любят отказываться. О русском же междоусобии и помыслить жутко — кто бы ни победил: мудро наш народ сблизил победу с бедой.

Как-то один украинец говорил, что они в прежней России испытывали зубную боль и что прошло то время, когда зубной боли не лечили. Не будем возражать против этого сравнения, но скажем: прошло и то время, когда зубную боль прекращали выдергиванием зубов, давно уже выучились и от боли вылечиваться, и зубы сохранить. И в государственной жизни лучше быть не зубодером, а зубным врачом. И причинять зло брату и себе в настоящем не значит исправлять прошлое зло. И не значит исправлять чужие ошибки, если повторять их, только выворотив наизнанку. И неразумно от музыкальных возможностей скрипки или виолончели возвращаться к гитаре и балалайке; нельзя ограничить себя одними басами рояля и ожидать, что после этого лучше и свободней на нем заиграешь. Всюду многоединство — драгоценный дар судьбы. И пусть многоголосый общерусский хор, бывало, пел вразброд, пусть в нем иногда один голос пытался заглушить другой. Но разве это основание к тому, чтобы разбиться на меньшие хоры в стремлении к унисону, а не к тому, чтобы добиться полной стройности мощного хорового пения, где каждый голос и самостоятелен, и входит частью в общее музыкальное целое?

Фанатизм глух, но — хочется верить — не все же мы оглохли. И нельзя ослаблять шансы России, да — к чему недоговаривать? — и всего славянства в той борьбе, которую нам, видимо, опять навязжут, и не только с Востока, но и с Запада.

ПУШКИН И КАТУЛЛ

Слава Катулла²³⁴ была в Риме велика еще при Цезаре²³⁵ и Августе²³⁶. О том засвидетельствовали Корнелий Непот²³⁷ и с явным неудовольствием — Гораций²³⁸. Позже несомненное влияние Катулла испытали на себе Марциал²³⁹ и Авсоний²⁴⁰. Моммзен²⁴¹ преклоняется перед Катуллом и, конечно, прав. Не может не поражать умение Катулла «на каждый звук призывный» жизни «отзывной песнью отвечать»²⁴²; и гневное нападение, и едкая насмешка, иногда внушенная прямою злостью, и веселый анекдот с игривой шуточкою, и кроткая укоризна, и ясное чувство дружбы, и любовь, сперва несмелая, потом радостно удовлетворенная, а затем сомневающаяся, ревнивая, страдающая, и печаль об утрате, и тоска по невозвратному — всем поочередно звучат стихи Катулла. Он, а не Гораций впервые «свел эолийские песни на голос Италии», т.е. применил к латинской лирике разнообразные греческие размеры. Гораций же в этом отношении был только счастливым продолжателем, что бы ни утверждал в своем знаменитом «Памятнике»²⁴³. Катулл, хоть и быстро мелькнула его жизнь (еще быстрее, чем жизнь Пушкина), легко успел освободиться от начального подражания александрийцам²⁴⁴ (как Пушкин от подражания французам), достиг (опять по-пушкински) удивительной простоты и непосредственности в выражении чувства и среди вспышек бездумного, казалось бы, смеха несравненной глубины переживаний: так, он дошел, по-видимому, первый до отчетливого осознания раздвоения влюбленности в женщину и любви к ней как к человеку, первый выстрадал поэтически возможность и острую горечь слияния влюбленности с ненавистью, первый (и это язычник, последователь рассудочнейшей в мире религии) допустил действенность любви и по смерти.

Катуллу в России и на русском языке не повезло. За ничтожными исключениями, если кто из нас и знает что-либо о Катулле и из Катулла, то привычно ставит его ниже прославленной троицы Вергилия²⁴⁵, Горация и Овидия²⁴⁶, рядом с Тибуллом²⁴⁷ и Проперцием²⁴⁸.

Из крупных русских писателей послепушкинской поры упомянул Катулла Тургенев. Всем памятен разговор Литвинова и Потугина в «Дыме», и кто только не осуждал Тургенева за потугинс-

кие суждения (во многом, разумеется, авторские), но мало кто помнит следующее место этого разговора: Литвинов назвал любовь, неразлучную с ненавистью, «байроновщиною, романтизмом тридцатых годов» (прошлого века), а Потугин возразил:

«Вы ошибаетесь, извините-с; первый указал на подобное смешение чувств Катулл, римский поэт Катулл, две тысячи лет назад».

И чуть ли не в подстрочной выноске Тургенев привел изумительное лапидарною силою катулловское стихотворение (LXXXV) в подлиннике. По-русски оно может быть передано такими строчками:

Я ненавижу люблю. Возможно ль? — Пожалуй, ты спросишь.
Мучусь, понять не могу. Сердцем же знаю, что так.

Но Тургенев перевода (хотя бы прозою) не дал, и читатели обычно лишь скользят глазами по латинским буквам, недаром Тургеневу показалось нужным оправдать ссылку на Катулла в беседе двух русских людей середины XIX столетия оговоркою Потугина, что он знает немного по-латински, будучи «духовного происхождения»²⁴⁹.

Пример Фета²⁵⁰ показал, что оговорка эта была уместна. Владел Фет латинским далеко не безукоризненно. Но прилежно переводил римских поэтов; перевел и Катулла, почти всего, за исключением только совсем уж «неприкрытых» стихотворений, о чем жалеть, конечно, не приходится. Жаль иного: того, что Катулла Фет перевел много хуже, чем Горация^{*)}; переводчик погрешил местами против смысла подлинника, местами против его окрыленности,

^{*)} Но и в переводе Горация у Фета встречаются (такого тонкого, как он, лирика) положительно досадные провалы. Сравните, например, конец седьмой оды второй книги в воспроизведениях Фета и Пушкина:

Меня теперь любой эдонец не сорвет, —
Так сладко буйствовать при возвращеньи друга.

Это — Фет, изменивший самому себе и не поймавший Горация.

Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф, хочу я пить
И с другом праздную свиданье,
В вине рассудок утопить.

А это — пушкинское эхо Горация.

заставляя невольно завидовать, что нашему фетовскому переводу соответствует у немцев милый перевод Грибенов²⁵¹. Просто руки опускаются, когда латинское «*insulsiſſimus est homo*» (Катулл, XVII), т.е. «нелепейший человек», Фет переводит дословно «несоленный он человек», да еще в примечании рассказывает, как его надоумил охотник-литвин, однажды на охоте крикнув: «Макаренко, дурак несоленный!»

Не столько переводил Катулла, сколько подражал ему Гербель²⁵², но опыты его, хоть и гибче фетовских, все же заменяют (например, «Плачьте, Грации, со мною», Катулл, III) — не умею иначе высказать, что чувствую — изящную невесомость латинских стихов дешевою легковестностью русской переделки.

Зато, хотя всего одно стихотворение, всего одну небольшую безделицу (Катулл, XXVII) перевел сам Пушкин, и эти стихи чарами пушкинского дарования прочно усвоены русской литературой:

Пьяной горечью фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките,
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус²⁵³.

Из тесного круга знатоков древней классической поэзии раздаются против этого перевода два главных «но» — Пушкин пропустил целую строчку: «*ebrioso acino ebriosioris*»* и перевел одиннадцатисложный фалеков стих²⁵⁴ подлинника простым четырехстопным хореєм. Едва ли, однако, можно присоединиться к этим упрекам.

Строчку Пушкин действительно пропустил, но, в сущности, только смягчил словом, которого у Катулла нет: в русском переводе Постумия названа «председательницей оргий» (выделено С.В. Завадским. — В.Н.), а в подлиннике лишь «председательницей (*magistra*)», т.е. председательницею того пира, о котором говорит поэт в своем стихотворении. Фет, переведя:

Такой закон дала Постумия пирам,
Пьянее ягоды налившись виноградной, —

* Пьяней виноградных пьяных ягод (лат.). Пер. А.И. Пиотровского²⁵⁵.

разве поступил лучше? И не говорите, что Фет виновен в грубости словесного выражения, если такое понимание подлинного текста верно, то груб (не смел, не дерзок, а именно груб) сам образ; только подумайте: напилась и хочет, чтобы и все вокруг нее опьянели. А иначе, насколько я знаю, не переводят, и мое толкование этого места, идущее вразрез с укоренившейся традицией, было еще в Петербурге отвергнуто редакцией «Гермесы»²⁵⁶, в которую тогда входили С.О. Цыбульский и профессор А.И. Малейн. Традиции следует и парижский профессор Lafaye²⁵⁷ в недавно изданной книге «Catulle. Poésies» (научно проверенный текст и прозаический перевод в известной «Collection Guillaume Budé») и лишь допускает разновидность пушкинского приема при переводе: *Comme sardonnie la loi de Postumia, notre reine, plus amie de sivrresse qu'un grain de raisin ivre (de jus)**. Вы видите, перевод научный, прозой, т.е. притязавший на точность, а смягченный, и надо сказать прямо, смягченный с полным основанием, мы говорим (или, по крайней мере, еще недавно говорили) менее обнаженно, чем древние, и переводчику должно заботиться не о тождестве слова, а о тождестве читательского восприятия в I веке до Р[ождества] Х[ристову] и в XIX–XX вв. по Р[ождеству] Х[ристову] чем, очевидно был озабочен Пушкин, упоминая об оргиях и тем намекая на излишество в вине.

Другой вопрос, нельзя ли понять подлинник иным образом. Я всегда думал и продолжаю думать, что можно: древние, как известно, пили вино, смешанное с водой, а Катулл просил у мальчика-слуги цельного вина и ссылается не только на приказ Постумии, но и на то, что он уж и так пьян ею: «пьяная виноградина», если и пьяна, то, решаюсь сказать, не страдательно, а действительно. Сравните у Пушкина же в переводе LVII оды Анакреона:

...пьяное вино

Раствори водою трезвой**²⁵⁸.

Прав ли я в своей догадке — судить не мне. Но не считаю ее большою смелостью, потому что для нее не требуется исключительно углубленных познаний в латыни и русский текст нуж-

* Как гласит закон Постумии, нашей королевы, которая больше дружит с пьянством, чем пьяная виноградина (сок) (фр.).

** Выделено С.В. Завадским.

дался бы в таком же толковании^{*)}. Во всяком случае, этим вопросом Пушкин не задавался и был по-своему верным переводчиком.

А вопрос о переводах с древних языков размерами подлинника очень спорен. Есть мнение, будто мы уже выучились воспроизводить метрические размеры ионическими, но оно слишком самоуверенно. Такой знаток классической поэзии греков и римлян, как профессор Ф.Ф. Зелинский²⁵⁹, переводивший, кстати сказать, хоры в софокловских трагедиях размерами подлинника, признает, что, например, «холиямбы по-русски не выходят»²⁶⁰. В действительности не выходит ничего: пусть незнакомые с греческим стихосложением попробуют воспринять софокловские хоры в переводе профессора Зелинского как стихи, — смею думать, что это удастся разве для отдельных строчек, и только. Правда, иные метрические размеры могут быть «переведены на язык ионики», но перевод — не подлинник. Да и размером не исчерпывается музыкальное своеобразие стихотворения.

Пушкин передал фалеков стих простым хореем, но фалеков стих и есть — приблизительно четырехстопный хорей с между-вброшенной (после первой стопы перед второю) стопой дактиля. Вячеслав Иванов²⁶¹, тоже бесспорный знаток по вопросам греческой лирики, пытался писать фалековым стихом:

Сладкий запах анис и медуница²⁶².

Но стихи ли это для русского уха? Несколько спасает явственность размера цезура после дактилической стопы, но так ли уж хорошо? Судите сами:

Влагу терпкую старого фалерна
В чаши доверху наливай мне, мальчик.
Так Постумия, правя нашим пиром,
Приказала налить и сама сильнее
Виноградины пьяной опьяняет.
Вы подальше, воды, уходите,

^{*)} Для примера сошлюсь на строчку в другом стихотворении Катюлла (V): *soles occidere et redire possunt* [светила могут заходить и возвращаться (*лат.*)]. Обычно понимают его так: для светил (но не для людей) и после заката есть восход. А Фет понял его в том смысле, что дни следуют за ночами, а ночи за днями. Я примыкаю к общепринятому пониманию, но оно оправдывается лишь контекстом. Точно так же контекстом я оправдываю свое понимание в данном именно случае.

К строгим постникам, вы, — вина погибель;
Здесь же царствует чистый сын Фионы*.

Если при этом вспомним урок Пушкина о тождестве впечатлений, а не слов при переводе, то лучше, быть может, четвертую и пятую строки передать так:

...и сама туманит
Наши головы беспощадней хмеля.

А теперь перечитайте пушкинский перевод, и вы невольно снимите перед Пушкиным шапку еще один лишний раз.

Поистине огорчительно, что Пушкин на первом же мастерском переводе из Катулла (на переводе малого пустячка) и остановился. Тем это прискорбнее, что Пушкин понимал и ценил Катулла. В набросках «Повести из римской жизни» («Цезарь путешествовал...») у Пушкина сказано: «Он (Петроний) любил игру мыслей, как и гармонию слов. Охотно слушал философические рассуждения и сам писал стихи *не хуже Катулла*»²⁶³ (выделено С.В. Завадским. — В.Н.). Это очень показательно: не Горация, не Вергилия, даже не Овидия (с которым так естественно было бы сблизить Петрония под углом их отношения к женской любви), а именно Катулла (конечно, по фактуре стихов), — и это в очевидную и большую похвалу Петронию.

Катулл предносился духовному взору Пушкина и тогда, как он о Катулле, быть может, и не думал. Так, есть у Пушкина элегический отрывок, помеченный 23 декабря 1829 года:

Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов...²⁶⁴

А вот у Катулла (XI):

Фурия, ты — за мной, ты, Аврелия, также,
Хоть проник бы я к отдаленным индам,
Где о берег бьет с гулом на просторе
Море востока,

Иль в гирканский край, иль к арабам мягким,
К сагам, в край парфян, стрелоносцев грозных,
Иль туда, где Нил семиустный мутно
Воды окрасил,

* Здесь и далее пер. С.В. Завадского.

Хоть бы я попал, перейдя через Альпы,
В ту страну, где был наш великий Цезарь,
Иль за галльский Рейн, иль на дальний Север,
К страшным британцам.

<...>

Пусть Пушкин со всею искренностью готовится ехать в чужие края за друзьями, чтобы забыть свою безответную любовь, и сомневается, забудет ли в странствиях гордую, мучительную деву, а Катулл иронически выражает уверенность, что лица, набивающиеся ему в друзья и на словах готовые следовать за ним всюду, являются лучшими посредниками между ним и женщиной, когда-то любимой им, но убившей его любовь, и передадут ей отказ его вернуться на ее зов:

Ей моей любви не дожидаться больше:
Прежде я любил, но любовь завяла
По ее ж вине, как цветок на поле,
Срезанный плугом.

Но своеобразный «пушкинский параллелизм» обоих стихотворений столь же бесспорен, сколько, например, несомненно, что, создавая свою сцену из «Фауста»²⁶⁵, уж совсем не гетевскую, Пушкин — по крайней мере в одном месте — шел параллельно немецкому тексту.

И не случайно катулловские отзвуки слышатся у Пушкина.

[1930]

ПЕРЕВОДЫ

Гай Валерий Катулл Веронский

II

ВОРОБЕЙ ЛЕСБИИ

Птенчик маленький, ты для милой радость:
Забавляется все она с тобою;
Дразнит пальчиком и его нарочно
Клюва острого отдаст укусам.
Что красавице, что моей желанной
В том приятного, не пойму. Быть может,

Хочет горести позабыть в забаве,
Пламень тягостный страсти успокоить?
Так и мне бы уж поиграть с тобою,
Чтоб сердечные муки стали легче!

1928 и 1930

О вероятной последовательности стихотворений, связанных с любовью Катутлла и Лесбии, и о том кто была Лесбия.

Птенчик маленький — воробей. В Риме этого времени среди светских женщин была мода обзаводиться воробьями*.

XXVII

Влагу терпкую старого фалерно
В чашу доверху наливай мне, мальчик.
Так Постумия, властно правя пиром,
Приказала нам, а сама туманит
Наши головы беспощадней хмеля.
Воду вынести! Пусть вина погибель
Строгим постникам утоляет жажду:
Нами властвует чистый сын Фионы.

1923, 1930 и 1934

Фалернское вино славилось в Риме.

Постумия — какая-либо вольноотпущенница или, может быть, жена Сервия Сульпиция Руфа, бывшая одно время в связи с Юлием Цезарем. На веселых пирах римляне избирали правителя (*magister*) или правительницу (*magistra*), которые распоряжались выбором вина, предписывали, сколько выпить каждому участников, и т.п.

XXXIV

Нам Диана — защитница,
Девы, юноши чистые.
Песнью, чистые юноши,
Девы, чтите Диану.

* Здесь и далее пояснения после переводов С.В. Завадского.

Дочь Латоны великая,
Был Юпитер отцом тебе.
Ты родилась на Делосе
Под ветвями оливы.

Чтим в тебе мы владычицу
Гор, лесов зеленеющих,
Всех урочищ таинственных,
Всех шумящих потоков.

Ты — могучия Тривия,
Ты Луной называешься,
Для родящих в мучениях
Ты — Люцина-Юнона.

Ты, богиня, движением
Годы делишь на месяцы,
Ты под кров поселянина
Зерна сыплешь обильно.

Будь же чтима под именем,
Что сама себе выберешь,
А для племени Ромула
Будь, как прежде, оплотом.

1926

По всей вероятности, песня для какого-нибудь общественно-го торжества. Первая и последняя строфы, должно быть, предназначались для соединенного хора юношей и девушек, вторая и четвертая — для хора девушек, а третья и пятая — для хора юношей.

Тривия-Диана — луна, отождествляемая с Гекатою, богиней волшебства и ночных тайн, которой воздвигали алтарь на перекрестках (откуда и само имя Тривия, что значит: у трех дорог, трех-дорожная).

Люцина — у римлян богиня, охраняющая родильниц. Ее отождествляли и с Дианою, и с Юноною.

LI

Тот в моих глазах божеству подобен,
Тот — сказать решусь — всех бессмертных выше,
Кто тебе в лицо, пред тобою сидя,
Смотрит и слышит

Сладостный твой смех, что меня лишает
На беду всех чувств. Как тебя увижу,
Лесбия, так вмиг все позабываю:
Падает голос.

Онемел язык, внутреннее пламя
Так и жжет меня, и стоит немолчный
Звон в ушах моих, и глаза как ночью
Мрак застилает.

1926

Вольный перевод оды Сапфо. В рукописях за двенадцатым стихом следуют еще четыре. Но как ни стараются признать их за добавление Катулла к переводу оды — они явно лишь остаток другого стихотворения. Вот они:

Для тебя, Катулл, преданность прямо за боль:
Оттого ты так возбужден и нервен.
Преданность — всех она и царей, и царства
Вечно убила.

LXX

Милая мне говорит, что всех я как муж ей желаннее,
Не предпочтет ни за что даже Юпитера мне.
Так уверяет она. Но женские клятвы влюбленным
Надо на ветре писать и на текучей воде.

1929

LXXII

Лесбия, ты говорила, что знаешь ты только Катулла,
Даже с Юпитером ты мне изменить не могла б.
Нежно любил я тебя: не так, как обычно любовниц,
Нет, как отец детей или дочерних мужей.

Знаю теперь я тебя. Хотя и сильнее горю я,
Все ж на оценку мою мельче, ничтожнее ты.
Спросишь ты: «Может ли быть?» Вот плод измены обидной:
Больше влюблен я в тебя, меньше тебя я люблю.

[Без даты]

LXXXVI

Квинтией все восхищаются. Белой, высокой и статной
Я называю ее: порознь все это в ней есть.
Вместе же взять — не красавица: прелести в ней незаметно,
В теле огромном таком искры изящества нет.
Лесбия, вот красота: во всем одно совершенство,
Дар очаровывать также у всех забрала.

1928

Квинтия — вероятно, сестра Квинтия, соперника Катулла по любви к Лесбии.

CVII

Если желанья чьи-либо судьба исполняет неожиданно,
Можно сказать, что тогда радость души велика.
Так и теперь для меня драгоценнее золота радость:
Ты возвращаешь себя, Лесбия, страсти моей.
Ты возвращаешься вновь, неожиданно себя мне приносишь.
Камнем белей всех камней этот отмечу я день!
Кто же счастливей меня? И есть ли на свете что-либо
Жизни желанней моей? Спорить не мог бы никто!

1928 и 1930

CIX

«Счастье в любви мы найдем, конца любви не увидим», —
Так утешая меня, жизнь моя, ты говоришь.
Дайте, великие боги, свершиться ее обещанью!
Пусть обещает она искренно, всею душой!
Будем тогда мы вдвоем, святою нежностью полны,
Целую жизнь проводить, связаны вечным узлом.

1928

«Это бесспорно талантливый беллетрист»:

Василий Георгиевич Федоров

В 1934 году в варшавском журнале «Меч» (№ 9/10) была напечатана статья «Бесшумный расстрел: (Мысли об эмигрантской литературе)». Статья принадлежала перу писателя Василия Георгиевича Федорова, жившего в Праге.

Он остро поставил вопрос: почему с молодой эмигрантской литературой дело обстоит неблагоприятно? — и ответил на него. Он назвал несколько причин. Первая — зависимость от той или иной литературной группировки, как в социальном, так и в художественном плане. Негласная установка писать, равняясь то на Пруста, то на Джойса, исходила, по мнению Федорова, от парижской группы ведущих русских писателей. Нельзя писать, утверждал Федоров, «в отрыве от живых истоков русского языка и от вековой русской литературной традиции». Живя в трудных материальных условиях, писатели-эмигранты, по словам Федорова, работают без всякой моральной поддержки со стороны критики.

Разыгралась полемика в эмигрантской прессе, в основном в варшавском еженедельнике «Меч».

Первым откликнулся старейший писатель, Д.С. Мережковский. «Около важного» — так он назвал свой ответ. Полемизируя с Федоровым, Мережковский писал только о литераторах, объединявшихся вокруг парижских сборников «Числа». Он заявил, что жаловаться на судьбу молодым эмигрантским писателям не следует, что им надо «научиться культуре»²⁶⁶.

В защиту Федорова выступили Д.В. Философов, А.Л. Бем и другие. Федоров же ответил Мережковскому статьей «Точки над "i"». Прежде всего, он заметил, что понятие «эмигрантская литература» включает в себя не только писателей, печатающихся в сборниках «Числа». «Можно приобщиться к культуре, можно понять чужую культуру (и даже полезно ее понять, не спорю), — писал Федоров, — но научиться ей невозможно». И жизнь эмиграции можно описать «по-русски», ибо «каждая литература в основе своей связана с родным ей языком и...

утрата этого языка, как бы мы ни “научились чужой культуре”, ведет неизменно к провалу»²⁶⁷.

Ответ Федорова Мережковскому вызвал переполох в литературных кругах эмиграции. Вот что писал Бем Василию Георгиевичу в письме от 6 сентября 1934 года:

Дорогой Василий Георгиевич, вслед за Вашим письмом, в котором Вы извещаете, что послали свое письмо в редакцию в связи со статьей Д.С. Мережковского, получил сегодня письмо от Д.В. Философова, в котором он делится со мной трудностями, возникшими в связи с Вашей полемикой с Д.С. Мережковским. Вопрос стал так остро, что «Мечу» грозит если не крушение, то, во всяком случае, внутреннее преобразование. Мережковский ставит вопрос о выходе из редакции, а с ним, очевидно, упадет и весь «парижский» сектор. С другой стороны на Д.В-ча [Философова] давит «активистское крыло» (Н.А. Цуриков и Союз национальной молодежи), которое недовольно перегибом в сторону культурной полемики *внутри* эмиграции²⁶⁸.

Так началось мое заочное знакомство с Василием Георгиевичем Федоровым. Мне был интересен этот человек, который посмел возразить непререкаемым знаменитым «парижанам», и в частности самому Д.С. Мережковскому.

Постепенно, по крупицам, пришлось собирать сведения о нем. И вот как складывалась его биография.

Родился Василий Федоров 16 октября 1895 года в семье урядника земской управы города Херсона Георгия (Юрия) Федоровича Федорова. В Причерноморской низменности, в устье Днепра, в благодатном и живописном крае прошли детские годы писателя. Спустя годы и годы писатель не раз возвращался в своем творчестве к ярким картинам детства и отрочества.

По окончании первой классической гимназии Херсона в 1915 году Василий поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который размещался в Одессе. В эти годы он уже «пробует перо»: писал стихи, работал репортером, фельетонистом в газетах «Херсонское утро» и «Родной край». Однако в 1917 году он был призван в армию, откуда через два месяца был отпущен по болезни.

Причина, по которой Василий Георгиевич в сложившихся исторический момент оказался в эмиграции, проста. Вот как в 1949 году объяснял произошедшее он сам:

В 1919 году, когда на юге (в Херсонской губернии) беспрерывно продолжалась Гражданская война и кроме Красной и Белой армии воевали также различные атаманы — Махно²⁶⁹, Петлюра²⁷⁰, Григорьев²⁷¹,

Струк²⁷², а также армии так называемого украинского гетмана Скоропадского²⁷³, когда Херсон обстреливался с воздуха и со стороны Днепра разного рода интервентами: немцами, французами, греками и англичанами и город переходил много раз из рук в руки, — я решил на время покинуть родину, чтобы закончить свое образование²⁷⁴.

Здесь обратимся к его автобиографической заметке, опубликованной в варшавской газете «Молва» за 1934 год.

Писать прозой начал в 1926 году, очутившись в Праге. До того времени находился в непрерывных скитаниях. 13 апреля 1921 года перешел совето-румынскую границу (вернее — переплыл ночью Днестр). В пограничном городке Бендерах был посажен в тюрьму. Это были дни моей молодости... Как сейчас помню, весна, первые грозы, следствие, угрозы, мамалыга (которой никогда не забуду). Но после СССР был рад даже этому блюду. Да что скрывать — жадно вылизал посуду. Вообще, жизнь, достойная того, чтоб ее воспевать в стихах... Из Бендер с почетным караулом был отправлен в Кишинев. Снова тюрьма. На обед — сушеные сливы. В тюрьме написал несколько скверных стихов и переслал их с оказией на волю. Стихи были, против всякого моего ожидания, напечатаны в местной газете «Неделя»²⁷⁵. И вот в один из прекрасных дней ко мне в камеру явился молчаливый человек с воли.

— Здравствуйте, — сказал он. — Вы Федоров?

— Да.

Мы молчали минут пять, глядя друг на друга.

— Я — Потемкин, — сказал наконец незнакомец. — Петр Петрович Потемкин²⁷⁶. Я читал ваши стихи...

Мы помолчали минут десять.

— Не унывайте, — сказал Петр Петрович. И распрощался со мной, крепко пожав мне руку.

Я почувствовал себя на седьмом небе. Мне вспомнилось: «Чтец-декламатор»²⁷⁷ и в нем ряд стихотворений, подписанных Петром Потемкиным. И этот «настоящий» поэт пришел ко мне в гости... в тюрьму. Но румынский солдат быстро возвратил меня на землю. Поддерживая мое душевное равновесие ловкими пинками в спину и в живот, он вывел меня на широкий тюремный двор. Там мне сунули в руку старое заржавленное ведро. Потом за углом тюремного здания я увидел вереницу красных железных бочек... Невольно я зажал нос пальцами. И тут же подумал: «В старину жилали деды веселей своих внучат». Однако духом не пал. Вскоре в тюрьму ко мне явился П.М. Пильский²⁷⁸, с которым познакомился я еще во времена добровольческой эпопеи, когда П.М. Пильский редактировал в Херсоне газету «Херсонское утро». Благодаря Петру Моисеевичу выбрался из румынской тюрьмы. Работал на постройке. Напечатал несколько фельетонов в местных газетах²⁷⁹. Общежитие в Кишиневе. Отдыхая после работы на беженской койке, мечтал уехать в Париж. Но вместо Парижа очутился осенью в Бухаресте. Работал в железнодорожном депо мая-

ром. Потом (улыбка судьбы) получил урок в семье примадонны королевской оперы, русской артистки г-жи Ивони²⁸⁰. Вскоре другой урок у артистки той же оперы г-жи Лучезарской²⁸¹ — дочкам артисток. В полгода успели пройти столько, что перепугался даже я сам. Еще немного, и мы бы докатились до интегралов. Пришлось вернуться назад, к печальным азбучным истинам, к роковому бассейну с тремя роковыми трубами, по которым лились нередко слезы моих бедных учениц. Моим ученицам было вместе двадцать четыре года. Мне же в то время — двадцать пять.

1922 год. Для увеличения заработков поступил платным хористом в церковный хор. Потом пел в украинской оперетте в Бухаресте. Исполнял роль Петра в «Наталке-Полтавке»²⁸² («Ластивко ж моя прекрасна...», «Солнце низенько...» и т.д.). Наконец летом 1922 года меня потянуло в дальние края. Продал свой новый костюм и на вырученные деньги купил билет до чешской границы. Перешел границу ночью весьма легко. Путешествие пешком с котомкой за плечами. Ночевки в стогах сена. Пастухи, овцы и библейская тишина. В старых дубах урчали горлицы. Урчало и у меня в желудке... Но в железнодорожных будках вдоль линии натолкнулся на галицких хохлов и благодаря знанию «мовы» стал получать не только хлеб, но и «шматки» сала. Прошел через Берегсас и Ужгород. В Кошицах был арестован детективом. Опять тюрьма. Выяснение личности. В тюрьме научился плести корзины. Потом путешествие по этапу в чешскую Прагу. Несколько пражских тюрем, в которых меня сфотографировали анфас и в профиль, как говорится — «родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу». Там же оттиски моих пальцев на восковой дощечке. «Волосы — черные, лицо продолговатое, глаза — неопределенного цвета»... Хожение с полицейским в Земгор²⁸³ и обратно. Наконец — свобода. Осенью 1922 года записался на Русский юридический факультет²⁸⁴, пытаясь закончить прерванное в России образование. Но судьба распорядилась иначе — уехал с бродячим русским театром в турне по Чехословакии. Пел цыганские романсы («Зачем, зачем тебя я встретил», «Очи черные», «Как хороши те очи» и т.д.). Изредка наезжал в Прагу и сдавал при университете экзамены. (В январе 1927 года, проучившись шесть семестров на Русском юридическом факультете, Федоров оставляет его по собственному желанию. — В.Н.) Так промелькнуло четыре года. В одном из маленьких моравских местечек познакомился с будущей своей женой — мораванкой²⁸⁵. Осенью 1924 года женился. Путешествовали с театром вместе. Жена варила на примусе обеды, а я пел «Волгу, Волгу, мать родную». В 1926 году заболел крупозным воспалением легких и принужден был покинуть «сцену». Режиссер (из бывших русских дантистов) говорил на прощанье: «Поправишься — приезжай, Вася, обратно». Но я уже бредил. Жена увезла меня в город Ржичаны под Прагой. Поселились в ванной комнате, так как уж слишком выходило дешево — 40 крон в месяц. Здесь, не совсем еще оправившись от болез-

ни и покашливая кровью, написал первый свой рассказ — «Роман с сапогами». Рассказ был помещен в пражском журнале «Годы»²⁸⁶. Начал петь в пражских кинематографах. Сидя внизу в оркестровке и слушая гул барабана, задумал написать серию рассказов из жизни днепровских рыбаков. Так появились впоследствии рассказы «Кузькина мать», «Микита скрипач», «Черкес» и др. К этому времени отношу свое знакомство с А.Л. Бемом²⁸⁷. В руководимом им кружке «Скит поэтов»²⁸⁸ прочитал рассказ «Кузькина мать» и был разруган на все корки. Но оружия не сложил и продолжал писать. Альфреду Людвиговичу Бему я очень многим обязан. Материально мне в то время жилось весьма тяжело. Наконец благодаря ходатайству Вас.И. Немировича-Данченко²⁸⁹ получил небольшую литературную стипендию от чешского правительства. Это обстоятельство дало мне возможность подготовить к изданию первую книгу рассказов. В 1930 году в серии «Скит» вышла книга рассказов «Суд Вареника». Печатался во многих эмигрантских изданиях: «Воля России», «Посл[едние] нов[ости]», «Сегодня», «Россия и слав[янство]» и многих других. Рассказ «Черкес» был принят к напечатанию в журнале «Современные записки», но по требованию издателя В.Д. Колесникова²⁹⁰ был взят мною оттуда обратно. На чешском языке были напечатаны рассказы: «Роман с сапогами», «Восемь моих невест», «Фермеры» и другие. На нем[ецком] яз[ыке] «Восемь моих невест» — в журнале. В 1933 году в ужгородском издательстве «Школьная помощь» вышла моя вторая книга рассказов под названием «Прекрасная Эсмеральда». Сейчас кое-как существую в Ужгороде и работаю над новой книгой — романом из эмигрантской жизни («Канареечное счастье»). Ужгород 24. 1 — 1934 г.²⁹¹

Этот рассказ В.Г. Федорова конечно нуждается еще в дополнениях и уточнениях.

Еще в 1924 году Федоров становится постоянным участником заседаний пражского литературного кружка «Далиборка», основанного писателями С.К. Маковским, Д.Н. Крачковским, В.А. Амфитеатовым-Кадашевым, П.А. Кожевниковым. Свое название кружок получил по кафе, в котором они первоначально собирались. Здесь Федоров знакомится с известным писателем Вас.И. Немировичем-Данченко, популярным драматургом Львом Николаевичем Урванцовым (1865–1929), и с молодыми — прозаиком и художником Александром Александровичем Воеводиным (1888–1944), поэтом Вячеславом Михайловичем Лебедевым (1895–1969) и другими. А 22 марта 1926 года Федоров присутствует на собрании «Скита поэтов» и вскоре становится членом этого пражского литературного объединения.

Дебют Федорова оказался удачным, и о нем заговорили как о состоявшемся писателе.

Федорова приняли в Союз русских писателей и журналистов Чехословакии. В 1928 году он вместе с Евгением Николаевичем Чириковым (1854–1932) участвовал в работе I съезда русских писателей и журналистов за границей, проходившего в Югославии. В Белграде он познакомился с Владимиром Владимировичем Набоковым (1899–1977). Правда, встречаясь, они разговаривали только о бабочках: Федоров, как и Набоков, был страстным коллекционером и большим знатоком бабочек. (Свою коллекцию бабочек Федоров подарил ужгородскому музею в 1938 году).

В конце 1920-х в Чехословакии началась безработица. Федоров вынужден был перебиваться случайными заработками.

В письме от 29 сентября 1932 года к Вас.И. Немировичу-Данченко он жалуется:

...Судьба моя сложилась так, что необходимо было навсегда покинуть Прагу, и я с женой переселился в Ужгород.

Мне очень жаль, что я не смог с Вами попрощаться и с Еленой Самсоновой²⁹², Вы и графиня всегда были чрезвычайно добры ко мне и жене и во многом мне помогали. В последнее время мне было очень трудно жить в Праге, заработка не было никакого, и мы с женой изрядно голодали. Конечно, и в Ужгороде устроиться на какую-либо службу очень трудно, но здесь хоть есть какие-то надежды, а в Праге их вовсе не было. <...> Грустно, конечно, менять Прагу на такую дыру, как Ужгород. Боюсь, что завязну в этой трясине по уши и разучусь даже говорить по-русски (здесь говорят на странном жаргоне — смесь польского, мадьярского и малороссийского языков). <...>

Живем мы с женой пока на винограднике под городом (или, вернее, над городом), платим за квартиру 230 крон с электричеством. Денег нам еще хватит недели на две, а дальше все покрыто мраком неизвестности²⁹³.

В конце 1920-х и начале 1930-х годов Федоровы существовали на грани нищеты, получая лишь скромную субсидию от Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике.

В послевоенных автобиографических заметках он писал об этом периоде:

Испытал все невзгоды безработицы и случайных грошовых заработков, и после многих лет такой жизни безработного пролетария только в 1933 году мне удалось поступить договорным чиновником в Ужгороде на жалованье 530 крон в месяц. Моя чиновничья «карьеря» является ярким примером того, как продвигался в те времена по службе человек со средним и высшим образованием, но без знакомств и протекции. Эта чиновничья дорога напоминает колебания температуры у больного тропической лихорадкой²⁹⁴.

В 1935 году Федоров получает чехословацкое гражданство. Его жизнь с этих пор относительно стабильна. В 1938 году то же издательство «Школьная помощь» выпускает первую часть романа «Канареечное счастье». В этом же году Ужгород отходит к Венгрии, и Федоров переведен актуарским адьюнктом (канцелярским служащим) земского управления в город Хуст. В 1940 году Федоров возвращается в Прагу, где он и проживет всю войну. Как и все жившие в немецком «Протекторате Богемия и Моравия», он был обязан работать, но работать не мог. Здоровье его было серьезно подорвано. Пять раз его арестовывали как не работающего на германский фронт.

После освобождения Праги Федоров преподает русский язык в кружках и на различных курсах, работает переводчиком в разных организациях внешней торговли: «Ково», «Мотоков», «Техноэкспорт», «Инвест», а также преподает русский язык в Школе иностранных языков.

В.Г. Федоров не печатался с конца 1930-х годов. И вот в 1951 году его публикации появились в мюнхенском журнале «Литературный современник». В пражской газете «Наша жизнь» (издавалась Обществом советских граждан в Чехословакии в 1956 году) напечатан отрывок из его незавершенного романа «Человек задумался».

Роман должен был быть автобиографичным. Это рассказ о жизни эмигранта с того момента, как он покидает отчий дом. Федоров, пришив к написанию романа, составил его план. Вот он:

I часть. Бегство.

II часть. Константинополь и скитания с театром по Чехословакии.

III часть. Любовь и эмигрантская общественность.

IV часть. Буржуазная Европа.

V часть. Фашисты и приход советской армии²⁹⁵.

Федоров — русский писатель, поэтому для него вполне закономерно желание, чтобы с его творчеством познакомился и советский читатель. С надеждой он посылает свои произведения, даже уже видевшие свет в эмиграции, в редакции московских журналов. В редакции журнала «Огонек», куда он послал свои произведения (как старые, так и новые), его рукописи попадают к редактору Н.Г. Цветковой.

Вместо внимательного чтения и разбора его начинают учить писательскому делу. Федоров в раздражении отвечает:

Мне лично всегда казалось, что писатель должен прежде всего бояться многословия (безжалостно вычеркивать в своих произведениях целые страницы и видеть всегда перед своим мысленным взором непревзойденные образцы лермонтовской и пушкинской прозы, где нет ни одного лишнего слова). <...>

Но вот с чем я никак не могу согласиться — с выдвигаемым Вами требованием «полного раскрытия характеров» действующих лиц в коротком рассказе, где стержнем всего повествования является всегда какой-либо эпизод. Ведь это же не роман и не повесть, когда раскрытие характеров действующих лиц вполне законно и даже необходимо, так как там дело идет о широком полотне, с присущим ему бытом, привычками, укладом жизни. Конечно, и в новелле люди должны быть живыми, но это достигается не «раскрытием характеров», которое, по моему мнению, в новелле совсем не нужно и даже излишне, так как загромождает композицию, а правильно написанными диалогами, непременно краткими, ибо излишняя болтовня действующих лиц погубила уже не одного литератора²⁹⁶.

Однако нетактичное замечание литературного консультанта о том, что только начинающий автор ведет повествование от первого лица, Федоров принимает, отчаянно желая быть опубликованным в России. Учитывая рекомендацию редактора, Василий Георгиевич переписывает первую часть романа и дает своему герою фамилию Филонов. Следующую часть романа он переделать не успевает и повествование в ней ведется от первого лица.

Первая часть романа озаглавлена так — «Окно в Европу». Следующая часть называется «Жизнь наизнанку». Все эти названия важны для понимания произведения. Эпиграфом к роману Федоров взял следующие слова Ф.М. Достоевского: «И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа — все это одна фантазия. И все мы за границей одна фантазия... Помяните мое слово — сами увидите»²⁹⁷.

Несмотря на издательские неурядицы и даже на тяжелую болезнь сердца, Василий Георгиевич продолжает работать. Но замыслам его не суждено осуществиться. 8 марта 1959 года В.Г. Федоров скончался. Он похоронен на пражском Ольшанском кладбище рядом с известными литераторами русской Праги Вас.И. Немировичем-Данченко, А.Т. Аверченко, Д.М. Ратгаузом, Е.Н. Чириковым и другими.

Многие из них в свое время угадали и отметили талант Федорова. Вот их оценки:

«Связь с гоголевской традицией бросается прежде всего в глаза при чтении Федорова» (А. Бем)²⁹⁸.

«...Федоров любит слово, умеет видеть благодаря тому, что... сам Федоров талантлив» (Д. Философов)²⁹⁹.

«Это бесспорно талантливый беллетрист... ..Верен и предан русской литературной традиции» (П. Пильский)³⁰⁰.

«...Мне хочется приветствовать почин молодого писателя Василия Федорова... ..Федоровская улыбка порою кажется несколько грустной...» (В. Ходасевич)³⁰¹.

Вот еще один отзыв, опубликованный в газете «Прагер Прессе»:

Федоров... представляет наиболее ценную струю эмигрантской литературы, которая... продолжает национальную линию Гоголя, Лескова, Ремизова, Замятина³⁰².

Все эти сведения мне удалось почерпнуть из разных архивов Москвы и Праги, в том числе из архива самого Василия Георгиевича Федорова, который передала мне в 1983 году его вдова Мария Францевна (спустя два года она трагически погибла, ее сбил автомобиль). На основе этих архивных материалов издательство «Московский рабочий» выпустило в 1990 году однотомник В.Г. Федорова «Канареечное счастье», куда вошли почти все основные произведения, написанные им в эмиграции.

Разбирая архив писателя, я нашел любительскую фотографию В.Г. Федорова, на которой он запечатлен с писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым. Откликнувшись на мой запрос о взаимоотношениях писателей, Мария Францевна любезно передала мне две книги И.С. Шмелева со следующими дарственными надписями.

На книге рассказов «Про одну старуху» (Париж, 1927) автограф писателя:

Братский привет В.Г. Федорову с искренним пожеланием достойно продолжать великое дело родного художественного Слова.

Ив. Шмелев

13/26 июня 1937. Париж

На книге «Родное» (Белград, 1931):

«Милому Василию Георгиевичу Федорову на память об ужгородских днях. Ив. Шмелев. 26.VI.1937. Париж»

Эти автографы (в частности, тот, где упомянуты «ужгородские дни») заставили меня искать дополнительные свидетельства дружеских отношений Федорова и Шмелева. И наконец мне удалось найти в рижской газете «Сегодня» за 1937 год (№ 169) небольшие воспоминания Федорова «И.С. Шмелев в Подкарпатской Руси», которые никогда не печатались в России. Этот текст публикуется в настоящем сборнике.

Мне хотелось бы познакомить читателя и с двумя отрывками из последнего неоконченного романа «Человек задумался». Главы печатаются впервые в сохранившихся авторских редакциях (Рукописный отдел ЦНБ СТД РФ)³⁰³.

Накануне приезда И.С. Шмелева³⁰⁴ в Ужгород (из Владимирской обители, где он гостил) мне сообщили:

— Шмелев совсем болен. Дорога и в легковом автомобиле сильно его утомила. Да и стар он уже: при нем неотлучно находится в качестве няньки монах о. Савва (Струве)³⁰⁵.

И создалось у меня впечатление о маститом, вedomом бережно под руки старце, одним словом, как в «Вие» — «подымите мне веки, не вижу»...

А на следующий день (суббота 5 июня) ко мне на службу телефонный звонок:

— Иван Сергеевич благополучно прибыл и просит вас пожаловать к нему в 5 часов дня.

Иду с женой в книгоиздательство «Школьная помощь» на квартиру А.С. Васильцева³⁰⁶, нашего энергичного книгопечатника, у которого остановился Шмелев. Встречает нас бодрый, темпераментный сухенький человек, с крепким по-русски рукопожатием, с живым, острым, «писательским» взглядом — и уж если о веках, то все мы по сравнению с ним вроде Вия — столько жизни в его глазах, столько свежести в его жестах, словах, движениях.

И как-то сразу, как будто мы давно знакомы друг с другом, разговор возникает о русской литературе — о Толстом, Достоевском, Бунине и современных парижских писателях.

Говорит Шмелев воронежским говорком — слушать его наслаждение. Каждое словечко словно бы отшлифовано — русская, забытая нами, не приват-доцентская, а чистая народная речь.

— Ну что вы, «Каменный век»³⁰⁷ мне вовсе не нравится, — возражает Шмелев. — Писал я его тяжело и с натугой. А у меня, ми-

лый мой, так: ежели что сразу и легко вылилось, то только и хорошо. Нет, удивляюсь вам, как это...

Но я не спорю с Иваном Сергеевичем: какой же писатель может быть судьей своих литературных творений?

Зато сколько веских и ценных словечек как бы мимоходом и вскользь роняет Шмелев.

— Вот у вас, молодых, форма часто в ущерб содержанию, — говорит он, потягивая из короткого мундштука. — А надо сразу писать и уж после, где нужно, подчистить...

Потом на обеде у П.П. Совы³⁰⁸, местного карпаторусского деятеля и писателя, мне снова пришлось сидеть рядом с И.С. Шмелевым. Разговор снова о том же: об искусстве, литературе, писателях и, кстати, о последнем событии — об отъезде в Россию А.И. Куприна³⁰⁹.

Известие это весьма огорчило, но не удивило Шмелева.

— Александр Иванович, — сказал И.С. Шмелев, — совсем одряхлел в последние годы. Помню, в прошлом году я зашел к нему на квартиру по поручению Союза писателей. Надо было подписать сочувственный адрес по поводу смерти югославского короля Александра³¹⁰. Ну, хорошо. Захожу. Взглянул на меня Куприн и вовсе не узнает.

— Да ведь это же Иван Сергеевич, — говорит ему Елизавета Морицевна³¹¹. — Что, разве не узнаешь?

— Иван Сергеевич? Ах, да, да! — как бы очнулся Куприн. Но подписать бумагу он все же не мог. Перо дрожало в его руке, и вместо фамилии получилась какая-то клякса. В конце концов пришлось Е.М. Куприной подписаться за мужа...

Разговор переходит на Подкарпатскую Русь, которая очаровала Шмелева.

— Хорошо здесь у вас. Тишина, покой... Вот бы переехать сюда насовсем из Парижа. Мне ведь Париж всегда был чужим. А здесь по утрам, во Владомировой-то обители³¹², под самым окном кукушка кукует. И травы и цветы настоящие, русские, каких я не видел еще, [уехав] из России...

Все, о чем говорит Шмелев, он подчеркивает широкими жестами, он говорит страстно и убежденно. Но даже и тогда, когда и в самой революции ему чудится Божественный промысел (за грехи, мол, наши должны претерпеть), даже и тогда, сквозь легкий ды-

мок мистического тумана — все же проглядывает прежде всего художник, писатель.

Вечером в Русском народном доме И.С. Шмелев произнес речь «Об истоках русской культуры», а потом мастерски прочел два своих коротких рассказа. А на следующее утро — торжественный праздник Дня русской культуры³¹³: грандиозные шествия с пением, музыкой, с портретами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, колыхающимися над пестрой толпой, и вдруг плакат крупными буквами — «Привет И.С. Шмелеву».

И снова конные поселяне, прибывшие с гор, с полонин, с верховины, скауты, соколы, крестьянские девушки на убранных цветами подводах — одним словом, всенародное шествие...

После, уже в автомобиле по дороге в Липшескую обитель³¹⁴, Шмелев все вспоминал:

— Вот это праздник так праздник. Сам Господь привел меня посмотреть...

Мы мчимся полями по выжженной солнцем равнине, навстречу далеким фиолетовым очертаниям гор. В Мукачеве короткая остановка: дом православной епархии, весь пронизанный тенями старых деревьев. Отрок в монашеской рясе, улыбаясь, приветствует нас. И снова дорога, но уже лесом, сквозь гущу дубов, и в пролетах колодцы на горизонте в виде перекошенной буквы «Т», овцы, вола, пастухи и шагающий медлительно аист, уже розовый в лучах закатного солнца...

У Берегова снова степная равнина. По склону горы купоросная матовая голубизна виноградников — библейская, сельская тишина. Деревушки с деревянными церковками, бабы в совсем рязанских красных платках, автомобиль несется стремглав, и вот уже серебрится Велика-река, а за ней, где-то там, в горном ущелье — Липшеский монастырь...

В автомобиле находятся карпаторусский писатель П.П. Сова, И.С. Шмелев, о. Савва, состоящий при Иване Сергеевиче в качестве, так сказать, чичероне, поэт А.П. Ладинский³¹⁵ и пишущий эти строки. Еще четверть часа — и мы пересекаем реку по ветхому деревянному мостику — и пустынный медно-красный простор вечерней воды, на перекрестке распятие со скорбным ликом Христа и силуэт бредущего вдоль берега рыболова. Две больших рыбы, подрагивая, висят у него на шнурке... Автомобиль влетает в долину — справа и слева покрытые лесом Карпаты. А за поворотом на

небольшом горном плато Липшеская обитель, деревянная церковь и ряд бревенчатых зданий. От зари, от растущих вдоль тропинки молодых березок, от приглушенного расстоянием дальнего кукования вечерней кукушки, от этой обители, затерянной в Карпатских горах, нисходит на нас тихая неопределенная грусть. Да к тому же мы здесь оставляем И.С. Шмелева.

— А для вас есть письмо, — говорит одна из монашек Шмелеву.

— Мне письмо?

Шмелев искренне удивлен.

— Но ведь я и не предполагал, что заеду в вашу обитель. Как же тогда письмо?

Но письмо действительно есть, и его приносят из кельи. Иван Сергеевич разглядывает конверт и вдруг безнадежно машет рукой.

— Ведь вот подумайте, — говорит он. — Четвертое письмо все от одной и той же особы. Барышня есть одна... Но не могу же я отвечать на все ее письма... Не могу, поверьте, никак!

И он недовольно прячет письмо в карман.

Однако пора и в дорогу. Монашки приглашают на чай, но мы благодарим и отказываемся. И.С. Шмелев ходит с нами в долину. За лесом уже сгущается тьма, и кукушка давно умолкла. И только над темной горой висит еще забытое облачко в виде прозрачной желтоватой медузы. Шмелев крепко пожимает нам руки.

— До свиданья, милый Василий Георгиевич, — говорит он мне своим певучим воронежским говорком.

— До свиданья, Иван Сергеевич.

Автомобиль тяжелым рывком устремляется навстречу вечернему мраку. Я гляжу в окно и вижу сухую фигурку, помахивающую нам на прощанье платочком, силуэт автора «Неупиваемой Чашы»...³¹⁶

ЧЕЛОВЕК ЗАДУМАЛСЯ

Главы из романа

Часть I ОКНО В ЕВРОПУ

III*

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...³¹⁷

Ф. Тютчев

В тот замечательный тысяча девятьсот восемнадцатый год поезда редко отходили по расписанию. А между тем вся Россия, как говорится, сдвинулась с места, и путешествующих было столько, что и сам поезд напоминал гусеницу, усыпанную напавшими на нее муравьями: сидели на подножках и крышах вагонов, в раскрытых настежь ватерклозетах, на тендерах и даже верхом на скользких от дождя паровозах. Внутри же вагонов пассажиры были стиснуты, как спрессованная селедка, с той только разницей, что рыба, как известно, молчит, а здесь все шумело, кричало и ругалось почти виртуозно. Дядюшка, провожавший Филонова, шагал по перрону вокзала и, глядя поверх тополей в глубину вечернего неба, не переставал говорить.

— Ты молод и еще вернешься на родину, — говорил дядюшка. — Россия, брат, раскачалась для какого-то изумительного исторического прыжка. Куда она прыгнет — не знаю. А уж прыгнет она, будь уверен, лет на сто вперед, а то и на двести.

Он остановился, взглянув искоса на петлюровского жандарма (петлюровцы опять завладели богоспасаемым городом).

— Ленин — запомни это имя, Митя. Он, брат, несомненно, окажет влияние. За ним уже сейчас идут сотни тысяч людей. И не только в России, во всем мире пойдут!.. Ты еще увидишь ...

— Мне кажется, что уже пора, — прервал наконец Филонов его красноречие. — Ведь поезд, дядюшка, может отойти каждую минуту.

* В опущенных главах I и II рассказывается о том, что герой романа Дмитрий Филонов влюблен в Оленьку Пономареву. Власть в городе бесконечно меняется. Тогда Дмитрий по совету дядюшки решается для продолжения образования перебраться за границу.

— Ну, что ж, пора так пора.

Дядюшка умолк, и было заметно, как губы у него предательски задрожали. Они обнялись. Мог ли думать тогда Митя Филонов, что это было прощание навсегда?

— Главное, Митенька, не поддавайся унынию, — говорил дядюшка, провожая племянника к вагону. — Мы еще увидимся с тобой. И увидимся скоро...

Втиснувшись кое-как в вагон, Филонов уселся среди мешков, ящиков, сумок и таких же, как он сам, куда-то стремящихся людей, взлохмаченных и потных, нетерпеливо переругивающихся друг с другом и зорко стерегущих свое добро. Поезд внезапно качнуло, потом дернуло звенящим рывком, и колеса вагонов, как кастаньеты, четко застучали на стрелках.

— Так вот, значит, приехал я в тую деревню, — рассказывал щуплый старичок, слегка наклонив апостольскую лысину к своему соседу, рослому солидному гражданину в черном пальто с барашковым воротником.

— Приехал я в тую деревню к знакомому мужику. Как, мол, насчет продовольствия, дядько Микола? А что меняете? — спрашивает. Да, вот, значит, штаны из аглицкого материала, две пары дамских панталонов и стенные часы с кукушкой. Есть, говорю, у меня, кроме того, граммофонная труба. И вижу, что чересчур ему понравился товар, особенно труба эта самая. Вдарили по рукам, и упрятал я к себе в мешок зда-а-равенного гусака этак фунтов на десять. Но только на горе свое я приобрел гусака. Чертова оказалась птица, и чуть было она меня, проклятая, не сгубила. Как отъехали мы, значит, со станции, так она стала в мешке вроде как бы восстание подымать. То раньше молчал гусак, как зачумленный, а теперь вроде оратора: ге-ге! — кричит. Ге-ге! Насупротив же мене сидел в вагоне несомненно подозрительный паренек и все нет-нет да и посмотрит в мою сторону на мешок.

Эге-ге! — говорит. И подмигивает глазами. А гусак ему, понятно, тоже: ге-ге! Качает головой этот самый паренек. Эге, говорит, папаша, вы вроде как спекуляцию разводите в поезде. А проклятый гусак опять-таки откликается: ге-ге! Стиснул я легонько шею чертовой птице, да только она еще пуще и уже по-гадючьи зашипела. Тут паренек этот самый привстал с мешка, на котором сидел, и говорит тихонько, чтобы другие, значит, не слышали: не хочу, говорит, пужать вас своими служебными документами, папаша,

да только я послан, чтобы подавлять спекуляцию в поездах и бу-магу на это имею с приложением революционной печати. Сунул я ему, понятно, в зубы сотню карбованцев: молчи, говорю, не рас-травляй мое старое сердце. Ну, а как приехали мы на станцию Бир-зулу...

Но поезд внезапно остановился, и старичок замолчал. Было видно сквозь окно, как над черной степью мерцают звезды. Потом снаружи раздалось несколько выстрелов, и сквозь сжатую в кори-доре толпу протиснулось несколько человек матросов, обвязанных поверх бушлатов пулеметными лентами и унизанных вокруг по-яса ручными бомбами, как абрикосовое дерево плодами. У пред-водителя или начальника отряда из-под матросской бескозырки на-висал на лоб черный вихрастый чуб.

— Граждане! — обратился он к пассажирам. — Которые из вас не хотят прогуляться на месяц, чтобы увидеть своих усопших срод-ственников, те пускай немедленно сдадут нам продовольствие и прочую питательную снесь. Мы же не какие-нибудь грабители, но даже совсем наоборот — мы авангард анархического отряда из го-рода Николаева.

Потом, поигрывая в руке блестящим смит-вессоном, матрос воскликнул:

— Да здравствует анархия и анархисты! Ура!

В водворившейся тишине прозвучал только жиденский голос старичка с апостольской лысиной. Но его дрожащее «ура!» напо-минало скорее глас вопиющего в пустыне.

— Вижу, что сукины вы сыны, — презрительно заключил мат-рос, сплюнув сквозь зубы. — Сволочь вы бессознательная, мать вашу растуды! Но мы вытресим из вас все до самых печенок.

Начался повальный обыск. В течение пяти минут тесный ва-гон стал похож на витрину гастрономического магазина. Колбасы, сало, сахар, мука, масло и различные крупы — все это предстало перед очарованным зрителем по волшебному мановению смит-вес-сона. Филонов вместе с другими предложил для осмотра сумку, но матрос только скользнул пальцами по ее тощему нутру.

— Н-да! — сказал он усмехаясь. — От ваших продуктов не раз-жиреешь!

И очевидно, чтоб позабавиться, он выбрал из общей груды раз-ложенных в вагоне продуктов изрядный кусок ливерной колбасы и сам засунул ее в сумку Филонова.

— Это вам, молодой человек, для поправления вашего слабого здоровья.

Сопровождавшие его матросы весело расхохотались.

— Раскройте окно! — приказал предводитель отряда неподвижным, как статуи, пассажирам. — Да живо, живо! А не то я вас подгоню вот этой самою штучкой!

И он поднял револьвер, как бы прицеливаясь в упор. Сами пассажиры стали подавать через окно стоявшим на насыпи матросам все конфискованное у них добро. Слышно было, как негодуяще задыхался снаружи астматический паровоз.

— Готово? — спросили вниз.

— Есть! — ответили из вагона.

— Ну, братва, отдавай концы! Вира, за мной! — приказал матрос своим сотоварищам, сам уже проталкиваясь к выходу и повторяя все время «пардон», но держа револьвер наготове.

Через несколько минут поезд тронулся с места, разбрасывая в темноте, словно протягивая вдоль окна, колеблющиеся нити огненных искр. Некоторое время все в вагоне молчали. Наконец гражданин с барашковым воротником первый нарушил молчание:

— Нету справедливости на свете, — сказал он со вздохом. — Потому что я то сало, что они так безжалостно отобрали в пользу анархизма, я выменял за последние свои штаны. В тех самых штанах я венчался семь лет назад в храме Успения Божией Матери. Не простые, стало быть, а фамильные это были штаны, и я их сохранял как память о светлом моменте собственной супружеской жизни.

— А у мене муки полпуда забрали, — отозвался кто-то из темного угла.

— Это что ж! — философски заметил гражданин с изрытым оспой лицом и волосами включенными, как корень бурьяна. — Это, как говорится, торговали — не скупилась, подсчитали — прослезились. Такая уж, видно, планида нам выпала на веку... Хоша, конечно, обидно...

Филонов уже не слушал общего разговора, погруженный в собственные тревожные мысли. Кто мог сказать, что ждет его впереди? И удастся ли благополучно переправиться через границу? Не лучше ли вместо границы пробираться на север, где, по словам дядюшки, уже создавалась новая государственная жизнь и, следовательно, были открыты университеты?

Невольно он вспомнил Оленьку Пономареву, свою поруганную любовь, от которой до сих пор был на душе грустный осадок. Незаметно под мерное покачивание поезда он уснул, проснулся он внезапно и, открыв глаза, долго не мог понять, где он и что здесь происходит. Кто-то схватил его за плечо и, встряхивая, кричал:

— А ты что разлегся? Силком тебя тащить, что ли? Всем велено выходить, слышь?

Теперь только Филонов окончательно пробудился от сна и увидел краснолицее и круглое лицо молодого солдата с закрученными вверх черными усами. На груди у солдата был прикреплен алый бант, а в руках он держал винтовку. Пассажиры уже выходили один за другим в розовато-шафранный, дышавший холодком осенний рассвет. Поезд стоял, отдуваясь и попыхивая клубами дыма, сквозь которые мелькало белое здание с надписью на фасаде: «Раздельная».

«Так вот куда мы докатились!» — подумал Филонов, поеживаясь от утреннего холодка и чуть постукивая зубами.

Старая, уже пожелтевшая плакучая ива распростерла над станционным садиком свои шевелящиеся под ветром заскорузлые ветви. На перроне, где беспорядочно толпилась вышедшая из поезда публика, то и дело слышались жалобы и ругательства.

— Чего они еще хотят от нас, ироды! — ворчал гражданин с барашковым воротником.

— А вы лучше помалкивайте, — посоветовал старичок с апостольской лысиной. — Слыхать, сам атаман Струк допрашивает в комендатуре.

— Даром пужаете, старик, — сказал кто-то из стоявших поблизости. — Обнаковенная мобилизация лиц мужеского пола, вот и все.

— Дыть какой же из мене солдат? — возмущенно откликнулся старичок. — Тараканов разве давить на печи...

— Становись в затылок! — прикрикнул солдат, подталкивая ружьем недовольных пассажиров.

— Гляньте! — раздалось вдруг из толпы. — Никак поезд-то наш наутек собирается!

Оглянувшись, Филонов увидел, как медленно сдвинулись с места вагоны и, набирая ход, побежали мимо станционной платформы. Публика стремглав бросилась к вагонам. Раздалось несколько винтовочных выстрелов. Кто-то отчаянно закричал. Про-

рвавшись вперед, Филонов успел вскочить на подножку, и в тот же момент над головой у него расщепилась деревянная фанера: пули, взвизгивая люто, въедались в обшивку вагона. Станция промелькнула, как белое видение, прошелестел тощий садик с плакучей ивой, и семафоры в виде гигантских птиц, озаренных поднявшимся солнцем, остались позади со своими красными клювами. Напрягая все силы, Филонов наконец открыл прижатую ветром дверь и очутился в вагоне. Первый, кого он увидел, был гражданин с барашковым воротником, уже усевшийся возле окна в совершенно свободном купе.

— Мое вам! — сказал он, помахивая рукой. — Тоже, значит, удалось драпануть?

— Удалось! — радостно улыбнулся Филонов.

— Теперь до самого Кучургана поедem без всяких загвоздок, — уверенно заметил опытный пассажир и блаженно закрыл глаза. Вскоре он захрапел музыкально, как церковный орган, то опуская вниз, то подымая вверх голову и иногда шевеля во сне губами. Филонов тоже улегся поудобней на лавке и мгновенно погрузился в небытие... Проснулся он только к вечеру, но уже не в лежащем, а в стоячем положении, так как вагон был снова набит до отказа шумной толпой. Гражданина в барашковом воротнике уже не было возле окна, на его месте сидела красивая чернобровая молодуха, раздувшаяся, как цеппелин, от спрятанных под одеждой продуктов. Что-то попискивало у нее под юбкой, не то цыпленок, не то индюшонок, и она тревожно оглядывалась по сторонам.

— Вы, мадам, видно, цыпляток высиживаете на манер квочки, — ухмыльнулся сидевший напротив нее немолодой длинноносый мешочник.

— Трястя им на голову! — выругалась молодуха. — Усю мене исклевали, паршивцы!

— Да как же не клевать? — снова ухмыльнулся мешочник. — Он, курчонок, тоже понятие имеет насчет женского пола. Особенно ежели петушок. Кабыть меня самого этаким красавице под юбку посадили, я бы тоже не удержался и клюнул.

Вагон загрохотал от смеха. Замедляя ход, поезд приближался к одиноко стоявшей в поле небольшой станции, над которой кружились стаи встревоженного воронья.

— Ах, господи ты мой! — испуганно воскликнула молодуха, всплеснув руками. — Гляньте, что только делается на свете!

Филонов приподнялся и тоже поглядел в окно: на станционной платформе не было ни души. И только на фонарном столбе странно покачивалась, словно вылепленная из воска, фигурка повешенного человека. Судя по форменной одежде, это был или сам начальник станции, или его помощник. Казалось, что он приплясывает там, высоко в воздухе, сняв для удобства обувь и оставшись в одних носках. Поезд, не останавливаясь, медленно прошел мимо станции, окутав ее на мгновение сердитыми струями пара.

— Не иначе как батька Махно здесь орудовал, — высказал кто-то предположение.

Через полчаса поезд наконец прибыл в приднестровский городок, где проходила в то время государственная граница с Румынией.

IV

Бежать, но куда же?
На время не стоит труда.
А вечно бежать невозможно³¹⁸.

Из эмигрантской жизни

Когда вышедшая из поезда толпа пассажиров устремила на вокзальную площадь и Филонов остался один на один с рыжим буфетчиком, расставлявшим на стойке убогую закуску того времени — вареники с картошкой и весьма подозрительные бутерброды черт знает с чем, когда он ясно понял, что отступить уже некуда, и что так или иначе он должен будет переправиться через Днестр в Бессарабию, и что левый берег реки охраняется петлюровцами, а на правом расставлены румынские пулеметы — ему стало несколько жутко. Он никого не знал в этих местах и даже не представлял себе, как проберется незаметно к Днестру. Но тут он увидел еще одного пассажира, сидящего в уголке буфетного зала, который пристально рассматривал его сквозь круглые выпуклые очки. Это был старичок лет шестидесяти пяти в черном пальто-крылатке, застегнутом у ворота медной застежкой в виде головы льва, и в черной шляпе, из-под которой, почти до плеч, струились серебряные волосы. Серая борода, видимо недавно подстриженная, делала ее обладателя похожим на странствующего музыканта или художника. Но вот он поднялся с места, прошелся несколько раз вперед и назад и, подойдя к Филонову, произнес почти шепотом совершенно загадочную фразу: «...по Бессарабии».

Затем он выжидательно уставился на Филонова своими близорукими глазами.

«Не сумасшедший ли? — подумал Филонов. — Много теперь бродит таких по России».

И вдруг ему показалось, что он понял намек старичка.

— Они сегодня над рекой... — ответил Филонов тоже шепотом...

Старичок чуть усмехнулся, пройдясь снова туда и назад, он тихо сказал:

— Тучки небесные, вечные странники!..

Слово «странники» он произнес со значительным видом.

На этот раз Филонов уже не колеблясь ответил:

— Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,

С милого севера в сторону южную...

Старичок ухмыльнулся еще заметней:

— Как я же, изгнанники... — повторил он как бы в задумчивости, не переставая при этом разглядывать Филонова сквозь очки, но не решаясь, очевидно, обратиться к нему с вопросом.

Филонов тоже молчал. Прошло несколько минут. Наконец старичок, видимо, решил и, подойдя вплотную, произнес даже с некоторой театральностью:

— Проклятый город Кишинев!..

И хотя Кишинев не казался Филонову в данный момент проклятым, но, наоборот, желанным и заманчивым, но тем не менее, из осторожности, воскликнул:

— Тебя бранить язык устанет.

И только тут старичок широко улыбнулся:

— Ну-с, милый юноша, давайте знакомиться, — сказал он приветливо.

Несмотря на всю свою осторожность, он оказался весьма общительным, и через несколько минут Филонов уже знал всю его несложную историю. Это был профессор физики Харьковского университета Николай Андреевич Чухоткин, удиравший от петлюровцев в Западную Европу.

— Невмоготу мне было оставаться у них, — рассказывал он тихим голосом. — Все упрекали меня: «кацап, да кацап» и несколько раз арестовывали по подозрению в сношениях с «москалями». Душу всю вывернули мне наизнанку... Ну, а большевики... Я их жуть побаиваюсь. Кто их знает. А в Париже у меня имеются кое-какие свя-

зи. Есть даже один знакомый французский доцент, с которым я переписывался по поводу торичеллиевой пустоты. К нему я и собираюсь теперь. Если, конечно, удастся... Но выйдем отсюда, юноша! — предложил он внезапно. — Хотя рыжих самостийников я еще не встречал, но здешний буфетчик мне все же не внушает доверия.

Уже вечерело, когда они уселись на лавочке в жидком привокзальном саду, сплошь усеянном бумажками и шелухой от тыквенных семечек.

— Ну, а вы, Николай Андреевич... Вы уже пробовали? — спросил Филонов, невольно снижая голос, хотя никто здесь не мог их слышать.

Старичок грустно усмехнулся:

— Пробовал, как же!

— И что же?

— Поймали на берегу.

— Поймали?

— Да, захватили меня на Днестре при попытке переправиться с помощью бревна. Диаметр и удельный вес бревна я высчитал заранее. И так как у меня не было даже самого обыкновенного циркуля, то я...

— Как же вам удалось от них отвертеться? — нетерпеливо прервал его Филонов.

— Сначала хотели было расстрелять. Но на счастье подошел их офицер. И тут меня осенила удачная мысль. Я объяснил ему как мог, что это была попытка самоубийства, то есть что я собирался утопиться в реке. Тогда офицер этот раскричался на меня за то, что я без разрешения петлюровской власти вздумал топиться. А потом повелел мне идти к какому-то дидьке... нет, погодите, какому-то дидьке...

— К дядьке лысому, — догадался Филонов.

— Да, да, вот именно... к лысому дидьке. Так и сказал: идите вы, добродию, к лысому дидьке.

— Вот что, Николай Андреевич, — задумчиво произнес Филонов. — Надо попытаться перейти границу сегодня ночью. Небо нынче пасмурное, и луна нам не будет мешать. Вода, понятно, будет зверски холодная. Но это ничего. Обсушимся на том берегу у костра.

Порешили, как только совсем стемнеет, пробираться к Днестру старыми садами и, если удастся, то переплыть реку на каком-либо подходящем бревне.

— Лучше всего на моем... на испытанном, — посоветовал профессор. — Я знаю точно, где оно лежит, и могу отыскать его с закрытыми глазами. Кстати, юноша, — и лицо его приняло лукавое выражение, — как объяснить по-украински, что мы, мол, случайно заблудились во время прогулки?

— Но для чего вам, Николай Андреевич, объяснения по-украински, — удивился Филонов. — Ведь мы же удираем в Румынию!

— Так, на всякий случай. Если, например, нас с вами поймают петлюровские солдаты.

— Ну, знаете, профессор, они с нами разговаривать долго не станут. Да и не поверят они, что мы заблудились. В лучшем случае съездят в ухо, а то просто пустят в расход.

— Вы не шутите? Действительно дерутся?

— А что вы думаете!

Профессор сокрушенно покачал головой.

— У меня, — произнес он, как бы рассуждая с самим собой, — у меня совсем недавно было воспаление среднего уха.

— Ну, не в ухо, так по зубам, — снисходительно добавил Филонов.

Но, очевидно, и этот вариант не особенно успокоил ученого.

— Какие, однако, звери! — воскликнул он с возмущением. — И это теперь! В двадцатом веке!..

Сумерки между тем сгустились все более, в стороне от вокзала, там, где начинались окраины города, вспыхнули первые огоньки. От их мирного сияния веяло семейным уютом, и Филонов невольно вздохнул, вспоминая покинутый им только что дядюшкин дом.

— Все будет хорошо, юноша, — прервал наконец профессор его грустные размышления. — Вот увидите, как мы великолепно устроимся в Европе. Румыны ведь были нашими союзниками. Они, несомненно, встретят нас как лучших друзей... как родных.

И он стал рисовать Филонову заманчивую картину привольной жизни в Европе...

Когда окончательно стемнело, друзья двинулись в путь, старательно обходя главные улицы городка и избегая всяких нежелательных встреч.

— Еще немного, и начнутся сады, — пояснил на ходу профессор. — Вот там, видите? Там, где как бы обрывается линия фонарей.

Но когда они осторожно перелезли через плетень и очутились в чужом саду среди непроглядного мрака и поскрипывающих под ветром невидимых деревьев, профессор вдруг признался Филонову, что он потерял направление.

— Если бы были звезды, то я бы не колебался. Но без звезд и без компаса я несколько затрудняюсь...

— Идемте, идемте! — настойчиво зашептал Филонов. — Надо идти вперед хотя бы и наугад!

Несколько минут они шли молча, вздрагивая от каждой хрустнувшей под ногами ветки. Глаза постепенно привыкали к темноте и можно было различать уже отдельные силуэты старых деревьев. Не раз шедший впереди профессор спотыкался о корни, ругаясь при этом исключительно по-французски.

— Парбле!* — воскликнул он, растянувшись внезапно на дне глубокой канавы. — Миль дьябль!**

— К черту французский язык, — испуганно шепнул Филонов, подавая ему руку и вытаскивая его из канавы. — Вас могут слышать — эти самые. И тогда...

Слова его были прерваны винтовочным выстрелом, гулко прокатившимся в глубине сада, вслед за выстрелом где-то в стороне жутко завyla собака. И Филонов, и профессор как бы застыли на месте.

— Очевидно, кого-то поймали, — тихо сказал Филонов.

Внезапно он схватил за руку своего спутника и, склонившись к самому его уху, чуть слышно шепнул:

— Я вижу часового! Он стоит на пригорке.

— Где? — откликнулся профессор, едва шевеля губами.

— Вот там, налево. И у него... Нет, этого не может быть! У него в руке поднятый меч!

— Постойте, — радостно хихикнул профессор. — Это ведь ангел! Теперь я знаю, где мы находимся. Мы несколько уклонились в сторону и очутились у самого кладбища, неподалеку от моей временной квартиры.

— Вашей квартиры? — воскликнул Филонов, позабыв даже об осторожности.

— Да, да, здесь я живу. Уже несколько дней, как я обосновался на старом кладбище. Но пойдемте, пойдемте!

* Черт побери! (искаж. фр. — Parbleu!).

** Тысяча чертей! (искаж. фр. — Mille diables!).

Е.А. Максимович. 1988.
Фото Л.Н. Белошевой

А.А. Кизеветтер. 1927.
Архив ЦНБ СТД РФ

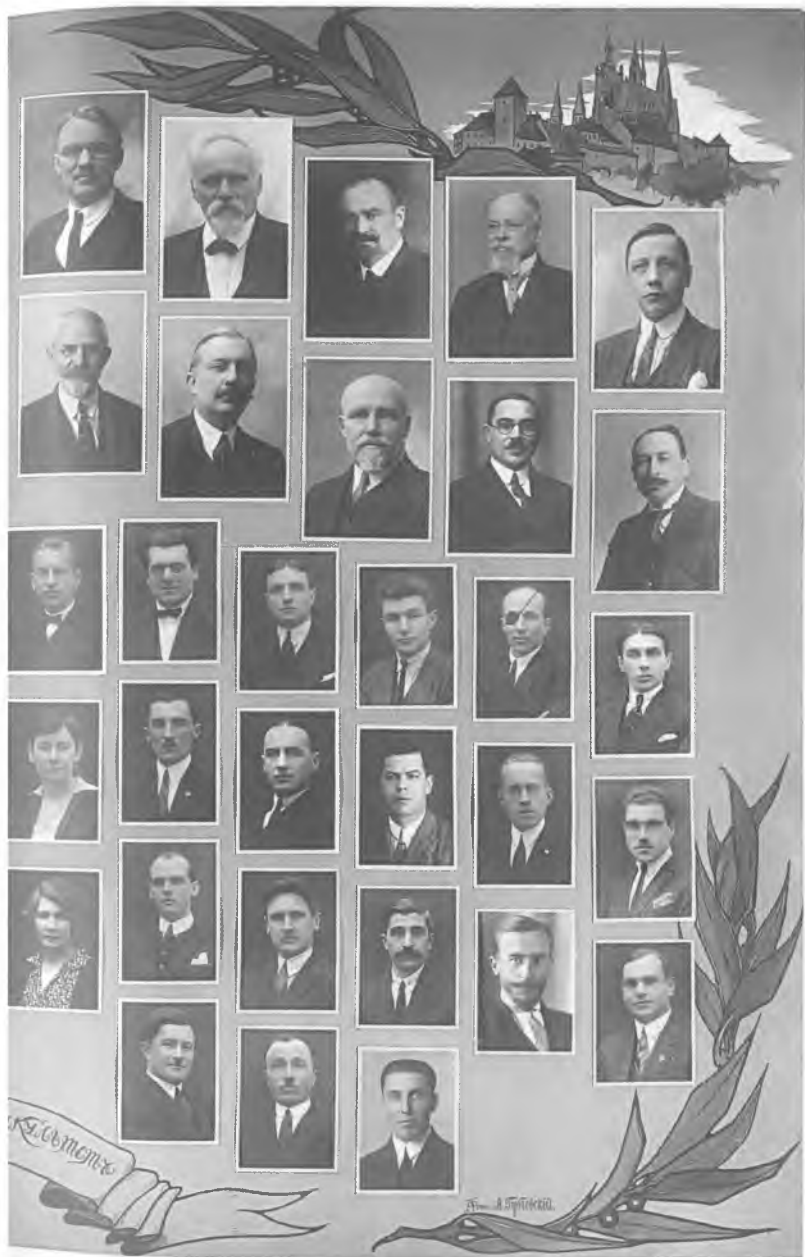

А.А. Кизеветтер среди сотрудников редакции рижской газеты «Сегодня». 1931.
Архив ЦНБ СТД РФ

Українська Народна Республіка

1922-1923

Преподаватели и студенты Русского юридического факультета.
Прага, 1922-1927.
Архив ЦНБ СДР РФ

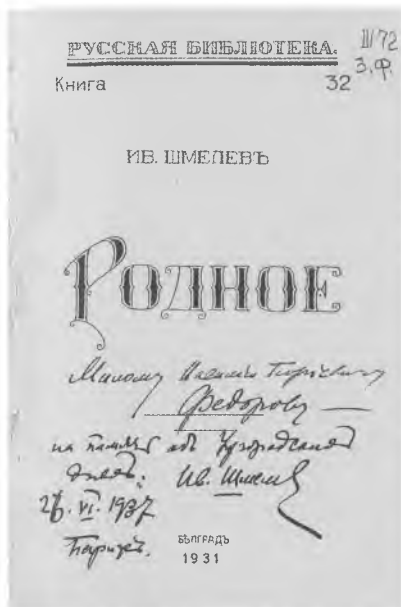
С.В. Завадский. 1929.
Архив ЦНБ СТД РФ

К.П. Макаева. 1937.
Архив ЦНБ СТД РФ

Слева направо, сидят: В.Л. Андреева, В.А. Сувчинская, Б.Н. Лосский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, К.И. Завадская, А.С. Эфрон, И.Л. Карсавина, неуст. лицо;
стоят: М.Л. Карсавина, К.П. Макаева с сыном Алешей. 1928. *Архив ЦНБ СТД РФ*

Дарственная надпись И.С. Шмелева
на книге «Родное» (Белград, 1931):

«Милому Василию Георгиевичу
Федорову на память об ужгородских днях.

Ив. Шмелев. 26.VI.1937. Париж».

Архив ЦНБ СТД РФ

В.Г. Федоров. 1950.
Архив ЦНБ СТД РФ

В.Г. Федоров, И.С. Шмелев, М.Ф. Федорова. Ужгород, 1936.

Архив ЦНБ СТД РФ

С.М. Рафальский, Т.Г. и В.С. Вършавские. 1973.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.М. Рафальский. 1967.
Архив ЦНБ СТД РФ

Т.Н. Рафальская. Ганы, 1988.
Фото В.П. Нечаева

**П.П. Лыжин. 1957.
Архив ЦНБ СТД РФ**

**П.П. Лыжин. Автошарж. 1952.
Архив ЦНБ СТД РФ**

**Исаакиевский собор.
Петербург.
Рисунок П.П. Лыжина. 1962.
Архив ЦНБ СТД РФ**

**Карлов мост. Прага.
Рисунок П.П. Лыжина. 1962.
Архив ЦНБ СТД РФ**

Парижский кабинет А.А. Туринцева. 1998.
Фото В.П. Нечаева

А.А. Туринцев. 1926.
Архив ЦНБ СТД РФ

А.А. Туринцев. 1969.
Архив ЦНБ СТД РФ

Храм Трех Святителей на улице Петель, д. 5. Париж, 2010.
Фото В.П. Нечаева

Серж Лидо в мастерской. 1960.
Архив ЦНБ СТД РФ

Дневник М.Ф. Кшесинской.
Архив ЦНБ СТД РФ

Серж Лидо и Ирэн Лидова. 1964.
Архив ЦНБ СТД РФ

М. Ф. Кшесинская. 1910.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.М. Лифарь, его жена
Л. Алефельдт-Лаурвиг,
М.Ф. Кшесинская. 1971.
Архив В.П. Нечаева

На обороте запись С.М. Лифаря:
«Я у Матильды Кшесинской — у «Мали» — в Париже,
10, villa Molitor, в ноябре 1971 года. Сергей Лифарь.
Маля родилась 31/8 1872 г.
Умерла 6/XII 1971 г. в 99 лет.

Кшесинская открыла дверь русской танцовщице —
балерине Анне Павловой, Трефиловой, Карсавиной,
Спесивцевой
и убрала из имп[ераторских] театров знатных итальянок
Леньяни, Цукки, Брианца»

Л.А. Казем-Бек. 1945.
Архив ЦНБ СТД РФ

*Посольство
Союза Советских
Социалистических Республик
в Париже*

Париж, 4 июля 1946 года.

*Почтовый ящик 95414
Почта Парижа 95414*

Уважаемый Лев Александрович,

Благодарю Вас за Ваше искреннее письмо.

Я вполне понимаю Ваши чувства и разделяю Вас и за Вашу семью, что Вы можете стать советскими гражданами.

Богомолов.

А. БОГОМОЛОВ

Г-ну Л.А. КАЗЕМ-БЕК

112, rue de la Plaisance
Maison Russe
Garonne
(Seine)

Письмо советского посла А.Е. Богомолова
Л.А. Казем-Беку. 4 июля 1946.
Архив ЦНБ СТД РФ

Ю.К. Терапиано и А.С. Шиманская. 1965.
Архив ЦНБ СТД РФ

А.С. Шиманская, Ю.К. Терапиано, Е.Ф. Рубисова. 1975.
Архив ЦНБ СТД РФ

А.С. Шиманская. 1973.
Архив ЦНБ СТД РФ

**А.С. Левицкий — военнослужащий
Французской армии. 1939.**
Архив ЦНБ СТД РФ

А.С. Левицкий в рабочем кабинете. 1938.
Архив ЦНБ СТД РФ

Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов. 1959.
Архив В.П. Нечаева

В.Д. Васютинская-Маркадэ и испанский поэт Альварос Варгес. 1988.
Архив В.П. Нечаева
 На обороте запись : «Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит».
 В.Д. Васютинская-Маркадэ. Париж. 4 ноября 1988 года»

И профессор уверенно зашагал среди крестов и могил.

— Стоп! — сказал он, останавливаясь возле широкой могильной плиты, высеченной из белого мрамора. — Здесь где-то вход... в семейный склеп... Ага, вот и он! Спускайтесь осторожней. Всего семь ступеней... Ну-с, вот мы и дома!

Он чиркнул спичкой и зажег стоявший на каменной подставке огарок свечи. Первое, что увидел Филонов, были края двух оцинкованных гробов, выглядывавших из глубокой ниши. На цементированной стене склепа висело массивное распятие, тускло поблескивавшее облупившейся позолотой.

— Постель я устроил себе из могильной травы, — говорил между тем профессор, хозяйственно поглядывая в противоположный угол. — Там я обычно отдыхал в дневное время. А за кипятком и за бутербродами ходил по вечерам на вокзал. Конечно, спать было несколько жестковато. Но я постепенно привык. Зато какая тишина и покой! Знаете, мой дорогой, я себя здесь чувствовал, как в физическом кабинете. Ночью, когда было особенно холодно и когда не спалось, я даже обдумал свой новый труд о расширении неорганических тел под влиянием высокой температуры. К сожалению, у меня не было с собой ни карандаша, ни бумаги, и некоторые формулы я просто выцарапал на стене перочинным ножом.

— А не пора ли? — напомнил Филонов, украдкой поглядывая на гробы и, очевидно, не разделяя профессорского восторга.

— Это куда же? К Днестру? Но отсюда рукой подать. Мы можем отправиться в полночь и даже немного попозже. А пока что...

И профессор извлек из кармана своей крылатки небольшой сверток, перевязанный шнурком.

— Пока что мы слегка закусим, — предложил он, разворачивая пакетик.

— Кладбище, милый юноша, — говорил он, разжевывая твердую и тугую, как резина, колбасу, — это лучшее из убежищ в нашу катастрофическую эпоху. Да вы ешьте, ешьте! — понукал он Филонова. — И самые интересные знакомства с людьми происходят теперь на кладбище.

Филонов чуть не подавился, услышав последнюю фразу.

— Какие же здесь могут быть знакомства, профессор? — произнес он наконец, с трудом проглотив застрявший в горле кусок.

— Замечательные знакомства! Незабываемые встречи! Вот не дальше как позавчера я здесь познакомился с одним крупным об-

пщественным деятелем. Это был старый марксист, и пробирался он на север, к большевикам. И знаете? Он мне тоже советовал бежать с ним на север. Нам, говорит, профессор, ученые люди вот как будут нужны. Очень меня уговаривал, одним словом.

— Почему же вы не согласились? — спросил Филонов.

— Далеко слишком! — вздохнул профессор. — И как подумал я, что снова придется иметь по пути дело с петлюровцами, так всякая охота к путешествию пропала. Тем более теперь, когда я сижу, можно сказать, на самой границе...

Он достал из кармана короткую трубочку и, набив ее махоркой, несколько раз с удовольствием затянулся.

Так, в разговорах, незаметно пролетело время. Когда они вышли наконец наружу, темнота еще более сгустилась. Сильные порывы ветра разведали по сторонам крылатку профессора и делали его самого похожим на гигантскую летучую мышь. Уныло дребезжал жестяной венок на недалекой могиле, и казалось, что кто-то вздыхает в судорожно шевелящихся кустах. Вскоре кладбище осталось позади и потянулись нескончаемые сады, которые, по заверению профессора, подходили к самому берегу. Несколько раз друзья останавливались, прислушиваясь и приглядываясь к непроницаемому мраку — но кроме поскрипывания деревьев и шелеста опавшей листвы под их спотыкающимися шагами не было слышно ни звука. В разорванных кое-где тучах уже проглядывали звезды.

— Лишь бы только луна нас не выдала, — шепнул Филонов во время одной из таких остановок.

Профессор вместо ответа приложил палец к губам, как бы призывая к молчанию. Станный, глухой шум доносился издалека, то вновь утихая, и Филонов почувствовал, как тревожно и неровно забилося у него сердце.

— Это Днестр, — чуть слышно сказал профессор. — Мы уже возле самого берега. Здесь надо подождать, пока пройдет петлюровский патруль.

Они легли на землю и не шевелясь продолжали прислушиваться к каждому малейшему шороху. Небо все более прояснялось, высевая новые звезды, среди которых красноватым угольком дотлевал на юго-востоке великолепный Сириус. Теперь Филонов глядел на него, вспоминая давние, еще идиллические годы, вечера — времена его первой юности, гимназические годы с журналом «Природа и люди» и полным собранием сочинений Луи Буссенара; ка-

залось невероятным, что это он, Филонов, лежит теперь ночью в глухих молдаванских садах вдали от родного города и смотрит на тот же Сириус... И где-то поблизости бродят петлюровские солдаты, а внизу под обрывом шумит таинственный Днестр...

— Слышите? — шепнул внезапно профессор, крепко нажав на его локоть вздрагивающей рукой. — Это они... они... Ради бога, молчите!

Послышались приглушенные ветром голоса, и вскоре вынырнули из мрака две темных фигуры.

— Та я ж тоби дав сорок карбованцев! — воскликнул один из солдат, останавливаясь неожиданно вблизи от того места, где лежали наши друзья.

— А штаны? Хиба я не дав штаны?

— Штаны уси в кровях, — раздался в ответ недовольный голос. — Кому я продам тии штаны? Дидько лысый их купуть!

— Я ж соби взяв тилько чоботы! — возмущенно откликнулся первый солдат. — И хоч бы новеньки, а то так ни тэ, ни сэ!

Вспыхнула спичка, они закурили. На мгновение выступили из темноты шинели и шапки, блеснули дула винтовок. Филонову казалось, что собственное его дыхание вырывается из груди с оглушительным свистом.

«Сейчас обнаружат, — подумал он. — И тогда...»

Но голоса стали удаляться, и вскоре только ветер поскрипывал в деревьях да монотонно шумел под обрывом невидимый Днестр.

— Теперь или никогда! — шепнул профессор, подымаясь на ноги и вглядываясь сквозь очки в темноту. — Здесь где-то вблизи есть тропинка... Пойдемте, юноша, нельзя терять ни минуты!..

Пригибаясь к земле, они осторожно направились в сторону, где неистовствовала внизу холодная и таинственная река. Здесь действительно оказалась чуть заметная тропинка, но вела она сначала как будто назад и затем только, повернув, превратилась в еле заметные ступени, прорубленные в обрыве, круто устремившиеся в разверстую под ногами черную бездну. Колючий кустарник протягивал навстречу цепкие лапы и, казалось, задался целью удерживать беглецов. Наконец, поскользнувшись несколько раз на глинистой почве, друзья очутились на краю узкой отмели, за которой, пенясь и булькая, неслась вдаль ночная река.

— Скорей, скорей! — взволнованно шептал профессор. — Видите, вот там что-то чернеет? Это и есть бревно... И мы как арго-

навты... В далекий путь, чтобы отыскать золотое руно... И мы его найдем, найдем!..

Он говорил как в бреду. Через несколько мгновений они уже пытались столкнуть в воду завязшее в песке скользкое бревно.

— Не идет никак! — сказал профессор. — Оно словно заколдованное!

— Погодите! — шепнул Филонов. — Я его приподыму немного вверх.

Напрягая все силы, он ухватился за край бревна и, раскачивая его туда и сюда, добился наконец заметного успеха: бревно медленно продвинулось к воде. Когда же, после многих дальнейших усилий, оно целиком очутилось в реке, Филонов тихо скомандовал:

— Садитесь верхом, профессор!

И, оттолкнувшись ногой, уселся сам, чувствуя, как до самых колен его охватила черная, почти ледяная струя. Бурлящий водоворот вместе с бревном закружил их в пучине, словно стремясь прибить обратно к только что покинутой отмели.

— Подгребывайте рукой! — распоряжался Филонов. — Живей, ради бога!

— Увы, мой друг! — отозвался профессор. — Я не могу. У меня застарелая подагра.

— Как же вы собирались переплыть Днестр, да еще в одиночку?

— В одиночку я не собирался. Если бы мы с вами не встретились на вокзале, то я переплыл бы реку с сенбернаром.

— С кем? — вырвалось у Филонова, хотя бревно угрожающе продолжало вертеться.

— С одной знакомой собакой. И так как она была бесприютна, подобно мне, то я решил... Тонем! — вдруг закричал он, погружаясь по пояс в воду. Спасите!

— Да не орите же! — прикрикнул Филонов, сам уже опустившись по горло в воду и чувствуя, как бревно выскальзывает у него из-под ног. — Или вы хотите, чтобы нас подстрелили, как зайцев?

— Спасите! — продолжал орать профессор, барахтаясь в реке.

С противоположного берега раздался выстрел. Петлюровцы тоже не замедлили отозваться на профессорский вопль, и вскоре с обеих сторон началась перестрелка. Огоньки выстрелов вспыхивали слева и справа, и пули жужжали вверх, как разъяренные осы. Но тьма была настолько густой, что сама вода казалась ее продолжением. Филонов плыл, с усилием работая почти застывшими от

холода руками. Тяжелые ботинки, как гири, тянули вниз, на дно, ему казалось, что силы уже начинают ему изменять, дыхание вырывалось у него из груди каким-то свистящим хрипом. Но когда он приподымал слегка голову, тот же великолепный Сириус, свидетель давних счастливых лет, глядел на него с высоты, и в его красноватом мерцании был бодрящий намек.

«Не может быть, чтобы я утонул, — лихорадочно думал Филонов. — Не может быть... А вот бедный профессор, тот наверно... тот уже наверно...»

И когда затихла стрельба, он крикнул, приподняв над водою голову:

— Николай Андреевич! Где вы?

— реевич!.. евы!.. — подхватило днестровское эхо.

И откуда-то издалека отозвался голос профессора:

— Здесь!

«Ну, слава богу!» — подумал Филонов и еще энергичней заработал руками, выплевывая изо рта мутную днестровскую воду. Несколько раз волны покрыли его с головой, и намокшие волосы, прилипая ко лбу, закрывали ему глаза.

— Где вы? — крикнул он еще раз.

— Здесь, здесь, на отмели! — отозвался знакомый голос, теперь уже близко.

— Держите вправо, юноша! Здесь прекрасная отмель!

Через несколько минут Филонов уже стоял рядом с профессором на бессарабском берегу и, дрожа всем телом, слушал его рассказ.

— Бе-бе-бе, — говорил старичок, стуча зубами. — Бе-бе-берег... О-кака... кака. О-ка-ка-зался со-со-со... не-дадада... недалеко. Но я чуть-чуть не-уто-нул.

— Надо раз-раздеваться, Николай Андреевич! — предложил Филонов, тоже уже постукивая зубами. — Не-необходимо вы-вы-жать одежду.

В одной из ближайших канав возле лесной дороги они сняли с себя мокрое платье и, развесив его на ветвях кустарника, почти с головой зарылись в сухие листья. Так пролежали они около часа. Уже заметно светало, когда Филонов выбрался наконец из-под листьев и, прислушиваясь к раннему пению петухов, доносящемуся из недалекой молдавской деревни, предложил тронуться в дальнейший путь.

— Ох и не хочется надевать на себя эту мокрятину! — пожаловался он.

— Все это пустяки, — ответил профессор. — Ведь мы уже, юноша, в дружеской Европе... А платье пока надевать не будем: оно скорее просохнет у нас на руках.

— Кажется, я вижу европейцев, — сказал Филонов, выглядывая из кустов. И если не ошибаюсь, они ищут именно нас... Николай Андреевич! — воскликнул он внезапно в крайнем волнении. — Это солдаты!

— Румыны? Вот и прекрасно! — откликнулся профессор. — Нам вовсе не следует их опасаться. Румыны — наши друзья!

И, выйдя из кустов, профессор замахал им навстречу еще не высохшим носовым платком.

— Ну завон иси!* — закричал он, все еще размахивая платком.

Четыре солдата с ружьями наперевес и с блестящими в лучах восходящего солнца штыками медленно приближались к канаве. Длинный как жердь ефрейтор ткнул кулаком профессора в грудь.

— Че фачь аич? — заорал он. — Фиере ла дракуле!**

— Же сюи рефюжье... — начал было профессор. — Рефюжье русс...***

Но румын влепил ему в ухо такую затрещину, что бедный профессор, шатаясь, повалился на землю...

V

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно³¹⁹.

А. Пушкин

Продрогшие и избитые, они были водворены на гауптвахту пограничного румынского полка. Не скупясь на затрещины, втокнули их румынские солдаты в темную и холодную каморку с небольшим решетчатым окном, сквозь которое пробивалась пыль-

* Мы здесь! (искаж. фр. — Nous avons ici! (ошибочно), правильно — Nous sommes ici!).

** Ты что тут делаешь? ... Черт побери! (искаж. рум. — Ce faci aici? ... Fiereai la dracului!).

*** Я беженец... ... Русский беженец... (искаж. фр. — Je suis réfugié... ... Réfugié russe...).

ная полоска света. Здесь находилась уже старушка-бессарабка, обвиняемая, как это они после узнали, в продаже краденых вещей. Она все время препиралась с часовым, стоявшим у двери и что-то долго ему доказывала, переплетая в разговоре русские слова с молдаванскими и румынскими.

— Голубчики вы мои! — воскликнула она, увидев профессора и Филонова в их далеко не привлекательном виде, скорчившихся от холода в мокрой одежде. — Родненькие вы мои! И что они с вами изделали, изверги! Вы же наши, я это сразу смекнула. И где же это вы, голубки, и когда, значит, ограбили магазин?

Она уставилась на них округлившимися от любопытства глазами.

— Черномазый вот говорит, — и она кивнула в сторону часового, — быдто вы ихнего жандарма насмерть убили. Ох, чтой-то они с вами изделают?

— Но мы никакого магазина не ограбили, бабуся, — попытался было убедить старушку Филонов. — И мы никого не убили. Мы только сегодня переплыли Днестр...

— Ну, я же и говорю, аферисты, стало быть, вы. Те, значит, которые жулики на пароходах. Потому я и смекнула, что ежели, дескать, что где припрятали, так я вам завсегда помогу. А за деньги здесь в Румынии всех и каждого можно купить с потрохами. И даже дня не будете под замком. Из-под земли вас за деньги добуду.

И она протянула Филонову завернутый в газетную бумагу кусок кукурузного хлеба.

— Кушайте, голубчики, на здоровье. Да только этим, черномазым, — и она покосилась на стоявшего в дверях часового, — вы им, упаси бог, не открывайтесь. Потому будут пытать они, куда вы спрятали уворованное добро. Я так соображаю, что печенки они вам отобьют спервоначалу. А опосля зубы повыбивают. Но вы ни гу-гу — молчите. А то еще под ногти щепочки любят они загонять. Но только вы себе молчите. Потому, ежели откроетесь — непременно убьют...

Старушка оказалась бывалая и знала приличия, так как, уходя на допрос, сказала:

— Может быть, не увижу вас, горемычных, ежели в эту ночь вас повесят. Тогда простите, коли что да не так присоветовала.

И, поклонившись, добавила:

— Приятных вам сновидений!

Она уже было направилась к двери, но на пороге внезапно остановилась, кутаясь в свою старую шаль:

— Хорошо, что хоть задним числом вспомнила, извиняюсь за выражение. Ежели ненароком выкрутитесь из беды, так спросите в селе Марию Гашенко. Так, значит, я прозываюсь по имени и фамилии...

Когда она ушла, профессор, не проронивший ни слова и, казалось, с трудом переваривавший первое разочарование от знакомства с Европой, произнес наконец почти с отчаянием:

— Какой ужас! Слышали, Митенька? — он теперь называл Филонова запросто по имени. — И мне, и вам, как выразилась эта добрая женщина, могут отбить печенки. И это в стране, где жил в изгнании Овидий Назон! Но что это? — спросил он прислушиваясь.

— Это поросенок визжит, профессор.

— Поросенок?

На лице его промелькнула горестная усмешка.

— Поросенок! — повторил он, вкладывая в это слово столько благородного пренебрежения, сколько хватило бы любому оратору, чтобы поразить в самое сердце своего политического противника. — Я подозреваю, юноша, что начальству стало известно, как с нами здесь обращались солдаты, и вот, чтобы задобрить, они собираются пригласить нас на роскошный обед.

От удивления Филонов раскрыл даже рот. Подобный идеализм был теперь ему непонятен. Очевидно, профессор еще верил в Европу и то, что с ними случилось, считал каким-то недоразумением или ошибкой.

— Сначала избили, — продолжал он, — а теперь, вероятно, хотят задобрить... Но я буду протестовать, юноша! — воскликнул он со сверкающим взглядом. — Я подам петицию министру народного просвещения!

Дверь отворилась как раз в тот момент, когда он собирался обратиться с петицией к румынскому королю. Опять тот же ефрейтор и три солдата вошли в камеру, гремя на пороге оружием.

— Айда! — коротко приказал ефрейтор и ткнул профессора носком сапога в то именно место, которое не принято называть в печати. Один из солдат ружейным прикладом подтолкнул в свою очередь Филонова.

— Что же это такое? — спросил профессор, когда оба они очутились на грязном казарменном дворе. — Как вы думаете? Что они с нами собираются делать?

Но Филонов и сам был взволнован не меньше его и потому ответил почти безотчетно:

— Вероятно, начнут с печенок...

Солдаты повели их через двор к небольшому одноэтажному флигелю, упирая им в спину широкие румынские штыки.

— Айда! Айда! — покрикивал ефрейтор, шедший несколько в стороне.

Грустные мысли роились в уме Филонова. Одна из них неотступно преследовала его: он думал о щепочках, которые, по словам сердобольной старушки, «любить загонять под ногти». «А только вы беспрерывно молчите», — вспоминались ему ее наставления. Увы, он не был уверен в себе. Сможет ли он молчать? Не заорет ли он на весь двор, если они и впрямь загонят под ногти щепочки?.. Мысли его были прерваны душераздирающим криком, раздавшимся как раз из того флигеля, куда их теперь вели.

— Что это? — шепнул профессор, хватая его за руку и вдруг меняясь в лице.

— Пустяки! — сказал Филонов, пытаясь ободрить себя самого. — Просто кому-нибудь... небольшие щепочки. Вот и все...

Но солдаты уже подталкивали их в открытую дверь. В то же самое время из дверей выводили наружу молодого парня с окровавленным лицом. Они вошли в просторную комнату и остановились перед большим письменным столом, за которым сидел плешивый румынский майор, напудренный и подкрашенный, как молоденькая «домнишора»*, с прической, приглаженной так тщательно, будто ее вылизало стадо коров.

— Садитесь, пажалюста! — обратился он к арестованным по-русски и жестом отпустил караул.

Несколько минут он перебирал на столе кипу служебных бумаг и, вытащив из общей груды нужную ему бумагу, взглянул на профессора исподлобья своими холодными, как у гадюки, глазами.

— Я вас уже узнавал, — произнес он внушительным тоном. — Ви рюски большевик. Ви присланы из Петрограда.

— Но ведь это же чудовищное недоразумение! — воскликнул профессор. — Мы едем в Европу. В Париж...

Офицер усмехнулся, сверкнув золотыми коронками.

— Ви должны сознаваться.

* Барышня (искаж. рум. — domnișoară).

Он позвонил в ручной колокольчик, стоявший перед ним на столе, и сладко зевнул. Справа открылась дверь, пропустившая в комнату одетого в военную форму широкоплечего верзилу. Лицо его, явно дегенеративного типа, казалось сонным и даже немного задумчивым. Продолговатый шрам на щеке придавал ему выражение неугасимой жестокости.

— Не хотите познакомиться с этим маладым шеловеком, — угрожающе произнес майор. — Он может из вас наделать котлетки.

Губы майора снова pokrивились золотою усмешкой.

«Да, этот может», — подумал Филонов, взглянув на верзилу.

— Ви подумайте до завтра, — сказал майор. — Отдохните себе спокойно, а потом будете сознаваться...

Он вызвал караул, который отвел арестованных обратно в темную камеру. Вскоре после их возвращения от майора принесли убогий обед, состоявший из куска черного хлеба и мамалыги. Вооружившись деревянными ложками сомнительной чистоты, они сосредоточенно принялись за еду. Профессор первый нарушил молчание.

— Я плохо разбираюсь во всех этих канцелярских делах, Митенька, — сказал он, облизывая ложку. — Но вы ведь юрист. Вы изучаете право. Что дало повод румыну заподозрить в наших особах приезжих большевиков?

— Вероятно, он просто берет нас на испуг, этот румынский майор, — сказал Филонов, подумав. — А может быть, разговор с ним был только прелюдией к дальнейшему допросу с пристрастием.

Профессор положил ложку на край табурета.

— Допрос с пристрастием? Как понимать это, мой юный друг?

— Но ведь вы же сами видели человека со шрамом, — ответил Филонов, пожав плечами. — Вот он и будет допрашивать с пристрастием. Все произойдет по намеченной заранее программе, как ее правильно изложила нам сострадательная старушка. Начнут, вероятно, с печенок...

— Митенька! — воскликнул профессор в невыразимом волнении. — Не может быть, чтобы в Европе... подобным образом... так зверски!

Но Филонова уже выводило из себя его неумное прекраснодушие.

— Вы видели того детину? Того, что у майора? — спросил он, разгорячившись. — Разве он похож на культурного европейца? Разве, вышибая вам зубы, он будет испытывать чувство раскаяния или смущения?

— Вышибая зубы... — повторил профессор, ощупывая рукой подбородок. — У меня, к счастью, искусственные. И все-таки мне не хотелось бы их потерять... И какой вообще ужас все, что вы говорите! Но я не могу... Не могу этому верить!

Он прошелся несколько раз по камере, мелькнув на стене неуклюжей тенью с торчащей в бок бородкой, как изображали апостолов на старинных иконах. Потом он опустился на ворох соломы и, подперев щеку ладонью, задумался. Надо сказать, что и Филонов, быть может впервые, задумался над собственной жизнью. И не только над тем, что его ожидало еще впереди, а так, вообще, обо всем.

«Зачем было уходить из России, — думал он, прислушиваясь к размеренным шагам часового, — убегать от петлюровцев, чтобы бесславно погибнуть в застенках румынской сигуранцы?»

Вся вычитанная из книг, вся приукрашенная русскими барынями, Европа осыпалась, как одуванчик от первого ветерка, повеявшего сквозь окошко румынской тюрьмы. Был жестокий двадцатый век, эпоха спекуляций и грандиозных афер. И только Россия одна... Да, только Россия искала новых путей... Он так ясно увидел дядюшкин кабинет и его самого в кожаном кресле...

— Кажется, мой юный друг, — прервал профессор ход его мыслей, — кажется, у меня разыгрывается грандиозное расстройство желудка. Так обычно бывает со мной при всяких душевных волнениях. Но как объяснить этому трюглотиту?

И он постучал в дверь кулаком. Вошедший низкорослый солдат скорей по привычке, нежели по злобе, наградил профессора очередным подзатыльником и, произнеся неизменное «айда!», вывел его на прогулку...

В тот вечер они оба долго не могли уснуть, ворочаясь на соломе и поеживаясь от холода, каждый находясь под бременем неутешных мыслей, мелькавших, как на экране кино; тяжелое предчувствие сжимало сердце Филонова — страшное лицо со шрамом рисовалось в воспаленном мозгу. Наконец он уснул, как бы провалился в небытие, из которого вернул его к действительности чужезычный громкий разговор. Потом в этот разговор вплелась русская речь.

— Вставайте, Митенька! — окликнул его профессор чрезвычайно взволнованным голосом. — Вставайте! За нами пришли!

— Кто пришел? Я не хочу! — заупрямился спросонья Филонов. И открыл глаза...

По камере ходили солдаты, бряцая оружием, — их было человек семь. Знакомый ефрейтор торопил профессора, спешно напяливавшего на себя еще не совсем просохшее платье. Филонов быстро стал одеваться, невпопад, вместо рубашки, стараясь насунуть на голову штаны.

— Фиере ла дракуле! — ругался ефрейтор.

— Дорогой друг! — произнес профессор с печальной торжественностью. — Кажется, настала наша последняя минута. Наша последняя заря.

Он обнял своего молодого друга и чуть-чуть всхлипнул, весь дрожа, как в ознобе.

— Куда нас ведут? — спросил Филонов, все еще зевая спросонок.

— На расстрел, Митенька, — ответил профессор помертвевшими губами. — Разве вы не видите? Уже заряжают ружья...

Солдаты и впрямь вставляли обоймы, щелкая затворами. Они вывели арестованных на ночной двор, побелевший в сиянии полной луны. Был тот глухой час ночи, когда вся природа погружается в глубокий сон. И только коты, раздирая воздух голосами майнридовских сиуксов*, путешествовали по казарменным крышам.

— Однако здесь чем-то пахнет, — сказал профессор.

Филонов невольно зажал пальцами нос. Вонь была такой нестерпимой, словно нечистоты всего мира расплескали вокруг верст на десять.

— Митенька! — шепнул профессор. — Осталось мало времени, и я хотел бы вам сказать... перед смертью. У меня там, в Харькове, во дворе дома номер триста пятнадцать на улице Тараса Шевченко... Там зарыта в цветнике драгоценная рукопись — продукт моей тридцатилетней работы: «Исследование о торичеллиевой пустоте». Я хотел бы, чтобы она не пропала для будущих поколений. И вот, если вы случайно останетесь в живых... То, пожалуйста, не забудьте.

Но его уже душили рыдания.

— Я не забуду, профессор, — произнес Филонов, тронутый его задушевым голосом. — Но только вряд ли они меня пощадят...

— Айда! — прикрикнул ефрейтор.

Они подошли к высокой каменной стене, утыканной наверху блестящими в лунных лучах осколками битого стекла. Здесь им приказали остановиться.

* индейцев (от названия группы племен сиу).

— Почему нам не завязали глаза? — успел еще шепнуть профессор.

Но все внимание Филонова сосредоточилось теперь на другом. Какие-то люди, одетые в лохмотья, тянули по земле длинный змееподобный шланг и, опустив его в черную яму, подошли к стоявшей несколько поодаль продолговатой бочке. Двое из них ухватились за молотообразную ручку и принялись ритмически ее раскачивать вверх-вниз, ругаясь при этом по-молдавански. Кто-то сунул ему и профессору в руки по деревянной бадье и, подталкивая в спину, подвел вплотную к разверстой яме.

— Чего они от нас хотят? Я не понимаю, юноша.

Но Филонову было уже все совершенно ясно.

— Что же это такое? — недоумевающее переспросил профессор, не забывая, однако, зажимать пальцами нос.

— Что это такое? — воскликнул Филонов с горькой усмешкой. — Это оно! Руно! Это золотое руно, профессор... И вот мы его наконец нашли...

VI

Две недели спустя после описанных в предыдущей главе событий румынские пограничники передали наших путешественников в руки кишиневской сигуранцы. Это древнее учреждение — детище Нерона и Калигулы, прабабушка будущего гестапо и родная сестра бывшей царской охраны — пользовалось как в самой Румынии, так и за ее пределами громкой и вполне заслуженной славой. Когда-нибудь, в идиллический век всеобщего мира и благоденствия, счастливое человечество будет читать старинную рукопись окривевшего на один глаз летописца... В ней оно много не поймет. Сигуранца... Кому из наших потомков будет знакомо это слово? Кто поймет его жуткий смысл в те блаженные времена, когда, по словам поэта, «все небо будет в алмазах...» Да, все небо в алмазах... Даже дух захватывает от такой астрономической перспективы... Но предоставим событиям развиваться своим чередом.

— Так вот он какой, Кишинев! — думал Филонов, глядя с высоты телеги на заснеженные улицы незнакомого ему южного города. Сидевший рядом с ним румынский жандарм изредка и, очевидно, со скуки, награждал его подзатыльниками и ругался на языке Кая Юлия Цезаря. Профессор молчал, кутаясь в свою истрепавшуюся в тюрьме

накидку, и взор его безучастно скользил по побелевшим крышам кишиневских домов, над которыми с криком кружились галки. Только один раз, когда телега проезжала через круглую городскую площадь, он как будто вышел на миг из своего тягостного оцепенения:

— Вы только взгляните, юноша! — воскликнул он, указывая рукой на маячивший в стороне памятник. — Они отвинтили голову Пушкину!

Действительно, статуя великого русского поэта стояла без головы. В таком виде она напоминала рождественского гуся, насаженного на вертеле.

— Они и нам отвинтят, — угрюмо отозвался Филонов после минутного молчания. — Если не постеснялись Пушкину, то нам и подавно отвинтят...

Профессор только грустно вздохнул. Телега между тем свернула в темный проулок и остановилась перед большим серым зданием, у ворот которого стояли часовые. Пинком ноги жандарм подтолкнул Филонова и поспешно прыгнул на мостовую. Потом, приняв сугубо свирепый вид, он прикрикнул на замешкавшегося на телеге профессора. Железные ворота захлопнулись за ними, как огромные металлические челюсти. Окоченевших от холода, их сразу повели на допрос, поторапливая отборной бранью и, очевидно, считая их крупными государственными преступниками.

— Эх, не надо было убежать! — сказал профессор, когда они шли длинным коридором к какой-то таинственной и страшной двери. — Не надо было уходить из России. Только теперь я понял. Европа! Только теперь я ее понял вполне.

Но страшная дверь уже отворилась, и они очутились в просторной комнате с коврами и мягкими креслами, более похожей на салон преуспевающего парикмахера, нежели на комнату допросов.

— Садитесь, пожалуйста! — предупредительно обратился к ним молодой человек, одетый в темно-серый костюм щегольского покроя и говоривший по-русски безо всякого акцента. Кто из вас Чухоткин?

— Чухоткин — это я, — ответил профессор.

— Из Петрограда?

— Нет. Из Харькова.

— Гм... Из Харькова...

И следователь провел ладонью по своей выхоленной черной бороде.

— Вы, конечно, большевик. И вы, как нам известно, прибыли сюда с целью осуществить покушение на жизнь главы государства. Да, да, не отпирайтесь... это вам не поможет, — произнес он скороговоркой, заметив протестующий жест профессора. — Только чистосердечное признание может сохранить вам жизнь.

— Но ведь это же... Это же...

И профессор захлебнулся от негодования.

— А иначе вам не миновать виселицы, — добавил следователь, искоса взглянув также и на Филонова. — Ну, так как же? Сознаетесь ли вы в задуманном преступлении?

— Мы хотели в Париж... — начал было профессор.

Но следователь не дал ему договорить до конца. Лицо его вдруг приняло холодное выражение, и он хлопнул в ладоши. В комнату вошли два добрых молодца, одетых в штатское платье, и выжидательно остановились у двери. Следователь произнес несколько слов по-румынски и, повернувшись к профессору, спросил:

— Вы поняли, что я им сказал?

— Нет, к сожалению, не понял.

— Я им приказал допросить вас немедленно и... одним словом, не доводить вас до потери сознания. А то они, знаете ли, иногда усердствуют чересчур. Приходится ждать неделю, пока арестованный придет наконец в себя... Ну, пока!

И он помахал на прощание рукой, как бы напутствуя в дорогу. Их повели куда-то вниз по крутой железной лестнице, освещенной тусклой электрической лампочкой, хотя на дворе был еще день. Затем их втолкнули в полутемный подвал, где не было никакой мебели, кроме стоявшего в углу табурета. Один из агентов сигуранцы зажег свечу, а второй принялся молча расшнуровывать профессорские ботинки. На Филонова пока что не обращали внимания.

— Погодите! — возмутился профессор. — Что вы делаете, господа? Босой я могу простудиться!

— Сейчас мы вас согреем, — сказал сигуранщик, у которого левый глаз слегка косил, и поднес к обнаженной пятке свечу. Профессор взвыл не своим голосом.

— Признавайтесь, что вы большевик! — прикрикнул на него косоглазый.

— Нет, нет! Я не... То-есть я — да! Впрочем, нет, нет! — воскликнул профессор, пытаясь в то же время вырваться из рук своего мучителя.

— Да или нет? — угрожающе спросил агент, придвигая пламя свечи.

Только теперь Филонов окончательно понял, что именно им предстоит испытать.

— Они вас будут запугивать! — произнес он взволнованным шепотом. — Не поддавайтесь! Вспомните старушку... и щепочки!

— Ой, ой! — закричал профессор. — Нет, нет! Впрочем, сознаюсь! Я — большевик!

— Вы приехали из Петрограда, — настаивал агент.

— Нет, неправда! То есть да! Ой, ой! Из Петрограда!

— И вы собирались убить короля.

Филонов хотел было снова что-то сказать, но второй агент грубо зажал ему рот.

— Собирались или не собирались вы убить короля?

— Нет... Кажется, нет! — почти умоляюще воскликнул профессор. — Я никого не хотел... Ой, да, да! Хотел, хотел! И именно короля!

Агент задул свечу и повернулся лицом к Филонову.

— Все ясно, — сказал косоглазый.

— Вы, конечно, были его соучастником.

— Простите, я вас не совсем понимаю.

— Вы вместе с ним хотели убить короля?

— Чепуха. Никого мы не хотели убить.

— Не хотели? Сейчас мы это узнаем!

Подойдя к табурету, агент взял лежавший на нем молоток и обратился к своему компаньону по-молдавски. Потом Филонов увидел в его руке пучок мелких щепочек с заостренными концами.

— Ну, так как же? Хотели вы убить короля?

— Да, да, мы собирались, — поспешил признаться Филонов, не отрывая взгляда от щепочек.

Агент вытянул из пучка тонкую щепочку и испробовал ее острие на ладони.

— Вы только собирались?

— Да нет же! Мы хотели! — воскликнул Филонов испуганно.

— Ну, хорошо, — самодовольно ухмыльнулся мучитель.

— Вы, значит, хотели убить короля.

— Теперь расскажите нам все по порядку. Когда и как вы хотели его убить?

Мысль Филонова спешила наметить план будущего цареубийства, собственно, королеубийства... Хотя он точно еще не знал, как

вообще принято убивать королей. Из револьвера? Кинжалом? Но у них не было ни того ни другого. И самое главное, щепочки — лихорадочно соображал он. Надо налгать все, что угодно, лишь бы извернуться на время, чтобы не загоняли под ногти... Да, да, — это самое главное...

— Будете наконец говорить? — нетерпеливо закричал сигуранщик.

— Мы его камнем хотели, — запутывался все больше Филонов. — Камнем из-за угла. Мы должны были выехать в Бухарест... и там его, короля, значит, камнем или бутылкой по голове. Винной... или не винной... Точно не помню. Вообще, как придется... Подробности мы решили разработать на месте.

«Боже мой, что я только наговорил», — с ужасом подумал Филонов.

— Подробности вы сообщите следователю, — угрюмо заключил агент. — А теперь айда за мной!

Через несколько минут друзья очутились в большом грязном зале среди десятков арестованных — русских, молдаван и румын. Вместо коек на полу были разбросаны охапки истлевшей соломы, на которой лежали или сидели бледные, изнуренные люди. Друзья заковыляли в ближайший угол и остановились там, оглядываясь по сторонам.

— Митенька! — сказал профессор, все еще находившийся под впечатлением пытки. — Мы с вами окончательно погибли. Они нас убьют. И знаете? Я думаю, что со мной они поступят как с Галилеем.

— При чем тут Галилей? — удивился Филонов.

— Как так при чем? Ведь Галилей тоже был физиком...

Было ясно, что старик находился в полном расстройстве чувств. Он стоял на одной ноге, Филонов уже собирался было возразить, что Галилей жил в эпоху святейшей инквизиции и что теперь, слава богу, двадцатый век, но в это время к ним подошел молодой человек с головой, забинтованной грязными тряпками, и остановился вблизи, прислушиваясь к их разговору.

— Вы рушшки? — спросил он. — Я тоже рушшки. Но мне выбли вшше жжубы и я нмгу гворртть...

И он грустно усмехнулся беззубым ртом.

— Ах так! Вы тоже русский? — понял наконец Филонов. — За что же это они вас избили?

— Я хотел бжжать в Рошшию.

— Он хотел бежать в Россию, — пояснил Филонов профессору. — И вот, посмотрите, как они его за это отделали.

Внезапно в зале водворилась мертвая тишина, постепенно, как в жутком сне, нарастали звуки приближающихся шагов. В дверях показалась толстая фигура, одетая в форму румынского жандарма и похожая издали на перетянутую поясом тыкву. Черные, заплывшие жиром носорожьи глаза на совершенно багровом лице перебегали по сторонам, разглядывая арестованных. Шаги продолжали мерно стучать по деревянному полу, все ближе и ближе... и внезапно остановились. И тогда весь зал взвыл протяжными голосами. Только профессор и Филонов стояли молча, еще не понимая того, что творилось вокруг.

— Плачьте! Плачьте! — шептал им стоявший поблизости старый еврей. — Он любит, чтоб плакали.

Но друзья продолжали молчать, недоуменно оглядываясь вокруг. Жандарм, очевидно, сразу заметил необычную брешь в этом знакомом ему концерте, так как прямо направился в сторону вокального прорыва.

— Плачьте! Плачьте! — продолжал шептать старик-еврей, дергая попеременно за рукава то одного из них, то другого.

И тут же сам заскулил жалобным голосом. Весь зал уже плакал навзрыд. Особенно старался молодой человек с выбитыми зубами: он тянул почти иступленно протяжную ноту: «У-у-у!» Филонов осторожно скосил глаза. В двух шагах от него, уставив руки в бока, стоял грозный жандарм. На его красном, еще более побагровевшем лице чередовались оттенки гнева и изумления. Профессор тоже взглянул на жандарма и, стоя на одной ноге, пытался удержать равновесие. Рыдания в толпе еще более усилились. Вдруг жандарм размахнулся и ударил Филонова по лицу. С той же поразительной быстротой он вlepил затрещину профессору. Потом, разбежавшись немного, он пнул его сапогом и выругался сразу порумынски. Наконец он извлек из кармана исписанный лист бумаги и принялся выкрикивать фамилии арестованных. В зале опять водворилась мертвая тишина.

— Петреску! — кричал жандарм. — Троянеску!

И в ответ раздавалось поспешное: «Ев! ев!»

— Фулонь! — вызвал жандарм.

Но никто не откликнулся.

— Фулонь! — взревел он, свирепо нахмутив брови.

— Митенька! — шепнул профессор, уже поднявшись с пола. — Он, кажется, вас вызывает.

Тогда Филонов выступил немного вперед и сказал:

— Это я.

Лицо жандарма стало темней кирпича. Черные усы поднялись вверх, как две сцепившихся пиявки.

— Ты, русский свинь! — заорал он почти в исступлении.

Вслед за этим жандармская рука, похожая на лапу гориллы, ухватила Филонова за волосы и отбросила его в угол.

— Фиере ла дракуле! — выругался жандарм.

Попутно он ткнул сапогом в живот стоявшего поблизости старика-еврея, и тот опустился на пол, скорчившись от боли. Жандарм снова поглядел в список.

— Чахот... — запнулся он. — Чахотка!

— Это почти что я! — поспешно отозвался профессор. — Потому что моя фамилия Чухоткин Николай Андреевич из Харькова... профессор физико-математического...

Оплеуха прервала его объяснения молниеносно. Расправившись еще кое с кем из присутствовавших, жандарм наконец удался.

— Ах, почему вы не плакали! — укорял старый еврей, все еще держась рукой за живот. — Ведь он мог убить вас на месте, как мушку... как мошку... Как какую-нибудь букашку или таракашку. Это такой погромщик, каких свет не видал! Я, знаете, сам из Одессы и, можно сказать, одессит на корню... то есть корневой одессит, но, ей-богу, даже у петлюровцев не видел таких башибузуков, холера ему в живот! И пусть его супруге молоко бросится в самую голову!

Старик на секунду умолк и, как бы что-то вспомнив, добавил:

— Чтoб его деток золотуха разъела до самых костей!

Усевшись в углу на соломе, друзья некоторое время молчали, подавленные и угнетенные всем только что пережитым. Уже то, что их обвиняли в покушении на жизнь короля, не сулило им ничего доброго. И кто знает, что их ожидало еще впереди. Разглядывая собственную руку, словно удивляясь, что ему до сих пор не загнали под ногти щепочек, Филонов наконец произнес:

— Как видно, предсказания нашей старушки начинают сбываться. Единственно, что могло бы еще нас спасти — это деньги.

Но где их взять? В лучшем случае мы заживо сгнием в этом застенке... А то и просто повесят...

— Погодите! — прервал его профессор. — Я только теперь вспомнил... И как я только мог позабыть? Но сколько, по вашему мнению, нужно? То есть, чтобы выйти из этой проклятой тюрьмы...

— Почем я знаю? — нехотя ответил Филонов. — Все зависит от аппетитов наших тюремщиков. Однако, к чему, Николай Андреевич, строить воздушные замки? Денег все равно у нас нет и не будет.

— В том-то и дело, что у меня, мой друг, кое-что есть, — совсем неожиданно признался профессор. — Я было совсем забыл... И если бы вы не напомнили... Есть небольшая сумма, которую я давно уже припрятал на покупку физических приборов. Вот только не знаю, хватит ли нам...

— Деньги? — оживился Филонов. — У вас есть деньги?

— Да, сто рублей золотом. Я их сберег еще с давних времен. Они защиты в пальто, под подкладкой.

— Николай Андреевич! Ведь мы же спасены! — радостно воскликнул Филонов. — Надо только немедленно дать знать нашей старушке. А уж она... Вы помните, она говорила, что в Румынии за деньги можно купить кого угодно и что угодно? Уж она-то нас вызволит, будьте уверены! Но как ее известить? Впрочем, ведь кого-нибудь да отпустят на волю. Надо только немного терпения.

В ту ночь Филонову снился родной приднепровский город и будто его первая любовь Оленька взяла его за руку и вывела из тюрьмы на свободу.

— Погляди, как здесь привольно! — сказала она и радостно рассмеялась. Она прижалась к его лицу щекой. Она нежно шептала ему слова утешения, а он, как тысячи таких же несчастных на нашей убогой планете, радостно улыбался во сне... Профессор тоже спал безмятежно: ему снилась торичеллиева пустота...

VII

Прошло несколько недель, пока наконец представилась возможность передать старушке записку и деньги: уходил на свободу старик-еврей и пообещал немедленно выполнить поручение.

— И не благодарите! — замахал он руками. — Это долг каждого порядочного коммерсанта. Ведь я же знаю, какой здесь ад. Ой, кажется, у меня отбиты печенки! Но я сначала разыщу вашу благородную бабушку и только потом слягу в больницу. А за деньги тоже не беспокойтесь, я ей передам три ваших золотых без всяких процентов...

Солнечная и шумная начиналась бессарабская весна. По ночам, стоя у золотоносной бочки, друзья слушали радостные крики перелетных птиц, летевших на север, туда, где в муках рождалась новая жизнь. А на рассвете у решетчатого тюремного окошка воробьи устраивали грандиозные митинги и, утверждая свое воробьиное бытие, кричали, как оглашенные: «Жив! Жив!..» В один из таких солнечных мартовских дней у дверей, как обычно, возник грозный жандарм и, не обращая внимания на стенания и вопли арестованных, поманил пальцем профессора. Филонов, однако, подошел первым, прикрывая лицо руками. Профессор последовал за ним, не преминув снять предварительно очки. Но с жандармом, очевидно, произошло чудо: он вежливо козырнул и даже произнес: «Пофтим, домнуле»*, указывая в то же время на дверь. В коридоре он поддержал рукой споткнувшегося профессора, хотя тот и пытался вырваться из его объятий, истолковав этот вежливый жест по-своему. Всего более поразил наших друзей следовательно, он встретил их приторно-любезной улыбкой.

— Ага! Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста! Мы рассмотрели ваше дело и выяснили, что произошла досадная ошибка. Одним словом, недоразумение. Но вы свободны, господа. Внизу в канцелярии вам выдадут все документы и разрешение на право жительства в Румынии. Но почему вы не курите? Курите, прошу вас! — И он раскрыл свой массивный серебряный портсигар.

Когда, пятясь спиной к двери, друзья наконец вышли от следователя и уже одни, без жандарма, направились к выходу, профессор остановился и, оглядываясь по сторонам, спросил:

— Что это значит, Митенька? Можете ли вы объяснить?

— Могу, — ответил Филонов. — Начинает действовать русское золото.

Во дворе их приветствовала знакомая старушка, бросившаяся к ним навстречу с радостным криком.

* Прощу, господин (*искаж. рум.* — *poftim, domnule*).

— Родненькие вы мои! Слава богу, ослобонились! Соколики вы мои! Да как же это вы еще тогда не открылись, что у вас есть монеты? За такие червонцы я бы уже давно вытащила вас из беды... Одначе пойдем в чайный трактир. Вон туда, насупротив... В самой раз выпить теперь горячего чайку.

В трактире за стаканом чая, показавшимся Филонову божественным напитком, старушка принялась подробно рассказывать.

— Тому главному, который, значит, выпытывает, франту то-ись этому, паршивцу, дала я три тысячи лей. Извергу толстому жан-дарму ткнула в зубы тысячу. Осталось у мене еще восемьсот семьдесят лей.

И она принялась развязывать грязную тряпку.

— Какие там счета, бабуся! — отмахнулся профессор. Вот вам еще за ваши труды.

Он протянул ей золотую монету. Старушка поблагодарила и спрятала деньги куда-то под юбки. (У нее, очевидно, было несколько денежных кладовых.)

— Ну, а вы сами что же? — спросила она. — Дальше подадитесь куда, али здесь останетесь промышлять?

— Во Францию поедем, бабуся. В Париж, — ответил Филонов. — Мне вот надо учиться.

— Да зачем вам еще учиться? — удивилась старушка. — Сразу видно, что люди ученые. Ведь вот какие деньги себе добываете! Разве необученный такие деньги добудет? Как я полагаю, вы по банковской части работаете, тоись по слесарному делу.

— Митенька, — внезапно воскликнул профессор, передавая Филонову лежавшую на столе румынскую газету. — Здесь что-то написано о Петлюре. Не пойму только что.

— Это про того... про разбойника, — сказала старушка. — Слышать, большевики уже гайку ему закрутили.

— Не может быть! — удивился профессор. — Кто же теперь охраняет границу?

— Они и охраняют. Большевики. Народ нынче так и валит на большевистскую сторону. Кабы не румынская стража, так, почитай, вся бы Бессарабия тронулась с места. Потому большевики, слышать, простому народу никакой беды не творять. И даже наоборот, они за народное дело воюют.

Профессор задумался. Его исхудавшее лицо с разросшейся, как куст, тюремно-патриархальной бородой неожиданно просветлело.

— Довольно! Хватит! Хватит с меня Европы! Вернемся, пока не поздно, на родину.

Филонов поглядел на него с удивлением.

— Да, да! На родину! Там наше место, Митенька, а не здесь, среди румын и всяких французов. Я, может быть, еще десять лет буду вспоминать сигуранцу.

— Но, Николай Андреевич! — возразил наконец Филонов. — Будем говорить откровенно. Ведь это вы сами сулили в Европе золотые горы и призывали меня на поиски золотого руна.

— Да, сулил! А теперь не сулю! Я ничего теперь не сулю! — горячился профессор. — Вы уж как хотите, юноша, но я уеду домой. Я здесь не останусь ни за какие коврижки. Бабуся мне несомненно поможет... Вы поможете мне, бабуся?

— А отчего и не помочь доброму человеку? — согласилась старушка. — Знаю я здесь одного, который по ночам перевозит. Черта и того не боится. А уж лютый такой, что и себе самого может зарезать. Две тысячи с морды берет, извиняюсь за выражение. Потому что скотов перевозит — свиней и коров. С вас, значит, тоже не меньше возьмет. Ну, а мне за труды тыщенку дадите.

— Николай Андреевич! — опомнился, наконец, Филонов. — Вы это серьезно? Действительно собираетесь уехать назад, в Россию?

— Самым серьезным образом, Митенька. Раз там нет петлюровцев, то и мне незачем дольше сидеть в Европе. И вам я тоже советую вернуться. Поверьте мне — всюду в Европе одно и то же. О, как я в ней разуверился. Как я ее теперь ненавижу!

Но Филонов не был склонен возвращаться назад. Злой рок увлекал его все дальше, навстречу новым испытаниям и новым невзгодам. Ему было стыдно вернуться ни с чем домой. Как, например, он встретится с дядюшкой? Что он скажет ему? Ведь старик так верил в него, так надеялся, что он здесь чего-то достигнет... Нет, нельзя обмануть дядюшкиных ожиданий... И этот ложный стыд, эта роковая ошибка повлекли за собой неисчислимые беды, навсегда изменив всю его дальнейшую жизнь.

— Жаль, очень жаль, — сказал профессор, когда Филонов сообщил ему о принятом им решении.

— Я вас искренно полюбил, юноша. И мы ведь друзья, не правда ли? Но раз уж вы так решили, то ничего не поделаешь, придется нам, очевидно, расстаться. Надеюсь, вы не обидитесь, если я вам по-дружески предложу два золотых? Берите, берите, юноша! — настаивал он. — Деньги вам всегда пригодятся...

Они выпили еще два полных чайника чая, и только тогда профессор поднялся из-за стола.

— Ну, не поминайте лихом! — сказал он, пожимая руку Филонову. — Не знаю, увидимся ли мы с вами когда-нибудь. Во всяком случае, напишите мне в Харьков... Адрес простой: физико-математический факультет — мне.

Старушка тоже сердечно простилась с ним и надавала ему кучу советов.

— Смотрите, не попадитесь там у этих французов, — советовала она. — А коли попадетесь, не признавайтесь, что вы в банках работаете. Лучше наврите им что угодно, но только про банки — молчите.

Минуту спустя Филонов, задержавшийся на время в трактире, подошел к солнечному окну и, прикрывая глаза ладонью, взглянул на улицу. Черная крылатка профессора еще виднелась на тротуаре, а рядом с ней покачивалась старушка, размахивая на ходу руками. Миг — и обе фигуры исчезли из виду, растаяв за углом длинного дома. Филонов вздохнул. Теперь он был совсем одинок в чужой и непонятной Европе.

Часть II ЖИЗНЬ НАИЗНАНКУ

IV*

Через несколько дней меня выпустили на свободу, снабдив каким-то временным паспортом, весьма смахивающим на «волчий билет», и посоветовали обратиться за помощью в эмигрантскую организацию Земгор. Здесь было нечто вроде штаб-квартиры русских со-

* В последних главах части I и в начальных главах части II повествуется, как в результате различных перипетий герой романа перебирается из Румынии в Прагу, где снимает квартиру у художника Лаптева. Далее в романе Федоров рисует картину жизни русской эмиграции.

циалистов-революционеров, откармливающихся в Праге после Константинополей и Берлинов.

В Земгоре мне действительно выдали десять талонов на бесплатные обеды, предупредив, однако, что больше не дадут, и обещали починить в собственной мастерской развалившиеся ботинки. После всех этих оказанных и обещанных щедрот я уселся наконец в просторной столовой за покрытым чистой скатертью обеденным столом. Зал постепенно наполнялся посетителями. Входили мужчины и женщины, девушки и молодые люди, иногда появлялись целые семьи с детьми и даже няньками, вывезенными из России. В некоторых углах зала намечались отдельные группы особо упитанных и прилично одетых людей; там пили водку и, побрякивая, закусывали. Иногда слышалась французская речь — это щебетали на заре русской эмиграции декольтированные жар-птицы, те самые, которые впоследствии... Но не будем забегать вперед. Быть может, недели, которые я провел под звездным небом Румынии и Венгрии и на этапах в тюрьме среди простых и бесхитростных людей, несколько изменили направление моих мыслей, я почувствовал себя здесь совершенно одиноким и лишним. И все же, занявшись борщом, я продолжал наблюдать за всем, что происходило вокруг. По залу пронесся глухой шепот, как от налетевшего ветра, и вслед за этим среди столов и стульев появилась фигура седенького старичка с румяным, словно выкрашенным охрой, лицом и тщательно подстриженной, но уже неживой бородкой. Кто-то шепнул рядом:

— Это он сам! Это он!

Старичок юрко поворачивал голову и раскланивался направо и налево. Что-то вроде банта болталось у него под кадыком и делало его похожим на пятилетнего мальчика, загримированного для потехи под старичка. И тотчас же к нему подошли мужчины и дамы, и было слышно, как они его уговаривают:

— Нет, нет, вы обязаны прочитать на нашем вечере. Вы так красиво пишете! Так красиво!

И вдруг я узнал старичка. Это был третьеразрядный мелкий литератор, из тех, что писали любовь с большой буквы и всю жизнь проболтались где-то на задворках русской литературы. И теперь здесь, в глухой эмигрантской провинции, он вдруг ожил и превратился в литературного льва... Но уже входили новые лица — некоторые еще в военной форме, хотя и без погон — некоторые в до-

вольно поношенных статских костюмах, с измятыми лицами и не свежими воротничками. Наиболее видные эсеры держались сторонкой, как бы подчеркивая свое привилегированное положение в стране, именовавшейся демократической республикой; они принимали сыпавшиеся на них хозяйские дары так же естественно, как принимает корм домашняя птица. Здесь, за границей, они несомненно стали домашними, хотя петушились еще для вида. Пообедав, я вышел в коридор и занялся чтением объявлений, развешанных на стене пестрыми рядами. О чем только здесь не писали! «Продается поношенное пальто», «Мама откликнись — я и Саша в Египте, пиши по адресу...», «Кают-компания моряков-черноморцев устраивает танцевальный вечер», «Ищу дешевую комнату на окраине Праги», «Инженер Петров разыскивает жену Надежду. Надя, вернись», «Стираю и глажу белье по умеренным ценам», «Продаю новый фрак»...

— Если продаешь фрак, то напиши хотя бы цену, — произнес вдруг кто-то рядом со мной.

Я обернулся. Это был небольшого роста круглолицый и полный человек лет около сорока, одетый не то под русского купчика, не то под коммивояжера. Его серые летние брюки были заправлены в голенища высоких сапог, а из-под пиджака виднелся расшитый ворот русской рубашки. Представить себе во фраке такую фигуру было весьма затруднительно. Вероятно, во фраке он походил бы на божью коровку, собирающуюся взлететь. Я не мог скрыть улыбки.

— Да нет, не для себя, — пояснил он, махнув рукой. — Для нашего актера хочу купить.

И вдруг с той же непринужденностью, с какой заговорил перед этим о фраке, он ошеломил меня неожиданным вопросом:

— А вы сами, извиняюсь, вы сами, например, играете на балайке?

С таким же успехом он мог спросить меня, умею ли я плавать и катаюсь ли я на коньках.

— В детстве, конечно, — сказал я растерянно. — Когда еще мальчишкой.

— Ну, понятно, понятно. А что, извиняюсь, играете?

— Да нет, вы меня не так поняли. Какая это игра! «Во саду да в огороде» и один старинный вальс — это же пустяки.

— Дорогой мой, ни слова! Больше двух номеров мне и не надо. «Во саду да в огороде» и один старинный вальс — этого будет вполне достаточно.

Я удивленно взглянул на него.

— Я вам предлагаю двадцать крон в день и ночлег, — произнес он деловым тоном. — Извиняюсь, будете жить, как барон. А воздух провинции! А девочки!

Он выразительно прищелкнул языком. Потом он снял шляпу и обмахнул небольшую лысину величиной с древний пятак.

— Ну, так как же? Согласны?

— Право, не знаю. Я только недавно приехал в Прагу и даже не успел еще как следует осмотреться.

— Что здесь осматриваться? — возразил от почти удивленно. — Город как город. Дым, извиняюсь, и бензинная копоть. А харчи здешние нельзя и сравнить. Вот, например, бифштекс. Не вру — полкилограмма. Мы так наедаемся за обедом, что спим, извиняюсь, до вечернего представления.

Признаюсь, упоминание о бифштексе несколько поколебало мое решение.

— Ну, хорошо, — сказал я, подумав. — Дайте свой адрес, и я вам, может быть, напишу.

— Наш адрес? — и он вдруг искренно расхохотался. — Наш адрес — это вроде солдатской песни: «По морям, по долам, нынче здесь, а завтра там». Кроме того, извиняюсь, через час с четвертью едет наш поезд.

Он так и сказал «наш поезд», словно был заранее уверен, что я не устою перед бифштексом. И он оказался прав. Ровно через час с четвертью мы уже мчались в скором поезде навстречу новой судьбе. Опять поля, перелески и телеграфные столбы побежали мимо окна, но на этот раз уже назад, в только что оставленную Прагу, еще дымившуюся на горизонте догорающим гигантским костром.

«Да и не все ли равно, куда ехать? — думал я под грохот колес. — Ведь все это временно. Подкормлюсь в провинции и потом снова в далекий путь».

И уже не еловые перелески рисовались мне на краю горизонта, а асфальтированные мостовые Парижа.

Моего нового знакомого, режиссера и директора русского театра «Синяя птица», звали Яков Борисович Павловский. В поезде он неустанно расхваливал достоинства своей труппы.

— Колоссальный успех! — говорил он, раскуривая сигару. — Публика ревет от восторга. Извиняюсь, но жена одного адвоката

ездила за нами чуть ли не по пятам. Едва отвязалась. А дочка местного богача-пивовара, так та прямо-таки влюбилась в нашего баритона Никольского. И как влюбилась! Я, говорит, без вас жить не могу. И если бы была поблизости река, я бы, говорит, непременно в ней утопилась.

Так незаметно, в разговоре (причем говорил больше Павловский), прошло три часа, наконец мы вышли на небольшой станции, расположенной на краю леса. В стеклянном воздухе, где каждый звук явственно доносился издалека, чувствовалось легкое дыхание осени, березы едва пожелтели, но на осинах великий художник — природа уже раскрасила листву яркими красками. Мы свернули на лесную тропинку.

— Где же город? — спросил я Павловского.

— Какой город?

— Ну, город, в котором вы собираетесь играть.

— Кто же теперь, извиняюсь, играет в городе?

Он посмотрел на меня с искренним изумлением.

— Ведь дело идет к осени, дорогой мой. Сейчас, во-первых, начнут резать гусей. А где, извиняюсь, можете вы кушать гусятину? Только в деревенской гостинице. Вот мы и играем теперь исключительно в деревнях. А когда начнут колоть свиней и коптить колбасы, переедем поближе к усадьбам.

Против такой логики трудно было что-нибудь возразить. Мы шли лесом, где свет и тени создавали волшебную панораму, красноголовый дятел побежал вверх по стволу сосны, цепляясь за кору когтистыми лапами, потом с докторским видом он выстукал и выслушал старое дерево и, очевидно поставив диагноз, перепорхнул на другое. У него был необычайный, сказочно-райский вид и кричал он тоже по-райски — пронзительно, как может присниться только во сне. Сразу за лесом открылось село: игрушечный костел в гуще столетних лип с замшелой группой каменных святых перед ним, а дальше над черепичными крышами живые четки ласточек, усеявших телеграфные провода, две рябых свиньи подслеповато, по-профессорски, уткнулись в обрывок газеты, валявшейся на дороге.

«Вот она, глухая провинция», — подумал я, проходя мимо кузницы.

Вскоре мы уже были на деревенской площади и остановились у гостиницы, носившей название «В кругу друзей». Сам хозяин

гостиницы с лицом и затылком Минотавра стоял на пороге, держа в руке приготовленного на казнь старого петуха, который, несмотря на горделиво-гусарский вид и шпоры, испуганно бился в мохнатой лапе своего повелителя.

— А все-таки поймал, — произнес Павловский, обращаясь ко мне. — Вчера мы, извиняюсь, вместе ловили, но все не давался в руки.

Разговаривая, мы поднялись по скрипучей деревянной лестнице на верхний этаж и остановились в полутемном коридоре. Лицо режиссера вдруг стало задумчиво-грустным.

— Сейчас, извиняюсь, я познакомлю вас с моей супругой.

Он легонько постучал в дверь. Но отклика не последовало.

— Спит еще, — заключил Павловский. — Должно быть, плотно покушала.

Он постучал чуть-чуть громче.

— Лида, отвори! Это я!

И тогда послышался зевок, ничуть не похожий на звуки золотой арфы.

— Ты помаду и крем купил? — спросил из-за двери заспанный голос.

Вслед за этим дверь приоткрылась. Все еще зевая, появилась в дверной раме довольно-таки пригожая женщина лет около тридцати, в ночном пеньюаре, усеянном цветочками и рассыпавшимися по плечам каштановыми волосами. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не полнота. По своим формам — это была гитара. Но гитара, звучавшая мандолиной.

— А ты тесемки купил? — спросила она, все еще не замечая меня и продолжая зевать.

— Тесемки? Ах, да, тесемки!

— Я спрашиваю у тебя по-русски — купил ты тесемки или забыл опять?

— Извиняюсь, тесемки забыл, — произнес режиссер упавшим голосом.

— О чем же ты думал, дурак? Ведь у меня перед всей публикой могут свалиться на сцене...

Но тут она вдруг заметила меня. Слегка вскрикнув, она быстро запахнула свой пеньюар, закрывая то, о чем я уже с восхищением подумал: «Вот это да!»

— Лида, познакомься... Новый актер, — сказал Павловский, представляя меня. — Виртуоз на балалайке. Господин Харитонов.

Я поклонился.

— Вы меня простите, господин Харитонов, — сказала жена режиссера, сразу преобразившись в любезную даму. — Здесь, в деревне, мы не особенно соблюдаем туалеты. Но, пожалуйста, войдите. Яшенька! — обратилась она к мужу как ни в чем не бывало. — Господин Харитонов, наверно, проголодался в дороге. Вели хозяину подать нам закуску. Не правда ли, вы проголодались, господин Харитонов? — спросила она меня с трогательным участием.

Что я мог на это ответить? Не мог же я ей признаться, что проголодаваюсь уже много недель подряд, еще со времен кошицкого ареста, что земгородский обед был только прелюдией к настоящей симфонии желудка, что петуха я могу съесть сам в одиночку, шутя.

— Да нет, не особенно, — ответил я из приличия.

— Не говорите, не верю — возразила она. — Я никуда не ездила и все же проголодалась. Здесь, в деревне, у нас у всех замечательный аппетит. Я не сомневаюсь, что и ваш аппетит здесь улучшится.

«Ну, если мой аппетит здесь улучшится, — подумал я про себя, — то двадцати крон в день мне не хватит».

Вскоре появился хозяин. Он поставил на стол обильную закуску — домашнюю ветчину и нарезанную кружочками колбасу, вареные яйца и масло.

— Кушайте, пожалуйста! — пригласила меня режиссерша.

Но меня, в сущности, и не надо было приглашать. Одно только я опасался: как бы не подавиться. Я глотал, как аист.

— Чай мы обыкновенно пьем всем ансамблем, — сказала режиссерша, подкладывая мне на тарелку ломтики ветчины. — Через десять минут соберется здесь вся наша труппа.

Когда наконец первая волна голода была успокоена, я смог оглядеться по сторонам. Комната выглядела так, как будто бы в этом краю только что произошло землетрясение. На раскрытой и неубранной постели вместе с принадлежностями дамского туалета, со шпильками, папильотками и коробкой пудры, лежала платяная щетка и лакированная туфелька, задравшая вверх свой высокий каблук. Вторая туфелька робко выглядывала из-под подушки. Мужская сорочка небесно-голубого цвета впрыгнула на спинку стула, стоявшего у постели, и, повиснув в воздухе, протягивала к нам свои

встревоженные рукава; на подоконнике в невольном соседстве очутились столовый нож, рюмка недопитого коньяку и дамский чулок. Но в открытое окно, где вечерний ветерок чуть надувал занавески, виднелись лиловые холмы и сверкало на солнце окно далекой избушки, приближался тихий, сельский вечер.

— Можно войти, Лидия Ивановна?

Высокий господин с выбритыми до синевы щеками и с лицом, на котором самой замечательной деталью был орлиный нос, уже входил в комнату, как-то особенно, по театральному, откинув назад голову.

— Выспались, Владимир Николаевич? — встретила его режиссерша.

— Н-да! Часов пять отмахал. Эта свинина с хреном, что подавали сегодня к обеду, действует не хуже снотворного. Но где же наша балерина?

— Сначала познакомьтесь... — И режиссерша представила меня: — Господин Харитонов. Виртуоз на русской балалайке.

Знаменитый певец (я уже догадался, что это он) небрежно кивнул в мою сторону.

— Но вы мне не ответили, где же балерина? — продолжал он, явно игнорируя мою особу.

— Сегодня утром она мне жаловалась на расстройство желудка, — сказала режиссерша, ставя на спиртовку огромный никелированный чайник.

— Как это так — расстройство желудка? — всполошился вдруг молчавший до сих пор Павловский. — Извиняюсь, но это же, ей-богу, форменный скандал. Билеты распроданы все до единого и вдруг, извиняюсь, расстройство желудка.

Лидия Ивановна взглянула на мужа.

— Яша, заткнись! — сказала она.

— Нет, не заткнусь... То есть я не согласен, — возразил режиссер. — Извиняюсь, но я ее оштрафую на семьдесят крон.

— Никого ты не оштрафуешь, — уже заметно сердясь, ответила его супруга. — И вообще, заткнись!

Неизвестно, чем бы закончилась домашняя сцена, если бы в эту минуту не появилась на пороге сама балерина — Ольга Петровна Никулина-Бельская.

— Голубушка! — воскликнул режиссер и даже как-то особенно взмахнул руками. — Ольга Петровна! Извиняюсь, но вы меня про-

сто убили. Ведь вы же знаете, что вам нельзя кушать ничего жирного. И как раз теперь, когда такие хорошие сборы.

Я потихоньку рассматривал Ольгу Петровну, которая стояла прямо и гордо, как королева в кругу своих придворных. Не надо было быть большим психологом, чтобы угадать, какое место занимает она в труппе. Позже я узнал, что она служила когда-то цирковой танцовщицей в знаменитом цирке «Чинизелли», а в труппе Павловского была единственной профессиональной актрисой. Но, боже мой, что сделало с ней время! Только ярко-пунцовые губы и тщательно завитые, несомненно крашенные, волосы создавали, хотя бы издали, иллюзию тридцатилетней женщины. Вблизи же была совсем другая картина. Единственным ее несомненным достоинством был неугасимый темперамент и маленькие ножки, легко, как в танце, передвигающиеся по комнате. Кроме того, она щеголяла, даже не сознавая сама этого, великолепным одесским жаргоном.

— Голубушка, Ольга Петровна! — продолжал умолять режиссер. — Ну, если не можете гопака, то хотя бы, извиняюсь, боярский танец. Ведь это же не танец, а так себе прогулка по сцене с платочком в руке.

— Да вы что, смеетесь со мене, Яков Борисович? — воскликнула балерина, сверкнув на режиссера своими черными глазами. — Я не то, что танцевать, я и ходить разучилась. У мене все нутро переворачивается от спазмов, а он... хочет, чтобы я танцевала.

— Ольга Петровна, знакомьтесь. Наш новый актер. — И режиссерша указала на меня чайной ложечкой, которую держала в руке.

— Очень приятно познакомиться лично, — сказала балерина. — Но, боже мой, ведь это же еще совсем мальчик!

Она вдруг расхохоталась, обнажив слишком ровные и белые зубы.

— Сколько вам лет, дитя мое? — спросила она игриво.

— Осенью исполнится двадцать пять лет, — ответил я, почему-то краснея.

— Двадцать пять! — произнесла она мечтательно. — Мене в вашем возрасте сватал один богатый помещик. Но я ему наотрез отказала. Он потом застрелился из левольверта в гостинице «Метрополь»...

Постепенно разговор стал общим. Говорили о сегодняшнем спектакле, о жареной гусиной печенке, о том, что Лидия Ивановна исполнит впервые русскую песню «Не брани меня, родная», и о качестве черного пива. Но я уже не слушал того, о чем они говорили. Прихлебывая чай (кажется, уже четвертую чашку), я старался разрешить мысленно два возникших в уме вопроса: кто эта старушка, что вошла незаметно в комнату и теперь скромно в уголке пила чай, наливая его по старинке в блюдечко, и еще, и еще один неотвязный вопрос, а именно, что получится из моей игры на балалайке. На первый вопрос, однако, я получил ответ скорее, чем ожидал.

— Еще чайку, княгиня? — спросила вдруг Лидия Ивановна, обращаясь к старушке.

Так вот оно что! Княгиня! Было и на самом деле нечто породистое в облике этой ярко нарумяненной старушонки.

— Же ву при, ма шер!* — сказала она, подавая свою чашку.

Но что здесь могла делать княгиня? И как попал этот последний отпрыск княжеской фамилии в глухую чешскую провинцию? На все эти вопросы я получил ответ гораздо позже. Теперь же я думал с тревогой о том скандале, который может разыграться на сцене, когда я попытаюсь что-либо сыграть. Между тем вставали из-за стола. Павловский взглянул на часы.

— Извиняюсь, господа, — сказал он. — До спектакля еще остается два часа. Каждый может провести время, как ему угодно. Но ровно в половине восьмого прошу весь ансамбль собраться за кулисами.

Мне захотелось пройтись по селу, и я вышел на улицу. Уже вечерело. Над черепичными кровлями деревенских строений облака и заходящее солнце создавали впечатление далекого пожара. Я направился в сторону костела, наполовину скрытого густыми деревьями, и вскоре очутился у серой каменной стены сельского кладбища. Войдя в калитку, жалобно заскрипевшую на ржавых петлях, я очутился среди могил и крестов, сухих венков, порывевших от времени фотографий и той особой кладбищенской тишины, какая невольно располагает к раздумью.

Зачем беспокоиться о спектакле? — подумал я, идя по аллее, где изумрудная зелень на обвалившихся могилах напоминала «траву

* Пожалуйста, моя дорогая! (искаж. фр. — Je vous pris, ma chère!).

забвенья», воспетую автором «Руслана и Людмилы». Все исчезнет, и я, и вся наша труппа, через пятьдесят лет на моем собственном могильном холмике вырастет тоже «травка забвенья». И этот Рудольф Новотный, чья золоченая надпись на черном мраморе гласит о дне преждевременной смерти, и он когда-то жил, как и я, беспокоился, радовался и работал — и вот он не дожил до сегодняшнего дня, хотя мог дожить даже до сегодняшнего спектакля. А я доживу до сегодняшнего спектакля... Уже через полтора часа доживу. И надо будет что-то сыграть... что-то на балалайке. Может быть, покойный Новотный тоже танцевал когда-то старинные вальсы, — продолжал я думать, остановившись у чугунной решетки. Например, старинный вальс, который я должен буду сегодня сыграть.

Мне даже показалось, что Новотный чуть-чуть усмехается с выцветшей фотографии.

«Вот он, который сегодня сыграет на балалайке», — казалось, шептали его губы.

Мраморный ангел над одинокой могилой распростер розовые крылья, словно случилось чудо и он действительно слетел с небес на грешную землю. Но чудес не бывает, чудесам я не верил с детства, хотя и подумал втайне: ах, если бы и впрямь случилось чудо, если бы я вспомнил внезапно все, что когда-то играл! Например, польку... например, ту, что об ангеле... «Пойдем, пойдем, ангел милый, пойдем польку танцевать». Ну, хорошо, — попытался я себя успокоить. — Утро вечера мудренее. И вдруг сообразил, что в этой русской поговорке нет никакого смысла: ведь играть-то мне на балалайке сегодня вечером, а не завтра утром.

V

Все уже собрались за кулисами, когда я вошел в предоставленный нам для спектакля спортивный зал общества «Сокол», где у входа сидела режиссерша Лидия Ивановна в кокошнике и русском сарафане, она продавала билеты. Павловский нетерпеливо помахал мне рукой.

— Вот вам сапоги, рубашка и шаровары. Переоденьтесь поскорей и настройте балалайку. На ней, извиняюсь, не играли уже очень давно.

В артистической уборной, перед большим зеркалом, я преобразил себя в деревенского малого, у которого ворот рубашки мог

вместить еще две лишних шеи, а сапоги напоминали сказочного кота в сапогах.

— Губки накрасьте, мой милый, — сказала мне проходившая к себе в уборную балерина. — Или, давайте, я вам их накрашу сама.

Она вынула из сумочки цветную помаду.

— Щеки вам тоже надо накрасить. Вот так. А теперь хорошо. Здесь не в моде интересная бледность мужчины, — пояснила она. При этом слегка меня ущипнула.

Теперь на меня глядел из зеркала довольно-таки разухабистый парень с губами цыганского типа, и если бы вообще не спектакль...

Но в зале уже с шумом усаживалась публика и раздались звуки рояля. Я подошел к кулисе и посмотрел в круглую дырочку: старушка-княгиня что-то наяривала на рояле, пробегая рукой по клавишам с проворством стоножки. Так вот оно что! Старушка, оказывается, тоже причастна к искусству. Потом я осмотрел балалайку. Она действительно была покрыта пылью, и я ее вытер боярским камзолом, оказавшимся под рукой. Я попытался ее настроить. Но как, черт побери, должна звучать первая струна? Ля-ля — трень — трень... Ага, кажется, вот так... И вдруг все у меня похолодело. Я не мог вспомнить начало вальса. Вместо этого я почему-то вспомнил и тут же сыграл одесскую песенку «Папа, мама, что я буду делать...» Но нельзя ведь с подобной песенкой выступать перед публикой. И как на зло, вслед за этой я вспомнил и сыграл другую песенку, и тоже одесскую: «Он мимо меня ехал и ручку не подал». Эта уже совсем не годилась для сцены. Потом как будто что-то блеснуло в памяти, но когда я начал играть, то и это оказалось не для широкой публики: «Алеша-ша, возьми полтоном ниже...» Я был в отчаянии.

— Господин Филимонов, приготовьтесь!

В дверях появилась фигура Арлекина, в котором я с трудом узнал режиссера.

— Ваш номер будет первым. Вы, извиняюсь, своей музыкой создадите подходящее настроение.

И он внезапно исчез. В зале раздались аплодисменты — Павловский вышел на сцену.

— Дорогие друзья! — обратился он к публике.

Я не все понял из того, что он говорил, мастерски перемешав русский язык с чешским. Но, в общем, его речь сводилась к следующему:

— Дорогие друзья! Братья славяне! Проездом в Прагу мы решили остановиться в вашем прекрасном селе. Мы покажем вам, извиняюсь, русское искусство. Сейчас перед вами выступит господин Филимонов, солист знаменитого оркестра Андреева. Кроме того, артист императорской оперы и балета господин Никольский споет вам оперные арии и романсы. Но гвоздем нашего ансамбля, его, так сказать, столпом является прима-балерина одесской оперы госпожа Никулина-Бельская...

Он долго еще говорил в этом же духе, так как у Лидии Ивановны лопнули снова тесемки и она приказала супругу продлить речь, поскольку это будет возможно. Наконец в зале снова раздались аплодисменты, и Арлекин, то есть Павловский, схватил меня порывисто за руку.

— Идите, идите! — подгонял он. — Стул стоит вправо. Смотрите только не споткнитесь о рампу. Какой-то дурак, извиняюсь, приколотил там дощечку.

Но я, конечно, споткнулся и, чтобы удержать равновесие, сделал вид, что танцую. Публика встретила этот маневр дружными аплодисментами. Все еще подтанцовывая, я наконец с облегчением опустился на стул. В руках я сжимал балалайку и все не знал, что я с ней буду делать. И когда наконец я немного пришел в себя, то внезапно увидел в первом ряду кресел, прямо перед собой знакомый мундир с блестящими медными пуговицами. Это был деревенский жандарм и рядом с ним, на стуле, его расплывшаяся, как тесто, супруга. Первым моим побуждением было желание немедленно удрать за кулисы. Мне не хотелось снова плести корзины, а после моей игры эта перспектива казалась почти неизбежной.

— Играйте же! Играйте! — прошипел режиссер из-за кулисы.

Машинально я ударил по струнам. Сначала это был хаос звуков, непонятных даже мне самому, пока наконец я не сообразил, что играю «Пойдем, пойдем, ангел милый, пойдем польку танцевать». Все-таки ангел помог — мелькнуло в уме. Потом с отчаянием утопающего я перешел на «Алешу-ша» и, уже расхрабрившись, вплеl в эту симфонию «Он мимо меня ехал и ручку не подал». Шатаясь, я поднялся со стула и уныло раскланялся. Зал разразился громом аплодисментов. Тогда я снова сел, как человек приговоренный к электрическому креслу. И тут я вспомнил начало старинного вальса, вспомнил, должно быть, под влиянием страха, так как

все еще продолжал глядеть на жандарма. Я заиграл вальс с тем чувством облегчения, с каким пилигрим поет торжественный псалом, завидев издали давно жданный оазис.

— Дорогой мой, извиняюсь, но вы сыграли как бог! — встретил меня Павловский, когда я вернулся со сцены. — Ваше попури из русских народных песен было великолепно.

Итак, все закончилось для меня лучше, чем я ожидал. Теперь, когда я уже «отбыл» свой номер, можно было подумать о многих посторонних вещах. Сознаюсь, я подумал прежде всего об ожидавшем нас после спектакля ужине и жареном петухе, петухов-то я вообще не ел уже очень давно... Надо будет заказать к нему кружку пива... Лидия Ивановна, которая, очевидно, справилась с тесемками, собиралась уже к выходу. Из своего угла я мог наблюдать всю сцену и видел, как старушка-княгиня, сидя внизу у рояля, перелистала почти все ноты и потом взглянула куда-то вверх. Наконец показалась Лидия Ивановна. Княгиня заиграла прелюдию к русской народной песне. Можно было ожидать, что у Лидии Ивановны сильный и необработанный голос. Но то, что я услышал, совершенно перевернуло вверх дном все мои представления о вокальном искусстве. Лидия Ивановна слабо запищала, и запищала тоненьким голоском, напомнившим мне «умирающих чертиков», что продавались на ярмарках. Это несоответствие голоса и фигуры казалось почти чудесным. Пропищав две-три песенки и сорвав несколько скорее сострадательных, чем поощрительных хлопков, она спокойно и почти величественно ушла за кулисы. После нее пел Никольский. Он сразу заревел таким голосом, что сидевшая в передних креслах расфуфыренная в пух и прах лавочница заткнула руками уши.

— Сатана там правит бал, — ревел Никольский.

Лицо его от натуги стало почти лиловым, глаза блуждали по залу, разыскивая и отмечая хорошеньких женщин. И когда наконец какая-либо деревенская красавица нравилась ему более других, он вперял в нее свои немного навывкате бараньи глаза и ревел особенно громко.

— Он царит над всей вселенной, — кричал во всю мочь Никольский.

И действительно царил. Успех у женщин был несомненный. Они визжали, бросали ему на сцену цветы, а он снисходительно раскланивался, прижимая к груди правую руку. Но самым замеча-

тельным событием этого вечера было выступление балерины Ольги Петровны. К счастью, желудочные спазмы у нее прошли, и я ждал с нетерпением ее выхода на сцену. Павловский почти торжественно заявил публике, что знаменитая балерина Никулина-Бельская, ученица Павловой и Кшесинской, исполнит сейчас бессмертный танец Сен-Санса «Умиравший лебедь». Я увидел, как она шла на сцену мимо кулис, тяжело отдуваясь и стянутая, как оса, корсетом. Но это еще не был лебедь. Это была скорее цапля. Только глаза на бледном и замазанном белилами потном лице горели неугасимым огнем.

— Ох, Митенька, я умру! — вздохнула она, впервые называя меня просто по имени. — У мене уже не фатаить дыхания!

Но на сцену она выпорхнула легко и воздушно, с искусственно радостной улыбкой, обнажившей белоснежные зубы, старушкякнягиня особенно старательно ударила по клавишам, и Ольга Петровна поплыла по сцене, вдруг превратившись в белого лебедя. Когда наконец она «умерла», грациозно склонив набок голову, мы с Павловским торопливо задернули занавес. Публика бесновалась и стучала в экстазе ногами.

— Рому! — коротко приказала Ольга Петровна, с трудом поднимаясь на ноги.

Я недоуменно взглянул на Павловского. Но он уже сам достал из-за кулисы приготовленную, очевидно, заранее бутылку и, налив чайный стакан рому, осторожно, боясь расплескать, подал его балерине. Она выпила его залпом и по-мужски утерлась рукавом своей лебединой накидки. Потом, раздвинув рукой занавес, она вышла раскланяться. Зал загремел от новых рукоплесканий.

— Не теряйте времени, — бросил мне на ходу Павловский. — Переодевайтесь в сибирского бродягу. Сейчас мы споем вместе с Никольским несколько песен.

— Но ведь я не пою, Яков Борисович. У меня нет никакого голоса.

— Пустяки! — сказал он нетерпеливо. — Как-нибудь споете. Вон там, в углу, тряпье и старая папаха. Да только вместо сапог наденьте лапти, они тоже лежат вместе с тряпьем.

Когда я оделся и лихо сдвинул на затылок папаху, когда наконец режиссер прицепил мне черную бороду и дал в руки увесистую дубинку, я вдруг увидел в зеркале моего незабвенного учителя

ля, обучавшего меня в кошицком арестантском доме плетению корзин. Но уже подходил Никольский, которого я узнал только по длинному носу. Рыжие усы свешивались у него вниз, как у Тараса Бульбы, а в правой руке он держал заржавленное ружье. Режиссера трудно было узнать. Со своим вздернутым носом и рыжим париком он походил скорее на выгнанного из цирка клоуна.

— Споем то, что всем нам известно, — распоряжался Никольский. — Например, «Накинув плащ».

Когда раздвинулся занавес, мы уже сидели вокруг костра на фоне дремучего леса, предназначенного, очевидно, для детской сказки, так как в углу виднелась избушка на курьих ножках и плетень, увешанный человеческими черепами. Вдобавок по чьей-то оплошности глазные впадины у черепов зажглись ярким багровым светом. Мы нестройно затянули «Накинув плащ». У режиссера неожиданно обнаружился сильный драматический тенор, который при полном отсутствии слуха у его обладателя грозил сбить нас с тона в самом начале.

— Да что, да что, да что же вы поете? — заревел Никольский, следуя, однако, размеру и темпу песни. И продолжал как ни в чем не бывало: — К ее окну прильну в тиши ночной...

Но Яков Борисович, казалось, весь отдавался охватившему его музыкальному экстазу.

— Не разбужу я песней удалою, — пел он, подымаясь на недосягаемую для наших голосов высоту и, вероятно, сам удивляясь, куда он заехал.

— Я здесь пою так тихо, так смиренно, — взревел вдруг Никольский, стараясь, очевидно, заглушить режиссера и как-то спасти положение.

— Лишь для того, чтоб услышала ты, — подхватывали мы с Яковом Борисовичем.

Публика снисходительно наградила нас несколькими хлопками.

— Что же вы пели, черт вас возьми? — накинулся Никольский на режиссера, когда мы очутились за кулисами. — Ведь вы же обещали мне никогда не раскрывать рта. Помните? В Будейовицах вы мне обещали.

— Но я же, извиняюсь, пел в четверть голоса, — оправдывался Яков Борисович. — Я не думал, что выйдет так громко.

— Вы не думали! Вы вообще не думаете!

Продолжая спорить, они в то же время размазывали по лицу вазелин и вытирались затем невероятно грязным «театральным» полотенцем.

— А вы, господин студент, — обратился вдруг ко мне Никольский. — Вы вообще пищали, как комар. Но здесь вам не университет и не лекции. Запомните это. Здесь люди хлеб себе зарабатывают искусством. Да, искусством, — повторил он, — в поте лица.

Я не счел нужным ему отвечать. Ведь и я вспотел во время спектакля. И кроме того, в затхлом воздухе театральных кулис, среди запахов грима и плесени я уже улавливал (или это только чудилось мне?) другой манящий запах... Это был запах жаренного на сковороде петуха.

[1947, 1958]

Почерк судьбы:

Павел Петрович Лыжин

Павел Петрович Лыжин. Поэт, художник, переводчик. Просто талантливый человек. Затерянное на путях эмиграции, почти забытое имя. О нем, хотя и не только о нем, мой рассказ.

Как всплыло это имя из забвения?

...Рига, осень 1981 года. Я в гостях у Татьяны Данииловны Клименко, бывшей актрисы, поэтессы, дочери поэта Даниила Ратгауза, на стихи которого писали музыку Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Гречанинов, Глиэр и другие. Татьяна Данииловна рассказывает мне о своей жизни, о встречах со знаменитыми людьми... Мы рассматриваем альбом с автографами и я — случайно ли? — обращаю внимание на красивый ясный почерк и подпись: «П. Лыжин».

— Кто это? — спрашиваю.

Павел Петрович Лыжин. Однажды я попросила его написать мне что-нибудь в альбом. Он быстро написал этот экспромт. Замечательный человек, поэт и художник и, между прочим, очень нравился женщинам. Жил в Праге. Кажется, преподавал что-то, еще в 1960-е годы как будто уехал к брату во Францию, а что с ним стало потом, я уже не знаю, хотя... быть может, о его судьбе что-то знает Екатерина Александровна Максимович, дочь известного историка А.А. Кизеветтера. Павел Петрович часто гостил в их семье. Екатерина Александровна живет в Праге... Вот только адреса ее я, увы, не знаю.

Отчего-то этот неизвестный Лыжин с неясной судьбой, но с ясным и твердым почерком заинтересовал меня.

Адрес Екатерины Александровны Максимович я узнал у поэтессы Эмилии Кирилловны Чегринцевой... Я написал ей и вскоре получил такую вот открытку:

Очень, очень рада буду с Вами познакомиться. Позвоните мне, когда будете в Праге, чтобы сговориться, когда сможете ко мне прийти. Номер телефона...

С сердечным приветом

Е. Максимович

Я смог приехать в Прагу только в марте 1986 года. Звоню по указанному телефону, и мне рады, меня ждут в гости. Екатерина Александровна живет в кооперативном доме, который в эмигрантской среде зовется домом «У трех жуликов» (из-за отчаянного воровства при его строительстве). В этом доме жили когда-то лидер партии эсеров В.М. Чернов, писатель Е.Н. Чириков, профессор А.А. Кизеветтер и еще многие известные персоны русской эмиграции.

Дверь открыла дама с веселым, живым взглядом. Что-то знакомое в ее облике? Арбатская, — нет, совсем не старушка! Староарбатская, старомосковская? Москвичка, если так можно сказать.

По-старомосковски радушна и проста, сразу же предлагает «гречневой каши с дороги». Потом пьем старомосковский крепкий чай, и Екатерина Александровна простым и прекрасным русским языком без затей рассказывает про очень-очень непростую свою жизнь: про высылку Кизеветтера из России, про его последние дни, про события, расколовшие ее (и многих русских) судьбу надвое.

Разговор перешел и на другое, и на других — говорили про графиню С.В. Панину, Бориса Евреинова. Я попросил Екатерину Александровну рассказать о Павле Лыжине.

Лыжин? Это была художественная натура. Высокий, стройный блондин. Он был обаятельным и общительным. Рассказывал увлекательно, при этом обнаруживая чудный, душевный голос, остроумие, ум, талантливость. Умел передать до тонкости виденное. Чувствовалась огромная начитанность, разнообразие знаний. Он покорял сердца не только женщин, но и мужчины невольно симпатизировали ему. Папа очень любил, когда Лыжин, Лебедев, Федоров приходили к нам в гости. Лыжин был даровитым художником. У него был зоркий глаз. Его шаржи и карикатуры были талантливо исполнены. Окончил Русский юридический факультет в Праге. Преподавал. У него был брат Юрий. В шестидесятые уехал в Париж к брату, где и умер. Здесь в сундуке хранятся рукописи его стихов и рисунки, — те, что он дарил мне. А еще он очень много переводил, так как знал несколько языков. Помогите мне. Снимите все, что лежит сверху. Хочу вам показать его личный архив.

И вскоре на столе появляется внушительная кипа книг, рукописей, бумаг.

Вот книга переводов французских поэтов «Перепевы», отпечатанная собственноручно Лыжиным на множительном аппарате в 1947 году в Праге.

Вот стихи Лыжина, написанные печатными буквами и сопровождаемые рисунками автора.

А вот фотография П.П. Лыжина послевоенных лет. Очень прямой, очень сухой, высоколобый господин скандинавского склада. Насмешливый и, кажется, чуть высокомерный прищур — викинг! — конечно же он должен был нравиться женщинам.

И еще фотографии, письма, записки...

Но! — ни одного документа, из которого можно было бы почерпнуть хоть какие-нибудь биографические сведения!

Екатерина Александровна была столь добра, что в следующий мой визит к ней подарила мне все эти дорогие ее памяти материалы с надеждой и напутствием — опубликовать хотя бы часть из них.

Но фигура и образ Лыжина были для меня еще слишком неопределенны. Не хватало фактов, событий, оценок. Надо было искать.

Однако кого бы я ни спрашивал теперь о Лыжине — ничего нового не открывалось. Так, слухи и случайные впечатления. Меня же интересовали факты! Где и когда родился? Кто родители? Как жил и выживал в революционном разломе? Пришлось, как всегда архивисту и биографу, по крупицам восстанавливать жизненный путь П.П. Лыжина.

Я начал свой поиск с пражского архива Русского юридического факультета... Удалось установить, что Павел Петрович Лыжин родился 21 февраля 1896 года в Петербурге в семье адвоката (в 1910 году — присяжного поверенного), гласного Санкт-Петербургской городской думы Петра Павловича Лыжина (1862–1927). Петербургский адрес Лыжиных: Малая Морская, 6, затем — Кирочная, 18.

Семейство Лыжиных было очень известно в кругах интеллигенции. Достаточно сказать, что поэтесса и переводчица Т.Л. Щепкина-Куперник и В.В. Розанов были в числе друзей дома. Старший Лыжин был весьма неординарный человек. Если заглянуть в 72-й том «Литературного наследства», посвященный Горькому и Леониду Андрееву, то на страницах 419–420 рассказывается, что Л. Андреев за предоставление своей квартиры для заседания ЦК РСДРП (9 февраля 1905 года) был арестован. В списке лиц, привлеченных Московским губернским жандармским управлением в качестве обвиняемых по ст. 126 Уголовного уложения значится помощник присяжного поверенного Л.Н. Андреев со следующим разъяснением: «Мера пресечения и место нахождения обвиняемого — денежное поручительство в 10 000 руб. На даче Лыжина на Черной речке Выборгской губернии. 1905 г. февраль 25»³²⁰.

Кроме того, именно старший Лыжин помогал Леониду Андрееву в выборе места для строительства его знаменитой дачи в деревне Вамельсуу, что на Черной речке.

Вернемся, однако, к младшему Лыжину. В 1915 году он окончил тринадцатую петроградскую гимназию и поступил на юридический факультет Петроградского университета. Но уже через год во время призыва студентов в армию был принят в Михайловское артиллерийское училище. Воевал на Северо-Западном фронте, пережил газовую атаку, что впоследствии сказалось на его здоровье.

Вернувшись в Петроград, Павел Лыжин начал было учебу на экономическом отделении Политехнического института. Но в 1918 году часть России, где жили Лыжины и Леонид Андреев, отошла к Финляндии. Так они оказались в эмиграции. Павел с младшим братом Юрием (1900–1964) волею обстоятельств стали домашними учителями в семье Л. Андреева, учили языкам его детей — Веру, Савву, Валентина.

В январе 1923 года братья переезжают в Прагу, где чешское правительство способствовало русским в получении образования (так называемая «Русская акция»). Они вместе учатся на Русском юридическом факультете, слушают лекции знаменитых профессоров П.И. Новгородцева, А.А. Кизеветтера, С.В. Завадского, Е.Ф. Шмурло и других.

После окончания факультета Павел, владевший несколькими языками, преподает французский язык в пражском Французском институте (основанном Эрнесто Дени) и русский язык в Школе иностранных языков. Кроме того, он преподает языки в Народной школе им. Т. Масарика в городе Градец-Кралове. Круг его общения чрезвычайно широк. Среди его знакомых — геолог Д.Н. Андрусов, юристы Д.Д. и И.Д. Гримы, историк А.А. Кизеветтер, поэт Д.М. Ратгауз и его дочь Татьяна и другие «русские пражане».

Лыжин, как и многие из них, посещает литературные собрания.

Он влюблен в Прагу, в город, где, говорят, сам Казанова служил библиотекарем и где Моцарт впервые представил публике своего «Дон Жуана», где жили и творили А. Дворжак и Ф. Кафка. Здесь, в извилинных улочках, среди «венецианских» построек, уютно выкрашенных в пастельные и охристые тона, ему легко ходилось, дышалось, легко писалось. Здесь родились все его рассказы, юморески, стихи. А еще он переводил французских и немецких поэтов, рисовал...

Творчество его очень часто было обращено к России, к русским братьям по перу. Он посвящал свои стихи В.В. Розанову и С.М. Волконскому. Его произведения иногда появлялись в газете «Россия и славянство».

В 1934 году П.П. Лыжин женился на учительнице Людмиле Руттевой (урожденной Тесаржовой) и как будто обрел покой. Брат Юрий еще до войны уехал в Париж, где женился на танцовщице Елене Александ-

ровне Полушиной. Судьбы братьев на долгие годы разошлись. Только в 1950-е годы им удалось свидеться. Дважды Павел Петрович был во Франции. В третий раз, уже после смерти жены, П.П. Лыжин должен был ехать в Париж на похороны брата. Стоя на Карловом мосту, любуясь силуэтом Пражского Града, Павел Петрович еще не знал, что навсегда прощался с городом. Уезжая, он доверил архив и рукописи дочери своего учителя А.А. Кизеветтера — Екатерине Александровне Максимович. (Окончательное решение остаться во Франции он примет уже в Париже. В Прагу больше не приедет.)

Но что с ним стало потом в Париже? И здесь мне снова помог случай. Кто-то сказал вдове Юрия Лыжина Елене Александровне, что в Москве есть человек, очень интересующийся личностью и творчеством Павла Петровича. И вот Елена Александровна, будучи в Москве, куда она приехала навестить родных, разыскала меня и передала мне остатки архива Павла Петровича. К сожалению, часть архива она в свое время по совету кого-то из эмигрантов переслала в один из русских монастырей в Америке, известный своим русским архивом, но оттуда с тех пор ни слуху ни духу! Именно от Елены Александровны Лыжиной-Полушиной я и узнал, что пять последних лет своей жизни П.П. Лыжин был парижанином и что 7 сентября 1969 года он скончался от инфаркта и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Вот так постепенно, конечно, пока еще в общих чертах, но все же восстанавливалась биография Павла Петровича Лыжина. Надеюсь, будут еще находки и открытия.

Фактов биографии, быть может, пока недостаточно, но, чтобы вернуть человека из эмигрантского «небытия», достаточно иной раз одного факта творчества. И здесь надо благодарить поэта и переводчика Евгения Владимировича Витковского за огромную помощь и поддержку. Он сначала включил несколько стихотворений Лыжина в антологию «Мы жили тогда на планете другой...»³²¹. Потом были опубликованы лирические переводы Ф. Вийона, Ш.-М. де Эредиа. Так спустя более чем двадцать лет после кончины П.П. Лыжина его творчество наконец открыто читателю.

Мне бы хотелось познакомить читателей с оригинальными стихотворениями Павла Петровича Лыжина и с его переводами французских поэтов, которые печатаются по рукописям, хранящимся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ³²².

П.П. Лыжин

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАКАТ КАЗАНОВЫ³²³

Октавы

Замок Дукс

I

20 октября 1797 года

Претит мне этот край и целый свет не мил!
Раскашлялся опять средь вечной книжной пыли.
А все же эту жизнь, как я ее любил,
И бурно, и легко, немногие любили!..
Ах, вырваться, бежать, коль только хватит сил...
Куда? — Не все ль равно: в Париж, в Севилью, в Чили?
Нет, лучше на восток: ex Oriente lux!*Мечта!.. Но где же я? Октябрь... туманы... Дукс!..

II

Богемские леса и варварские нравы!
Опять в отъезде граф, и снова я один
Средь наглой челяди, не чтящей громкой славы,
Ни подвигов моих высоких, ни седин.
Вечор я вслух читал Торкватовы октавы³²⁴
И строфы медные божественных терцин,
А слуги фыркали. Мерзавцы! Вот я вас-то!..
Хоть, впрочем, трости жаль. Но со стихами — basta!**

III

И в мрачной сей дыре тянуть остаток дней!
Мошенники кругом, лентяи или сони;
То сцена, то скандал. Комедия, ей-ей,
С утра до вечера, но только не Гольдони³²⁵.

* Свет с Востока! (лат.).

** Довольно, достаточно (итал.).

Сегодня, например, мертвецки пьян лакей,
А повар мне назло испортил макароны.
В хоромх холодно; весь день дымит камин.
Беда, коль мажордом дурак и якобин!

IV

26 октября

С визитом местный ксендз. Как речь его елейна!
Как ограничен ум! Чтоб черт его побрал!
Ушел, отдавши честь графинчику портвейна...
Ах, сколь мне надоел библиотечный зал,
И глобус, и портрет пожухлый Валленштейна!³²⁶
Сел в кресла, снял парик и два часа дремал
Под хриплый стук часов с фигуркою Амура.
Нет, право, тяжела мне эта синекура!

V

Венеция моя! Хоть, правда, я не дож,
Но средь сынов твоих, быть может, не последний:
Вольтер меня ценил, Руссо, Шамфор...³²⁷ и что ж? —
На склоне лет своих, как нищий в богадельне,
Из милости живу, на чучело похож...
Нет, нет: то лишь кошмар иль старческие бредни.
А новый мой роман? — Ведь не дописан он.
Засяду-ка скорей за «Икосамерон»!³²⁸

VI

1 ноября

Чудовищную весть прочел сейчас в газете:
Мир в Кампо-Формио...³²⁹ Позор! Ну, времена!
Конец Венеции, конец всему на свете...
Иль чашу горестей я не испил до дна?
Иль это все блехня и ложны слухи эти?
Иль мозг мой помутнел? Иль я схожу с ума?
Но путь французских войск следил я по ландкарте...
Нет, видно, это так... Проклятый Буонапарте!³³⁰

VII

Снотворный порошок и рюмочка «Клико»;
Почти исчез озноб, в ногах утихли боли,
И смутно грезится: куда-то далеко
Скользнул я сквозь туман в таинственной гондоле
Блаженным призраком, беззвучно и легко,
Без горьких помыслов, без силы и без воли.
Но память дивная, мой вечный гондольер,
Поет, избрав октав чарующий размер.

VIII

Скользим, скользим, скользим... Однако что же это? —
Как будто бы туман рассеялся, и вот
(Видение иль холст волшебный Каналетто³³¹,
Или действительность?) — среди оживших вод
Мой город сказочный: Сан-Марко³³² и Пьяцетта...³³³
И все ликует здесь, и любит, и поет!
Полгода без преград, без званий, без опаски
Справляют Карнавал бесчисленные маски.

IX

Хрусталь, и зеркала, и теплый свет свечей —
Ридотто!³³⁴ Но сейчас понтировать не стану.
Смешался дивно тут патриций и плебей;
Сменяет менюэт развязную фурлану³³⁵.
Под маскою глядит маркизом брадобрей;
Сенатор в домино подобен шарлатану.
Монахиня, купец, носильщик, сводня, сбир...
О, сумасбродный мой венецианский мир!

X

Но не до звуков мне Скарлатти³³⁶ и Тартини³³⁷;
С лорнетом я стою средь ряженой толпы,
Но бархатом личин, увы, мои богини
Скрывают от меня любимые черты...

Нанетта и Мартон, скажите, где вы ныне?
Где та Лукреция? Где Анриетта та?
Но кто ж там в зеркале? — До ужаса, до боли
Знаком мне тот старик в поношенном камзоле...

XI

Очнулся. Глупый сон! Пустая дребедень!
Но, право, сам себе несносен я и гадок.
Под нудный шум дождя поднять мне штору лень.
Денечек новый, знать, не будет слишком сладок,
Суля одну тоску, иль острую мигрень,
Иль сердца старого мучительный припадок...
А под моим окном опять уже орет
То графский водовоз, то конюх-санкюлот...

Прага, 10–18 сентября 1958

ДЯТЕЛ

Стук злостный и упорный,
И вновь заныла грудь...
О, сердце — дятел черный,
Пора бы отдохнуть!

За что долбишь? — Ах, знаю:
За «это» и за «то»...
И грудь я растираю —
Не клюв, а долото!

И вновь: стук, стук... Так было,
Так будет и так есть...
Молчи, молчи, долбила!
Не нова эта весть!

Пусть тело трухловатый,
Ненужный, ветхий пень,
Но отдохни, проклятый,
Хоть на единый день!

Прерывные удары
По жилам гонят кровь.
Злорадный дятел старый
Выстукивает вновь:

— Все отойдет, что жило
Куда? Когда? — Бог весть...
Так будет и так было,
Так было и так есть.

[Около 1950]

ПОЭТУ

К чему опять ты шепчешь и бормочешь,
Как встарь, хмелен, угрюм и нелюдим?
О чем ты вновь вещаешь и пророчишь,
Проклятым ритмом снова одержим?

Ведь все равно ты нового не скажешь,
Когда уже все сказано давно;
Ведь никому пути ты не укажешь;
Чужой души не тронешь все равно.

Сожги ж свои лукавые писанья
И, сжегши их, на склоне долгих лет
Великому искусству воздержанья
Учись, учись, седеющий поэт!

[Около 1950]

ТЕРПЕНИЕ

Und Fluch vor allen der Geduld!

*Goethe. Faust**

О Фауст, доктор многокнижный
С вечнораздвоенной душой,
Неутоленной, непостижной,
Мне близок мрачный образ твой!
Но не дерзаю я, однако,
Весь мир анафеме предать
И духа лжи, сомненья, мрака
Себе на помощь призывать.
Страстям земным я знаю меру;
В своих ретортах изучил
Я золото, и ртуть, и серу,
Но высших чувств не оскорбил,
Как ты, хуля любовь и веру,
Надежду, прелесть женских чар
И вин божественный нектар...

Но чувство есть (и в том мы схожи);
Оно во мне клокочет тоже
И разъедает жизнь мою.
О безысходное терпенье!
Тебя проклятью предаю!

И, забывая пентаграммы,
Перо, пергаменты и пульт,
Я слышу вопль старинной драмы:
«Und Fluch vor allen der Geduld!»

Прага, 7 июля 1957

* Терпенье пошлое кляню! Гете. Фауст³³⁸ (нем.).

ТЕРЦИНЫ

(Отрывок)

Нет, я не ткач заумных паутин;
Будь хлебом хлеб и розою будь роза!
Перемудрил блаженный Августин,

Напутал Кант, лукаво лгал Спиноза...
Вы правы, Друг; все бредни и дурман.
Аминь, аминь, о Soror dolorosa!*

И, обманув премудрости обман,
Опять скитаюсь я по бездорожью,
Неисправимый старый меломан,

Пленяюсь вновь хмельной, певучей ложью
И, сбросив с плеч нелепой яви груз,
Как встарь, дрожу орфического дрожью...

Но Вас гнетет скорбящих темных муз
Воскресший хор, как тяжкий вздох органной.
Душа, Душа, неравен наш союз!

Заворожен игрой фатаморганной,
Кочевником в пустыне бытия,
Без Вас, простой, надмирной, надобманной,

Один, один давно блуждаю я...

.....

[1940-е]

* Сестра (монахиня), изображение скорбящей Богоматери (исп.).

ВОСПОМИНАНИЕ

Так дремаявлю я...

*Вадим Гарднер*³³⁹

И снова день прошел в какой-то дремояви?
И вновь я бормотал начатого стиха
Навязчивый мотив... О Господи, избави
Меня от древнего певучего греха!

Но бредням нет конца, хоть никому не надо
Тебя, блуждающий, неизречимый вздор.
Нет, нет, не заглушит соблазн лукавый лада
И поседевших муз задрезжавший хор!

Давно бы, может быть, и это испытанье
Я молча превозмог и глухо победил,
Но почему опять поет Воспоминанье
Под тонкий перезвон тосканских кампаний?³⁴⁰

Уж вечер отзлатил верхушки старых пиний,
На холмиках вдали померкли тополя,
Нагорный Фьэзоле³⁴¹ расплылся в дымке синей,
И пахнет эвкалипт и влажная земля.

В саду, пред виллою с гербом Торнабуони³⁴²,
Среди замшелых плит чуть капает родник...
И, так омо[ло]жен, склонился на балконе
С Петраркою в руках мой собственный двойник!

Мой собственный двойник... О Господи, избави
Меня от древнего певучего греха!
И вновь блуждаю я в несказной дремояви,
И бредни бормочу начатого стиха.

[1940-е]

ЦЫГАНЩИНА

Рыдающий романс до тошноты знаком:
«Свиданья нежный час», «Час роковой разлуки».
Пошла дешевка слов и пуще адской муки,
А музыка звенит потертым пятаком!

Не станет меломан и рассуждать о том,
А только разведет в немом презренье руки.
И все ж цыганские неистовые звуки
Нет-нет да полоснут по сердцу как ножом!

Покойный Петербург. Дворянское собрание.
Надрывно, со слезой Давыдов³⁴³ застонал,
И замирает весь белоколонный зал...

Иль Вари Паниной³⁴⁴ про «тайные страдания»
Гудит единственный, неповторимый бас,
Щемящую тоской охватывая нас.

14 июля 1957

ОПТИМИЗМ

Е.А. М[аксимович]

Франтиш... нет, не терплю то звукосочетанье!
Ей-богу, не войдет оно в ямбичный лад!
Так уж простите мне немецкое название;
К тому ж оно звучит приятно: Франценсбад³⁴⁵.

Прелестный городок, и первого он сорта:
Натуры прелести и весь комфорт курорта —
И вафли, и цветы, подчас аперитив,
Подчас Чайковского чарующий мотив...
Куда, куда ни глянь — все дивные картины:
И лебеди в пруду, и чайки, и куртины.
А Ваш «Hotel Tatran», где можно на спиртовке

Сварить отменный чай (конечно, при сноровке...)
Да, право, рай земной! Однако солнца луч,
За тучи спрятавшись, неделями бастует,
Льет беспрерывный дождь, и ветер мрачно дует...

Хоть с атмосферой выходит не отлично,
Мы здесь настроены весьма оптимистично.
И, чая светлых дней, гуляем под дождем
И солнечных лучей, не унывая, ждем...
Да и в былые дни здесь климат был неровен:
Сменял жару дождь, и ветер завывал,
Великий Гете здесь торжественно чихал,
И кашлял и хрипел нахмуренный Бетховен.

Франтишкови-Лазне, 26 июля 1957

БОРБОШКИ

[Отрывок]

Памяти Игоря Воинова³⁴⁶

Близ Невы, но не знаю наверно,
Я, пай-мальчик, иду, не шая,
Няне ручку подавши примерно.
Пятый год мне пошел с февраля.
Осень. Дождик. Промокли сапожки:
Позабыли мы дома калошки...
Я далекой прогулке не рад:
Утомил Александровский сад.

Спотыкаюсь: устанет тут всякий!
Этот день был с другими несхож.
Я видал: пребольшуший Исакий
Промокал, как и я, без калош...
Переехала конка собачку,
И, знакомую встретивши прачку,
Няня долго шушукалась с ней.
Дождик льет все сильнее и сильнее.

Вот Морская. «Пора возвращаться
Нам, касатик, скорее домой!
Иль мамаша начнут волноваться —
Загуляли мы нынче с тобой...»
<...>

[Около 1950]

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ

Грановский, Кравченко, Беретти,
Мирович, Небольсин, Седых,
Арсеньев, Шмидт, Иванов третий,
Фон Брем... не помню остальных.

Нас тридцать шесть. Мы гимназисты;
Переползаем в третий класс.
Филателисты, футболисты
И шалопаи есть меж нас.

В движеньях, говоре, замашках
Бурлит ключом избыток сил;
Мы носим лавры на фуражках
И на руках следы чернил.

Май на исходе. В классе душно.
Но окон растворять — ни-ни!
И мы должны сидеть послушно
А то... о, боже сохрани!

Здесь полдни майские так жарки!
А на дворе: сирень, скворцы!
Под партой перышки и марки
Меняем мы на леденцы.

На карте пылью меловою
Покрылся контур дальних стран,
И муха сонная порою
Ползет чрез Тихий океан.

И Пушкин гипсовый пылится,
Уча слова на букву «ять»,
И умножения таблица
Твердит все те же «пятью пять».

Размяк Седых, Шмидт строит мины,
А я ловлю, зевая, мух,
И уж казенной дисциплины
Слабеет непреклонный дух.

На кафедре, забыв про дробь,
Придирчивый глухой старик —
Сам Христиан Фомич Якоби
Вспотевшей лысиной поник...

Мы засыпаем понемногу,
Но близится к концу урок.
Вот перемена. Слава богу!
Трещит полуденный звонок...

О этот класс! О лица эти!
Иль я один из них в живых?
Расстрелян Шмидт, погиб Беретти,
Убит фон Брем, убит Седых...

Арсеньев! — Храбр, красив и молод...
Нет, и тебя я не найду! —
Его загрыз звериный голод
Там... в девятнадцатом году...

Ну, а Мирович? — Ах, не знаю!
Иванов, Кравченко? — Бог весть...
Не спится. Вновь припоминаю:
Нас было в классе тридцать шесть.

Жизнь отошла тропой печальной,
Оставя мне от дней былых
Лишь длинный список поминальный:
Грановский, Небольсин, Седых.

ПЕТРИК
In memoriam

† 5 окт. 1916 г. Рижский фронт

Нет, во мне еще не все уснуло! —
Открываю старенький альбом,
А по сердцу так и полоснуло,
Полоснуло будто бы ножом.

Уж давно о жизни отлетевшей
Я грустить и плакать перестал.
Почему ж тот снимок пожелтевший
Вновь тоску щемящую нагнал?

Тип лица как будто бы цыганский,
Смугл, курчав, но тих и не речист —
Этот бедный Петрик Челепанский,
Музыкант, поэт, артиллерист.

И на этот жалкий снимок глядя,
Бормочу, качая головой:
— Кто ты мне? — Ни брат, ни сват, ни дядя;
Лишь случайный спутник боевой!

Помню день, он сер был и туманен
В октябре у озера Бабит.
Адъютант вчера смертельно ранен,
А сегодня командир убит.

Завязалась снова перестрелка.
Петрик мне: Нет, брат, несдобровать
Нам с тобой! Хоть умереть — безделка —
Только, знаешь, тяжело умирать...

Новый взрыв, и двадцать три солдата
Пали разом у окопа там,
А ему бризантная граната
Расколола череп пополам.

[1949]

Марселина Деборд-Вальмор³⁴⁸

МОЯ КОМНАТА

Под самой крышею отлогой
Моя каморка так бедна! —
В ней гостьей бледной, гостьей строгой
По вечерам скользит луна.
Внизу звонят — не все равно ли? —
Ведь жизнь прошла, как смутный сон...
Своей давно покорна доле,
Я знаю лишь одно: не он!

Цветочек по канве суровой
Я вышиваю не спеша,
И хоть смирившись с жизнью новой,
Все плачет бедная душа...
А небо сине предо мною,
Звезды мерцает дальний луч;
Отсюда вижу я порою
И бег грозящих темных туч.

Другое кресло там пустеет,
Напротив кресла моего,
И будто вечно сиротеет,
И будто вечно ждет его...
И с бантиком своим узорным,
Что навязала я на нем,
Грустит оно, немым, покорным,
Как я, старея, с каждым днем.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда он, побледнев, в тот вечер роковой
Запнулся, замолчал и снова поднял веки
И странный взгляд его, холодный и чужой,
Мне в сердце врезался навеки;

Когда его лицо застыло так бесстрастно,
Прозрела вдруг душа скорбящая моя:
О жалкие мечты! Все тщетно, все напрасно —
Не он любил — любила я!

Луиза Аккерман³⁴⁹

ЧЕЛОВЕК

На ветхий шар земной, неведомой причиной
Когда-то брошенный неведомо за что,
Обломком вечности плыву я над пучиной
Безбрежного Ничто.

Но в дни, когда средь вод пустыни были земли
И гибелью грозил взбешенный бездны стон,
Мне голос был: «Пора! Явись, и будь, и внемли —
Для мысли ты рожден!»

В те дни без радости, без горя, без желанья,
В туманы погружаясь, дремало Естество.
И вот явился я, неся с собой сознание
И духа торжество.

С трудом преодолев века оцепененья,
Я сам себя сознал пред чудом бытия
И, полный трепета и полный восхищенья,
Изрек впервые: Я!

Тогда я вымыслил святую Справедливость,
Инстинкты древние разумно обуздал

И в грубый мир привел прекрасную Стыдливость,
И сердцем все познал.

Уйдя во тьму причин, я следствия предвижу
И в суете ищу дыханье Божества,
И, вновь обманутый, люблю и ненавижу
Миражи Вещества.

Природа мне грозит, но Смерть я презираю;
В Страдании самом Надежды видя след,
И верую лишь в то, что пламенно желаю
Душой спокону лет.

И даже самый мрак Небытия крошечный
Рассеялся в моих возвышенных мечтах,
И радужный Эдем, блаженный и безгрешный,
Расцвел на небесах.

Сын жалкой бренности, в заоблачные сферы
Я взлетаю вновь, как древле возлетал,
Туда, куда влекут крылатые химеры —
Мой древний идеал.

И полный гордости, безмолвными ночами
Могу я созерцать синеющий эфир.
К чему искать миров за дальними звездами? —
Я сам бездонный мир!

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

На склоне наших дней не сердце ли второе
Природа мудрая порою нам дарит? —
То сердце старости беззвучно-ледяное,
Чей сумрачный покой ничто не возмутит.

Что общего меж ним, почти окаменелым,
И сердцем трепетным давно минувших лет,
Безумным и хмельным, пылающим и смелым,
Игравшим с гибелью, влюбленным в целый свет?

Исчез и след от «я», что было и что жило,
Под жерлом времени... Темнеет долгий день;
В бледнеющих лучах усталое светило
Померкло, погрузясь в таинственную тень...

Вечерний небосклон полн новыми звездами...
Но Память с Прошлого откинула вуаль,
И вот оно, ожив, опять встает пред нами,
И сердцу старому опять чего-то жаль.

ПОЗИТИВИЗМ

Там, где кончаются науки строгой грани,
Зияет пустота, бездонна и черна;
В ней вера царствует над суетою знаний,
И пропасть осветить старается она.
Владычица, внимай: уж наступают сроки!
Тебя мы удалим из древнего дворца;
О, скройтесь, призраки! О, горе вам, пророки!
Нет Неизвестности теперь для мудреца!
Но победитель твой заплатит за дерзання:
Смущенный человек познает дикий страх;
С тобой утратит он и смысл существования;
За ним лишь суета, пред ним лишь тлен и прах...
Он будет зверем выть и в горе рвать одежды,
Один, без помощи, без крова, без надежды,
Но не устанет лишь людских желаний рой
Кружиться без конца над бездной роковой.

Жан Мореас³⁵⁰

ПРИПОМИНАНИЯ

Откуда сей напевный сплин? —
Уж не внимал ли я когда-то
Ему в челне под пиччикато³⁵¹
Гитар и томных мандолин?

Откуда сей свинцовый зной
И запах рощи апельсинной,
Где пилигримы бродят длинной
Печально-белой чередой?

В брокате темном, кто она? —
Я эту Даму видел где-то;
Не на холстах ли Тинторетто³⁵²
Иль в царстве тающего сна?

Ах, помню, помню: это лет
Давноусопших отражение,
Мечты старинной наважденье,
Гирлянд увядших мертвый цвет!

Пусть мертвые в гробах поймут мой горький стон —
Я враг был искони Душе своей и знаю:
Луч славы — для глупца, а тело — для ворон.
Я, вечный сеятель, колосьев не собираю.

Но плакать не хочу: порывы Аквилона³⁵³
Развеют клевету, презренье и позор.
Я верю: ты звучишь, о лира Аполлона,
Все чище, все мудрей, всему наперекор!

Не говори, что жизнь лишь праздник бесконечный —
То жалкий суд души последнего глупца.
Не говори еще, что горю нет конца —
Так судит только ум ленивый и беспечный.

Но подари весне улыбку умиленья
И с грустью созерцай стенающий прилив,
И, радости познав и горести испив,
Скажи: прекрасны вы, о тени сновиденья!

* * *

Когда же, сбросив груз забот вечнотомящих
И скуку пошлую страшилищ-городов,
Я снова оживу в тени дубрав шумящих
Иль в синей ясности озерных берегов?

Когда же, близ тебя припомню я, о море,
Давноминувших дней младенческий экстаз
И чайкам улыбнусь, белеющим в просторе,
И пеной освежу тоску усталых глаз?

И бедная душа грядущей стуже рада;
Апрельские дары увяли все равно;
Колосья осени и грозди винограда
Другими за меня оборваны давно!

Альбер Самен³⁵⁴

ВЕРСАЛЬ

I

Версаль, о, почему ты в памяти возник
Сегодня, в этот день поблеклый и душистый?
Уж лето унеслось, и вновь склонился лик
Над нами осени печально-золотистой.

Твоих зеленых вод я вспоминаю гладь
И ржавого листа в тумане очертанье,
Боскеты, где я мог в час сумрака вдыхать
Октябрьский аромат тоски и увяданья.

Деревьев конусы, Тритона водомет³⁵⁵ —
Сады, куда теперь Людовик³⁵⁶ не придет
Мечтать среди богов торжественных и пышных...

Так увядаешь ты безропотно, Версаль,
Огромной лилией под всплески вод чуть слышных,
Поющих тонкую старинную печаль.

II

Век церемонности и величавой скуки.
Поклоны без конца, камзолы, парики.
Как звонки имена: Конде³⁵⁷, Фронсак³⁵⁸, Креки!³⁵⁹
Средь кружев «валансьен» высочеств томных руки.

А руки королев над нежным клавесином
Австрийской грацией пленяют пышный двор.
Пресыщены сердца и хрупки как фарфор.
Епископы поют, склонясь перед дофином.

Струясь по руслам вен напудренных принцесс,
Синеет гордо кровь — лазурнее небес.
Весь этот дивный мир, влюбленный в наслаждение,

Играет жизнью и шпагой золотой,
И смерть встречает он с изящной простотой,
С улыбкой тонкою надменного презренья.

III

Опять видений рой вспугнул мой легкий шаг.
О зеркало «Vieux Saxe»* исчезнувшего мира!
Здесь королева встарь под твой напев, Земира³⁶⁰,
Играя веером, смотрелась в полумрак.

И мушки, и робронд, и бархат, и атлас...
О воздух Франции напудренной, жеманной!
И всюду, всюду здесь старинный и дурманный
Подстриженных кустов тревожит аромат.

* Старинный саксонский фарфор (фр.).

Как сердце тут томит прощальный луч заката,
Когда сиротствует неясно-розоватый
Державный Трианон³⁶¹ и грустно меркнет даль,

Когда с его террас висят рыжеволосой
Нежнейшей осени распущенные косы
Над гладью сирых вод пруда и Grand Canal*.

IV

Боскет Вертумна³⁶³ пуст. Прелестных, старомодных
Не видно граций в нем. Смотрите: меркнет день.
Кто там средь мраморов влачится будто тень?
То гений в трауре фамилий благородных.

А там грустит дворец, царящий средь террас;
Недаром мы несем в крови его красоты!
И эти отблески вечерней позолоты
На окнах дремлющих, как здесь, волнуют нас!⁹

Залиты славою и люстр игрой лучистой,
Здесь проносились дни... О вечер золотистый...
Версаль!.. Но мрак густой объял тебя, и вот

Сжимается душа, а где-то, будто дальний
Гул молота времен, глухой и погребальный,
Несется зов в ночи скорбящих черных вод.

* * *

Люблю приход зари воздушной и босой,
Увенчанной листвою душистого тимьяна,
Когда златится луг и распахнулось рано
Окно на свежий сад, обрызганный росой;

Дорогу сельскую воскресною порой,
Стад в дымке розовой рассветное мычанье,

* Большой канал³⁶² (фр.).

Зубов девичьих блеск, листа благоуханье
И глаз младенческий, божественно-простой.

Но мне милей души вечерняя склоненность,
Лесов осенняя больная утомленность
И грустный бубенец, поющий в тишине.

И отблеск месяца, чуть видный на стене,
Когда колышется опущенная штора;
Прикосновенье рук, огонь печальный взора,

И голос дрогнувший, что зарыдает скоро...

* * *

Взять душу хрупкую и в сладком упоении,
Разбить ее боясь, ласкать, как шелк кудрей;
Признанья слушая, достичь, склонясь над ней,
Неуловимости чуть слышных дуновений.

И в вечер грозовой, в часы глухих хотений
До бледных клавиатур дотронуться нервней,
Понизить голоса, уменьшить пыл огней
И вызвать серый цвет из розовых видений.

Аккорды пробовать невнятных странных фраз,
Что вежды ласковой, влюбленной в томный глаз,
Смотреть, как золото струится в сумрак нежный,

И, уходя, в душе, готовый отлететь,
Таящей страстный вздох, навек запечатлеть
Лишь образ лебедя огромный, снежный, снежный...

ВЕЧЕР

Вечерний Серафим витает над цветами...
В костелах под орган поет Мадонна Снов,
И в гамме блекнувших, болезненных тонов
Предсмертный небосклон склоняется над нами.

Вечерний Серафим витает над сердцами...
Уж снегом нежности оснежены мечты,
И девушки в саду бледнеют, как цветы,
Объаты странными, несбыточными снами...

Кусты заснувших роз склонились, чуть дыша,
Там, над террасами, и Шумана душа
Неисцелимая тоскует и блуждает...

Быть может, где-нибудь ребенок умирает...
Закладкою отметить открытый Часослов;
Мечты твои поймет лишь Ангел зыбкий снов.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

Оттенки янтарей и блеклых роз тона
Смешал вечерний час. Там, на вершине мыса,
Чернеет ряд колонн — храм древний Адониса³⁶⁴,
И первая звезда водой отражена.

Шуршит морской тростник все тише и нежней;
Уж Пан³⁶⁵ проснувшийся глядит с холмов отлогих
На хороводы нимф — плясуний босоногих...
И веет Азией от сонных кораблей.

Густеет полумрак. Стихает у колодца
Звон черпающих урн и женских голосов.
С полей в обратный путь усталый вол плетется.

Среди сирийских роз, синяя, сумрак льется,
И, в лунном серебре, Диана³⁶⁶ среди лесов,
Грустна, под пологом ночного небосклона,

Целует без конца глаза Эндимиона³⁶⁷.

В САДУ ИНФАНТЫ

(Отрывок)

Моя душа — инфанта старых дней,
В брокате и шелках, что по ночам, бывало,
Томилась меж зеркал в тиши Эскуриала³⁶⁸
Тоской заброшенных, забытых кораблей.

Левретки тонкие, ловя ее желанья,
Готовы дивный гон начать в угоду ей
На символических, неведанных зверей
В туманных дебрях Сна страны Очарованья.

Поэму шепчет ей, склоняя стройный стан,
Ее любимый паж по имени Когда-то...
Чуть шелестят шелка, и тускло меркнет золото;
В бледнеющих перстах склоняется тюльпан.

Пред ней синеет парк; бассейны, балюстрады,
Аллеи сонные так царственно грустны;
Неизречимые и девственные сны
Исполнены немой, торжественной отрады...

И в час предгрозовой, измучена до крика,
Следит она, дрожа, пурпурный штоф обой,
Где благородною безмолвной чередой
Бледнеют хрупкие творения Ван-Дика...³⁶⁹

Мелькая в зеркалах, прозрачнее теней,
Загадочный тюльпан держа в руке дрожащей,
Под всплески темных вод скорбит она щемящей
Тоской заброшенных, забытых кораблей...

Душа моя — инфанта старых дней.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Мы всемогущие: бойцы, рапсоды, маги.
Для подвигов и жертв мы были рождены;
У наших ног века лежат, поражены.
Мы душу древнюю кует, и наши сны
Исполнены, как встарь, дерзаний и отваги.

Нам ведомы пути блаженства и проклятья;
Нам светлый нимб сужден иль дьявола печать.
Мы посвященные, мы избранная рать;
Судьба велит нам петь, царить и волхвовать.
И простирать мечте возвышенной объятья.

Мы земли обошли, мечом владеть умея;
Служили тайнам мы, неведомым никем;
Мы предали словам священный ритм поэм,
И наших зыбких снов и наших дивных тем
Полна великая людская эпопея.

Мы стража средь вершин. Взошедшая денница
Для нас одних багрит неведомый простор;
Уж первые лучи зажгли наш вещей взор,
Уж, выводя птенцов, средь баснословных гор
Поет грядущих дней лазоревая птица...

Дешевый хмель — толпе; для нас — нектар! Уж чаши
Испили мы до дна в мятежности своей.
Уж колесницы ждут; впрягайте в них смелей
Крылатых, бешенных мифических коней!
Пусть побледнеет мир, услыша клики наши...

.....
.....

Металла звон, и кровь, и всегубящий пламень!
Нас к цели призрачной ведет чудесный бой.
Несемся мы, летим, летим, презрев покой,
Под вопли, стоны, плач, под иступленный вой.
Наш дух остер как меч, а грудь тверда как камень.

Химера! Не уйдет! Летим, вцепившись в гриву
Эмблемы лживых снов и тающей мечты,
И падаем стремглав с лазурной высоты...
И в собственной крови лежим, сломав хребты,
Но верны до конца безумному порыву.

Жюль Лафорг³⁷⁰

ЭФЕМЕРНЫЙ ФАРС

То плача, то кичась, то строя Вавилоны,
По дрянненькой земле куда же ты ползешь,
О человечиска — мечтательная вошь?
Воистину, темны всевышние законы!

Но, — шутка ли сказать, — ведь отдаляясь вечно
От нас, лазурный свод уж миллиарды лет
Кишит стадами солнц и роями планет,
И светит, и грозит, и мучит бесконечно!

Смешно и говорить! Хоть, право, поделом
Лазурным небесам грозил я кулаком...
Уж не пленит меня надежды луч неверный!

О Вечность, извини! Я грешен пред тобой!
Но сей ничтожный мир — лишь атом роковой,
Где не доигран фарс пустой и эфемерный.

Анри де Ренье³⁷¹

ЖЕЛТАЯ ЛУНА

Тот долгий летний день закончился луною,
Луною желтою меж сонных тополей.
Чуть пахло грустною стоячею водою
Там, средь седеющих в тумане камышей.

Нет, мы не ведали, когда вдвоем блуждали
В полдневный тяжкий зной средь цепкой лебеды,
И ноги на песках горячих оставляли
Багряные, как кровь, глубокие следы;

Нет, мы не ведали, терзаясь и сгорая,
Что в наш вечерний час нам будет так мила
Давно сгоревших чувств печально-голубая,
Нежно-летучая остывшая зола;

И что палящий день закончится луною,
Луною желтою меж сонных тополей,
Где пахнет грустною недвижною водою,
Мечтающей среди уснувших камышей.

ГОЛОС

Сегодня я грущу. Мне речи нестерпимы;
Твой смех, твои шаги наводят лишь печаль.
Как и знакомый жест руки твоей любимой,
Когда читаешь ты иль тихо гладишь шаль.

Не открывай окна: мне воздух лишь отрав! —
Уйди! Оставь меня! Закрой скорее дверь!
Душа моя черна; и подвиги, и слава,
Как и сама любовь, все суета, поверь!

Откуда эта грусть давящая — кто знает?
Уныло-праздных дум всегда чуждался я.
Но голос бренности порою напевает
И тем, кто жизнь несли, танцуя и любя.

И голосу тому внимая с темным страхом,
Мы горько сознаем глухое «все пройдет»;
Увянет вешний цвет, и распадется прахом
На древе бытия мгновенный жалкий плод.

«Вам — едино дорогá Россия...»:

Сергей Милич Рафальский
и Александр Александрович Туринцев

I

Иной раз думаешь о происшедшем: это простая случайность. Однако вот французский микробиолог Луи Пастер утверждал, что случай одаривает лишь подготовленные умы.

Был ли я подготовлен к этой встрече и к последовавшим за ней событиям? — не берусь утверждать... На первый взгляд, все произошло неожиданно. Но теперь, спустя время, я думаю, что иначе и быть не могло.

Итак, лето 1992 года. Библиотека Союза театральных деятелей. Неожиданное явление яркой, энергичной, моложавой дамы. И неожиданный ее вопрос вместо представления: «Вы знаете — Татьяну Николаевну Рафальскую?» Я отвечал, что знаю, хотя и заочно, и что даже состоял с ней в переписке с 1986 года, но что-то уже давно не получал от нее известий...

Она сейчас живет в Русском доме под Парижем и разыскивает вас, чтобы лично передать вам архив своего мужа, писателя и поэта Сергея Милича Рафальского. Она очень ждет именно вас и передаст вам архив только из рук в руки. Примите во внимание возраст Татьяны Николаевны и немедленно отправляйтесь во Францию!

Так неожиданно и странно я познакомился с Анной Петровной Колоницкой — московской журналисткой, поклонницей таланта Ирины Одоевцевой, которой Колоницкая очень помогла в хлопотах о возвращении на родину и опекала ее до последних дней. На книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», изданной в Москве в 1988 году, имеется посвящение: «Посвящаю свою книгу Анне Колоницкой». А в 2001 году в московском издательстве «Воскресение» вышла книга Анны Петровны «Все чисто для чистого взора...»: (Беседы с Ириной Одоевцевой)».

И вот я во Франции. Остановился в Кретейе, пригороде Парижа, у Софьи Арнольдовны Соколовой, активистки женского движения в России и автора книги рассказов «Я, ты, они» (Спб., 1992), с 1981 года живущей в эмиграции. Она знакома со многими «парижскими рус-

скими» и не раз бывала в Русском доме в Ганьи. С ней, предварительно созвонившись, мы и отправились к Татьяне Николаевне Рафальской.

Вернусь к 1986 году. Тогда, собирая сведения об участниках пражского литературного объединения «Скит поэтов», я по совету поэтессы Эмилии Кирилловны Чегринцевой, жившей в Праге, обратился к Татьяне Николаевне Рафальской с просьбой разъяснить и уточнить некоторые факты биографии Сергея Милича и вскоре получил от нее подробный ответ.

Родился Рафальский в 1896 году, 19 августа (по старому стилю) в селе Холонево Волынской губернии в семье священнослужителя. В 1914 году, после окончания гимназии в городе Острог, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, а весной 1917 года перевелся в Киевский университет, где и включился в общественную и политическую жизнь. Вступил в партию кадетов, воевал в армии Врангеля (генерала-лейтенанта М.Н. Промптова). Корпус генерала Промптова в феврале 1920 года был интернирован в Польше. По дороге Рафальский бежал и вернулся в Острог. В 1922–1926 годах жил в Праге, был сотрудником Института изучения России. В 1927–1929 годах жил в Остроге. В 1929 году переехал в Париж.

К письму Татьяны Николаевны были приложены фотографии Сергея Милича. Она (как я узнал позже) хотела прислать и книги Рафальского, но побоялась, что они не дойдут до меня.

Теперь, после нашего давнего заочного знакомства, мы как будто знакомимся заново, и я рад был видеть ее в добром здравии и слышать ее легкую и приветливую русскую речь. Мы спустились вниз, в столовую. Оказалось, Татьяна Николаевна заказала обед на всех и даже купила к нашему приходу бутылку хорошего красного вина... Обед запомнился мне разговорами о литературе и театре, о людях литературы и театра. Потом мы поднялись в ее комнату знакомиться с архивом.

Чувствовалось по всему, Татьяна Николаевна по сей день любит своего мужа, свято хранит память о нем и при жизни его жила исключительно его интересами, его друзьями и его книгами. На полках ее комнатки стояли книги из личной библиотеки Рафальского, на стенах висели картины его работы, его фотографии. На столе лежала стопка книг, видимо приготовленная специально для меня: сборник стихов С.М. Рафальского «За чертой», сборник его рассказов «Николин бор», сборник статей «Их памяти», воспоминания. Все эти книги были изданы стараниями Татьяны Николаевны уже после смерти Сергея Милича.

Мы разбираем архив, и я задаю свои вопросы, Татьяна Николаевна с доброжелательной готовностью отвечает.

— Когда вы встретились с Сергеем Миличевым? Когда поженились? — спрашиваю я.

В 1925 году. У вас в руках фотографии как раз того времени, — отвечает Татьяна Николаевна и уточняет для меня: — Сергей Милич специально занимался происхождением своего отчества и настаивал на произношении Милич, а не Миличев.

И продолжает:

1925 год был вообще удачным для него. В тот год он был принят в члены Союза русских писателей и журналистов, тогда же вышла в свет его работа «Сельскохозяйственные коллективы в советской России» во втором томе «Записок изучения России» (Прага, 1925). Сергей Милич работал под руководством историка и экономиста Кочаровского³⁷².

— Не тогда ли появилась и его статья «Класс творческой мысли» с обвинениями в адрес интеллигенции, вызвавшая дискуссию в эмигрантской среде?

Нет, та статья была опубликована раньше, в 1922 году. Но знаете ли, его статьи и в 1950-е, и в 1970-е годы продолжали вызывать нешуточные споры, они полемичны по сей день.

— Но ведь Сергей Милич был не только ярким публицистом, но и обладал поэтическим даром. Он писал хорошие стихи и — я не ошибаюсь? — был одним из организаторов знаменитого «Скита поэтов».

Да, это было в конце 1921 года, Сергей Милич, Н. Дзевановский³⁷³ и Е. Алешко³⁷⁴ создали литературно-художественный кружок. Повесили объявление и стали собираться в студенческом общежитии «Худобинец». А потом они пригласили в руководители кружка Альфреда Людвиговича Бема³⁷⁵. В то время стихи и статьи Сергея Милича печатались в «Сполохах», «Перезвонах», «Студенческих годах» и других изданиях...

— Я знаю, что Рафальский получил юридическое образование, в 1924 году он окончил Русский юридический факультет в Праге. Почему он не работал юристом?

Не забудьте, что до Праги он три года проучился на юридическом факультете Петербургского университета! Но тогда в Праге было очень трудно найти работу. Сергею Миличу не раз приходилось обращаться за материальной помощью в Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии. Однажды,

получив единовременную ссуду, кажется в шестьсот крон, мы поехали к его отцу в Острог, что на Волыни. Волынь в то время отошла к Польше. А отец Сергея Милича, как вы знаете, был православный священник. Так вот, в дни православных праздников можно было наблюдать такую картину: крестный ход или молебен с водосвятием на польском берегу реки Горынь, а на русском берегу — толпа народа, желающего хоть так, издалека, поучаствовать в богослужении. Вообще-то Сергей Милич хотел вернуться в Россию и даже подал официальное прошение, но сотрудник русского посольства прямо сказал ему: «Вас там расстреляют». Вот мы и не поехали...

— А за что его могли расстрелять?

Ну, во-первых, он состоял в Партии народной свободы у П.Н. Милюкова³⁷⁶, был секретарем местной организации. Во-вторых, служил во 2-м артиллерийском дивизионе генерала Врангеля³⁷⁷. И кроме того, состоял некоторое время в народном Союзе защиты родины и свободы у Бориса Савинкова³⁷⁸. Наверное, этого достаточно для расстрела?

— А что было дальше — вы ведь не остались в Остроге?

Потом мы переехали в Париж... В последнее время мы жили на rue Furcad, 6. Я не говорила вам? Сергей Милич очень хорошо рисовал, и, поработав немного в фотоателье, он устроился в мастерскую Довида Кнута³⁷⁹ — вы, наверное, знаете такого поэта? — расписывал платки...

— Скажите, а что было напечатано Сергеем Миличем в 1930-е и 1940-е годы и где?

После публикаций статей под разными псевдонимами в журнале «Борьба», издававшемся под редакцией Г.В. Беседовского в Париже, он долгое время не печатался. Хотя продолжал писать. Только в 1956 году стали появляться его статьи, стихи, проза в журналах «Посев», «Грани», «Возрождение». Он начал активно сотрудничать в газетах «Новое русское слово», «Русская мысль».

Так, за разговорами, за вопросами-ответами, мы потихоньку разбираем архив Сергея Милича. Письма... статьи... стихи... еще стихи — отдельная аккуратная стопка.

— А почему вот эти стихи собраны отдельно?

Они посвящены мне. В каждый мой день рождения Сергей Милич дарил мне стихотворение. И так было до самой его смерти. (С.М. Рафальский умер в 1981 году в возрасте 85 лет. — В.Н.) Вот так постепенно, видите, сколько их собралось...

Беру наугад листок, на котором стоит дата «25 января 1943 г.». Читаю:

О невозможном не жалеем,
Не тянемся играть с огнем,
Друг друга чаще пожалеем,
Друг друга реже упрекнем.
Мы привыкаем, мы стареем,
И мы мудрее с каждым днем,
И чем с годами жизнь труднее,
Тем нам нужнее быть вдвоем³⁸⁰.

Перебираю фотографии, спрашиваю, кто на них запечатлен. Татьяна Николаевна живо, с яркими характеристиками поясняет, рассказывает о многих творческих людях, гостивших в их доме. В числе их друзей были поэт А. Гингер, его жена поэтесса А. Присманова, поэты В. Корвин-Пиотровский, К. Померанцев, художники С. Шаршун и М. Андриенко, поэты В. Мамченко и В. Смоленский. Даже «скитовка», поэтесса Христина Кроткова, приехав из Америки, посетила их...

Так постепенно из материалов архива, из бесед с Татьяной Николаевной вырисовывался облик этого замечательного публициста, оригинального поэта, незаурядного прозаика Сергея Милича Рафальского. Жизнь его была нелегка. Все знавшие его близко отмечали в нем некую «печаль ума», рожденную действительностью, слишком часто враждебной к его житейским надеждам и творческим планам. Жизнь русской эмиграции, советской России казалась ему погружением во тьму. Но он постоянно думал о судьбе России — в острых, страстных статьях, в отчаянных стихах:

О горькая Русь! Сохрани тебя Бог
под бураном веков, на скрещеньи дорог!³⁸¹

И вот у меня в руках большая фотография, на которой в нескольких ракурсах запечатлен ребенок лет четырех-пяти.

— Кто этот мальчик? — спрашиваю.

Это Саша Туринцев, сын Александра Александровича Туринцева.

— Так вы знакомы? Как жаль, что я не знал этого раньше! Ведь Туринцев-старший, как и Сергей Милич, был участником «Скита поэтов» в Праге. Писал стихи, статьи. Уж сколько лет я ищу сведений о нем, его стихи, а тут — на тебе! Где же он живет?

Да здесь же, в Париже. Он иногда звонит мне. Я попрошу у него разрешения и тогда дам вам его адрес.

И я подумал, что вот случай снова одарил меня, потому что я давно был к этому готов. Видимо, прав был все-таки Луи Пастер.

И так целых три дня проходят в разговорах и разборке архива С.М. Рафальского. А напоследок Татьяна Николаевна берет лист бумаги и пишет:

Я, Татьяна Николаевна Рафальская (урожденная Унгерман) передаю архив моего мужа Сергея Милича Рафальского в дар ЦНБ СТД России в лице ее директора Нечаева Вячеслава Петровича с дальнейшей разборкой материалов и публикацией их в России. Как наследница авторских прав С.М. Рафальского передаю Нечаеву В.П. исключительное право вести переговоры от моего имени с издательствами в пределах бывшего СССР на публикацию произведений моего мужа.

*Т. Рафальская*³⁸²

Простите за почерк, — говорит Татьяна Николаевна, — мне почти 90 лет, и в эти годы, как говорят французы, *facultés morales**, но пока, однако, я на это не жалуюсь.

Лично мне Татьяна Николаевна в тот раз подарила портрет Сергея Милича, выполненный тушью Аланом Клейнманном, и несколько его книг.

И всякий раз, бывая в Париже и навещая Татьяну Николаевну, я получал от нее щедрые подарки. В последний раз я был у нее в 1996 году и получил в подарок координаты Туринцева-младшего и собственноручный рисунок Сергея Милича — небольшую абстрактную композицию в ярких, чистых тонах. Застекленный и обрамленный, он висит у меня дома на стене, и каждый раз, когда я вхожу в комнату, картинка словно приветствует и радуется меня.

Литературный путь С.М. Рафальского начался со стихов. По меткому определению известного критика Эммануила Райса, поэзия Рафальского — «это возможность высказаться весьма своеобразной недюжинной личности»³⁸³. Сергей Милич Рафальский очень хотел издать сборник своих стихотворений и поэм. Но этому замыслу при его жизни не дано было осуществиться. Только в 1983 году в парижском издательстве «Альбатрос» увидела свет книга его стихов «За чертой».

К сожалению, многие подготовленные к изданию автором стихи по непонятным причинам не вошли в книгу. Создалось впечатление, что книга вообще подверглась своевольной цензуре. К примеру, из посвящения к сборнику выпали выделенные ниже слова:

* Имею право (*фр.*).

За чертой
родной страны и ее марксистского мракобесия,
За чертой
эмиграции *и ее собачьей злости*,
За чертой
«социалистического реализма» и «парижской ноты»...³⁸⁴

Конечно же, в сборнике, из которого странным образом исчез и знак копирайта наследницы авторских прав Т.Н. Рафальской, теперь уже вполне могли не появиться строки, осуждающие стократ воспетые «западные ценности». Вот, к примеру, эти:

Стирая различия и оттенки,
будут шарить в душе, как в карманах,
а того, кто поморщится — ставить к стенке³⁸⁵.

Сверхмеханический осуществится Бес
и рассчитает он безгрешными мозгами,
как жить вам всем, как быть со всеми вами,
каких достойны вы еще небес³⁸⁶.

Как свидетельствовал Э. Райс, «все это относится, конечно, в первую очередь к безвольному и лицемерному Западу, цену которому Рафальский знает»³⁸⁷.

Еще по чьей-то воле из вступительной статьи Э. Райса к сборнику «За чертой» исчезла на редкость равнодушная и очень точная оценка, выделяющая в поэтическом мире творческую индивидуальность Рафальского:

Отличается же он от почти всех прочих послушных авторитетов-стихотворцев мастерством, своеобразием, остротой и живостью, им не снившимися³⁸⁸.

И далее:

Среди всех ныне здравствующих русских поэтов он несомненно наиболее современен. Ему свойственны все достоинства, но и все изъяны и пороки человека наших дней. В его духе царит разлад с самим собой, с окружающим миром, с основами мироздания. Разлад глубокий, может быть непоправимый, во всяком случае, глубоко болезненный.

При всем своем несомненном и сильном уме Рафальский-человек проявляет себя в стихах крайне беспомощным, а порою обезоруживающе наивным существом. Он растерян перед лицом враждебного, непонятного мира, но и перед самим собою. Он внутренне опустошен отсутствием положительного идеала, изломан и иссушен бесплодным скептицизмом³⁸⁹.

Семь приведенных ниже стихотворений, не вошедших в сборник «За чертой», печатаются по авторским рукописям Сергея Милича Рафальского³⁹⁰.

За рамками этой публикации остались его другие стихи, рассказы и статьи, знакомство с которыми еще впереди.

II

И кто знает? — не будь описанных выше моих встреч с Татьяной Николаевной Рафальской, состоялось ли бы вообще мое знакомство с Александром Александровичем Туринцевым-младшим. Я смог встретиться с ним только в 2001 году, через четыре года после моего первого звонка.

К этому времени у меня были собраны некоторые сведения о его отце — А.А. Туринцеве-старшем.

Он появился на свет 14 апреля 1896 года в дворянской семье в селе Пушкино под Москвой. Помните, у Маяковского?

Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз
медленно и верно³⁹¹.

Отец Туринцева служил лесничим Удельного ведомства (управляющим удельными имениями Московского округа). Детство Саши Туринцева прошло в городе Коврове Владимирской губернии. В 1914 году он окончил владимирскую классическую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета.

Однако война не дала ему доучиться: в 1915 году его зачисляют вольноопределяющимся в военную школу, из которой он выходит в чине прапорщика и сразу отправляется на фронт, в артиллерийскую часть. С конца 1916 года по февраль 1918-го Туринцев на фронте. С фронта он возвращается уже в чине поручика и некоторое время работает в Потребительском союзе кооперации, а в феврале 1919 года он снова мобилизован, на этот раз в Красную армию, но с мая того же года Александр Туринцев — в армии Юденича! Потом его настиг тиф, с остатками Добровольческой армии он оказался в Польше.

Вот так семья Туринцевых разделилась: мать, отец, сестры Мария и Наталья в России, Александр в Варшаве. Чем только не зарабатывал он на жизнь! — пел, танцевал, работал санитаром, служил в транспортной конторе...

Как в свое время и С.М. Рафальский, А.А. Туринцев сблизился с Борисом Савинковым, но после того как один из его друзей, вернувшись из России, где он был по заданию Савинкова, застрелился, Александр отошел от савинковской организации. Этот трагический случай послужил для Туринцева толчком к пересмотру многих его ценностных установок. Он был свидетелем и беспощадного террора, и самоотверженного героизма как со стороны красных, так и со стороны белых. Он не видел, не понимал, не мог судить, у кого больше правды и прав. И он встал «над схваткой».

Отныне его главный интерес, первая из ценностей — поэзия. Новая поэзия, какой еще не бывало. Это позже ее назовут поэзией «незамеченного поколения», но в те годы замеченным и отмеченным свыше чувствовал себя каждый начинающий поэт. Поэзия выплескивалась из молодых естественно и непринужденно, обретая многозначительность и став, пожалуй, главной составляющей того времени.

В 1921 году Туринцев становится членом варшавского литературного кружка «Таверна поэтов», которым руководил А.Л. Бем. В апреле 1922 года он переезжает в Прагу, чтобы продолжить прерванное когда-то в России образование: 1 июля 1922 года он зачислен на Русский юридический факультет, в 1925 году он оканчивает его.

Пражский период — особенный в жизни Туринцева, период творческий: он ощущает себя литератором. Самое важное в его тогдашней жизни — посещение собраний «Скита поэтов», чтение и обсуждение стихов, полемика, ссоры и примирения с товарищами по «Скиту», словом, это была настоящая жизнь настоящего поэта. Печатаются его стихи, а кроме того, он выступает в печати как литературный критик. Его фамилию можно встретить и в журналах «Записки наблюдателя», «Своими путями», «Воля России», «Студенческие годы», и в газетах «Последние новости», «За свободу», «Дни». Чему бы ни были посвящены его рецензии и критические разборы, их объединяла неизменная и принципиальная авторская позиция: Туринцев рассматривал литературу России и зарубежья как литературу единую и всегда выступал против политической тенденциозности той или иной стороны. Однако, высоко ценя поэзию Пастернака и Есенина, прозу Бабея, Пришвина, Леонова и других русских талантов, он все же не признавал так называемых

пролетарских писателей и поэтов, считая, что их творчество «в корне дефективно»³⁹².

В ноябре 1925 года Туринцев почти одновременно с Рафальским вступает в Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии. Казалось, он твердо встал на прямой творческий путь, но в который уж раз Туринцев круто меняет свою жизнь: в начале 1926 года он переезжает в Париж. И снова без средств, и снова берется за любую работу: моет бутылки, работает фонарщиком, расписывает платки для ателье Краевича и Довида Кнута (как это в свое время будет делать и С.М. Рафальский) и даже поет в частной опере... Полунищий, полуголодный, как тысячи тогдашних «русских парижан». К тому времени революция, Гражданская война уже позади, умерли родители, расстреляна сестра Мария, арестована и сослана сестра Наталья. Туринцева все больше и больше занимают мысли о предназначении человека, о вечном противоборстве в его душе добра и зла. Его волнует вопрос: почему человек так часто становится в этой борьбе на сторону зла и послушно следует за страстью к разрушению? Не в этой ли атавистической страсти причина войн и революций? И что надо сделать, чтобы действенным началом в человеке стало добро?

В его мире, исполненном преимущественно бытовых забот, для ответов на эти вопросы не было ни места, ни времени. И Александр Туринцев рвет свои связи со светским творчеством и поступает в Св.-Сергиевский православный богословский институт. Теперь он изучает вопросы сущности бытия, поет в церковном хоре, — он наконец нашел свой путь.

Получив в 1931 году звание кандидата богословия, Александр Туринцев назначен к продолжению занятий философией и богословием в Бонне (Германия). Однако, не пожелав идти под юрисдикцию Константинопольского патриарха, он лишается этой возможности и выбирает монашеское служение. Знакомство в 1937 году с Татьяной Викторовной Милобендзской (1913–1950) не дало этому плану осуществиться — молодая умница и красавица решительно заявила: «Монахом вы не будете. Вы женитесь на мне и станете священником». Так и вышло. В 1942 году у них родился сын Александр, а два года спустя — дочь Мария. В 1948 году Туринцев был рукоположен в диакона, в 1949 году — в иерея с назначением вторым священником в храм Трех Святителей в Париже.

В 1950 году после тяжелой болезни умерла Татьяна Викторовна, и маленькие Александр и Мария остались на попечении отца. Жили бед-

но и трудно, но вера и надежда всегда были им помощники. В 1953 году Туринцев назначен настоятелем парижского кафедрального храма Трех Святителей, где он мирно и плодотворно прослужил до самой своей кончины. Александр Александрович Туринцев-старший скончался 25 декабря 1984 года и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Вот, собственно, те биографические сведения, которыми я к моменту моего свидания с А.А. Туринцевым-младшим располагал.

Но я упорно продолжал искать стихи А.А. Туринцева-старшего. А если улыбнется удача, быть может, найдутся неизвестные материалы, редкие фотографии.

И вот она наконец, долгожданная встреча с Туринцевым-младшим! Красивый седой человек. Удивительный собеседник: внимательный, чуткий, добрый. Он из тех редких теперь людей, для которых память об ушедших в буквальном смысле — святое дело. Он деятельно готов мне помогать в моих разысканиях, он сразу дарит мне несколько фотографий своего отца, но, увы, стихов и статей у него нет! Зато сохранилась квартира отца на улице Домбаль в XV округе со всей его библиотекой, и если я располагаю временем... Конечно я им располагал. Так я оказался в небольшой квартирке на первом этаже с двумя смежными комнатами, окнами во двор. Обстановка очень простая, только на стенах сплошь фотографии, портреты Н.А. Бердяева, Сергея Булгакова (чьи лекции Туринцев слушал в богословском институте), композитора и пианиста Николая Карловича Метнера, балерины Нины Вырубовой, родных. По стенам полки, стеллажи с книгами. Начинаю беглое знакомство с библиотекой. Книги стоят строго по разделам: так легче найти нужную.

Большой раздел философско-религиозной литературы. Здесь работы В. Соловьева, С. Булгакова, Л. Шестова, С. Франка, А. Карташева, Г. Флоровского, В. Зеньковского, В. Ильина, Б. Вышеславцева, Г. Федотова и многих других. Беру с полки книгу Н. Бердяева «О назначении человека» (1931). На титульном листе автограф: «Дорогой Роме с дружеской симпатией. Николай Бердяев». Напрягаю память. Да-да... Эта книжечка, видимо, была подарена Роме Семеновне Клячкиной (1902–1959). В 1920-е годы она работала в Берлине во французском посольстве вместе с Верой Слоним, будущей женой В. Набокова-Сирина. Переехала в Париж, участвовала в работе организации «Православное дело», созданной матерью Марией: спасали от голода бедняков, во время оккупации — евреев. Вспоминаю, что видел ее могилу на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Кажется, у меня сохранился сни-

мок. Именно в ее могилу первоначально был захоронен писатель Виктор Некрасов.

Большой раздел художественной литературы — здесь Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Тютчев.

Рядом с классиками стоят собрания сочинений А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева, В. Ходасевича, М. Цветаевой, О. Мандельштама, М. Волошина, книги М. Булгакова, А. Солженицына, М. Каратаева, отдельные поэтические сборники В. Смоленского, Г. Иванова, В. Мамченко, И. Елагина, С. Прегель, Б. Пастернака и многих других. Тут же рядом воспоминания Ю. Терапиано, З. Гиппиус, С. Маковского, Н. Мандельштам, А. Гладкова и других. Вот целая подборка книг К. Мочульского, работы В. Вейдле, В. Кандинского, Ю. Иваска, Г. Мейера, Н. Метнера и других.

Рука непроизвольно тянется к тоненькой книге Алексея Михайловича Ремизова. Встречался ли Ремизов с Туринцевым? Этот оригинал и мифотворец на своей книге «Круг счастья» (1957) оставил рисунок и автограф: «Спасибо, Алексей Ремизов. 24.VI–7.VII.57. См. стр. 74 и библиографию в конце книги». На странице 74 начертано «Экземпляр о. Александра Туринцева».

Книги на русском, французском языках. Небольшие разделы по истории, искусству, музыке, театру.

Многие книги с дарственными надписями авторов: Л. Карсавина, В. Варшавского, Н. Кодрянской, З. Шаховской, С. Прегель, В. Мамченко и многих других.

Обращают на себя внимание книги, изданные в Советском Союзе. В основном это подарки. Со многими авторами Туринцев встречался в Париже, Москве, Ленинграде.

Приведу лишь две дарственные надписи:

«Дорогому Александру Александровичу Туринцеву с благодарностью за его работу и милосердие к душам, ищущим самих себя. Евг. Евтушенко» (Братская ГЭС. М., 1957).

«Александру Александровичу с чувством вечного благоговения перед тем, что Вам — едино дорогá Россия. Ольга Берггольц. Июль 1970. Ленинград» (Верность. Л., 1970).

Библиотека Туринцева интересна не только своим уникальным составом — прямым отражением уникальности и широты личности своего хозяина, но и тем еще, что во многих книгах имеются его пометы, дающие нам редкую возможность узнать, как читал и что думал при этом Александр Александрович, — возможность понять его.

Туринцев жалел свои книги, все пометы он делал только карандашом, и они многочисленны, эмоциональны и умны. Он подчеркивал отдельные слова и фразы, ставил вопросительные, восклицательные знаки и энергичные «нота bene». Но самое ценное — его пометы-комментарии на полях! Судя по маргиналиям, особый интерес Туринцев проявлял к биографиям и творчеству Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Ходасевича и А. Солженицына.

К примеру, читая стихи Мандельштама, Александр Александрович оставляет у стихотворения «Пешеход» ремарку: «Какой сонет! Классика!», а у стихотворения «Царское село», у третьей строки «там улыбаются уланы», подчеркнув «уланы», пишет — категорическое: «? Уланы не стояли в Ц. Селе!» Или вот еще такая помета у стихотворения «Silentium!»: «“За” или “au delà” * Тютчева “Silentium[!]”».

Прошло два года после моей первой встречи с Туринцевым-младшим. И вот я снова в доме на улице Домбаль. Но теперь все книжные редкости принадлежат Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей России — это щедрый и бесценный дар ей от Александра Александровича Туринцева. Я сижу за рабочим столом отца Александра, держу в руках его книги, составляю опись библиотеки и пытаюсь мысленно воссоздать хотя бы один день его подвижнической жизни: вот он в священническом одеянии выходит на крыльцо своего дома... Идет всегда пешком на улицу Петель в храм, что в десяти минутах от дома. Там его ждут люди со своими бедами и заботами, одних надо утешить, другим отпустить грехи и дать надежду, порадоваться за третьих...

До сих пор многие хранят теплую память об отце Александре. Прихожане любили своего пастыря, его глубокие проповеди и сердечные беседы. Притягательной и воспитательной силой веры он соединял русских в своем храме. Учил «избегать ссор, вражды, понимать друг друга, прощать несогласия во взглядах, хранить себя, избегать слепого подражания чужим нравам...»³⁹³ Так изо дня в день в течение многих лет наставлял отец Александр свою паству...

Лучшим подтверждением этих слов служат книги, подаренные Александру Александровичу.

Дорогому, истинному христианину, отцу Александру, который дал мне столько радости в его церкви своей человеческой христианской теплотой и любовью бесконечной к Богу и к людям. Спасибо, дорогой отец Александр! Христос Воскресе! Татьяна Флавицкая. 29/IV 78 г. —

* Выше (фр.).

такую надпись сделала на своей книге «Там Россия, Россия моя...» (Париж, 1970) внучка живописца Константина Дмитриевича Флавицкого, широко известного своей картиной «Княжна Тараканова».

Поэт, литературный критик, издатель журнала «Аполлон» Сергей Константинович Маковский написал на книге М. Форштер «Избранные стихотворения» (Париж, 1960):

Глубокоуважаемому отцу Александру Туринцеву от составителя этой книги в память друга, который рвался к свету, но захлебнулся в смертельных сумерках нашего времени — с надеждой на отклик. Сергей Маковский. 21 февраля 1961. Париж.

Прихожанка поэтесса А.С. Шиманская оставила следующую надпись на своей книге «Антенны» (Париж, 1976):

Дорогому отцу Александру Туринцеву доброму и чуткому с благодарностью от преданной А. Шиманской. 1 апреля 1977 г. Париж.

«Ученый священник, бывший пражский поэт»³⁹⁴, — так охарактеризовал отца Александра Туринцева известный литературный критик, поэт и мемуарист Ю.К. Терапиано.

Самозабвенно любящий слово, широко одаренный, отзывчивый, доброжелательный, терпимый — таков был Александр Александрович Туринцев. Эти столь редкие сегодня в одном человеке прекрасные качества как магнитом притягивали к нему писателей, артистов, художников, богословов. Об этом свидетельствуют и публикуемые письма В.С. Варшавского, В.Н. Вырубовой, А.М. Ланского, о. Александра Шмемана и других. Автографы писем хранятся в Рукописном отделе ЦНБ СТД РФ³⁹⁵.

* * *

Случай свел в моем рассказе двух старинных друзей — С.М. Рафальского и А.А. Туринцева. Многие роднило этих людей: первоэмигрантский польский период, внезапно возникшая творческая близость в Праге, в «Ските», и, наконец, дружба, которая до конца их дней не прекращалась. Находясь вдали друг от друга, они обменивались короткими письмами, а живя во Франции, уже почти не расставались. Они в итоге примирились с эмигрантской судьбой, один — благодаря оптимистическому мировосприятию, другой — благодаря вере в Божественный промысел. И самое главное, они оба были безмерно преданы России и всю жизнь так или иначе были связаны с ее жизнью, историей, культурой. И думается, к ним обоим в равной и полной мере можно отнести слова Ольги Берггольц: «Вам — едино дорогá Россия».

* * *

Нас огорчает злая боль земная:
без пищи звери, люди без угла,
и города, что войны разрушают,
и старости печальные дела.
А впереди — загадка роковая,
и все равно, куда душа ни шла,
в любой стране, духовно отдыхая,
никак земного не изгладим зла.
Но кротко, в общем, сердце человечье
и каждый раз, перетерпев увечье,
легко Творцу прощает грех миротворенья
за кофе с ломтиком миндального печенья,
за болтовню у ручейка наяд,
за женский быстрый безразличный взгляд.

[1923]

* * *

*Памяти Н.А. Тургеневой*³⁹⁶

Ты в первый раз приходишь в этот мир.
Ты полон весь слепым желаньем сбыться,
в тени лесов под щебет птичьих лир
нащупать, взять, насытиться, упиться...
Потом тебе иная жизнь приснится,
и мир сей кажется безрадостен и сир,
душа стремится в радужный эфир,
где незакатная горит звезда — Денница.

Но вот последний замыкаешь круг
и жаль всего в земном недолгом плене,
и рад всему — цветам, клянущим плуг,
плодам полей, телам в любовной неге.
И дел земных непрочные следы
тебе дороже ангельской звезды.

1942

НА БУЛЬВАРЕ

...Идешь и не знаешь: откуда уют?
Все так же машины шипят и ревут...
И вдруг догадаешься — липы цветут!
...Хоть пчелы их здесь не найдут...
Как томительно стали мы жить!
Все не можем о чем-то забыть,
разучились без горести быть.
Скажешь слово, а слово — ложь,
смотришь в очи, и взгляды — нож,
каждый — взъерошенный еж...
Горе ставшим на стыке времен,
преступающим ветхий Закон
вновый Эон!³⁹⁷
Счастлив, живший до наших дум,
не загружавший свой ум,
как пароходный трюм.
Был его жребий порой тяжел,
Но для него мир дышал и цвел
святостью лип и премудростью пчел.
Счастливы те, что еще не пришли —
не мы ль в Хиросимах сгораем, как тли,
для праздника их Земли?

Им тоже не видеть алмазных небес,
но будет их дух среди адских чудес
привычно спокоен, как бес...

[1947]

ПРОЛОГ

Когда сжаты поля, потемнела скорлупка лесного ореха, —
засыпает земля, собираются птицы в Вирей³⁹⁸ —
отдается с небес, словно райское эхо,
переключка серебряных труб журавлей.

И заслышав их зов, как спросонья, душа затомится,
жизнь привычная сразу становится злей и трудней,
будто где-то судьбы повернулась страница,
будто стала душа на скрещенье различных веков,
бьет крылами над ней перелетная птица
и несет за предел безграничных лесов
и полей...

И мечтается ей —

что кончаются где-то морозов и буден туманы,
на песок золотой плещет теплой водой океана,
вечно праздничный мир навсегда, как весной, зеленеет,
среди бессмертных цветов ароматные зреют плоды,
и от века до века

неустающее солнце лелеет
жизнь человека

без трудов и нужды...

А у нас —

на леса, на поля, на луга
плотной шубой глухие ложатся снега,
избы в них — как медведь в потаенной берлоге.

Уравняют метели долины и взгорья,
не найти ни пути, ни дороги...

Увязает по грудь добрый конь копыеносца Егория,
в тяжких валенках трудно ступают невольно ленивые ноги
путями Истории...

[1975]

ОСЕНЬ

Покрыв обносом летней зелени
холмов покатые бока,
день айсбергом иного времени
плывет, качаясь, в облаках.
Дождь каплет вяло, неустойчиво.
Перестает. Не знает сам.
И рыщет Смерть вслед гона гончего
по перелескам и полям.
Для вольной твари нет спасения,
повсюду лают и палят,
и даже у ворот селения
возможности убийства рад
ничтожнейший, как в буквах ижица,
неся ружьишко на ура,
беря на мушку все, что движется,
прочесывает клевера.
А заяц, ушки намакушкены,
под кочкой, затаясь, лежит,
и золотая осень Пушкина
его никак не веселит.
Но все проходит. Гон умается...
побед нетрудных кончен счет,
и тишина под сердцем зайца,
как речка райская, течет...
Пестро сгорают зори ранние,
как будто небо видит сны,
и в ночь, истомой увядания
уже давно поражены,
морозные почуяв лезвия,
кровоочат листы осин...
А утром зябким мелколесьем
проходит чуткий господин —
и ложь манерная поэзии
хвост распускает, как павлин...

[1970]

ЧУР

Да, мы братья, но мы чужие,
нам не скажешь: совет да любовь!
И широкое имя Россия
никогда нас не свяжет вновь.
Сев на полюс тяжелым задом,
упираясь в Памир каблуком,
Русь пропахла азийским смрадом,
кровью, ладаном и кизяком.
И хотя из берлоги медвежьей
на державный нас вынесло путь —
вы все та же мерейская нежить,
вы все та же закаятая чужь.
Невыскательные холопы
бесноватых царей и владык,
подошли вы под стены Европы
кочевыми кострами орды.
Не изжить вам холопью истому,
не войти ни в Афины, ни в Рим,
вы навек — исторический омут,
но мы больше тонуть не хотим.
Нас не мучит тревога номада,
разорителя западных стран —
под вечерней зарей Цареграда
вырос сказочный Киев полян.
И в былинных боях и походах
в героическую старину
рог Роланда³⁹⁹ и меч Ланселота⁴⁰⁰
на Каяле⁴⁰¹ и на Дону⁴⁰².
Что нам спорить? О чем препираться?
Что сказать вам в последний раз?
Закреститься бы нам, зачураться,
завалиться бы валом от вас!
Чтобы птицы от вас не летали,
чтоб и зверь не бежал полевой,
чтоб вы сами себя попытались
осчастливить своей мечтой.

ЧУЖИМ ВНУКАМ

Иначе зрели наши годы:
из елочных веселых книг
нас в тайны девственной природы
нес вымысла послушный бриг
через моря, через невзгоды
на неоткрытый материк.
...Гудели бубны, пели стрелы,
мустанги ржали возле стад...
За обреченной каравеллой
шел романтический пират,
и — кому надо и не надо —
и где-нибудь, и как-нибудь
в таинственное Эльдorado
искал ненаходимый путь...
Иль там, где все навеки немо,
среди кораллов и акул
как спутник капитана Немо
смотрел на мир, что затонул.
Теперь весь шар земной изведан:
со всех долгот, со всех широт
до Зимбабве и до Тибета
крылатый лайнер донесет.
Но достижениями не снята,
мечта зовет в иные дни —
блестят на шлеме космонавта
созвездий елочных огни —
громокипящие ракеты,
как парус древних каравелл,
к еще неведомым планетам
несут того, кто горд и смел,
чтобы иным — не нашим — людям
он мог, как сказку, рассказать
как мы живем, как не избудем
мечту мечтой перегонять,
всегда искать пределов новых,
иной судьбы, иной страны
и снова быть к пути готовым —
как учат, Богом нам даны, —

что компас — детства золотого
неутоляемые сны.

1973

ПИСЬМА к А.А. ТУРИНЦЕВУ

*Н.Е. Андреев*⁴⁰³

6 апреля 1968

6 апреля 1968 г.

Дорогой отец Александр,
для меня было подарком судьбы не только встретиться опять с Вами,
но и побеседовать столь разнопланно, столь глубоко и столь увлека-
тельно. Сердечно благодарю Вас. Надеюсь, что диалог будет — в не-
далеком будущем — продолжен у нас: пожалуйста, приезжайте.

Мне очень хотелось бы помочь появлению тома поэм и сти-
хотворений С.М. Рафальского⁴⁰⁴. Веду переговоры с издательства-
ми. Что Вы думаете, могли бы «друзья поэта» сложиться создать
хоть какой-то «фонд» для издания? Предисловие Э. Райса.

Прошу Вашего пасторского благословения.

Ваш Ник. Андреев

P.S. Прилагаю письмо от Лебедева⁴⁰⁵, — пож[алуйста], покажите
С.М. Р[афальскому] и потом пришлите.

Нельзя ли прислать заметку из «Русск[их] нов[остей]», 22-III, о
вечере Ремизова⁴⁰⁶. Спасибо.

*В.С. Варшавский*⁴⁰⁷

2 сентября 1973

2.9.73

Дорогой отец Александр,
после года неприкаянной жизни стали наконец на якорь: в Ферней-
Вольтере. Едва оправились от ужаса переезда и расстановки вещей и
книг, как опять едем: будем два месяца в Испании, где у Тани⁴⁰⁸ кон-
ференция. Накануне отъезда хочу сказать Вам, с каким хорошим чув-

ством мы вспоминали наши встречи с Вами в Париже, Ваше дружеское к нам отношение, Ваше гостеприимство, все наши разговоры.

Мы живем здесь недалеко от замка «фернейского злого крикуна»⁴⁰⁹ и построенной им церкви с надписью на фронтоне: «Богу воздвиг Вольтер». (Его поклонники, приезжая из Парижа, говорили: «Вот эти два больших имени в первый раз вместе».)

Здесь хорошо, тихо, деревня, горы, но очень грустно, что пришлось оставить друзей: в Нью-Йорке, в Мюнхене, в Париже. Бываете ли Вы в Женеве? Тогда нас не забывайте. У нас нет еще телефона, но вот наш адрес (это во Франции, но совсем близко от Женевы):

V. Varsavsky
19 ave[nue] du Juke apt. C.13
01210 Ferney-Voltaire

Мы моторизованы и приедем за Вами, и привезем к нам, и отвезем потом, куда Вам будет нужно. Два дня тому назад здесь был отец А. Шмеман⁴¹⁰. Он освятил наше новое обиталище. Вспоминали Вас. А до ноября мы будем в Испании.

V. Varsavsky
с/о Т. Deruguine, interprète
Conferencia U.I.T.
Palacio de Congressos
Torremolinos (Malaga)
Espagne

Шлем Вам сердечный привет.

Ваши *Таня и В. Варшавские*

[*Приписка Т.Г. Варшавской:*] Не забывайте нас, мне очень грустно, что наше общение было столь мимолетным!

*Н.В. Вырубова*⁴¹¹

1

[*Без даты. До 8 февраля 1976*⁴¹²]

Дорогой отец Александр.

Рада буду Вас увидеть и представить Вам мужа. Ждем Вас дома после концерта 8 февраля⁴¹³. Будет несколько друзей. Обнимаю сердечно. Храни Вас Господь.

Ваша *Нина*

2

[Без даты. 8 августа 1979]

Чудно и дивно наслаждалась японской жизнью, немного жарковато. Перед отъездом никак не могла Вам дозвониться. Все прошло хорошо, рада была вернуться — часто думаю о Вас.

Целую, обнимаю и люблю.

Ваша *Нина*

3

[Без даты. 19 апреля 1981]

Боже, до чего же хорошо жить в такой дивной и дикой природе, чувствовать себя чище и ближе к Богу. Около пруда слушала дивный лягушачий оркестр.

До скорого — крепко обнимаю и люблю.

Ваша *Нина*

4

[Без даты. 29 декабря 1981]

Дорогой отец Александр.

Спасибо за телефон. Итак, по собственной воле сию далеко от всех своих любимых. Погода отвратная. Тучи черные. Считаю дни. Поздравляю сердечно и желаю всего наилучшего.

Крепко обнимаю.

Ваша *Нина*

*К.Ф. Грундт*⁴¹⁴

10 января 1974

10.1.1974

Дорогой Александр!

Из-за концерта и моей главной роли в пьесе «Волки и овцы» ярываюсь на миллион частей!⁴¹⁵ К великому моему сожалению, я никак не смогла ни быть в церкви, ни хотя бы! [выполнить] свое решение Вас поздравить. Но, надеюсь, Вы меня извините. Надеюсь видеть Вас на моем концерте. Очень Вас прошу поместить «летучки».

Все, что лично я могла развесить — я сделала. Хотелось бы избежать «дефицита», кот[орый] оплачивать мне было бы очень трудно. Квартирантка есть (до апреля), но вещи мои не проданы. Ну, авось, будет публика.

Всего доброго!

Ваша Ксения

Л.А. и В.А. Зандер⁴¹⁶

[Без даты. После 17 января 1950]

Дорогой отец Александр,

С большой скорбью узнали мы о постигшем Вас горе!⁴¹⁷ Примите наше самое сердечное сочувствие. Мы знали о той ужасной болезни, которая мучила Вашу жену, и всегда душою были с Вами; знали и подвиги Вашей веры и терпения. Если есть какое утешение в Вашем неутешительном горе — это только сознание, что кончились ее муки и что принятые в смирении и вере муки болезни становятся мученическим венцом. Да поможет Вам Господь!

С любовью Ваши Л. и В. Зандер

А.М. Ланской⁴¹⁸

[Без даты. 12 мая 1965]

Дорогой отец Александр,

я был рад нашей встрече и тихой беседе. Конечно, грустно, что Вы пьете меньше вина, но в этой грусти есть и восхождение. Думаю, что и у меня произойдут кое-какие перемены. Я стал снова ходить в Лувр. Говорят, что Сталь⁴¹⁹ тоже (перед смертью) стал ходить в Лувр. Я говорю: тоже стал ходить в Лувр, но не тоже перед смертью. Мы об этом никогда и ничего не знаем. Настоящее оправданное предчувствие (предсказание) может случаться только один раз. То, что я чувствовал и думал в момент, когда был ранен, и если бы я тогда умер и если бы я мог после того думать, то думал бы, что это и есть предчувствие смерти.

Из всех наших теперешних священнослужителей, мне кажется, единственно кто мог мне очень помочь в моем исключительно тяжелом состоянии — это Антоний⁴²⁰ (из-за его неskomпрометированной, хотя и едва-едва существующей связи с ними). Но он недостижим, а у меня нет навыка приближаться к сильным мира сего (в этом отношении я гораздо слабее Сталя). Я говорю мне (помочь), но думаю им и, правда, готов отдать жизнь за то, чтобы у них установились мир, тишина и любовь и чтобы настинское⁴²¹ дарование могло в полной мере развиваться и укрепиться. Для меня было очень важно, что Вы выслушали мои записи (после Вас была Анна de Stael⁴²², их выслушала она с еще большей живостью à son âge*. Такой выпал день! Я не прибедриваюсь, но хорошо, если раз в 6 месяцев мне удастся их кому-нибудь читать. Конечно, Катя⁴²³ слушает, но она слушает меня, а не то, что я читаю.

Вот еще одно, м[ожет] б[ыть], не читал: «Toute chose petite cherche un propriétaire — l'immense n'appartient à personne»**.

Письмо мое не выбрасывайте, но и не читайте никому (кроме Антония, если придется к случаю).

Сердечно Ваш

Ланской

P.S. Я же Вас невольно обманул. Gaston Pull⁴²⁴ — это издатель и тоже поэт и мыслитель, но который живет сейчас здесь около замка, а того, которого я буду иллюстрировать, я сейчас забыл, как его зовут, и весьма возможно, что его-то Вы знаете.

С.М. Рафальский⁴²⁵

1

[Без даты. 12 августа 1967⁴²⁶]

Всегда в тоске упорной глядя,
Через года и города
Несется лихо Померанцев⁴²⁷

* В свои годы (фр.).

** Любая маленькая вещь ищет владельца, огромная — не принадлежит никому (фр.).

И сам не ведает куда.
 И вот, попав в его стремление,
 Как шлюпка на девятый вал,
 Почти что с головокруженьем
 Мы снова прем на перевал.
 Сердечный привет.

Рафальские

Пятна от «пикника» на камнях. S.R. [Сергей Рафальский]

2

[Без даты. 1981⁴²⁸]

Дорогой отец!

Сердечно приветствуем Тебя из мест не столь отдаленных, но приятных, а главное — теплых и недождливых и лицам духовного звания по старой памяти родственных (церковное вино). Мы возвращаемся 31-го вечером и 1-го или 2-го очень были бы рады, если бы ты потрудились подняться или хотя бы позвонил, на 3-е, 4-е, 5-е, вероятно, снова уедем в деревню (под Парижем), в которой можем остаться и дольше (мой отпуск кончается 15-го). Во всяком случае, 1-го или 2-го по телефону (если сможешь прийти) договоримся о дальнейшем. Пока что здесь проливное солнце, деревенская тишь и покой. А сердце вот именно этого и просит. Будь здоров и благополучен. Сердечно тебя обнимаем.

Рафальские

И до скорого.

*З.А. Шаховская*⁴²⁹

13 июня 1977

13 июня 1977

Дорогой отец Александр,

я очень рада была с Вами так неожиданно встретить[ся] в Швейцарии и очень благодарна Вам за молитву о р[абе] Б[ожем] Святославе⁴³⁰.

Зашла в «Р[усскую] м[ысль]» (отпуск не кончен), и сразу журналистская суета меня захватила, мне захотелось поскорее Вам написать и послать мою книгу.

Преданная Вам

Зинаида Малевская-Малевиц

[На бланке:] «La Pensée Russe. Le Rédacteur en Chef»*.

*Прот. А. Шмеман*⁴³¹

26 января 1950

26.1.1950

96, av. de Clichy. (17).

Дорогой о[тец] Александр,

сегодня вернулся из Брюсселя, где узнал о кончине Тани. Все эти дни молился о ней, особенно вчера духовно все это время представляя — «поминал» себе ее в день ее святой. Я очень-очень давно не посещал Таню, и каждый раз, [когда] собирался это сделать, что-то мешало. Но думал и молился о ней и о Вас, и о детях Ваших⁴³² неизменно, особенно на Литургии, и о Тане всегда так легко, так светло, так хорошо молиться, думать и вспоминать о живой и о усопшей, но так же живой, ибо и «где твое, смерть, жало?»

Дорогой о[тец] Александр, примите мою малую часть и в Вашей скорби человеческой, и Вашем торжестве — и в жизни, и во смерти Таня была торжеством веры, надежды и любви, и свет ее светит и будет всегда светить всем нам, знавшим ее. Передайте это же и матери Тани, ей особенно нужно утешение и молитва, такой тяжкий крест выпал на ее долю. А Вам, предстоящему престолу, я могу только — будучи грешным и недостойным собратом, Вам желать взять от Тани всю ее силу, весь ее свет — и нам передавать его.

По-человечески, но и братски крепко Вас обнимаю и желаю от всей души, от всего сердца — помощи и благодатного утешения свыше. И верю: «и сила Всевышнего осенит» Вас и поможет Вам. Поцелуйте детей и в молитве помяните и меня, когда будете молиться. Думаю о Вас и Тане.

Любящий Вас свящ[енник]

Александр Шмеман

* «Русская мысль». Главный редактор (фр.).

Легенда балета:

Матильда Феликсовна Кшесинская

В Париже была зима. На бульваре Сен-Мишель пахло печеными каштанами и тлеющими угольками в жаровнях. Мне надо было спуститься под землю в метро, сделать пересадку и ехать до станции Пасси. Там, на высоком берегу Сены, надо выйти из поезда, останавливающегося на мосту на уровне четвертого этажа доходного дома, и идти к площади Коста-Рика.

До назначенной встречи оставалось еще немного времени, можно было побродить. Свернув налево на рю Ренуар, постоял у дома под номером 48, в котором когда-то жили популярный в свое время поэт Константин Бальмонт и писатель Алексей Толстой со своей женой поэтессой Натальей Крандиевской. Полюбовался домом Бальзака (№ 47). Теперь здесь музей писателя. Затем отправился на улицу Черновиц, где мне и была назначена встреча.

Заочное знакомство (чему я обязан критику и историку балета Наталье Черновой) с известным балетным критиком Ирэн Лидовой началось в Москве в 1994 году, когда устраивалась первая выставка работ ее мужа, знаменитого фотомастера. «Балет мира глазами Сержа Лидо» — так она называлась. На выставке были представлены фотографии звезд мирового балета: Вацлава Нижинского, Галины Улановой, Сержа Лифаря, Тамары Тумановой, Нины Вырубовой, Марго Фонтейн, Иветт Шовире, Ролана Пети, Владимира Васильева, Екатерины Максимовой, Ирины Колпаковой и многих, многих других. Кроме того, на выставке экспонировались великолепные фотоальбомы, изданные Сержем Лидо, звездой первой величины в области балетной фотографии. И все это было передано Ирэн Лидовой в дар Центральной научной библиотеке Союза театральных деятелей России.

Великая балерина Екатерина Максимова высоко оценила Сержа как человека, несущего в себе праздник, переживающего как праздник каждое мгновение жизни. А Владимир Васильев отмечал в твор-

честве Лидо любовь и «тонкое ощущение личности и индивидуальности каждого — от всемирно известной звезды до начинающей совсем юной танцовщицы».

Откуда, какими судьбами явился в мир танца этот удивительный мастер Серж Лидо?

Сергей Петрович Лидов, таковы его настоящие имя и фамилия, родился 28 января 1906 года в Москве в семье видного адвоката Петра Петровича Лидова. В 1909 году Петр Петрович защищал поэта Маяковского по делу тайной типографии Московского комитета РСДРП(б) и по подозрению в причастности к организации побега тринадцати политических каторжанок из женской тюрьмы. Об этом П.П. Лидов оставил свои воспоминания «Маяковский под судом», опубликованные в «Литературной газете»⁴³³.

Мать его, Елизавета Созонтьевна, в 1920–30-е годы работала вместе с Екатериной Павловной Пешковой в Политическом Красном Кресте. Но в 1937 году был арестован Петр Петрович Лидов (погиб в заключении), Елизавета Созонтьевна как жена «врага народа» пятнадцать лет провела в ссылке.

Сергей покинул Россию еще в 1924 году, чтобы продолжить учебу. Он поселился в Париже, где окончил Высшую политехническую школу (одно из престижных учебных заведений Франции). Сергей собирался вернуться в Москву. Однако его встреча с журналисткой, танцовщицей Ириной (Ирэн) Сергеевной Каминской (1907–2002), влюбленной в балетное искусство, перевернула его судьбу. (В Париже Ирэн брала уроки танца у О.И. Преображенской, посещала Школу пластического балета К.Л. Исаченко, окончила филологический факультет Сорбонны.) Став женой Сергея, Ирэн Лидова ввела его в журналистский круг.

Купив небольшую фотокамеру, Сергей Лидов становится Сержем Лидо, корреспондентом знаменитого журнала «Вю» («Vue»). С этого времени искусство фотографии становится его основной профессией. Он сотрудничает также в журналах «Мариэнн магазин» («Marienne magazine»), «Ведетт» («Vedette»), становится первым фотографом, который делает репортажи, посвященные артистам балета, снимая их на сцене и за кулисами.

В 1947 году Серж Лидо выпускает свой первый фотоальбом «Танец», куда вошло около ста его работ. Альбом имел огромный успех, и вслед за первым альбомом последовали другие. Всего их было издано двадцать пять.

Предисловие для балетных альбомов Сержа Лидо писали такие знаменитости, как Жан Кокто, Серж Лифарь, Джордж Баланчин, Жан-Луи Барро, Марта Грэхем, Морис Бежар и другие. Он оборудовал студию на Иль-Сите, которая стала своеобразным творческим клубом выдающихся артистов всего мира.

Вручение Сержу Лидо ордена Почетного легиона в 1973 году было высоким и символичным признанием его искусства. В 1973 году в Стокгольмском музее балета была открыта выставка работ Сержа Лидо, которая затем объехала почти весь мир.

6 марта 1984 года Серж Лидо скончался в Париже.

В квартире на рю Черновиц жива душа мастера и царит дух балета. В гостиной у камина стеллажи с книгами о балете на всех языках мира. На стенах — эскизы костюмов, декораций к балетным спектаклям. Здесь висят работы Н. Гончаровой, М. Ларионова, С. Лифаря, Ж. Кокто.

...За окном сгущается темнота. Мы уютно располагаемся за столиком под торшером, ведем разговор об общих знакомых, театральных новостях, о книгах по балету, о выставках. Я привез Ирэн кассету с видеозаписью вечера, посвященного памяти Сержа Лидо, и открытия выставки его работ в библиотеке, пригласительный билет на выставку и отзывы о ней в прессе. Ирэн в очередной раз дарит несколько фоторабот Сержа (среди них фотография Матильды Феликсовны Кшесинской за год до ее смерти), папки с газетными рецензиями и сообщениями о презентации альбомов Сержа Лидо.

В этот раз Ирэн протягивает мне синенькую тонкую школьную тетрадь и, улыбаясь, говорит: «А это лично Вам за выставку Сержа...» Я произношу слова благодарности, еще не вполне осознавая, что за тетрадь у меня в руках. На обложке ее набрано: «С. Савельева склад тетрадей, учебных и канцелярских принадлежностей. Измайловский полк, 1-я рота, д. 2/3. СПб.». В центре черными чернилами выведено: «Дневник М. Кшесинской». Только сейчас до моего сознания доходит ценность и значимость тетрадки. В тот момент я даже не поинтересовался, как это к ней попало, о чем до сих пор очень сожалею и не могу себе простить.

Публиковать дневник такой легендарной женщины и выдающейся балерины, как Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971), — дело рискованное. То, о чем она сама сочла нужным рассказать, читатели найдут в ее книге «Воспоминания» (М., 1992).

Окончив экстерном весной 1890 года Императорское театральное училище, Кшесинская была зачислена в труппу Мариинского театра.

Став примой-балериной императорской балетной сцены, она была и хозяйкой балета Мариинки. О ней с восторгом писали критики Андрей Левинсон, Аким Волинский, Александр Плещеев, артисты балета Тамара Карсавина, Михаил Михайлов. Оставив в июне 1904 года службу по ее собственному прошению, М. Кшесинская не помышляла об уходе. Дирекция приглашала ее на отдельные балеты. Она продолжала танцевать и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне, и в Берлине, и в Вене, и в Монте-Карло. Принимала участие и в Русских сезонах Дягилева. 19 февраля 1920 года она навсегда покинула Россию.

Ни у кого нет сомнения в том, что ее сценическая деятельность составила целую эпоху. Но известность она обрела как любовь наследника престола, будущего Николая II, для которого она, Кшесинская, была первой любовью. «Что бы со мной в жизни ни случилось, встреча с тобой останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости»⁴³⁴, — писал Николай Матильде Кшесинской.

Легенды, сопровождавшие имя Кшесинской при жизни и после ее смерти, создававшиеся ею самой и другими, подхватывались и обосновались биографами, становились признанными фактами. Личная жизнь Матильды Феликсовны по сей день интересует огромную аудиторию.

Вечный в принципе и не решенный для любого публикатора нравственный вопрос: не будет ли нескромностью, если мы заглянем в не предназначенный для публичного чтения дневник? И все же заглянем. Со всей возможной симпатией и деликатностью. Попытаемся вслушаться в ее слова, в ее голос, в ее душевный ритм. Но прежде еще несколько слов о самом дневнике.

Дневник М.Ф. Кшесинской представляет собой тетрадь в двадцать шесть листов, исписанных с обеих сторон. (Известно, что сохранились и другие дневники Матильды Феликсовны.) Первая запись датируется «вторником, 9 декабря» 1886 года. В этом году Кшесинская (после первых педагогов Л. Иванова и Е. Вазем) была переведена в «класс виртуозности» к знаменитому Христиану Петровичу Иогансону (1817–1903), которому, по ее утверждению, она обязана своей карьерой.

Вчитываясь в строки дневника, интересна почти каждая запись. Казалось бы, записи воспитанницы балетного училища, девичья заветная чепуха, иной раз будто прямые цитаты из романов забытой Лидии Чарской... Но из этих бесхитростных, стилистически неприбранных полудетских строк вырисовывается драгоценная своей детальной, даже рутинной подлинностью картина каждодневной жизни Петербургско-

го театрального училища, из стен которого выпорхнуло на мировые сцены бесчисленное количество знаменитостей. По сути, дневник Кшесинской, как и воспоминания, надо читать подряд, как единое целое, чтобы из многих штрихов родилась общая картина ушедшего мира, некогда увиденная Матильдой Феликсовной. Безусловно, дневник представляет несомненную документальную ценность. Явно проступают и основные особенности ее характера. Все в духе того времени! Когда балет Петербурга был тесно связан с монархией, с петербургским двором.

Автор записок была выдающейся балериной. Именно она, несравненная, блистательная Матильда Феликсовна, вытеснила с петербургской сцены итальянских блестящих гастролерш и открыла дорогу целой плеяде русских балерин. Она не только научилась делать то, что умели делать только они, но впоследствии в Париже основала студию и научила этому своих учениц.

Но вернемся к началу ее судьбы. К первым записям Кшесинской всего четырнадцать лет. Будущее рисовалось безоблачным. Уже в следующем году появляются записи об особах царствующего дома. В дневнике за 1890 год, когда первые выступления Кшесинской как профессиональной артистки были связаны с красносельским летним сезоном, упоминаются великие князья и княгини, появляются их криптограммы.

На последних страницах дневника Кшесинская рисует бесконечно вензель из двух букв Н и Р и рядом оставляет запись, обведенную чернилами, — «не забывайте 1890». Несколько раз она пишет только начальные буквы слов, что читается как: Е[го] И[мператорское] В[ысочество] Н[аследник] Ц[есаревич], В[еликий] К[нязь] Н[иколай] А[лександрович] Р[оманов]. Девять раз ее рукой начертано «Николай». Дважды Матильда Феликсовна фиксирует даты рождения наследника и ее: «6 мая 1868. 19 августа 1872». Здесь же ею сделаны записи по-английски и по-французски: «I love you» — «Je t'aime Nicolas» («Я люблю Вас. — Я тебя люблю, Николай»).

Рядом помечена дата «23 марта 1890» — день первой встречи Матильды Феликсовны и наследника Николая Александровича, присутствовавшего на спектакле в Театральном училище. Об этом рассказано в мемуарах Кшесинской, и есть дневниковая запись Николая: «Поехали на спектакль в Театральное училище. Была небольшая пьеса и балет. Очень хорошо. Ужинали с воспитанниками»⁴³⁵.

4 июня 1890 — в этот день в летнем Красносельском театре Кшесинская исполняла сольный танец и видела наследника Николая Алек-

сандровича. Сравните отрывок воспоминаний М.Ф. Кшесинской: «Мои мечты сбылись. Не только в первый день, но и на всех представлениях Наследник приходил на сцену и разговаривал со мной»⁴³⁶ с ее записью в дневнике от 14 июля 1890 года.

Третья дата загадочная: «6 декабря 1890. 2 марта».

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать об этой ученической тетрадке.

«Ничто не сближает так людей, как искусство»⁴³⁷, — утверждал А.А. Фет. Но это сближение имело свои пределы. 7 апреля 1894 года было объявлено о помолвке наследника цесаревича с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской. Жизнь разрубила этот узел. И было принято решение — единственно возможное решение. Спустя полвека Кшесинская поведала об этом в своих мемуарах: «После своего возвращения из Кобурга Наследник больше ко мне не ездил, но мы продолжали писать друг другу»⁴³⁸. Правда, почти через тридцать лет М.Ф. Кшесинская вышла замуж и добились-таки высочайшего повеления, согласно которому она стала светлейшей княгиней.

Я продолжу свой рассказ. Франция хранит память о Матильде Феликсовне. В Каннах действует русская церковь Св. Михаила Архангела, в которой 21 января 1921 года состоялось венчание великого князя Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской. На Лазурном Берегу, в местечке Кап-д'Ай сохранилась вилла Алам (перевернуто домашнее имя балерины — Маля, Мала), купленная Андреем Владимировичем еще в 1913 году для Кшесинской. С марта 1920 года по начало 1929 года Кап-д'Ай был местом пребывания Матильды Феликсовны. На вилле бывали Сергей Дягилев, Серж Лифарь, Тамара Карсавина и др. Красивый пляж носит название Мала, как и ведущая к нему аллея Мала.

Осенью 1928 года она отправилась в Париж, чтобы подыскать дом для жилья и помещение для студии. Здесь, на правом берегу Сены, в XVI округе, Кшесинская в частном владении «Молитор» (Molitor, 10) нашла свое пристанище. Вот так она описывает свое первое впечатление от места, где она поселилась:

Въехав в ворота виллы «Молитор», такси остановилось у калитки небольшого сада, в глубине которого возвышался трехэтажный домик. Садик сразу произвел благоприятное впечатление — высокие каштаны, кустики и цветы. Вошли в дом... <...> Количество комнат как раз соответствовало нашим требованиям. День был солнечный. Дом и сад нам так понравились, что мы решили, что лучшего искать не надо⁴³⁹.

Здесь Матильда Феликсовна, ее муж Андрей Владимирович и их сын Владимир Андреевич жили до конца дней своих.

Там же, в XVI округе Парижа, в доходном доме на авеню Вион-Виткоб (Vion-Witcob, 8) нашлось помещение для балетной студии. На устройство и оборудование студии ушло несколько месяцев. И 6 апреля 1929 года начались занятия. Первой ученицей у Кшесинской была Татьяна Липковская, сестра известной оперной певицы Лидии Липковской. У нее занимались Н. Тараканова, Т. Рябушинская, Л. Ростов, И. Шовире, М. Фонтейн.

Если вам доведется побывать в Париже и посетить кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, то вы увидите там могильную плиту, на которой начертано: «Светлейшая княгиня Романовская-Красинская Матильда Феликсовна, заслуженная артистка Императорских театров Кшесинская, 1.09.1871–6.12.1972». Здесь же покоится прах ее мужа, великого князя Андрея Владимировича Романова (1879–1956) и их сына Владимира Андреевича (1902–1974).

Ниже печатается полный текст дневника, оригинал которого хранится у меня.

ДНЕВНИК М. КШЕСИНСКОЙ

[1886]

Вторник, 9 декабря

В училище М. Андерсон⁴⁴⁰ меня позвала и просила меня, чтоб я ей принесла одну из ее карточек, а если я не отдам, то она со мной не станет разговаривать. Я не хотела сперва согласиться, но потом сказала, что завтра увидим. Когда я после классов с М. Троицкой⁴⁴¹ надевала в швейцарской пальто, я увидела во[спитанни]ка Никитина⁴⁴² и очень удивилась, и спросила его. Он ответил, что с репетиции. Вдруг прибежало много во[спитанни]ков: Пащенко⁴⁴³, Трудов⁴⁴⁴ и другие и закричали: «Здравствуйте, Матильда Феликсовна». Я ответила. Израилев⁴⁴⁵ вбежал, удивился, что я здесь (но со мной не поклонился потому, что я с ним в ссоре), и побежал наверх. Я вышла из швейцарской, во[спитанни]ки мне дали дорогу. Троицкая ушла, я же застегивала пальто. Титов⁴⁴⁶ стоял на лестнице и на меня смотрел. Наконец и я ушла.

Среда, 10 декабря

Перед танцевальным классом ко мне подошла М. Андерсон и спросила, принесла ли я ей карточку. Я ответила, что принесла, но не наверно ей ее отдам. После, когда я шла в научные классы⁴⁴⁷, мне попалась навстречу М. Андерсон, вырвала у меня сак-де-воаяж и взяла карточку. Я на нее рассердилась. Вечером я была занята в «Фараоне»⁴⁴⁸. Когда я кончила свое маленькое соло, я услышала, что мне кто-то из-за кулис говорит: «Très bien, très bien»*. Это были Цукки⁴⁴⁹ и Монтани⁴⁵⁰. Израилев сегодня не был занят, потому что болен.

* Очень хорошо, очень хорошо (фр.).

Четверг, 11 декабря

Идя в училище по лестнице наверх, я встретила Фролова⁴⁵¹. Он улыбнулся и подал мне руку. Я тому очень обрадовалась.

Понедельник, 15 декабря

Л. Левинсон⁴⁵² я показала письмо, которое я во время класса начала писать Израилеву. После классов, когда я надевала башмаки, на лестнице, против коридора во[спитанни]ков, прошел во[спитанни]к Волков⁴⁵³, и, увидя меня, вероятно, побежал сказать, что я здесь, другим во[спитанни]кам, потому что сейчас прибежали Пащенко, Воронков⁴⁵⁴ и еще кто-то. Вечером написала я Израилеву письмо, и отдала его Юзе⁴⁵⁵, и притом заметила Юзе, что когда Израилев письмо прочтет, чтоб сейчас [же] его отдал обратно.

Вторник, 16 декабря

Мне сказала Л. Левинсон, что вчера были бальные танцы, и с ней танцевал Израилев. Он стал говорить, что М. Андерсен маленького роста. Потом Леся сказала ему, что она выше и старше его и что ему столько лет, сколько и мне. Он ей на это ответил, что до него это не касается. Юзя в училище не был и письма Израилеву не отдал.

Среда, 17 декабря

Вечером я была в театре, был бенефис Цукки⁴⁵⁶. Все очень принимали и подали много цветов. Как только она вышла на сцену, ей подали лавровый венок с ее буквами, потом подали ей корзину цветов, веер из ландыша. Еще венок, и корзину, и рог изобилия. Кроме того, еще много подарков. Всем балетным и воспитанницам Цукки послала коробки конфет, и на коробке ее имя и число. И в каждую уборну по бутылке шампанского. Еще с коробками конфет она прислала свои карточки. Во[спитанни]цы, конечно, получили те, которые были заняты и которые смотрящие. После первого акта я пошла в фойе к воспитанницам и потом обратно. Сегодня был дебют Юзи, он играл роль Феба. Играл очень хорошо, но, конечно, для первого раза не совсем смело. Папа⁴⁵⁷ играл роль Клода Фролло и, конечно, прелестно. Цукки танцевала и обыкновенно больше на пальцах, и одно соло очень трудное: вальс на пальцах. Вообще в «Эсмеральде» очень мало у нее танцев. Играла же она прелестно. В театре был Бертенсон⁴⁵⁸ и сидел недалеко от нас. Под конец у меня ужасно болела голова и немножко горло. Бертенсон пошел к нам.

Пятница, 19 декабря

Днем был Бертенсон, он привел к нам в дом своего товарища англичанина Макферсона⁴⁵⁹, но его я не видела, потому что не выходила. Они скоро ушли.

Суббота, 20 декабря

В училище перед научными классами смотрела на репетицию, которую делал Лев Иванович⁴⁶⁰ Павловой⁴⁶¹ и Израилеву — «Корделии»⁴⁶². Юзя был на обеде у Цукки. Папа не был, потому что был болен. Когда Юзя вернулся, то сказал, что его на извозчика посадил сам А.П. Фролов. Он принес много карточек Цукки, она ему сама дала и на одной из них написала по-итальянски «Il mio Feba»^{*}.

Четверг, 25 декабря

Пришли с визитом Бертенсон и Макферсон, так как сегодня первый день Рождества. Сегодня я познакомилась с Макферсоном, но не успела его разглядеть, так как сейчас [же] ушла с горничной к Мане Андерсон. Сразу мы ее не нашли, потому что они переехали на другую квартиру, но в этом же самом доме. Я у ней сидела, пока ее сестра Саша⁴⁶³ ей зашила платье. А потом Маня пошла со мной вместе ко мне. Макферсона и Бертенсона уже у нас не было. Вечером остались дома я, Маня, Коля Гавликовский⁴⁶⁴ и папа. Мама⁴⁶⁵ с Юлей⁴⁶⁶ уехала на каток. Юзя пошел к Коле. Я с Маней сочинила мазурку. Я, Маня и Коля писали у меня в комнате на бумажке имена, где, когда и т.д. Играли на фортепиано и в карты. Пришла за Маней ее сестра и ждала, когда мы кончим играть. И когда Маня была уже в пальто, приехала вдруг мама с Юлей. Мама ни за что не хотела [от]пустить Сашу и Маню и оставляла их ужинать, и наконец они остались. Саша играла на рояле, а я с Маней танцевали вальс, простую мазурку и нашего сочинения. За ужином мы не молчали. Маня просила папу и маму, чтоб меня отпустили к ней и с Сашей ехать завтра в Благородное собрание. Мама и папа пустили. Мы сговорились так: если они поедут, то пришлют мне сказать, а из клуба я поеду к ним ночевать. Пришел и Юзя. Мама просила Сашу, чтоб она к нам заходила.

^{*} Моему Фебу (итал.).

Суббота, 27 декабря

За мной к Мане пришла Паша⁴⁶⁷. Когда я проснулась, Маня уже вставала, я тоже начала одеваться. Мы обе не мылись, Маня и кофе не пила. Маня надела уже пальто, а Паша за мной еще не пришла, я тоже стала надевать пальто, как вдруг пришла Паша. Мы вышли вместе. Маню в школу отвезла Саша. Когда я пришла домой, мама и папа только встали. Когда встали Юля и Юзя, я их и маму смешила рассказами про Галкина⁴⁶⁸. В театре я снова встретилась с Маней. Сегодня давали «Пилюли»⁴⁶⁹. Папа вечером был на уроке у великого князя Николая Николаевича⁴⁷⁰ и сказал, что обо мне говорили. Великий князь меня видел в «Пахите»⁴⁷¹ и сказал папе, что я верно буду хорошая танцовка.

Воскресенье, 28 декабря

Юзя меня звал с ним ехать прокатиться на Урбане, я сперва не хотела, но потом согласилась и хотела уже одеваться, как вдруг позвонила Л. Левинсон. Я очень обрадовалась, что она пришла, и конечно не поехала. Я ей показала всю нашу квартиру, потому что она у нас была первый раз. Я ей показала карточки Трудова, Титова и Мани Андерсон и письма Трудова и Израилева, она над ними ужасно хохотала. Потом я поискала бумажку, на которой у меня было написаны лета некоторых воспитанников, и, когда нашла, рассматривала с Лелей, кому сколько лет. Юзя вернулся. Позвонили, я выбежала в переднюю, пришли Ольга Федоровна⁴⁷², Макферсон, мама и Юля. Я убежала в свою комнату немного переодеться. Позвали на обед. Леле было неловко идти, потому что она не знакома с Макферсоном. Юля ей его представила. После обеда я с Лелей возилась. Мама сказала Леле, что Макферсон про нее сказал, что она очень миленькая. Когда я и Леля проходили через Юлину комнату, мама опять сказала Леле: «Поблаговари же Макферсона за то, что он про тебя сказал». Леля и я рассмеялись и пошли в свою комнату. После кофе Леля сейчас [же] пошла домой. Когда я стояла в передней с Лелей и держала ее пальто, вошел Макферсон и предложил свои услуги. У лелиного пальто подкладка была разорвана, и, когда Макферсон вошел, мы убежали. Макферсон к Леле стал приставать, когда она опять пришла, и она, недолго думая, захлопнула ему перед носом дверь. Леля ушла. Макферсон пошел проводить Юлю в театр.

Среда, 31 декабря

Пришел Петр Алексеевич Перетц⁴⁷³. Я читала книгу и услышала, что про меня говорят. Мама меня спросила, не хочу ли я прокатиться с Юзей. Я сказала, что хочу, и побежала сказать кучеру, чтоб закладывал, а сама одеваться. Когда я уже была одета, пришла Леля Левинсон, я ее просила меня подождать и простить, что ее оставляю. Юзя и я заехали к Хаммарбергам⁴⁷⁴, я пошла наверх попросить сегодня ко мне Веру. Потом мы поехали по Морской, проехали туда и обратно и тогда домой. После кофе я оделась и читала Леле свой дневник. У нас был Коля Г[авликовский]. Я его попросила идти в театр за Израилевым. Он сказал: «Хорошо». Юли, Юзи и папы дома не было. Они были заняты в «Эсмеральде». Позвонили, пришла Кустерер⁴⁷⁵. Я опять пристала к Коле, чтоб он пошел скорей, и наконец он пошел. Аля Кустерер играла на рояле. Я и Леля слушали. Вернулся Гавликовский и сказал, что Израилев не придет, потому что не может. Гавликовский сказал, что у нас во[спитанни]цы, Израилеву, а Израилев ответил ему: «Тем более!» Наконец я написала письмо и послала еще раз Гавликовского, но только что он пошел, пришли наши из театра. Я боялась, что если мама спросит, где Гавликовский, что ответить. Вера Х[аммарберг] не пришла, и Юзя пошел за ней. Гавликовский не приходил. Пришла и Вера с Юзей. Я и Леля уж думали, не поехал ли Гавликовский за Израилевым. Вот нас позвали ужинать. Мама спросила, где Коля. Я ответила, что он, кажется, куда-то ушел. Но он сидел все время у Юзи в комнате, пришел по черной лестнице. Папа налил в бокалы шампанского, и когда ударило двенадцать часов, все закричали: «Ура!» И сейчас один другого поздравлял с Новым годом. У нас было порядочно гостей. Папа взглянул на Кустерер и спросил, как ее имя, а потом сказал: «Теперь выпьем за здоровье хорошенькой Альбертины», — и все кавалеры к ней подходили. Макферсона в этот день у нас не было. После ужина мы танцевали. Нам принесли фруктов. Старшие сели играть в карты, а молодежь у Юли расселась в комнате и разговаривала, и хохотала. Мы только что начали играть в прятки, как [старшие] кончили играть в карты, и все разошлись по домам. Кустерер и Левинсон у меня ночевали. Я и Леля в одних юбках побежали зачем-то в коридор и чуть не наткнулись на папу. Я с Лелей спала на моей кровати, а Аля у Юли в комнате на диване. Я и Леля уже лежали, Аля пришла к нам в мужском костюме, взяла в руки стакан и бутылку с квасом и стала пе-

ред нами танцевать. Мы ужасно хохотали и боялись, чтоб не разбудить Юлю, потому что она уже заснула. Но Аля вскоре взяла свечку и отправилась в свои апартаменты.

[1887]

Четверг, 1 января

Когда я и Леля проснулись, Юля и Аля уже вставали. Аля нас торопила вставать, чтоб ее хоть до передней проводить. За Алей пришел муж ее сестры. Филипп⁴⁷⁶ с ним знаком, и, когда он пришел, Филя к нему вышел и с ним разговаривал. Аля торопила и Юзю вставать, чтоб с ним проститься. Когда Юзя встал, Аля уехала. Леля еще немного у меня осталась. Я ей дала свою карточку. Она пошла прощаться с папой и мамой. Мама ее звала идти сегодня вечером с нами на каток, если она никуда не пойдет. Леля тоже ушла. Приходили с визитом Бертенсон, еще кое-кто и потом Макферсон. На обед Макферсон остался и после обеда вскоре ушел. Я с ним была еще очень мало знакома и редко разговаривала. Вечером я, мама и Юля поехали на каток в Юсупов сад. Только что мы выходили из подъезду, встретили Маню Андерсон. Она шла ко мне спросить меня, отчего я у нее сегодня утром не была. Я ей ответила, что потому у ней не была, потому что она у меня вчера не была. Я с ней попрощалась и села с мамой на извозчика. Я сидела на катке с мамой и гувернанткой Фредерики Урбан⁴⁷⁷ и с ней все разговаривала по-французски. Сзади нас сидели китайцы, и им очень понравилась Юля. И сказали, что все хорошо, только одно: отчего всем дамам раздали конфекты, а им не дали, ведь они тоже верно подданные. Мне тоже понравилось, как на льду танцевали.

Понедельник, 5 января

Вечером у нас были Бертенсон и Макфенсон. Бертенсон все время ко мне приставал, и Макферсон меня спросил: «Что, он Вас обижает?» — «Да», — ответила я и пошла в свою комнату писать дневник. Бертенсон ко мне несколько раз входил в комнату, но я каждый раз его просила уйти, говоря, что сейчас кончу писать и приду. За ужином Бертенсон сидел около меня и опять же приставал. Все смеялись и говорили, что Бертенсон за мной сегодня ухаживает. Макферсон все время взглядывал на Бертенсона, улыбался.

Среда, 7 января

Сегодня после праздников я первый раз пошла в училище. Кустерер меня просила ей принести визитную карточку Дриго⁴⁷⁸, и я ей обещала. Виноградова⁴⁷⁹ мне сказала, что я очень понравилась ее знакомым, Владимировым. Больше всего я разговаривала с Маней Андерсон, она мне тоже показала, что ей нарисовал Горский⁴⁸⁰.

Пятница, 9 января

Я ужасно сегодня возилась с Виноградовой в училище. Отдала тоже Але визитную карточку Дриго. Юля вечером поехала с Перетцом на Урбане. Мама, папа, Ракицкий⁴⁸¹ и Ольга Федоровна играли в карты. Пришел Макферсон, и вскоре после него Бертенсон. Я читала. Макферсон и Бертенсон схватили мой сакде-войяж, вынули из него мои башмаки и положили по одному себе в карманы. Один башмак взял Макферсон, другой Бертенсон, и все время ко мне приставали. Я им говорила, чтоб они мне отдали башмаки, но они так в карманах и оставили, потом уж только отдали. Я им показала свои карточки. Макферсону очень они понравились, и он хотел взять, но я вырвала альбом. Показала тоже ему карточки Андерсон, Трудова и Титова. Наконец приехала Юля.

Понедельник, 12 января

После обеда Филипп лег у Юли на кровать, я лежала на своей. Юля штопала башмаки, но я недолго лежала и их все время смешила. Пришел на урок Жак Бертенсон, но Юзя сегодня не мог дать урока, потому что сам имел урок мимики, и урок Жаку дал папа. Пришел и Макферсон. Когда я Филиппа провожала в передней, Филипп меня затащил на лестницу. Юли тоже не было дома, все сидели у мамы в комнате. Жак вырвал у меня ленту с косы, я рассердилась и пошла играть на рояле, потом опять вернулась. Жак ленты мне не отдавал и хотел меня поцеловать, но я не поддавалась и ужасно визжала. Макферсон советовал мне подергать Бертенсона за ус. Он этого ужасно не любит. Бертенсон ушел и, когда уходил, тогда только отдал мне ленту. Я Чарлю Макферсону передала то, что меня просила Юля. После ужина Макферсон ушел последний. Юля еще за ужином говорила Чарлю, чтобы он что-то мне сказал, что я тогда всю ночь не засну. Я приставала, чтоб Чарль мне ска-

зал, но он и не сказал. И действительно, я всю ночь не могла заснуть, но не от этого, а потому что мне было жарко.

Понедельник, 19 января

Когда я шла в научные классы, в коридоре у во[спитанник]ов стоял Трудов и мне поклонился. Потом я видела Израилева, опять Трудова и Кякшта⁴⁸² в зале. Н.И. Волков⁴⁸³ их чему-то учил и тоже Парфентьеву⁴⁸⁴ для «Фенеллы»⁴⁸⁵, но я их видела только издалека. После классов, когда я шла в уборну, Трудов опять был в коридоре и со мной попрощался.

Вторник, 20 января

Утром, когда я с Юзей ехала на извозчике в училище, Юзя вот что рассказал: что Трудов каждый день просит его мне передать поклон и что он, т.е. Юзя, сказал, что я не принимаю поклонов. И еще сказал: когда Трудов и Израилев поссорились, то Израилев сейчас говорит: «Ну да! Ты все перенимаешь с Кшесинской». И Трудов тогда ужасно сердится. Опять, когда я сегодня шла в классы, Трудов отворил двери коридора и мне поклонился. Юзя стоял сзади его, и Трудов ему сказал: «Ага!» [Снова] мне поклонился. Юзя сейчас [же] вышел, он шел домой. Я Юзю спросила, кто еще стоял с Трудовым. Юзя сказал, что стоял Титов. В 4 часа Трудов опять был у дверей. Яковлева⁴⁸⁶ мне закричала: «Маля, тебя зовет Трудов!» Но она это сказала нарочно. Трудов не думал и не смел меня звать. Но я ответила: «Вот еще, я пойду на зов каждого мальчика». Только что я и Т. Троицкая⁴⁸⁷ вышли из подъезда, к нам подошли Кякшт и Боголюбов⁴⁸⁸. Я ужасно была зла. Боголюбов разговаривал с Тоней Т[роицкой], а со мной Кякшт. Он меня спросил, что ничего я не имею против того, что он желает познакомиться с моей сестрой. Я ответила, что до меня это не касается, а за других я не отвечаю. Тоня с Боголюбовым пошла сзади, но я ей сказала, чтоб она шла со мной рядом, потому что я совсем не желаю ходить парочками, а когда Боголюбов сказал, что ему надо кое-что сказать Тоне, то я ответила, что на разговоры есть другие места, а не на улице. Кякшт спросил меня, где я живу? Я сказала, что недалеко от Тони. «Значит, мы пойдем вместе». — «Не знаю», — был мой ответ. К счастью, конка была полна, и только нашлось место для меня и Тони. Они же наняли извозчика и ехали около конки до Чернышова переулкa.

Суббота, 24 января

Сегодня вечером пришел к нам Чарль Макферсон. Больше время мы провели в разговорах. Макферсону я обещала достать значение цветов, танцев и т.д.

Четверг, 29 января

Научных классов в тот день не было, потому [что] был день смерти Пушкина. Некоторые воспитанницы и воспитанники на маленьком театре говорили стихи Пушкина. Я тоже была и слушала в маленьком театре. Израилев говорил вместе с Титовым. Когда шли все из театра, Израилев стал в кулисы и мне поклонился. Я ему ответила. Титов что-то сказал Израилеву, но что — я не расслышала.

Воскресенье, 1 февраля

Опять вечером был у нас Макферсон и еще несколько человек. Я сидела с Макферсоном и вышивала. Пришла домой и Юля. Потом она сидела в своей комнате и разговаривала немного с Макферсоном.

Вторник, 3 февраля

Сегодня мамино рождение. Утром мне репетиция была «Виндзорским кумушкам»⁴⁸⁹ в Александринском театре. Репетиция была недолго, когда я вернулась в училище, то попросилась у Ольги Борисовны⁴⁹⁰ домой. Ольга Борисовна меня отпустила. Вечером первые пришли поздравить маму Носов⁴⁹¹ и Андреев⁴⁹². Но они сейчас ушли. Гостей набралось порядочно. Был и Бекефи⁴⁹³ и всех ужасно смешил. Конечно, были и Жак, и Чарль. Играли в разные игры, разговаривали и т.д. Когда все уходили, в передней ко мне все приставали Макферсон и Бертенсон, да и все время раньше.

Среда, 4 февраля

Опять, когда после классов в 4 часа я, Троицкая и Декомб⁴⁹⁴ шли домой, у Александринского театра нас опять встретили Кякшт и Боголюбов. Я опять ужасно рассердилась и всю дорогу до самой конки была серьезна, и когда они меня спросили, отчего я такая серьезная, я ответила, что всегда я такая. Пришелся разговор о сегодняшней репетиции. Боголюбов спросил, чему была репетиция и кто занят из воспитанниц. Я сказала, что не скажу. Дошли до конки, Тоня Т[роицкая] с ними попрощалась за руку, а я едва поклонилась.

Среда, 10 февраля

Юля, мама, папа, Юзя, одним словом, все наше семейство, включая меня, ехали сегодня на бал в клуб инженеров. С ними ехала сегодня Ольга Федоровна и Бертенсон с Макферсоном. Жак и Чарль пришли вечером и, пока все одевались, как и всегда, ко мне приставали. Все сговорились в субботу ехать на чухонцах в яхт-клуб, но наверно. Наши уехали из дому в 11 часов.

Четверг, 12 февраля

В театре днем я не была занята, я поехала на балаганы. Вечером я пошла в театр — «Наяду»⁴⁹⁵ не смотреть, а за сандалиями. Когда я пришла в театр, шел первый акт, воспитанницы были на сцене. Когда первый акт кончился, я пошла в фойе. Головкина⁴⁹⁶ мне отдала письмо от Преображенской⁴⁹⁷. Я просила у воспитанниц сандалии. Дала мне маленькая воспитанница Дубровская⁴⁹⁸. Я примерила, сандалии мне были в самый раз. Но я домой сейчас не могла идти, потому что Дубровская в сандалиях занята еще в последнем акте. За мной пришел папа и когда узнал, что я должна ждать до конца, пошел со мной за кулисы, и я видела весь последний акт, видела и воспитанников. Израилев прошел около той кулисы, где я стояла, но, кажется, меня не видел. По окончании Декомб и Матвеева⁴⁹⁹ мне сказали, что Израилев меня назвал портнихой. Я взяла сандалии и отправилась домой.

Пятница, 13 февраля

Не успела я прийти с театру и пообедать, как уже надо было ехать в училище, а оттуда с воспитанницами в Александринский театр. Все вольные пошли пешком и одевались отдельно. Только одна я поехала в каретах вместе с воспитанницами и одевалась тоже с ними, потому что это велела так Ольга Борисовна. Давали «Виндзорских кумушек», был бенефис Варламова⁵⁰⁰, и он нам прислал конфеты. Когда я приехала домой (было уже 2 часа), у нас ждали меня Макферсон и Бертенсон, Перетц и Рош⁵⁰¹. Я пошла ужинать, наши уже отужинали. За мной побежали Макферсон и Бертенсон и поздравили меня с успехом. Мама и Юля успели им рассказать о сегодняшнем спектакле, и потому они меня поздравили с успехом. Они сейчас ушли.

Суббота, 21 февраля

Совсем неожиданно ко мне пришла Леля Левинсон. Я очень обрадовалась. Ольга Федоровна мне сказала, что Сережа Постников⁵⁰² меня видел в «Виндзорских кумушках» и просил мне передать, что я очень хорошо танцевала, но только костюмы чересчур легкие. Я с Лелей читала мой дневник, писали на бумажках имена, где, что и т.д. Лежали, вдруг Леля мне сказала: «Знаешь, Маля, отчего-то мне кажется, что Макферсона зовут не Чарль, а Чушка!» Мы соскочили и обе хохотали. Я об этом сказала Юле и Ольге Федоровне, и они смеялись. Пришел Юзя. Леля нам рассказывала, как исповедовались воспитанницы. Я с Лелей сидела у себя в комнате. Мы с ней весь вечер разговаривали и о Андерсон, и о Хаммарберг, и о Кустерер. Я Леле показала свои новые платья. После ужина, когда Юля раздевалась, я, Леля и Юля стали говорить о Макферсоне и о Бертенсоне и ужасно хохотали. Лелю отвела домой Папа. За ней раньше приходил Вася, но это было рано, и он ушел, а Леля еще осталась.

Воскресенье, 22 февраля

Перед обедом Юли и мамы дома не было. Они были на катке. На обеде у нас были Носов, Перетц и Бертенсон. Бертенсон сидел возле меня, и во время обеда мы все ссорились и дрались. Я написала Леле Левинсон письмо, чтоб она сейчас ко мне пришла и послала его с Пашей. Леля с ней и пришла. С Бертенсоном Леля еще не была знакома, и Юля его ей представила. Мы долго разговаривали у Юли в комнате, и опять я подралась с Бертенсоном. Перетц и Носов ушли. За Лелей пришла мамаша. Ольга Васильевна⁵⁰³ видела, что Леле не особенно хочется идти, и потому сказала, что если Леля хочет остаться, то пускай останется, только как завтра в училище? Я сказала, что Леля поедет со мной. Но все шло к тому, что Лелю надо было ждать Ольге Борисовне. Леля долго думала, и наконец мы сговорились к 9 часам сойтись в училище. У нас была в этот день Фредерика Урбан, первый раз были Гвоздецкие⁵⁰⁴, меня и Лелю им представили Бертенсон и Макферсон. Мы уж думали, что Макферсон не придет, потому что он пришел поздно. Он ко мне сегодня так приставал, что я от него бегала по всем комнатам, а он за мной. Он мне надоел, и я заперлась у себя в комнате. За ужином Макферсон сидел около Лели, и Леля около меня. Он все время нам все предлагал и некоторые закуски по несколько раз. Я

и Леля считали, через сколько минут Макферсон съедает каждый кусочек ветчины. Макферсон и Бертенсон приходили по несколько раз ко мне в комнату, когда я и Леля там бывали. Я на Макферсона сегодня рассердилась.

Понедельник, 23 февраля

Когда меня разбудили второй раз, Л. Левинсон уже вставала. Я поехала с Лелей в училище вдвоем. Нас на извозчика посадила Паша. В училище были в 9 ч[асов] и до половины десятого ждали Аню Левинсон⁵⁰⁵ с Ольгой Васильевной и не дождались. Я спросила Маню Андерсон, отчего она у меня не была, она ответила, что потому не была, что я ее не звала. Я ей на это ответила, что я Лелю Левинсон не звала, а она пришла, и очень умно сделала. Потом я Мане сказала, что знаю, кто ее подстрекал мне написать последнее письмо, что это Пишо⁵⁰⁶, что Пишо сказала, что я Мане совсем не пара и т.д. Маня ничего не ответила, потому что это была правда.

Среда, 25 февраля

Принесла в училище карточку Фредерики Урбан показать некоторым воспитанницам, потому что обещала. Сегодня была репетиция для школьного спектакля. Меня не было потому, что меня не поставили. Заодно с карточкой Фредерики я принесла карточки Мани Андерсон, Трудова и Титова. Карточку Титова я показала Л. Ильиной⁵⁰⁷. Он ей очень нравится. И когда я ей показала карточку, она покраснела и сказала, что непременно купит его карточку. Я Матвеевой и Ильиной рассказывала и смешила их. Матвеева сказала, что со мною рядом весело сидеть. Я старалась узнать, кто нравится Матвеевой, но так и не узнала. Я эти карточки не всем показывала, и очень мало кому. Дьяконова⁵⁰⁸ просила меня достать ей карточку Трудова, и я сказала ей, что если будет можно, то я достану. Потом, когда был разговор об Израилеве, я совсем нечаянно сказала Матвеевой, что я не то чтоб интересовалась Израилевым, а люблю его как брата, и потом я сама расхохоталась и покраснела. Но этого никто не слышал. Вечером к Юзе пришел на урок Бертенсон и с ним Макферсон. Я с Макферсоном сегодня помирилась. Юля с Чарлем села на одно кресло, а я с Жаком на другое и взяла зонтик. Папа и мама, когда вошли, рассмеялись. Жак просил меня достать мою карточку из «Баядерки»⁵⁰⁹ и ему дать, потому что я здесь очень хорошо снята. Когда Жак смотрел у меня в альбоме

Юлину карточку, он схватил нож, который лежал у него под рукой, и я это сейчас рассказала Юле. Жак сам смеялся. После ужина Юзя учил меня вальсу, и конечно я умела, только это у меня было одно воображение, что я не умею танцевать вальс. Я танцевала и с Макферсоном, и с Бертенсоном, и они оба сказали, что я очень хорошо танцую. Когда они уходили, я их попросила на понедельник на мои именины. Ночь была прелестная, луна светила так, что было светло как днем.

Понедельник, 2 марта

Сегодня для меня большой праздник, потому что мои именины. Меня разбудили в 10 ч[асов], но я уже не спала, а только дремала. Когда я проснулась, меня пришли поздравить: папа, мама, Юля и Юзя. Но первый меня поздравил Трутя⁵¹⁰. Днем я была у Ольги Федоровны, но недолго. Я ходила поздравить к ней с рождением маленькую Лелю. Я была вечером сегодня в розовом платье и сама сознавала, что сегодня я интересная. Гостей у нас было очень много. Подарков я тоже получила очень много. Танцы начались с вальса. Я очень много танцевала, и особенно с Макферсоном. Он прелестно танцует вальс. Первую кадрили я танцевала с Гвоздецким и была уже приглашена на следующие кадрили: на вторую Макферсоном, на третью Бертенсоном, на четвертую Носовым. Но весь вечер танцевали одну кадрили. Только что начали танцевать мазурку, позвали на ужин. Я, Макферсон и В.О. Васильева⁵¹¹, Юзя, Е. Гвоздецкая⁵¹², Фридман⁵¹³ и Ранси⁵¹⁴ ужинали у мамыши в комнате. Макферсон сидел около меня и сказал, что ему сегодня такая честь, потому что он сидит около виновницы сегодняшнего бала. Мужчины подходили ко мне и пили за мое здоровье. Перед ужином, когда мы танцевали мазурку, я очень устала и покраснела. Я взяла Юлин черный веер, и все время закрывала им свое лицо. Макферсон вдруг мне сказал: «Веер очень хорошо, но ваше личико еще лучше». Макферсон весь вечер, как взглядывал на меня, улыбался. Он меня просил называть его Чарль, а я ему сказала, что тогда его так буду называть, когда он меня будет называть, как я ему сказала. Макферсон и еще кое-кто мне сегодня говорили, что я очень сегодня интересная. Но я просила их этого мне не говорить, потому что они меня конфузят. После ужина мы еще танцевали мазурку. Когда Макферсон уходил, то мне сказал, что из всех барышень, которых он знает, я одна такая забавная. Андреев⁵¹⁵ сегодня опять

рассказывал и всех смешил. Когда все разошлись, Юля мне сказала, что я очень понравилась Макферсону, потому что все говорю прямо в глаза, и когда он с ней сидел, все спрашивал, где я.

Пятница, 6 марта

Юля и я вечером остались вдвоем дома. Я вырезала закладку. Вдруг позвонили. Это был Макферсон. Я была не одета, и горничная мне принесла платье к папе в комнату, где я и оделась, а потом вышла поздороваться. Макферсон все приставал ко мне, чтобы я показала ему свое свидетельство, но я не показала. Когда приехала мама, все вместе сидели у Юли в комнате. Макферсон несколько раз хотел ко мне подойти, но я сейчас убегала в свою комнату. Потом я села за стул, на котором сидела мама, и пришивала я к танцевальным башмачкам ленточки. Макферсон опять мне сказал, что мое личико лучше, чем стул. Юзя приехал из училища и сказал, что была для школьного спектакля репетиция «Фараону» и польке из «Млады»⁵¹⁶, воспитанниц уже поставили, и Петипа⁵¹⁷ обо мне спрашивал. Макферсон уехал до ужина.

Суббота, 7 марта

Опять сегодня у нас праздник, потому что Юзины именины. Когда я с Юзей ехала в училище, попросила его к нам сегодня позвать Израилева. Юзя его попросил, но Израилев не мог быть у нас. Вечером у Юзи были из театра товарищи, кроме их гостей было немного. Макферсон и Бертенсон тоже были. Была Фредерика Урбан, но скоро ушла. Когда я, Юля и Макферсон сидели за чаем, Макферсон вдруг мне задал такой вопрос: когда мне позволят выйти замуж? Я ничего не ответила, потому что знала, с каким умыслом он это сказал. Весь вечер он от меня не отставал, и мне он надоел.

Воскресенье, 8 марта

Когда я вышла пить кофе, мама и Юля стали меня дразнить и называть меня мадам Макферсон, и я сердилась. Так как сегодня воскресенье, то и сегодняшней вечер у нас были гости, и в числе их Макферсон. Как только пришел Макферсон, я заперлась в своей комнате. Потом я вышла в Юлину комнату, он там сидел с Юлей и попросил меня спичек, я пошла за ними в свою комнату. Макферсон пошел за мной. Но я ему бросила спички и захлопнула

дверь. Я знала, что это было очень невежливо, но ничего не сказала. Я нарочно сегодня зачесала наверх волосы, чтоб быть неинтересной и разонравиться Макферсону. Я ужасно возилась с Бертенсоном, и за ужином он сидел рядом со мной.

Понедельник, 9 марта

После научных классов, когда я выходила из уборной, то у дверей коридора стоял Гавликовский и Израилев. Они со мной поклонились. Гавликовский держал в руках книгу и сказал, что хочет мне дать ее читать. Я сказала ему, чтоб он показал. Он подошел. Но это была пьеса «Картинка с натуры»⁵¹⁸. Я ее подбросила и пошла вниз. Израилев убежал.

Пятница, 13 марта

Так как сегодня пятница, то я в три часа пошла домой потому, что последние часы у нас в классе батюшка. Когда я вышла из уборной, то заметила в маленькой зале у во[спитанник]ов: Л.И. Иванов что-то показывает Гавликовскому и другим воспитанникам. Израилев смотрел в дверь через окно и, когда я прошла, выбежал на лестницу. Но я ему сказала, что скажу все завтра, потому что мне надо много чего сказать. А он на это ответил, что очень рад.

Суббота, 14 марта

Когда я шла в научные классы, то остановилась на лестнице и разговаривала с Декомб. В Правление прошло несколько воспитанников, в числе их и Израилев, он мне поклонился. В 4 часа меня на лестнице ждал Юзя. Я совсем не думала, что он за мной придет, и очень обрадовалась. Израилев уже ждал меня. Я с Т. Троицкой пошла как будто бы к ней в уборну, и с ним разговаривала. Я ему сказала об закладке. Потом попрощалась и поехала с Юзей домой. Вечером был у нас Макферсон, но я почти совсем с ним не разговаривала. Перед самым ужином пришел Бертенсон.

Воскресенье, 15 марта

На обеде у нас был Макферсон. Он сидел против меня. Он посмотрел на меня и спросил тихо Юлю, отчего я сегодня такая бледная, разве я не здорова? Я отчего-то покраснела и встала из-за стола, но сейчас же вернулась. Вечером опять пришло несколько человек. Я с Макферсоном и сегодня очень мало разговаривала.

Четверг, 19 марта

В 4 часа, идя в уборну, я видела Титова и Израилева, они ждали меня. Когда я прошла, они мне поклонились.

Пятница, 20 марта

Весь вечер я вырезывала закладку для Израилева, но не кончила. Я ее вырезывала при всех. Все любопытничали, кому я делаю, и отгадывали. Они думали, что Макферсону, или Бертенсону, или Перетцу, одному из трех. Но я им все говорила, что скажу, кому я делаю, когда будет готово.

Суббота, 21 марта

Нарочно встала раньше, чтоб кончить закладку. Наконец, когда я кончила, сказала и папе, кому я делала. Все удивились, что не могли догадаться. Закладку я взяла в училище, чтоб отдать Израилеву. Но мне не удалось отдать, хотя Израилев и ждал меня и с ним еще кто-то был. Но я его совсем не видала, и, что он стоял в коридоре, мне сказала Рош. Я потому ему не отдала, что здесь было много девочек. Был у нас Макферсон, и я ему показывала закладку.

Воскресенье, 22 марта

Как и каждое воскресенье, у нас обедали Макферсон и Бертенсон. Бертенсон сидел возле меня, и мы все время возились. Вечером я была занята делом и редко выходила из своей комнаты.

Понедельник, 23 марта

Оля Преображенская дала мне свою карточку. После научных классов я пошла с Т. Троицкой к ней в уборну. Когда мы возвращались, то мне поклонились несколько во[спитанник]ов, а также и Израилев. Они стояли за залой. Титов прошел через залу и сейчас [же] обратно, а Израилев не прошел.

Вторник, 24 марта

И сегодня мне не удалось Израилеву отдать закладку. Я только после классов видела Трудова и Титова, и они мне кланялись.

Среда, 25 марта

Был школьный спектакль, и был на нем, Государь⁵¹⁹. Но я и Юзя не были заняты. Я сидела в зале и плакала от нечего делать, однако, я отчасти плакала, потому что не занята. В зале было темно. У нас был Макферсон, он сидел с Юлей. Он подошел ко мне и спросил, о чем я плачу. Я ему ответила неохотно. Когда приехал папа из училища, я папу обо всем расспрашивала. Папа сказал, что Государь с папой разговаривал.

Четверг, 26 марта

Я знала, что Вазем⁵²⁰ не будет учить, но все-таки пошла в училище. Во[спитанни]ц сегодня всех отпускали домой. Я просила Кустерер прийти ко мне завтра. С Маней Андерсон я сговорила так, что я приду к ней утром в субботу и мы пойдем гулять, а она ко мне придет в воскресенье. Л. Левинсон просила ко мне прийти утром в воскресенье. Я попросила тоже Андерсон, Левинсон, Кустерер, Хаммарберг и Преображенскую на второй день праздника. А. Левинсон и М. Троицкая попросили, чтоб я зашла к ним домой и сказала, чтоб за ними пришли. Юзя уж пригласил Титова на второй день праздника, и Титов сказал, что если будет можно, то он придет. Я попросила Юзю позвать Израилева, а сама пошла в уборную за закладкой. Когда я вышла, у дверей коридора стоял Н.А. Облаков⁵²¹. Я ему поклонилась и спросила, нет ли здесь Юзи. Он сказал, что Юзя здесь ходит. Юзя сейчас ко мне вышел вместе с Израилевым, а Н.А. Облаков ушел. Я отдала Израилеву закладку и сказала, чтоб он ее скорей спрятал. А потом сказала, чтоб он наверно пришел во второй день Пасхи. Он сказал, что придет наверно и вместе с Титовым, и ушел. Юзя сказал, что позовет и Трудова, потому что, если позвал Титова и Израилева, то надо и Трудова.

Суббота, 28 марта

Пошла я днем к Мане Андерсон. Меня к ней отвел наш кучер Андрей и ушел домой. Маня мне показала свои давнишние и теперешние карточки. Я ее просила мне дать, но она сказала, что завтра ко мне придет и тогда мне принесет. Играли в карты и в шашки и так разговаривали. В 4 часа я от них ушла, хотя они меня и оставляли. Я не осталась, потому что сказала маме, что в 4 ч[аса] буду дома. Когда я шла на улице, Маня стояла в окне, мне кланялась и махала платком.

[1890]

Среда, 4 июля

Первая поездка моя в Красное Село⁵²² была очень удачна. Для первого раза пишу все последовательно и подробно. Поезд в Красное пошел в 1½ ч[аса]. По прибытии в Красносельский театр вскоре началась репетиция, которая затянулась до 6-го часу. Обедала я с папашей, а затем, немного погуляв, я пошла в уборную отдыхать. Весь день погода была прелестная, и только в начале 8-го часа пошел дождь. Время подходило к восьми часам, я села к окну и стала ожидать приезда царской фамилии. Окна моей уборной выходят как раз на царский подъезд. Вскоре стали съезжаться. Я видела не всех, потому что многие приехали в закрытых колясках. В[ладимир] А[лександрович]⁵²³ и М[ария] П[авловна]⁵²⁴ с детьми приехали в карете, и их я отлично видела. Последним приехал Наследник⁵²⁵ на тройке с казаком, но так как коляска была закрыта, то мне его лица не было видно. Я была в восторге, что он приехал, и при мысли, что через час я его увижу, я более и более волновалась и радовалась. Наконец драматическое кончилось, и теперь следовал балет. Шло второе действие из балета «Два вора»⁵²⁶, в котором я танцевала *pas de cinq** с Р. Н. П. и Л.⁵²⁷: в этом же *pas de cinq* я танцевала польку из «Талисмана»⁵²⁸. Костюм у меня был цвета сомо и мне к лицу. Скажу откровенно, что перед началом я ужасно боялась, ведь это был мой первый дебют в Крас[ном] Селе, но как только я вышла на сцену, страх мой исчез и танцевала с увлечением. При каждом удобном случае я взглядывала на Наследника. После польки мне много аплодировали и вообще всем после всего *pas de cinq*. Затем я стояла и сидела на сцене около первой кулисы напротив царской ложи и все смотрела на Наследника, но свет мешал мне ясно видеть его лицо. Наследник и В[ладимир] А[лександрович] смотрели на меня в бинокль. Я следила, кому Наследник аплодировал, но он вообще аплодир[овал] мало, а многим и совсем не аплодировал. Театр был полон, конечно, все военные, масса знакомых, видела и Гудовича⁵²⁹ в ложе. Спектакль кончился. Я смотрела в окно, как уезжал Наследник. Кажется, и он меня видел. На вокзале были знакомые, но немного. Ганьковы⁵³⁰ были от меня в восхищении, особенно Володя⁵³¹, но что они? Был Волков⁵³². Кста-

* Танец впятером (па-де-сенк) (фр.).

ти, он Юле сегодня сказал, что Наследник вместе с ним уезжает на четыре года. Неужели это правда — на 4 года. Боюсь верить! И так, первый спектакль был для меня удачен. Я имела успех и видела Наследника. Но это только для первого раза достаточно, затем, я знаю хорошо, что мне этого будет мало, я захочу более, такой уж у меня характер. Я боюсь себя⁵³³.

Пятница, 6 июля

Один вчерашний день показался мне целою вечностью, с таким нетерпением я ожидала следующего спектакля. Время до спектакля я провела так же, как и последний раз. Затем опять сидела в окне и смотрела, как приезжала царская фамилия. Вечер был чудный, все приезжали в открытых экипажах и с нами кланялись. Как только царская фамилия ушла с подъезда, подъехал Татищев⁵³⁴ (он адъютант при В[ладимире] А[лександровиче]). Маня Л[евинсон] была в соседнем окне, он с ней немного разговаривал и все поглядывал на меня. Наконец я стала одеваться. Я танцевала то *pas de deux**, в котором я дебютировала, но костюм у меня был другой, очень изящный, палевого цвета с розовыми лентами и желтыми цветами. Я прямо могу сказать, что я была очень и очень интересна, во-первых, оттого, что я сама видела, во-вторых, когда я пришла на сцену, то все восхищались моим костюмом и говорили, что мне он очень к лицу. Я волновалась сегодня еще более, чем в среду, не от того, что я боялась, напротив, я почти вовсе не боялась сегодня, но я знала, что я сегодня интересная, костюм на мне красивый, танцую я изящное и кокетливое *pas de deux*, что все это взятое вместе может произвести приятное впечатление на всех вообще и на Наследника в частности. Но как тут не волноваться? Нет возможности передать на бумаге все то, что я перечувствовала, стоя за кулисами и при выходе на сцену... Лишь я вышла на сцену, как увидела, что на меня обращены все бинокли. Это мне делало еще более бодрости и куражу, я протанцевала с большим увлечением и создавала, что я сегодня его протанцевала лучше всех раз. Мне очень много аплодировали после *adagio*** , после вариации, после коды и всего *pas de deux*, что редко встречается в Красном Селе. Раскланявшись, я встала в первую кулису против царской ложи;

* Танец вдвоем (па-де-де) (фр.).

** Адажио (итал.).

В[ладимир] А[лександрович] и Н[аследник] навели на меня бинокль, затем немного погодя Наслед[ник] опять навел на меня бинокль и, наконец, в третий раз он навел на меня бинокль, когда танцевали последний раз именно кордебалет. На этот раз он очень долго смотрел на меня, я смотрела в упор. Едва занавесь опустилась, как мне стало ужасно грустно, я побежала в уборную к окну, чтобы еще раз увидеть его. Я его видела, но он меня нет, оттого что я встала к тому окну, которого не видно снизу, если не оглянуться, когда отъезжает от царского подъезда. Мне было обидно, я готова была заплакать, я верно сказала, что с каждым разом я буду хотеть большего. Итак, несмотря на тот успех, который я имела, я возвращалась из Красного невеселая, мне было еще более грустно оттого, что во вторник будет спектакль, а я не буду танцевать, следовательно, надо ждать пятницы, а там, может быть, и опять не поставят. Ах, как грустно.

Мне плакать хочется. Вот я и недовольна. Сегодня было даже лучше, чем в среду, а мне уже и мало. Разве неверно то, что я написала⁵³⁵.

Вторник, 10 июля

Несмотря на то что я сегодня не занята, я все же поехала в Красное Село. Я не в состоянии была пропустить этот спектакль, да и хорошо, что я поехала. Я отправилась в Красное с Юлей с 6-часовым поездом. Час, который мне пришлось пробыть в Красном до спектакля, прошел незаметно. Когда приезжала царская фамилия, я была в окне своей уборной (сегодня в ней раздевалась Савицкая⁵³⁶ и Оголейт⁵³⁷). Я кланялась вел[иким] князьям, которые смотрели наверх, тоже и Наследнику. Первый акт драмат[ический] я была за кулисами, во втором я пошла в ложу. Я сидела с Юлей и с Александровым⁵³⁸. Ложа наша была в бельэтаже на середине, так что прелестно было видно всю царскую фамилию, и в особенности Наследника. В антракте я выходила на балкон. Затем началось третье действие. Я, конечно, более смотрела на Наследника, чем на сцену, и мне досадно было, что он не знает, что я сижу в ложе. Но вот он обернулся к М[арии] П[авловне], которая сидела от него по левую руку, и увидел меня. Я обрадовалась и тем более, что он остановил на мне свой взгляд. Затем он стал часто оглядываться и смотреть на меня, что мне было очень приятно. После этого действия, в антракте, перед балетным дивертисмен-

том я пошла с Юлей на сцену; у меня было предчувствие, что великие князья придут сегодня на сцену, хотя предыдущие спектакли они не приходили. Когда я пришла на сцену, вел[иких] князей не было, но немного погодя, разговаривая с М. Л[евинсон], я услышала, что меня зовет Юля. Я оглянулась и увидела на другой стор[оне] первого В[ладимира] А[лександровича]. Я быстро пошла туда, В[ладимир] А[лександрович], когда я проходила еще через сцену, указав на меня, сказал громко: «Вот она». Затем ко мне подошел, поздоровался со мной за руку и спросил: отчего я сегодня не танцую? Я ответила, что очень маленький дивертисмент, и для меня не нашлось места. В[ладимир] А[лександрович] еще что-то мне сказал, затем подле стоящей Юле, но я уже не слышала, так как я увидела Наследника и смотрела на него. Когда В[ладимир] А[лександрович] отошел, я едва успела поклониться с Наследником, как ко мне подошел Е[вгений] М[аксимилианович]⁵³⁹. Поздоровался тоже за руку и обратился с тем же вопросом, что и В[ладимир] А[лександрович], и я тоже самое ответила. Что далее Е[вгений] М[аксимилианович] говорил мне и Юле, я опять-таки не слышала, так как через его плечо смотрела на Наследника. Он стоял один в кулисе, по-видимому, было неловко, он немного отошел назад и встал с Георгием⁵⁴⁰. Я рада даже была, когда Е[вгений] М[аксимилианович] отошел, но тут опять подошел Крылов⁵⁴¹, директор Крас[носельского] театра, и сказал, что он на меня сердит, так как ему сейчас от В[ладимира] А[лександровича] было замечание за то, что я не танцую. Но я-то чем виновата? Ведь я же хочу танцевать. От него же и зависит сказать Иванову, чтоб меня ставили каждый раз. Я все ближе и ближе подходила к Наследнику. Мне ужасно хотелось, чтоб он со мной заговорил. Мне отчего-то казалось, что и ему хочется заговорить, но что он не решается. И вот когда я хотела сделать решительный шаг, ко мне опять подошел В[ладимир] А[лександрович] и сказал Наследнику: «Вот она здесь и не танцует». Наследник в ответ кивнул головой, и мне невольно пришло в голову, что это желание Наследника, чтобы я танцевала каждый раз. В[ладимир] А[лександрович] затем обратился ко мне и сказал, что он сделал выговор за то, что меня не поставили танцевать. Это, верно, он сделал выговор Крылову. Так мне и не пришлось поговорить с Н[аследником]. Когда я с Юлей шла в ложу, то мы встретили на лестнице Волкова. Несмотря на то что он не был мне представ-

лен, он, поздоровавшись с Юлей, поклонился мне. Я ему подала руку, и мы стали разговаривать как старые знакомые. Он тоже первым делом спросил, отчего я не танцую, и высказал свое сожаление. Он мне рассказал много интересного, и все про Н[аследника]. Он мне сообщил, что я очень нравлюсь Наследнику и что он в восхищении от моего *pas de deux*, которое я танцевала в последний раз. Волкову тоже очень нравится, он сказал, что видел это *pas de deux*, как я танцевала, три раза, и ему кажется, что я ничто не танцую так хорошо, как это *pas de deux*. Впрочем, он сказал, что он только так думает, так как он только и видел меня в этом *pas de deux*. Конечно, если не считать первого спектакля, Наследник ему говорил, что видел два раза это *pas de deux*, в первый раз в училище. Волков говорил, что они делятся мыслями обыкновенно на другой день после спектакля, утром на учении, и вот здесь теперь они меня воспевают. И Наследник насвистывает и напевает мотивы из моего *pas de deux*. Юлю Наследник называет «королевой». Он много еще рассказывал, да все не запомнишь. Когда мы пришли в ложу, первое *pas* уже протанцевали. Это действие Наследник тоже часто посматривал на меня. По окончании я нарочно немного осталась в ложе, чтобы дожидаться, когда он уйдет. Выходя из ложи, он еще раз на меня взглянул, и тогда только я вышла. На лестнице опять встретила Волкова, но уже не разговаривала, потому что торопилась. Он тоже был на вокзале. Знакомых в театре было мало, а так всех почти знаешь в лицо. При возвращении в Петербург я находилась в расположении совершенно противном последнего раза. Недаром меня так тянуло в Красное Село⁵⁴².

Вторник, 17 июля

С каким удовольствием я еду в Красное Село! Так меня и тянет! Юля сегодня...

В пятницу спектакля не было. Целую неделю пришлось [ждать]⁵⁴³.

Наконец настал день, который я ожидала с таким нетерпением. Юля сегодня не была занята, и я поехала с Юзей на вокзал. После репетиции я обедала с Никитиной⁵⁴⁴, с Петипа, с Юзей и Бабиным⁵⁴⁵. После обеда мы ходили гулять, потом я пошла в уборную. Я раздевалась сегодня в уборной одна, потому что Савицкая и Ого-

лейт не заняты, и была очень этому довольна, так как оба окна были в моем распоряжении. В восьмом часу приехала с Маней Л[евинсон] Юля. Они тоже не заняты и приехали смотреть. Они пришли ко мне раздеваться. Маня Л[евинсон] собралась смотреть у меня в окне на великих кн[язей], когда будут приезжать, но мне хотелось [быть] в окне одной и я ее не пустила, когда пошла в мою уборную. Два первых спектакля, когда приезжала царская [семья], со мной оба раза стоял кто-нибудь в окне. Сегодня я была одна. Итак, когда приезжали великие князья, я была в окне одна. Я еще издали увидела тройку Наследника, и необъяснимое чувство охватило меня. Наследник приехал с А[лександром] М[ихайловичем]⁵⁴⁶. Подъезжая, он посмотрел наверх, увидел меня и что-то сказал А[лександру] М[ихайловичу]. Он, вышедши из тройки и поздоровавшись со всеми бывшими на подъезде, встал туда, откуда было видно мое окно, следовательно, и меня. Мне стало понятно, что он встал сюда для меня, тем более что он тотчас же посмотрел на меня. Тут же встал А[лександр] М[ихайлович] и другие великие князья. Наследник опять посмотрел на меня, я на него, он улыбнулся, я тоже не могла удержать улыбки, и затем почти не переставал смотреть на меня, а я на него и подавно. Они все на подъезде очень возились, а Наследник между прочим приплясывал мазурку. Наконец приехали М[ария] П[авловна] и В[ладимир] А[лександрович]. М[ария] П[авловна] мне откланялась, а В[ладимир] А[лександрович], поклонившись, так пристально посмотрел на меня, что мне даже стало неловко. Вслед за В[ладимиром] А[лександровичем] приехал в тарабане Д[митрий] К[онстантинович]⁵⁴⁷. Его все громко приветствовали, называя Митькой. Когда он здоровался с В[ладимиром] А[лександровичем], последний его спросил, отчего он сегодня только первый раз приехал в театр. Ответ Д[митрия] К[онстантиновича] я не слышала, но только вслед за ответом В[ладимир] А[лександрович] его обозвал громко болваном и добавил: «Пуускай все слышат, что ты болван!» На подъезде раздался дружный хохот. Затем все пошли в ложу, и начался спектакль. Наследник, уходя с подъезда, еще раз посмотрел на меня. В антракте они все опять вышли на подъезд. Я не открыла совсем ставни, а только немного, так как я уже была в костюме, и то не вполне одета. Наследник опять смотрел наверх. В следующем антракте М[аня] и Юля пришли меня одеть. С ними пришла В. С[авицкая]. Маня, одевая меня, попросила Веру посмотреть в окно на князей, но лишь она открыла ставни,

как я закричала, что ужасно холодно, и она закрыла. Холодно и не думало быть, я просто не желала, чтоб она смотрела, да они и догадались. У меня был прехорошенький костюм, весь белый, только на тюниках черные листочки, на шее у меня было надето жабо с длинными концами лент сзади. Мой костюм опять очень всем понравился, а драматические, когда я пришла на сцену, говорили про меня, что я очень хорошенькая. Все это, конечно, приятно слышать. Когда Юля и Маня ушли, я продолжала одеваться. Шло последнее действие драматического. После драматического был маленький антракт, в нем приходил на сцену В[ладимир] А[лександрович], но сейчас же ушел. Затем после Полюса⁵⁴⁸; все занятые в балетном дивертисменте и драматические были за кулисами и его слушали. Я пришла на сцену в антракте после драматического. После Полюса опять был антракт. Едва он кончил петь, как я тотчас же встала во вторую кулису, в которую выходит дверь, откуда приходят князья. Сейчас же дверь отворилась, и на сцену пришел В[ладимир] А[лександрович] и разговаривал с Полюсом. Пришла М[ария] П[авловна]. Она тоже разговаривала с Полюсом. Остальные в[еликие] князья не вышли на сцену и стояли между дверью, которая ведет из царской ложи, и тою, которая ведет на сцену. (Как подробно описываю я местоположение). М[ария] П[авловна] тоже тут же стояла около дверей. Наследник был близко [от] меня. Он все время на меня смотрел и улыбался. Мне кажется, что он обратил внимание на мой костюм. Я смотрела ему в глаза с волнением, не скрывая улыбки удовольствия и минутного блаженства. Я оторвала свой взгляд от него лишь тогда, когда ко мне подошел В[ладимир] А[лександрович]. Он, со мной поздоровавшись за руку, спросил меня о моем здоровье. Я поблагодарила, и когда он заговорил с Рыхляковой⁵⁴⁹, я опять устремила свой взгляд на Наследника. Он, уходя в ложу, все оглядывался на меня, и я смотрела ему вслед. Только когда он скрылся в дверях, я торопливо вошла в другую кулису, так как танцевала первая. Подняли занавес, заиграл оркестр мой вальс. Я вышла на сцену, вижу устремленные на меня бинокли, его в ложе, на время я счастлива.

Когда я кончила вальс, мне очень много аплодировали. Я поклонилась, ушла за кулисы. Мне продолжали аплодировать и не смотря на то, что музыка заиграла следующее. Так что я принуждена была выйти еще раз кланяться. Затем я встала в третью кулису против царской ложи. В[ладимир] А[лександрович] что-то

сказал довольно громко, но я слышала только слово «смотреть». И мне показалось, что он сказал, теперь будет смотреть, так как он и Наследник навели на меня тотчас бинокли. Спустя В[ладимир] А[лександрович] еще раза два посмотрел на меня в бинокль, а Наследник смотрел на меня в бинокль и без, просто.

Лишь занавес опустилась, я побежала в уборную к окну. Я опять была одна у окна, даже рядом в окне не было Лабунской⁵⁵⁰. Первые уехали В[ладимир] А[лександрович] и М[ария] П[авловна]. И когда они отъезжали, я отошла от окна. Я не хотела, чтоб они меня видели. Затем я опять встала у окна, теперь должен был уехать Наследник с А[лександром] М[ихайловичем]. Уезжая, они оба смотрели наверх, на меня. Оба поклонились, а А[лександр] М[ихайлович] закричал мне: «До свидания!» и «душка» или «прелесть», что-то вроде этого. Я в ответ им помахала рукой. Это немножко смело, но смелость города берет. Я была в восторге!

На вокзал я поехала в карете. Юля и Юзя уехали туда раньше. Тут меня ждал В. Ганьков. Он сказал, что Юля и Юзя уехали с первым поездом, то есть который идет в 11 ч[асов] 45 м[инут]. Я приехала пять минут спустя по уходе поезда, и мне ужасно было досадно, тем более что следующего поезда приходилось ждать почти час. В ожидании я пила с В. Ганьковым чай. Он сказал, что на вокзале был Гудович с Орловым⁵⁵¹ и только что уехали. Действительно, я видела из кареты, когда ехала на вокзал, как проехали навстречу два конногвардейца. Верно, это они были. В городе на вокзале меня ждал Юзя. Он меня побранил за то, что я опоздала, говоря, что мне нечего было стоять за кулисами, так как я танцевала первая и могла раньше переодеться. Да ведь я не оттого опоздала, что стояла на сцене, а оттого, что стояла у окна долго, а он-то этого и не знает. Он мне сделал замечание относительно Наследника. Но право, что бы он ни говорил, мне все равно. Раз начато, надо продолжать и... кончить? Дома перед тем, как лечь спать, я долго разговаривала с Юлей. Она мне тоже сказала, что был на вокзале Гудович с Орловым, что он ей кланялся и спрашивал про меня, где я. И когда она ответила, что я еще в театре и сейчас приеду, он сказал, что меня подождет. Юле показалось, что со мной хотел познакомиться. Орлов и Гудович, верно, собирались его мне представить. Поболтав еще немного, я наконец легла и заснула, думая о Наследнике⁵⁵².

Вторник, 24 июля

Сегодня в Красное поезд с артистами пошел не в 1^{1/2}, а в 12 час[ов]. Это оттого, что шел новый балет Иванова⁵⁵³, муз[ыка] Фридмана, и надо было его репетировать два раза. Когда репетировали второй раз, я заметила в креслах в первом ряду Татищева. Я сначала немного удивилась и не была уверена, он ли это, но мне и Юля сказала, что он здесь. Кроме него был тоже Цехалевский⁵⁵⁴, Гарденин⁵⁵⁵ и еще несколько офицеров, так что репетиция была довольно интересна. После репетиции я, Юля и М. Л[евинсон] пошли в сад. Тут подошли к нам Гарденин и Татищев и еще один преобразенец, фамилию я его забыла. Двух последних мне представила М. Л[евинсон]. Затем мы с ними пошли в уборную к М. Л[евинсон]. С ней сегодня раздевалась Юля. Татищев скоро уехал, а мы пошли в ресторан пить крушон. Вскоре приехал Потоцкий⁵⁵⁶. Я, Юля, он и кавалергард Мухортов⁵⁵⁷ поехали на тройках на Дудергоф. Выйдя из театра, мы встретили Волкова, приехавшего в тарабане, он подошел к нам и немного с нами разговаривал. Когда мы сели в тройку, то он проехал мимо, а затем мы его перегнали. Я поехала в тройке с Юлей. Приехав в Дудергофский ресторан и заказав там обед, мы поехали на Киргоф, но теперь все четверо уселись в одну тройку. Там мы гуляли и осматривали церковь. Затем вернулись в ресторан обедать. Был уже седьмой час. Я все боялась, что опоздаю приехать в театр до приезда вел[иких] князей и потому всех торопила. Но я не опоздала и к их приезду была в окне.

Свидетель истории:

Лев Александрович Казем-Бек

На северо-востоке Парижа есть тихая спокойная улочка Крима (de Crimée). Там за белым каменным забором под номером 93 располагается знаменитое Свято-Сергиевское подворье, основанное русскими эмигрантами в 1925 году. Здесь же находится и Православный богословский институт, в котором преподавали лучшие умы России: богослов, философ, экономист Сергей Николаевич Булгаков; историк философии, богослов, психолог Василий Васильевич Зеньковский; историк русской церкви, богослов Антон Владимирович Карташев; философ, социолог Борис Петрович Вышеславцев; философ, богослов, историк Георгий Петрович Федотов; искусствовед, литературовед Владимир Васильевич Вейдле; литературовед, философ, богослов Владимир Николаевич Ильин; литературовед, критик Константин Васильевич Мочульский и многие другие. В храме Свято-Сергиевского подворья можно увидеть иконостас замечательного художника Дмитрия Семеновича Стеллецкого.

Сюда, в Свято-Сергиевское подворье, в поисках необходимых мне сведений о русской эмиграции и привела меня судьба. Ей же было угодно подарить мне встречу с регентом Свято-Сергиевского подворья, профессором литургики Николаем Михайловичем Осоргиным.

Наша фамилия произносится с ударением на втором слоге. Мы Осóргины, по речке Осóрга, что течет в Калужской губернии, —

начал Николай Михайлович.

Вот так началась наша обстоятельная беседа. Вспоминаем многих уже ушедших русских, перебираем в разговоре знаменитые старинные фамилии, мелькнула к случаю и фамилия Казем-Бека...

Рассматриваем прошлое — документы... фотографии. Узнаю некоторые лица, но большинство, увы, мне неизвестны. Постепенно разговор переходит на современность.

— Странно, — начинаю я. — Вот уже три четверти века прошло с тех пор, как Россия распалась на Союз и Зарубежье. И Русская православная церковь раскололась на две. Бессмысленно искать виноватых. Но ведь Бог один. И как долго это противоречие будет продолжаться?

Я расскажу вам одну притчу, — усмехнулся Николай Михайлович. — Один монах, отшельник, построил себе на дальнем острове скит. Там и жил один, никого не пускал к себе. Однажды в эту местность приехал митрополит ознакомиться с положением дел на месте. Обратился он к местным жителям близлежащего села с просьбой переправить его на остров. Сельчане стали отговаривать митрополита: монах-де всех прогоняет, ни с кем не хочет видаться. Митрополит все же их уговорил. Отвезли его на остров, а сами стали ждать... И случилось непредвиденное. Монах принял митрополита и показал ему скит. Тогда митрополит спросил его: «Правда ли говорят, что на острове вами построен и второй скит? Хотелось бы посмотреть...» — «Правда, — отвечал отшельник, — но я туда не хожу...» — Вот, видите. Каков русский человек!.. —

закончил свой рассказ Николай Михайлович.

Может быть, я и позабыл бы эту притчу, но случай заставил вспомнить.

Спустя года два после моей встречи с Осоргиным, собирая материал для статьи об эмиграции, я купил в магазине «ИМКА-Пресс» книгу Мирей Масип «Правда — дочь времени» (*Massip M. La vérité est fille du temps. Genève: Georg Editeur, 1999*). В ней рассказывалось об Александре Казем-Беке (1902–1977), личности незаурядной, подтверждением чего служила вся его долгая жизнь, насыщенная разнообразными событиями. О чем и рассказывалось на восьмистах страницах.

«Социальный портрет» Александра Львовича оставила, можно сказать, журналистка, активистка партии младороссов Нина Алексеевна Кривошеина (1895–1981):

Александр Казем-Бек человек примечательный, обладавший блестящей памятью, умением тонко и ловко полемизировать и парировать атаки — а сколько их было! В ранней юности скаут. Еще в России он был скаутом, в шестнадцать лет — участником Гражданской войны, потом участником первых православных монархических съездов в Европе. Человек честолюбивый, солидно изучивший социальные науки и теории того времени, с громадным ораторским талантом, он имел все данные стать «лидером», а так как все русские политические партии — кадеты, эсдеки, эсеры — рухнули под натиском марксистского нашествия, то и надо было найти нечто иное, создать что-то новое. Таким образом Младороссийская партия оказалась единственной новой, то есть не дореволюционной партией, партией, родившей-

ся в эмиграции, и нравилась она или нет — она до сих пор остается единственным политическим ответом в зарубежье на большевистскую революцию⁵⁵⁸.

Итак, Александр Казем-Бек стал главой партии младороссов, созданной в 1923 году в Мюнхене. Несколько слов о программе младороссов. Категорически не признавая большевистский режим в России и призывая к борьбе с ним, младороссы, однако, отвергали такие методы борьбы, как интервенция и терроризм.

«Царь и Советы!» — таков был их лозунг. Путь младороссов — это путь национального преобразования революционного процесса. Младороссы поддерживали в качестве будущего правителя России князя Кирилла Владимировича.

В 1935 году в дорогом кафе на рю Руаяль Казем-Бек встретился с графом, военным атташе Алексеем Алексеевичем Игнатьевым (1877–1954), будущим автором популярных в свое время мемуаров «50 лет в строю», возвратившимся в 1937 году в Москву. (Во время Первой мировой войны Игнатьев был представителем русской ставки во Франции. В 1924 году, когда во Францию прибыло первое советское посольство, Игнатьев сдал его представителям документы и значительные казенные суммы денег. Работал в советском торгпредстве. Очень много ходило разных слухов и разговоров о красном графе А.А. Игнатьеве. Вот один из них. Однажды Игнатьев обратился к Сталину: «Как же так, у нас говорят о славянском единстве, а у памятника героям Плевны креста нет...» Вскоре крест был восстановлен.) Журналисты выследили их, и в газете «Возрождение» появилась статья «ГПУ и младороссы»⁵⁵⁹. Несмотря на все объяснения, авторитет Казем-Бека был этой встречей подорван.

В годы Второй мировой войны многие младороссы участвовали в Сопротивлении, так как фронт их борьбы — «против врагов России». В результате младороссы подверглись гонениям со стороны французских властей как просоветски настроенная партия. Казем-Бек попал в концлагерь Веме (Vemet).

Откуда ему, вероятно хлопотами отца, удалось освободиться и уехать сначала на юг Франции, оттуда в Испанию, а затем в Калифорнию. В 1957 году Александр Казем-Бек вернулся в Москву, принял священство и до конца своих дней работал в отделе внешних сношений Московской патриархии. Скончался он в 1977 году и похоронен на Перedelкинском кладбище...

Я к чему так подробно пишу об Александре Львовиче Казем-Беке?

Во-первых, яркая личность и жизнь достойны подробного рассказа хотя бы потому, что он был одним из тех русских эмигрантов, кто ни при каких обстоятельствах не забывал Россию.

А во-вторых, все мои исследовательские разыскания будто специально так и сводились судьбой к этой фамилии, что не вспомнить о роде Казем-Беков было невозможно.

Вот, к примеру, однажды вдруг... Это замечательное «вдруг», предвещающее что-то тебе еще совершенно неизвестное и неожиданное, новое знание и, может быть, даже открытие!

Так вот. Не прошло еще и месяца с тех пор, как я познакомился с историей и личностью А.Л. Казем-Бека в книге М. Массип, как... однажды мне вручают небольшую связку бумаг, остатки одного архива. Я не знаю историю этого небольшого архива, да, видимо, так никогда и не узнаю. Одно ясно, что он у меня в руках, а я слишком ценю архивные документы. Какие тайны они преподнесут мне на этот раз? Начинаю перебирать... Потрепанные, исписанные крупным почерком тетрадки. Кажется, это мемуары, написанные просто, без всяких литературных приемов и украшений. Вот какие-то письма и вдруг фотография. С нее смотрит пожилой седой, сгорбленный человек в шляпе, в пальто с воротничком из овчины. Ироничная улыбка и взгляд умных глаз. Из бумаг выясняется — это Лев Александрович Казем-Бек, отец «нашего» Александра.

Личность весьма и весьма интересная.

Сегодня старые справочники читаются как сочинения научно-популярные, совершенно не похожие на энциклопедии нашего времени.

Если открыть «Придворный календарь на 1916 год», изданный поставщиками двора его императорского величества товариществом Р. Голике и А. Вильборга, то на странице 301 в придворном штате его императорского величества государя императора в звании камер-юнкера числится статский советник, управляющий Ревельским отделением Крестьянского поземельного банка, почетный мировой судья Виленского городского округа, награжденный: императорским черногорским орденом Князя Даниила I пятой степени, вензелем с изображением имени императора Александра III, медалями коронации 1896 года, за перепись 1897 года и в память 300-летия царствования дома Романовых — Лев Александрович Казем-Бек. Включение Казем-Бека в «Придворный календарь» — свидетельство его принадлежности к высшим слоям русского общества.

Некоторые биографические дополнения к портрету Л.А. Казем-Бека.

Родился Лев Александрович в 1876 году. Его дед — известный востоковед, профессор Казанского университета Александр Казимович Казем-Бек. Казем-Беки состояли в родстве со знаменитыми семействами Боратынских и Толстых.

Окончив в 1896 году Пажеский корпус, Лев Казем-Бек был произведен в корнеты и поступил в Уланский ее величества полк в Петергофе. В 1899 году он вышел в запас. Занимал должности: уездного предводителя дворянства, старшего делопроизводителя Управления Северо-Западного генерал-губернаторства, управляющего отделом Крестьянского поземельного казначейского банка в Калуге и Ревеле (1909–1914).

В 1900 году Лев Александрович женился на Надежде Геннадьевне Шпигельберг (1881–1943), чей род известен со времен Екатерины II.

В 1902 году у них родился сын Александр. С начала Первой мировой войны Лев Александрович поступил добровольцем в действующую армию. Затем он был переведен в Уланский полк, где командовал стрелковым эскадроном. Получил чин ротмистра гвардии. Был удостоен шести боевых наград.

Во время Гражданской войны Л.А. Казем-Бек служил в Астраханской армии (Астраханский корпус был присоединен к армии Деникина), командовал сотней Тундутовского полка. Вскоре ему было поручено формирование санатория Красного Креста на черноморском побережье. Но уже в 1919 году он оказался в Сербии, где стал председателем русской колонии сначала в Сербабраце, затем в Печуле (Бараче). С присоединением Барачи к Венгрии — остался в Венгрии. Был также председателем русской колонии и монархического объединения в Будапеште. Участвовал в монархических съездах в Берлине (1922) и в Париже (1923). Был членом ЦК Русского народно-монархического союза, являлся представителем великого князя Кирилла Владимировича в Венгрии. После принятия великим князем Кириллом Владимировичем императорского титула (1924) Лев Александрович переехал в Мюнхен, а затем во Францию, откуда уже никогда не выезжал.

В течение пяти лет Л.А. Казем-Бек занимался садоводством на юге Франции, в Антибе, где разбил прекрасный сад и вывел новые сорта гвоздики. На цветоводческих выставках в Антибе и Ницце он был награжден серебряной и золотой медалями. В 1930–1933 годах Казем-Бек «заведовал садами» Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа. Здесь надо вспомнить, что еще в детстве Лев Александрович увлекался разведением цветов и даже был знаком с известным биологом и селекционером Иваном Владимировичем Мичуриным, который и показал ему приемы гибридизации и сложных прививок.

Помимо садоводства и цветоводства Л.А. Казем-Бек занимался живописью. (В России он учился в мастерской академика Л.К. Новосильцева.) Писал в основном портреты. По заказу одного парижского банка написал семьдесят портретов маслом и пастелью.

Началась Вторая мировая война. Не сегодня завтра немцы войдут в Париж. Лев Александрович работает теперь простым служащим в одной из парижских гостиниц. Здоровье идет на убыль: стенокардия. Жена больна, при смерти. Сын в лагере. Лев Александрович ходит в префектуру и просит, чтобы сына перевели в лагерь в Пиренеях, подальше от немцев.

После смерти жены (1943) он начинает писать свои воспоминания. Не торопясь, не на бегу, не спеша он рассказывает о своей жизни, о людях, с которыми ему пришлось встречаться. Пишет для внуков.

Когда вы вырастаете, вы конечно, я уверен, будете искать описаний той жизни — в особенности бытовой — которая текла в старой России до революции. Это будет несомненно и главным образом потому, что вам нужны будут объяснения или, скажем, «оправдания» тех ужасных жертв и личных, и семейных, и государственных, которые понесла Россия, итог которых в холодных цифрах в ваше время будет уже точный и более ужасный, чем он представляется нам, современникам пережитого кошмара⁵⁶⁰.

Так начинались его записи.

Рассказ Льва Александровича не претендует на литературное совершенство. Его записи сделаны «в подробном стиле», иногда с забавными стилистическими оборотами. Но несмотря на старинную и старомодную на сегодняшний взгляд педантичность в изложении, они, безусловно, не лишены очарования. обстоятельный, детальный рассказ о родовом имении Новоспасское в Казанской губернии, о детстве, о родственниках, о библиотеке... — бесценная хроника еще пока спокойной дореволюционной жизни одной из тысяч русских фамилий, вскоре сметенных революцией.

Казем-Бек — наблюдательный свидетель и участник исторических событий. Его рассказ в чем-то дополняет и уточняет уже известное, но и содержит неизвестные факты и скрупулезные, любовно сохраненные для потомков, стало быть и для нас тоже, подробности.

Теперь эти его тетради лежат передо мной. Их страницы пахнут сыростью, давно ушедшими временами. Кажется, они мертвы. У современного читателя, привыкшего к шрифту компьютера, рукописный текст преимущественно уже вызывает раздражение. У людей, живущих в мире виртуальном, общающихся посредством SMS-сообщений, нет

ни времени, ни желания прибегать к эпистолярному жанру. Мне же в этих тетрадах, заполненных вначале чернилами, а потом карандашом, видится реальная, подлинная, настоящая жизнь, о которой мы все же до обидного мало знаем. К сожалению, воспоминания Л.А. Казем-Бека так и остались незаконченными...

Ниже публикуется глава из воспоминаний «Боратынские», в родстве с которыми автор находился. (Тетка Льва Александровича Ольга Александровна, урожденная Казем-Бек, была замужем за сыном поэта Евгения Боратынского — Николаем.) Но прежде чем вы начнете читать эти заметки, еще несколько слов о последних годах жизни Льва Александровича. В 1946 году он посетил советского посла в Париже А.Е. Богомолова, так как собирался вернуться в Россию. Он даже обратился к послу с предложением и планами восстановления и дальнейшего развития виноградарства в Советском Союзе. Сохранился черновик письма. Он хотел вернуться со своими друзьями и знакомыми в количестве десяти человек. Известными специалистами по виноградарству, растениеводству и цветоводству. Но его планам не суждено было осуществиться, так как он оказался в Казахстане.

Представитель одного из лучших родов России, трагическим поворотом истории с Россией разлученный и тем не менее до конца дней не утративший надежды и желания украсить Россию садами и виноградниками, репатриант Лев Александрович Казем-Бек едет через Москву в казахстанскую ссылку к своим родным. Мне хочется привести свидетельство его внука:

Дедушке пришлось ехать через Москву. Он позвонил генералу Алексею Игнатьеву. Тот пришел встречать его на вокзал. У него была машина с шофером. Игнатьев принял у себя дедушку на весь день, а вечером проводил его на поезд. Он дал ему денег и теплые вещи для нас и сказал на прощанье: «Только не вздумай мне оттуда писать...»⁵⁶¹

В 1952 году Лев Александрович умер. Свой рассказ мне остается закончить словами Осоргина, помните — об отшельнике из его притчи: «Вот, видите. Каков русский человек!»

Воспоминания печатаются по авторской рукописи, хранящейся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки СТД РФ⁵⁶².

Единственная сестра моего отца Ольга Александровна⁵⁶³ была замужем за сыном поэта Е.А. Боратынского — Николаем Евгеньевичем Боратынским⁵⁶⁴. Она была на пять лет старше моего отца, маленького роста, тонкая, точеная фигурка, типичного макового цвета лицо персиянки. Тетя Оля была широко образованная женщина. Она, кажется, все читала на всех языках, всем интересовалась, умно и интересно вела и поддерживала разговор. Ее ум был чисто отвлеченный, и как только подросли ее дочери, она все хозяйственные работы переложила на них. И ушла в свою улитку, окруженная трогательной заботливостью ее всей многочисленной семьи. В последние годы она отошла совсем от жизни, что отчасти объясняется ранней и почти полной глухотой. Дядя Коля Боратынский был совсем иной. В нем жило две редко сочетаемые натуры. С одной стороны, он был поэт в самом чистом, высоком и пылком смысле этого слова, с другой стороны, он был творчески практичен и расчетлив. В этой области он достиг исключительных результатов и приобрел широкую промышленную известность. Он творил и строил жизнь со все возрастающей энергией, был вечно на ногах и находил время, окруженный семьей и близкими людьми, в сооруженном им белом зале его казанского дома завлекать слушателей своими стихами, как бы воскрешая времена его отца и всей великой стаи пушкинской эпохи. Его наружность была также какая-то особенная. По чертам лица он был откровенно некрасив. Толстый, какой-то неуклюжий нос, красный цвет лица. Он носил бороду, расчесывая ее по сторонам, густые седые волосы бобриком, светлые детские смеющиеся глаза. Он носил монокль — и носил его очень привычно и умело, совсем не фатовски. Он всю свою жизнь увлекался и был в кого-нибудь влюблен. Но отнюдь не пошло, «лирически», как говорила тетя Оля, которая всегда добродушно относи-

лась к этим увлечениям — да иначе и не могло быть, так как Боратынские жили, что называется, душа в душу.

Его отец поэт Е.А. Боратынский оставил после смерти весьма запутанное состояние. Папа рассказывал, что все состояние молодых на первых шагах их жизни состояло из самовара. После смерти моей бабушки Прасковьи Александровны Казем-Бек, урожденной Костливцевой⁵⁶⁵, осталось небольшое имение «Ия», от которого мой отец отказался в пользу сестры. Позже к Боратынским перешли два запущенных и перезаложенных имения — Каймары и Шушары — оба в 20–25 верстах от Казани, на берегу реки Казанки.

Дядя Коля умело и энергично повел дела. На реке Казанке около деревни Шушары он построил большую образцовую мельницу. Эта мельница была известна всей Казани. Берега Казанки были живописны, и там постепенно вырос целый дачный поселок. Между прочим, там выстроил дачу Левушка Иславин⁵⁶⁶ — друг и товарищ по правоведению моего двоюродного брата Саши Боратынского⁵⁶⁷. В Казани дядя Коля начал целый ряд предприятий, скупил почти всю сенную базарную площадь города, выстроил образцовые бани и целый ряд доходных домов. Кроме того, он перестроил свой дом-особняк в Казани, известный своим красивым белым залом с белыми мраморными колоннами и с неизбежными в русских барских домах хорами для оркестра. В Шушарах, где жила в летние месяцы семья Боратынских, был довольно большой неказистый дом и в саду отдельным зданием был хорошо оборудованный театр, на сцене которого мы подростками подвизались. Род Боратынских, как и вымерший род князей Воротынских, весьма древний. Они когда-то переселились из Галиции. Во время войны четырнадцатого года в окрестностях города Галича была найдена церковь, видимо входившая когда-то в поместье Боратынских. Эта церковь, как и гробницы, была найдена, кажется, ген[ерал]-адъютантом Павл[ом] Дмитриевичем Шиповым⁵⁶⁸ — шурином Саши Боратынского, отказавшегося снять вензеля государя и расстрелянного большевиками во время революции.

Паша Шипов был «дворянин-рыцарь» в лучшем смысле этого слова. Он кончил пажеский корпус камер-пажом государя Александра III в 1883 году, в год коронации. Вышел в Преображенский полк. Он обладал крупным художественным талантом. С разрешения государя он, оставаясь в полку, поступил и окончил с золотой

медалью Академию искусств по классу батальной живописи. Он особенно прославился двумя большими полотнами: «Переправа русских войск через Дунай у Систова в 1877 году» и «Песенники атаманских казаков в конном строю». Последняя картина висела в царском дворце, в приемной перед гостиной императрицы, в той самой приемной, где висел знаменитый каульбаховский портрет царицы⁵⁶⁹. Трудно себе представить более русского человека, чем Паша Шипов. Он доходил до крайности, почему многие его считали экзальтированным и почти ненормальным. Будучи идейным дворянином-барином, совершенно не выносил «столичной знати». Он серьезно изучал русскую одежду и выходил из себя, когда слышал, что ее называли костюмом. «Ваши паршивые пиджаки и фраки — это костюм, а русский кафтан — это русская одежда», — сказал он как-то графу Ламздорфу⁵⁷⁰, тогда министру иностранных дел, на каком-то придворном приеме. «Русская одежда» была его пунктиком. Его мечта была создать военную русскую форму, и он написал, как всегда талантливо, целую серию акварелей русских придворных форм с историческими названиями и должностями древне-царских дворов. Так, камер-паж был рында, камергер — царский ключарь, шталмейстер — царский конюшенный т.д., и т.д. Шипов настойчиво проповедовал свою идею и, казалось, уже много достиг. Так, знаменитый придворный бал в боярских костюмах⁵⁷¹ был осуществлен по его настоянию. Перед войной ходили слухи, что государь склоняется изменить придворную форму по шиповскому проекту. Великий князь Михаил Александрович⁵⁷² поддерживал Шипова. Но вот до чего судьба играет человеком: русская форма по макетам художника Шипова, бывшего камер-пажом государя, потом флигель-адъютантом, далее в свите его величества и наконец генерал-адъютантом, осуществлена — теперь в Красной армии Сталиным⁵⁷³.

С началом японской войны он перешел в армию и командовал батальоном 12-го Сибирского полка, а после войны принял там же полк. Будучи всегда в свите государя, он не получал никогда гвардейского полка — видно, побаивались его экзальтированности. Большую войну он начал начальником дивизии и кончил командиром корпуса. У него были Георгий IV и III степени. Паша Шипов был женат на троюродной сестре моей жены, на Александре Зыбиной — очень красивой, но, увы, весьма легкомысленного поведения. Шиповы разъехались, а их дочь, еще красивее матери, увы,

пошла по стопам матери, сбежала с каким-то прощелыгой. Отец тяжело пережил этот скандал.

Дядя Коля Боратынский как поэт был несомненно и талантлив, его стих был звучный, часто с большим и сильным порывом. Часть стихов он издал «на правах рукописи» под заглавием «Друзьям на память»⁵⁷⁴. Были стихи, посвященные моим родителям по случаю отъезда их из Казани, когда отец через несколько лет после свадьбы переводился в Петербург и когда Боратынские устроили прощальный обед в их белом зале. Они начинались так: «Итак, друзья, Маруся, Саша, пришла пора расстаться нам». Далее дядя Коля воспевает дружбу обоих, вспоминает их частые встречи в «этом белом зале», где звуки песни (у моего отца был красивый тенор) оглашали «сооруженный мною свод», и кончает призывом верою скрепить эту дружбу: «Пусть в нашей дружбе крепнет вера / под неизбежной сединой, / как крепнет старая мадера / под паутиной вековой».

Из других лирических стихов дяди красивые были стихи, посвященные знаменитой когда-то красавице Варваре Леонидовне Гревс, урожденной Юшковой⁵⁷⁵. Ее красота была какая-то чарующая, возвышенная, как можно было бы себе представить красоту ангела. Скоро после свадьбы в расцвете молодости она заболела. Лицо ее покрылось какими-то ужасными пузырями и старчески сморщилось. Говорили, что болезнь эта в простонародье называлась собачьей старостью. Под влиянием этой болезни она стала особенно религиозной и куда-то приехала на богомолье. И вот там же неожиданно, как началась эта болезнь, она вдруг прошла, и она стала так же красива, так же воздушна, как была ранее. Этому испытанию дядя Коля посвятил стихи, разделив их в три части. «Господь был благ, — воспевает он, — Господь наделил Вас небесной красотой, лазурными глазами, но Вы — Вы возгордились, — Вы не поняли благость назначения с неба данной красоты». «Господь был благ, — повторяет поэт, — он беспощадно вырвал красоту, сморщил Ваше тело, потушил свет Ваших глаз, и Вы в слезах поканясь в сознании красоты вернулись к Господу-творцу». «Господь был благ, — кончает поэт. — Он внял молитве Вашей, воскресил нам Вашу красоту и дал Вам вновь отраду жизни, верить и любить».

Помимо лирических стихов сын поэта, дядя Коля Боратынский, написал целую серию патриотических и даже политических стихов. Очень хороши его стихи, написанные по случаю установ-

ки в Москве памятника Минину и кн[язю] Пожарскому⁵⁷⁶. В этих стихах Николай Евген[ьевич] проводит мысль, что сотрудничество людей, не порвавших связей с корнями русской земли, хотя бы они были разного класса и разного рождения, всегда рождало в истории России тот порыв, ту великую земскую силу, которая спасала Россию. Пример Пожарского-князя и Минина-простолюдина, увековеченный в одном слитке на Красной площади Москвы, будет служить наглядным памятником грядущим поколениям нашей родины. (Эти стихи сохранились у Юрия Дистерло⁵⁷⁷.)

Другие стихи той же серии — написаны были по случаю столетия «Дворянской грамоты»⁵⁷⁸ импер[атрицы] Екате[рин]ы II и со-
впали с кончиной государя Александра III.

Эх ты, дворянское наше сословие,
Кончился век твоего молодчества.
Ты ль заслужило хулу и злословие
Службою верной Царю и Отечеству.

Мы ли повинны, что наши предания
С грязью смешались в книгах подъяческих,
Что у безродных людей наше звание
Стало покровом лишь мерзостей всяческих.

.....
Чашу последнюю зауспокойную
Выпьем во славу Царя и Отечества.

Вся семья Боратынских в четырех мне известных поколениях была одарена талантами. В трех поколениях они были поэты. Саша Боратынский также очень недурно писал стихи, был музыкален и даже композитор. Ему удавались экспромты. На крестинах моего сына за завтраком он написал остроумный экспромт на меню моей жены.

Он как потомок Магомета
Приять крещенья не желал,
И потому он так орал,
Сын Льва и солнечного света.

Саша помимо родства был исключительно близок нашей семье. Он прямо боготворил моего отца, он с моей Надей⁵⁷⁹ были большими и искренними друзьями. Саша многие зимы жил у нас в Петербурге, будучи правоведом. Бедный Саша широко отплатил заботы о нем моего отца и матери в тяжелый революционный год,

когда мама, больная раком, переехала с сестрой в Казань. Все Боратынские, и Саша в особенности, приютили больную маму в их казанском доме и тем дали возможность окружить ее необходимым уходом. Мама лежала и умерла в бывшем кабинете дяди Коли. Рядом, в большом белом зале, в полусумерке, полуживая, совсем глухая, бродила, как-то шурша ногами, поддерживаемая своей дочерью, тетя Оля. Она что-то говорила шепотом и, видимо, мало понимала, что творится вокруг нее. При выносе мамы из дома Боратынских тетя добрела до катафалка. «Зачем, зачем, — шептала она. — Зачем, Маруся, ты ушла раньше меня».

В молодом поколении Боратынских я не могу не остановить-ся на младшем сыне Саши — тоже Александре, на Алеке Боратынском⁵⁸⁰. Это был один из русских юношей, отдавших свою молодую жизнь за Россию. Внешне он был редко красив и породист. Светлый блондин, большого роста, с большими светлыми лучистыми глазами. Ему было всего 16 или 17 лет. В нем таился крупный талант, и даже талантище. Он серьезно занимался живописью, его рисунки и портреты углем были совершенно выдающиеся. Он написал весьма удачный портрет дяди Сережи Толстого⁵⁸¹ и в особенности своего отца, Саша сидит нагнувшись, в типичной для него позе за какой-то работой. Кроме живописи, Алек был музыкален и особенно любил духовную музыку. Он был регентом большого хора одной из церквей Казани. Он был открытый, увлекающийся, монархист, многонаравнее всей своей семьи. Он принял участие в боевой дружине, сформированной в Казани для охраны Золотого фонда. При увозе этого золота чешским батальоном в Уфу и далее к Колчаку дружина вела арьергардный бой с большевиками почти в самом городе, на Арском поле. В этом бою был убит Алек. С ним вместе пал другой родной племянник, Боба (Николай) Казем-Бек⁵⁸², и молодой Догель⁵⁸³, и сын Никиты⁵⁸⁴, лакея дяди Сережи Толстого.

Саша Боратынский не решился уйти «со всей Казанью» в Сибирь к Колчаку. Он не хотел оставить свою умирающую мать. Из всей семьи Боратынских ушла одна дочь Лита⁵⁸⁵, только что вышедшая замуж за офицера Каргопольского полка Ильина⁵⁸⁶. Большевики не пощадили Сашу, после двух грубых арестов его зарубили пашками в тюрьме. Жена⁵⁸⁷ старшего сына Саши — Димы⁵⁸⁸ — после долгих хлопот добилась разрешения властей получить тело и похоронить Сашу. Но и это разрешение было дано

при условии перевоза бедного мученика на извозчике сидя. Видимо, большевики боялись широкой популярности Саши.

Дима Боратынский также не миновал участи отца. Он был расстрелян много позднее в Москве одновременно с моим троюродным братом Николаем Владимировичем Дебособром⁵⁸⁹, перешедшим уже в Константинополе к большевикам. Из Боратынских осталось уже только следующее поколение: сын и три дочери, дети Димы. После расстрела последнего эти дети были вывезены их матерью в Вену, а потом в Америку⁵⁹⁰. Друг Саши Левушка Иславин оставил им по духовному завещанию наследство, сохранившееся за границей. Итак, Боратынских более в России не осталось⁵⁹¹. В жестокой борьбе погибли отец с обоими сыновьями.

«Эх, побережь бы силы кипучие», — вещал их дед. «И вытеснялись, — по словам того же дяди Коли, — случайными хватами роды старинные, роды боярские».

Зигзаги судьбы:

Аглая Сергеевна Шиманская и ее братья

С Аглаей Сергеевной Шиманской я познакомился 20 января 1993 года в Русском доме в Ганьи, что в сорока километрах от Парижа. В то время я знал о ней еще мало, правда, иногда читал ее стихи и рассказы в парижском журнале «Возрождение». Так сложилось, что Аглая Сергеевна сама изъявила желание повидаться с человеком «оттуда», из ее России, и я конечно пришел к ней в гости.

И вот меня встречает красивая, подтянутая, открыто и радушно улыбающаяся мне женщина. Умные карие глаза, прямой взгляд. Однако немного бледна, и тени под глазами, и заметно, что ей трудно передвигаться и долго стоять. Садится в кресло и буквально обрушивает на меня шквал вопросов: какая теперь Москва? Что я думаю о Горбачеве? А о Ельцине? (к последнему она явно не благоволит). С кем я уже успел встретиться в Париже? Видел ли Ирину Одоевцеву в России? Я едва успеваю отвечать... Наконец-то могу спросить и я.

Говорим о Юрии Константиновиче Терапиано (1892–1980) — поэте, литературном критике и ее близком друге. В России его фамилия писалась как Торопьяно. Так написано в его русском паспорте⁵⁹². Знакомство Аглаи Сергеевны и Юрия Константиновича произошло вскоре после войны и переросло в сердечную дружбу. Он помог ей стать настоящим поэтом. Шиманская всегда прислушивалась к советам и замечаниям Терапиано.

В 1955 году Терапиано переехал в Русский дом в Ганьи, где продолжал работать. Здесь он тяжело заболел, и Аглая Сергеевна переехала из Парижа в Ганьи (в 1975 году), ухаживала за ним в течение четырех лет. Оказывается, комната, в которой она теперь живет, была комнатой Терапиано. И вот Шиманская показывает книги с его дарственными надписями ей, рассказывает об увлечениях Терапиано философией, историей религий, восточными культами, Индией, Египтом. Результатом этих увлечений стала книга «Маздеизм» (Париж, 1968). До сих

пор у нее болит душа, что не могла попрощаться с ним: когда он умер, она лежала в больнице. Беспокоясь об архиве Терапиано, она тогда позвонила коллекционеру Рене Герра и попросила сохранить архив до ее возвращения из больницы. Этот архив так и остался у Герра. Потом на свои деньги она издала книгу Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека» (Париж; Нью-Йорк, 1987). Эта книга задумывалась им как вторая часть его «Встреч» (Нью-Йорк, 1953).

Словом, в тот январский вечер 1993 года Юрий Константинович сдружил нас крепко. На прощание на память о нем Аглая Сергеевна подарила мне его фотографии, рукопись ее предисловия к книге Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека», свои книги. И свой архив в будущем обещала передать мне.

Теперь-то я знаю об Аглае Сергеевне гораздо больше, чем в ту первую нашу встречу. И потому, прежде чем продолжить мой рассказ, расскажу коротко ее биографию.

Родилась Аглайда (именно так ее имя пишется в официальных документах) 10 мая (по старому стилю) 1903 года в Москве, в семье судебного и общественного деятеля Сергея Александровича Левицкого (умер 23 апреля 1945 года). Он был сенатором Первого департамента Правительствующего сената, гласным Московской городской думы, присяжным поверенным округа Московской судебной палаты и одним из организаторов женских Пречистенских курсов, работал юрисконсультom у Саввы Морозова. Мать Аглаи Сергеевны умерла очень рано. Дед ее — Александр Александрович Левицкий — был известным агрономом и народником.

Маленькая Аглая была болезненна с рождения, передвигалась с трудом, и в начале 1914 года отец увез ее лечиться в санаторий в Швейцарию. Вскоре началась Первая мировая война, и Левицкие уже не могли вернуться в Россию. Аглая поступила в школу в Лозанне, стала читательницей известной Рубакинской библиотеки в Монтрё. Сергей Александрович меж тем основал Дом для русских эмигрантов. В 1918 году семья Левицких наконец воссоединилась: из России приехали четыре брата Аглаи — Юрий, Анатолий, Сергей и самый младший из всех, Олег.

В 1935 году Аглая Сергеевна переехала в Париж, где стала посещать чтения в Парижской русской консерватории имени С. Рахманинова. Не тогда ли она всерьез увлеклась поэзией? В 1935 году она выходит замуж за штабс-капитана, участника Первой мировой и Гражданской войн Сергея Семеновича Шиманского (1896–1966), который в

Париже к этому времени стал музыкантом, играл на струнных инструментах, изучал декоративное дело, занимался военной историей. Первое стихотворение Аглаи Шиманской «Романс» было опубликовано только в 1947 году в газете «Новое русское слово»⁵⁹³. Так Аглая Сергеевна вошла в послевоенное поколение литераторов Русского зарубежья. Она была замечена критикой. Спустя три года, в 1950 году, в парижском издательстве «Рифма» вышла ее первая поэтическая книга «Капля в море», в том же году она была принята в Союз русских писателей во Франции. (И следующие сборники «Новолунье» (1955), «Я вам прочту» (1963), «Антенны» (1976) выходили в издательстве «Рифма» (1949–1973), которое было основано для публикации индивидуальных сборников поэтов. Инициатором издательства была поэтесса Ирина Яссен (псевдоним Рахили Самойловны Чеквер; 1853–1957). Руководителем издательства была И. Яссен, председателем редколлегии — С.К. Маковский. После их смерти функции были возложены на Софью Юльевну Прегель (1894–1972) и на Ю.К. Терапиано.)

Кажется, Аглая Шиманская больше стихов не печатала, но до самых последних дней своей жизни она жила творческими интересами — издавала наследие Терапиано, приводила в порядок архивы, активно интересовалась литературной жизнью и судьбами своих, увы, уходящих русских друзей...

Аглая Сергеевна умерла в январе 1995 года в Ганьи. Она была последней русской жительницей знаменитого Русского дома.

Через год после смерти Аглаи Сергеевны ее племянница по материнской линии Ольга Юрьевна Корнеева, исполняя желание тетушки, передала мне ее архив.

Книги же свои, еще перебираясь в Ганьи, Шиманская передала в Тургеневскую библиотеку в Париже.

Архивы, только архивы могут подарить исследователю сразу столько неожиданностей, столько долгожданных открытий! Вот обнаружили неизвестные стихи Шиманской. Оказывается, в 1953 году Аглая Сергеевна хотела издать сборник стихотворений «Карточный домик». Но на рукописи строгая помета Терапиано: «Не нужно стихов из “Новолуния”». «Карточный домик» так и не был издан, но некоторые стихи из него вошли в другие книги Шиманской. Вот рассказы Аглаи Сергеевны, в том числе и неопубликованные. А еще повесть «Господин Бург». И ее Ю.К. Терапиано просил не печатать. Очерк на французском языке о Гоголе. Документы, относящиеся к биографии Аглаи Сергеевны, воспоминания о Терапиано, письма к Шиманской поэтес-

сы Е.Л. Таубер, писательницы Е.Ф. Рубисовой, И.В. Одоевцевой и конечно же Ю.К. Терапиано. Фотографии Шиманской и семейства Левицких.

Я потихоньку разбираю архив и расспрашиваю Ольгу Юрьевну о ее близких, прошу комментариев и пояснений. Она просто и доброжелательно, как старому знакомому, рассказывает мне разные истории своей большой семьи.

— Ольга Юрьевна, а кто самый старший из братьев Левицких?

Самым старшим был Юрий (родился в 1895 году), он умер первым... Женился на француженке, у которой был маленький антикварный магазин в Париже. Юрий был поэт.

— Да, я знаю, в 1937 году в Париже вышла его книга, на обложке которой набрано: «Рогалья-Левицкий. Стихи. Париж». Знаю также, что он был членом Союза молодых поэтов и писателей, а после войны — членом Объединения русских писателей в Париже и даже членом мasonicской ложи «Гамаюн» в начале 1930-х. И круг его литературных знакомств был широк: писатели, поэты, журналисты, режиссеры. Его имя я встречал в архивах, в переписке и воспоминаниях известных людей; он знал Владимира Варшавского, Сергея Эфрона, Николая Татищева, Владимира Татаринова, Бориса Поплавского, Бориса Заковича, Дмитрия Кобякова, Николая Евреинова, Михаила Долинова и многих, многих других. Видимо, он был человеком открытым и интересным. Однажды мне попала в руки книжка его стихов. На ней был адрес: «Париж, 16-й округ, бульвар Сен-Жермен, 166». Я почему-то запомнил его. Мог ли я предположить, что спустя 10 лет буду говорить с племянницей Юрия Левицкого о нем, о его семье и даже об этой самой книжке?! Кстати, Ольга Юрьевна, сохранился ли архив Юрия Сергеевича? И точную дату его смерти я хотел бы узнать.

Про архив, к сожалению, я не знаю ничего, а вот когда умер... сейчас вспомню...

Тем временем я листаю выцветшие бумаги, и в это трудно поверить, но именно в эти самые минуты мне на глаза попадается вырезка из газеты «Русская мысль» со следующим текстом:

В пятницу 27 февраля скоропостижно скончался Юрий Сергеевич Рогалья-Левицкий, о чем с прискорбием извещает вдова и семья покойного. В 9-й день кончины 7 марта в церкви — 5, рю Петель, в 20 ч[асов] 30 м[инут] будет отслужена панихида⁵⁹⁴.

Это случилось в 1959 году.

Почитайте его письма, — улыбается Ольга Юрьевна, — это абсолютная самоотверженность и забота, хотя здоровье его самого оставляло желать лучшего.

Из нескольких писем Юрия 1957–1958 годов, адресованных младшему из братьев, Олегу Сергеевичу, я выбрал одно. Мог выбрать и другое — они все одинаково проникнуты тревогой о здоровье брата, детали быта здесь не так уж важны.

7, rue du Pont-de-Lodi, Ch. № 5,
Paris, 6-e. Среда

Дорогой Олег,

Только вчера получил твое старое письмо, копию которого ты, как пишешь, снял и которому приложил марку для ответа. Письмо это было подложено почтальоном под дверь нашей лавочки, а последнюю мы открыли только вчера.

Я очень беспокоюсь о тебе. Каково состояние твоего здоровья? Как выносишь лечение antabuse'ом*? Напиши немедленно. Надеюсь, что ты преувеличил сопровождающее это лечение болезненное состояние и неприятные ощущения...

Сообщи мне все подробнее, также напиши, сколько времени этот курс будет продолжаться. Серж, как я уже писал тебе в прошлом письме, приезжает в начале января.

Целую тебя нежно.

Любящий брат Юра⁵⁹⁵

— А чем был болен Олег Сергеевич?

Олег пил, имел все неприятные последствия этого недуга. Он был очень легкомыслен... и очень талантлив! И если, бывало, попадал в тюрьму, ему не нужен был адвокат, он сам был себе блестящим адвокатом. Он умер в 1985 году в Сен-Дени. Вот его письма.

Беру пачку листов, исписанных дрожащей рукой. Это письма к Аглае Сергеевне. Читаю:

93800. Épinay-sur-Seine.
Четверг, 25 октября [1979]

Дорогая Аличка,

Мне кажется, что написанные слова как бы теплее, чем телефонные... С большим удовольствием получил действительно памятные открытки: Крым снова ожил в душе!

А теперь какой Крым... это немножко, как Ницца с ароматом прежде: королевы Виктории, нашей аристократии и т.п. Ницца рессорных экипажей и благовоспитанных людей.

* Антабус (фр.) — лекарственный перепарат.

Теперь это чудо — *promenade des Anglais** — вся усыпана сором... и типами «*congés payés*»**.

Мне говорила одна русская барыня, конечно из хорошей семьи: «Никогда не возвращайтесь в Ниццу — это помойная яма».

Знаю, что ты живешь одиноко и безрадостно. Мое же существование, с которым поневоле приходится считаться, все же наименее плохое, не веселое... Бывают тяжелые дни! Только что получил из Лиона большой пакет очень хорошего белья. Так что меня в случае моих похорон смогут прекрасно одеть.

Правда, что я почти нарядный узник.

Читаю, но больше перечитываю, т.к. новых книг давно не выписывал.

Лолита (жена О. Левицкого. — *В.Н.*) считает что это «*divertissement*»***, вроде того самого *d'autrement les sucreries!*****

Грустно не видеть статей Ю.К. [Терапиано] в «*Р[усской] м[ысли]*»! Серж нашел его похудевшим, но бодрым. Благо, что ты так следишь за его лечением. Значит, снова не удалось с тобой повидаться, но мысленно я постоянно в общении с тобой и перечитываю твои стихи. Часто вспоминается лучшее время, лица «давно-давно позабытые». В книгах нахожу также и утешение, переносюсь в другой мир!

В общем же, скажу тебе, что у меня все же реальные проекты на недалекое будущее и четыре созидательные занятия продуманной программы чтения и писания. Все же я *надеюсь!*

Шлю привет дорогому Юрию Константиновичу. У меня на полке его «Встречи», а также твои «Антенны».

Смотришь ли, как раньше, телевидение? Меня страшно коробит некультурность стольких программ, и номеров, и выступлений. И, в общем, как правильно говорят здравомыслящие люди, то, что показывают зрителям умственного уровня десятилетнего ребенка!

Целую тебя крепко-крепко, дорогая Аличка. Не тебе желать большого стоицизма, ты его и так достаточно проявляешь. Только желаю тебе немного отдыха и здоровья.

Любящий тебя брат Олег⁵⁹⁶

— Какой тонкий, ироничный и внимательный человек видится уже только за одним этим письмом, — говорю я своей собеседнице, — и ясно, что творчески одарен. Как жаль, что не выразился талант... А как сложилась жизнь у третьего брата — Сергея?

Сергей? Этот был главной опорой семьи. Помогал всем. Он был, как это сказать, коммерческий представитель. И мне, когда я не могла

* Английская набережная (*фр.*).

** Отдыхающие (*фр.*).

*** Развлечение (*фр.*).

**** По-другому говоря, сладости (*фр.*).

работать, помогал. Жил в Лионе, занимался философией и, как ни удивительно это, будучи абсолютным альтруистом, в 1990 году выпустил книгу «Анатомия индивидуализма»...

Кстати, и те деньги, что он присылал, Аглая Сергеевна вложила в издание Терапиановой «Литературной жизни русского Парижа». Сергей был очень добрый, он даже не по-братски, а по-отечески заботился о своих. Посмотрите, буквально в каждом письме видна эта отеческая забота:

«...Надо подумать, куда бы ты могла поехать и с кем, в деревню или на море, на неделю, две или три»⁵⁹⁷ (7 апреля 1982).

«...Насчет расчета Ю.К. [Терапиано] — к сумме, которую я тебе сообщил в письме вчера, следует прибавить...»⁵⁹⁸ (7 июня 1982).

«...Прилагаю счет Ю.К. и одновременно высылаю тебе мандат на 837 ф[ранков]»⁵⁹⁹ (25 апреля 1983).

«...Жду от тебя бумаги из банка, необходимо поскорей урегулировать твоё положение в банке»⁶⁰⁰ (1 июля 1984).

Это всего лишь несколько писем мы с вами прочитали, — замечает Ольга Юрьевна, — а ведь Сергей заботился о каждом из нас до последних своих дней. Он умер в 1992 году.

— Очень бы хотелось узнать побольше еще об одном из братьев — о самом известном из Левицких, об Анатолии Сергеевиче. Сохранились ли его письма, бумаги, документы в вашем семейном архиве?

Ольга Юрьевна приносит небольшой чемоданчик, мы располагаемся за круглым столом и начинаем потихоньку разбирать пожелтевшие бумаги человека, давно-давно ушедшего. И его трагическая и героическая жизнь, ее высокий нравственный градус заставляют нас совершенно забыть про день сегодняшний, и мы, не обращая внимания на время, целиком погружаемся в эту жизнь. Она заслуживает особой памяти.

Анатолий Левицкий родился 9 августа 1901 года в селе Богодухово под Москвой. Учился, как все, в гимназии, собирался, как все, поступать в университет. Но жизнь повернулась так, что надо было ехать с братьями к больной сестре и отцу в Женеву. Их дядя Вячеслав Левицкий, врач, пользовавшийся уважением новой революционной власти, обратился непосредственно к Ленину и получил выездные визы для братьев. В 1918 году Левицкие покинули Россию.

Поначалу Анатолий жил в Женеве. Он даже сдал экзамены на аттестат зрелости при Женевском университете и собирался продолжить образование, но из-за недостатка средств учебу пришлось прервать. В Женеве работы не было, Анатолий перебрался в Париж, сдал там водительский экзамен и стал работать шофером-секретарем. Параллельно учился на историко-филологическом факультете Сорбонны, впоследствии получил диплом Института этнологии, стал ученым-этнографом. С 1934 года работал в парижском Музее этнографии (Музей человека). Широкую известность в научных кругах получили его труды о шаманизме.

Анатолий Левицкий, как и Борис Вильде, посещает кружок И.И. Фондаминского. (Из этого кружка впоследствии вышли многие герои Сопrotивления.) В 1936 году Анатолий Левицкий официально получает право называться гражданином Франции. Летом следующего года он в качестве уже руководителя отдела направляется в командировку в Африку. Он с головой погружен в любимые труды, в его планах новые книги, но наступил 1939 год, с его «странной войной», как французы называли период с 3 сентября 1939 года по 10 мая 1940 года, то есть со дня начала войны с Германией и до дня капитуляции Франции.

Анатолий мобилизован в ракетные войска. Он офицер, командует взводом. Вой сирен и гул самолетов над головой вселяли в души парижан страх и панику. Город пустел. Немцы вошли в непривычно тихий, безлюдный Париж... Когда «странная война» закончилась, Анатолий вернулся в свой музей. Однако «его война» только начиналась.

Вместе со своим другом, Борисом Вильде, уроженцем Петербургской губернии, ученым-этнологом, поэтом (писавшим под псевдонимом Б. Дикой), Анатолий организовал группу французского Сопrotивления, получившую название «Группа Музея человека». Именно эти двое русских по происхождению граждан Французской Республики первыми произнесли слово «Résistance», вошедшее впоследствии во все мировые учебники истории. Газета с этим же названием печаталась в типографии, устроенной в подвале Музея человека.

В начале 1941 года гестапо арестовало Бориса Вильде. 12 февраля 1941 года был произведен обыск в Музее человека. Задержаны двое — Анатолий Левицкий и его невеста Ивонна Оддон. Вскоре были арестованы почти все участники подпольной группы. Редакция газеты была разгромлена, но в конце марта все же вышел пятый номер «Résistance». Зерна сопrotивления против фашистов были уже посеяны.

Вот это Евангелие было с Анатолием в тюрьме, — говорит Ольга Юрьевна, протягивая мне маленькую книжечку в красном кожаном переплете, — я оставлю его своей внучке...

Держу с трепетом эту реликвию, листаю. На страницах пометы рукой Анатолия Левицкого! Ольга Юрьевна бережно достает из чемоданчика несколько писем Левицкого из тюрьмы. Читаем вместе, разбирая строки и волнуясь.

Письмо, датированное 19 мая 1941 года. Адресовано Аглае Сергеевне.

Моя дорогая младшая сестра, я надеюсь, все вы в добром здравии, особенно ты и папа. Я молю Бога, чтобы так и было. У меня все хорошо. Будешь удивлена, но мое здоровье хорошее и состояние духа вполне удовлетворительно. Я тебя благодарю за то, что ты послала мне белье. У меня его слишком много, потому что я не двигаюсь, и практически оно чистое.

Я хочу, чтобы ты связалась с Тamarой⁶⁰¹ и чтобы вместе с папой нашли возможность дать ей какое-то количество денег из источников, которые папе известны.

1. У меня осталось немного денег, которые должны мне в Музее.

2. Встретьтесь с заместителем директора и спросите его, была ли субсидия, которую я запрашивал в Центре для научных исследований. Если да, то попросите его, чтобы папа мог получить эту сумму. Касса центра находится на 13, Quai d'Orsay*. Если у папы будет эта сумма, то надо заплатить моему адвокату за все издержки по процессу и за юридическое оформление более пяти тысяч франков. Затем, чтобы он дал деньги Тамаре и что-то оставил себе и дал тебе.

Я надеюсь, что следствие будет коротким. Любая задержка в оплате всего не компенсирует!..

Ты знаешь, как это меня берет за сердце. Будь добра сказать Тамаре, что я молюсь за нее. Я очень полагаюсь на тебя, что ты проявляешь заботу о моих личных вещах. Их немало в Музее.

Очень беспокоюсь за свои рукописи и книги — результат многих лет работы. Я надеюсь, что вы сможете сохранить их. Может быть, их просто упаковать, так было бы надежнее. А что с моими шерстяными вещами?.. Их, наверное, моль поела. Будьте любезны, позаботьтесь обо всем. Не забудьте, что есть смысл проверить кладовку и на шкафу в моей рабочей комнате.

В завершение я уверен, что вы сделаете все для меня возможное, чтобы сохранить мое имущество, которое мне может понадобиться. На свой счет, уверяю вас, продолжайте жить, насколько возможно, спокойно. Надеюсь, что деньги, которые вы получите, обеспечат ваше существование.

* Набережная Орсе, 13 (фр.).

От всего сердца целую вас всех и прошу прощения за все неприятности, что вам доставляю.

Твой брат *Анатолий*

P.S. Я прошу тебя подготовить пакет с книгами, который ты принесешь в комнату № 120, ап 11 rue des Saussaies*, что рядом с Place Beauvau**. В моем бюро ты найдешь два тома Тейлера «Примитивные цивилизации»⁶⁰², том Ферта Брюно «Мысль и язык»⁶⁰³, Груссе «Империя степей»⁶⁰⁴. Купи мне также Библию.

Я попросил, чтобы мне приносили еду со стороны, и получил на это разрешение. Ты могла бы время от времени приносить что-нибудь поесть за мой счет. Не делай из этого жертв, поскольку только из-за моего гурманства я прошу это сделать.

Madame Schimansky. 286, rue Lecourbe, Paris XV⁶⁰⁵

Анатолий еще надеялся, что они не будут расстреляны. Вы понимаете теперь, какой это был человек, — говорит Ольга Юрьевна, — Человек в каждой строке! И конечно, он заслужил не только признание своих коллег и французских друзей, но и любовь, и искреннее уважение. Многие известные во Франции люди тогда хлопотали за него, пытались выволить его из тюрьмы. Вот читайте, какую характеристику дал ему Музей человека:

Когда в 1938 году я был приглашен директором Музея человека на должность заместителя, господин Анатолий Левицкий был уже в течение нескольких лет главным сотрудником этого учреждения. Его обязанности были важны и тяжелы: он руководил всеми работами по организации внутренних связей музея. Эта работа требовала глубоких знаний в области музееведения. Левицкий выполнял ее долгие годы с абсолютной самоотверженностью. Спокойный и терпеливый, он преодолевал все трудности, и если сегодня Франция может гордиться уникальными экспонатами этнографического музея, единственного в своем роде, то это — заслуга скромного сотрудника, очень образованного и особенно компетентного в области этнологии Азии и Океании. Он преуспел в работах по социологии, которые высоко оценены специалистами. Находясь во время войны в пехотных войсках, он заплатил просто и сполна свой долг Франции, новой родине, которую он принял.

Зам. директора, временно исполняющий обязанности директора музея.

Подпись неразборчива⁶⁰⁶

* По улице Сосе, 11 (фр.).

** Площадь Бово (фр.).

Но все прошения и хлопоты о помиловании оказались тщетны. Прокурор, лично посетивший тюрьму, пообещал, что потребует для Анатолия Левицкого и Бориса Вильде смертного приговора. 8 января 1942 года немецкие солдаты в касках ввели арестованных во внутренний двор тюрьмы Фрэн. Все обвиняемые перебрасывались шутками, даже тогда, когда прокурор предложил услуги сестры милосердия. Из двенадцати обвиняемых по делу Музея человека перед немецким военным трибуналом предстали семь человек, в том числе Вильде и Левицкий. 17 февраля 1942 года они были приговорены к смертной казни. 22 февраля Анатолий Левицкий написал свое последнее письмо:

Дорогие мои,

Пишу вам всем вместе, так как мне трудно написать каждому отдельно, да и, в сущности, это было бы ни к чему. Знайте, что я люблю вас всей душой и жалею, что недостаточно вам это доказал, пока было еще не поздно. Не могу простить горя, которое я вам причиняю, и умоляю вас простить меня всем сердцем, без всяких задних мыслей.

Я не ожидал столь близкой развязки, но, быть может, лучше, что это так. Я готов уже давно и совершенно спокоен. Мне кажется, что душа моя в мире с Богом. Да исполнится Его воля. Пусть возьмет Он и вас под свое великое покровительство.

В последний раз от всей души обнимаю вас.

Анатолий

Фрэн, 22 февраля 1942 г.⁶⁰⁷

23 февраля в пять часов вечера семеро приговоренных к смертной казни были препровождены из тюрьмы Фрэн в форт Мон-Валерьян. Там на площадке форта они были расстреляны. Вильде и Левицкий приняли смерть последними, отказавшись от повязок на глазах.

Если кому-то доведется быть в парижском Музее человека, что во дворце Шайо, то в вестибюле музея обязательно обратите внимание на две памятные доски с приказами де Голля от 3 ноября 1943 года о награждении медалями Соппротивления (посмертно) Бориса Вильде и Анатолия Левицкого. На одной из них выбито:

Левицкий. Выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 г. принял активное участие в подпольном Соппротивлении. Арестован гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение.

Пятую годовщину казни Вильде и Левицкого газета «Русские новости» отметила статьей «Памяти русских героев Сопротивления», в которой были следующие строки:

Два русских имени вспоминали мы сегодня — имена Бориса Вильде и Анатолия Левицкого. Многие из нас знали стихи молодых людей, встречались с ними, шутили, болтали, дружески с ними спорили, не чувствуя, не предвидя, что им суждено кровью своей заплатить за участие в великом деле: в деле спасения общей человеческой чести. <...> За культуру — в лучшем, высшем значении этого слова — они оба, Вильде и Левицкий, и умерли⁶⁰⁸.

Со смертью Аглаи Сергеевны прекратилась прямая ветвь рода Рогая-Левицких во Франции. Вся семья Левицких была щедро одарена от природы. Но на чужой земле редко в полную силу разворачивается человек. Эмиграция — нелегкий крест, но семья Рогая-Левицких несла его сообща, и поддержкой для каждого служила любовь и забота каждого. Несмотря на трудности, беды, потери — они выстояли, остались душевно и нравственно подлинно русскими людьми, и более того, именно эта русская фамилия дала Франции ее национального героя и известный теперь всему миру антифашистский девиз «Résistance».

Теперь вернемся к главной героине очерка — Аглае Сергеевне Шиманской. Ее первое стихотворение, как уже говорилось, появилось в печати в 1947 году. Историк литературы Русского зарубежья Глеб Струве в своей монографии «Русская литература в изгнании» выделял ее из нового послевоенного поэтического поколения⁶⁰⁹.

Писательница и художница Е.Ф. Рубисова отмечала: «Две перемещающиеся темы в стихах А. Шиманской: тема гибели... ..И несмотря ни на что приятие этой жизни и ее закона. И также — тема — родины»⁶¹⁰. Поэтесса Е.Л. Таубер писала: «Полутона, полунамеки. Нет резких контуров. Все скользит, переливается. И все в движении»⁶¹¹.

Предлагаемая читателю подборка стихов Шиманской состоит из стихотворений, не вошедших в ее поэтические сборники.

Письма Ю.К. Терапиано к А.С. Шиманской являются хорошим дополнением к ее рассказу о Юрие Константиновиче.

Юрий Константинович, как многие творческие, тонко чувствующие люди, любил животных. «Они — мистические существа и посланы людям в утешение»⁶¹², — говорил он. Терапиано придумал игру в котов, мышек, серолапок и т.д. Этими зверьками как мог он старался укра-

силь жизнь. Все это превратилось в игру и в письмах к близким людям, к друзьям.

И как бы продолжением писем Терапиано служат письмо И.В. Одоевцевой, которая тоже жила в Ганьи и под влиянием Юрия Константиновича вернулась в литературу, и письма Е.Ф. Рубисовой, с семейством которой Тераписано был дружен, и письма Е.Л. Таубер, которая рецензировала книги Терапиано и Шиманской.

Всех их так или иначе связывал Юрий Константинович Терапиано. Недаром Ирина Одоевцева в конце жизни признавалась: «Прошли годы, но никто мне его [Терапиано] не заменил и не заменит»⁶¹³.

Подлинники публикуемых писем и стихотворений хранятся в Рукописном отделе ЦНБ СТД РФ⁶¹⁴.

* * *

Разбудил меня свет ранним утречком —
Подремать бы еще минуточку!
Зайчики в лесу и спаленке,
Снег растаял на завалинке.
По дороге пляшут лужицы,
Ветерок по саду кружится,
Небо голубое светится —
Поскорее бы нам встретиться!

* * *

В осенний вечер так ленивы думы,
Тревога утомленная молчит,
И папироса медленно горит,
И замирают шорохи и шумы.

В осенний вечер я люблю мечтать —
Плести узор причудливый, туманный,
Вдыхать ромашки запах пряный,
При свете на диване засыпать.

В покое этом, бледном и земном,
Прилив сокрытых сил и вдохновенья;
Я вижу снова светлые виденья
В затертом зеркале моем.

С.В. Федорова. 1909.
Архив В.П. Нечаева

С.В. Федорова в роли Эсмеральды
в балете «Дочь Гудулы» А. Симона. 1902.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.В. Федорова в танце «Вакханалия» на музыку А.Глазунова. 1909.
Архив ЦНБ СТД РФ

**З.А. Шаховская среди сотрудников редакции газеты «Русская мысль». 1969.
Архив ЦНБ СТД РФ**

**И.И. Чиннов. 1997.
Архив ЦНБ СТД РФ**

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Анатолию Андрееву
поэту, которого
я помню.
Ирина Одоевцева
21/IV 61

Дарственная надпись И.В.Одоевцевой
на книге «Десять лет» (1961):
«Анатолию Андрееву — поэту,
которого помню. Ирина Одоевцева.
21/IV 61».

Архив В.П. Нечаева

А. И. АНДРЕЕВ

РЭВОТ

Да здравствует XX-й век,
А с ним и миллионы человек!
Жить скоро будем без забот,
Идет град на свет работ.
Прованс его не миф, а быль,
Но истинный вкус, но великий стиль
Обусловлены волшебный сон
Мир не трогать заново.
Давно работу, пусть работ
Лист нефтяной, темный пот,
И застывший асфальт.
Пускай его приводит в рама,
Он будет там порой музеем.
Самолетом ждем у неба морской,
Светит он свет как быстро в бонит
Новоселам записки в бонит,
Присосудит сати быль в детит.
На ах безы поощает жетит,
Им спартит испину, динозавт;
Примерный будет Вам создат,
Илья безрешетно на бон
Жанот за нас полнитет спит.

СБОРНИК СТИХОВ

Понтов «Об'единения молодых
деятелей русского искусства и
науки»

ПАРИЖ

1947

Сборник стихов поэтов «Объединения
молодых деятелей русского искусства и
науки» (Париж, 1947), где были опубликованы стихи
А.И. Андреева.

Архив ЦНБ СТД РФ

Дорогому поэту
Анатолию Андрееву

на добрую память

Влад. См. Смоленский
Париж
1957

ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Дарственная надпись В. Смоленского
на книге «Собрание стихотворений»
(1957): «Дорогому поэту Анатолию
Ивановичу на добрую память.
Влад. Смоленский. Париж. 1961».

Архив В.П. Нечаева

Дом на улице Жака Мава, д. 2,
где жил А.И. Андреев. Париж, 2010.
Фото В.П. Нечаева

Е.А. Лыжина (Полушина). 1935.
Архив В.П. Нечаева

**Н.В. Выубова в балете
 «Любовь и ее судьба». 1957.**
Архив В.П. Нечаева

Е.А. Лыжина (Полушина) и Н. Дьяконова.
 1938. *Архив В.П. Нечаева*

**Н.В. Вырубова в балете
«Лебединое озеро». 1962.
Архив В.П. Нечаева**

**Н.В. Вырубова в балете «Сомнамбула». 1961.
Архив В.П. Нечаева**

**Н.В. Вырубова и Е.А. Лыжина (Полушина). 1999.
Фото В.П. Нечаева**

В.Б. Билинская. 1995.
Фото В.П. Нечаева

К.С. и Б.К. Билинские. 1915.
Архив ЦНБ СТД РФ

Б.К. Билинский. 1922.
Архив ЦНБ СТД РФ

Н.А. Тихонова. 1988.
Архив В.П. Нечаева

О.И. Преображенская. 1910.
Архив ЦНБ СТД РФ

О.И. Преображенская. 1917.
Архив В.П. Нечаева.
На обороте: «Личность
Ольги Иосифовны Преображенской
удостоверяю. 18/VIII 1917 г. Комиссар
3-го подрайона Московского района.
[Подпись и печать]».

Эскиз костюма Светозара. Б.К. Билинский. 1930.
Архив ЦНБ СТД РФ

Эскиз декорации к I акту оперы
«Руслан и Людмила» М.И. Глинки.
Б.К. Билинский. 1930.
Архив ЦНБ СТД РФ

Эскиз костюма Людмилы. Б.К. Билинский. 1930.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.М. Лифарь. 1932. Фото С. Лидо.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.М. Лифарь в балете «Голубая птица».
1937.
Архив ЦНБ СТД РФ

В.Д. Безыменский с женой Катрин. 1994.
Архив ЦНБ СТД РФ

С.Г. Поволоцкий. 1930.
Архив ЦНБ СТД РФ

А.П. Павлова. 1920-е.
Архив В.П. Нечаева

С.В. Рахманинов. 1914.
Архив В.П. Нечаева

А.В. Амфитеатров. 1910.
Архив ЦНБ СТД РФ

*А.А. Санин. Стыжусь моему дивному,
 Соревненью моему, моему
 моему великому!! Сори, Соревненью,
 моему моему, моему моему!!*

А.А. Санин. 1912.
Архив ЦНБ СТД РФ

Л.В. Бенвенуто. 1997.
Архив В.П. Нечаева

Ф.И. Шаляпин. 1930.
Архив ЦНБ СТД РФ
 Дарственная надпись: «Мише Каракашу на память. Ф. Шаляпин. 1930»

Ф.И. Шаляпин среди артистов Белградского оперного театра. 1931.
Архив ЦНБ СТД РФ

Е.И. Попова. 1922.
Архив ЦНБ СТД РФ

М.Н. Каракаш. 1927.
Архив ЦНБ СТД РФ

Е.И. Попова в роли Чио-Чио-сан. 1921.
Архив ЦНБ СТД РФ

Участники спектакля «Севильский цирюльник» в Мариинском театре. Слева направо, сидят: Н.Г. Волевич (Розина), М.Н. Каракаш (Фигаро), А.М. Лабинский (Альмавива), стоят: Ф.И. Шаляпин (Дон Базилио), В.А. Лосский (Бартоло). 1918.
Архив ЦНБ СТД РФ

Обложка книги М. Анисимов
«Роман Гари, хамелеон»
(Нижний Новгород, 2007)

Учетные карточки члена Русского
Театрального общества
М.О. Борисовской (Кацовой). 1919.
Архив ЦНБ СТД РФ

Москва, Климентовский пер., 6. Дом, где жил Р. Гари
в 1919–1921 годах. 2011.
Фото А.В. Нечаевой

* * *

Скажи, что не порвана нить
И звезды в снегу,
Что снова сумею забыть,
Поверить смогу.

Завяли цветы на окне
От знойного дня.
Быть может, сегодня во сне
Ты вспомнишь меня.

* * *

Забытые столетние могилы,
Поросшие высокою травой.
Когда-то и кому-то были милы
Черты, давно затертые землей.

И только тень, упрямая, густая,
Лежит на плитах траурным ковром.
Ничья нога здесь больше не ступает,
Погибла даже жалость о былом.

Здесь мертвый дом и смерть везде, во всем.

* * *

Не воскресить и не вернуть волненья,
Где страшная печать уничтоженья.
Бродяга это место обойдет,
Издалека почуяв тяжкий гнет,

Закат лучи свои бросает мимо,
И с небом здесь любовь непримирима.
Давно нет имени, и нет лица,
И в камень обратили их сердца.

А если пробил час для новой муки
И в холоде соединились руки
Не любящих друг друга и врагов,
Без жалоб, без укора и без слов?

Высоко где-то звезды просияли
Над миром призрачным земной печали,
Все ближе образ скорбного Лица —
«Илї, Илї»⁶¹⁶... и слезы без конца.

* * *

Почему на свете столько зла
И во всех сердцах печаль такая?
Маленькая черепаха умерла,
Жизнь и смерть покорно принимая.

Ласковый, причудливый зверек —
Еле-еле слышное дыханье —
Подстерег неутомимый рок
И такое Божие создание.

Что ж, прощай — не ты одна,
От всего придется отказаться.
На земле любовь обречена,
Наш удел — любить и расставаться.

* * *

По волнам слушаю родную речь,
И сердце русское обиды полно.
Мне эту грусть до смерти не пресечь,
Пусть снова будет все безмолвно.

И сон, и мрак, беспамятство навек
О лучшем, дорогом, любимом,
Чем жив еще, чем дышит человек
И что уходит, улетаая дымом.

* * *

1

Пишу в печали, в темноте
Души своей непримиренной,
И голос тихий, монотонный
Умрет, потонет в пустоте.

А я, друзья, для вас пишу
И к вам протягиваю нити
Волнений и своих наитий —
Пока жива, пока дышу.

2

Быть может, кто-то отзовется
Издалека в моей стране,
И теплый луч меня коснется,
Тебя увижу я в окне —

Твои леса, твои равнины,
И маки русские, как кровь.
Как небо мой платочек синий,
Как жизнь — любовь.

* * *

Была когда-то я цветком
И теплым воздухом дышала.
Его сорвали, и потом
Я в темной спальне умираю.

Откройте шторы, душно мне,
Верните мне луга родные!
Здесь розы — только на стене,
Березы — палочки слепые.

Чужая осень. Дождь шумит.
Я тоже палочка слепая.
Свеча и плачет, и горит,
Лучом любовь напоминая.

* * *

Мне все равно, что дождь, что непогода,
Что озеро швейцарское шумит.
Я выйду поглядеть на качку парохода.
В тумане птица белая кричит.

Я жду любви, она идет навстречу,
Спустилась с гор, ступает по воде, —
Над нею вечер зажигает свечи,
И золото рассыпано везде.

* * *

Сегодня снова умер кто-то —
Как будто бы совсем чужой,
Но в сердце задрожала нота
И поет и грустит со мной.

Ушел из дома, жизнь покинул,
И это солнце, и цветы,
Закончил красками картину,
Запечатлел свои черты

Для друга, для жены, для брата,
Быть может, тоже для меня.
Гляжу на отблески заката
Ему невидимого дня.

Песок оранжевого цвета,
Расстелен ковриком лужок...
Я слышу, как уходит лето,
Как с дерева упал листок.

* * *

Черные птицы летают,
Звезды крылом задевают.

Падает тень на лица,
Чья-то душа томится.

Воздух мучительно душен,
Всюду огонь потушен,

Только стучат по дороге
Узкие, длинные дроги.

Душу, забытую в мире,
Мрак обнимает все шире,

Господи, где Твое небо,
Чудо вина и хлеба,

Радость Твоей благодати,
Сила Твоих объятий?

Сердцем глухим и нищим
Волю святую ищем.

* * *

Не тревожся памятью напрасной,
Слушай чуткий голос тишины —
И во сне бывает жизнь прекрасной,
Наяву бывают тоже сны.

Солнце мальчик видит с восхищеньем,
Знает голод, помнит — только мать,
А душа уже полна томленья,
Смутно начинает вспоминать:

Сколько раз на землю возвращалась
Бедной странницей; не помня зла,
В детской комнате опять с начала
Ждет благословенья и тепла.

Все принять и не найти разгадки,
Снится сон — его не превозмочь.
Ветерок. Несется запах сладкий.
Чуден Днепр. Божественная ночь.

* * *

Девочка под утро умерла,
Умерла головка золотая.
Кукла неподвижно у стола
Стеклышками смотрит, не мигая.

Голубой комодик под окном,
Кактус-ежик распустил колючки.
Дверь закрыта. Никого кругом
Тишина... и восковые ручки.

О ЮРИИ КОНСТАНТИНОВИЧЕ ТЕРАПИАНО — ПОЭТЕ И КРИТИКЕ

Трудно говорить даже о человеке обыкновенном, который сплошь и рядом оказывается необыкновенным. Юрий Константинович Терапиано был человеком многогранным, большого диапазона, с открытым умом, восприятием молодого человека, с молодой душой. Он всегда со вниманием откликался на все новые проявления жизни. Писал он стихи с ранних лет. Будучи студентом Киевского университета (окончил юридический факультет с серебряной медалью), собирался стать египтологом, но одновременно увлекался археологией; этот интерес он сохранил до конца своей жизни — был всегда в курсе всех новых открытий. Эрудит по восточным и западным религиям, он написал книгу «Маздеизм»⁶¹⁷ — большой углубленный труд фило-

софско-религиозного содержания, который был переведен и издан на французском языке.

Юрий Константинович интересовался тоже погибшими материками Ма и Атлантидой, как и Мережковский⁶¹⁸. Его обширные знания не иссушили его, а, наоборот, расширили его горизонт. Однажды он задумал прочесть лекцию о погибшем материке Ма⁶¹⁹. Неожиданно оказалось, что тема эта заинтересовала широкую публику. Зал был переполнен, люди стояли в дверях. Все это, конечно, в миниатюре по сравнению с нашей великой родиной, и все-таки это была Россия, наша маленькая Россия с неизменной психологией любознательного и вдохновенного русского человека. После лекции к нему подходили, задавали вопросы, царил большое оживление, продолжались разговоры до позднего вечера.

Юрий Константинович был человеком общительным, к нему приходили люди с различными личными психологическими проблемами, и он всегда умел удовлетворить их своим ответом — сосредотачивался на секунду, отводил глаза в сторону, и будто клапан какой-то в нем открывался на секунду, и он отвечал, всегда по существу, просто и ясно. Он обладал даром слова, любил говорить в соответствующей среде, но в каком-нибудь светском салоне становился глух и нем. Лекции его всегда пользовались большим успехом. Он приходил с рукописью, но в нее даже не заглядывал; садился, смотрел прямо перед собой в зал, публика настораживалась и слушала его всегда с большим вниманием. Его немного глухой голос не мешал и не отнимал у него успеха: то ли потому, что происходил прямой контакт с публикой, то ли потому, что по мере того, как он говорил, он увлекался сам и увлекал других. Тему свою он всегда расширял. Одна из его последних лекций была о поэте Георгии Иванове⁶²⁰, и в связи с его поэзией он касался вопросов мирового масштаба. Успех был большой.

В литературной среде Юрий Константинович сразу выделился своим поэтическим даром, стал поэтом-мастером, помогал молодым, менее опытным, указывал на ошибки. Он имел абсолютный слух. Поэзия его была неоклассическая, порой казалось, что она находится под влиянием греческого эпоса по своей, быть может, строгой структуре. Мотивы были разные, не исключая и романтику, и, конечно, чувство к своей родной стране. Здесь я не стану разбирать поэзию Юрия Константиновича, но следует, пожалуй, отметить, и это показательно, что он любил и высоко ценил Боро-тынского, даже имел с ним поэтическую переключку.

Было время, когда Г.В. Адамович⁶²¹, известный и талантливый критик, имел большое влияние на молодых поэтов, и ему хотелось дать общую направленность эмигрантской поэтике, создать некое кредо, которое он называл «парижская нота», но это никак не пришло, и поэты продолжали писать свои стихи как прежде, каждый по-своему, своей манерой и своими интонациями, не считаясь ни с какими школами. Связующая нить была, просмотреть ее было трудно, и это была не «парижская нота», а ностальгия по своей родине. Пожалуй, сам Адамович своими стихами выразил эту «парижскую ноту». Юрий Константинович унес с собой Россию и был счастлив своей литературной деятельностью, без которой жить не мог.

Много книг прибывало на его имя. Были авторы талантливые, но попадался и материал малоинтересный и вовсе негодный. В таких случаях Юрий Константинович особенно сосредотачивался, чтобы за что-нибудь уцепиться, не просмотреть, не обидеть зря, из человеческих чувств; так же доброжелательно он относился ко всем людям, но при знакомстве был сдержан, а сухим пожатием руки — казался холодным. Критиком был строгим только для поэзии. Слыл своей снисходительностью, но были исключения: так, однажды о стихах одной особы отозвался отрицательно и в очень резкой форме. К сожалению, впоследствии с ней же ему пришлось сотрудничать, и она ему этого не простила даже и после его смерти.

Критическая деятельность отняла у него возможность уделять больше времени своему поэтическому творчеству. Его это очень огорчало, но, конечно, он продолжал писать стихи, считая себя поэтом прежде всего, и, безусловно, им был. Критика была его куском хлеба, он втянулся, и она увлекла его. Писал статьи еженедельно в течение двадцати пяти лет в «Русской мысли»⁶²² своим неповторимым стилем, большой концентрации, всегда ясно и точно. Его статьи могут послужить образцом для молодого поколения. Он издал пять сборников стихов, он же и автор книги «Встречи». Книга эта содержит не только воспоминания о парижской литературной жизни, но и этюды о духовном опыте нескольких поэтов, в том числе Боратынского; повесть «Путешествие в неизвестный край»⁶²³ и выше упомянутый «Маздеизм». Память Юрия Константиновича была редкой. Свои статьи писал он по памяти, задумывал с вечера перед сном, а утром садился за стол и печатал на машинке без переделок и поправок. Это был действительно особый дар.

Под его редакцией вышла антология «Муза Диаспоры»⁶²⁴.

Жил он долго со своей женой⁶²⁵ в русском общежитии в предместье Парижа⁶²⁶. Жена его умерла за несколько лет до него. Часто ездил в Париж, с легкостью передвигался, не любил сидеть на месте. Работал по утрам. В этот дом уже после смерти Георгия Иванова переехала и Ирина Одоевцева⁶²⁷, и между ними, конечно, возникло литературное содружество.

В первые годы особенно русская эмиграция находилась в большой нужде, жили по отелям, готовили на спиртовках. Франция не давала официальных прав на работу, приходилось браться за любой труд и за гроши. Профессора работали на строительстве, интеллигентные люди становились уборщиками, уборщицами, полотерами, малярами; конечно, уставали, но не унывали, относились ко всему этому как актеры к своей роли, несмотря на это жили интенсивной интеллектуальной жизнью, устраивали литературные вечера и собрания.

В связи с личностью Юрия Константиновича и его литературной деятельностью необходимо отметить большое значение и влияние, которое распространяли на всех Мережковские. Мережковские были центром, стимулом и вдохновением русской литературной жизни, они покровительствовали и помогали молодым. Юрий Константинович был большим почитателем Дмитрия Сергеевича и постоянным посетителем собраний «Зеленой лампы»⁶²⁸. Кто только не знал Юрия Терапиано! Он писал во всех выходящих журналах разных стран Европы, Америки, Австралии... — и где только ни было русских.

Однажды приехал с ним познакомиться китаец-славист и привез ему в подарок картину. Возникали новые и новые знакомства, встречи; он давал интервью, и вот настало неизбежное — старость, болезнь. Он ужасно страдал от плохо сделанной операции, но мало кто об этом знал, казался бодрым и был в хорошем настроении. Зрение его стало слабеть, силы уменьшились. Я приняла участие в его жизни, вела его корреспонденцию, читала ему газеты. Читать он перестал, а книги для отзывов прибывали, писать еще мог как-то автоматически. Я взялась прочитывать книги. Выработалась сноровка для чтения, читала ему вслух более интересные и характерные места на отдельных страницах, по которым он и писал. Таким способом он написал свои последние статьи.

ПИСЬМА к А.С. ШИМАНСКОЙ

Ю.К. Терапиано

1

[Без даты. 1963]⁶²⁹

Дорогая М[ышка].

Кутырину⁶³⁰ знают все — и все в редакциях и в литературном мире от нее шарахаются. *Ее похвалы производят обратное действие. Умоляю ей ничего не писать*, это была бы «медвежья услуга»!!!

Е[лена] Ф[едоровна]⁶³¹ подвела бы Вас, если бы Вы положились на ее письмо. Еще раз — как опасно полагаться на людей!

В среду поговорим обо всем.

Я подписывал до 7½, и И[рина] Н[иколаевна]⁶³², конечно, волновалась — «Что со мной случилось?!» — Ах, как трудно все это.

Да хранит Вас Господь

В[аш] К[от]

2

18 июня 1968

Вторник 18/6

Дорогая М[ышка].

Зайцев⁶³³ вызывает меня на собрание сотрудников «Р[усской] м[ысли]» в четверг, потому смогу зайти к Рерих⁶³⁴ только вечером.

Как быть?

Да хранит Вас Господь

Ваш Кот

3

[Без даты. 1970]⁶³⁵

Дорогая М[ышка],

Христос Воскресе!

Поздравляю и желаю всего самого хорошего и доброго.

К.

У крокодила и цыбули
Под носом выросли две гули^{*)},

*) «Гуля» по-украински — шишка.

И в страхе воеет Крокодил:
«Куда ты, милый, угодил!»
Я дивный и хороший Кот,
Который пишет и поет,
Который с радостью готов
Встречать всех мышек и котов.
Но среди мышек есть одна —
И с серым хвостиком она, —
И есть, конечно, тоже Кот,
Который к мышке и придет!

Кот

4

19 июня 1972

Понедельник, 19.VI.72

Врастая в тучи частью лба,
Я на бревне сижу без уха.
Моя зеленая судьба,
Как в желтом фартуке старуха.

*Екатерина Пик*⁶³⁶

Дорогая М[ышка],

Положение такое: установлено, это lumbago*, а не sciaticus** или что-либо другое.

Утром — ригидность***, после которой в субботу и в воскресенье (вчера) было совсем хорошо, мог ходить даже скоро.

Но оба дня ровно в 5 ч[асов] дня, как по заказу, начиналась сильная боль верхней части бедра правой ноги.

Принял оба раза 1 таблетку Е[лены] Ф[едоровны], через 1/2 часа боль прошла и до утра все спокойно.

Что это? Почему боль в 5 ч[асов] дня? Не знаю, что будет сегодня. Но ввиду таких явлений боюсь, что придется провозиться с этим удовольствием дольше, чем думал, впрочем:

?

* Лумбаго (лат.).

** Сколиоз (лат.).

*** Пиелонефрит (лат.).

Спрашиваю себя: смогу ли быть на докладе Померанцева⁶³⁷ — ?

С горя пишу статьи для «Р[усской] м[ысли]» — занятие мало интересное.

Одоевцева сегодня с «женихом»⁶³⁸ приглашена к ужину Е[леной] Ф[едоровной] и будет ночевать. Пошлю с ней письмо Е[лене] Ф[едоровне]. Она думает, что я дал деньги, чтобы заплатить за taxi.

Очень меня беспокоит то, что Вам придется возиться с Волочковым⁶³⁹, хотя это и улучшает Вашу карму.

А мне скучно, грустно и обидно — вот тебе и весна и Довилль!⁶⁴⁰

А сделать ничего нельзя — Вот и сижу на бревне без уха!

Жду звонка завтра.

Всего Вам хорошего.

Ваш Кот

И[рина] Н[иколаевна] шлет привет.

Мяу! Мяу! Мяу!

5

12 августа 1974

Ах, ах,
А это у него — два
хвоста? Или два
Кота?
12.VIII.74

Дорогая, милая М[ышка],

Так как намерения этого злого кота в отношении Мышки были явно гастрономического порядка, то он потерпел неудачу — Мышка удрала и побежала к себе домой очень довольна.

Но есть Коты, которые мышек не едят, а очень любят и скучают от «безмышья».

По телефону я уже сказал все.

Надеюсь, что дня через два самочувствие будет прежним, то есть «не больным».

Написал статью, сейчас пишу письма.

Получил от одного читателя, что в его руки попали книги и рукописи моего друга Влад[имира] Маккавейского⁶⁴¹, в том числе

сборник стихов «Белая Вандея», посвященный им мне в 1919 году. Написал — хочу все это видеть! — и буду ждать ответа. Словно сон из другого воплощения!

Постарайтесь, если можно, еще кого-либо пристроить к больной руке, а то Вам будет трудно — беспокоюсь.

Сейчас, только что, одна наша пансионерка упала в своей комнате и тоже сломала руку — нужно будет двигаться поосмотрительней, раз сейчас такая мода.

Море (в Ницце) — как море, в смысле запаха, но шум невероятный ночь и день. То жара, то холод и т. п. Нет, Юг теперь стал не «Югом», а «М[ерд]ом»⁶⁴², нужно пристраиваться на Север. Спрошу Елену⁶⁴³: сколько стоит нанять автомобиль? Впрочем, кто его поведет?.. — Козел?.. или — Маришка?⁶⁴⁴

Вчера получила из Индии какой-то пакет: журнал или книга? Юлинька⁶⁴⁵ повезла его ей, завтра соберу новости.

Крепко целую и обнимаю, очень скучаю и жду звонка.

Кот

6

[Без даты]⁶⁴⁶

СКАЗОЧКА

Плачет Мышка, утешает Кот:
«Ты не плачь, наступит Новый Год,
Скоро, скоро хвостик заживет,
На кораблике подарок приплывет,
Сон утешит Мышеньку мою, —
Дремлет Мышка — баюшки-баю;
Дверь запру и воспрещаю вход!
Я — серьезный и ученый Кот».

*И.В. Одоевцева*⁶⁴⁷

24 января 1989

24 января 1989

Дорогая Аглаичка!

Я пишу Вам очень и очень серьезно и непременно желаю вернуть Вас домой. Это не только мое желание, но и страстное желание Юрия Константиновича, которое он мне постоянно сообщает в снах. Он очень беспокоится о Вас. Оставаться Вам там, где Вы сейчас, никак нельзя. Он требует от меня все, что я могу, и даже больше, чем я могу, чтобы вернуть Вас домой. И, конечно, я все сделаю для него и для Вас. Конечно, это, может быть, будет нелегко, но Бог нам поможет.

Подумайте об этом очень серьезно. Ведь уже в 1965–1966 г., когда я впервые летала в Америку, я везла для Ю. Терапиано привет от его поклонников из Керчи⁶⁴⁸, уже выбравших место для его будущего памятника. А вот теперь я вспомнила об этом. Наступило наконец это время, когда все наши желания осуществляются.

Аглаичка, напишите, пожалуйста, фамилию и имя Ваших родственников со стороны отца и матери, мы постараемся их разыскать. Удалось же разыскать и моих родственников, а я была уверена, что никаких родных у меня уже нет на свете. Яша⁶⁴⁹, мой муж, который помнил Вас еще девочкой, помнил Вашу бабушку. Поройтесь хорошенько в памяти. Все это очень серьезно. Бог даст хороший результат наших поисков. Бог нам поможет.

Я великолепно устроена и великолепно себя чувствую. Я была бы счастлива, если бы так все устроилось и для Вас. Пока целую Вас крепко.

Это письмо я диктую Соне Соколовой⁶⁵⁰, которая сейчас сидит у меня.

Жду поскорее Вашего ответа.

Целую Вас.

Всегда Ваша *Ирина Одоевцева*

[Приписка к письму С. Соколовой:]

Дорогая Аглая Сергеевна!

Все больший интерес вызывает в России жизнь и творчество Юрия Терапиано. Мне о нем говорят с восхищением много разных людей. Приеду, все расскажу подробно.

Целую Вас крепко.

Всегда Ваша Софья Соколова

24/1 — 1989 г. г. Ленинград,
Невский проспект, дом 13, кв. 48
Ирина Одоевцева

*Е.Ф. Рубисова*⁶⁵¹

1

2 марта 1979

2-е марта /79

Дорогая Аглая Сергеевна.

Привет! Беспokoимся, как здоровье Ваше и Ю[рия] К[онстантиновича]. Надеемся и верим, что лучше (ведь уже почти весна!). Скоро будем в Париже, на будущей неделе. Так что надеюсь — до очень скорого свидания!

Целую Вас и шлю серд[ечный] привет за себя и двух Жоржей!⁶⁵²

Ваша Е.Р.

2

[Без даты. Декабрь 1979]⁶⁵³

Дорогую Аглаю Сергеевну

От души поздравляем с наступлением Праздника Рождества Христова и Новым годом 1980, обнимаем и желаем здоровья и всего-всего доброго в этом Новом году!

Ваши Е. и Г. Рубисовы и Жорж-младший

Силы жизни Вам желаю

Г.Р.

3

23 июля 1984

23 июля /84,
понедельник

Дорогая Аглая Сергеевна.

Привет, привет, привет! От меня и от Жоржика, который уехал сегодня на 7–10 дней и очень, очень жалел, что не смог еще приехать к Вам в Ганьи, как я надеялась. Получили ли Вы мое письмо и смогли ли прочесть (написано плохо)? — Я в Трено⁶⁵⁴ на два дня, потом меня «завезут» в Париж, где будут лечить мой позвоночник, который «свернулся с места», почему-то мешает (но это «ничего», как говорят). Как сделать, чтобы узнать о Вашем состоянии, не может ли кто написать мне пару слов, если Вам трудно писать? Я послала в письме «открытку» с адресом моим и маркой — только вписать хотя бы несколько слов и опустить в ящик. Когда же будет Ваш телефон (средство общения)?

В начале августа Жоржик должен поехать в Америку и хочет непременно забрать меня с собой — на 1½ месяца приблизительно. Думаю, что «попробую поехать» (!), хотя будет трудновато... Но до этого все же надеюсь Вас повидать (или, во всяком случае, «услышать»).

Ирину⁶⁵⁵ увезли куда-то «подышать воздухом», говорила мне Соня⁶⁵⁶ недавно (не помню, на сколько времени). Ей, мне кажется, все-таки «лучше»... (стучу дерево). Соня очень сильно работает. Вижу ее редко, но она «молодец», сражается с трудностями жизни, и верю что «победит». Она была тоже больна, как будто поправилась (тоже «стучу дерево»).

Посылаю Вам «букетик» с места в саду в Трено, где проходит *courant tellurique**, где я сижу два раза в день, как когда-то «велел» Юрий Константинович, когда бывал в Трено (когда кто-нибудь — Жоржик главным образом — «подвезет» тогда на день-два). Цветы цветут во всю силу. Елена Гаспаровна Рудукина⁶⁵⁷, которая здесь живет и работает (мне кажется, Вы ее не встречали?), знает и любит цветы и всякие растения (включая съедобные — сад у нее очень хороший), к ней приезжает сын с семьей, они помогают, кажется, я о них Вам подробно рассказывала? Трено так сильно связано с прошлым... кусок России во Франции... и кусок прошлого!..

Целую Вас крепко и жду весточки, каким-нибудь способом! До свидания!

Ваша Е.Р.

* Теллурический ток (фр.).

Просьба (хотя, наверное, неисполнимая?): напишите стих (хоть самый краткий — 2 или 4 строчки...) об этом «букетике» («букетики цветов» — так сказать, хотя «букетиком» эти листики-цветки в миниатюре назвать трудно)...

4

[Без даты. 1984]⁶⁵⁸

Дорогая Аглаечка.

Посылаю Вам письмо — от деревьев в саду Трено, которые Вас приветствуют (Вас помнят, хотя с тех пор, как с Вами виделись, сильно выросли). Письмо написано на золотом (чистого золота) листе, но, может быть, пока дойдет, золото потускнеет... — Может быть, это уже не первое письмо, которое они (деревья) Вам посылали — *не помню*, и они, деревья, тоже (они хотели б посылать Вам такие письма, и даже еще лучше на зеленых листьях... а, может, уже посылали?)

Сегодня здесь совсем летний день, жарко. Но сухость страшная, вода с неба не льется.

Получила письмо от Жоржика из Нью-Йорка, в нем была вложена статья Ю.К. Терапиано о книге Георгия⁶⁵⁹ и сказано, что таких статей в Нью-Йорке очень много. Если хотите, я Вам перешлю.

Ай, ай, вспоминаю, что я об этом Вам уже писала (не правда ли?) и, может быть, даже посылала Вам эту статью? — Сегодня такая дикая жара, что я ничего не помню, и мысли путаются.

Большая к Вам просьба: если возможно, черкните мне пару слов. Впрочем, понимаю, что Вам трудно писать, простите. Позвоню к Вам как-нибудь по телефону. Жорж вернется только в сентябре, и до тех пор я буду здесь.

Целую Вас крепко и шлю сердечный привет.

Ваша Леля

Простите скверный почерк, сегодня у меня что-то с глазами опять.

(Пройдет!..)

Ваша Леля

(Собственно, это письмо не только от меня, но и от дерева, которое посылает золотой свой листик.)

5

14 сентября 1984

14/9/84. Нара (Калифорния)

Дорогая Аглая Сергеевна.

Какая все-таки трудная вещь — расстояние! Вот *мысленно* звоню Вам по телефону... а ведь даже не знаю, где Вы, в Ганьи или переехали в Париж, как предполагали... и письмо отсюда в Европу идет так долго!

Здесь, в Калифорнии, *очень-очень-очень* жарко теперь, и климат этот перенести трудно... задыхаюсь, теряюсь в этом «прекрасном аду» (*beautiful hell**)... когда жарко, т.е. 100 градусов). Но это пройдет, как говорят, скоро, и тогда сразу легче. — Работа здесь кипит вовсю, даже удивляюсь выносливости и упорству в труде у Жоржика! Эта большая площадь, засаженная виноградниками, гористая, требующая постоянной и часто неожиданной работы-заботы... Когда увидимся «воочию» (т.е. не только письменно), надеюсь показать Вам фотографии и расскажу подробно о том, каков «*Rubissov ranch*» (Рэнч), тут еще в употреблении слова, употреблявшиеся индейцами. И население тоже типа индейцев («краснокожих»).

Кажется, я об этом всем Вам уже писала (жара растопила мне мозги, и все путаю и забываю. Надеюсь, что Вы мне простите...)

Предполагается возвращение в Париж 10 октября (до того еще некоторое время будем в Нью-Йорке). (Вспоминаю, что об этом Вам тоже уже писала). Жду от Вас весточки — через Соню, или Вашего брата, или кого-нибудь еще — если Вам трудно писать. Целую Вас крепко. Дорогая, жду!

Ваша Е.Р.

6

29 сентября 1984

Суббота, 29 сент./84

Дорогая Аглая Сергеевна.

Получила сегодня Ваше письмо, обрадовалась очень; ведь письмо — это отчасти свидание! Как и телефон (радуюсь, что и у Вас поставили наконец телефон; как только вернемся в Париж, буду ежедневно «приходить к Вам в гости» по телефону, а иногда, надеюсь, и приехать сможем). Возвращение в Париж откладывается, т.к. здесь, в

* Прекрасный ад (англ.).

Калифорнии, еще слишком много работы у Жоржика с его виноградниками (все посажено, но винограда еще нет...); вернемся, по-видимому, только в середине октября. До того свидания письменные...

Сейчас я сижу у окна в грузовике, на вершине небольшой горы, покрытой виноградниками. Жоржик и его сын Питер работают, вертятся какие-то машины и множество непонятных мне сельскохозяйственных инструментов и машин (проводка воды и прочее). Скоро зайдет солнце, уже оно почти у горизонта. Красота необыкновенная, голубые холмы и горы вдали в розовом вечернем свете, и вот показалась в небе луна, небо около нее зеленоватое, а напротив, где заходит солнце, розовое и оранжевое... и зеленые кущи лесов между холмами, как букеты; и еще голубая полоска озера между холмов! Напоминает по колориту картины Рериха!⁶⁶⁰

Что касается моего «самочувствия», — увы, не могу «похвастаться», — испортился опять позвоночник, уши и прочее. Ну, ничего (великое русское слово «ничего»).

Два дня тому назад я побывала в Santa Barbare*, где живет архимандрит Иоанн (Шаховской)⁶⁶¹, и видела его. Он теперь «на покое», в церкви не служит (не знаю, кто его заменил; он был архиепископом всей Калифорнии), но пишет (где печатается, не знаю или не помню, у меня память очень плоха стала). Меня туда возила на машине моя внучка Ариэль, дочь Жоржика. Она живет и постоянно работает в Калифорнии, хорошая девушка. Архимандрит Иоанн очень хорошо нас встретил, угостил вишневым соком (по виду — совсем как вино!) и поговорили хорошо (к сожалению, по-английски, т.к. Ариэль по-русски не говорит); он подарил мне книгу своих стихов «Созерцания», вышедшую, кажется, в 1971 году (в Испании). Там есть хорошие стихи. Покажу Вам при свидании. Мне кажется, Вы знали Шаховского? Или нет? Юрий Константинович, кажется, его знал и хорошо говорил о нем. Книги его есть у меня в Париже. Какое здесь все иное, другое, чем во Франции! Удивительно, как это так! Люди, обычаи, природа, язык (увы, не люблю английский язык!)

«Дурнота» моя тоже не прекращается, но так как я все же «могу ходить», то это легче, о ней забываешь. Ужасно то, что Вы не можете воспользоваться хотя бы садом в Ганьи, где цветы и воздух...

Надеюсь Вас вскоре повидать, дорогая Аглая Сергеевна, сначала по телефону, затем лично. Целую Вас крепко и обнимаю.

До свидания!

Ваша Е.Р.

* Санта-Барбара (англ.).

При свидании покажу Вам множество фотографий Калифорнии и всех.

Как же книга Ю[рия] К[онстантиновича]?⁶⁶² Видели ли Вы Герра и говорили ли с ним?

*Е.Л. Таубер (Старова)*⁶⁶³

14 февраля 1975

14.II.1975

Дорогая Аглаида Сергеевна!

Получила последний номер «Современника» с Вашей рецензией⁶⁶⁴. Была глубоко тронута тоном этой рецензии. Спасибо!

Как Вы живете? Начали ли готовить свой сборник или сборники хотя бы пока в стол? Я тоже начала приготавливать свои архивы и наводить немного порядок. Всю жизнь работала столько, что некогда было оглянуться, теперь свободное время есть, но силы уже не те.

За это время вышли разные сборники. Я получила «Теплый вечер» Кленовского⁶⁶⁵ и «Сбору по сосенке» А. Величковского⁶⁶⁶. Оба сборника на высоте, и Ю.К. Терапиано прекрасно написал о Кленовском⁶⁶⁷. Последний очень болен. Я получила письма от его жены, она просила узнать от парижан, все ли получили сборник от Дмитрия Иосифовича? Я написала Рене⁶⁶⁸, и он ответил, что да.

Стихи А. Величковского мне очень нравятся, но название сборника никак, его бы надо было назвать «Чужое время». Эти слова я нашла в стихах Анатолия Евгеньевича и очень пожалела, что он не назвал так сборник.

Видите ли Вы его и его жену?

Я так мечтаю снова попасть в Париж, но будет ли это?

Юрий Константинович одолжил мне «Детство» Прегель⁶⁶⁹. Откровенно говоря, я бы оставила все то, что там написано как подарок брату, которого она так любила, а для печати оставила бы одну десятую, выбрав все ключевые места. Книга бы выиграла.

А как человек она была добрая и всегда готовая на услугу. Мы все ее поминаем добром.

Что Вы думаете о новой эмиграции? Я прочла «Карантин»⁶⁷⁰. Более грязной книги никогда не читала! Говорят, что хорош Некрасов⁶⁷¹, и мне обещали достать его книги!

Крепко Вас целую. Сердечный привет Юрию Константиновичу.

Ваша Е. Старова

Встречи на берегах Сены:

Наталья Сергеевна Гончарова
и Михаил Федорович Ларионов

Итак, Париж.

Левый берег. VI округ.

Улица Сены. Утром она многолюдна. Здесь располагается рынок, бойко идет торговля фруктами, овощами, сыром, колбасами, рыбой, сладостями. Но во второй половине дня уже ничто не напоминает об утренней суете. Я брожу по близлежащим улочкам, где расположены антикварные магазины, в которых продаются открытки, марки, рисунки, картины, мебель... Хожу по этим улочкам и задерживаюсь около витрин, чтобы рассмотреть выставленные сокровища.

На углу улиц Сены и Жака Калло останавливаюсь. Здесь в доме номер шестнадцать на четвертом этаже более сорока лет жили русские художники, значительные представители русского авангарда Наталья Сергеевна Гончарова (1881–1962) и Михаил Федорович Ларионов (1881–1964). Ларионов — ученик И. Левитана, В. Серова и К. Коровина и Гончарова — ученица П. Трубецкого и К. Коровина, были участниками первых авангардистских выставок в России. Оба участвовали в оформлении спектаклей дягилевской антрепризы еще в 1913 году. Покинув Россию в 1915 году, они прожили за границей, в основном в Париже, почти полвека. Большая часть их творческой деятельности была связана с театральной декорацией, и прежде всего с балетом. Начав работать у С.П. Дягилева, они многообразием своего искусства, яркостью таланта оставили заметный след в истории не только русского, но и мирового искусства.

В этом доме они поселились в 1919 году. Неподалеку, на узкой улице Висконти, 13, находилось их ателье, где бывали многие знаменитости. Именно эту мастерскую описала Марина Цветаева в своем очерке, посвященном Наталье Гончаровой.

В 1958 году у Гончаровой и Ларионова побывали Галина Сергеевна Уланова и Вадим Федорович Рындин.

В середине 1960-х, когда издавалась книга Рындина «Художник и театр» (М.: Всероссийское театральное общество, 1966), Вадим Федорович рассказывал мне:

Гончарова и Ларионов жили в типичном для старого Парижа доме. Две комнаты были завалены книгами, папками, холстами. Всюду были картины. От их обилия дом напоминал некий храм Торжества музыки цвета. Но оба жреца живописного «храма» жили бедно. Во время войны голодали буквально.

Ларионов — высокий, с ясными детскими глазами. Передвигается с трудом, дрожат руки. У Гончаровой изможденное лицо, карие, молодые, остропронзающие глаза. Но, глядя на их работы и на них, таких разных, нельзя было не понимать, что это великие люди и оба совершенно беспомощны.

Они были очень разными. Ларионов — жизнерадостный, любящий молодежь, интересующийся всем. Гончарова — скорее сдержанная, внешне спокойная, с тихим голосом. Оба были очень русскими. Ларионов чудно говорил по-французски. Это была какая-то ларионовская смесь русского с французским. Гончарова в разговоре часто повторяла: «Когда-нибудь в России...» До последнего дня говорила, что все, что их окружает, «это не родина». Работала она фанатично, без усталости. Ларионов же был гениально ленив. Но все, что они делали оба, было служением Искусству. Гончарова чувствовала движение, видела — как костюм, выполненный по ее эскизам, должен сродниться с балериной. Ларионову важно было целое, Гончаровой — детали и цвет. Если желтый — то не просто желтый, а такой-то желтый, именно этот оттенок. Она, хотя, как послушная ученица, всегда прислушивалась к мнению Ларионова, но все же именно Гончарова стала художником театрального искусства в то время, как Ларионов стал живописцем.

Одно время я переписывался с ними — продолжал Вадим Федорович. — У меня даже где-то сохранилось несколько их писем.

— Вадим Федорович, не могли бы вы показать мне их письма?

Если найду, то с удовольствием покажу, — пообещал Рындин и продолжал рассказ. — К концу жизни Гончарова потеряла все свои надежды на «когда-нибудь в России...», Ларионов же, наоборот, говорил: «До конца верю, что завтра опять будет солнце...» или «Я верю, что русская душа будет всегда...» Мне потом рассказывали, что, когда Гончарова лежала в гробу, лицо у нее было страдающего человека, лишь в уголках губ будто бы застыла улыбка. Горькая улыбка. Ведь ей было очень тяжело в последнее время, силы покинули ее.

Через какое-то время Вадим Федорович выполнил свое обещание. И я смог прочитать эти письма. Спустя несколько лет после его смерти Галина Сергеевна передала эти письма мне.

Постояв у их дома, отправляюсь на улочку Сен-Сюльпис на встречу с Валентиной Дмитриевной Маркадэ-Васютинской (1910–1994), известным искусствоведом, филологом, педагогом. Она — автор двух интересных монографий, посвященных русской и украинской живописи: «Возрождение русской живописи с 1863 по 1914» (*Le renouveau de l'art pictural russe. 1863–1914*, 1969) и «Вклад в изучение украинской живописи» (*Contribution à l'étude de l'art pictural ukrainien*, 1981). С родителями она эмигрировала в Чехословакию. В 1930 году переехала во Францию. Работала в журнале «Журналь де мод» (*Journal de modes*), создавала вязанные модели. Одно изделие, связанное Валентиной Дмитриевной, получило Национальную премию. Окончила школу восточных языков, преподавала русский язык.

С этой женщиной свел меня интерес к истории русской эмиграции. У нас оказалось много точек соприкосновения. Я собирал по крупицам сведения о русских в Праге, а Валентина Дмитриевна, как оказалось, училась вместе с поэтессой Аллой Головиной в русской гимназии в Моравской Тршебове. В парижской квартире Маркадэ я впервые увидел оригиналы работ русского скульптора Александра Головина. Молодой талантливый критик Герман Хохлов, судьба которого меня тоже интересовала, в конце 1920-х годов был влюблен в Валентину Дмитриевну. По ее словам, письма Хохлова, перевязанные ленточкой, хранятся у нее до сих пор, а один эпизод из их жизни писатель Василий Федоров хотел использовать в своем романе «Канареечное счастье».

Со многими представителями русской диаспоры в Париже Валентина Дмитриевна была знакома: И.А. Бунинным, Б.К. Зайцевым, Т.А. Осоргиной, М.Ф. Андреенком, М.Ф. Ларионовым, Н.С. Гончаровой и др.

Во время нашего по-русски широкого застолья разговор перешел на Тэффи, с которой Валентина Дмитриевна дружила.

Свой псевдоним, — начала Маркадэ, — Надежда Александровна будто бы взяла у Киплинга. В одном из его стихотворений есть такой персонаж. Правда, существует еще версия. Был такой дурак Стэффи, которому всегда страшно везло. Первая буква была опущена, так и возник псевдоним. Сама Надежда Александровна поочередно рассказывала то одну, то другую версию.

(Не берусь что-то утверждать или опровергать в рассказе Валентины Дмитриевны, а потому отсылаю к работе Д. Николаева «К вопросу о происхождении псевдонима Тэффи»⁶⁷².)

Из рассказа Маркадэ:

Однажды Тэффи звонит мне на работу.

— Приходите!

— Не могу, мне необходимо быть в редакции.

— Я умираю, и вы будете каяться...

Прибегаю.

— Хочу прочесть вам что написала...

Кроме цветов и гостей Тэффи любила кошек. У нее жила кошка, которую звали Муська. В некоторых своих рассказах Тэффи описала ее. Однажды, когда кошка в очередной раз не дала ей выспаться, Надежда Александровна, смотрясь в зеркало, печально заметила: «“Бессонница” — картина передвижников».

Надо сказать, что шутки Тэффи повторял весь русский Париж. Так, о режиссере Николае Евреинове⁶⁷³ она сказала: «Какой это мужчина?.. Петух!» Надо было знать самовлюбленного щеголя Евреинова, чтобы оценить точность характеристики.

Тэффи была преданным другом и самоотверженной женщиной. Павла Александровича Тикстона⁶⁷⁴ она взяла к себе, когда он был парализован и у него началось, как тогда говорили, «разжижение мозга». Надежда Александровна терпеливо ухаживала за ним пять лет. Он умер в середине октября 1935 года. Только вернувшись после похорон, она закричала. Тогда и проявилась впервые ее болезнь — воспаление нервов кожи. Начались боли, потом парализовало пальцы. Доктор рекомендовал покой. Надежда Александровна часто повторяла: «Покой... покой... корсет распускаю... вся распускаюсь...» Но до последних дней она, однако, следила за собой. Несмотря на боли, ходила на каблуках. Очень любила, когда к ней приходили и что-нибудь рассказывали. Часто из этих разговоров рождались ее рассказы.

Помню, вдруг у нее объявилась некая девица со словами: «Пришла вам показаться...» На что Тэффи немедленно отреагировала: «Ну что ж, показались? Теперь простимся...»

Во время войны Надежда Александровна жила, как многие, «в холоде и в голоде». Но, к счастью, у нее оставалось двадцать царских золотых монет, которые она постепенно продавала. Так русские монеты и спасли ее.

Как-то зашел у нас разговор о памяти. Тэффи подвела итог одной фразой: «Я хочу — как королева Ядвига...⁶⁷⁵».

Наша беседа затянулась далеко за полночь. При прощании Валентина Дмитриевна напомнила мне о том, что у меня утром еще одна встреча. «Не опаздывайте. Я уже договорилась, Вас ждут», — напутствовала она меня.

Итак, Валентина Дмитриевна «передавала» меня дружески, как это почти всегда делают в Париже, другому русскому человеку, другой судь-

бе, новой истории. Я должен был встретиться уже с эмигрантом второй волны и передать подборку материалов по интересующей его теме. Он собирался писать книгу.

Утром я уже был на месте. За разговором, за бокалом вина в знак благодарности мне презентуют небольшой пакет. И когда я рассмотрел содержимое, то, что я увидел, произвело на меня неизгладимое впечатление. (Но до сих пор я не могу объяснить случившееся со мной: был ли этот презент подготовлен самой Васютинской или этот подарок был благодарностью за оказанную помощь. Не знаю.)

Сначала я с удовольствием рассматривал издание Слова о полку Игореве, оформленное знаменитым Мстиславом Добужинским в 1951 году.

Потом... Обыкновенный с виду альбом для набросков, эскизов, простой «Альбом для рисования». На первой его странице написано по-французски: «Этот альбом назван с обоюдного согласия — “Жираф”! Н.Г.» Наверху надпись: «Н. Гончарова».

До этого я соглашался с неизбежным будто бы законом, что все уходит, все растворяется во времени и все забывается. Но название альбома (хотя изображения жирафа на нем не было) немедленно вызвало ассоциацию из давно ушедшего. Помните у Николая Гумилева строчки?

Послушай: далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор...

Эти строки из стихотворения «Жираф» (1907), которое вошло в сборник Гумилева «Романтические цветы», изданный в Париже в 1908 году. В 1917 году поэт часто встречался с Гончаровой и Ларионовым и посвятил им свои замечательные стихи:

В себе открыла Гончарова
Павлиньих красок бред и пенье,
У Ларионова сурово
Железного огня круженье⁶⁷⁶.

Даже при беглом знакомстве с листами альбома (их двадцать четыре!) чувствуется переключка Гончаровой с Гумилевым. Ее изображения романтического строя. В ее арабесках безграничная фантазия и романтическая свобода. Рисунки выполнены карандашом. Они конструктивно связаны и между собой. Художница выразительно распола-

гает на листе бумаги растения — узор цветка, форму листа, линию стебля. На память приходят слова Марины Цветаевой: «Всю Гончарову веду от растения, растительного, растущего»⁶⁷⁷.

Все необыкновенно выразительно. Это — часть вдохновения и строгие ритмы упорной работы Натальи Гончаровой. Она всматривается в мир особенным взглядом и открывает нам еще одну красоту мира, гончаровскую.

Вот рисунок, который условно можно назвать «Цветы». В нем все: момент движения, свет, тень, жизнь и смерть. На другом листе, который назовем «Павлины», изображены птицы. Рисунок выполнен удивительно: точны акценты карандаша, плавны изгибы линий, выразительна тушевка. Все вместе образует четкую, безупречно стройную композицию.

Следующий рисунок напомнил мне гончаровское оформление книги стихов Сергея Боброва «Вертоградари над лозами» (М., 1913) — летящую птицу с веткой винограда в клюве.

На другом листе еще одна птица. Птица Сирин. А вот образ, видимо воспроизведенный по памяти. Кажется, что он унесен из русского пейзажа. Крупный ствол сосны и слева — ель. На следующем — сельский пейзаж юга Франции. Собор и рядом дом, в котором, может быть, жили Гончарова с Ларионовым...

Как все выразительно! Образы Гончаровой заключают в себе такое тонкое острое виденье, что их невозможно забыть. И может быть, прав был художник Николай Кузьмин, когда говорил: «Искусство — всегда то, что еще не бывало»⁶⁷⁸.

В альбом был вложен автограф статьи Сержа Лифаря о Н.С. Гончаровой. Статья была на русском языке.

Прощаясь с Парижем, я увозил в памяти не только своеобразие парижских домов, черное кружево их железных балкончиков, яркие навесы расположенных на тротуарах кафе, пестрые краски парижской толпы, но и вот этот неожиданно обрушенный на меня судьбой и так полюбившийся мне «русский Париж» с его необыкновенными судьбами и удивительными историями.

Наш рассказ заканчивается статьей С. Лифаря, посвященной Гончаровой (1966; опубликована на французском языке в книге: Gontcharova et Larionov. Cinquante ans à Saint Germain-des-Prés. Paris: Klincksieck, 1971), и письмами Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова к В.Ф. Рындиному и Г.С. Улановой, оригиналы которых хранятся в личном архиве автора-составителя.

Наталия Гончарова — тезка и родственница Наталии Гончаровой, жены Пушкина. От нее я получил в мою Пушкиниану⁶⁷⁹ в Париже в 1935 году ею написанную картину (маслом), «Будуар Наталии Гончаровой — невесты Пушкина», которую она написала с натуры в начале нашего [XX] века на «Полотняных заводах». Заводы эти были уничтожены варварами немецкой оккупационной армии, вторгнувшимися в Россию в 1941 году.

Живопись Наталии Гончаровой была декоративной и театральной. Академизм ее станкового письма эволюционировал, как эволюционировала наша эпоха во всех отраслях художественной эстетики, социального строя и наук. Эта эволюция особенно захватила Н. Гончарову здесь, на Западе, открывши им [Гончаровой и Ларионову] мировую сцену — через свои балеты.

Так родились западные декораторы, художники и мастера, не имеющие никакого представления о законах театра. В частности, пускай то будет Picasso⁶⁸⁰, Matisse⁶⁸¹, Braque⁶⁸², Derain⁶⁸³, Miro⁶⁸⁴, Utrillo⁶⁸⁵, Rouault⁶⁸⁶. Все они через Дягилева⁶⁸⁷, наученные русскими декораторами первого периода Русских балетов — Бенуа⁶⁸⁸, Бакстом⁶⁸⁹, Гончаровой, Билибиным⁶⁹⁰, Рерихом⁶⁹¹, Коровиным⁶⁹², Добужинским⁶⁹³ и др[угими] — всеми участниками «Мира искусства»⁶⁹⁴. Учил их всех наш русский гениальный мастер-декоратор князь Шервашидзе⁶⁹⁵, открывая и форму, и перспективу, превращая их миниатюрные эскизы или просто композиции, не предназначенные к театру, в грандиозные формы. И эта грандиозность и стала новым откровением Русских балетов. Появились на смену реалистических видов природы или города — монументальные.

Оба они [Гончарова и Ларионов] становятся западниками — и с Дягилевым переживают долгие годы Первой мировой войны. С 1917 года Дягилев открывает Пикассо, Матисса, Дерена, Гриса⁶⁹⁶ —

первых кубистов и оставляет «русский дух» своих балетов для новых декоративных воплощений. После русских классиков, русской музыки, после «Жар-птицы», «Петрушки», «Священной весны» Стравинского⁶⁹⁷ Дягилев мечется в поисках западной музыки, но «своего художественного» сына Стравинского свято оберегает и вскоре откроет своего «второго сына» Прокофьева⁶⁹⁸. И с этими обоими гениальными музыкантами будет удивлять мир до 1929 года, года своей смерти.

С 1922 года Гончарова сотрудничает со Стравинским для балетного оформления его «Свадебки»⁶⁹⁹. Для этой постановки найден наконец новый хореограф, Бронислава Нижинская⁷⁰⁰, покинувшая Россию в 1921 году и вступившая в Балет Дягилева в качестве главного хореографического руководителя.

Нижинская принимает на себя всю ответственность пластического воплощения этого театрального русского Зрелища — Балета.

Год Нижинская оспаривает эстетику и Стравинского, и Гончаровой, которые уже видели в декорациях и костюмах лубочность «балиевского» спектакля⁷⁰¹.

Нижинская требовала стилизации живых форм, которые уже были рождены в ее фантазии.

Споры, обсуждения длились долгими вечерами в Monte-Carlo, куда судьба привела и меня в этом 1923 году.

Началась страдная творческая пора для Нижинской и всего балетного коллектива. Стравинский часто садился за рояль... Вскоре из Парижа прислали пианолу с настроенной музыкой какими-то виртуозами, и работать стало и легче и понятливее...

Творческий огонь Нижинской вдохновил и малого, и великого. Балет в два месяца был закончен. Стилизация, абстрактность выражений, русско-боттичеллиевские барельефы, неуловимые акценты «пальцев», их четкость вдруг слились с музыкальной партитурой Стравинского.

Гончарова, глядя на произведение, вдруг согласилась с доводами Нижинской и приступила к работе над новыми макетами декораций и костюмов.

Все должно быть упрощено, как того хотела Нижинская. Эскизы Гончаровой одобрили Нижинская, Стравинский и Дягилев... Писались декорации, шились костюмы. И вот мы в Париже. Генеральная прошла без костюмов, они не были готовы. Утром перед премьерой мы, несколько молодых танцоров, посланных Дягилевым на помощь Гончаровой, принялись за работу.

С нею мы красили пояса, чулки, рубахи... Нас это увлекало.

Спектакль был незабываемым. Новое завоевание Дягилева и Стравинского. Первый триумф Нижинской — нового соавтора Русских балетов.

Путь Фокина⁷⁰², Нижинского⁷⁰³, Мясина⁷⁰⁴ в хореографии не прекратился, они пошли по новому берегу... Открывались новые мастера, новые художники, не знающие театра: Миро, Утрилло, Руо, появились русские художники «конструкторы»: Габо⁷⁰⁵, Певзнер⁷⁰⁶, Яковлев⁷⁰⁷.

Создала Н. Гончарова у Дягилева в 1927 году новое оформление «Жар-птицы» Стравинского. Через нее западный зритель снова «открывал» радостную светлую Русь. Царевича Иванушку по Фокину играл я, Жар-птицу — Дубровская⁷⁰⁸.

Через два года умерла дягилевская антреприза со смертью его вдохновителя.

Н. Гончарова глубоко вместе с нами всеми переживала эту утрату. Всем нам показалось, что закатилось солнце балета, что не будет рассвета. Но жизнь победила. Балетное солнце снова взошло.

В 1932 году Гончарова была мною приглашена во французскую Оперу для моего балета «Дивертисмент»⁷⁰⁹: дивертисмент из «Спящей красавицы» Чайковского — Пети́па, который я готовил для Спесивцевой⁷¹⁰. Для Гончаровой это было не счастье, а скорее тягость, так как театр материально не мог выполнить всех ее замыслов.

В этом же году для балета Прокофьева «На Днепре»⁷¹¹ (в той же Опере) я заказал декорации и костюмы Ларионову. Ларионов внес «модернизацию» и абстрактность формы, но в то время это было не по вкусу оперной публики, и произведение это не оценили. Прокофьев не доработал свою музыкальную партитуру. Вернувшись в СССР, он передал оркестровать своим «неграм» — ученикам.

Дружба наша с Гончаровой не прекратилась. Часто-часто я бывал у Гончаровой в ее студии на улице Visconti. Видел там я ее картины, ее смелые композиции, ее испанок, ее серебряные и горные цветы...

Ларионов жил в недалеке, на rue de Seine. Жил как Плюшкин, все собирал, что соприкасалось с танцами. Работал он лениво и мало, Гончарова же трудилась, работала. Она [работала] даже тогда, когда ревматизм сковал у нее руки... Жила Гончарова «схимницей». Все у нее было монастырское. Прежде всего, сама внешность. Длинный стан. Русская народная прическа с пробором на голове,

стыдливый взгляд. Простота одежды поражала. Речь скромная, медленная, без пафоса, без философских углублений.

Последний раз я сотрудничал с Н. Гончаровой в 1943 году над постановкой грузинского балета «Шота Руставели»⁷¹², который освещал грузинское царство XII века. Героический этот балет, царствования царицы Тамары, увлек Гончарову. С нами работали грузины, Евреинов⁷¹³, Черепнин⁷¹⁴, Онеггер⁷¹⁵.

Мне кажется, эскизы и декорации четырех картин и костюмы Н. Гончаровой были одними из лучших оформлений этой театральной художницы, где восточная утонченная культура вторгалась в нашу славянскую. Персидская изысканность, разнообразность палитры, стилизация природы — находили общий гармонический аккорд с утонченными и романтическими мыслями Шота Руставели.

Балет этот, заказанный для Парижской оперы, в этом театре мне осуществить не удалось, и я перенес эту постановку в Monte-Carlo, где это произведение увидело огни ramпы в 1946 году.

В феврале же 1946 года я приехал из Monte-Carlo в Париж, сговорился с Гончаровой и пригласил ее приехать в Monte-Carlo, так как там ее ждал чудесник декоративного письма князь Шервашидзе. Не понимаю до сих пор, почему Н. Гончарова в последнюю минуту отказалась от сотрудничества, как и отказала она [дать] мне свои макеты, за которые она получила свой авторский гонорар.

Для всех нас, авторов, это был обидный отказ и удар. Декорации в последний момент взялись исполнить князь Шервашидзе и К. Непо⁷¹⁶. Героическая хореографическая эпопея, длившаяся три с половиной часа, родилась без Н. Гончаровой.

Дружба наша с Гончаровой и мной оборвалась. И позже потом я встречал в Париже Н. Гончарову и М. Ларионова, двух старых, рука об руку — заброшенных, одиноких, забытых. С жалостью я провожал их глазами. Тихо, не ропща, уходили они один за другим в другой мир — оставив нам в наследство свой художественный след, любовь к театру, к искусству, к России.

Н. Гончарова внесла свою лепту в искусство танца. Она всегда ценила прекрасное из прекрасных, эмоциональность линии танцевального тела. И за это мы преподносим ей наш благодарный венец. Мечтой ее было вернуться на родину, но этой мечте не суждено было сбыться.

Париж, 12 февраля 1966

ПИСЬМА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ и М.Ф. ЛАРИОНОВА
к В.Ф. РЫНДИНУ и Г.С. УЛАНОВОЙ

1

19 июня 1958

M. Larionov
16, rue Jacques Callot
Paris, 6-e
France

19-6-58

Дорогой Вадим Федорович,

До чего я к Вам привязался — только в раннем детстве, у меня осталось в памяти, теплое чувство на меня нахлынуло и я его испытал. Теперь мне истекает восьмой десяток⁷¹⁷ — видно, правильно — человек впадает в детство под старость. Зачем я болен?! Почему половина моего тела отказывается мне служить — будь иначе, я уже на поезде был бы в Брюсселе и встречал ваши кары* при прибытии.

Вы очень цените качество доброжелательности в человеке, быть может, это одно из качеств, больше других поддерживающее общение между людьми, рождающее простоту — качество, пропавшее на Западе, и это заменено здесь большою вежливостью, а когда нет вежливости? Тогда разрыв, который снова надо заполнить... вежливостью — это очень осложняет жизнь. Простотой здесь очень очарованы, когда происходит дело с нами, русскими, называют славянским шармом, когда не знают, как объяснить одно или другое положение, не знаю, как объяснить и я, но, думаю, что здешнему вежливому обхождению нам также не надо учиться, тем более что мы его воспринимаем быстро, а дальше видим, что за этим пусто. Вы этому не подвержены, так же как Галина Сергеевна с ее удивительной *простотой*, образчик восхищения парижан. Кажется,

* Автобусы (искаж. фр. car).

понимают, что этому выучиться нельзя, нелегко, всякая работа [не] превзойдена, а подражать нельзя: это всех поражает.

24 июня

Дорогой Вадим Федорович,

19-го вечером я себя почувствовал плохо, заболела голова, а тут еще разные дела. Вакхевич⁷¹⁸, чудесный человек, привез мне сто тысяч, потому что какой-то очень богатый человек, его знакомый, пожелал ему их дать с тем, чтобы я ему дал в обмен что-либо мое. Мы с Вакхевичем выбрали одну небольшую мою живопись и акварель Гончаровой, он их вставит в рамки в своем ателье. Ночью, около двенадцати, он уехал работать, сказал, у себя дома. Я и Наталия Сергеевна показали ему несколько папок и предоставили выбирать все, что ему понравится, и были очень счастливы, когда он это сделал. Ему нравятся вещи, что называется, «левые», особенно в рисунках. Очень Вас благодарим, что Вы нас сблизили.

Горячая поклонница Галины Сергеевны m-lle Cournand⁷¹⁹ в Италии танцует. Не знаю, где сейчас, и я ей написал письмо, чтобы ее обрадовать получению тюники и туфлей благодаря Вам, Вадим Федорович, но завтра узнаю, куда ей писать. Она будет в Брюсселе танцевать в американском павильоне, но когда — не знаю, думаю, в сентябре. Я не знаю, надолго ли — чувствую себя хорошо. Погода у нас отвратительная, серая, холодная, и каждый день идет дождь. Недалеко от Брюсселя, а думаю, у Вас лучше — во всяком случае, я Вам этого желаю.

Я и Наталия Сергеевна еще раз Вас благодарим. Крепко обнимаем Вас и Галину Сергеевну. Будьте здоровы и напишите, пожалуйста, как и что в пав[ильоне] 50 Ans d'Art Moderne*.

Ваш М. Ларионов

2

30 июля 1958

30-7-1958

Дорогой Вадим Федорович!

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам эти несколько слов: я люблю Вас и Галину Сергеевну. Меня теперь часто спрашивают,

* 50 лет современному искусству⁷²⁰ (фр.).

что говорила Галина Сергеевна. Но во время ее посещения я была вся зрение и волнение и почти ничего не запомнила, как это бывает в волнительном сне. Обо всем этом я ей не писала, так как хорошо понимаю, объяснений в любви она получает несчетное количество. Это письмо Вам обоим, и, если не найдете его излишним, прочтите его и ей.

Шлю вам обоим очень сердечный привет и крепко нежно целую вас обоих.

Наталия Гончарова

3

4 августа 1958

4-8-58

В отчаянии!

Сколько времени пройдет письмо? А от Вас еще нет ответа на мое первое в Гамбург⁷²¹.

Дорогой, милый Вадим Федорович, напишите Ваш следующий адрес — в каком городе после Гамбурга будете выступать? Все Ваши приветствия передам. Напишите, как проходят спектакли Большого в Гамбурге? Я думаю, что, хотя это и торговое место, но Галину Сергеевну вносят и выносят в театр на руках гамбургцы. Пожалуйста, отвечайте поскорей. Я и Наталия Сергеевна Вас обоих горячо обнимаем и нежно целуем, дорогие милые друзья.

Ваш М. Ларионов

Пишите.

4

5 августа 1958

5-8-58

Милые! Вот вы уже уезжаете... Большое счастье и радость было вас видеть — Париж очень фанаберистый, но он был, без всяких оговорок, в восторге — особенно от непостижимой Улановой. У нас остается большая духовная пустота двойная — Вас, мой дорогой друг, Вадим Федорович, я лично вспоминаю с радостью и болью и полюбил очень горячо и просто. Теперь мне нужны мои плохо ходящие ноги, чтобы поехать в любимую Москву, — которую

не видел уже более сорока лет — как уехал весной 1915 года, побитый в Восточной Пруссии, на поправку к Дягилеву. А теперь меня могут поправить только в Москве. Как изменился мир! Новый город выстроили новые люди. Создали Уланову, но надо было ею родиться. Что меня поразило в ней — это ее ум и такт. Такие люди создаются не легкой жизнью, а работой. Нужно иметь талант — но, главное, развить его и применить. Я уверен, она достигла бы не меньших результатов на любом поприще. Я извиняюсь, зачем пишу это все — но раньше этого не могло быть. Таким явлениям, как Уланова, есть чем гордиться. Люди создают окружающее их, но и окружающее также влияет на людей. Гамбург теперь много дальше от Парижа, чем Москва. Тем более когда у москвичей есть под рукой такое сообщение, как ТУ-[10]4: 4 часа и 50 минут. Когда Вы будете в Москве, я себя и также Наталия Сергеевна будем чувствовать ближе к Вам, чем в Гамбурге.

Как бы хотелось увидеть новую Москву!

Поцелуйте, Вадим Федорович, А.В. Фонвизина⁷²² и Левушку Жегина⁷²³, а, главное, Сережу Романовича⁷²⁴ и всех моих старых товарищей, которых по сей день так же помню и люблю.

Целую Вас и Галину Сергеевну крепко и нежно с благодарностью и любовью.

Ваш искренне преданный

М. Ларионов

Напишите из Москвы в свободную минутку, Вадим Федорович!

В жизни я встретила одно воплощение — воплощение искусства в Галине Сергеевне Улановой, чуде красоты, скромности и ума. Всего необычайного в жизни и что доходит до всех. И мне было дано его видеть, и так близко.

Целую Вас нежно и крепко обоих: Галину Сергеевну и Вадима Федоровича.

Ваша Наталия Гончарова

Фарфоровая испанка:

Софья Васильевна Федорова⁷²⁵

5 декабря 1900 года. Москва. Большой театр. В зрительном зале артисты, московские театралы, балетоманы, представители прессы. Все с нетерпением ждут, когда начнется балет «Дон Кихот» в постановке Александра Горского. Вот что писал очевидец, последний директор императорских театров В.А. Теляковский:

Успех генеральной репетиции превзошел всякие ожидания — восхищались искренне почти все присутствующие. Особый успех выпал на долю балерины Рославлевой и заменившей внезапно заболевшую Е. Гельцер молодой, до того никому не известной талантливой артистки Федоровой 2-й. (До этого Федорова танцевала в этом балете партию Уличной танцовщицы, а теперь исполнила роль Мерседес. — В.Н.) Замена произошла внезапно, и артистка получила самую короткую репетицию на сцене, за несколько минут до появления своего перед зрителями⁷²⁶.

На следующий день после спектакля в Московскую контору императорских театров режиссером балетной труппы был подан рапорт.

Имею честь довести до сведения конторы, что вчера, 6-го декабря, в балете «Дон Кихот» в роли танцовщицы Мерседес внезапно заболевшую г-жу Гельцер заменила г-жа Федорова 2-я настолько успешно, что танец Мерседес был по требованию публики повторен.

За режиссера балета А. Горский

Декабря 7 дня 1900 г.

На рапорте была следующая резолюция:

Объявить в журнале распоряжений.

Считаю приятным для себя долгом объявить благодарность г-же Федоровой 2-й за успешное исполнение, кроме своих номеров, танца Мерседес вместо внезапно заболевшей г-жи Гельцер в балете «Дон Кихот» 6 декабря.

В. Теляковский⁷²⁷

Те несколько сот зрителей, покоренных и плененных Федоровой на генеральной репетиции, говорили о ней с восхищением. Молва

мгновенно распространилась по городу: в Большом произошло что-то небывалое. Газеты дружно писали об успехе Федоровой 2-й.

Московская знаменитость была маленького роста. Смугло-бледное лицо, темные волосы, сумрачный взгляд, какая-то скованность позы — такой смотрит на нас с фотографии Федорова.

«Довольно неряшливо и скромно одетой» увидел ее впервые летописец дягилевской антрепризы⁷²⁸. Однако в ней угадывалась незаурядная натура. Она напоминала героинь Достоевского — то ли Грушеньку, то ли Настасью Филипповну...

Софья Васильевна Федорова родилась 16 сентября (по старому стилю) 1879 года в Москве, в семье, как написано в ее метрике, «московского цехового медника». В 1899 году Федорова окончила Московскую императорскую театральную школу и была принята в балет Большого театра, где стала числиться как Федорова 2-я (Федоровой 1-й была танцовщица из кордебалета, пришедшая годом раньше). В 1900 году Федорову перевели в разряд вторых танцовщиц. И почти сразу успех в «Дон Кихоте» в первой постановке А.А. Горского. Так скрестились их творческие пути. Все последующие ее роли в Большом были сделаны с Горским.

Жизнь художника — одна из самых удивительных загадок, которые задает человеку искусство. Она может быть преисполнена радостью успеха и спокойствием благополучия. Она может быть драматичной во всем. Но драматизм этот дает реальную жизнь новым эстетическим процессам. Даже тогда, когда творение художника сиюминутно, даже когда оно никак и никакими средствами не может быть воссоздано, потому что ушел в прошлое он сам, живой творец живых образов.

С начала своей творческой карьеры Федорова исполняла характерные роли. По свидетельству современников, в исполнении характерных танцев она не имела себе равных. Танцевала она панадерос в «Раймонде», лезгинку в «Руслане и Людмиле», испанский в «Лебедином озере», чардаш в «Коппелии», индусский в «Баядерке»... Художественное прозрение балерины, показавшей духовную жизнь жрицы Молоха («Саламбо», 1910), производило яркое впечатление на зрителя. Мрачная жрица в экстазе религиозной скорби — один из самых сильных образов, созданных ею.

После Уличной танцовщицы и Мерседес в «Дон Кихоте» Горский создал для Федоровой «Танец Анитры» (1901) на музыку Э. Грига и тогда же заново сочинил партию Жены хана в «Коньке-Горбунке». Когда в 1914 году балетмейстер возобновил «Конька-Горбунка», то цыганский

танец в последнем акте балета был поставлен специально для нее. А в 1906 году Горский вставил для Федоровой в балет «Роберт и Бертрам, или Два вора» партию служанки Селестен.

В 1902 году Горский, мечтая о балетной мимодраме, поставил «Дочь Гудулы» («Эсмеральда») А. Симона по роману В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Софья Владимировна Гиацинтова, видевшая Федорову в этом балете, вспоминала:

Семилетней девочкой увидела я Эсмеральду в исполнении Федоровой 2-й. В миниатюрной балерине было что-то значительное, притягательно-прекрасное. Это «что-то» и было обаянием женственности. Не важно, что тогда я этого не понимала. Важно, что в актрисе покорило «самовыражение» страстного, бурного и вместе с тем необыкновенно поэтического существа. И это притягивало воображение ребенка. Эсмеральда мне снилась. Она была моей первой любовью⁷²⁹.

Это была одна из самых значительных партий Софьи Васильевны. За ней последовали другие.

24 апреля 1905 года Федорова впервые исполнила роль Лизы в «Тщетной предосторожности» П. Гертеля. Биограф балерины С. Григоров писал:

Артистка, которая постоянно, неизменно стремится к внутренней правде, естественности и искренности, конечно, свободна от условно-трагического и комического театральничания. Комизм Федоровой изящный, грациозный и искренне-правдивый. <...> Особенно ярко этот художественный комизм выразился в роли Лизы («Тщетная предосторожность»), грациозно лукавящей со своей строгой мамашей и с детской радостью и светлым весельем живущей своею молодой девичьей жизнью с ее своеобразными чувствами и по-девичьи значительными событиями⁷³⁰.

В том же 1905 году в «Дочери фараона» Федорова впервые встретилась на сцене с Анной Павловой, которая исполняла роль Бинт-Анты, а Федорова — ее рабыни Хиты. Критики писали, что у Федоровой в роли Хиты «звучала нота хвалы и возвеличения человечности и свободы»⁷³¹.

19 мая 1909 года произошло событие, важное не только для русского балета. В парижском Театре Шатле был дан первый спектакль дягилевского Русского балета. В труппе Дягилева собрались отборные силы: Анна Павлова, Тамара Карсавина, Ида Рубинштейн, Вера Фокина, Михаил Фокин, Вацлав Нижинский и другие. Федорова была занята в «Половецких плясках» («Князь Игорь» А.П. Бородина) и в «Вакха-

налии» А.К. Глазунова. Очевидцы писали, что Софья Васильевна темпераментно и зажигательно станцевала половецкую девушку, да и вся труппа превзошла себя. После «Половецких плясок» публика, хлынувшая к сцене, буквально ломала оркестровый барьер. Париж был покорен. На следующий день газеты были полны восторгов. Особенно щедрых похвал удостоились Павлова, Фокин и Федорова-2-я.

Известный историк балета Валериан Светлов писал:

Из отдельных вещей «Вакханалия» (Глазунова) вызвала такую бурю восторгов, которой Париж положительно не запомнит. Три раза прерывали оркестр, требуя повторения, и долго, долго не могла успокоиться публика, когда повторения не последовало. <...> Из московских артисток наибольший успех имела Софья Федорова (Чардаш и «Игорь»), у которой есть нерв характерного танца и темперамент⁷³².

На следующий — 1910 — год Дягилев вновь пригласил Федорову. Она любила работать в его труппе и в следующем сезоне танцевала партию Альмеи в балете «Шехерезада», поставленном М. Фокиным на музыку Н.А. Римского-Корсакова. И снова успех. Балетный критик, искусствовед, литературовед, человек большой эрудиции Андрей Левинсон писал:

Вспыхивает гибким, прядящим огоньком в некоторых эпизодах «Шехерезады» и «Игоря» стихийная и ритмическая пляска Софьи Федоровой. Среди танцовщиц труппы, выдвинутых случайностью, это подлинный и своеобразный талант⁷³³.

Вместе с дягилевской труппой Федорова совершала гастрольный путь. Она танцевала в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке, Брюсселе, Риме, Будапеште, Вене. И всюду газеты отмечали ее талант.

И снова Москва.

Сохранилось свидетельство писательницы-мемуаристки Нины Берберовой о московском спектакле «Покрывало Пьеретты» (поставленном А.Я. Таировым в 1913 году) с участием Федоровой:

Я и сейчас помню каждую подробность этого поразительного спектакля — ничего никогда не врезалось в мою память как это «Покрывало»... <...> Когда Чабров и Федорова-вторая танцевали польку во втором действии, а мертвый Пьеро (его играл С. Вермель. — В.Н.) появился на балкончике (Коломбина его не видит, но Арлекин уже знает, что Пьеро тут), я впервые поняла (и навсегда), что такое настоящий театр, и у меня еще и сейчас проходит по спине холод, когда я вспоминаю шницлеровскую пантомиму в исполнении этих трех актеров⁷³⁴.

Апрель 1913 года. Партия Жизели. Постановка А.А. Горского. Балерина потрясла зрителей жестокой правдивостью безумия Жизели.

Трактовка Федоровой так сильно изменила спектакль, что последующие исполнительницы, да и сам постановщик, уже не могли освободиться от ее влияния, —

писал С. Григоров⁷³⁵.

Одни критики будут считать этот спектакль интереснейшим в сезоне. Другие будут говорить, что не было Жизели, а была показана талантливо сцена безумия в первом акте. По мнению третьих, балерина вносила в балет «надрыв и пафос психологической трагедии»⁷³⁶.

Словом — успех, признание, творческий подъем.

За полмесяца до успеха балерины в «Жизели» в 15-м номере журнала «Рампа и жизнь» был опубликован ее странно-минорный литературный этюд «В летний день»⁷³⁷. От чтения его оставалось тягостное ощущение «уставшей души» автора. Видимо, хрупкая душевная организация актрисы не выдержала трагизма роли Жизели. «Жизель», по утверждению многих, опасный балет. Обращение к ней приводит к какому-то бедствию, может вызвать серьезное помрачение духа. А потому среди театральных суеверий есть страх заразиться печалью Жизели. Говорят, такое было не раз. Несчастье обрушилось неожиданно. Спустя некоторое время врачи констатировали у Федоровой серьезное нервное расстройство — предвестник скорого психического заболевания.

Раздражительность, впечатлительность, скорая утомляемость, быстрая, резкая смена настроений — от полной вялости и апатии с обильными слезами до повышенно-бодрого, живого состояния духа, —

писал театральный врач в своем заключении⁷³⁸.

Видно, такие наступали теперь болезненные времена. Судьбы С. Федоровой, В. Нижинского, О. Спесивцевой странно, трагически и символично перекликались.

Осенью 1914 года Федорова отказалась от исполнения роли Жизели, продолжая совершенствоваться в исполнении характерных партий. Однако новых ролей не было, а прежний репертуар все сокращался. Последний контракт с дирекцией императорских театров закончился в сентябре 1917 года. Федорова еще продолжала числиться в труппе Большого театра, но выступала теперь очень редко. И все же каждый ее выход на сцену вызывал неравнодушные отклики. Поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов писал о ней в это время:

У Федоровой два лика. <...> Это Федорова скачущая, необычайно экспрессивная — в танцах египетских, индийских, цыганских, испанских. <...> Есть другая Федорова. Почти неподвижная, как бы дремлющая. Но там, в глубине, вспыхивают какие-то зарницы, молнии пробегают во мраке. Чуть заметные движения. Всем своим обликом она будит смутное, тайное воспоминание. И вдруг, догадываясь, испуганный, я восклицаю:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!

И не в состоянии сопротивляться, отдаюсь ее обаянию. Связанные стихии, скрытые за обычной жизнью, умеет развязывать эта заклинательница. Ее область — темная мистика души⁷³⁹.

Между тем болезнь прогрессировала. Из-за продолжительной неявки на работу ей перестали платить жалованье. Софья Васильевна обратилась с просьбой о пособии. Ее заявление датировано 16 января 1919 года, к нему приложена справка врача о том, что балерина страдает «остро-неврастеническими явлениями в тяжелой форме»⁷⁴⁰. Просьба осталась без ответа. И тогда после лечения в санатории Федорова едет в Петроград, где живет и работает ее муж — актер и режиссер Петр Сергеевич Оленин (1874–1922).

Надо сказать несколько слов об Оленине. Петр Сергеевич — двоюродный брат известной камерной певицы М.А. Олениной-д'Альгейм и композитора А.А. Оленина. Он был солистом Частной оперы С.И. Мамонтова, Большого театра (1900–1903) и солистом московского Оперного театра С.И. Зимина (1904–1915). Его лучшие партии: Фарлаф («Руслан и Людмила»), Борис, Варлаам («Борис Годунов»), Петр («Вражья сила») и др.

Оленин одинаково хорош и в комедии, и в драме, в любых исторических эпохах и стилях. Нигде он не затерялся, ничем не смутился, во все готов всегда вложить всю душу, весь темперамент⁷⁴¹, —

так характеризовал его музыкальный критик С. Кругликов.

Выдающийся оперный режиссер, он впервые поставил оперы «Скоморох», «Золотой петушок». Лучшие его постановки — «Орлеанская дева», «Кашей Бессмертный», «Борис Годунов», «Снегурочка», «Хованщина», «Царская невеста» и другие.

В 1915 году Оленин возвратился на сцену Большого театра в качестве режиссера-постановщика. А уже после октябрьского переворота он служил режиссером и управляющим оперной труппой в Мариинском театре и Театре комической оперы в Петрограде.

Вернемся, однако, к Федоровой. Судьба не щадит балерину: 23 января 1922 года Оленин неожиданно умирает. Похоронив мужа в Москве, на Ваганьковском кладбище, Софья Васильевна решает ехать лечиться за границу. (В Петрограде осталась только ее младшая сестра, Ольга Васильевна Федорова, артистка балета Мариинского театра. В свое время она покинула Москву из-за соперничества с сестрой, так как обе претендовали на одинаковый репертуар в Большом. Умерла Ольга Васильевна в звании Заслуженной артистки республики (1924) в блокадном Ленинграде в 1942 году.)

Итак, Софья Васильевна едет в Париж через Берлин, отправляясь, в сущности, в неизвестность, не осознавая, что больше никогда не вернется в Россию.

Здесь прерву биографическую часть своего повествования и расскажу об одной гораздо более поздней парижской встрече, которая есть лишь подтверждение вечного закона: все связано в этом мире.

...Недалеко от бульвара Сен-Жермен тянется параллельно Сене тихая улочка — Университе. Там в доме под номером 80 жила известная во Франции балерина и педагог Нина Тиканова, по-русски — Нина Александровна Тихонова. (Именно она и сохранила небольшой архив Софьи Федоровой.) В ее мать Варвару Васильевну Шайкевич был влюблен А.М. Горький. Сводный брат Нины Александровны, впоследствии балетный критик Андрей Анатольевич Шайкевич, считал, что именно Горький был отцом Нины Александровны. О своей жизни и о многом другом увлекательно рассказывается в изумительно доброй книге воспоминаний Н.А. Тихоновой «Девушка в синем», изданной в Москве в 1992 году.

Эта миловидная маленькая женщина жила стойко и мужественно. Когда владелец дома задумал перепланировку квартир и ремонт, Тихонова переселяться не захотела. Она пригласила адвоката, который выслушал ее и попросил метр и лесенку. Встав на лесенку, он замерил высоту комнаты и заявил, что Нина Александровна может не покидать квартиры, суд будет на ее стороне, так как потолки оказались ниже положенной нормы, кажется, сантиметров на двадцать. Так кавалер Ордена искусства и литературы Н.А. Тихонова осталась в своей квартире. Кругом шел капитальный ремонт, отключали свет месяца на два, но Нина Александровна выстояла.

Я любил бывать в этой странной квартире-мансарде. Из окон квартиры открывался типичный урбанистический пейзаж: тесно прижавшиеся друг к другу каменные строения и черепичные крыши. На сте-

нах — рисунки Натальи Гончаровой, Михаила Ларионова, Льва Зака, Сержа Лифаря, фотографии...

Последняя наша встреча состоялась 6 января 1993 года. Это был старинный праздник — День трех королей. В этот день обычно готовят особый «пирог королей», в который запекают какой-либо небольшой сувенир. Нина Александровна заранее купила бумажную золотую корону и кекс с сюрпризом, о котором, впрочем, меня не предупредила. Когда стали пить чай и я откусил кусочек пирога, то на зубах у меня что-то хрустнуло. Я решил не расстраивать хозяйку и незаметно положил это что-то в карман пиджака. Потом, когда я уже был на улице, хотел это «что-то» выбросить. Полез в карман... и у меня в руке оказалась крошечная фарфоровая фигурка испанки с веером. (Теперь эта фигурка стоит на моем письменном столе и напоминает мне наши с Ниной Александровной встречи и бесконечные разговоры.)

В тот раз вспомнили Ольгу Иосифовну Преображенскую, знаменитую балерину. Ведь это у нее Нина Александровна вместе с Тамарой Тумановой, Ириной Бароновой, Татьяной Рябушинской брала уроки. В последние годы жизни Преображенская тяжело болела и очень нуждалась. Тихонова взяла всю заботу о ней на себя, создала Общество попечения об О.И. Преображенской» была его председателем.

Разговор зашел еще об одной ученице Преображенской — легендарной танцовщице Ольге Спесивцевой.

Она была немного странной, — говорила Тихонова. — Неадекватная реакция на жизненные события, провалы в памяти. В ее болезни роковую роль сыграли сразу несколько факторов: смерть мужа, алчность и жестокость его родных... Не исключено, что к ней проявили интерес и чекисты. Она когда-то была хорошо знакома с председателем Петросовета, племянником председателя Петроградской ЧК М. Урицкого Борисом Каплуном, который помог ей уехать за границу.

От Спесивцевой снова перешли к Преображенской и к американскому госпиталю, в котором лежала Ольга Иосифовна. От госпиталя разговор незаметно вернулся к нашей героине. Оказывается, она жила вдали от шума публики и света софитов, на улице Ланразака в районе Нейи, где находился американский госпиталь и где она проходила курсы лечения.

Слава русского балета, распространившаяся по всему миру, создала своего рода моду — брать уроки хореографии у русских балерин. Приехав в Париж, Софья Васильевна открыла балетную школу и продолжала выступать: на концертах, устраиваемых Московским землячеством и Союзом галлиполийцев во Франции, на вечерах в пользу

Русской гимназии и в пользу Союза русских офицеров — участников войн на французском фронте и тому подобное. Ее имя можно было встретить в газетных отчетах и рецензиях. Оно упоминалось рядом с именами больших драматических актрис — Е. Рожиной-Инсаровой, М. Германовой, известных оперных певцов — Д. Смирнова, А. Мозжухина, эстрадного певца Ю. Морфесси и других.

В 1925–1926 годы Федорова работала в труппе Анны Павловой и приняла участие в турне по многим странам. В 1928 году она снова вышла на сцену в составе дягилевской труппы Русского балета. Режиссер и репетитор С.Л. Григорьев писал:

Для участия в этом парижском сезоне Дягилев вновь пригласил в труппу знаменитую Софью Федорову, и вот спустя девятнадцать лет она в «Половецких», как прежде, очаровала Париж⁷⁴².

Казалось бы, все складывалось хорошо. Однако упоминание в газетах о выступлении Федоровой, датируемое июнем 1929 года, оказалось последним. Дальше — годы забвения.

3 января 1963 года закончился земной путь Софьи Васильевны. Хоронили ее скромно. Так незаметно ушла из жизни одна из самых известных и одновременно самая недооцененная балерина 10-х–20-х годов XX века.

Сообщение о смерти С.В. Федоровой стало запоздалой неожиданностью для всех русских парижан. Они узнали о кончине балерины только спустя полгода из статьи Андрея Шайкевича, опубликованной в газете «Русские новости» 28 июня⁷⁴³.

Более тридцати лет Федорова не выходила на сцену. Как она жила все эти годы? Что с ней происходило?

Ее муж, юрист и журналист Григорий Петрович Столповский, трогательно заботился о ней, — рассказывала Нина Александровна Тихонова, — он и поддерживал ее до конца дней. Он и принес моему брату связку бумаг, оставшихся от нее. Я вам их сейчас покажу...

И вот передо мной небольшой сверток, аккуратно перевязанный ленточкой. Документы, рассказывающие о внутреннем мире С.В. Федоровой. Их немного, я с трепетом рассматриваю и читаю их.

Федорова жила замкнуто. Жизнь ее, на первый взгляд, однообразно протекала между квартирой на Нейи, монастырем Сен-Жермен и лечебницами. Но иная, не подчиненная быту жизнь, продолжалась. В каком-то невероятном напряжении душевных сил прошли эти годы. Остановки в работе. Лечение. Чтение. Раздумья.

Вот открытка с изображением Большого театра. Видимо, для нее Россия была именно Москвой, Большим театром, с которым связаны самые светлые и святые для нее воспоминания. Как попала к ней открытка, выпущенная в Советском Союзе в 1951 году? Рядом с открыткой — портрет Леонида Витальевича Собинова, еще одна память о прошлом. В апреле 1897 года она и Татьяна Рябушинская были свидетелями дебюта певца. Жили подруги тогда на Плющихе у капельдинера Большого театра Ф.Л. Примакова. Позднее были совместные выступления на концертных площадках.

А вот ее дневниковые записи за 1923–1939 годы. Собственно говоря, это даже не дневник, а цитаты из прочитанного. Это обращение к близкому человеку, особый вид творчества, определяемый именно его назначением. Это не только психологическое общение, но и самораскрытие. В первые годы здесь в основном имена Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина, Н.А. Бердяева, Р. Тагора... И каждый раз, находя новое, выписывала из прочитанного. Книги помогали ей, ибо она находила в них ответ на многое. Книги давали ей силы, утешение.

Позже все чаще и чаще появляются выписки из Библии — евангельских посланий, псалмов. Скорее всего, эти выписки созвучны ее мыслям. По существу — это внутренние беседы — монологи и диалоги.

Здесь необходим термин «чужая речь», восходящий к литературной концепции. Согласно ей «чужая речь» неминуемо становится не только составной частью произведения (в данном случае — дневника), в которое она включена, но и его темой. Эти выписки, цитаты превращаются в своеобразное магическое зеркало, в которое Федорова смотрит, пытается в прошлом угадать свое будущее.

Федорова — свидетельница трагедии России. В первых дневниковых записях еще свежа память о Москве, Петрограде, о событиях в них. Вот запись от 21 марта 1923 года. Слова Рабиндраната Тагора из его романа «Дом и мир» (1915–1916):

Правда, спаси меня! Не позволяй мне тянуться к обманному раю жизни. Если я обречена идти один (так в подлиннике. — В.Н.), дай мне, по крайней мере, идти твоим путем... Тирания хотя бы и для родины, есть тирания над родиной.

Непроизвольный перевод слова в женский род, то есть на себя, на свою жизнь вовсе не случаен. Такие «описки» встречаются в записях Федоровой часто. Что свидетельствует о ее постоянной напряженной духовной работе. В ней, видимо, неизживаемо жила тоска. Можно только гадать, какие реальные житейские невзгоды прошла Софья Василь-

евна. Читая подряд ее записи, мы лишь опосредованно сталкиваемся с трагедией жизни, надежно скрытой от посторонних глаз. За будто бы чужим жизненным опытом спрятано чувство собственного одиночества, свои боль и отчаяние.

Следующая запись сделана в тот же год. И снова Р. Тагор:

Как страшно одинок тот, у кого в житейской суете, среди всего многообразия жизни нет спутника!..

Еще одно печальное «признание»:

7 апреля [1923]

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести <...>
О жизни час! лети, не жаль тебя...
(Пушкин. «Желание»⁷⁴⁴)

Среди записей, созвучных собственной судьбе, встречается вдруг повторяемое с древнейших времен всем людям предупреждение:

Февраль 1925 г.

Не ищите так называемых вождей.
Вы носите в себе самих истину.
(Из йогов)

А рядом — горькая и столь же вечная аксиома:

Всегда у людей были вожди, и всегда люди подчинялись этим вождям.
(Рамачарака)

Или неожиданно оптимистичные, радостные стихи Омара Хайяма:

Лето 1925 г.

Прекрасно зерен набросать полям,
Прекрасней — в душу солнце бросить нам,
Но подчинить Добру людей свободных
Прекраснее, чем волю дать рабам.

Федорова была не из плеяды «железных женщин». Но она не боялась трезво смотреть на действительность и на происходящее с ней самой. Болезнь «сдружилась» с нею. Ее страх перед болезнью проявляется в ее собственных суждениях — стихах и в тех афоризмах, которые она записывает в тетради.

25 сентября 1925 года в тетрадь заносятся строки из псалма 117:

Строго наказал меня Господь; но смерти не предал меня⁷⁴⁵.

Далее:

Январь 1927.

Верую, Господи, помоги!

Накануне 1931 года, буквально за полчаса до нового года, Софья Васильевна берет в руки Евангелие от Луки, и через страницу появляется такая запись: «1931 — может быть, последний на земле», а сразу после нее — стихотворение, посвященное сестре Вере.

Умереть я хотела бы осенью,
Чтобы вместе с природой уснуть.
Ярко-грустной, осеннею просинью
Мой последний покрыли бы путь...
Чтоб не ждать, что весна возвратится,
И забыть, как прекрасны цветы...
Тогда сердце не станет уж биться
На неверный призыв красоты.
И мой дух, окрыленный свободой,
Полетит в голубой высоте,
Над земною ликуя природой,
О земном забывая кресте.

Тяжело знать и представлять себе, что жизнь ее была так горька. Бог отмерил ей долгий жизненный путь. Однако радости и муки, успех и забвение распределил неравномерно. Собственно, так как это было и в судьбах ее современников Вацлава Нижинского и Ольги Спесивцевой. Она в своих записях и стихах практически выразила трагедию потерявшейся души.

Но она все-таки жила! — читала книги, писала стихи, искала ответы на вечные вопросы.

Вы знаете, Софья Васильевна писала стихи. Вы так увлеклись ею, возьмите на память. Может быть, что-то напечатаете там, в России, —

говорит на прощание Нина Александровна Тихонова, протягивая мне пожелтевшую общую тетрадь. Я благодарю.

И вот именно тогда, выйдя на улицу и обнаружив в кармане фарфоровую испанку, я подумал: не сама ли Софья Васильевна — Уличная танцовщица и Мерседес из «Дон Кихота», Испанка в «Лебедином» — подарила мне этот чудесный вечер? (Интересно заметить, что спустя тридцать два года после кончины Софьи Федоровой, в тот же день — 3 января — ушла из жизни и Н.А. Тихонова).

И как тут же не привести слова выдающегося театрального критика Павла Александровича Маркова:

...Весь зал с нетерпением ждал последнего акта очередного балета, если было известно, что Федорова будет там танцевать очередной испанский танец. В них она обнаруживала себя как гениальная танцовщица заразной, грозной, экстатической силы. Ее небольшая прекрасная фигурка, горящие глаза, огромный темперамент, казалось, заполняли всю сцену Большого театра. В ее исполнении не оставалось ничего от обычной безвкусицы балетных испанских танцев, едва ли имевших что-либо общее с подлинной Испанией. Ее танец воспринимался как самосжигание⁷⁴⁶.

И в заключение. Имя одной из звезд дягилевского балета Софьи Федоровой теперь принадлежит истории русского искусства. Федорова — одна из знаменитой плеяды балерин, воспитанных Горским, вошла в историю балета как талантливая и недооцененная артистка. Она оставила яркий след в истории русского балета. В ее искусстве была особая лирическая нота, стихия чувств, предельная обнаженность души. Ей нравилось играть сильные чувства, состояние душевного смятения, полную драматизма внутреннюю борьбу. Силы страсти становились выше разума, понимались как движущий им пульс человеческой жизни. Давно ушло время ее славы. Теперь иные времена, иная атмосфера, иная жизнь. И все же вечные ценности не померкли, они остались. И наша благодарность всем тем, кто создавал их. Среди создателей — Софья Васильевна Федорова. Низкий ей поклон.

Ниже печатаются стихотворения С.В. Федоровой по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки СД РФ⁷⁴⁷.

* * *

Хаос, хаос везде, в природе,
И на земле, и под землей.
В отдельных душах и в народе
Смешала жизнь своей волной
Добро и зло, печаль и радость,
Нежнейший вздох и злобный крик,
Дыханье ветра, бури ярость,
Мрак сердца, просветленья миг,
Страстей бушующих порывы,
И мысль, рожденье тишины,
Любовь и ненависти взрывы,
И благодать творческой души...
Жизнь все несет в своем теченьи
Под небом бесконечной глубины
В его спокойном озареньи
Нам непонятной красоты...

[1920-е]

* * *

Холодно... Ветер мне выстудил сердце.
Белым покровом легла тишина.
Где-то слышится четкое легкое скерцо,
И душа непонятным волнением полна.
Ветер рвется в окно, как летящие призраки Данте.
То, что было, не будет, прошло...
Звуки тихо и мягко влились в анданте.
Время страшные мутные сны унесло.

[1920-е]

* * *

Опять Париж, кольцом заката окруженный,
Наполненный движеньем и толпой.
Сейчас он кажется мне тихим и невозбужденным.
Совсем не тот, когда я с ним рассталась весной.
Тогда цвели цветы, и в воздухе носились лепестки каштанов.
Был зной и жар на гладкой мостовой.
Париж казался мне страной миража и обмана,
Где я затеряна с своей большой мечтой.
Теперь зима. Как чисты и прозрачны дали,
Как воздух свеж, и ясен небосклон.
Как тонко кружево ветвей упругих очертанья,
И краски яркие сменил спокойный тон.
И снова я иду по улице шумящей,
И небо медленно темнеет надо мной.
Мне хочется вдохнуть, не вспоминать тоски щемящей,
Которой я была охвачена весной...

[1930-е]

* * *

Шумит Париж. Зовут афиши.
Я возвращаюсь домой.
О сердце, не стучи так. Тише...
Живи одна с своей мечтой.
Быстрее бегут автомобили.
Усталый гул людской толпы.
И вот тот парк, где мы бродили.
Но нет нигде тебя... Где ты?

[1930-е]

* * *

Осенний день меня сегодня обманул...
Сияло небо, солнце грело,
И ветер свежую листвою колыхнул,
Как отзвуком весеннего напева.
Чуть трепетали листья легкие акаций,
Рисуя в воздухе таинственный узор,

Бросая тень на лица древних граций
И оживляя каменный их взор.
Там среди статуй Тюильри
В лучах пылавшего заката
Знакомый профиль промелькнул...
Весна давно прошла, ей нет возврата.

[1930-е]

Г.П. Столповскому⁷⁴⁸

«Спи спокойно, я с тобой.
Не смотри, глаза закрой.
Я тихонько посижу...
Хочешь, сказку расскажу.
За морем, в чужой земле,
А не в нашей стороне
Жил да был один мудрец...»
Нянька старая зевает:
«Ох, грехи...» И продолжает:
«Жил да был один мудрец.
Вот... заснула наконец,
Вниз спустилася головка,
Дай поправлю, ведь неловко,
Все читает да молчит.
Вот головка и болит...»
Свет лампадкой чуть мерцает,
В темных кудрях луч играет.
Нянька, тихо уходя,
Крестит малое дитя.
Спит. Закрытые глаза.
Только почему слеза?

[1940-е]

Расписал мороз окно.
Послезавтра Рождество.
Льдинки тонки, как иголки.

У меня не будет елки.
Сквозь стекло светлеет небо.
Есть немножко только хлеба.
Я поставила б у печки башмаки,
Чтобы фея принесла мне пирожки...
Нет ни печки, ни камина у меня,
Мне нельзя даже зажечь себе огня.
Я хотела на звезду бы посмотреть,
Да нет шубки, и мне нечего надеть.
Никому-то я на свете не нужна.
И лежу одна, больна и голодна.
Полечу мечтой в чудесные края,
Где зимы нет, где весна цветет всегда.
Буду по саду прекрасному ходить,
Буду с птицами, с цветами говорить.
Злые люди не вернут меня назад —
Люди добрые не пустят их в мой сад.

[1940-е]

ШОПЕН

Я к Вам пришла, как на свиданье,
Чтобы услышать Ваш аккорд,
Пленительно звучащий, как мечтанье,
Как воздух чистый снежных гор,
Как лунный луч таинственный и ясный
В оправе серебристой сосен и листвы,
Как вздох души, задумчивый, прекрасный,
Как исполнение мечты!

[1940-е]

* * *

Встань, о Русь! Иди и внемли
Святому возгласу земли.
Иди, оставив заблужденье.
Иди в раздумьи, в размышленьи,

Не в злобных криках и крови —
К великой истинной любви!

[Первая половина 1950-х]

* * *

Мы одною мыслью жили.
Мы одну мечту любили —
Великую мечту объединенья!
Мы одной мелодии внимали,
Мы и песнь одну слагали —
В аккорд созвучного стремленья!
Мы на синюю звезду смотрели,
Мы одним огнем горели —
Огнем чудесным вдохновенья!

[Первая половина 1950-х]

* * *

В нашем государстве
правовых нет законов.

Островский⁷⁴⁹

В нашей стране за любовь
Отдаем свою кровь.
В нашей стране за ложь —
Только острый нож.
В нашей стране за неверность
Отточим стилет.
В нашей стране за нежность
Напишем сонет.
В нашей стране приговор
Мгновенен и скор.
В нашей стране царит
Только рок.
В нашей стране хотим,
Чтобы царствовал только Бог!

[Первая половина 1950-х]

«Шах-княгиня, драгоценнейшая...»:

Зинаида Алексеевна Шаховская

Мне посчастливилось. Я был знаком с Зинаидой Алексеевной Шаховской.

В январе 1992 года парижский корреспондент «Известий» журналист Юрий Иванович Коваленко и его очаровательная жена Таня привели меня в ее дом по улице Фарадея, 16 (16, rue Faraday), что в XVII округе Парижа. Зинаиде Алексеевне было уже 85 лет. За ее плечами была жизнь писателя, литературного критика, журналиста, редактора газеты «Русская мысль» (1968–1978), участницы бельгийского и французского Сопротивления. Ее книги «Отражения» (Париж, 1975) и «В поисках Набокова» (Париж, 1979; в 1991 году обе книги переизданы в Москве под одной обложкой) востребованы в России. Из-за болезни ног она передвигалась с трудом, но буквально с первого слова и с первого взгляда поражала своей энергией, жизнелюбием и легкой, доброжелательной, мгновенно к себе располагающей простотой.

Зинаиду Алексеевну интересовало абсолютно все: и день моего приезда в Париж, и день отъезда, и с кем у меня намечены встречи, и чем я занимаюсь, и чем хотел бы заниматься, если бы... и т.д. и т.п. Мы говорили и говорили о многом и о многих. Вот в разговоре упомянут Сергей Милич Рафальский, и Шаховская живо откликается:

О, конечно, нельзя его забыть. Когда надо было поднять тираж газеты, то именно к нему обращались с просьбой написать дискуссионную статью... Десять лет я провела на посту главного редактора «Русской мысли»⁷⁵⁰. Там были замечательные люди — Зайцев⁷⁵¹, Слоним⁷⁵², Адамович⁷⁵³, Ковалевский⁷⁵⁴. Но в 1970-е, устав от повседневных хлопот, я с радостью покинула газету.

Вот коснулись издания «Русского альманаха»⁷⁵⁵, и она немедленно презентует мне его экземпляр с дарственной надписью:

Вячеславу Петровичу Нечаеву сей «Русский альманах» на память о нашей встрече. — Я всегда говорю: «Хорошо, что успела». Альманахом я хотела отметить мой уход от активной жизни, не тут-то было — началась

перестройка и — жизнь стала мне слишком активна для моего возраста. Желаю Вам лично и Центральной научной библиотеке благополучного и радостного 1993 г.

Paris, 22/1/93/. *Зинаида Шаховская*

Зашла речь о коллекции Р. Герра, и, оказывается, она хочет о нем писать...

Мне уже казалось, что мы знакомы очень давно, и, как будто у старинного знакомого, Зинаида Алексеевна спросила моего совета (вернее, попросила поддержки в уже, кажется, решенном вопросе). Передать ли ей часть своего архива в Тулу, местному государственному архиву — она справедливо полагала, провинциальные русские города, в отличие от обеих столиц, куда по традиции и так стекается все самое ценное, нуждаются в культурной поддержке. (В Тульской области находилось имение Шаховских Матово.) Я все же советовал отдать в Российский государственный архив литературы и искусства или в Госархив. Зинаида Алексеевна, поблагодарив, осталась тверда в своем решении. И только когда на ее письменное предложение принять на хранение документы ее и ее мужа (Святослава Святославовича Малевского-Малевича) последовал простодушный ответ из Тулы с согласием принять на хранение «архив Зинаиды Шаховской и Казимира Малевича» (именно так!), только тогда Зинаида Алексеевна все же передала свой архив Москве, Госархиву.

После той парижской встречи мы продолжали обмениваться письмами, телефонными звонками.

В 1994 году я послал ей книгу «Вернуться в Россию — стихами...» (М. : Республика, 1995), антологию поэтов русской эмиграции, Зинаида Алексеевна ответила. Вот что она написала:

Среди авторов большинство знакомых имен и не так уж мало ушедших друзей.

Немного удивилась, увидя, что урезали одно из моих стихотворений, что обычно делать отнюдь не полагается. Лучше совсем не печатать, даже в антологии, чем «стричь». Второе замечание, это относится, впрочем, ко всем тем, кто пишет обо мне в России уже 8 лет. Правда, мое положение необычно, но я дорожу его оригинальностью:

Зинаида Шаховская — французская писательница, международная журналистка русского происхождения. Единственная книга, ею по-русски написанная, — это «В поисках Набокова» (когда мне было 73 года), — для тогда только воображаемого русского читателя. (Это первая книга, написанная по-русски об этом писателе.) Французские ее книги были переведены на многие иностранные языки, но ни одна не была переведена на русский.

Зинаида Шаховская определяет свое место среди авторов-современников главным образом как объективный свидетель событий и зна-

менитых, и малоизвестных его участников.

Зинаида Шаховская будет благодарна тем, кто примет во внимание это замечание, когда будут упоминать о ее деятельности и работах⁷⁵⁶.

Вскоре я получил от Зинаиды Алексеевны еще одну весточку. Она прислала мне книгу Игоря Владимировича Чиннова «Эмпирии», изданную в Москве в 1994 году. На книге была дарственная надпись автора: «Дорогой, родной, родименькой Шах-княгине Зинаиде Алексеевне от любящего ее Чин-Чина». В сопроводительном письме она писала:

Оригинальный и *очень* талантливый поэт. Его еще мало знают у вас, хотя он был в России. Ни в чем мы с ним не похожи, а вот дружим, уважаем друг друга, поддерживаемся краткими весточками, что, мол, ни он, ни я не одиноки⁷⁵⁷.

(К слову, о И.В. Чиннове: многие считали, что он унаследовал после Георгия Иванова «кресло первого поэта эмиграции»⁷⁵⁸. Чиннов родился в семье юриста в городе Тукумс под Ригой 25 сентября (по новому стилю) 1909 года. В 1939 году окончил юридический факультет Латвийского университета. Был призван в армию. В 1940–1941 годах работал в латвийском отделе ТАСС, затем — в фармацевтической фирме. В 1944 году был угнан на работу в Германию. В мае 1945 года был освобожден из лагеря американскими солдатами и с этого года жил во Франции. Преподавал немецкий язык в Русской гимназии в Париже, давал частные уроки. В 1950 году в издательстве «Рифма» вышла его первая книга стихов «Монолог». В 1953 году уехал в Мюнхен, где работал на радиостанции «Свобода». С 1962 года жил в США, был профессором русского языка и литературы Канзасского, Питтсбургского и Вандербилтского университетов.)

А вот следующий мой подарок вызвал совершенно неожиданную реакцию. Начало нашего телефонного общения было, как обычно, дружеским и вполне мирным:

Внимательно просмотрела присланную вами энциклопедию «Писатели русского зарубежья» (1997), благодарю...

Затем после изящной шутки по поводу разницы в ее пользу в объемах статей о ней и ее брате Дмитрие Алексеевиче Шаховском (поэте, писателе, философе, богослове, критике и архиепископе Сан-Франциском) — разразилась буря! Без вины виноватый, я оказался объектом ее гнева и слушателем ее яростного монолога. Пожалуй, никогда и ни у кого более я не встречал такого напора в утверждении своего мнения.

Речь же шла о том, что российское издательство обокрало ее как автора, заплатив деньги по старому курсу, в то время как произошла

инфляция: тысяча рублей теперь равнялась миллиону. Издатели даже не подумали перезаключить договор и выплатить разницу за книги «Отражения» и «В поисках Набокова».

...Я могла написать книгу по-французски, издать и жить несколько лет, ни о чем не думая. Это бандиты без стыда и совести... — гневно наступала Зинаида Алексеевна. — Настало время оценивать духовную ситуацию трезво, не теряя при этом связь времен... Мы, эмигранты, хотя в паспорте в графе «гражданство» было написано «потерявшие отечество», приехали в Европу в большинстве своем практически без средств, но мы построили церкви, открыли школы, детские приюты, организовали издательства, театры, газеты, журналы и так далее. Нельзя забывать, что каждый из нас, индивидуально, внес вклад в общую культуру. Даже когда я писала по-французски, служила России. Эмиграция сохранила русскую культуру, и надо быть благодарными. Не надо забывать, что культура — это работа...

Ее монолог длился минут двадцать. После этого наше с Зинаидой Алексеевной общение прервалось.

Прошел примерно год. Однажды раздался телефонный звонок:

Говорит Дмитрий Шаховской. Тетя Зика просила передать вам лично небольшую посылочку. Как можно с вами встретиться?

И вот у меня в руках маленькая бандероль. Вскрываю — и глазам своим не верю — фотографии Зинаиды Алексеевны с дарственными надписями лично мне, письмо, четыре открытки Игоря Чиннова к Шаховской и ее письмо, которое начиналось так:

«Спасибо, что вы на меня не обиделись». Все-таки она была не только ироничным, трезво смотрящим на мир, но и очень деликатным человеком. И далее:

Чиннов был мой последний современник из литературного зарубежья. Хоть давно не встречались, но хорошо было знать, что где-то живет этот прекрасный поэт. Молодых русских поэтов я теперь не знаю. Бродский, конечно, явление значительное, я предпочитаю его ранние стихи, “державные”. Послала письмо вроде прощального приветствия Белле Ахмадулиной; она прекрасный поэт с чистым голосом. Она пока не отозвалась...

На книге Чиннова «Антитеза» (Maryland : Birchbark Press, 1979) была такая надпись:

...Сборник друга моего Игоря Чиннова. Он знает много культур — и любит древние камни. Вышли еще две книги.

Зинаида Шаховская

Посмотрите на стр[аницах], отмеченные мною — на мой вкус. Он не обязателен для других. З.Ш.

В книге звездочками были отмечены десять стихотворений. Из них два удостоились двух звездочек: «Направо кумиры, налево табу...» и «Где-то светлый Бог, где-то вечный свет...» И столько же трех: «В безвыходной тюрьме Необходимости...» и «Да, мы эмигранты, переселенцы...» Последнее стихотворение оканчивалось такими строчками:

Приятный сюрприз будет, если Россия
Эмигрантских поэтов почтит... потом.
Свезут, реабилитированных посмертно,
На Литераторские мостки,
И уже не будет, почти наверно,
Ни одиночества, ни тоски.

Между тем здоровье Зинаиды Алексеевны все ухудшалось. Ее перевезли из Парижа в Русский дом в Сент-Женевьев-де-Буа. Мы с Таней Коваленко навестили ее. До дня ее смерти оставалось еще полгода. Сначала Шаховская произвела на меня впечатление, словно перед нами был не больной человек — так живо она приветствовала нас. Она приняла нас, сидя на кровати, уже не могла ходить, и руки ее не слушались, и почти ничего не видела, и раздражали сестры, обслуживающие ее. Хотела бы вернуться домой, в Париж, но, увы, некому было за ней ухаживать. Зато как обрадовалась нашим гостинцам — пирожкам с капустой и клюкве в сахаре. Попробовала чуть-чуть, и пирожки убрали в холодильник: «Так понемногу я и буду пробовать...» Мы простились с надеждой на встречу...

И в память наших встреч печатаю из своего личного архива три открытки и небольшое письмецо И.В. Чиннова, те самые, присланные мне Зинаидой Алексеевной. И быть может, и даже наверное, они добавят несколько живых, человеческих штрихов к ее образу — противоречивому, парадоксальному и необычайно притягательному. Она была из лучших представителей уже прошумевшей эпохи, «красоты в изгнании» и таланта в изгнании, эпохи людей, ни при каких обстоятельствах не терявших в себе России.

21 мая 1996 года Игорь Васильевич Чиннов скончался во Флориде (Порт-Оранж). Согласно воле покойного прах его был захоронен в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Спустя пять лет, 8 июня 2001 года, умерла и З.А. Шаховская. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. На моей книжной полке стоят ее книги с автографами, остались фотографии и письма — дорогая для меня память о Шах-княгине, о встречах и разговорах с ней.

ПИСЬМА И.В. ЧИННОВА к З.А. ШАХОВСКОЙ

1

[Без даты. После 1972]⁷⁵⁹

Командора⁷⁶⁰ сиятельнейшего и драгоценнейшего чмокает почитательнейше и наидружески, поздравляет с Рождеством Христовым и с Новым годом (когда появится в «Н[овом] ж[урнале]» *hommage** командору).

Чин Чин!!!

2

14 января 1993

Шах-княгиня, родная, привет из Белокаменной, града Петрова⁷⁶¹, града Св. Франциска. С Новым годом, с Рождеством Христовым!

Ваш Чин-Чин

14.01.93

3

5 января 1995

Шах-княгиня, душу в объятиях! Чмок и «куль червонцев»! В Н[овом] г[оду] здоровья Вам, дружок милый.

Чин-Чин

5 января

* Дань уважения, похвала (фр.).

4

[Без даты. Сентябрь 1995]⁷⁶²

Шах-княгиня, драгоценнейшая, дружок родимый, чмок-чмок-чмок!

Так трогательно, что не забываете Вашего Чин-Чина, а ему, родненькая, плохо. Писать не может. Счастье, что нашлась добрая душа, а то бы пропал.

Как живется, дружок мой милый? Берегите себя. Вы всем нам нужны. Горько, что не увидимся. Не думал я, что так обессилю. Думал еще повидать Вас, Вас и Париж — а не выходит. Мне здесь одиноко. Но и Вам теперь просторно в пустоте⁷⁶³. Христос с Вами. Целую, Ваше сиятельство дорогое, очень сердечно. Ваш «по гроб жизни», до коего гроба недалеко.

Чин-Чин

Игорь Ч.

P.S. Потерял адрес Тани Варшавской⁷⁶⁴. Вызовите, дружок!

[Помета З.А. Шаховской:] Последнее письмо. Сентябрь 1995

Исчезнувший поэт:

Анатолий Иванович Андреев

Как часто бывает в жизни: ищешь одно, а попадаетесь совсем другое, как будто и не относящееся к твоему поиску. Так в этот раз было и у меня. В 1993 году я принимал в дар архив поэта, писателя и публициста Сергея Милича Рафальского из рук его вдовы Татьяны Николаевны, которая жила тогда в Русском доме в Ганьи под Парижем. В очередной свой приезд туда получаю в придачу хозяйственную сумку с какими-то рукописями. К ним приложена записка от моей парижской знакомой Натальи Львовны Майданович, в которой говорится, что это рукописи парижского поэта Анатолия Ивановича Андреева, чьи стихи как будто никогда не публиковались. Исполняя волю умершего, Наталья Львовна передает эти материалы мне для хранения в Москве.

Так вместе с архивом Рафальского в Москве оказались и андреевские бумаги. Но тогда они были отложены в сторону: ждали своего часа...

И вот предо мной толстые и тонкие тетради — зеленые, желтые, синие, красные, с картинками на обложках и без оных. На некоторых напечатано слово «Message» — сообщение, послание. Что придает им особую символическую значимость. В тетрадях — стихи, написанные разборчивым, аккуратным почерком. Первые стихи датированы 1912 годом, последние — серединой 1960-х. Стихи очень неровные и очень разные по тематике. Автор часто бывает нерадив в отделке. Но не поэтическое мастерство кажется здесь главным, а «посланническая» энергия. Автору не до утонченной поэтики, ему надо быть услышанным, признанным — и он с беззащитной откровенностью просто объясняется в любви, шутит, горячится, предостерегает...

«Мертвое дело», — думаю я, бегло просматривая бумаги. Давно все это было. На свете нет уже ни его родных, ни друзей, ни знакомых. Что и где я могу узнать об этом человеке?

Начинаю с расспросов. Пишу Наталье Львовне Майданович, которая передала мне остатки архива. От нее узнаю, что никаких его фото-

графий, писем, документов не сохранилось. Но она сообщает год его рождения — 1895, и помнит, что он был офицером, воевал на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Был ранен. Вот и все...

Внимательно вчитываюсь в стихи. Может быть, они мне что-то подскажут? Натыкаюсь на стихотворение, к которому имеется приписка карандашом: «История выпуска в свет “Сборника молодых поэтов”». Нахожу этот небольшой сборник. Правда, он имеет несколько другое название «Сборник стихов поэтов Объединения молодых деятелей русского искусства и науки». Место издания — Париж, год издания — 1947. (Так значится на титульном листе книги.) Открывается книжка двумя стихотворениями Андреева — «Робот» и «Голубь мира». Значит, все-таки публиковался Анатолий Иванович! И круг его знакомств стал более или менее ясен. В сборнике печатались поэты Михаил Богаевский, Тамара Величковская, Аглаида Шиманская, Евгений Щербаков и другие — всего четырнадцать участников. Председатель объединения — артистка-любительница Вера Стамболи (1912–1996). Возникло оно в 1946 году как Союз ревнителей искусства и состояло из нескольких «отделов»: литературного, вокально-музыкального, художественного, театрального и научного; проводило литературно-музыкальные вечера. Все эти сведения взяты из русских газет, издававшихся в Париже. Просуществовало объединение три года, предполагало издавать журнал.

Это были послевоенные годы, связанные с приходом новой литературной молодежи. Эти люди остались одни, без всякой надежды, в холодном мире обыденной жизни. Из предисловия к сборнику:

Цель нашего Объединения — познакомить широкую публику с творчеством молодежи, посвятившей себя искусству...

Вот что вспоминала тридцать с лишним лет спустя участница объединения и один из авторов сборника Тамара Величковская:

По инициативе Веры Стамболи возник маленький кружок начинающих поэтов, куда была приглашена и я. Так как комната Веры оказалась недостаточно вместительной, мы собирались в продуктовой лавке Стамболи по воскресеньям, после закрытия магазина. Стульев было мало, мы усаживались где придется — на бочках, на ящиках — читали стихи. <...>

В. Стамболи — человек энергичный. Она сумела заинтересовать нашим начинанием кое-кого из «мэтров», т.е. уже известных литераторов. Они иногда приходили на собрания и относились к нам сочувственно и дружелюбно. Их критика многим из нас помогла. Через несколько месяцев стараниями все той же Веры наш кружок озаменовал свое существо-

вание выпуском маленького сборника стихов (в 1948 г.). Это была очень тощая книжка в голубой обложке с чрезвычайно пышным названием: «Сборник стихов поэтов Объединения молодых деятелей русского искусства и науки». Наука, впрочем, никак не была представлена. Искусство же — довольно неискусными стихами. На пятидесяти девяти страничках уместились образцы творчества четырнадцати «молодых деятелей». Не могу не улыбнуться, вспоминая этот «грех молодости». Но как бы там ни было, все же наши имена впервые появились в печати⁷⁶⁵.

Первой и последней печатной продукцией объединения стал этот сборник. На выход его и откликнулся Андреев своей стихотворно-юмористической зарисовкой.

Но вернемся к разноцветным его тетрадям. Иногда Андреев помещал место и год написания стихотворений: Одесса, 1912, 1913, 1917... (В 1917 году Андреев, как явствует из пометы под стихотворением, принял участие в гонке на шхуне «Чайка» по маршруту Одесса — Очаков.) Обращает на себя внимание то, что в тетрадях нет стихотворений за 1914–1916, 1918–1919 годы. Шли войны, он был участником военных сражений и, видимо, стихов не писал. Только в 1920 году под стихотворением «Эвакуация» появляется запись: «Крым. Пароход “Херсон”». Именно на этом пароходе Андреев уплывал в эмиграцию. И несколько по-иному он посмотрел на этот исход:

Голодные дети рыдают,
Не может утешить их мать.
Баюкает, нежит, ласкает,
А в мыслях: отца б отыскать.

На суше оставшийся папа
Детишек родимых зовет,
А смерти кровавая лапа
Влачит его в свой хоровод.

В 1921–1925 годы он жил в Белграде, а затем переселился во Францию, обосновался в Париже.

В здешнем литературном мире он считался поэтом, подававшим надежды, но это было потом, позже, в 1940–50-х годах. Однако ни славы, ни признания он так и не добился. Как тут не вспомнить слова Писарева: «Таланты утрачиваются от недостатка упражнения и от натиска времени»⁷⁶⁶. Быть бы ему социальным поэтом, писать сатиры, но глубокая борозда перепаханного революционного века уводила его от творчества.

Надо было работать. Молодые литераторы вели как бы двойную жизнь. Кто-то работал шофером, кто-то мыл окна, кто-то работал маляром... Но в свободные часы писали стихи, рассказы, повести. День и

ночь он, как и сотни соотечественников, крутил баранку автомобиля, колесил по Парижу, добывая средства на пропитание. Прежде надо было получить вид на жительство, пройти строгое медицинское обследование, сдать экзамен на водительские права. И все-таки профессия таксиста давала определенную независимость и право на членство в Союзе шоферов, что обеспечивало хоть какую-то социальную защиту.

Как видно из его тетрадей, он жил в XV округе Парижа. Последний его адрес: улица Жака Мава, дом 2 (2, rue Jacques Mawas). Именно здесь, по соседству с гаражами и автозаводом, в дешевых меблированных комнатах жили русские шоферы. В этом же районе находилось и шоферское бистро.

Жизнь шофера-эмигранта не оставляла времени для творчества. Рвались литературные связи, Анатолий Иванович постепенно растерял друзей из Объединения поэтов. Он был трижды женат. Последняя жена, француженка Шарлотта Иевиль, умерла раньше его.

Память избирательна... Лидия Александровна Успенская, жительница Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа, вспоминала, что в ранние часы она часто видела одинокого человека в храме Трех Святителей, что недалеко от дома Андреева, на улице Петель, где настоятелем был тогда отец Александр Туринцев. Коротко помолившись, человек уходил. Может быть, по предположению Лидии Александровны, он так торопился, потому что работал таксистом.

Весной 1964 года он лежал в госпитале, где ему оперировали колено. Операция длилась несколько часов, после нее он уже не мог работать шофером. Наступило одиночество. Андреев пытался спастись от него, вновь завязать какие-то дружеские связи, но даже получение французского гражданства не помогло ему влиться в чужой мир.

Жизнь тем временем шла своим чередом. В последние годы Анатолий Иванович часто хворал... Шел 1976 год. Была зима. Холодно. К отцу Александру Туринцеву пришли несколько шоферов такси с просьбой организовать по православному обряду похороны своего коллеги, пообещав внести для этого небольшую сумму. Вскоре они пришли, чтобы уточнить час отпевания, но их товарищ собранные деньги не принес. И все же отпевание состоялось. А когда вечером все пришли на поминки в небольшое кафе, вдруг сквозь запотевшее окно собравшиеся увидели лицо человека, присвоившего деньги. Сначала они закричали: «Уходи! Уходи!.. Ты пропил покойника!..» Но в день похорон прощаются грехи. Таксисты простили своего непутевого приятеля, и он присоединился к ним.

Эту историю мне поведал сын отца Александра — Александр Александрович Туринцев. Он не смог назвать фамилию умершего таксиста. Но слишком много совпадений! Улица, где жил Андреев, находится недалеко от храма Трех Святителей. Наталья Львовна Майданович была дружна со старшим Туринцевым. В личной библиотеке отца Александра был тот самый сборник со стихами Андреева. И еще одно свидетельство. В одной из тетрадей Андреева есть стихи, посвященные отцу Александру. Там есть такие строки:

Отцу Александру

Перед нами книги, лампы — свечи,
Шум утихает городской...
Стихов созвучье, тайна речи
И слов, и мыслей светлый рой.

Вот мы вдвоем. Ночь наступила,
Но светит нам нездешний свет,
И воскресает то, что было,
И времени как будто нет.

Когда в простых словах ребенок
Запечатлел душевный стон,
Свидетель крови, мук, воронок,
То стих не стих — набатный звон.

Набату этому внимаем,
Порой слеза украсит глаз.
Мы вместе с теми умирали
За Родину, и много раз.

Мы там душой, у Ленинграда,
И роем мы окопов сеть.
Как там — не жизнь, а смерть — отрада,
Но права нет нам умереть.

И все это происходило, так сказать, на одном пяточке. Сообщения о кончине А.И. Андреева в газетах не было.

Вот и закончились земные странствия поэта и таксиста Анатолия Ивановича Андреева. Казалось бы, все уходит в прошлое. Даже в биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000» (М., 2008) ему не нашлось места. Однако появляются свидетельства, которые прибавляют новые штрихи к портрету этого человека.

Спустя года четыре после смерти Н.Л. Майданович мне подарили несколько поэтических сборников. Каковы повороты собирательской

судьбы! Можно было ожидать чего угодно, но то, что это окажутся книги, принадлежавшие Андрееву, я, честно говоря, совершенно не ожидал. Но именно об этом свидетельствовали дарственные надписи.

Поэт и редактор «Сборника стихов поэтов...» 1947 года Евгений Щербаков написал на книжке своих стихотворений «Свет и камень» (Париж, 1951):

Дорогим Софии Николаевне и Анатолию Ивановичу на добрую память. Е. Щербаков. 17.3.51

Поэтесса Тамара Величковская на своей книге «Белый посох» (1952) сделала такую запись:

Милому Анатолию Ивановичу в знак искренней симпатии от автора. 22/2-59. Париж

Известный поэт эмиграции, председатель парижского Союза молодых поэтов и писателей В. Смоленский дарит свое «Собрание стихотворений» (1957) с такими словами:

Дорогому поэту Анатолию Ивановичу на долгую память. Вл. Смоленский. Париж. 1961

А вот изящный автограф вдовы поэта Георгия Иванова, поэтессы и писательницы Ирины Одоевцевой на ее книге «Десять лет» (1961):

Анатолию Андрееву
поэту, которого я помню. 21/ IV-61

Стало быть, его любили, помнили, дарили книги и надеялись на ответные чувства. Видимо, он был хорошим человеком. И еще он был поэтом. Его поэтическое наследие не всегда равноценно. Вдали от родной среды его неодолимо тянуло к перу. Духовная жизнь русских людей в эмиграции и, может быть, именно творчество (признанное и непризнанное) позволяли им оставаться русскими.

Ниже публикуются стихотворения А.И. Андреева по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки СТД РФ⁷⁶⁷.

А.И. Андреев

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВЫПУСКА В СВЕТ
«СБОРНИКА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ»

Закипела вдруг работа:
Пишут ночи, дни без меры
Под бичем словесным Веры⁷⁶⁸,
Превратясь в ее рабов.
Сборник наш почти готов.
Звонкой рифмы льются трели.
Трубадуры, менестрели
Все и вся предусмотрели
В достижение своей цели:
Сколько будет в нем страниц,
Сколько вместится в нем лиц,
Толщину, формат, обложку.
Кто даст много, кто немножко.
Много предстоит рогаток:
Франков только на задаток...
Вся надежда на Пегаса,
Что кружка окрепнет касса.
Каждый знает назубок:
Типографьи плати в срок...
Если б вы там побывали,
Миши, Жени, Толи, Вали,
Кобылянский⁷⁶⁹, Оболенский⁷⁷⁰,
Богаевский⁷⁷¹, сам Смоленский⁷⁷²,
Предводитель наших сил,
Много дней нам посвятил;
Бунин⁷⁷³, Зайцев⁷⁷⁴ и Иванов⁷⁷⁵,
Померанцев...⁷⁷⁶ нам диванов
Не хватило и ни кресел.
Адамович⁷⁷⁷ нас всех взвесил

И решил, кого вперед,
Кто Федот, а кто не тот,
Кто не пьет, а кто льет пот...
Помогал ему в том рьяно
Скромный мэтр Терапиано⁷⁷⁸.
Мы ж рассыпались в стихах
Конкуренции на страх.
Верили, что ждет нас масса
Как ниспосланных Парнаса
Утолить духовный глад,
Облегчить житейский ад.
Лично я отлично вижу:
Не хватает нас Парижу.
Раз Парижу, значит, свету
(Много нужно ли поэту?!)
Вижу я, как на экране,
Дома, в парке, в ресторане
(Я излишеств не поборник)
Носом все уткнулись в сборник,
Позабывши о делах.
Все витают в облаках.
Дочки, папы и мамыши,
Все читают вирши наши...
Вижу я, о удивленье!
С лиц сбегает озлобленье
(Видно, сборник наш находка),
Тверже сделалась походка,
Жест изящней, талья гибкой,
Лица светятся улыбкой.
И, клянусь, друзья, не сон,
Чаще слышится — «пардон».
Критики, поспорив рьяно,
Гингер⁷⁷⁹ и Терапиано,
Адамович, наконец,
Преподносят нам венец —
Поэтичности признание.
Нос щекочет запах лавра,
Критик, зная, не «злая Мавра»,
Черве гложет тут сознание:

Сей венец не станет скоро
Неким яблоком раздора?!
Посудите сами строго:
Он один, а нас так много:
Щербаков поэт Евгений⁷⁸⁰,
Второй план, и без сомнений,
Величковская⁷⁸¹ с Кибелой⁷⁸²
В тунике из шерсти белой.
Едет В.М. Богаевский,
Доброхотов⁷⁸³, Оболенский,
Секретов А.⁷⁸⁴ и так dalje
Без причуд, без аномалий
Поэтический народ,
Все за венчиком вперед!

1947

МАМЕ

Прости меня, моя родная,
За то, что твой последний вздох
К груди твоей припав, рыдая,
Твой бедный сын принять не смог.
<...>
Вдали от родины, в изгнание
Тяжелый крест несет он свой.
В душе, измученной страданьем,
Хранит твой образ дорогой.

1930

* * *

Побьют камнями пророка,
Потом усядутся в кружок
И, пищу отрыгнув глубоко,
Промолвят: «Да, он был пророк...
И не творил, пожалуй, зла.
Да лез он не в свои дела»

1942

* * *

В наш век человек
Что чек.
Часы, цепочка —
Точка.
Нет автомобиля —
Простофия...

1951

* * *

В окопы и во рвы — солдаты,
А на банкеты — депутаты.
Они сплетают ложь и сталь
И совесть отправляют вдаль,
Подальше от светил, во тьму.
Но одного я не пойму,
Как человек под горький плач
Кричит: «Да здравствует палач!»

1960-е

ПЕРЕВОДЫ⁷⁸⁵

Из Омара Хайяма

* * *

Всю жизнь грешим, а наказания не ждем.
Сейчас цветы, вино, любовь, а смерть потом.
Когда почувствуешь холодный ветер смерти,
Укройся покаяния плащом.

* * *

Вперед и ввысь. Там солнца шар.
Магнитом тянет солнечный пожар.

А по дороге пересадка на планетах...
Вот ты приблизился, и нет тебя, лишь пар.

* * *

В саду на ветке соловей.
Развей тоску мою, развей.
Тебе и мне конец, вот — клетка.
В ней петь не будешь... Пой скорей.

* * *

Тоскуешь ты? Пойди в кабак,
В пьянящее вино там переделан знак,
Налей в стакан бесцветное вино,
Закуской выбери табак.

Из Тагора

Пятьдесят лет я блуждал в пустыне жизни,
Чтобы научиться языку человеческого.
Люди звонко цепи свои куют сами,
И почитаемое зло торжествует над вами.

* * *

Молю, Господи, в маленькое ведерко души моей
Воду Твоей благодати жизненной щедро лей.
Как нищий я хожу от двери к двери
И дружбы подаяния прошу,
Но люди людям — волки, звери,
Пинки их ног в суме ношу.

* * *

Ты плачешь? Перестань. Умчалася гроза,
Блестит алмазом в небе каждая слеза...
Подходит ночь; потушит солнце мира,
Потушит все она... А детские глаза?!

«На роду написано...»:

Елена Александровна Лыжина-Полушина

Есть люди, к которым уже при первой встрече чувствуешь глубокую симпатию. Когда в твоей жизни появляется такой человек, ты еще не знаешь, кем он для тебя станет. И вдруг оказывается, что почти случайное знакомство — одно из интереснейших в твоей жизни. Бывает, всю важность этого события, всю значимость этого человека постигаешь, увы, с его потерей, уходит особенный целый мир. К таким людям принадлежала Елена Александровна Лыжина, золовка Павла Лыжина, жена его брата Юрия. Именно поиски архива Павла Лыжина привели меня однажды к этой замечательной женщине.

Несмотря на свой преклонный возраст и тяжелую болезнь, она никогда не говорила о болезнях. И нигде не валялись таблетки — никаких упаковок от лекарств! Могла вдруг сорваться с места и поехать проводить меня в центр Парижа. Могла за ужином выпить бокал вина или рюмку водки. Любила гостей. Любила вкусно накормить их. Сама же очень любила сладкое. В ее хлебосольном доме не было только телевизора, так как не было времени его смотреть.

В каждый свой приезд в Париж я навещал Елену Александровну. Жила она в районе Булони. Наши разговоры о Москве, о театральных премьерах, отдельно — о балете, о книжных новинках, об ее отдыхе в Италии и многом-многом другом так и текли... Елена Александровна умела поддержать удачную шутку и сама легко шутила и иронизировала по какому-нибудь поводу.

В мое первое посещение ее дома Елена Александровна показала мне портрет Павла Лыжина работы Саввы Андреева, сына знаменитого писателя. Мое внимание привлекла фоторепродукция висевшего рядом женского портрета, написанного примерно в середине XIX века. Спрашиваю:

— Кто это?

И получаю неожиданный ответ:

Это портрет моей прабабушки работы Тропинина. Он приезжал к нам домой, в Иваново, писать ее.

— А где же оригинал?

Он висел у нас дома. А после революции попал в Третьяковскую галерею. Когда я приезжала в Москву, то искала этот портрет, но его в Третьяковской галерее уже не было. Не нашла я его и в Музее Тропинина.

— Когда же вы были в Москве?

В первый раз в 1970-е годы. В Москве ведь живут родственники мамино брата. Он был инженером, строил дома, но я боялась встреч с ним, как бы не испортить ему и его семье жизнь.

— А как вы очутились за границей?

Видимо, так было на роду написано, —

начала свое повествование Е.А. Лыжина.

И Елена Александровна, подливая мне чаю в тонкую чашку и подвигая поближе бутерброды и сладкое, рассказала мне свою обыкновенную и невероятную жизнь.

Родилась я в России, в Иванове, в городе, который не для туристов, в ткацком городке. Случилось это в мае 1913 года. Я не помню свой дом. Только помню, что была большая зала, где мы скользили по полу. Там висел портрет моей прабабушки — Киселевой Татьяны Андреевны. Между прочим, я нашла наш дом в Иванове. Теперь в нем мэрия. Мама, урожденная Гандурина, была из семьи фабрикантов. Отец умер, когда мне было два года. Он постарался все предусмотреть. Брат должен был учиться в Оксфорде, а мы с сестрой — в лучших учебных заведениях. Но отец не предвидел революции. Я даже рада, что он не видел ни революции, ни Гражданской войны.

У нас были две ткацкие фабрики и две химические. В Иванове было много рабочих. (Потом я узнала, что у нас на фабриках работало около десяти тысяч человек.)

Помню, начались какие-то события. Мы должны были отправиться в Кисловодск, чтобы переждать эти времена. Когда мы вошли в купе, то там уже сидел красивый офицер. Он сразу уступил нам свое место и перешел в соседнее купе к бабушке. Эта неожиданная встреча закончилась тем, что он стал моим отчимом. Офицер 4-го гвардейского полка Борис Иванович Александров.

В Кисловодске мы жили на очень красивой вилле «Отрада», принадлежавшей семейству Тарасовых. Французский писатель Анри Труайя (Лев Тарасов)²⁸⁶ из этой семьи. У нас были няня и гувернантка-француженка Мари. Гражданская война докатилась и до нас. В город вхо-

дили то белые, то красные. И мы, дети, даже играли в красных и белых. Сестру заставляли быть комиссаром. Страшно подумать, но, подражая взрослым, мы даже «вешали» пленных.

Отчим ушел с белыми. Питались мы скверно. Надо было куда-то уезжать. Вначале уехала наша гувернантка. Мне шел уже шестой год, когда мы сели на пароход. Помню, няня стояла на причале. Я не хотела ехать, плакала. Моя любимая игрушка — обезьянка тоже оставалась в России. Няне оставили деньги, чтобы она нас ждала. Мама говорила, что месяца через три мы вернемся. Но никто из нас не подозревал, что вся наша жизнь пройдет за рубежом.

Итак, мы приехали в Италию. Помню Рим. Он тогда показался мне таким огромным. Чтобы сэкономить, решили не жить в Риме и отправились в Нерли, что недалеко от Генуи. Там поселились в отеле. Сады от отеля спускались прямо к морю.

Я пошла в школу. Быстро научилась говорить по-итальянски. Прожили мы там год. Началось смутное время в связи с приходом к власти Муссолини⁷⁸⁷. Мама сказала, что второй революции она не переживет, и мы переехали в Ниццу. В Ницце были русские рестораны, русская церковь, русская библиотека, русская балетная студия. Нас определили в самые лучшие школы. Я училась в «Эколь де Франс». Нашими воспитателями были монахини, но они ходили в обычной одежде. И тем, что я говорю хорошо по-французски, обязана им.

В это время, в 1923 году, в Ницце открылась балетная студия классического танца Марии Карловны Невельской⁷⁸⁸, балерины Большого театра. В Ницце была еще и балетная школа Юлии Седовой⁷⁸⁹, танцовщицы Мариинского театра. Она организовала студию еще в Риме. Кстати, у Седовой училась жена Игоря Юскевича⁷⁹⁰ — Тина Скарпа (Анна Скарпова)⁷⁹¹, сначала в Риме, потом в Ницце.

Когда я пришла в студию и увидела, как танцевали, то попросила маму позволить нам учиться танцам. Два раза в неделю мы стали посещать балетную студию.

Невельская ставила с ученицами студии маленькие балетные номера. Помню балет «Бабочки», в котором участвовала и я. Нам сделали пачки из бумаги. Каждый год снимался маленький театрик. На эти спектакли приглашались родители, знакомые, которые с восторгом принимали представления. В один такой день, в декабре 1926 года, в театре были показаны одноактные балеты «Зачарованный лес», «При лунном свете», «Пленница». Ирина Щербачева⁷⁹² и я танцевали в одном из балетов.

Мы уже учились в студии год, когда маму вызвали в школу и заявили, что не могут допустить, чтобы их ученицы танцевали на сцене. И надо выбирать: или школа, или студия. На что мама сказала: «Мои дочери действительно занимаются танцами, но это делается для правильной осанки, для гимнастики».

Тогда же нас с сестрой перевели в другую школу. И мы продолжали посещать студию. Но в это время в нашей семье произошел крах.

Шведский банк, куда старший брат папы, мой опекун, еще находясь в России, поместил деньги, прогорел. Мне было тогда четырнадцать лет.

Мама не могла больше платить за учебу. Тогда она, взяв десять уроков кройки, решила завести свое дело. Купила лавку, где разместился бутик, и стала ждать клиентов. Мы все надеялись, что будем нормально безбедно жить. Мы, дети, приходили к маме в мастерскую, пили чай с булочками — круасанами, которые приносили знакомые. (К сожалению, когда был хороший покупатель и предлагал двадцать пять тысяч франков, мама отказалась продать бутик. Кончилось тем, что бутик продали за гроши.)

Семья наша жила в Ницце в «доме с привидениями». В нем все боялись жить, так как три русских студента там покончили с собой. Этот дом находился на бульваре Цесаревича, напротив русского православного собора Святого Николая. Мы уже не могли платить за жилье, и все наше имущество было продано с молотка. Сестра пошла туда, где продавали наши вещи, а я осталась дома с котом. Когда рабочие выносили вещи из дома, кот бросался на них, защищая каждый родной предмет.

Мы переехали в Париж, где мамин брат работал на кинофабрике. Сестру взяли в хорошую танцевальную труппу, а меня не взяли. Надо было зарабатывать на жизнь. Дядюшка приносил карточки, на которых надо было писать текст, титры к фильмам, а наутро сдавать работу. Тогда я впервые встретила с Юрием Лыжиным⁷⁹³, своим будущим мужем. Он тоже работал в конторе кинофабрики.

Полтора года я занималась у Кшесинской⁷⁹⁴. Лифарь⁷⁹⁵ говорил ей: «Не смей умирать раньше ста лет!» И она немного не дотянула до своего юбилея. У Кшесинской был сын⁷⁹⁶, очаровательный молодой человек. Лифарь увел от него невесту и женился на ней. После этого Кшесинская заявила ему: «Чтобы к гробу моему не подходил». И когда хоронили Кшесинскую, я присутствовала при этом в соборе на рю Дарю, так первым ее гроб нес Лифарь. Теперь все они: и Кшесинская, и ее сын, и Лифарь лежат на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Так случилось, что, когда балетная труппа Алисы Вронской⁷⁹⁷ должна была отправляться в Бельгию, три балерины отказались от поездки. К слову, помню, что Женя Деларова⁷⁹⁸ была влюблена в Леонида Мясина⁷⁹⁹ (в 1928 году они поженились). У Зины Аренской⁸⁰⁰ тоже был роман...

Со мной репетировали каждый день. Но я и так знала, что делать на сцене, потому что смотрела спектакли почти каждый день.

В первый раз тогда я получила нансеновский паспорт, который ничего не давал. И в первые же дни я потеряла сумку со всеми документами, в том числе и нансеновский паспорт.

Из Бельгии я вернулась в Париж. Ляля Гржебина⁸⁰¹, одна из трех дочерей издателя Зиновия Гржебина⁸⁰², самая красивая, посоветовала мне позаниматься у Ольги Иосифовны Преображенской⁸⁰³, балери-

ны Мариинского театра, выдающегося педагога. У нее учились Тамара Туманова⁸⁰⁴, Ирина Баронова⁸⁰⁵, Тамара Чинарова⁸⁰⁶, Наташа Дьяконова⁸⁰⁷ и другие. К Преображенской приходили смотреть и отбивать танцовщиц.

В 1929 году Саша Гитри⁸⁰⁸, как вы знаете, французский артист и режиссер, уроженец Петербурга, начинал тогда работу над спектаклем «История Франции». Был приглашен балетмейстер из Гранд-опера, кажется Лео Стаатс⁸⁰⁹. Он брал только русских танцовщиц. На все вопросы отвечал: «Они умеют танцевать». Была приглашена для участия в этом спектакле и я. Так в шестнадцать лет я подписала свой первый контракт. Я уже могла платить за уроки. Преображенская была строгой преподавательницей, как в танцах, так и в жизни. Помню, как она прямо сказала какой-то англичанке, посмотрев ее: «Вы можете жить, не танцуя». Одна из моих подруг по студии, Ирина Билих⁸¹⁰, не прошла конкурс. Вскоре она поехала в Америку, вышла там замуж, развелась, потом вернулась в Париж и здесь еще раз вышла замуж. Сейчас она лежит в больнице. Я ей приношу книги. Она уже прочла всего Пушкина, Лермонтова. Теперь читает «Войну и мир». В восторге от прочитанного.

В году 1933-м была организована балетная труппа под руководством Антона Долина⁸¹¹ и Екатерины Комаровой⁸¹². Пришли в студию Преображенской для отбора балерин. Взяли Нину Шаталову⁸¹³, с которой я подружилась еще в труппе Алисы Вронской, и меня. Платили нам хорошо. В день было четыре спектакля в «Олимпии», где шли кинофильмы. Репетиции начинались в девять, и мы должны были вставать в шесть часов утра, чтобы не опаздывать. Если кто-то был болен, то ему не платили. Программы часто менялись. Ольга Горюхенко⁸¹⁴ ушла и уехала в Америку.

В 1933 году Ида Рубинштейн⁸¹⁵ решила собрать свою труппу для балета-пантомимы «Семирамида»⁸¹⁶ композитора А. Онеггера по мотивам трагедии Вольтера, либретто — П. Валери. Она хотела, как Дягилев, каждый сезон открывать новыми постановками режиссеров. Ее окружала роскошь. Ее балеты должны были поразить воображение зрителей. Это для нее Равель написал «Болеро»⁸¹⁷. Она выписала из Америки для своих постановок Михаила Фокина⁸¹⁸. Фокин ставил, в частности, балет «Семирамида». Он находил такие группы, такие движения, что диву даешься. Фокин был гений. Мы должны были изображать свиту, прислужников, воинов. Фокин показывал нам такие движения, что болели все мышцы. После первых репетиций мы не могли ходить. Даже Игорь Стравинский⁸¹⁹ дирижировал у Рубинштейн на премьерах своих балетов.

Фокин ставил еще балет «Диана де Пуатье»⁸²⁰ на музыку Ж. Ибера, Бронислава Нижинская⁸²¹ — «Поцелуй феи»⁸²² И. Стравинского. Другой балетмейстер, Курт Йосс⁸²³, осуществлял постановку «Персефоны»⁸²⁴ И. Стравинского по мотивам древнегреческой мифологии, либретто Андре Жиды и И. Стравинского.

С Идой Рубинштейн работала Преображенская. Ольга Иосифовна, учитывая индивидуальность каждого, показывала нам движения. Мы репетировали семь месяцев. Чудесные декорации написал Александр Яковлев⁸²⁵, дядя Татьяны Яковлевой⁸²⁶, известной по связи с Маяковским. Рубинштейн следила за всем. Да, в ее труппе была и Нина Тихонова⁸²⁷.

Сначала выступали в Парижской опере, потом в Бельгии.

Когда я была в Лувре, то нашла картины, которые подсказали Фокину решение постановок балетов.

К слову, два года тому назад я была на конкурсе танца. Вдруг слышу, кто-то зовет меня: «Елинька...» Оборачиваюсь и вижу перед собой такого толстого бородатого мужчину. И не могу узнать, хотя так ко мне обращались только близкие знакомые. Это оказался Юра Зорич⁸²⁸.

«Ты знаешь, — сказал он, — мне твой адрес дала Нина Юшкевич...⁸²⁹ Правда, мы давно не танцоры, а история. С нами делают теперь только репортажи».

Продолжу свой рассказ. В 1938 году Ида Рубинштейн решила возобновить спектакли и позвала всех участников. Мы должны были ехать в Венецию. Это было перед войной. Оттуда вернулся секретарь Иды Рубинштейн и сказал, что сцена на один метр короче, чем надо. Под этим предлогом было принято решение не ехать на гастроли в Италию. Рубинштейн сказала: «Раз декорации велики для венецианского театра, то портить их не будем». Теперь они хранятся в Гранд-опера. Так гастроли не состоялись. Но всем, кто должен был ехать, Рубинштейн выдала по десять тысяч франков.

Конец 1934-го и самое начало 1935-го принесли еще одну приятную неожиданность. С моей подругой Ниной Шаталовой мы решили сделать номер. В основном «стажили» все движения у Фокина из балетов «Вальс», «Болеро» на музыку М. Равеля, что он ставил в труппе Иды Рубинштейн. С этим номером нас пригласили выступать в казино, где нас увидел Леон Войцеховский⁸³⁰ со своей женой Ниной Равеской⁸³¹. Он считался одним из лучших характерных танцовщиков. Танцевал он в балетах Фокина, Мясина. Войцеховский отправлялся в Италию, где в Неаполе в театре Сан-Карло должен был поставить «Половецкие пляски» для оперы Бородина «Князь Игорь». В опере должен был быть Шаляпин⁸³². Федор Иванович пел по-русски. В начале оперы он был Владимиром Галицким, затем во втором акте выходил ханом Кончаком. Это было такое перевоплощение, что его не узнавали! В итальянских газетах писали: «Шаляпин — русский экстаз». По приглашению Войцеховского в этом спектакле (их было всего четыре) приняли участие и мы. Отправились поездом, но на границе нас задержали, так как у нас были нансеновские паспорта. Правда, через день благодаря хлопотам Войцеховского визы нам дали.

Сергей Унгер⁸³³, Михаил Федоров⁸³⁴, еще кто-то и я решили заехать в Рим. На автобусе проехали по городу. А в Сан-Карло сказали заведующему труппой, что на ближайший поезд не попали и поэтому задер-

жались. Заведующий труппой позвонил на вокзал, узнал, что мы уехали вовремя. Был скандал.

Однако спектакль прошел блестяще. Это было счастье. Три недели мы жили с Шаляпиным в одном отеле. Он приглашал нас на чай. Шаляпин был с нами очень мил и даже танцевал с нами. Но мы предпочитали танцевать с офицерами.

После этого Войцеховский решил собрать собственную труппу. Поехали в Лондон, имели успех. После двух лондонских месяцев переехали в Германию, потом в Испанию и вернулись в Канн. Войцеховский отправился в казино и все деньги труппы проиграл. Мы остались без гроша. Мы ездили по маленьким городам, пока не попали в Экс-ан-Прованс, где нас нашел посланец Базиля⁸³⁵.

Импресарио Василий Григорьевич Воскресенский, известный как полковник де Базиль, распорядился всем танцовщицам выдавать по десять франков в день. Кстати, у него начинал свою карьеру Игорь Юскевич. (Его мать настаивала на написании его фамилии через букву «с», а не «ш»). Это был замечательный танцовщик. Юскевич был лучшим исполнителем партии в балете «Видение розы»⁸³⁶ К. Вебера, лучше, чем Нуриев⁸³⁷. Игорю было двадцать четыре года. У него была страсть — карты, даже перед выходом на сцену играл. Умер он в Америке лет семь тому назад.

Заложив свои вещи, я поехала в Ниццу. Базиль купил нас и, подписав контракт, мы отправились после Парижа в Лондон. В Лондоне работал Леонид Мясин. Он, даже не видя нас на сцене, уже сочинил все в голове, увидел групповые построения, смену картин. Я спросила Войцеховского: «Как же это так? Кто будет исполнять какие вариации, номера?»

«Не беспокойся, — ответил Леон. — Все будет так, как надо». Мясин был требовательным, строгим хореографом. Какая у него была фантазия. Он хорошо знал мировое искусство и сочинял свои балеты, ориентируясь на фрески и скульптуры.

Потом мы отправились в Австралию. До нас там гастролировала только Анна Павлова⁸³⁸. Мы показали тридцать два спектакля! Были мясинские постановки и Войцеховского — «Петрушка», «Сильфида». Каждую неделю публика заполняла залы. Когда мы вернулись во Францию, то труппа распалась, а вскоре Войцеховский уехал в Польшу.

В Новой Зеландии, где мы выступали после Австралии, после окончания спектакля к нам за кулисы пришел русский господин. «Я полковник Шебалин⁸³⁹, — представился он. — Приезжайте ко мне на ферму “Волюк”». И вот однажды мы наняли машину и отправились к нему на ферму. Оказывается, этот полковник приехал сюда сразу из Константинополя без денег. Он стал работать на ферме, скопил денег и потом выкупил эту ферму, которую обслуживал один. Кругом все было электрифицировано, даже дойка коров. «Не могу спать в одной комнате с кем-то, даже завтракать за одним столом», — признался он.

Однако перед самой войной он написал мне письмо с приглашением к себе нескольких человек, так как считал, что в Европе будет ужасно. Моя подруга Ирина Билик уехала в Америку. Все, у кого были нормальные паспорта, а не нансеновские, постарались куда-то уехать из Парижа. В конце 1939 года, уже когда началась война, вновь я встретилась со своим будущим мужем — Юрием Лыжиным. Я что-то должна была купить, и он подошел ко мне. Мы разговорились. Вспомнили, что когда-то работали вместе в синема. Поженились мы только в 1941 году. Сыграли свадьбу... Вот так и закончилась моя карьера танцовщицы.

Правда, мы с моей приятельницей Ксенией Триполитовой⁸⁴⁰ еще выступали. Муж из-за болезни стал преподавать немецкий и французский языки, а я пошла в коммерцию.

Только после смерти мужа в 1964 году (у него был туберкулез) я получила французское гражданство. Мне было уже за пятьдесят. Когда парижские чиновники приходили с проверкой, то обратили внимание на то, что у нас много книг на иностранных языках — русском, немецком, итальянском. Я объяснила им, что муж преподавал языки, что я живу во Франции уже сорок лет. И если мне откажут в гражданстве, — что ж, я только не буду голосовать, а так я себя хорошо чувствую во Франции. Вскоре мне дали французский паспорт. Вот так я, русская, стала жить с французским паспортом.

Мне осталось только добавить к этому рассказу, что Елена Александровна Лыжина (урожденная Полушина) скончалась после тяжелой болезни в парижской больнице 21 февраля 2004 года.

«Этуаль Гранд-опера»:

Нина Владимировна Вырубова

С конца 1920-х годов новое молодое поколение русских танцовщиков и танцовщиц, до сей поры еще почти никому не известное, начинает играть заметную роль в искусстве балета, и не только в России, но и в других странах. Словно подхватив эстафету блестящего поколения императорского балета и звезд «Русских сезонов» за рубежом, засверкали имена Г. Улановой, М. Семеновой, Т. Вечесловой, К. Сергеева, В. Преображенского, С. Кореня, Т. Тумановой, И. Бароновой, Т. Рябушинской, Ю. Алгарова, Ж. Скибина, И. Юскевича и др.

Поколение, выросшее между двумя войнами, было богато талантами. Но и среди этих талантов дарование Нины Вырубовой выделялось. О Вырубовой можно говорить как об одной из первых французских балетных звезд русского происхождения. Она была подлинной «этуаль Гранд-опера», как назвал ее знаменитый Серж Лифарь. В своих мемуарах он писал:

Сразу же после отъезда Шовире в 1949 году я открыл юную танцовщицу русской парижской школы Нину Вырубову. Она с блеском заменила французскую приму и в течение семи лет оставалась несравненной балериной, прекрасной и незабываемой, как в «Миражах», так и в «Жизели»⁸⁴¹.

Выдающийся танцовщик эпохи «Балле рюс» Юрий Зорич свидетельствовал:

Редко, когда танцовщица, выученная вне стен Оперы, могла быть ангажирована и выдвинута, но Вырубова была «звездой» Парижской оперы⁸⁴²,

Искусству танца Нина Вырубова училась у Ольги Иосифовны Преображенской, Веры Александровны Трефиловой, Любви Николаевны Егоровой, Виктора Ивановича Гзовского. В ноябре 1937 года (в Канне, Нормандия) состоялся дебют Вырубовой в партии Сванильды в балете «Коппелия» Л. Делиба. В 1938 году она танцует в Лондоне в

спектаклях балиевской «Летучей мыши». В 1939 году Вырубова возвращается в Париж. В 1940 году она уже в труппе парижского Русского балета, затем с 1944 года танцует в Театре Елисейских Полей.

Ее первое выступление состоялось в организованной Ирэн Лидовой балетной программе в 1944 году, где она выступала с Роланом Пети, который впоследствии поставил для нее балет «Ле Форенс». В 1946 году Нина Вырубова имела огромный успех в «Сильфиде», выступая с труппой в «Балле де Шанз-Элизе»!⁸⁴³

Она была первой исполнительницей главных партий в балетах «Бродячие комедианты» А. Соге в постановке Р. Пети (1945), «Сильфида» Ж. Шнейцхоффера в постановке В. Гзовского (1946), «Фантастическая свадьба» М. Деланнуа в постановке С. Лифаря (1955).

И с 1949 года Нина Вырубова уже «этуаль Гранд-опера». В Гранд-опера она танцует в балетах, поставленных С. Лифарем — «Миражи» А. Соге, «Жизель» А. Адана, «Умиравший лебедь» К. Сен-Санса (1950), «Белоснежка» М. Ивема (1951), «Вариации» на музыку Ф. Шуберта (1953), «Федра» Ж. Орика, «Жар-птица» И. Стравинского (1954). Наследница русской балетной школы, с наибольшим успехом Нина Вырубова выступала в лирических партиях. Вот еще одно свидетельство Лифаря:

Нина Вырубова божественно танцевала Жизель, стала великолепной Тенью в «Миражах»⁸⁴⁴.

Худенькая, легкая, она удивительно сочетала в себе природные данные классической балерины с темпераментом характерной танцовщицы. По признанию очевидцев, она была одной из самых ярких балерин своего поколения.

Однако в результате интриг администратора театра Жоржа Ирша первая танцовщица Гранд-опера Нина Вырубова в 1956 году была уволена «без какой бы то ни было компенсации, тогда как ей оставалось всего три года до пенсии»⁸⁴⁵.

С 1957 по 1961 год Вырубова танцует в труппе «Гран балле» маркиза Жоржа де Куэваса. В 1957 году она получает премию Анны Павловой Парижской академии танца.

Ощущение радости — вот что, по воспоминаниям современников, дарило зрителям каждое выступление Нины Вырубовой, продолжательницы лучших традиций русской школы.

Балеты, в которых танцевала Нина Вырубова, — «Апполон Мусaget» И. Стравинского (хореограф С. Лифарь, 1956), «Любовь и ее судьба» на музыку П. Чайковского (хореограф Д. Парлич, 1957), «Смерть

Нарцисса» К. Потье (хореограф С. Головин, 1957), «Абракас» В. Эгка (хореограф П. ван Дийк, 1958) и другие — увидели свет рампы многих музыкальных театров Франции, Италии, Америки, Австрии.

Увы, русский зритель так и не увидел ее...

Покинув в середине 1960-х сцену, Вырубова стала преподавать в своей студии в Канне, затем — в Париже, открыв в зале «Плейель» балетную школу.

* * *

...Это было какое-то наваждение. Имя Нины Вырубовой словно преследовало меня. Оно постоянно возникало в моих парижских разговорах с балетным критиком Ирэн Лидовой, с балериной Ниной Александровной Тихоновой, с танцовщицей Еленой Александровной Лыжиной (Е.А. Лыжина подарила мне книгу Жана Лорена о Вырубовой с ее дарственной надписью: «Дорогой Еленьке на добрую память о всем прошлом. Нина Вырубова. 1987»). Даже в квартире протоиерея храма Трех Святителей отца Александра Туринцева висела подаренная ему фотография Нины Вырубовой. Нет, решительно какая-то магия была в этом имени.

И вот однажды, буквально накануне моего отъезда из Парижа (куда я ездил за библиотекой А.А. Туринцева в 2001 году) раздался телефонный звонок. Я услышал голос Елены Александровны:

Завтра 1 августа в четыре часа мы с Ниной Вырубовой ждем вас. Увидимся в кафе-кондитерской... напротив ее дома на улице Мие (Millet), недалеко от метро «Эколь Милитер». Не опаздывайте...

Я не буду описывать свои тогдашние чувства... Я просто воспроизведу свою беседу с Ниной Вырубовой. Я попросил у нее разрешения записать наш разговор: память ненадежный хранитель эмоций и интонаций. Она легко согласилась. И беседа наша была по-французски легкой, хотя вместила в себя целую долгую жизнь, яркую, творческую, но совсем не легкую. Жизнь в чужой стране, где она не только стала своей, но где она стала первой русской звездой Гранд-опера.

Раньше назначенного часа я пришел на встречу, но меня уже ждали. Елена Александровна представила меня Нине Вырубовой, и мы отправились в маленькое кафе напротив дома, в котором жила балерина. Здесь Вырубову хорошо знали. Расположились за столиком, заказали кофе и минеральную воду, началась наша беседа. Запись ее приводится ниже.

— Простите, вы ведь знаете, что у русских принято обращаться по имени-отчеству...

Моего отца звали Владимиром, Владимир Вырубов. Я родилась в Гурзуфе в 1921 году. Когда несколько лет тому назад после долгих лет в первый раз я поехала в Крым, в Гурзуф, — во мне все перевернулось. Я нашла и увидела свой дом, дом, где я родилась. Погладила, поцеловала стены... Еще дедушка Ле Дантю (со стороны матери) построил эту дачу, а дедушка жил в Петербурге. В Гурзуфе жили мои родители, бабушка... Отец был убит шальной пулей. Тяжелый период мы прожили тогда... Мне было только три с половиной года, когда я с мамой покинула наш дом. Сначала была Москва, потом добрались до Риги, оттуда до Бельгии, и наконец в ноябре 1924 года — Париж. Поселились мы в Отее, а через некоторое время переехали в Медон, где я училась в частной школе.

— Нина Владимировна, вы в историю балета вошли как французская балерина. А кто были ваши учителя?

...Когда русские меня видели, они говорили: «Вы танцуете, так же как и мы. Ниночка, вы из Мариинки...» Преображенская⁸⁴⁶, Трефилова⁸⁴⁷, Егорова⁸⁴⁸. Это — мои учителя, профессора балета.

Я начала заниматься балетом в девять лет с мамой, которая училась у Ольги Иосифовны Преображенской. Когда мама как следует подготовила меня, то отправила к Ольге Иосифовне. Потом от очень жесткой, как мне казалось, Ольги Иосифовны я ушла к Вере Александровне Трефиловой. Трефилова была полной противоположностью Преображенской. У Веры Александровны были замечательные руки. И уже когда я поступила в Опера, занималась у Любови Николаевны Егоровой. Утром, когда еще не начиналась репетиция в театре, я ехала к Любови Николаевне. Так я с ней работала шесть лет. Это было замечательный, но тяжелый класс.

Но конечно Любовь Николаевна была просто ангел по сравнению с Ольгой Иосифовной. Ольга Иосифовна так орала, а потом еще подойдет и как дернет за волосы! В начале я ее просто не переносила. Я брала у нее урок, а потом целую неделю редела.

И она со мной так обращалась до того времени, пока не пошла на «мой» спектакль. Во время войны шел сборный балетный спектакль Русского балета в Париже в зале «Плейель». В том спектакле я танцевала в начале в «Сильфиде»⁸⁴⁹, а заканчивала в «Половецких плясках»⁸⁵⁰. Ну вот, балет закончился, мама и Ольга Иосифовна вышли из зала, и мама зовет меня... Чтобы не заставлять их ждать, бегу. Что Ольга Иосифовна скажет?! И представьте, Ольге Иосифовне очень понравилось.

Теперь и я понимаю, Ольга Иосифовна была личностью незаурядной, замечательный человек, умница. Она поняла: то, что дала мне Трефилова, ни у кого я не могла бы получить. Никто другой не дал бы

мне осанку, манеру держать голову, пластику рук, гармонию движений... Таких танцовщиц дягилевской эпохи в Париже больше не было. Вот Ольга Иосифовна и сказала мне тогда после спектакля: «Знаешь, деточка, у нас в начале что-то не получалось, но ты ко мне приходи. Стычек не будет больше у нас...»

И действительно. Теперь я слышала от нее: «Ниночка, хорошо, хорошо. Вот это еще лучше. Ну, хорошо, приступим к чему-нибудь другому». Так поменялся тон наших занятий и тон наших отношений. Вот это кольцо, что я ношу, Ольга Иосифовна подарила мне, когда я выходила замуж. Потом она подарила мне маленького египетского скарабейчика, но он был из дерева и со временем разрушился, превратился в пудру.

Когда я поступила в Опера, я должна была танцевать «Лебединое». Думаю: «Лебединое», «Лебединое»... «Сильфиду» — это возможно, а вот «Лебединое» трудно. В Опера шел тогда только второй акт «Лебединоного». Пошла к Ольге Иосифовне за советом. Послушала, посмотрела. Думаю, если я так буду танцевать, как видит Ольга Иосифовна, то меня просто выкинут из театра. Нет, это не стиль «Лебединоного».

Мне было тогда двадцать четыре года. В то время я Любовь Николаевну (Егорову. — В.Н.) еще не знала. Познакомилась только тогда, когда поступила в Опера. Спросила у Лифаря⁸⁵¹, — у кого мне позаниматься? «Пойди к Любочке» — был ответ. «Простите, это кто?..» Вот тогда я и узнала, что Любочка — это, оказывается, знаменитая Любовь Николаевна Егорова. Лифарь всех своих великих балерин называл: «Любочка», «Матильдочка»...

Мы подружились с Любовью Николаевной. Я к ней относилась как к матери. Она исключительный человек была! Когда я решила покинуть сцену, кончить свою балетную карьеру, Любовь Николаевна была против, даже рассердилась на меня. Среди профессоров, с которыми я работала, она одна умела так объяснить, что вам больше и не надо было. Все ждали, что она скажет. И — закрой глаза и делай. Но хореографом она не была. Я с мамой видела ее спектакль. Это было по-любительски, непрофессионально.

— Ваше становление как балерины приходилось на годы войны, на годы оккупации Франции немцами. Как вы это пережили?

Тяжело было. Тогда мы с мамой говорили: зачем мы сюда приехали! Вторую революцию перенести? Остались бы в России, может быть, было бы лучше? Танцевала тогда в кабаре в группе мадам Кирста⁸⁵². Танцы ставил Гзовский⁸⁵³. Кабаре было французским, а публика — немецкая. Когда немцы вошли в Париж в сороковом году, наша группа распалась.

Меня и Володю Игнатову⁸⁵⁴, моего первого мужа, хорошего характерного танцовщика, немцы пригласили приехать в Берлин. «Лучше так: два-три месяца у вас работаю, потом два-три месяца во Франции», — сказала я. А сама думаю: «Отстаньте от меня». Немцы согла-

сились. Как это мне тогда в голову пришло? Четыре месяца гастролировали в Германии, а потом возвращались в Париж. Так я и осталась в Париже. Работала в «Русском балете»⁸⁵⁵ (директор Е.Н. Арцюн).

— С кем вы работали, с кем вам довелось встречаться?

Я имела честь работать с балеринами, которые были старше и профессиональней меня. У них я училась, напивалась. Они все были индивидуальности. Из молодежи ни с кем не перепутаешь Лиан Дейде⁸⁵⁶. Величайшая танцовщица. А как я любила смотреть Моник Лудьер!⁸⁵⁷ В «Жизели» она хороша.

Моим партнером в «Сильфиде» был Юлий Алгаров⁸⁵⁸. Он тоже родился в Крыму, в Симферополе. С ним я танцевала и в балете Стравинского «Поцелуй феи»⁸⁵⁹, поставленном Лифарем. Для меня Лифарь — лучший партнер и лучший хореограф. Он, как скульптор, создавал по мне роли. У меня сохранились тетради с записями его хореографии. Иногда наши репетиции начинались утром, а заканчивались ночью. Эти годы работы с Лифарем — половина моей артистической карьеры.

Судьба свела меня с Жаном Бабиле⁸⁶⁰: он сделает такой маленький прыжок... Хлоп! И он уже на столе или на рояле. Мы ему аплодировали. Как в свое время был Нижинский⁸⁶¹, такой был и Бабиле. Просто у него (есть такое выражение) «не все были дома» или слишком много. К сожалению, большой карьеры он не сделал.

Я танцевала в балетах, поставленных Сержем Лифарем, — в «Миражах», «Федре», «Белоснежке»... Он был моим партнером в «Ромео и Джульете», например.

И вообще моими партнерами были замечательные танцовщики: Мишель Рено⁸⁶², Петер ван Дийк⁸⁶³, Ролан Пети⁸⁶⁴, Серж Головин⁸⁶⁵. Кстати, я была первой исполнительницей у Пети в его балете «Бродячие комедианты»⁸⁶⁶, в том, что он поставил с труппой Балета Елисейских Полей.

— Нина Владимировна, если мне не изменяет память, то вашим партнером был Нуриев.

Да... Я называла его мой Принц. Впервые я увидела его во время гастролей Кировского театра в Париже. Но буквально дня через три, как он решил остаться за границей, Нуриев⁸⁶⁷ появился в труппе маркиза де Куэваса⁸⁶⁸. И так случилось, что я репетировала с ним «Спящую красавицу». С тех пор он и стал моим Принцем.

— Парижская пресса много писала о дуэли Лифаря с маркизом Куэвасом. Что вы об этом думаете?

Да какая это дуэль... Говорили, что маркиз будто ранил Лифаря. Да все это было подстроено, чтобы сделать публикации, рекламу на предстоящий сезон. Они же были друзьями.

— Как вам, русской по рождению, было быть прима-балериной французской сцены? Как этот титул сочетается с вашим характером, с русской природой?

Я никогда не задумывалась... Конечно, быть примой нелегко. Очень-очень ответственно. Раз взялась за что-то, надо сделать это прекрасно! Я русская, а чтобы иностранка заняла первое место в Гранд-опера — это было тогда невероятно! Правда, с французами не всегда было легко. У них другой темперамент, характер, да и школа балетная иная... В Опера прежде всего — кордебалет. Как говорят — длинные языки...

И только тогда, когда я станцевала Жизель (это было в Монте-Карло), лед растаял. Я была принята и публикой, и в театре. Балетная карьера очень трудна. Главное и самое сложное для танцовщиц — разные стили. Каждый балет стилистически самостоятелен. Надо верно войти в стиль балета, который будешь танцевать. И роль надо шлифовать, репетировать, искать, репетировать, все время что-то с ней делать...

— А если, к примеру, вы заболели? То тогда как?

Представьте, целую жизнь прожила и не болела. Правда, теперь вот догоняю, только что встала, долго хворала. Но раньше болеть было некогда. Публике ведь безразлично, болит ли у тебя нога или голова или на душе тяжело... Спектакль должен состояться! А у меня всегда было уважение к моему искусству, и чтобы с тобой ни происходило, нельзя и виду показать, что что-то не так. Надо танцевать.

— Вас сегодня приглашают на спектакли в Гранд-опера, например?

Бывшую балерину уже забыли, а просить я не люблю. Знаете, на меня некоторые балеты действуют одурманивающе, а иные — нет. Красиво, но я спокойна. Что-то там не то... А кажется, все хорошо. Прически одинаковы, одинаково танцуют. Все как одна. Конечно, порядок должен быть: иначе балета не будет. Но, понимаете, как будто нет души, нет любви к танцу. И главное — нет самовыражения! Хорошо ли, плохо ли они танцуют, в духе ли, в стиле балета — им это совершенно безразлично! На первом месте деньги и хорошая пенсия в будущем.

Когда-то балерина Ирина Гржебина⁸⁶⁹, когда ставили в Опера «Половецкие пляски», говорила: «Если их бить каждый день, утром и вечером, то, может быть, один что-то поймет...»

Анна Флергоф⁸⁷⁰, когда была забастовка, ходила пешком на репетиции из Пасси на Пляс Клиши. У нее на это уходило часа два. Такое было отношение к профессии танцовщицы.

И я в театр вхожу как в храм.

— В прошлой мой приезд Ирэн Лидова показала мне ваши фотографии работы Сержа Лидо. Замечательные снимки.

Вы знаете, она тяжело больна. Я очень благодарна ей. После войны Ирэн⁸⁷¹ пригласила Зизи Жанмер⁸⁷², Жанин Шарра⁸⁷³, Ирэн Скорик⁸⁷⁴, Жана Бабиле, Ролана Пети и меня участвовать в так называемых «Танцевальных пятницах», когда в Театре Сары Бернар не было спектаклей. У Ирэн Лидовой был особый дар распознавать молодые таланты и помогать им. В театре было холодно. Отец Ролана Пети владел рестораном и подкармливал нас, артистов.

— Вы, может быть, слышали — в России сейчас выходит много книг по балету. Воспоминания Л. Мясина, С. Григорьева. Недавно увидела свет книга Нины Александровны Тихоновой «Девушка в синем».

Замечательная книга. Но бедная Нина⁸⁷⁵, в последние годы ей было тяжело: очень болела, и уже не было брата. А прежде... без конца открывалась дверь, и люди вваливались к ним. Не понимаю, как можно приходиться без предупреждения, залезать в душу... Обращались без всяких колебаний: «Нина, давай деньги, я пойду куплю что-нибудь...» А потом они с братом сидели без денег. Трудно стареть одной. Нина держалась как могла и как не могла. Вернее, как не могла. Я ведь знала Нину молодой. У нее волосы были длинные, длинные, до самой талии. Блондинка. Мама говорила: «Как она так ходит. Она же не девушка, а взрослая женщина». Я отвечала маме: «Тебе не все ли равно? Ведь важно не то, что она ходит с такими волосами, а то, что она хорошо к нам относится. Это главное». Нина была золотое сердце... Когда тяжело заболела Ольга Иосифовна (Преображенская. — В.Н.), Ниночка заботилась о ней, даже организовала специальный комитет, собирали деньги, помогали ей чем могли.

Вот так мы, русские, здесь живем. Летом только душно очень, а я с детства не переношу жару. Если бы у моря жить, у реки... другое дело.

— Так можно поехать к морю. Как Елена Александровна. Например, в Италию...

Для этого надо иметь возможность. Я была в Венеции три раза, всегда в компании. Один раз с Театром Елисейских Полей. Когда уже не в первый раз приезжаешь в то место, которое тебе нравится, что-то происходит с тобой. Ты однажды понимаешь, что именно это место только твое, что, оказывается, ты его давно уже любишь. У меня такое место Рим. Я влюблена в Рим. Но трудно почувствовать город, когда там работаешь. Я в Риме давала уроки, но между утренними и вечерними уроками у меня было свободное время. Вот тут я походила. Все свои туфли износила. Разве можно полюбить город из машины? Я нахожу, что между Италией и Россией много общего, так сказать, в артистической части, в части музыкальной, в темпераменте. То кричат, то молчат, то плачут. И они благородные, приятные, даже на улице. Но «липкие», я одному чуть пощечину не дала.

— Вы с такой нежностью говорите об Италии, а как же Франция?

Вообще-то я говорю на четырех языках: по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки.

И Францию очень люблю, люблю ее язык, так же как русский. Великолепные, красивые языки. Их как музыку можно слушать. А какая литература! Но теперь по-французски говорят так, что мне, иностранке, стыдно.

Вы спрашиваете — Франция? Франция приняла меня, и я ей благодарна.

— Вы необыкновенно интересный собеседник, и у меня редкий прекрасный день выдался сегодня. Однако, Нина Владимировна, вы не устали?

Я покажусь вам неоригинальной, если скажу, что люблю вспоминать молодость. Вчера перевернула все свои конверты, чтобы найти для вас свои фотографии. Правда, мало что сохранилось. Вот я что отыскала вам. К сожалению, только три фотографии. Все почти раздала. А все-таки приятно иметь русскую мать, русского отца. Принадлежать к России. Спасибо, что пришли. Но мне надо идти, у меня муж нездоров. Прощайте.

25 июня 2007 года в Париже скончалась знаменитая романтическая балерина Нина Владимировна Вырубова.

Для поклонников и почитателей ее таланта Вырубова осталась примой-балериной Гранд-опера, воплощением его лучших традиций и его славой.

Тени русского Парижа:

Борис Константинович Билинский⁸⁷⁶

Париж...

Так хорошо знакомый по книгам, по картинам, по фильмам, по открыткам, а сегодня к тому же — по настойчивой рекламе.

Но есть другой Париж. Русский. Его кварталы, дома до сих пор упорно хранят жизнь русских в Париже. И жизнь эта не может быть перенесена ни в какие музеи. Грустно думать о том, что то, что волнует нас сегодня, неизбежно рассеется как дым. Хочется удержать, остановить, не дать исчезнуть бесследно. Именно поэтому я расскажу об одной встрече в Париже.

...Отправляюсь в юго-западный район Парижа. Спускаюсь в метро и выхожу на станции «Эколь Милитер». Здесь недалеко, на улице Шамп-де-Марс, у меня должна состояться встреча с Валерией Борисовной Билинской, дочерью замечательного русского художника Бориса Константиновича Билинского, которому когда-то сам король немого экрана Иван Мозжухин предсказывал большое будущее.

Нахожу дом. Звоню. Открывается дверь. На пороге меня встречает женщина среднего роста, светловолосая, с короткой стрижкой, с живыми внимательными глазами. По крутой лестнице поднимаемся в квартиру, где живет Валерия Билинская. Мы знакомы заочно, по письмам. Поэтому нам легко начать разговор, и я почти сразу начинаю свои расспросы. Меня интересует все, что связано с именем художника.

Отец родился 21 сентября 1900 года в Бендерах в семье генерала, — начинает свой рассказ Валерия Борисовна. — Казалось, сама судьба уготовила ему путь в армию, и он был отдан в кадетский корпус, хотя очень любил музыку и мечтал стать дирижером. Как многие тогда он, двадцатилетний, уехал из России. Сначала была Италия, а немного погодя он перебрался в Берлин. Занесенный первой волной эмиграции, он привлек внимание так называемых американских мальчиков (представителей YMCA (Young Men's Christian Associa-

tion — Христианской ассоциации молодых людей). — В.Н.), которые предоставляли многим русским юношам возможность продолжить учебу. Отец решил заняться живописью. Учился у профессоров Майера⁸⁷⁷ и Балушека⁸⁷⁸, затем в мастерских русских художников Сергея Судейкина⁸⁷⁹ и Бориса Григорьева⁸⁸⁰. А в 1922 году он уже участвовал в выставке молодых художников в Берлине. Тогда о нем много писали.

И Валерия Борисовна протягивает мне альбом с вырезками из газет и журналов. Статьи на русском, английском, немецком, французском, итальянском языках. Читаю одну из них. В парижской газете «Возрождение»:

Хороши акварели Б. Билинского. Они наиболее красочны, ярки по тонам. Их смотреть радостно. Хочется отметить «Автопортрет», проект декораций «Анатэма» — «В костеле», проект декораций «Петрушки» и «Жар-птицы», которые так и просятся на репродукцию в хорошем журнале⁸⁸¹.

Затем Билинская продолжает:

В том же году отец переехал в Париж. Здесь он знакомится со знаменитым живописцем и сценографом Львом Бакстом⁸⁸², который оказал на него большое влияние. Законы театра, декорационного оформления спектакля он постигал у немецкого режиссера Макса Рейнхардта⁸⁸³. В 1924 году отец в качестве художника по костюмам был приглашен французским режиссером Жаном Эпштейном⁸⁸⁴ на фильм «Лев Моголов», в котором снимался Иван Мозжухин⁸⁸⁵. (Позже отец оформлял и другие фильмы с участием Мозжухина.) Мозжухин очень ценил отца. Однажды они всю ночь бродили по Парижу, и о чем только не говорили...

В 1925 году на Международной выставке декоративных искусств отец получил золотую медаль за плакат к кинофильму «Лев Моголов». Кстати, на выставке «Москва — Берлин» демонстрировалась афиша работы отца к фильму «Метрополис».

Вообще, в 1925 году в Париже было много творческих событий, к которым отец имел непосредственное отношение. В Пасси, точнее в районе Отей, 21 мая открылось кабаре «L'arc-en-ciel» («Радуга») представлением в постановке Ф.Ф. Комиссаржевского⁸⁸⁶, брата великой русской актрисы. Большинство номеров было написано поэтом-сатириком Петром Потемкиным⁸⁸⁷. Декорации и костюмы к представлению были изготовлены по эскизам Юрия Анненкова⁸⁸⁸, Михаила Андреевского⁸⁸⁹, Николая Бенуа⁸⁹⁰ и отца. В том же году 10 сентября открылся Русский артистический кружок, что размещался на улице Батиньоль. Зал был расписан по эскизам и под руководством отца. Еще одним прибежищем для русской души в огромном Париже стал Дом артиста. Он разместился в тихом квартале Пасси, в доме

№ 70 по улице Ассомпцион. Дом открылся в самом начале октября. Здесь шли спектакли Театра-гротеск под руководством актера-мхатовца Н.П. Асланова⁸⁹¹. (Перед войной он вернулся на родину.) Репертуарной частью в этом театре заведовали писатели Н. Тэффи⁸⁹² и П. Потемкин. Художниками были приглашены Н. Авдеенко⁸⁹³, В. Кривуц⁸⁹⁴ и отец. А председателем дома был знаменитый певец, тенор Дмитрий Смирнов⁸⁹⁵.

А на следующий год, 6 мая 1926 года, состоялось собрание русских художников, в котором приняли участие мой отец, И. Билибин⁸⁹⁶, Б. Григорьев, К. Коровин⁸⁹⁷, Н. Миллиоти⁸⁹⁸, С. Соломко⁸⁹⁹, Л. Сологуб⁹⁰⁰, А. Экстер⁹⁰¹.

Отец становится известным художником кино. Он участвует в работе над такими популярными фильмами, как «Казанова» (1927), «Африка» (1927), «1475» (1927), «Тараканова» (1928), «Шехеразада» (1928) и другими. Основной причиной его интереса к кинематографу была возможность добиться полного синтеза изображения, звука и движения.

Снова открываю альбом. Погружаюсь в архив художника. Делаю выписки. Известный театральный и художественный критик князь Сергей Михайлович Волконский после посещения выставки С. Лисима и Б. Билинского в галерее «Симонион» пишет в «Последних новостях» от 27 апреля 1928 года:

[Билинский] выставял серию рисунков театральных (собственно — кинематографии предназначенных), рисунков эпохи восемнадцатого века («Казанова»). Они очаровательны, веселы, игривы, красочны, и особенность их та, что многие сделаны тем способом толченого бисера, которым теперь украшают дамские наряды. <...> Это очень выходит понятно, свежо, и прямо весело смотреть, до такой степени остроумно⁹⁰².

Еще один отзыв. Знаменитый режиссер и драматург Н.Н. Евреинов:

Не могу не хвалиться при этом молодым художником Борисом Билинским, который радостно пошел навстречу моим заданиям. Привыкший в своей кинематографической работе угождать требованиям массы, он с особенной любовью отнесся к этому случаю сотворить что-то для избранной театральной публики⁹⁰³.

Это писалось об оформлении оперы «Руслан и Людмила», которую ставил Н.Н. Евреинов в 1930 году для Русской оперы А.А. Церетели и В.Г. Базиля (Воскресенского). В 1932 году Билинский принимал участие и в оформлении опер «Князь Игорь» и «Сказка о царе Салтане» для той же Русской оперы. Критика отмечала ювелирность, изящество и живописный полет в работах Билинского.

В 1931 году художник оформляет балеты Брониславы Нижинской «Испанское каприччио» Н. Римского-Корсакова и «Этюд» на музыку И.-С. Баха. В своей рецензии, опубликованной в газете «Возрождение» от 21 июня 1933 года, критик и историк балета В.Я. Светлов отмечал:

Красивы и оригинальны декорации художника Бориса Билинского, выдержанные в стиле красочного русского лубка. Эти декорации, как и превосходная декорация («Звездное небо») и костюмы «Этюда», вызвали аплодисменты публики⁹⁰⁴.

В 1937 году Билинского приглашают в Королевский оперный театр Ковент-Гарден для оформления лирической драмы К. Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда». В этом же году Борис Константинович успешно участвует во Всемирной выставке в Париже и получает очередную золотую медаль. Он работает для многих театров Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Так продолжалось до начала Второй мировой войны. Валерия Борисовна продолжает:

С конца 1939 года мы жили в Италии. Борис Константинович работал техническим директором «Титанус-фильма»⁹⁰⁵. Одновременно продолжал работу для Франции, оформляет «Пиковую даму»⁹⁰⁶. В это время он был уже болен. Его дважды оперировали в парижской клинике по поводу рака желудка. Из Парижа он вернулся в Рим и 3 февраля 1948 года умер в Катании на Сицилии.

Валерия Борисовна предлагает посмотреть папки с архивом отца. В них рисунки, эскизы костюмов и декораций к балетным и оперным спектаклям, работы для кино, портреты, черновой набросок костюма для знаменитой балерины Ольги Спесивцевой.

Фантазия, выдумка свойственны работам Билинского. Художник считал, что искусство развивает человеческую душу, увеличивает духовные возможности человека.

Теперь следует серия неожиданных акварелей, выполненных виртуозно. Интересуюсь, что это за работы.

Когда отцу было тридцать с небольшим, он перечел Апокалипсис. Тогда и родился это цикл рисунков «Откровение». Некоторые из них висят на стене.

Мое внимание задерживается на альбоме с фантастическими цветными абстракциями.

Отец страстно любил музыку. Когда он был болен, я заводила патефон и ставила ему Баха, Бетховена. Он плакал... Еще во Франции отец задумал «перевести» музыку на язык цвета, рисунка. Сохранились

его альбомы к «Этюду» № 3 А. Скрябина, к «Прелюдии № 20» Ф. Шопена, к М. Равелю. Отец «рисовал музыку» с 1931 по 1939 год. Он мечтал соединить музыку и изобразительное искусство. Обсуждал с Уолтом Диснеем⁹⁰⁷ возможность транспонировать музыку в красках в кино, и они договорились встретиться для работы над музыкальным мультфильмом, но не пришлось...

Как не вспомнить слова князя Сергея Щербатова, художника и коллекционера: «Честь и слава Билинскому за такое честное служение искусству!»⁹⁰⁸

Прошу разрешения у хозяйки дома сфотографировать ее на фоне рисунков к Апокалипсису. Получаю разрешение. Затем Валерия Борисовна дарит мне на память фотографию отца, рисунок, цветные ксерокопии некоторых работ, каталог выставки.

Несмотря на мой протест, Валерия Борисовна провожает меня. На улице уже горят фонари, зажглись вывески. Прощаемся, договариваемся о следующей встрече.

Мне не хочется спускаться в метро, и я иду по улице Бурдоне — по направлению к Эйфелевой башне. Не могу отделаться от мысли, как ничтожно мало мы знаем о зарубежной России. Как много она сделала, неся русскую культуру миру, развивая ее.

Через несколько месяцев я узнал о кончине дочери художника (В.Б. Билинская умерла 3 ноября 1996 года).

Неожиданный собеседник:

Владимир Дмитриевич Безыменский

— Я познакомлю вас с очень интересным человеком, — решительно сказала мне решительная женщина — Софья Арнольдовна Соколова, литератор, участница неподцензурного альманаха «Женщина и Россия» независимого феминистского движения в России 1970-х годов, а ныне жительница парижского пригорода Кретей, — Владимир Дмитриевич Безыменский личность в Париже весьма известная!

Сказано — сделано. И вот мы уже в кабинете доктора в клинике на рю Амстердам, что недалеко от вокзала Сен-Лазар. Нас встречает седовласый господин небольшого роста, элегантный и полный энергии. Коротко знакомимся, но разговора не получается: доктора ждут пациенты, вернее несколько пациенток, и он приглашает нас к себе домой в Ле Везьен — престижный пригород Парижа. На следующий день на вокзале нас встречает на машине супруга доктора Катрин — молодая, приветливая, легкая. Через несколько минут мне кажется, что мы старинные друзья, и я даже не удивляюсь, услышав, что Владимир Дмитриевич Безыменский, оказывается, очень модный и уважаемый в Париже врач-гинеколог, и лишь теперь понимаю, почему в его приемной я видел исключительно дам.

...Вот, говорят, счастливый случай, т.е. не ждали, не гадали — и вдруг удача! Но случай одаривает лишь подготовленных людей. И я, разыскивающий следы русской культуры всюду, куда забрасывает меня судьба, конечно же, был и к этому случаю подготовлен.

Сама по себе биография этого человека, пленившего меня с первого часа нашего общения, необычайно колоритна, поразительно своеобразна.

Итак, мы с Владимиром Дмитриевичем располагаемся на диване перед низким столиком и начинаем нашу беседу.

— Скажите, пожалуйста, вы случайно не родственник нашему «комсомольскому поэту» Александру Безыменскому? — интересуюсь я.

Да, мы дальняя родня. И с его сыном Львом⁹⁰⁹ я встречался когда-то в Москве. Но родители мои — из Таллина, а я родился в 1919 году в Стокгольме. Мама очень хотела, чтобы я пел, и записала меня в Русскую консерваторию в Париже. Сама Елена Седовень⁹¹⁰ давала мне уроки! Я даже разучивал партии из репертуара Беньямино Джильи^{911/912}. Три четверти часа мы с ней занимались, а остальное время она мне рассказывала всю свою жизнь. Я узнал, что она была любовницей (Седова говорила, конечно, дипломатичнее) испанского короля Альфонса XIII!⁹¹³ И много еще чего она рассказала мне интересного, но, увы, это не мои секреты!.. Мне нравилось петь и нравилось слушать необыкновенные ее сказочные истории, но так случилось — видно, должно было случиться — что я увлекся медициной и даже записался на занятия к одному профессору, который жил на улице Ренье Симо. В конце концов во мне победил врач (окончил медицинский факультет Парижского университета), но интереса к искусству я не утратил. Да и моя профессия, как это ни странно, может быть, звучит, не позволила мне его утратить: мои пациентки в большинстве своем — люди искусства. И профессиональная моя жизнь получилась интересной, богатой и встречами, и историями... Знаете, когда я смотрюсь в зеркало, мне порой хочется себя поздравить. Более чем двум тысячам больных я оказал помощь. Сколько я принял на свои руки новорожденных! Первые в своей практике роды я принял в Орлеане, у меня на тот момент были только теоретические познания в акушерстве, но я же не мог отказаться! А потом! Где только не приходилось помогать! Как говорится, и в воздухе, и на суше, и на море, вернее, в океане на пароходе «Франс». И ко мне очень часто обращаются ваши русские. Многие пациентки и их близкие становились моими друзьями, а некоторые очень помогли мне в трудные минуты жизни.

Так, Вера Николаевна Ильина⁹¹⁴, жена религиозного философа Владимира Ильина⁹¹⁵, помогла мне получить квартиру на Рю де Помп из семи комнат! Я жил до этого в пригороде, а тут в самом центре Парижа, моя клиентура стала расти.

И вот лечилась у меня одна англичанка, актриса Эдит Мадлен Кэрролл⁹¹⁶. И когда я однажды приехал в Америку по своим профессиональным делам, я встретился там с ней. Она играла в театре на Бродвее и как раз должна была давать интервью американскому телевидению. И в этом интервью она сказала несколько добрых слов и обо мне. В результате! — я смог получить стипендию на шесть месяцев, посмотрел, что делается в клиниках и лабораториях Балтимора, Бостона и Чикаго, привез в Париж книги по специальности и крайне необходимые мне тогда медицинские препараты.

Судьбе также было угодно свести меня с Сергеем Лифарем⁹¹⁷. Но прежде чем показать вам альбомы, посвященные Лифарю, я хочу обратить ваше внимание вот на эту вещь. Прямо перед вами висит гипсовая нога Сержа Лифаря! — оригинал работы скульптора Майоля⁹¹⁸.

Существует знаменитая отливка его ноги в бронзе, но ее делали с моего гипса! А теперь давайте смотреть альбомы.

Здесь Лифарь и моя дочь. А здесь — Лифарь и я в Швейцарии. Вообще, наши отношения стали такими дружескими с 1977 года, когда Лифарь по совету жены, графини Лиллан Алефельдт⁹¹⁹ (она лечилась у меня), пригласил меня сопровождать его труппу в гастролях по Австрии. Я был у него и за доктора, и за переводчика, и за секретаря... Вот на этой фотографии Лифарь получает орден Почетного легиона. А это художник Дмитрий Бушен⁹²⁰, оформлявший балет «Жар-птица» в постановке Лифаря для Нидерландского национального балета. А это Лифарь с Марлен Дитрих⁹²¹, он был с ней очень дружен. А вот, — обратите внимание! — любопытная и редкая фотография. Запечатлен момент дуэли Лифаря с маркизом де Куэвасом⁹²². Маркиз был женат на дочери Рокфеллера и субсидировал Русский балет Монте-Карло. Дуэль была спровоцирована администратором Гранд-опера Иршем⁹²³ в рекламных целях, и тем не менее Лифарь был ранен в руку. Все это происходило на вилле доктора Левасира⁹²⁴, моего соученика по медицинскому факультету. А секундантом на дуэли был Ле Пен⁹²⁵, да-да тот самый, кто теперь не знает Ле Пена!

А этот снимок сделал Сергей Толстой⁹²⁶, внук Льва Николаевича, он тоже был врачом и дружил с Лифарем. На снимке Серж Лифарь и скульптор Аристид Майоль. Русское искусство — моя страсть. Я как-то даже хотел устроить русский вечер, пригласить, конечно же, Лифаря, Ростроповича⁹²⁷, пианиста Юрия Букова⁹²⁸, актера Юла Бриннера⁹²⁹, путешественника и писателя русских кровей Жозефа Кесселя⁹³⁰. Но оказалось, что Ростропович в Америке, Буков и Кессель тоже куда-то уехали... Словом, вечер в тот раз не получился. Жена меня потом утешала: это, быть может, к лучшему, а то Кессель опять перебил бы всю посуду (дело в том, что когда Кессель пьет, он всякий раз «по-русски» бросает свой бокал об пол).

...А однажды мне позвонили и предложили приобрести костюм дягилевского балета, какая-то старая русская дама нуждалась в деньгах. Я отказался, однако дал телефон этой дамы Лифарю. Он поехал, посмотрел и купил. Оказалось, костюм был сшит по эскизу Пикассо⁹³¹ для балета «Парад», поставленного Леонидом Мясиным⁹³². Лифарь отдал его на реставрацию, но, кажется, потом продал.

После его смерти мне пришлось быть посредником между его вдовой Лиллан и советскими чиновниками в деле, касающемся передачи десяти писем Пушкина к жене⁹³³. Я сказал им, что готов быть их «адвокатом» при условии, что окончательное решение о продаже писем будет принимать «мадам». Тогда сюда приехали человек семь русских, в том числе и ваш министр культуры. Лиллан удалось уговорить, и она продала письма, кажется, за десять тысяч долларов. Когда я приезжал в Петербург, мне сказали, что письма хранятся в сейфе в особой комнате Пушкинского Дома, а исследователям выдают-ся только их копии.

...Я много раз смотрел балеты Лифаря, — вы видите сами, сколько в этих альбомах фотографий спектаклей и репетиций. Многие говорили и говорят, что эти альбомы следует опубликовать. Конечно, надо бы, и как это было бы интересно!.. Но живы авторы фотографий или их наследники, они имеют авторские права на снимки, и им всем хотелось бы получить свои деньги. Публикация одной фотографии стоит примерно четыреста французских франков. Словом, я подсчитал расходы и пока отказался от мысли издать альбомы...

Отложив в сторону альбомы Лифаря, Владимир Дмитриевич принес стопу других и продолжил с увлечением их комментировать.

Вот это Мария Самойловна Давыдова⁹³⁴, певица, меццо-сопрано. Пела с Шаляпиным!..

Ну, а это лицо, конечно же, вам знакомо — Жан Габен⁹³⁵. Я считаю подарком судьбы наши с ним дружеские отношения...

А здесь вы кого-нибудь узнаете? Это Буш-старший⁹³⁶ — моя память о посещении Белого дома...

А это знаменитый во всем мире, без преувеличения, — Сергей Жаров⁹³⁷. Он создал Хор донских казаков, не уступавший во славе Русскому балету. Хор Жарова любили слушать Рахманинов⁹³⁸ и Шаляпин... Смотрите, какая красавица — Ирина Гржебина⁹³⁹, дочь издателя и балерина. Она сначала танцевала в Русской опере, а потом создала свой балет — Балет Ирины Гржебиной...

Я смотрел на руки Владимира Дмитриевича, бережно переворачивающие страницы альбомов, слушал его горячую, торопливую — жаль, нет времени рассказать все про всех — речь и думал: ему действительно есть с чем себя поздравить. Сохранил здоровье и жизнь многим и многим замечательным людям, и трогательно и верно хранит память о каждом из них, и, главное, не утратил, сохранил в себе талант творческого взгляда на жизнь. А при таком взгляде связь времен не рвется, даже давно из этого мира ушедшие в его мире творческого горения живы. Тем временем Безыменский продолжал:

Смотрите, это — ангел, — «ангел немного кино» — Глория Свенсон⁹⁴⁰. Но здесь она в своей последней роли, в фильме Уайлдера «Бульвар Сансет» 1950 года. Она тоже была моей пациенткой и, полагаю, доверяла мне. Однажды мы ездили с ней на медицинскую консультацию в Швейцарию, позже, приехав в Америку, я встретился с ней в Нью-Йорке, и мы два часа с лишним проговорили в ресторане... В ней и в последние ее годы была эта ангельская магия... Она умерла в 1983 году, ей было восемьдесят четыре года.

Еще одна прекрасная актриса — Даниель Дарье⁹⁴¹. Начала сниматься в 14 лет, — снялась, кажется, в восьмидесяти фильмах. «Красное и черное», «Мари-Октябрь»... помните ее? Наше с ней знакомство было

забавным и никак не связанным с моей профессией. Однажды в 1942 году у меня выдался свободный денек, и я решил пойти на бега, лошади моя страсть! Первый забег прошел нормально, начался второй... и вдруг раздался пронзительный вой сирены — воздушная тревога! Не забудьте, 1942-й — шла война. Рядом с ипподромом находился завод Рено, и англичане прилетели его бомбить. Началась паника (тогда многие пострадали). Я ничком, зажмурившись, бросился на землю. Спустя несколько секунд открыл глаза и не поверил им! — в траве рядом со мной лежала... Даниель Дарье! Потом я даже написал маленькую поэму, в которой описал всю эту историю и послал ее Дарье. А некоторое время спустя встретил ее в ресторане и напомнил ей этот случай. Мы от души посмеялись, и вот теперь у меня в память о нашем знакомстве в траве эта фотография.

Ну, а это мой друг — Саша Питоев⁹⁴², я учился с ним в одном лицее. Помните, знаменитая четверка, возглавлявшая театральное объединение «Картель», — Жорж Питоев⁹⁴³, Луи Жуве⁹⁴⁴, Шарль Дюллен⁹⁴⁵, Гастон Бати⁹⁴⁶. Поначалу только ради карманных денег я пошел к Питоевым в театр. Играл маленькие роли, помню, в спектаклях «Враг народа» Ибсена, «Дама с камелиями» Дюма... В те времена я познакомился с рабочим сцены у Питоевых Юлом Бриннером, и каждый вечер мы за кулисами с ним встречались. Но в 1941-м он по чьему-то совету уехал в Америку, получил Оскара за мюзикл «Король и я» (1956), блестяще сыграл Криса в «Великолепной семерке» и оглушительно прославился.

В 1939 году Жорж Питоев умер. Началась война. Вдова Жоржа актриса Людмила⁹⁴⁷ уехала с сыном в Швецарию, потом в Америку, в Канаду. После войны они вернулись в Париж и снова стали играть. А парижская префектура требовала, чтобы в театре обязательно присутствовал врач. И вот, чтобы посмотреть питоевский спектакль, я уговорил театрального доктора подменить его только на один вечер! И надо же было такому случиться, что именно во время моего дежурства к Людмиле Питоевой срочно вызывают доктора. Я сказал ей в тот вечер: «Людмила, пора остановиться!» Но она твердо ответила: «Пьеса написана специально для меня, и я буду ее играть!» Через несколько дней я должен был ехать в Монреаль, а через три недели узнал, что Людмила скончалась. Саша Питоев, актер и режиссер, умер сорок лет спустя. Он нес в себе талант семьи. Но отец все же был значительнее сына...

Еще одно лицо, которое вам, конечно, хорошо знакомо — Ирина Одоевцева⁹⁴⁸. Как-то мне позвонили и попросили присутствовать при процедуре оформления ее отъезда в Россию в качестве переводчика и наблюдателя. Российский паспорт ей сделали в посольстве, а нансеновский паспорт ее куда-то пропал... И я, как человек хорошо знающий и русский и французский языки, должен был свидетельствовать, что с русской стороны не было никакого давления на Ирину Владимировну. Она тогда уехала и прожила в России еще три года. И ка-

жется, была там счастлива: ее читали, обсуждали, навещали, любили, наконец.

Русские ее любили!

А в этом альбоме ваш русский балет. Ольга Лепешинская⁹⁴⁹ написала мне: «Дорогому доктору Владимиру Дмитриевичу от всей души».

Майя Плисецкая⁹⁵⁰. И еще Майя с Владимиром Малаховым⁹⁵¹, снимок 1989 года. А это она и итальянская балерина Карла Фраччи⁹⁵². А с этой фотографии одна скульпторша сделала голову балерины. Где-то ведь хранится эта голова!..

На стол ложатся новые и новые альбомы... Олег Басилашвили. Ему Безыменский нашел зал, где он играл «Идиота»... Шарль Азнавур. Он в свое время хотел купить у доктора квартиру, а получилось доброе знакомство...

Сколько тут лиц! И почти каждое знакомство чуть ни на всю жизнь: Грегори Пек, Анни Жирардо, Николай Бенуа, Петр Устинов, Софи Лорен, Катрин Денев...

Входит супруга доктора и деликатно напоминает нам, что давно бы пора перекусить. Я спохватываюсь и понимаю, что давно пора бы попрощаться. Выпив на дорожку чашечку кофе с круассаном, я с сожалением покидаю гостеприимный дом и его необыкновенно интересного хозяина, моего неожиданного собеседника. Я спешу в Париж с твердой надеждой на очередной «счастливый случай».

Глазами очевидца:

Сергей Георгиевич Поволоцкий

Это был тот случай, когда стечение обстоятельств предопределяют события. Видимо, они могли не произойти.

Не раз в своей жизни мне пришлось убеждаться в том, как все причудливо переплетается в этом мире. Знакомства с людьми, случайные архивные находки, непродолжительные беседы, безыскусные рассказы — все это сплетается в своеобразный узелок, внутри которого прячутся удивительные находки.

В конце 1950-х и в начале 1960-х годов научные сотрудники Института мировой литературы и работники Центрального государственного архива литературы и искусства готовили том документов и материалов «Из истории пролетарских литературных организаций» (к сожалению, эти материалы так и остались неопубликованными).

Тогда мне и довелось несколько раз встретиться со старым большевиком, бывшим председателем Оргкомитета Союза советских писателей (по РСФСР), задачей которого была подготовка и проведение I съезда писателей, ответственным редактором газеты «Известия», главным редактором журнала «Новый мир» Иваном Михайловичем Гронским (1894–1985), осужденным в 1938 году по 58-й статье и недавно вернувшимся из мест заключения. Иван Михайлович работал тогда в Институте мировой литературы им. А.М. Горького. И вот во время одного нашего разговора (16 ноября 1959 года) о литературе 1930-х годов он уверенно сказал, что отцом знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова; 1883–1945) был великий князь, поэт Константин Константинович Романов, писавший под псевдонимом К.Р. (1858–1915). Гронский рассказывал:

Ведь ни для кого не было секретом, что на столе у Бедного стоял портрет Константина Константиновича. Когда я встречался с ним еще до

революции, он был тогда студентом-белоподкладочником в университете. Потом, когда Бедный примкнул к революционному движению, к нему приходил комендант императорского двора и просил вернуть все, что у Демьяна было от К.Р. Бедный вернул. Когда Бедный был за границей, с ним очень хотела встретиться графиня Клейнмихель⁹⁵³, которая была его матерью.

Да и не надо забывать, что начинал Демьян с верноподданных стихов.

Все это мне рассказал сам Демьян, когда ему пришлось решать вопрос о своей семье. Он жил тогда у Лидии⁹⁵⁴, а я посоветовал ему вернуться в старую семью к Вере Руфовне⁹⁵⁵. Вот тогда он мне все это и рассказал. Да вы сами поинтересуйтесь у Веры Руфовны, только деликатно.

Только спустя тридцать пять лет я опубликовал это свидетельство Ивана Михайловича⁹⁵⁶. И как будто тема была исчерпана. Но, оказывается, стечение обстоятельств готовило мне неожиданные события и открытия.

В середине 1960-х я уже работал в редакционно-издательском отделе Всероссийского театрального общества и тогда познакомился с журналистом, редактором Григорием Марковичем Литинским (1905–1987), родственником писателя Виктора Кина (автора популярного в свое время романа «По ту сторону» (1928)) и репрессированным по политическим мотивам.

По просьбе редакции Литинский написал воспоминания «Театр за Полярным кругом», в которых рассказал о театре в Воркуте, о режиссере Борисе Аркадьевиче Мордвинове (1899–1953), о многих других, и в частности о журналисте Сергее Георгиевиче Поволоцком (1908–1994). Именно тогда я познакомился с одним из действующих лиц мемуаров «Театр за Полярным кругом» — драматургом Давидом Германовичем Медведенко (1919–1989) (одна из его пьес «Канат альпинистов» (1970) была поставлена на радио). Уже после смерти Медведенко в 1998 году его вдова передала мне письмо, полученное ею из Польши. Писала вдова Сергея Поволоцкого — не согласится ли библиотека Союза театральных деятелей принять на хранение небольшой архив ее мужа. Я ответил согласием, и вскоре пришла посылка из Польши. Открыв ее, первое, что я увидел, было письмо инженера С. Мулера, адресованное С.Г. Поволоцкому.

Вот текст этого письма:

Инж[енер] С. Мулер
Zachednia 78, № 43
Лодзь 18/ IV 58

Многоуважаемый г-н Поволоцкий.

Мы с Вами сравнительно недавно познакомились у д[окто]ра А. Либ⁹⁵⁷ в Лодзи, хотя мы оба виленцы.

Пишу к Вам как литератору, имя которого прочитал в № 5 (48) «Русского голоса» от 1–15 апреля в связи — не с Вашей статьей⁹⁵⁸, а с годовщиной смерти Демьяна Бедного, которого я (по Петербургу) знал лично. Именно хочу Вам подчеркнуть любопытный фрагмент из его жизни (личной). Я читал на днях еще воспоминания о Демьяне Бедном Б. Полевого⁹⁵⁹, но нигде кроме того я не встретил того, что мне лично о Ефиме Алексеевиче Придворове известно. Если это в какой-то степени важно или интересно — то я Вам об этом сообщаю, не деля из этого какой-то тайны.

В 1907 или в 1908 году я в поисках работы (был я тогда студентом Петерб[ургского] Политех[нического] института на эл[ектро]мех[аническом] отделении) попал на Пушкинскую ул[ицу] (около бань) во второй или в третий дом от угла Невского проспекта (с правой стор[оны] улицы Пушкинской) — по вызову или по объявлению к Ефиму Алексеевичу Придворову. Он нуждался в лекторе физики или математики для курсов подготовки к конкурсным экзаменам, которые вел или которых был заведующим.

При разговоре в его квартире (на Пушкинской) я заметил портрет-фотоснимок вел[икого] князя Константина Константиновича — поэта (который писал под литерами К.Р.) с посвящением рифмованными строчками, последнюю помню: «...Русский ты будь человек».

Так как надпись была от руки, я спросил Придворова, что это значит и знаком ли он с вел[иким] князем.

Меня это заинтересовало потому, что я учился в реальном уч[лище] в Пскове, и туда, в Псков, в кадетский корпус довольно часто приезжал Конст[антин] Конст[антинови]ч как начальник воен[ных] уч[ебных] зав[едений] в России, и я его часто видывал, так как он запросто ходил в Пскове пешком на вокзал в сопровождении кадетов, когда возвращался в Петербург.

Ефим Алексеевич, очень простой и общительный, и даже гостеприимный, мне без обиняков сказал в ответ, что его фамилия Придворов от слова придворный, что он побочный сын Конст[антина] Константиновича от крестьянки, дом[ашней] работницы (как мы теперь называем) в доме великого князя и что эту фотографию ему лично дал Конст[антин] Константинович — его отец — неприемный. Вот, собственно, то, что я хотел Вам передать для истории. Лично думаю, что и часть своих способностей, т.е. как поэта — Придворов унаследовал от своего отца, который писал довольно неясные стихи. Я лично Придворова больше ценю за его гибкий ум и басни, хотя поэт был, вероятно, тоже значительный.

Думаю, что известный случай в его (Придворова) жизни с пьесой, которую написал, восхваляя князей и не на пользу крестьян, наверно, тоже явилось «штрихом» атавистическим... Это Вам, вероятно, известно, что Демьян Бедн[ый] был некоторое время в опале. Прошу меня не подозревать в какой-либо пристрастности к критицизму и в желании умалить в чем-нибудь Демьяна Бедного. Это было бы глупо с моей стороны. С другой стороны, я не хотел бы доставить удовольствие противникам партийцев-большевиков, ибо я сам принадлежу PZPR⁹⁶⁰, что есть то же самое (правда, в худшем, между нами, изда-нии).

Извиняюсь за капризный характер письма, я спешу немного и, конечно, мне 75 годов, я немного сегодня устал...

С уважением

С. Мулер

P.S. Если захотите меня увидеть, то заранее прошу предупредить письмом, когда Вас ждать.

Тут требуется небольшое отступление, чтобы напомнить некоторые факты. Видимо, утверждение о том, что Ефим Алексеевич Придворов является внебрачным сыном великого князя Константина Константиновича, возникло в связи с тем, что по протекции Константина Константиновича, известного своим меценатством, Бедный сдал экстерном экзамен за курс гимназии и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Тогда Бедный не скрывал свои отношения с великим князем, писал верноподданнические стихи. Позже, став большевиком, Бедный в 1920–30-е годы тратил много сил, чтобы опровергнуть эту информацию.

Продолжу свое повествование.

Я не знаю, встретились ли С. Мулер и С. Поволоцкий. Но я, заочно познакомившись с Сергеем Георгиевичем Поволоцким, решил разузнать о нем все, что возможно, ведь не зря же судьба так настойчиво то там то здесь сталкивала меня с этим именем. Что скрывалось за этим, может быть, новые встречи и истории?

Итак, каким человеком был журналист, драматург, переводчик, узник ГУЛАГа, потомственный дворянин Сергей Георгиевич Поволоцкий? О нем пойдет рассказ.

Родился 1 декабря 1908 года в Вильно (теперешний Вильнюс). Его отец Георгий Захарович Поволоцкий-Орлаш-Ивасенко, военный хирург, происходил из старинного рода, занесенного в Бархатную книгу. Мать — Зинаида Ивановна — была дочерью генерала и, по совпадению, тоже военного хирурга Ивана Васильевича Самохвалова. Отец ее матери,

Елены Януаревны Самохваловой, Януарий Павлович Кобылянский и брат Всеволод Януариевич участвовали в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. В сражении на Шипке погиб Всеволод и был похоронен в братской могиле. Имя его было высечено на памятнике.

Таким образом, Зинаида Ивановна приходилась внучкой Павлу Ивановичу Кобылянскому, который был знаком с Пушкиным во времена кишиневской ссылки поэта.

Пушкин часто навещался в имение Павла Ивановича. Здесь, в имении, произошла ссора поэта с полковником Полторацким во время игры в карты. Дело дошло до вызова на дуэль. Павел Иванович сумел разрядить обстановку и помирить дуэлянтов. На месте несостоявшегося поединка Кобылянский посадил четыре дубка. Об этом инциденте сохранились его воспоминания, в передаче его сына опубликованные в газете «Бессарабец» (от 22 мая 1899 года)⁹⁶¹.

Родовое имение Поволоцких находилось в Черниговской губернии, но жили они в Петербурге. Отец вскоре после рождения Сергея умер от ран, полученных в Русско-японскую войну. Мать вместе с сыном переехала в Вильно, где жили ее родители. Когда Сергею исполнилось пять лет, мать вторично вышла замуж за Ивана Ивановича Дрогосло-Романкевича, дворянина, помещика Могилевской губернии, юриста.

Война 1914 года застала Зинаиду Ивановну с сыном на курорте в Минеральных Водах. Вильно в то время уже заняли немцы, и им пришлось остаться в Пятигорске. Потом — революция и Гражданская война удерживали их там. Только в декабре 1921 года Сергей с матерью как репатрианты возвратились в Вильно, теперь уже в польский город.

Здесь Поволоцкий, окончив польскую гимназию им. Адама Мицкевича, поступает на юридический факультет Университета им. Стефана Батория. Еще в студенческие годы Сергей Поволоцкий печатает рецензии в разных газетах и журналах. Он сотрудничает в русских газетах, издававшихся в Литве («Виленское утро», «Наша жизнь», «Наше время», «Новая искра»), в рижской газете «Сегодня», в польских газетах. Поволоцкий — участник литературно-критической секции Виленского русского общества.

Летом 1930 года Поволоцкий, тогда еще начинающий журналист, сопровождал известного поэта, писателя, переводчика на польский язык произведений Пушкина Лео Бельмонта во время его посещения усадьбы Маркутье под Вильно. Там проживала вдова младшего сына поэта, Григория Александровича Пушкина, Варвара Алексеевна.

Вот как описывает «пушкинский уголок» сам Сергей Георгиевич:

После чая по приглашению хозяйки мы в сопровождении Н.И. Назимова⁹⁶² осмотрели дом. Он весь был полон какой-то неизъяснимой прелести и очарования, свойственной старым «дворянским гнездам». На всем лежала печать тихого спокойствия и уюта. В доме — 13 комнат. Комнаты небольшие, типичные для старинных построек. Темные коридорчики с деревянными простенками ведут во внутренние комнаты. Домотканые, искусно вышитые оригинальными узорами занавески и портьеры прикрывают двухстворчатые двери и низенькие окна. Почти во всех комнатах стены и даже потолки обиты материей. Обивка двух комнат обращает на себя особенное внимание. Эти комнаты обиты холстом, вышитым еще руками крепостных в селе Михайловском. Бросается в глаза, что в доме нет электричества. По вечерам горят по старинке керосиновые лампы. Лишь в коридоре виднеется дань современности — телефон. В доме находится комната, при входе в которую невольно охватывает волнение. Это — «пушкинский» уголок, устроенный в рабочем кабинете Варвары Алексеевны, любовно созданный ее руками в память своего великого тестя. Бросается в глаза большой портрет Пушкина на одной из стен этой комнаты. На противоположной стене висит огромная репродукция картины знаменитого польского художника Тыcki «Лев Толстой»⁹⁶³. Широкая, мягкая, обитая выцветшим от времени зеленым бархатом кушетка. Над ней на стене висят небольшие деревянные полочки для книг. Эти вещи привезены сюда из далекого Михайловского. Ими когда-то пользовался великий поэт. В той же комнате находится небольшой бюст поэта, а возле него лежит на столике часть ствола сосны, также привезенная из Михайловского. Эта сосна — одна из трех сосен, воспетых Пушкиным в стихотворении «Вновь я посетил...» На металлической дощечке выгравированы строки этого произведения поэта:

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

Внизу виднеется надпись: «Часть последней, сломанной бурей 5 июля 1895 года, сосны. Село Михайловское».

В гостиной, заставленной старинной мебелью времен Александра I, на стенах много портретов, поблекших дагерротипов, картин... Большое количество портретов Пушкина, его детей, Натальи Николаевны... На одной из стен обращает на себя внимание прекрасно выполненный небольшой портрет мужчины в военном мундире; холодное, несколько безвольное, но гордое лицо глядит с поблекшего от времени

полотна. Это второй муж Н.Н. Пушкиной — генерал Ланской. Рядом — изящные миниатюры, на которых изображены дети Пушкиной и Ланского. Среди развешанных по стенам снимков имеется много фотографий Григория Александровича Пушкина, сделанных в разные годы, самой Варвары Алексеевны, многочисленных родственников. Среди многих «дедовских» кресел, широких диванов и кушеток помещаются небольшие столики, на которых расставлены прелестные и стильные фарфоровые статуэтки и безделушки.

На стенах в других комнатах висит немало картин, написанных самой В.А. Пушкиной, обладавшей в молодости незаурядными художественными способностями. Сюжетом большинства картин являются виды села Михайловского, в котором супруги Пушкины провели несколько лет после свадьбы.

В старинном парке, куда мы прошли после осмотра дома, недалеко от усадьбы, среди густо разросшихся деревьев виднеется небольшая церковка, а возле нее — могилы родных и близких Пушкиных. Рядом с церковкой находится семейный склеп, в котором похоронен сын поэта, Григорий Александрович Пушкин»⁹⁶⁴.

На этом прервем рассказ Сергея Георгиевича.

Поволоцкий все же мечтает о карьере дипломата и поступает в Дипломатическую школу в Брюсселе. Но начавшаяся Вторая мировая война перечеркивает все его карьерные планы. И Сергей решил возвратиться в Вильнюс (Вильно), который теперь уже столица Литовской Советской Социалистической Республики. И вот в сентябре 1940 года за нелегальный переход государственной границы Сергей Поволоцкий был арестован и отправлен в воркутинский лагерь, где он познакомился с Г. Литинским, Д. Медведенко и другими представителями гулаговской творческой интеллигенции.

По прошествии времени его соседом по нарам стал известный драматург, сценарист Алексей Яковлевич Каплер (1904–1970). Вот что вспоминал Поволоцкий:

Поместили его на верхней наре. Он много мне рассказывал о советском кино. Попал в лагерь с довольно высоким приговором. Обвинили его по параграфу 58 пункт 10. Знал лично Сталина, который приглашал его к себе во время работы над фильмом о Ленине. «Сталин у себя дома, — говорил мне не раз, — был совершенно непохож на Сталина на кремлевской трибуне и портретах. Был непосредственный, любил даже пошутить. Особенно во время застолья». И, может быть, в результате этого частного знакомства со Сталиным мой собеседник попал в Воркуту. Говорили, что в него влюбилась дочь Сталина Светлана Сталина. Освободили его лишь в 1955 году. Он был полностью реабилитирован и получил обратно все ордена и все почести.

Я часто с ним встречался в разные годы в Москве, где он по-прежнему работал в кино и преподавал в Институте кинематографии. Когда-то даже он гостил у меня в Лодзи, когда приехал сюда в шестидесятые годы во главе делегации советских кинематографистов⁹⁶⁵.

В рамках культурно-просветительской работы среди заключенных можно было ставить любительские спектакли. Здесь Поволоцкий и поставил спектакль «Без вины виноватые» А.Н. Островского. Репетиции велись в вечернее время после работы. Они позволяли зекам забыть хотя бы на время о том, что их окружало. Спектакль имел успех.

Постановка «Без вины виноватых» неожиданно привела к переменам в его дальнейшем пребывании в лагере. Через две недели после премьеры он был вызван на «Капитальную», где находилась администрация лагеря. Сергея Георгиевича пожелал увидеть режиссер, ученик К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко Борис Аркадьевич Мордвинов. Он был художественным руководителем Музыкально-драматического театра комбината Воркутуголь. В 1940 году Мордвинов попал в Воркуту по подозрению в шпионаже и за связь с иностранными организациями. Эта связь состояла в том, что он переписывался с Михаилом Чеховым и другими мхатовцами, живущими за границей.

Вот как об этом рассказывал артисту Николаю Шамраеву сам Борис Аркадьевич. Во время обеда в «Метрополе» (Мордвинов тогда работал режиссером в Большом театре) к нему за столик, попросив разрешения, подсел человек, говорящий по-английски. Говорили о погоде, о театре, о войне... А когда Мордвинов выходил из ресторана, то к нему подошли два человека, взяли его под локотки и посадили в машину. Оказалось, что с ним за столом сидел сотрудник английского посольства. Без суда Мордвинову объявили приговор и отправили в Воркуту⁹⁶⁶.

Мордвинов пригласил Поволоцкого на работу в театр. С этого времени Сергей Георгиевич был зачислен в штат «артистическим консультантом» Театра Воркутстрой НКВД СССР (таково первоначально было название театра), обязанностью которого было консультировать режиссеров во время постановок пьес иностранных авторов.

С.Г. Поволоцкий вспоминал:

Это был действительно удивительный и необыкновенный театр. Помещался он в большом деревянном здании. Строили его, конечно, заключенные, как, между прочим, и всю Воркуту.

«Воркуту на костях строят. Никакие морозы ей не страшны, ведь кости не мерзнут», — говорили неоднократно между собой старые пожилые заключенные, ветераны лагеря, которых сюда привезли еще

задолго до войны. Это они построили всю Воркуту, первые шахты, отдельные районы этого огромного лагеря. Очень немного их осталось в живых. Работали по 10–12 часов в сутки. Сначала жили в почти необогреваемых палатках, так как бараки строили в последнюю очередь. Питание было скверное и мало. Вследствие абсолютного отсутствия так называемых на Севере витаминов, очень многие болели цингой. Впрочем, о тех ужасных и тяжких условиях жизни и быта, какие царили в лагерях на Севере, теперь уже писано много. И поэтому я этот вопрос обойду молчанием.

Зрительный зал в воркутинском театре был довольно обширный, рассчитанный на 650 зрителей. Первые шесть рядов — это были кресла, а остальные — деревянные лавки. В помещении имелось центральное отопление. Было тепло, даже жарко. Особенно тепло было на сцене и за кулисами, так как уголь здесь не экономили. Ведь было тут его достаточно.

В театре было обширное «заплечье», ряд мастерских и очень неплохая, довольно большая и глубокая сцена. Весь технический персонал, обслуживающий многие мастерские, состоял исключительно из заключенных. Были это преимущественно не политические, а уголовники. Среди них было много прекрасных мастеров. Руководство реквизиторской мастерской и пошивочной было из «политических». Были это в большинстве известные деятели партии, военные и театральные. Последние работали в первостепенных советских театрах. Попало сюда большинство как «враги народа». Среди них, особенно среди женского персонала, обслуживающего пошивочную мастерскую, было много так называемых членов семьи врагов народа.

Во главе администрации театра был майор войск НКВД. Был он директором театра. Его заместителем был заключенный как, между прочим, и весь персонал бюро администрации театра. Труппа артистов состояла исключительно из заключенных. Были это не только «враги народа», но также обвиняемые по другим статьям⁹⁶⁷.

В труппе театра были знаменитый ленинградский оперный артист Т.И. Рудковский, первый исполнитель песен И.О. Дунаевского «Широка страна моя родная» Б.С. Дейнека, прекрасная артистка В.М. Пляковская и др.

В театре ставились не только оперетты, но и драматические спектакли.

Поволоцкий как режиссер поставил спектакль «Наталка-Полтавка» И.П. Котляревского, работал над опереттой «Жрицы огня» В.П. Валентинова, выступал как артист в пьесе Л. Шейнина «Поединок», в оперетте И. Кальмана «Сильва».

Зимой 1945 года по ходатайству Союза польских патриотов, основанного в России, Сергей Поволоцкий был освобожден и уже как со-

трудник этого союза приехал в Ставрополь, где находилось Управление союза. В совхозе «Коммунар», где жили и работали поляки, он преподавал в местной школе. В октябре того же года он женился на учительнице Евдокии Яковлевне Легонькой.

В марте 1946 года молодая семья переезжает в Вильнюс, а оттуда в Польшу, в Щецин. А с конца 1946 года они живут в Лодзи, и Сергей Георгиевич работает в сценарном отделе киностудии.

Это был совершенно новый этап его жизни. Казалось, он безоглядно живет настоящим: переводит пьесы русских драматургов, обрабатывает либретто для оперетт И. Дунаевского, Ю. Милютина, У. Гаджибекова. Издает монографию о Вс. Мейерхольде. Делает инсценировки по произведениям польских и русских писателей.

И все же прошлое не оставляло его в покое. Как журналист и как просто зритель он встречался со многими выдающимися деятелями русской культуры. Он видел С. Рахманинова, И. Мозжухина, А. Павлову, Ф. Шаляпина, К. Бальмонта, Д. Мережковского, А. Вертинского и многих-многих других. Среди его знакомых москвичи А. Каплер, О. Лепешинская, Н. Охлопков, М. Жаров, Ю. Милютин и др. Он стал вспоминать и писать о них.

Перу Поволоцкого принадлежат книги воспоминаний о пребывании в Пятигорске «Что глаза видели» (рукопись) и «Мой роман с театром» (*Mój romans z teatrem. Łódź, 1997*), увидевшие свет на польском языке.

22 июня 1994 года в Лодзи завершился жизненный путь этого замечательного человека. Энциклопедической широтой знаний, редкой добротой, деликатностью, честностью он запомнился своим современникам и друзьям. Таким они его знали и любили.

Ниже печатаются два очерка С.Г. Поволоцкого по рукописям, хранящимся в его архиве⁹⁶⁸. Воспоминания о С.В. Рахманинове были напечатаны на польском языке в книге С.Г. Поволоцкого «Мой роман с театром».

Боюсь, что это мое воспоминание о незабываемой для меня встрече в далеком Брюсселе с живым воплощением самой поэтической сказки и легенды русского и мирового балета, русского искусства вообще удивит читателя, так как оно ни в какой степени не связано ни с Пятигорском, ни с Кавказом, но, вспоминая о прошлом, я просто не могу не вспомнить об этой встрече с прославленной балериной Анной Павловной, настолько глубоко и прочно врезалась она мне в память. Ведь Павлова и ее замечательное искусство составляют сами по себе целую огромную эпоху в истории русского и мирового балета. Именно о таких немногих творцах эпохи можно сказать словами Лермонтова: «Творец из лучшего эфира соткал живые струны их, они не созданы для мира, и мир был создан не для них»⁹⁶⁹.

Это было в конце декабря 1928 года. Я находился тогда в Брюсселе. Зима была в тот год ранняя и суровая. Непривычные к холоду бельгийцы с тревогой посматривали на опустившийся почти до 9 градусов мороза ртутный столбик в выставленных у подъездов гостиниц термометрах. Они зябко кутались в легкие осенние пальто, бережно укутывая горло теплыми шальями, и жаловались на «сибирские» холода. На площадях и перекрестках улиц стояли днем и ночью круглые большие жаровни, в которых тлели горячие угли. Около жаровен, потирая руки, грелись многочисленные прохожие. Брюссельские городские власти проявили эту заботу по отношению к очень пострадавшему от холодов населению недаром. Газеты сообщали чуть ли не каждый день о большом количестве случаев отморожения рук, ног и лица у неосторожных, не привыкших к холодам брюссельцев.

Несмотря на мороз, снега почти не было. Серые громады многочисленных в Брюсселе старинных, выстроенных в готическом

стиле храмов и зданий были покрыты легкой рябью изморози. Ветви на развесистых деревьях, украшавших столь характерные для многих районов Брюсселя аллеи, скверы и парки, пригибались к земле под тяжестью осевшего на них серебристым покровом инея. Над городом, привыкшим к серым, дождливым, пропитанным влагой туманам, царила особая, свойственная бесснежной морозной погоде мгла, легким серебристо-сиреневым вуалем окутавшая полные аромата прошедших веков узкие старинные кварталы старого Брюсселя. В морозном мареве четко вырисовывались на синевато-сером, как бы подернутом легкой дымкой горизонте мощные очертания огромного, царившего над городом здания знаменитого, вошедшего в историю мировой архитектуры Дворца правосудия, силуэты суровых, застывших в многовековом спокойствии готических древних храмов, причудливых островерхих, кое-где позолоченных и посеребренных крыш тесно прижавшихся друг к другу узких, но высоких старинных домов.

Мороз придал бельгийской столице немало очарования, покрыв ее легкой сотканной из инея фатой. Окутанный этой серебристой фатой Брюссель выглядел необыкновенно красиво. Город, в особенности старинная его часть, напоминал пастельный, подпернутый дымкой средневековья рисунок старинного альбома.

Не боясь холода, я подолгу бродил в эти дни по узеньким древним улочкам, затейливым лабиринтам, окружавшим монументальное здание Ратуши, теснившимся вокруг небольшой исторической Городской площади, окаймленной рядами готических украшенных позолотой, таящих в себе дыхание многих веков древних зданий. В особенности мне нравилось блуждать по старинным городским кварталам в утренние часы, когда еще не успевала растаять в дневной сутолоке шумной уличной жизни призрачная дымка морозного марева. Очертания старинных домов, слегка окутанных вуалем, брошенным на них утренним морозом, были полны таинственной призрачной прелести ушедшей в глубь веков и в то же время как бы по волшебству ожившей старины. Немногочисленные зябко кутавшиеся в пальто спешившие на работу замерзшие прохожие с недоумением оглядывались на меня, когда я замедлял шаги и останавливался, чтобы полюбоваться каким-то зданием, возникавшим предо мною из голубоватой дымки, как призрак минувшего, подернутый серебристым налетом инея...

Во время одной из таких утренних прогулок, когда я с увлечением рассматривал четкий, необыкновенно изящный и легкий, казавшимся кружевным в морозном воздухе силуэт какого-то старинного дома на Гранд пляс (историческая городская площадь в старой части Брюсселя), я почувствовал, что кто-то за мной стоит. Обернувшись, я увидел женщину в сером меховом пальто. Она была небольшого роста, очень хрупкая и тонкая. Искоса взглянув на нее, я увидел, как она внимательно осматривает серую громаду дома, перед которым я стоял. Почувствовав на себе мой взгляд, женщина в свою очередь бегло посмотрела на меня. Ее тонкое, нервное лицо, огромные темные глаза, глядевшие внимательно и спокойно, показались мне почему-то знакомыми... Она не казалась слишком молодой. Есть такие женские лица, по которым трудно определить возраст их обладательниц. Они могут принадлежать и молодым, и женщинам средних лет. Но в хрупкой фигуре незнакомки, в ее неторопливых и четких движениях чувствовалась молодая легкость, упругость и сила.

Постояв немного на месте и полюбовавшись готическим кружевом архитектурных линий старинного здания, заинтересовавшая меня женщина медленно пошла по тротуару, окаймлявшему небольшую чудесно сохранившую своеобразие колорит Средневековья площадь. Она то и дело приостанавливалась и, не обращая внимания на любопытные мимолетные взгляды прохожих и сравнительно редких в эти утренние часы прохожих, внимательно и подолгу рассматривала покрытые изморозью и инеем старинные особняки. Казалось, что она как бы перелистывает уцелевший со старых времен альбом с поблекшими под влиянием пронесшихся веков эстампами старых мастеров, пристально и сосредоточенно всматриваясь в каждый из них.

Я медленно и осторожно, стараясь не обратить на себя внимание, шел за незнакомкой. Ее легкая и в то же время по-спортивному мужественная, полная ненарочитой естественной грации походка поразила меня своим изяществом. Каждое движение женщины, такое естественное и простое, удивительно гармонировало с окружающей меня обстановкой, с полными сурового изящества строгими архитектурными линиями средневековых особняков. Небольшая тонкая и хрупкая фигурка незнакомки, несмотря на облакавшую ее модную серую шубку, как бы особенно четко и стильно подчеркивала волнующую картину средневековья, окутанного морозной дымкой зимнего утра.

Дойдя до конца тротуара, женщина повернула в небольшой узкий переулок, соединявший Гранд пляс с шумным торговым цент-

ром старого Брюсселя. Этот переулок носил странное старинное и немного смешное название «улица Волчьих шагов». Остановившись на углу переуллка, я бросил взгляд на удалявшуюся незнакомку. И тут неожиданно я вспомнил, где я видел эти необыкновенно большие темные глаза, это тонко очерченное лицо, эти полные строгого изящества движения небольшой хрупкой фигуры... Ускорив шаги и твердо решившись на смелый, пусть даже опрометчивый поступок, я быстро догнал ту, которая перестала быть для меня незнакомкой. Сильно волнуясь, я тихо окликнул ее по-французски:

— Madame Pavloff?

Женщина быстро обернулась и удивленно посмотрела на меня вдруг еще более потемневшими глазами.

— Да, это я. Что вам угодно? — сухо ответила она по-французски, окинув меня строгим взглядом.

Испуганный собственной смелостью, готовый провалиться сквозь землю от смущения я, путая русские и французские слова, представился прославленной балерине как молодой журналист из Польши и, заикаясь от волнения, попросил Павлову ответить мне на один вопрос для читателей представляемой мною в те годы газеты.

Павлова нахмурилась еще больше.

— Я не даю интервью на улице, — коротко уже по-русски ответила она мне, — обратитесь к моему секретарю, и если он найдет возможным, то ответит вам от моего имени на ваш вопрос.

Этот лаконичный ответ был равносильен отказу. Совершенно уничтоженный дерзостью своего необдуманного поступка и данным мне суровым уроком, я растерянно пробормотал:

— Секретарь не сумеет ответить мне на этот вопрос... Простите...

Не зная, куда деться от смущения и не смотря Павловой в глаза, я неловко поклонился и отошел. Вероятно, балерину тронул мой растерянный и сконфуженный вид.

— Послушайте, — вдруг сказала она мне, — хотя я очень не люблю интервью и бесед для печати, но я на этот раз сделаю исключение. Проводите меня немного и задайте мне ваш вопрос. Я постараюсь вам на него ответить!

Все еще не приходя в себя от смущения, я все же насколько мог храбро пробормотал:

— Не сердитесь на меня, но мне хотелось спросить вас о том, что вы думали, когда я встретил вас на Гранд пляс? Вы так внимательно и подолгу рассматривали каждое здание, останавливались перед каждым порталом...

Павлова быстро и внимательно посмотрела на меня...

— Вы и это заметили? — спросила она, чуть улыбнувшись. — Ну что же, попробую вам ответить на ваш вопрос. Я часто гуляю по утрам, если свободна, конечно. Но сегодняшнее утро мне особенно понравилось. Оно такое необычное для этого города, не привыкшего ни к морозу, ни к инею. Я часто выступаю в Брюсселе, хорошо его знаю и очень люблю его немного провинциальный, но своеобразный стиль. А сегодня его своеобразие особенно бросается в глаза. Оно какое-то новое и, я сказала бы, даже непривычно феерическое для брюссельской немного мещанской старины, привыкшей с дождем и туманами. И именно это новое, непривычное в этом городе так поразило меня сегодня на Гранд пляс. Легкий туман морозного утра, иней, покрывший стены старинных особняков сделали похожим этот уголок старого Брюсселя на чудесные декорации к балету, в котором я очень хотела бы участвовать. Я думаю о нем очень много. Но, к сожалению, этот балет еще не написан. Да едва ли когда-либо он будет создан... Вы спросите, что это за балет? Я не знаю, как он может быть назван, но главная героиня этого балета — простая, наивная и чистая средневековая девушка Гретхен. Печальную и трогательную историю которой нам рассказал Гете в своей гениальной поэме о Фаусте⁹⁷⁰. Ну вот, я Вам и ответила на ваш вопрос!

Приостановившись, Павлова подала мне на прощание небольшую тонкую руку, обтянутую мягким замшем перчатки...

Так окончилось самое короткое и необыкновенное во всей моей журналистской работе интервью с прославленной русской балериной, так неожиданно проведенное мною морозным утром на изукрашенных инеем улицах старого Брюсселя.

[1928]

КОНЦЕРТ РАХМАНИНОВА

В конце ноября 1928 года мне удалось побывать в Париже и услышать в первый раз в моей жизни великого русского композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова⁹⁷¹. В Париже еще не было холодно, но парижане уже сильно страдали от утренних заморозков и всерьез уверяли что, по-видимому, русский мороз

решил в эту зиму перекочевать во Францию. В гостинице, в которой я остановился, было холодно и неуютно. Номер был маленький, скудно обставленный, рассчитанный на непритязательные вкусы, а главное, на возможность постояльцев, не обладающих туго набитым кошельком. Проживали в этой гостинице преимущественно иностранцы, главным образом учащаяся молодежь, среди которой было немало моих земляков из Польши. По рекомендации и совету одного из них я и попал в этот скромный отель, рассчитывая провести в нем несколько дней моего пребывания в Париже.

Шумная суэта парижских улиц не произвела на меня того ошелмляющего впечатления, к которому я был внутренне подготовлен, основываясь на восторженных рассказах моих друзей, побывавших в Париже. На улицах было холодно и неприветливо. Дул сильный ветер, пронизывающий, что называется, до костей. Почти круглые сутки моросил мелкий смешанный со снегом дождь. Холодно и как-то неприязненно и чуждо, в особенности по вечерам, поблескивал грязный и мокрый асфальт парижских улиц и площадей.

Блуждая по улицам огромного города, я как-то увидел сравнительно небольшую и скромную афишу. Мое внимание привлекла написанная большими буквами с детства знакомая мне по обложкам нот, стопкой лежавших у моей матери на рояле, фамилия: С. Рахманинов. Внимательно прочитав афишу, я узнал, что знаменитый и прославленный русский пианист и композитор выступает с единственным концертом в одном из парижских концертных залов перед своим отъездом в Америку⁹⁷². Таким образом, мне представился редкий случай услышать Рахманинова. Осталось только приобрести билет.

Это оказалось весьма нелегким делом. В кассе предварительной продажи мне сказали, что все билеты проданы чуть ли не две недели тому назад. На мой вопрос — как же мне все-таки попасть на концерт, пожилой франтоватый француз-кассир пожал плечами и посоветовал запастись терпением, следить за афишами и не прозевать приобрести билет на концерт Рахманинова... в будущем году.

— Мсье, вероятно, недавно в Париже, — любезно заметил он с обычной для французов словоохотливостью, — и не знает, что записываться на билет, когда играет Рахманинов нужно еще тогда,

когда даже не расклеены афиши по городу. Только в этом случае можно надеяться получить билет.

— Но как же узнать о том, будет ли концерт, если еще нет афиш? — спросил я.

Кассир усмехнулся.

— О предстоящем концерте такого знаменитого пианиста в парижских музыкальных кругах известно задолго до его приезда во Францию, — сказал он. — Ведь его выступление — это одно из крупнейших событий парижского сезона.

Раздосадованный неудачей я, прощаясь с любезным кассиром, заметил:

— Очень жаль, что я не смогу попасть на концерт. Мне так хотелось написать о нем в моей очередной корреспонденции.

Француз бросил на меня быстрый и внимательный взгляд.

— Мсье журналист? — спросил он.

— Да, — ответил я небрежно, внутренне очень гордясь этим непривычным для меня еще в те годы званием, — я корреспондент одной газеты, издающейся в Польше⁹⁷³, и приехал в Париж специально по поручению моей редакции, — храбро, сам не зная почему, приврал я.

— О, это совершенно меняет дело! — еще более любезно и предупредительно сказал кассир. — Как иностранному журналисту вам, по всей вероятности, удастся попасть на концерт. Обратитесь в дирекцию, и я надеюсь, что вы получите билет из специального резерва, предназначенного для представителей печати. У нас во Франции уважают и ценят печать. Пресса — великое дело! — значительно подняв палец, с ноткой заметного уважения в голосе посоветовал мне кассир.

Получив от него адрес редакции концертного бюро, устроившего концерт Рахманинова, я немедленно направился туда. Говоря по правде, большой надежды на то, чтобы получить билет, у меня не было. В моем бумажнике лежала скромная корреспондентская карточка, полученная мною из редакции одной из провинциальных польских газет. Я запасаю этой карточкой, выезжая за границу и мечтая о том, как я буду присылать репортажи и корреспонденции из разных стран, подписанные моей фамилией. Газетка была скромная, и большой надежды на то, что выданное мне удостоверение произведет впечатление на парижскую дирекцию, я не питал.

Однако, к моему удивлению, моя корреспондентская карточка, которую я предъявил вылощенному и элегантному секретарю дирекции, сразу же оказала мне внушительную помощь. Внимательно просмотрев ее французский текст, секретарь, почтительно поднявшись с кресла, предупредительно спросил меня:

— Вы желаете говорить с директором?

— Да! — храбро и твердо ответил я, решив во что бы то ни стало добиться билета на концерт.

Встав с места, секретарь подошел к двери в соседнюю комнату, приоткрыл ее и торжественно провозгласил:

— Господин корреспондент польской печати! — жестом пригласил меня войти в кабинет директора.

Признаюсь, только тогда я впервые оценил все обаяние корреспондентской карточки и преклонение, которым окружалось звание журналиста во Франции, в особенности со стороны так называемых деловых и театральных кругов.

Выслушав мою просьбу, пожилой и очень любезный директор концертного бюро немедленно распорядился выдать мне билет, на котором виднелся синий штамп: «Места, зарезервированные для печати». Кстати, за билет я заплатил 15 франков. Пожимая на прощание руку, директор извинился передо мной за то, что на выданном мне билете было обозначено кресло не такое удобное, какое ему хотелось бы дать для представителя иностранной печати и редакции столь уважаемой газеты, о существовании которой он, безусловно, слышал (я был уверен) в первый раз в жизни. Похрустывая билетом в жилетном кармане я, очень довольный своей удачей, покинул дирекцию концертного бюро, сам внутренне преисполнившись уважением к своей корреспондентской карточке и званию представителя иностранной печати.

Концерт должен был состояться, если мне память не изменяет, 2 или 3 декабря. В просматриваемых мною обыкновенно по утрам парижских газетах чуть ли не ежедневно появились обширные заметки о предстоящем концерте знаменитого русского пианиста и композитора. Из них я узнал, что Рахманинов перед своим приездом в Париж выступал в Скандинавии, потом в Голландии, Германии, Австрии и т.д. Заметки были выдержаны в приподнятом и восторженном тоне, свойственном французским газетам по отношению к посещающим их страну знаменитостям. Наконец утром в день концерта я, развернув одну из популярных парижских га-

зет, обратил внимание на небольшую фотографию Рахманинова и помещенное под ней короткое интервью, которое он дал сотруднику этой газеты в связи с предстоящим выступлением. Из этого интервью я узнал о том, что Рахманинов почти сразу после концерта в Париже собирается уезжать в Америку, где у него начинается 15 января будущего года сезон концертов, который продолжится вплоть до 2 апреля. Узнал я также и о том, что в программу своего выступления в Париже, к радости многочисленных парижских поклонников его великого таланта, как высокопарно, с чисто французским восторженным энтузиазмом писала газета, композитор включил ряд произведений, еще до сих пор им не исполняемых во время его прошлогодних концертов в столице Франции.

Внимательно прочитав интервью, я еще раз бросил взгляд на помещенный в газете снимок. С большого газетного листа, испещренного густой сетью обычного для французской ежедневной печати мелкого шрифта, на меня смотрело спокойное и в то же время какое-то сосредоточенно-задумчивое, немного грустное и усталое лицо Рахманинова, хорошо мне знакомое по не раз уже виденным мною фотографиям... Это вдумчивое и серьезное лицо, изображенное на снимке расплывчатом и недостаточно ясным, как это бывает в газете, сразу приковывало к себе внимание и как-то необычно выделялось на пестром фоне мелкой, убористой печати, крикливого газетного калейдоскопа театральных реклам и объявлений.

Обширный, немного старомодный по своему внешнему виду концертный зал, в котором выступал Рахманинов, был уже почти полон публикой, когда я предъявил свой билет контролеру. В зале преобладала разноязычная иностранная публика, столь характерная для устраиваемых в Париже концертов мировых знаменитостей. Кроме французской, слышалась немецкая и преимущественно английская речь. Кое-где разговаривали по-русски. Однако русских в зале было немного, и разместились они в последних, наиболее дешевых рядах...

К началу концерта зал был полон до отказа. Раздался третий звонок. Медленно и постепенно стал уменьшаться и гаснуть свет в огромных люстрах. Раздвинулся занавес. На освещенной сцене стоял большой концертный рояль, черным лакированным и блестящим пятном выделявшийся на фоне строгих темных сукон, обрамлявших эстраду. Около рояля стоял стул. В зале воцарилась мерт-

вая тишина, не прерываемая ни малейшим звуком. Около минуты сцена оставалась пустой. И вдруг из-за правой кулисы, как бы вырастая из темных складок сукон, медленно вышел очень высокий, худощавый, необыкновенно бледный человек. И тот же час тишину нарушил резкий и неожиданный, как удар грома, звук оглушительных аплодисментов. Трудно сказать, сколько они длились, так как, жадно рассматривая Рахманинова, я не обращал внимания на восторженную овацию, которой встретила его публика. Меня привлекало к себе его серьезное, несколько аскетическое, задумчивое лицо, медленные, необыкновенно спокойные движения его высокой, худой фигуры, облаченной в обыкновенный фрак концертанта. Услышав аплодисменты, Рахманинов слегка приостановился и чуть склонил коротко остриженную седоватую голову. Глаза артиста были полузакрыты, лицо продолжало сохранять спокойное сосредоточенное выражение. Не подымая глаз, медленно, широко шагая, он направился к роялю и сел на стоявший у инструмента стул, опустив вниз руки и явно переживая уже постепенно затихавшие аплодисменты. Лицо Рахманинова продолжало хранить задумчивое, строгое, почти суровое выражение. Плечи ссутулились, голова склонилась еще ниже. И снова мертвая тишина воцарилась в зале. Застывшая у рояля фигура артиста, поразившая меня своей скульптурной неподвижностью, всей своей склоненной над клавишами позой выражала внешне спокойное, но вместе с тем настоженное и чуткое ожидание чего-то. Казалось, что Рахманинов, ушедший весь в себя, как бы мгновенно забывший об окружающей его публике, напряженно прислушивался к чему-то звучащему в тишине огромного зала только для него и слышимому только им... Это, видимо охватившее артиста ожидание чего-то, передалось и залу, всей публике, продолжавшей хранить напряженную, как тетива натянутого лука, тишину.

Как-то незаметно, привычным плавным движением, не поднимая глаз и еще ниже склонив голову, Рахманинов необыкновенно легко положил руки на клавиши рояля. Еще секунда-две напряженной паузы, и неожиданно прозвучали первые аккорды исполняемого им произведения.

В этот вечер Рахманинов кроме немногочисленных собственных произведений (если память мне не изменяет, он исполнял несколько своих этюдов-картин) играл произведения Баха, Бузони⁹⁷⁴, Брамса, Шопена и др. Я не музыкант, и не мне, конечно, судить о

том, как исполнял Рахманинов включенные в программу концерта произведения. Признаюсь, слушая великого пианиста, я главным образом наблюдал за поразившей меня присущей ему манерой исполнения, совершенно особой и резко отличавшейся от игры в концертах всех других когда-либо слышанных мною пианистов.

В продолжение всего концерта, длившегося вместе с антрактом более двух часов, артист сохранял поразившее меня задумчиво-суровое выражение лица, необыкновенно сосредоточенное спокойствие и медлительность скупых и размеренных движений и жестов. Рахманинов, казалось, почти не замечал огромной жадно слушавшей его аудитории, играя как бы для самого себя или нескольких хорошо ему знакомых слушателей в тесном интимном кругу. В его исполнении поражало полное отсутствие каких-либо малейших намеков на внешнюю эффектность жестов, манеры ударять по клавишам, которой нередко подвержены многие известные музыканты. Низко склонив голову, не открывая полузакрытых глаз, он перед началом каждого исполняемого им номера выдерживал, застыв неподвижно у инструмента, длившуюся несколько секунд паузу, как бы напряженно прислушиваясь к какой-то долетевшей к нему откуда-то мелодии... А когда, оканчивая исполняемый им очередной номер программы, он как-то незаметно «убирал» с клавиш рояля руки, медленно опуская их вниз, его аскетическое лицо продолжало хранить сосредоточенное внимание, как бы прощаясь с отлетевшими, но еще слышимыми им звуками... В ответ на бурные аплодисменты, которыми награждала его публика после каждого исполненного им номера, Рахманинов, не изменяя своей позы над роялем, в легком едва заметном поклоне склонял еще ниже свою седеющую голову.

Еще не улеглись бурные, восторженные аплодисменты после последнего сыгранного артистом номера программы, когда я, не дожидаясь появления на сцене настойчиво вызываемого публикой Рахманинова, поднялся со своего кресла и быстро вышел из зала. У меня созрело смелое и в то же время казавшееся мне в ту минуту очень естественным и притом легко исполнимым, как я думал, решение.

— Как пройти за кулисы? — спросил я взглянувшего на меня с некоторым удивлением билетера и, видя, что он колеблется с ответом, быстро и не без важности добавил: — Я иностранный журналист, и мне необходимо видеть кого-либо из устроителей концерта!

Уже испытанное мною магическое обаяние для французов звания журналиста и на этот раз помогло мне.

— Я проведу мсье за кулисы, — сказал мне билетер, — но, кажется...

— Идем! — решительно прервал я его, боясь каких-либо возражений и вопросов.

Сопровождаемый билетером, пройдя какой-то большой и извилистый коридор, я очутился в обычной для закулисных помещений полутьме. Где-то почти рядом раздавался слегка заглушаемый тяжелыми складками сукон рокот не умолкавших еще аплодисментов. Билетер приостановился и спросил:

— Мсье желает видеть кого-либо из дирекции или импресарио мсье Рахманинова?

Раньше, чем я мог что-то ответить, к нам стремительно приблизился какой-то небольшого роста человек. Строго и вопросительно взглянув на меня поверх блеснувших в полутьме стекол очков в массивной роговой оправе, он в полголоса и без излишней любезности спросил:

— Кого вы ищете? Ведь вход посторонним сюда воспрещен!

Я вынул из кармана мою корреспондентскую карточку и, протягивая ее незнакомцу, насколько мог внушительно сказал:

— Я представитель иностранной печати, корреспондент газеты из Польши. Вы представитель дирекции?

— Почти, — уже более любезно ответил он, бегло взглянув на мое удостоверение, — я импресарио мсье Рахманинова. Чем могу служить?

— Я хотел бы увидеться на несколько минут с мсье Рахманиновым! — внутренне волнуясь, но сохраняя внешнее спокойствие, сказал я, все еще держа в руках мою корреспондентскую карточку.

— К сожалению, это невозможно, — услышал я вежливый, но холодный ответ. — Мэтр (так часто с французской почтительностью по отношению к артисту называл Рахманинова мой собеседник) никого из печати не принимает ни до, ни во время, ни после концерта. К тому же конференция для представителей печати уже состоялась третьего дня, и я не вижу никакой возможности удовлетворить ваше желание.

Услышав этот решительный ответ, я на секунду растерялся, но желание видеть Рахманинова, говорить с ним было настолько велико, что я тут же нашелся. Неожиданно меня осенила новая смелая мысль.

— Могу я вас просить передать мсье Рахманинову мою визитную карточку? — с изысканной вежливостью, но твердо и решительно спросил я импресарио.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Мэтр предупрежден о вашем визите к нему? — слегка удивленно спросил он меня.

— Я прошу вас не отказать мне в любезности передать мою визитную карточку мсье Рахманинову, — насколько мог внушительно повторил я, вынимая из бумажника визитную карточку, — я напишу несколько слов и, может быть, мсье Рахманинов найдет возможным уделить мне две-три минуты!

Раньше, чем мой собеседник мог возразить или отказать от исполнения моего поручения, я быстро вынул авторучку и написал по-русски на обороте своей визитной карточки несколько слов: «Горячо прошу вас не отказать принять хотя бы на одну минуту журналиста из Польши». Написав эти несколько слов, я молча протянул карточку импресарио. Он, бросив быстрый взгляд на, видимо, ему непонятный русский текст написанного и чуть пожав плечами, сказал:

— Хорошо, я исполню вашу просьбу, но я уверен, что...

— Я буду ожидать ответа здесь! — прервал я его, боясь, что он раздумает и откажется передать мою визитную карточку артисту.

Не прошло и двух минут, как я услышал раздавшийся за моими плечами голос импресарио:

— Мсье Рахманинов согласен вас принять. Я очень прошу вас задержаться у него не более 5 минут. Маэстро очень утомлен после концерта!

Импресарио провел меня к уборной артиста и, остановившись перед закрытой дверью, сказал:

— Не забудьте о моей просьбе!

Сильно волнуясь, я постучал в дверь.

— Войдите! — услышал я сказанное по-французски приглашение войти.

Голос был негромкий, мягкий по тембру и низкий по своему звучанию.

Я открыл дверь и вошел в уборную артиста. С кресла, стоявшего у небольшого стола, навстречу ко мне поднялась знакомая уже высокая фигура. В руках у Рахманинова я заметил мою визитную карточку. Несколько секунд он слегка удивленно и вопросительно

смотрел на меня. И снова меня поразило какое-то чуть оскорбленное выражение его бледного лица.

— Сергей Васильевич... — заговорил я, решив представиться артисту и изложить мою просьбу просить о разрешении задать один-два вопроса от имени читателей представляемой мной газеты.

— Простите, — прервал он меня, — я очень просил бы вас возможно короче изложить свое дело ко мне. Я очень устал после концерта и хочу поскорее уехать домой. Слушаю вас!

Я в двух слова изложил мою просьбу, назвав газету, для которой я просил артиста ответить на мои два вопроса.

— Я никогда не даю интервью в день моего выступления, — тихо и как бы про себя, сказал Рахманинов, — но вы обратились ко мне, написав несколько слов по-русски, и мне не хотелось огорчить вас отказом. Что это за газета? Я никогда не слышал о ней!

— Это небольшая газета, скромная газета, которую читают в Польше и русские, и польские читатели, — немного смущенно ответил я и вдруг, сам не зная почему, добавил, — недавно в этой газете была напечатана большая статья о вас...

— Обо мне? — удивленно, слегка подняв голову, спросил Рахманинов, — но ведь я так давно не был в Польше. В последний раз я выступил в Варшаве чуть ли не в 13-м году...

— Эту статью написал некто Галковский⁹⁷⁵. Он когда-то учился с вами в консерватории, — проговорил я, смущаясь еще больше.

Рахманинов внимательно посмотрел на меня.

— Вы говорите Галковский? — переспросил он, — как же, я его хорошо помню. Прекрасный и одаренный был музыкант. Помню даже, что в консерватории он написал интересную оперу на тему «Цыган» Пушкина, которую выбрал и я для своего «Алеко». Так он живет теперь в Польше? Что он поделявает?

— Константин Михайлович дирижирует симфоническим оркестром, преподает в местной консерватории, но сам давно уже не пишет ничего нового.

Какая-то тень пробежала по бледному лицу Рахманинова. Скорбные складки у рта сделались еще резче. Опустив низко глаза, он тихо проговорил:

— Я тоже давно не пишу ничего нового...

— Но почему? — неожиданно вырвалось у меня и, смутясь своего вопроса, я добавил: — А ведь мне хотелось спросить вас, над чем вы сейчас работаете.

Не поднимая головы, Рахманинов ответил как бы медленно взвешивая каждое слово:

— Беспрестанные разъезды, вечная суета, сопутствующая жизни странствующего концертанта, — разве это располагает к творчеству? Ведь для того, чтобы создать новое, необходимы и условия, и большое внутреннее спокойствие... Быть композитором гораздо труднее, чем концертировать в качестве пианиста-исполнителя. Это я хорошо знаю по себе, да, по-видимому, это понял и Галковский, ведь вы сами говорите, что и он давно уже не пишет ничего нового. Но, — прервал сам себя артист, — задавайте ваши вопросы. Я постараюсь на них ответить!

— На один мой вопрос вы мне ответили, Сергей Васильевич, — сказал я, — мне ведь хотелось спросить вас о ваших новых творческих планах.

— Ну, а второй вопрос? — улыбнулся Рахманинов.

— Собираетесь ли вы посетить Польшу?

— За последние годы в мире осталось очень немного стран, в которые я ежегодно не приезжал бы с концертами, — немного помолчав, по-прежнему тихо и слегка задумчиво ответил Рахманинов, — ведь вот как жизнь-то странно устроена. Когда я был молод, рвался в любой город, рад был мчаться в самое отдаленное местечко, а теперь, как постарел, устал, болеть стал — постоянные разъезды по разным странам для меня просто бич божий, да ничего не попишешь... думаю, что загляну, вероятно, и в Польшу. Кстати, у меня там и дальние родственники живут. Мир ведь тесен. А вот когда загляну к вам, трудно сказать. Ведь это не только от меня, но от моих импресарио зависит. Варшава напомнила бы мне старые годы... Ведь я там в свое время концертировал в филармонии...

В тихом, мерно и спокойно звучавшем голосе артиста чувствовалось утомление. Украдкой взглянув на часы, я увидел, что наша беседа продолжалась не две-три минуты, как было условлено с импресарио, а гораздо дольше. Поднявшись с места, я горячо поблагодарил Рахманинова за уделенное мне внимание.

— Кланяйтесь Галковскому! — сказал мне на прощание артист, протягивая небольшую, но крепкую руку писаниста-виртуоза с длинными сильными пальцами, — и передайте привет Варшаве, одному из городов моей молодости!

Сеньора из Ленинграда:

Людмила Васильевна Бенвенуто

Всякий раз, вспоминая и давно, и вчера ушедших, я повторяю эти слова: ни люди, ни их время не уходят бесследно, они навсегда остаются в твоей душе, в твоей памяти, а кто-то — в нашей общей истории. Подтверждение этому еще одно — судьба необыкновенной женщины, с которой я когда-то почти случайно познакомился в апреле 1994 года в музее М.Н. Ермоловой на вечере, посвященном памяти актера и режиссера Художественного театра со дня его основания Александра Акимовича Санина (1869–1956).

А сложилось все так. Накануне в «Вечерней Москве» был опубликован небольшой информационный материал о предстоящем вечере и его герое, написанный моей дочерью⁹⁷⁶. К сожалению, на вечер дочь пойти тогда не смогла, а приглашенная на торжества из Швейцарии падчерица А.А. Санина Людмила Васильевна Бенвенуто захотела передать ей свою благодарность за добрые слова об ее отчиме.

Мне вспоминается, что мы подружились сразу, и некая дружеская магическая связь между нами продолжалась во все время нашего знакомства.

Вот только два случая. Я в Париже в гостях у дочери художника Бориса Билинского. Телефонный звонок из Женевы. Звонит Людмила Васильевна, а ведь она не знает, что я во Франции. И так приятно было слышать ее голос. И даже в коротком телефонном разговоре она всегда успевала рассказать собеседнику какую-то интересную историю о театральной премьере, о своей архивной находке, удаче общего знакомого... Чтобы порадовать, года три спустя Людмила Васильевна неожиданно звонит в Москву и сообщает, что шлет мне подарок — книгу режиссера, драматурга, критика Бориса Глаголина «Исповедь актера», изданную Мэри О'Дуар в 1947 году на правах рукописи в количестве 50 (!) экземпляров в Холливуде (так значилось на титульном листе). Я был необыкновенно тронут ее вниманием и редким подарком.

Иногда мы могли (увы, всегда недолго) поговорить. Все думалось: когда-нибудь выдастся денек... Время от времени я получал из Женевы ее письма, всегда интересные.

Постепенно из рассказов и писем сложилась у меня история ее жизни, конечно неполная, с вопросами и с лакунами, которые теперь уж не заполнить... Но, если вдуматься, даже в таком почти схематическом изложении биография Людмилы Васильевны Бенвенуто — готовый сюжет для чего угодно: романа, пьесы, увлекательнейшего сериала, наконец.

Родилась Людмила Васильевна в Петрограде в 1920 году. Здесь же, уже ленинградской, окончила среднюю школу. Что ж, как будто обыкновенное начало жизни обыкновенного советского человека. Однако в истории пред-рождения этой девочки из Ленинграда, в биографиях ее родителей, и прежде всего матери, определенно была заложена другая — не типичная, не обыкновенная — авантюрная энергия, впоследствии не раз круто менявшая ее судьбу.

Мать Людмилы Бенвенуто Лаура Гульельмовна родилась в Италии, в маленьком приморском поэтичном городке Сестри-Леванте под Генуей. В начале XX века итальянская Ривьера отчего-то особенно притягивала русских, и там даже сложилась маленькая русская колония. Здесь жил с семьей известный в те годы писатель и журналист, «человек с дарованием», по определению Чехова, автор нашумевшего фельетона «Господа Обмановы» Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938). Девятилетней девочкой оказалась Лаура в доме писателя. А в ноябре 1916 года Амфитеатровы возвращались в Россию и вместе с ними ехала в неизвестность двадцатилетняя Лаура. На прощанье Георгий Валентинович Плеханов пожелал Лауре хорошего русского жениха, и пожелание его вскоре исполнилось.

Здесь прерву свой рассказ и дам слово писательнице, активной участнице литературно-общественной жизни Русского зарубежья Августе Филипповне Даманской (1875–1959). Вот что она писала в своей книге воспоминаний «На экране моей памяти»:

...Встретила в редакции «Руля» находившегося проездом в Берлине Василия Ивановича Немировича-Данченко и узнала от него фантастическую повесть. С Амфитеатовым был он давно близок и в его личную семейную жизнь был посвящен. <...>

Сабина (Сабина Александровна, дочь писателя. — В.Н.) не была дочерью Илларины Владимировны (жены Амфитеатрова. — В.Н.), а их итальянской горничной Лауры, которая поехала за ним в Россию, свою связь с Амфитеатовым должна была скрывать. Красивая, на-

глая, смелая, она... оказалась умелой портнихой и своим заработком выручала нередко и Амфитеатровых. С нею-то и вела Амфитеатрова таинственные разговоры по телефону в моей квартире... Девочка не знала, что Лаура ее мать...⁹⁷⁷

В Петрограде Лаура встретила своего суженого Василия Патрикеева, шофера, влюбилась в него и вышла замуж. В 1920 году, как мы знаем, у них родилась дочь Людмила.

Амфитеатров, привезший Лауру в Россию, в августе 1921 года бежал с семьей из Петрограда через Финляндию обратно в Италию и уже окончательно обосновался в своем Леванто, где и умер в 1938 году.

А Лауру Гульельмовну с дочерью в 1938 году выслали из России как иностранцев. Вскоре после их высылки был арестован Василий Патрикеев. Освободившись в годы войны, он водил машины через Ладогу. Снова был арестован и умер в пересыльной тюрьме в Угличе в 1947 году.

Итак, Лаура и Людмила снова в солнечной Италии. Лаура, кажется, счастлива, вернувшись на родину, но родина Людмилы уже Россия, и вся ее юность и большая часть ее души остались там.

А между тем судьба продолжала завязывать свои узелки.

Почти в одно время с Лаурой и Людмилой была вынуждена покинуть Россию дочь бутафора Мариинского театра Пьетро Кроче — Алтея. Они случайно встретились в Милане, и Алтея познакомила Людмилу с семьей художника Николая Александровича Бенуа, а Бенуа гостеприимно предложили матери и дочери Бенвенуто пожить в его доме, где Лаура Гульельмовна и встретилась с Александром Акимовичем Саниным.

Санин приехал в Милан из Парижа по просьбе Бенуа для постановки в Ла Скала опер «Сорочинская ярмарка» М.П. Мусоргского и «Руслан и Людмила» М.И. Глинки. К моменту их встречи в 1942 году прошло пять лет, как умерла первая жена Санина Лидия Стахиевна Мизинова, в девичестве известная как чеховская Лика. Лаура стала его второй любовью и женой, спутницей на всю оставшуюся жизнь... А Людмила Васильевна обрела в лице Санина не столько отчима, сколько друга и единомышленника. «Дорогое, светлое дитя мое», — так начинались письма Александра Акимовича к Людмиле Бенвенуто.

Шла Вторая мировая. Санины — активные участники Сопротивления. Тревожная, бессонная, конспиративная жизнь. Новые русские товарищи по общему делу: бывшие царские офицеры, священники, актеры... Все эти люди и после войны остались в ее судьбе, стали частью

ее жизни и ее забот. Так, на конспиративной квартире четы Дюкиных (Василий Николаевич, бывший галлиполиец и артист, Евгения Альбертовна, в прошлом балерина) Людмила Васильевна знакомится с отцом Доротео (в миру — Дорофей Захарович Бесчастный) и Алексеем Николаевичем Флейшером.

Бенвенуто рассказала мне, что после окончания войны отец Доротео вернулся в Россию, где семь лет провел в воркутинских лагерях, после освобождения работал на заводе в Каунасе, а позже — в отделе редких и старопечатных книг Республиканской библиотеки в Вильнюсе. Скончался в 1966 году. И Флейшер тоже возвратился в Россию, он умер в 1976 году.

Но пока конца войне не видно, и жизнь Людмилы Васильевны поделена надвое: Соппротивление и все остальное. Во всем остальном, то есть в обыкновенной частной жизни, она и жила обыкновенно, работала чертежницей при судовой Анджелини. Хозяин был ее работой очень доволен и даже выделил ей «чертежную комнатку». Здесь в рабочем шкафу она и хранила обмундирование немецких солдат и офицеров и одежду для советских военнопленных, в которой их переправляли в партизанские отряды. Людмила Бенвенуто говорила по-немецки и вместе с прачками и уборщицами спокойно проходила в казармы, где содержались русские пленные, и устанавливала с ними связь.

А однажды арестованный итальянский партизан под пытками назвал адреса некоторых подпольщиков, и в том числе Бенвенуто. И немцы пришли за ней. Но хозяйка пансиона, где жила Людмила Васильевна, категорично заявила, что ее постоялица давным-давно тут не живет. Она вела себя так бесстрашно и естественно, что немцы ей поверили. Хозяйку звали Евгения Витали — Людмила Васильевна очень хотела, чтобы ее имя не забылось.

И еще один любопытный штрих к всеобщности и интернациональности Соппротивления. В Риме, на улице Номентано, что неподалеку от катакомб Сант-Аньезе, находилась вилла «Тай». Она являлась резиденцией посла Таиланда и одновременно служила базой советских участников Соппротивления. Здесь размещался госпиталь, печаталась партизанская газета, хранилось оружие. А когда немцы ушли из Рима, над виллой взвился красный флаг.

Через несколько лет после окончания войны Людмила Васильевна переехала в Швейцарию, где тридцать лет работала в Женевском отделении ООН. Там она познакомилась с помощником министра ино-

странных дел Великобритании Нилом Мак-Дермотом и вышла за него замуж. Казалось, судьба наконец подарила ей защиту и достаток... Но, как мы знаем, судьбу Бенвенуто часто решал случай. И он скоро о себе напомнил. Английские власти без всякого на то основания обвинили Людмилу Васильевну в шпионаже в пользу России. Муж ее в знак протеста немедленно подал в отставку со своего высокого поста, и супруги поселились в Швейцарии.

Теперь что ж, наконец-то Людмилу Васильевну и ее мужа ждала беззаботная жизнь пенсионеров. Но Бенвенуто совершенно не умела жить спокойно. Она была по-русски широка, добра, гостеприимна. Всегда кому-то помогала, кого-то одаривала. (В частности, мне с ее помощью удалось получить пражские дневники поэтессы Марины Тукалевской и буквально в первые дни нашего знакомства она презентовала мне клavier оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии», принадлежавший А.А. Санину.)

А еще она вела огромную общественную работу: собирала посылки для детских домов в России, устраивала выставки русских художников, передавала в дар московским и петербургским (ленинградским еще) музеям рукописи, фотографии, документы и т.п. Архив А.А. Санина она подарила Государственному центральному театральному музею им. А. Бахрушина.

В 2001 году московское издательство «Искусство» на ее средства издало монографию Н. Кинкулькиной «Александр Санин: Жизнь и творчество».

Людмила Васильевна Бенвенуто скончалась в январе 2006 года. Нам так и не удалось с ней обстоятельно поговорить. Как всегда... И в письмах, и в разговорах я все уговаривал Людмилу Васильевну хотя бы начерно или на диктофон, но как-то зафиксировать свои бесценные воспоминания о прожитом и пережитом, о Бенуа, Горьком, Амфитеатрове, Санине и многих других. Но она так и не собралась это сделать, все некогда было...

Правда, один небольшой, но очень интересный разговор с ней, по счастью, сохранен. В 2001 году Татьяна Борисовна Проскурникова (1939–2003), специалист по французскому театру и литературе, записала свою беседу с Л.В. Бенвенуто. Эта запись публикуется ниже по авторизованной машинописи, хранящейся в моем архиве.

Будучи в августе 2001 года в Женеве, я сказала Людмиле Васильевне Бенвенуто (в дальнейшем по ходу текста — Л.В.), что Вячеслав Петрович Нечаев как раз сейчас находится в Париже, где описывает библиотеку А.А. Туринцева⁹⁷⁸, которую вот уже более десяти лет бережно хранит его сын. После чего это замечательное книжное собрание по решению Туринцева-младшего поступит в дар Центральной научной библиотеке СТД. Я это специально рассказала Л.В., надеясь в глубине души, что пример Туринцева-младшего подтолкнет ее вернуть в Россию кое-что из хранящихся у нее «русских материалов», в том числе, письма А.А. Санина⁹⁷⁹.

В свой очередной приезд в Женеву я передала Л.В. письмо от В.П. Нечаева, в котором он обращался к Л.В. с просьбой хотя бы приступить к написанию воспоминаний и с некоторыми вопросами об интересующих его эмигрантах. Читая письмо в моем присутствии, Л.В. «между строк» заметила, что была хорошо знакома с Туринцевым (она делала ударение в его фамилии на первом слоге) и не раз встречалась с ним... И вот она, начав очень издалека, рассказала мне, как судьба свела ее с Туринцевым.

Итак, после окончания войны на семейном совете в Риме было решено, что Л.В. должна продолжить учебу в Женеве — учить языки, чтобы в будущем получить интересную работу. Римские друзья семьи Бенвенуто подыскивали ей приличный пансион, где все было комфортно, даже изысканно, но... голодно. Вероятно, предполагалось, что воспитания и образования вполне достаточно. Тогда Л.В. решила искать себе другое пристанище. И вот однажды в университетском квартале на площади Клапаред она увидела на одном из домов вывеску: «Семейный пансион Ханс-Жакоб». Слово «семей-

* Беседа велась в доме Л.В. Бенвенуто на авеню Вебер, 34 в Женеве 22 ноября 2001 года.

ный» напомнило ей о домашнем обеде, и она решилась войти. (Следующий далее рассказ Л.В. о хозяйке пансиона и ее семье во многих его подробностях на первый взгляд не имеет прямого отношения ни к Туринцеву, ни даже к самой Л.В. Но все эти будто бы чужие биографические подробности на самом деле — зерна русской эмиграции, рассеянные по миру и, увы, стремительно исчезающие с уходящими поколениями старых русских. И каждое такое «зерно» мы обязаны сохранить. Каждое — драгоценность. Нет «чужих».)

Итак, по акценту хозяйки пансиона Л.В. поняла, что та, вероятно, русская, и оказалась права. Впоследствии они очень подружились. Хозяйку звали Вера Игнатьевна⁹⁸⁰. В прошлом она была женой воронежского генерал-губернатора Георгия Болеславовича Петкевича⁹⁸¹. Перед самой революцией ушла от мужа с тремя детьми. В голодные годы, скитаясь по стране, Вера Игнатьевна встретила бывшего управляющего их имением Ханса-Жакоба, гражданина Швейцарии, и вышла за него замуж. Так Вера Игнатьевна оказалась в Женеве. Одна из ее дочерей, Кира⁹⁸², впоследствии вышла замуж за князя Михаила Петровича Волконского⁹⁸³. (Мир эмигрантский очень тесен: Л.В., оказывается, хорошо знала дочь своей хозяйки, эту самую Киру.) В 1947 году Волконские вернулись в Россию, им было определено поселиться в Тамбовской области. Князь преподавал английский в деревенской школе в пяти километрах от своего дома. Десять километров каждый день, в любую погоду... Зато какой великолепный английский был у ребятишек из глухой тамбовской деревушки! А собственный сын князя, Андрей Волконский⁹⁸⁴, тем временем вырос и стал известным композитором, основателем и руководителем ансамбля старинной музыки «Мадригал». В 1973 году он уехал во Францию, и теперь большую часть времени (свободную от выступлений) проводит на вилле своей тетушки Марии⁹⁸⁵ под Монте в Швейцарии. Дочери Веры Игнатьевны — Мария и, кажется, Ирина⁹⁸⁶ вышли замуж за состоятельных людей и прожили свою жизнь в достатке. Когда границы для русских открылись, Кира стала приезжать к сестрам. В Женеве вышла ее книжка на русском языке «Сестры Горемыкины»⁹⁸⁷. Таким образом, история этой русской фамилии сохранена. Умерла Кира в конце 1990-х.

Однако вернемся к самой Л.В. В Женевском университете, куда она в конце концов поступила, русский язык и литературу преподавал известный филолог и литературовед, профессор Сергей Иосифович Карцевский⁹⁸⁸. Узнав, что для Л.В. родной язык русский,

поговорив с ней, Карцевский сказал шутливо, что у него ей и делать-то, собственно, нечего. На отделении перевода, где стала учиться Л.В., ее преподавательницей была Евгения Александровна Черносвитова⁹⁸⁹, в совершенстве знавшая пять языков (в свое время она была секретарем у Э.-М. Рильке). К тому же Евгения Александровна была талантливым педагогом, и совершенное знание языков стало, так сказать, наследным качеством ее способной ученицы. А с сыном профессора Карцевского Игорем⁹⁹⁰ Л.В. до сего дня поддерживает дружеские отношения. Он звонит ей почти ежедневно. Вот и в тот день, когда мы разговаривали с Л.В., он позвонил в очередной раз, чтобы сообщить, что его отец никогда не был проректором университета (и об этом тоже спрашивал в своем письме В.П. Нечаев). Игорь Карцевский подарил Л.В. изданную в Москве 2000 году книгу отца «Из лингвистического наследия» с трогательной надписью.

Но мы ушли в сторону от жизненной истории Л.В. Так вот, в те времена, когда Л.В. должна была ехать в Англию для стажировки в английском языке, Александр Акимович Санин обратился с письменной просьбой о дружеской поддержке к родной сестре русской писательницы и переводчицы Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник⁹⁹¹ — известному врачу и общественному деятелю Анне Львовне Куперник⁹⁹². И та, приняв живое участие в судьбе соотечественницы, нашла для Л.В. жилье у некоей Валерии Купер, ученицы швейцарского композитора и педагога Жака-Далькроза⁹⁹³, создателя системы музыкально-ритмического воспитания (то, что бывший директор императорских театров, театральный критик и мемуарист Сергей Михайлович Волконский⁹⁹⁴ называл «выразительный человек»). К модной системе Жак-Далькроза Л.В. еще вернется, но это будет потом, в Женеве. А пока молодая стажерка обживала «свой» Лондон.

Однажды Л.В. отправилась на литературный вечер, где должна была состояться встреча с приехавшим из Москвы писателем Леонидом Леоновым. Ее соседкой в зале оказалась дама довольно экстравагантного вида в огромной шляпе. Дама что-то спросила у Л.В. по-английски и, услышав ответ, поинтересовалась, не русская ли она? И узнав, что ее соседка действительно родом из России, дама представилась уже на русском языке: «Я вдова писателя Герберта Уэллса, слышали о таком?» Странная соседка оказалась очень любознательной. Она интересовалась, чем занимается Л.В., что делает в Лондоне, где живет и т.п. А потом вдруг предложила по окон-

чании вечера пойти вместе с Леоновым — почему бы и нет? — куда-нибудь «посидеть». Но молоденькую студентку, правду сказать, испугала бесшабашная и веселая стремительность этой энергичной дамы, да и возвращаться поздно ночью домой ей не хотелось (она жила под Лондоном). И она ответила на соблазнительное предложение незнакомки отказом. А спустя несколько десятилетий, прочитав книгу Нины Берберовой «Железная женщина», Л.В. догадалась, что ее экстравагантной соседкой на том литературном вечере была знаменитая красавица и авантюристка Мария Игнатьевна Будберг⁹⁹⁵, более известная в светских и литературных кругах как Мура и «русская миледи».

Вернувшись в Женеву, Л.В., увлеченная восторженными рассказами Валерии Купер о системе Жака-Далькроза, решила записаться в его школу. Оказалось, что всякий раз по дороге в университет она шла мимо здания этой школы, ни разу не обратив внимания на вывеску. Зато теперь-то Л.В. с головой окунулась во все пластические эксперименты Жака-Далькроза. Но в жестком музыкально-ритмическом каркасе его методик она чувствовала себя ужасно неуклюжей и, наверное, больше от этого ощущения, чем от физических нагрузок, уставала. Она изводила себя так безжалостно, что мать буквально силком заставила ее прекратить занятия. Правда, пользу они ей все-таки принесли: впоследствии Л.В. всегда легко и красиво двигалась, хорошо танцевала, артистично играла в теннис.

После войны в Женеве усилиями четырех русских эмигрантов: Веры Игнатьевны Горемыкиной-Ханс-Жакоб, жены профессора Карцевского⁹⁹⁶, дочери купца Селитрина⁹⁹⁷ и мадам Анны Юнг⁹⁹⁸ был открыт, кажется в 1949 году, русский православный храм Рождества Богородицы.

В конце 1950-х и в самом начале 1960-х настоятелем был архимандрит отец Серафим⁹⁹⁹ (в миру — Владимир Родионов), человек необыкновенной судьбы. Когда-то он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и работал художником-декоратором у А.Я. Таирова¹⁰⁰⁰. Во время гастролей Камерного театра в Париже в 1923 году у него, как он рассказывал позже, совершенно закружилась голова от парижской художественной жизни, и он остался во Франции, прожив несколько лет словно в угаре. А потом он, совершенно по-русски, вдруг задумался о смысле жизни и обратился к Богу. В 1934 году поступил в Св.-Сергиевский богословский институт, откуда вскоре был исключен за приверженность

юрисдикции Московской патриархии. Тогда он поступил на филологический факультет Сорбонны по специальности «византология». В 1939 году В. Родионов принял монашеский постриг. Перед войной и после войны отец Серафим служил помощником настоятеля храма Трехсвятительского подворья в Париже. Во время войны был санитаром во французской армии, попал в плен к немцам. После войны вернулся в свой храм. В 1948 году отец Серафим уехал подлечиться в Швейцарию, где впоследствии стал настоятелем церкви Рождества Богородицы.

Л.В. познакомилась с ним в середине 1950-х. Профессия художника угадывалась даже в его монашеском облике: он был живописен, даже иконописен. Но главное — долготерпелив и добр к своей пастве. Все русские в Женеве знали и любили его. По просьбе Веры Игнатьевны он в свое время крестил мать Л.В. Ведь оказавшись когда-то в России, она естественно потянулась к православию, да и Санин этого очень хотел. Вот такие жизнь иной раз складывает сюжеты: бывший художник Камерного театра крестит жену одного из основателей Художественного театра!

К слову, муж Л.В., известный английский юрист Нил Мак-Дермот¹⁰⁰¹ (который из-за женитьбы на «советской» Л.В. должен был оставить свой пост в правительстве Гарольда Вильсона), страстно любя жену, полюбил и все русское, принял православие и крестился в той же русской церкви в Женеве. Правда, иной раз он подсмеивался над своими «любимыми русскими» — женой и тещей. Так, однажды, когда в привезенной кем-то из России банке с маринованными грибами оказался нечаянно песок, Нил, сохраняя английскую невозмутимость, заметил огорченным хозяйкам: «Что ж, ведь это прекрасно, ведь это же русская земля!»...

Так вот, возвращаясь к нашему Туринцеву: к Вере Игнатьевне, а точнее к ее другу священнику (отцу Серафиму), нередко приезжал в Женеву отец Александр Туринцев, тогдашний настоятель православного Трехсвятительского храма на рю Петель в Париже. Л.В. вспоминает, что Туринцев был статен, красив и сохранил военную выправку. О его появлении в Женеве Л.В. всегда узнавала от Веры Игнатьевны, которая звонила ей со словами: «Милочка, приходите после своего ужина, приехал отец Александр», что означало: после аскетичного пансионского ужина ее ждет щедрое русское застолье и бесконечные интересные разговоры. На эти вечера часто заглядывал Рафаил Михайлович Трахтенберг¹⁰⁰², заве-

дующий Бюро русских переводов в ООН и давний друг Туринцева. Когда-то они вместе служили то ли в царской армии, то ли в белой. И то, что они были старинными друзьями, совсем не мешало их яростным «мировоззренческим» спорам. Священник Туринцев был более терпим к новой русской власти, но Трахтенберг был ярким антисоветчиком. И даже когда Л.В. поступала на работу в ООН, Трахтенберг саркастично заметил: «Ну что ж, посмотрим, как там вам пригодится ваша хваленая советская школа» (напомним, Л.В. оканчивала школу еще в Ленинграде). Но ответственное отношение Л.В. к любому порученному ей делу, безупречное знание языков и конечно же ее прекрасный русский заставили в конце концов Трахтенберга признать ее высококлассным профессионалом и незаменимой сотрудницей. Он часто обращался к ней за советом и очень прислушивался к ее разумным замечаниям.

Когда же Трахтенбергу исполнилось шестьдесят, он вышел на пенсию и стал сотрудником радио «Свобода» в Мюнхене. Но долго там не продержался и очень скоро вернулся в Женеву, с горечью сказав Л.В. при встрече: «Я, конечно, не люблю СССР, но и в этой помойке работать не желаю».

На этом Л.В. закончила свой рассказ. Было уже поздно, и я стала прощаться. Вернувшись в гостиницу, поторопилась записать услышанное. К сожалению, разговор наш шел без диктофона, но я старалась восстановить многосюжетный эмоциональный и иной раз сбивчивый рассказ Л.В. Возможно, что-то так и не вспомнилось, но осталось в душе и памяти нечто более значительное, чем нечаянно оброненный факт. Осталось чувство благодарности к людям, очень давно живущим за пределами России, но неприкосновенно сохранившим традиционно русские качества — дружбу, гостеприимство и взаимопомощь.

К слову. Вспомнив, что В.П. Нечаев собирает материалы, касающиеся пражского «Скита поэтов», Л.В. вручила мне для передачи ему дневники поэтессы Тамары Тукалевской¹⁰⁰³. (Теперь эти дневники хранятся в Рукописном отделе Центральной научной библиотеке СТД.) В розыске этих дневников большую помощь оказал экономист (и полиглот!) Иона Соломонович Гальперин¹⁰⁰⁴, который после кончины Трахтенберга стал заведующим Бюро переводов при ООН. И этот весьма занятой человек (как и все и всегда другие), немедленно и охотно откликнулся на просьбу Л.В. и В.П. Нечаева.

Ничто не проходит бесследно:

Михаил Николаевич Каракаш
и Елизавета Ивановна Попова

Вихревой поток жизни обрушивает на нас массу информации, впечатлений и встреч, иной раз исполненных мистического смысла. Загадочная предопределенность некоторых событий, наверное, знакома всем «людям поиска»: архивистам, биографам, исследователям чьего-либо творчества. И вот однажды (почти всегда!) из невероятного хитросплетения событий вдруг прорастает очевидность и ясность понимания. Практически из ничего в начале поиска потихоньку выстраивается канва биографии, восстанавливается, затепливается к творческому продолжению чья-то, казалось, навек исчезнувшая жизнь. И в русской историко-культурной галерее появляется еще один портрет. В нашем рассказе портрет будет двойной, семейный — Михаил Николаевич Каракаш и Елизавета Ивановна Попова.

Сейчас трудно точно назвать год, когда мемуарная комиссия Всероссийского театрального общества приобрела воспоминания солиста Русской оперы в Париже Георгия Филипповича Коршунова. В них, в частности, он вспоминает Шалыпина в последние годы его жизни. И в этих живых историях часто встречается имя Михаила Каракаша, тогдашнего товарища мемуариста. Ну вот, к примеру, одна из таких историй (1931).

В пять часов утра из Ниццы в Париж прибыл поезд. В нем из гастрольного турне по Ривьере возвратилась оперная труппа артистов. Мой товарищ Михаил Каракаш и я, отправив вещи в гостиницу, решили подъехать к набережной реки Сены, чтобы полюбоваться восходом солнца.

Небо было прозрачно-лазурное. Из реки подымался пар. Радостные чайки носились над рекой, нарушая своими криками утреннюю тишину. Воздух был свеж и ароматен.

Первые лучи солнца уже скользили золотым светом по крышам и верхним этажам музея Лувра и других зданий.

Вдруг с другого берега послышались голоса. Мы поняли, что это базар. Он открывается два раза в неделю на бульваре де-Гренель.

Решили зайти купить винограду. Пройдя мимо «Трокадеро» от рю Пасси, свернули на двухэтажный мост, по которому внизу проходили пешеходы и автомобили, а по верху метро.

На мосту нас обогнала огромная светло-коричневая машина. Мы оба в один голос вскрикнули: «Шаляпин¹⁰⁰⁵ поехал!»

Пройдя мост, мы вступили на бульвар и уже шли между товарными ларьками. Торговцы, распинаясь, старались перекричать друг друга, рекламируя свои товары: «Бананы, виноград, апельсины, мандарины и т.д.».

У гостиницы «Франко-рюс» видим — стоит огромная машина фирмы «Испано-сюиза». Мы не ошиблись, узнаем действительно машину Шаляпина.

Неподалеку, впереди нас, Шаляпин, слегка покачиваясь, идет с двумя гражданками. Он, поддерживая их под руки, весело с ними разговаривает. На ухо одной, потом другой что-то скажет, и они заливаются смехом. Мы решили понаблюдать за Федором Ивановичем.

Думаем, — интересно увидеть Шаляпина в жизни, да и еще под хмельком.

Вдруг среди базарного шума и крика торговцев раздался дивный голос — тенор.

Услышав пение, Шаляпин, приостановившись, прислушивается.

Сказав что-то своим спутницам, Шаляпин взял их под руки и быстро двинулся вперед.

Мы тоже прибавили шаг.

Приближаясь к певцу, уже слышим аккорды гитары. Голос полился яснее и мощнее.

Шаляпин, подойдя к нему чуть не вплотную, остановился и даже открыл рот, слушая с вниманием его пение.

Шаляпина удивляет голос, музыкальность, чувство и — почему на базаре?

Человек в черных очках с гитарой в руках продолжает грудным звуком и вдруг бросает фразы на форте. Льется блестящий голос.

На последних словах он ушел к пиано, сделав большое ритенданте, после чего ударил по струнам последний аккорд и, опустив гитару к ногам, протянул шляпу для подаяния.

— Нищий-слепой, и так поет, — сказал Шаляпин своим спутницам и, оставив их одних, он подошел к человеку вплотную и с ним заговорил.

Вначале расслышать разговора было нельзя, но можно было догадаться, что Шаляпин, наверное, спросил его: кто он и где учился петь?

Мы подошли поближе, слышим, Шаляпин задает ему вопрос:

— Что же, шляпа еще пуста? Разве никто ничего не давал?

— Да, господин! — ответил слепой, — я тут уже около часу, и все как-то проходят мимо.

После нескольких мгновений молчанья слепой добавил:

— Скупы что-то стали парижане!

Наступило снова молчание. Шаляпин, что-то еще с ним переговорив, вдруг выдернул одну руку из рукава своего пальто, сделав этим себя одноруким, и, сняв с головы кепку, опустил гривкой на лоб волосы, надел на глаза солнечные очки, стал, пригнувшись, рядом со слепым и говорит:

— Начинайте!

Раздались аккорды, и первый вступает Шаляпин: поет по-французски «*Vous qui plaîre*»¹⁰⁰⁶.

Широкой волною полился мягкий бархатный бас Шаляпина.

Торговцы, стоящие вблизи, умолкли. Народ стал окружать слепых. Вступает тенор. Он захвачен шаляпинским исполнением, голос его полился серебром. Потом поют вместе дуэтом. Получается необыкновенно красиво.

Все окружающие их в изумлении. Последнюю фразу в унисон оба прошептали на тончайшем пианиссимо.

Слепой, растроганный неожиданным сюрпризом, смахнул слезу.

Подруги Шаляпина умирают от хохота.

Одна торговка, растроганная картиной и пением, утирая слезы, положила в шляпу франк и, подойдя к смеющимся, пристыдила их:

— Некрасиво и грешно смеяться над слепыми, вы еще не знаете, что может быть в жизни с вами!

Мы, стараясь не попадаться на глаза Шаляпину, стали немного поодаль, сбоку, и наблюдаем. Нам не смешно, а очень интересно: мы видим великого артиста на улице, как на сцене. Это было сделано Шаляпиным гениально.

Люди, слушая слепых, приходили в изумление от их голосов и их пения, не подозревая здесь Шаляпина.

В кепку и шляпу сыпались мелкие монеты.

Один француз, которому, как видно, очень понравилось пение, подходит к слепым и опускает пятифранковый билет, сперва в шляпу, а потом его перекладывает в кепку, видя в Шаляпине более несчастного, и просит повторить.

Шаляпин, стоя все в той же пригнувшейся позе, жалобным тоном просит:

— Пожалуйста, господин, каждому по пять франков, тогда повторим. Француз, почесав затылок, заметался. Он скуп. С печальным выражением лица кладет еще пять франков и отходит в сторону.

Шаляпин на свой билет поплевал и советует поплевать партнеру. Слепой поплевал тоже.

Поют. Поют еще лучше. Сыпались уже не только монеты, но и кредитки. Шаляпин взял, как видно, себе на память пятифранковый билет, взамен его в руку слепого сунул свой стофранковый. Потом, пересыпав в шляпу из своей кепки деньги, что-то слепому сказал и подал ему на прощанье руку.

Слепой вцепился за руку Шаляпина, не отпускает его и все что-то взволнованно говорит. Шаляпин, съежившись от сильного рукопожатия, говорит слепому:

— Извини, коллега! Никак не могу. Очень занят, очень спешу.

И с силой вырывает свою руку.

Громко рассмеявшись, Шаляпин подходит к своим спутницам, говоря:

— Перемял все косточки, не хотел отпустить, умолял работать вместе.

Так что, — продолжил Шаляпин, — выгонят из оперы, не пропаду!¹⁰⁰⁷

Так кто же такой этот товарищ Коршунова Михаил Николаевич Каракаш? Я знал только, что он был оперный певец (лирический баритон), солист Мариинского театра. Покинул Россию в 1920 году.

Но как сложилась его судьба в эмиграции, никто не мог мне дать ответа...

Здесь небольшое отступление. Прошло, кажется, много лет с тех пор, как библиотекой ВТО были приобретены мемуары Коршунова. И вот однажды наш читатель С.А. Чаморян во время беседы с одной из сотрудниц библиотеки сказал мимоходом, что он знаком с сыном М.Н. Каракаша, Андреем Михайловичем, и что тот-де года три тому назад предложил Государственному центральному театральному музею им. А.А. Бахрушина архив своего отца и матери, бывшей солистки Мариинки, Елизаветы Ивановны Поповой. Но сотрудники музея согласились принять на хранение только те материалы, что были связаны конкретно с Шаляпиным, а все остальное для них не представляло интереса как «непрофильное».

Однако никогда нельзя знать заранее, какие сюрпризы таит «непрофильный» частный архив или, скажем, частная переписка с исторически, вроде бы, незначимым лицом. Помнится, в свое время в Музей МХАТа пришла женщина и предложила купить у нее письма А.П. Чехова к какой-то незнакомке. Директора музея Н.Д. Телешова в тот день не было на месте. Сотрудники же музея решили, что письма не связаны напрямую с историей театра и отклонили это предложение. Как потом Телешов сокрушался! А чеховские письма в дальнейшем так и не всплыли.

Вот и мы понимали, что в случае с Каракашем надо ковать железо, пока горячо. Получив на то разрешение Андрея Михайловича, Чаморян дал нам его телефон. Созвонились, договорились о встрече в ближайшее время, но встреча не состоялась... Андрей Михайлович скончался. Надо было спасать бумаги. И мы написали письмо в нотариальную контору с просьбой передать материалы Каракаша библиотеке ВТО.

В день сдачи ключей от комнаты Андрея Михайловича технику-смотрителю (он жил в коммунальной квартире) представителей библиотеки пригласили. Взяв машину, отправляемся на Университетский про-

спект. Входим — глазам предстает картина разорения: голая комната, посередине гора бумаг, из которой торчит скрипка с поломанным грифом. Нам сказано, что мы должны освободить комнату от всех этих бумаг в течение получаса! К счастью, в коридоре нашли старые чемоданы каракашевской семьи, их еще не вынесли на помойку. И мы без разбора стали складывать в них бумаги.

Из любопытства я взял в руки скрипку. И заглянув внутрь, увидел ярлык какого-то аукциона. На итальянском языке было написано, что это скрипка работы Страдивари. Я закричал: «Это Страдивари!» А нотариус сразу же очень спокойно заявила, что скрипка уже отобрана для Госфонда и уже, стало быть, принадлежит государству. Я не спорил. Станешь ли спорить? Что стало в дальнейшем с этой скрипкой, мне неизвестно... Однако надо было срочно вывозить бумаги. Заглянувшие соседи по коммуналке поинтересовались, взяли ли мы картины и альбомы с фотографиями, в частности посвященные Шаляпину. Но мы их в глаза не видели! Соседи посочувствовали: «Не судьба! Видно, все унесли до вас».

Вот так мы получили никому не интересную гору бумаг, своего кота в мешке. Привезли, занялись разбором «случайного архива». А в нем обнаружили, как вы сможете вскоре убедиться, бесценные материалы по истории театра Русского зарубежья. Записи М.Н. Каракаша: «Что Шаляпин говорит о “Русалке”» или его анализ спектакля «Дворец пробуждается» в постановке Михаила Чехова — подлинные сокровища. Без преувеличения.

Вот так, на основе чудесным случаем доставшихся нам документов, сложилась история двух замечательных русских людей, о которых, правда, давно никто не помнил в России, но чьи имена были очень и очень известны за ее пределами, и особенно в стране, которая приютила их у себя, — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1934 года Югославия).

Михаил Каракаш и Елизавета Попова всей своей подвижнической деятельностью поддерживали в эмиграции образ России — страны блестяще образованных и талантливых людей. Их биографии тому прямое подтверждение.

Вот что писал рецензент Ю.К. в белградской газете «Новое время» (21 января 1922 года) о спектакле «Евгений Онегин» на сцене белградского театра «Народно позориште» с участием бывших артистов Мариинского оперного театра «госпожи Поповой и господина Каракаша»:

...На мгновение как бы приоткрыт был уголок мариинской сцены, откуда пахнуло родным русским искусством... Г-жа Попова — сильный, едва вмещающийся в тесных стенах белградского театра голос в соединении с внешностью, так подходящей к образу Татьяны, — все это совершенно захватило слушателей, особенно законченно была проведена сцена письма, исполненная артисткой ярко, с большим подъемом. Господин Каракаш свою роль Онегина провел очень красиво, художественная простота и благородство жестов — вот основные черты его трактовки Онегина¹⁰⁰⁸.

Творческая судьба Елизаветы Ивановны Поповой сложилась счастливо. Дошедшие до нас свидетельства рисуют образ яркий и привлекательный.

Родилась она 19 октября 1889 года в Астрахани. Окончив гимназию, поступила в Петербургскую консерваторию, где училась вокалу в классе знаменитой Алмы Фострем, прозванной «финским соловьем». Концертмейстером в классе был будущий композитор и музыковед Б.В. Асафьев. Еще студенткой Елизавета Попова впервые выступила перед столичной публикой. Это произошло на сцене Большого зала консерватории в опере «Черевички» П.И. Чайковского. Газета «Биржевые ведомости» 19 декабря 1911 года сообщала:

Из учащихся, с которыми публике пришлось познакомиться, лучшие надежды подает ученица Попова (класс профессора Фострем)¹⁰⁰⁹.

Попова быстро выдвинулась в примадонны Мариинки. Она выступала с корифеями русской оперы — Ф. Шаляпиным, А. Неждановой, Д. Смирновым, И. Ершовым и многими другими. Выступая на мариинской сцене, Елизавета Ивановна создала образы Татьяны («Евгений Онегин» П.И. Чайковского), Чио-Чио-Сан («Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини), Ольги («Псковитянка» Н.А. Римского-Корсакова), Зофьи («Галья» С. Монюшко), Мими («Богема» Дж. Пуччини), Эльзы («Чудо роз» П. Шенка), Тамары («Демон» А.Г. Рубинштейна) и другие.

Вл.И. Немирович-Данченко в своем письме к управляющему императорскими театрами В.А. Теляковскому (2 января 1917 года) так описывает свои впечатления от спектакля с участием Поповой:

Пока что два вечера я провел в Мариинском театре с большим удовольствием. «Баттерфляй» я видел в Москве и в Берлине. Ни то ни другое не идет ни в какое сравнение с Вашей постановкой. Так приятно было слышать свежие, молодые голоса, хорошую музыкальность по всем линиям. У Поповой так много хорошего¹⁰¹⁰.

Двумя годами ранее она связывает свою судьбу с Михаилом Николаевичем Каракашем. Их бракосочетание состоялось 29 июня 1914 года.

Будущий оперный артист (лирический баритон), солист Мариинского театра Михаил Каракаш родился в 1887 году в Симферополе. Отец его, Николай Иванович Каракаш, был профессором геологии Петербургского университета. Его мать, Надежда Ивановна, урожденная Варнек, происходила из старой интеллигентной семьи: дед ее — известный портретист, академик живописи Александр Григорьевич Варнек (1782–1843). Михаил Николаевич окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и получил образование как певец в Петербургской консерватории, в классе профессора С.И. Габеля (1849–1924). Помимо занятий в консерватории учился в Милане — у преподавателя пения, дирижера театра Ла Скала Витторио Ванцо. Дирекция императорских театров обратила внимание на молодого артиста и предложила ему дебют на сцене Мариинки в роли Онегина. После успешного дебюта был заключен контракт с Дирекцией, и в 1911 году М. Каракаш был принят в труппу.

За время работы в театре он выступил в «Евгении Онегине», «Гугенотах» Дж. Мейербера (граф де Невер), «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини (Шарплес, американский консул), «Севильском цирюльнике» Дж. Россини (Фигаро), «Ромео и Джульетте» Ш. Гуно (Меркуцио), «Лакме» Л. Делиба (Фредерик), «Фаусте» Ш. Гуно (Валентин), «Каменном госте» А.С. Даргомыжского (Дон Карлос), «Демоне» А.Г. Рубинштейна (Демон).

31 июля 1918 года в Зеркальном театре в Москве состоялось закрытие сезона. Был дан «Фауст» Гуно. Роли исполняли: Маргарита — А. Нежданова, Зибель — Н. Бельская, Марта — Е. Сабина, Фауст — А. Лабинский, Валентин — М. Каракаш, Мефистофель — Ф. Шалапин. После этого супруги Попова и Каракаш отправились в гастрольную поездку по югу России, а в 1920 году уехали в Италию. Пробыв в Италии два года и выступая с успехом в Риме, Милане, Флоренции, Бари, они собирались вернуться на родину.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-своему. Елизавета Попова была приглашена на гастроли в Белград, где они с мужем и остались. Из Белграда она выезжала на гастроли в Испанию, Италию, Венгрию. Гастролировала по всем большим городам Югославии. В ее репертуаре появились новые роли: Недда в «Паяцах» Р. Леонкавалло, царица Милитриса в «Сказке о царе Салтане» Н.А. Римского-Корсако-

ва и другие. А еще она специально подготовила репертуар сербской песни, в связи с чем местная газета «Время» писала в 1928 году:

Идея популяризовать сербскую песню имеет неоценимую важность, поскольку песни модернизируются и постепенно исчезают... У нас русская госпожа Попова поет их с исключительным эмоциональным чувством¹⁰¹¹.

К Михаилу Каракашу судьба была более жесткой. Постоянная боязнь потерять голос (после перенесенной болезни) заставила его искать и другие пути в жизни. Он учился на техническом факультете Белградского университета, участвовал в строительстве Панчевского моста. Снимался в кино в Италии и Германии, преподавал в оперной студии, пробовал силы как режиссер. Но, будучи артистом императорских театров, имея диплом об окончании Петербургской консерватории, Каракаш конечно же всегда хотел «зацепиться» за что-то интересное в художественном плане.

В 1929 году стараниями певицы Марии Николаевны Кузнецовой-Бенуа (1880–1966) при материальной поддержке ее мужа А. Массне в Театре Елисейских Полей состоялись спектакли Русской оперы с участием Шаляпина, а через полгода Русская опера отправилась в Южную Америку.

В письме сербского певца Б. Нури-Хаджича к М. Каракашу эти гастроли Русской оперы обсуждаются еще только как возможность, как предстоящее событие, но само письмо необыкновенно интересно и многозначно. Написанное на обороте двух фотографий (отсюда «описательно-объяснительное» начало), оно хранит в себе подлинную атмосферу жизни корреспондентов — театральную, творческую, дружескую, и, можно сказать, «общеродственную»:

Князь Никита Трубецкой¹⁰¹², Петя Владимиров¹⁰¹³ и я¹⁰¹⁴, а на лавочке — Фелия Дубровская¹⁰¹⁵, Любовь Егорова¹⁰¹⁶ (жена князя Никиты) и Васильев¹⁰¹⁷ — все эти милые друзья давали здесь концерт с Марией Николаевной, которая уехала в Париж и на днях со своей труппой едет в Америку. Мариша по-прежнему очаровательна и поет, и пляшет. Лучше нельзя. Эту зиму нанимает самый большой театр парижский. Мой друг — певица Ганна Вальска¹⁰¹⁸, которая недавно развелась с одним миллионером, чтобы за другого еще пристало замуж выйти. Теперь она мисс Harold Mac Cormik. Как только вернусь в Париж, поговорю с ней о тебе, Миша, милый мой, и о Елизавете Ивановне. В репертуаре будет «Садко» и «Снегурочка» — из русских. Как эти оперы у Вас обоих? Я же устроил Узунову-Васенкову¹⁰¹⁹ из театра Зимина¹⁰²⁰, дивный контральт, и чем черт не шутит... Может и Вам, друзья мои, улыбнется счастье в Париже, а там и в Америку золото загребать! От бурь житейских тебе, дитя мое, еще рано

отдыхать. У Животовских¹⁰²¹ в Париже своя фабрика-кинофильм (Ермолев¹⁰²²) и там Мозжухин¹⁰²³, Лисенко¹⁰²⁴, Кованько¹⁰²⁵, Римский¹⁰²⁶, Туржанский¹⁰²⁷. Софья Людвиговна Животовская тебя так вспоминает, что я ей сказал, чтобы заключили с тобой контракт. Ну, все это будет видно осенью, а тем паче, раз ты уж собираешься за границу и приедешь из этой дыры задунайской к нам на свет! Я хороший серб, но сохрани меня Бог жить там; с тоски лиловой и родственников сдохнешь! Мне, как Александру, Македония мала! Жди моего письма с адресом из Биаррица и тогда напиши туда и пришли карточки. Целую тебя, милый, дорогой мой, славный Миша.

Всегда твой Хаджич¹⁰²⁸

Еще с начала 1920-х и до 1940-х годов в Париже существовала Русская опера и балет — антреприза князя Алексея Акакиевича Церетели. Сезон Русской оперы в Париже был и в 1930 году. Постановки «Князя Игоря», «Садко» были осуществлены Александром Акимовичем Саниным. Режиссером спектакля был приглашен М.Н. Каракаш. В опере «Садко» Каракаш принимал участие и как артист.

Следуя традициям Московского Художественного театра, традициям К.С. Станиславского, Санин перенес требования художественного реализма с драматической сцены на сцену оперную. Показательно в этом отношении письмо, с которым Санин обратился к труппе. (Это письмо сохранилось в архиве Каракаша.) Вот его текст:

Всей труппе.

К сохранению и настроению, и художественной цельности на сцене!!
Еще раз прошу: после отдельных номеров, дуэтов, выигрышных мест — не кланяйтесь, будьте выше публики (помните у Пушкина: «Ты сам — свой высший суд»!!), ведите ее за собой, не выходите сами из настроения и приучайте к этому публику:

Это не уменьшает Вашего успеха, а лишь возвышает Вас в глазах толпы!!

Итак — оставайтесь неподвижными!!

Строгая выдержка!! А расчеты с залой в антрактах!!

10 июня 1930.

Ваш А.А. Санин¹⁰²⁹

Заслуги М.Н. Каракаша во время работы в Париже были отмечены, ему было присвоено звание профессора Русской консерватории им. С.В. Рахманинова (свидетельство выдано в апреле 1931 года).

Говоря о русской опере, нельзя не упомянуть и о русском драматическом театре, в частности о «Пражской группе Художественного театра», почти ежегодно гастролировавшей в Париже. В 1931 году Каракаш принял участие в спектаклях «пражан-художественников». Играл Алексея Турбина в «Белой гвардии» («Днях Турби-

ных») М. Булгакова. С ними отправился и в гастрольную поездку в Англию, Бельгию, Испанию.

Сезон Русской оперы в Париже снова свел Каракаша с Федором Ивановичем Шаляпиным. О чем свидетельствуют фотографии Шаляпина с дарственными надписями. На одной — «Милому Каракашу на память. Ф. Шаляпин. 1930», на другой — «На память Елизавете Поповой старинный сослуживец Ф. Шаляпин. 1931. Paris».

Кстати, в архиве сохранилась запись Каракаша об одной из встреч с великим артистом. Запись приводится полностью:

16-го XII. 1930. Париж

*Что Шаляпин говорит о «Русалке»*¹⁰³⁰

«Во все время акта должно быть *нарастание*, одна линия: ведь она в воду бросилась...»

«Ведь “Русалка” — это большая драма, общечеловеческий случай, это *громадная трагедия*, которая и в жизни бывает. И все это очень просто» (по поводу признания «я скоро матерью должна быть»).

«У композитора есть *паузы* (на пустых местах, без музыки): их надо использовать, не бойтесь их».

(Ведь это шаляпинская «специальность»: «Прощай, мой сын...»)

«Это все очень трогательно, и публика должна плакать и жалеть, а иначе *ничего не останется*».

Гениально, с *голоса* он показал место, где Наташа укоряет отца: выходит так, точно Наташа сквозь слезы (она плачет) насмехается: на концах фраз и слов — *«смешок»*.

«Это надо все *почувствовать, прожить*, и все ведь это *очень* просто». Сам он изумителен в сцене, когда он отвечает Наташе на укоры: «Не стыдно ли так укорять отца» и т.д. Достаточно сказать, что половина женского хора роняла слезы.

«Здесь дай голос» (т.е. по-моему. — М. Каракаш) — длительный звук с *большой экспрессией*. Артистка не пела в голос и ему отвечает: «Я не пою *полным голосом*», а он на это: «Я и не требую, чтобы *голос* давала» (т.е. это значит: дай настоящую *экспрессию, ширину настроения*). Но не замедлять темпа, разговор с Князем, половинные ноты и еще на слове «нет». Заметить паузы: «нет, не то», «что я сказать тебе хотела» и «я скоро матерью...»: обнимает, отошла и т.д.¹⁰³¹

Потом были встречи с Шаляпиным и в Белграде. Фотографии запечатлели Шаляпина и Каракаша на улицах Белграда, у театра. На обороте указаны месяцы: апрель — май. Сохранились фотографии, на которых Шаляпин снят среди артистов на генеральной репетиции «Дон Кихота». Это было 1 ноября 1935 года. И еще одна фотография, на которой рукой Шаляпина написано:

На память Лизочке Поповой от сердечно расположенного приятеля.
Ф. Шаляпин. 1935

Как помечено в записной книжке Каракаша, 5 ноября 1935 года Шаляпин пел Бориса («Борис Годунов») в Белграде. (Новая дата для летописи Шаляпина!)

Круг знакомств Поповой и Каракаша был обширен. К сожалению, материалов сохранилось мало, но даже то, что осталось, — свидетельство этому. Вот фотографии с дарственными надписями немецкого композитора Рихарда Штрауса, французского оперного артиста Мари-ля Журне, «звезды варьете» — певицы и танцовщицы Жозефины Бекер, югославского трагика Добрицы Милутоновича, югославских оперных певиц Мелании Бугаринович, Зинки Милановой, русских драматических артистов «Пражской группы Московского Художественного театра» М.Н. Германовой, М.А. Крыжановской, П.А. Павлова, А.А. Вырубова, оперного певца, «русского Батистини» (баритона) Г.А. Бакланова, обладательницы необычайного по красоте голоса (колоратурное сопрано) Л.Я. Липковской.

Уцелели эскизы художников театра, живописцев и графиков — Владимира Ивановича Жедринского (1899–1974) и Николая Александровича Исаева (1891–1977). И особо следует упомянуть ноты романсов с дарственной надписью их исполнительницы, знаменитой Ольги Петровны Янчевецкой (1890–1978).

Михаил Николаевич вел дневники, где записывал свои впечатления о прочитанных книгах и увиденных спектаклях. Один такой дневник — «Музыка и драма» — сохранился в его архиве. В первой записи речь идет о постановке водевиля В. Катаева «Квадратура круга» режиссером Юрием Львовичем Ракитиным в Русском драматическом театре в Белграде (Ракитин работал с Мейерхольдом в Товариществе новой драмы, в Александринском театре).

18-III-1931

У Ракитина¹⁰³² в «Квадратуре круга» эффе́кты подчеркнуты громом (кари́катура на Мейерхольда¹⁰³³). Постановка на манер «конструктивизма». Сцена (задний план) пустая...

<...>

Конец июля. 1931

Замечание режиссера Шмидта¹⁰³⁴ (Burgtheater. Wien):

«Чтобы показать большую *толпу*, нужно сделать *маленькую сцену* — это принцип мейнингенцев!»

<...>

Июль 1931. «Аида». Carro de Tespi, Милан.

Спектакль на открытом воздухе в Giardini Pubblici — передвижной театр. Вся сцена из алюминия авиационной постройки. Горизонт (купольной) системы Fortuni, двойной на перегибе; вытягиванием воздуха (динамо) получается ровная поверхность. Прорезиненное полотно, герметически заклеенное на швах. Сцена небольшая, метров восемь <...> В Carro di Tespi вообще прекрасный «дневной свет», бело-розовый — очень теплый и «живой»!!¹⁰³⁵

9 ноября 1931 года в Париже состоялась премьера спектакля, поставленного Михаилом Александровичем Чеховым, — «Дворец пробуждается» (по пьесе М.А. Чехова и В.А. Громова на темы русских сказок). Спектакль шел в парижском театре «Авеню». Чехов играл в нем роль Ивана-царевича. Михаил Каракаш был на спектакле и, к счастью, записал свои впечатления.

1931 г. Paris. (9 ноября)

Спектакль М.Чехова¹⁰³⁶

Раньше всего: декорация, их тона, освещение, композиция — безукоризненны. Костюмы замечательны: Кашей, Кашевна. Артисты — никто не «плох», иногда задаешь себе вопрос: почему в некоторых пластических ролях не заняты балетные, настоящие и толковые? Для 2 месяцев работы над собой и своим телом — это большие результаты. В этом смысле есть даже близость к японцам, которых ставлю выше всего в смысле техники. Но ведь там, у японцев, тысячелетняя традиция, а не 2 месяца!

Мне жаль, что нет слов, хотя бы у Чехова. Он лишает себя большого аргумента в смысле сценической убедительности. И просто захватывает этим чужую область. И невольно иногда спрашиваешь себя: а здесь-то, вот в этом месте пьесы, может быть, Борис Романов¹⁰³⁷ был бы лучше? Ибо балет — традиция и школа громадная: они немного «внешние», но их можно и «углубить» — тогда они в пантомиме задавят всякого драматического! Я лично зритель наивный в лучшем смысле этого слова, поэтому до меня «доходит», особенно «лес»: есть величественность и большая, устремленная к цели игра Чехова. Кстати — великолепны гримы; я теперь не могу иначе представить себе Кашея и Кашевну: раньше это были для меня расплывчатые образы. Кашевна «дьявольски» красива и пластична; это тоже (а для меня лично даже без «тоже») убедительно; этот эстетический реализм на сцене должен быть непременно; это одно из самых важных: найти подходящее для роли. Этим пренебрегают, но мне всегда сознательно противно или бессознательно тошнит. Останавливаюсь на Кашевне потому, что она может присниться кошмаром или соблазном: стало быть, образ правильный. В «Царевне» — Крыжановская¹⁰³⁸. Эта артистка всегда неземная, всегда на аршин от земли, здесь надо еще

больше пластики, а ведь это уже *балетная наука* вторгается в ваше дело! Должно быть у Кашевны — 75% шарма во многом — «голосовой».

Сцена у «Кашея» не доходит, публике что-то смешно, но невесело. Может быть, фальшивые камни — не знаю. Для меня лично — мало техники (опять балет и, особенно, японцы). Помните борьбу или поединок у японцев: это жутко, страшно — какие взмахи и удары сабеля? Как противники прыгают, освобождаются друг от друга и снова сцепляются уже на земле? Через 100 лет в театре Чехова актеры будут делать это безукоризненно!

Меня радует в спектакле: громадная «культура» жеста, тела, мимики и не везде «переживаний». Досадно — отсутствие слова — жаль, потому что даете «фору» балету. Для меня Чехов гениальный актер, но он борется с Кашеем — это ведь очень «драматично» должно быть, несмотря на условности («копье»), но ведь поединок Фокина¹⁰³⁹ и Владимирова¹⁰⁴⁰ в балете «Раймонда»¹⁰⁴¹ *драматически* действует больше.

Музыка как композиция пристойна, музыка — как исполнение — скверно и гадко. Расплывчато, не акцентировано. Если бы был настоящий оркестр и дирижер видел бы перед собой всю сцену — было бы ярче и лучше в 10 раз! Потому что — у Чехова актеры ловят музыку, а не наоборот; и выходит из-за этого несоответствие и чепуха. А труда миллион, чтобы все сладить! Хорошая балетная труппа скопирует этот спектакль в 2 недели, потому что у них колоссальная техника не только пластическая, а и «запоминательная» и манера работать с дирижером, который их видит и следит за мельчайшей деталью.

Чехов как «Иван» — прекрасен. У меня все-таки балет перед глазами. Я бы хотел видеть Чехова в «Петрушке». Я знал Нижинского¹⁰⁴², а из ныне здравствующих Войцеховского¹⁰⁴³; думаю что чеховский «Петрушка» еще больше дошел, особенно конец балета (но ведь там техника?). Радости в чеховском спектакле нет никакой. Почему это устроено? Даже начало и последняя картина «элегичны». Почему? Пускай лучше публика улыбнется там, где вы хотите, чем дать ей возможность искать повода к улыбке или смешливости (хотя бы у Кашея).

Скажем, что это «синтетический» спектакль (всеискусство), тогда почему же чисто пластические роли хотя бы не исполняли балетные? Почему не пели «оперные»? Я твердо знаю, что от этого спектакль был бы «крепче». Потому ли, что эти артисты приятели Чехова? Или это так надо? Скажут: балет рутина в классике, а вот в «Петрушке» никакой рутины. А чтобы хорошо пели, надо специалистов.

Иван — Чехов, Войцеховский, Баланчин⁹⁵¹.

Царевна — Данилова⁹⁵², Немчинова⁹⁵³, Спесивцева⁹⁵⁴.

Кашей — Борис Романов.

Царь — Асланов⁹⁵⁵, Кайданов⁹⁵⁶.

Еремка — балетный Обухов⁹⁵⁷, Лифарь⁹⁵⁸.

Кашевна — Давыдова⁹⁵⁹.

Придворные — балетные.

<...>

15-XI-1931

Bruxelles

Сегодня, после большого перерыва играл роль доктора Зосимова в «Преступлении и наказании» (спектакль «Празской группы Московского Художественного театра». — В.Н.). В первый раз себя почувствовал *нужным* на сцене в этой ненужной роли. Дума, что виной маленькая выдумка: считаю пульс якобы больному (по-моему мнению) Раскольникову. Эта мелочь дала мне и нужный тон, и спокойствие, и выдержку! Странно! Как иногда от мелочишек все зависит!

<...>

27-IV-1932. 11 утра

Вчера репетиция «Суворова» (пьесы И. Лукаша «Суворов на Альпах». Каракаш — в роли адъютанта Милорадовича. — В.Н.) с Ракитиным. У него интересный замысел: статуарность гравюрная, некоторая фиксированность поз (задержки в положениях).

<...>

20-V-1932

Веду совершенно независимый образ жизни, который меня вполне удовлетворяет. Мне оказалось совершенно чуждо тщеславие, желание вылезать в люди и на люди. Думаю, что это хорошо.

Мне было бы совсем хорошо, если бы мне падала с неба совсем скромная маленькая сумма вне зависимости от какой-либо службы и людей. Увы, этого нет! Поэтому некоторое беспокойство в смысле «приискания». Если бы не это — то я сидел бы совершенно спокойно рядом с Лизой, Андрюшей и мамой. Ибо, в конце концов, все суета и суета сует! Суеты и беспокойства на свете чрезвычайно много, и она чувствуется тем яснее, чем ближе стоишь к каким-либо проявлениям так называемой «общественной» жизни: взаимоотношения лиц, связанных между собой каким-нибудь кружком, союзом (основанным даже с самыми лучшими намерениями) — непременно выливаются в отношения личные; образуются партии, за ними интриги и всяческие домогания, заслоняющие истинную цель содружества. В эти личные отношения втягиваются все большие и большие группы лиц, тяготеющих (тщеславно) к популярности и главенству. М[ожет] быть, это особенность только русских содружеств, а может быть, это общее явление, свойственное двуногим вне зависимости от их национальности?! Одно несомненно, что все домогания наиболее цинично, глупо и элементарно обычно проявляются в русских содружествах всякого рода. Так не лучше ли держаться подальше от всего этого?

<...>

29-V-1932

К сожалению (или к счастью?), жизнь моя отличается изрядной пестротой: консерватория; университет; театр драматический («Старинный» и «Стиль»), 1907–1908; опера императорская, 1910–1918; советская, 1919; кинематограф в Италии, пение в Италии, опера в Белграде, 1921; кино в Мюнхене, 1923; университет, 1923–1926; профессор пения, 1927; режиссер киностудии, 1928, Милан, 1928; режиссерство в Париже, 1929–1931, в Испании, 1928, в Англии, 1931, в Голландии, 1932; драматический актер Пр[ажской] гр[уппы] МХТ в Париже, 1931–1932, Бельгии, 1931, Англии, 1931, Испании, 1932, опять во Франции, 1932. Долго ли будет продолжаться этот список? Забыл выступления с Ракитиным в Белграде¹⁰⁵³.

Последнюю автобиографическую дневниковую запись можно считать находкой для историков и будущих биографов Каракаша.

Вернувшись в Белград, Каракаш помимо службы в драматическом театре под управлением Ракитина стал руководителем и педагогом оперно-драматической студии, преподавателем в киностудии, принял участие в спектаклях открытого в Белграде Русского общедоступного театра, во главе которого стоял И.Э. Дуван-Торцов.

В спектакле «Живой труп» по Л.Н. Толстому, поставленному А.Ф. Черепановым, Каракаш исполнял роль Каренина, а роль Маши — Е.И. Попова. Это было ее первое выступление на драматической сцене. «Да и в драме Лиза Попова так же прелестна, как и в опере»¹⁰⁵⁴, — писал рецензент газеты «Русский голос», скрывшийся под инициалом «В.К.»

Но конечно же, только опера была ее настоящей жизнью. И почти всю свою оперную жизнь она неотступно думала о Кармен.

Еще в Петрограде, — вспоминала она, — когда у нас был режиссером Мейерхольд, я всей душой хотела спеть Кармен. Но от этого меня все тогда отговаривали. Я их послушала. Приехав в Белград, я снова хотела подготовить Кармен, но обстоятельства так сложились, что этого не произошло. Тогда я сама себе сказала: «Спою Кармен в свой юбилей»¹⁰⁵⁵.

И вот 14 марта 1936 года на сцене Народного театра состоялся юбилей Елизаветы Ивановны Поповой — 25-летие ее артистической деятельности. Дирекция театра приветствовала юбиляршу, отмечая в ней одну из артисток, которые создали Белградскую оперу. Попова была награждена орденом Святого Саввы IV степени. В этот день Елизавета Попова впервые пела Кармен.

Каракаш успел разделить с ней ее триумф и творческую радость. Впереди был еще целый год жизни рядом с ним, в его заботах, с его

советами. Практически все последние годы жизни он провел в поездках по разным городам. Нужны были не только деньги, необходима была хоть какая-то творческая жизнь.

Летом 1937 года М.Н. Каракаш выезжает на гастроли в Румынию, в Бухарест. Там он скоропостижно скончался от сердечного приступа 15 августа и был похоронен на местном армянском кладбище.

Елизавета Ивановна осталась одна. Надо было растить сына. Она много работала: театр, концерты, уроки пения. И так в течение целых десяти лет она радовала зрителей своим изумительным исполнением.

В 1948 году, во время кризисной ситуации между СССР и титовской Югославией отношение к русским резко изменилось. Это подтолкнуло Попову вернуться на родину. Вместе с сыном Андреем Михайловичем Каракашем Елизавета Ивановна приехала в Москву. Сын стал работать инженером, а Елизавета Ивановна получала небольшую пенсию от государства. 17 ноября 1967 года Елизавета Ивановна Попова погибла в автомобильной катастрофе в курортном поселке Лазаревское близ Сочи.

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку. Но все-таки оставляю многоточие... Ведь совершенно не исключено, что завтра или послезавтра в нашу библиотеку неисповедимыми путями поступит очередной «случайный» архив, и мы, возможно, сможем продолжить или дополнить новыми фактами нашу историю.

Московские страницы:

Ромен Гари

Время бежит стремительно. Некогда оглянуться. Мимолетные встречи, случайные знакомства... Всегда торопимся, пробегаем порой мимо интересного в жизни. И уж тем более не вглядываясь проходим ежедневно мимо старых городских домов, каждый из которых хранит какую-то тайну, свою собственную историю.

В который уж раз я с благодарностью должен писать о случае — постоянном спутнике моих разысканий. Вот и это предлагаемое вниманию читателя отчасти литературоведческое, отчасти москвоведческое эссе родилось только из случайного «сцепления» встреченной в книжном тексте фамилии Кацев и воспоминаний о доме, в котором я когда-то жил.

Не знаю, с чего начать рассказ — с этого дома в Замоскворечье? С театра, в котором не раз был зрителем? А может быть, с книги, снятой с полки библиотеки Всероссийского театрального общества (бывшего Русского театрального общества), где работаю?

Начну, пожалуй, все-таки с книги. Автор — писательница, актриса, литературный критик Мириам Анисимова. (На титуле книги автор обозначен как Мириам Анисимов.) Название — «Ромен Гари, хамелеон» (Нижний Новгород: Деком, 2007). Эта книга и заставила меня взяться за перо и уточнить некоторые положения.

Итак, по порядку.

Ромен Гари (1914–1980), французский писатель, личность неординарная. Был летчиком, участником Сопротивления, дипломатом. Был отчаянным мистификатором и имел множество имен-псевдонимов: Ромен Касев, Роман Кацев, Фоско Синибальди, Шайтан Богат, Эмиль Ажар, в которых заблудились даже французские издатели и критики. В результате чего Гари дважды (!) стал лауреатом Гонкуровской премии, которая присуждается лишь раз в жизни автора (от премии, правда, Гари отказался, раскрыв мистификацию публично).

В 1988 году в России под псевдонимом Эмиль Ажар был опубликован роман Гари «Вся жизнь впереди». В предисловии к роману сообщалось, что Гари — сын московской актрисы, которая в 1921 году увезла его из России. Позже я с интересом прочел его роман «Обещание на заре» (СПб.: Азбука-Классика, 2007; другое название романа — «Обещание на рассвете»). Особенность всех романов Гари состоит в том, что в канву художественного вымысла вплетено огромное количество автобиографических реалий. А в «Обещании на заре» вообще трудно угадать, где перед читателем подлинные биографические события, а где художественный вымысел. Собственно, если судить это произведение Гари по высоте его эмоциональных, сокрушительно нежных, любовных нот, то перед нами вовсе не роман, а гимн матери.

«Мне нужно многое сказать людям. Они должны меня услышать»¹⁰⁵⁶, — писал Гари. И его слышали. После выхода «Обещания на заре» Франсуа Бонди, однокашник Гари по лицу, 17 сентября 1961 года писал своему бывшему другу:

Я не отличаюсь излишней сентиментальностью, но, читая «Обещание на рассвете», плакал, потому что этот роман — сущая правда и он воскрешает твою удивительную, поразительную маму, да и не было нужды что-то здесь придумывать или преувеличивать. Кто из тех, кто был с нею знаком, мог ее забыть? Точно не я, живший у нее в пансионе и видевший, как живет она, и не мои родители, которые, как и я, были взволнованы встречей с ней на страницах этой книги, понравившейся им не только самой по себе, но и безусловной подлинностью изображения той, которая дала жизнь тебе и кому ты дал новую жизнь¹⁰⁵⁷.

Для первого знакомства приведу следующий отрывок из «Обещания на заре».

Разумеется, я всегда знал, что моя мать была «драматической актрисой», — с какой гордостью она всю жизнь произносила эти слова! — и я до сих пор помню себя рядом с ней, в возрасте пяти-шести лет, в какой-то заснеженной глуши, где мы плутали по случаю ее театральных выездов, в санях с тоскливыми колокольчиками, которые везли нас с промерзшего завода, где она только что «играла Чехова» перед рабочими местных Советов, или из казармы, где «читала стихи» перед революционными солдатами и матросами. Помню себя также в Москве, в ее крохотной театральной гримерной; я сидел на полу и играл с разноцветными лоскутками, пытаюсь подобрать гармоничное сочетание, — моя первая попытка выразить себя в творчестве. Помню даже название пьесы, в которой она тогда играла: «Собака на сене». Мои первые детские воспоминания — это театральные деко-

рации, восхитительный запах дерева и краски, пустая сцена с бутафорским лесом, по которому я опасливо крадусь и вдруг застываю от ужаса перед необъятным, зияющим и черным залом; я опять вижу загримированные лица странного бежевого оттенка, с обведенными белым и черным глазами, которые склоняются надо мной с улыбкой; какие-то причудливо одетые мужчины и женщины держат меня на коленях, пока моя мать на сцене; помню еще советского матроса, который поднимает меня и сажает себе на плечи, чтобы я мог увидеть мать, играющую Розу в «Крушении надежд». Помню даже ее театральный псевдоним, это были первые русские слова, которые я научился читать сам, они были написаны на двери ее гримерной: Мина Борисовская. Вполне похоже, что ее положение в тесном мире русского театра 1919–1920 годов было довольно прочным¹⁰⁵⁸.

При сравнении этих ярких, подлинных детских воспоминаний с анализирующей, сомневающейся работой Анисимов и у меня в свою очередь возникли свои возражения против некоторых предположений и утверждений Мириам Анисимов.

К примеру. Она вопрошает: «Объясняется ли эта страсть к фантазированию влиянием матери? Может, это она сумела убедить Ромена, что была актрисой?»¹⁰⁵⁹

Во-первых, возражением на это предположение может служить такой диалог из романа «Обещание на заре»:

Она вздыхала.

— Я всегда хотела стать великой актрисой.

Мое сердце сжималось. <...>

— Знаешь, мне надо тебе кое в чем признаться. Я не сказала тебе правду.

— Правду о чем?

— На самом деле я не была великой трагической актрисой. Все было не совсем так. В театре я играла, это правда. Но не более того¹⁰⁶⁰.

Вы только вдумайтесь — женщина, актриса, мучаясь, не решаясь, но все же признается обожаемому сыну, для которого она всегда старалась быть первой, лучшей! — в том, что она была никакой, то есть заурядной, то есть даже, может быть, плохой актрисой.

Да это же психологически неоспоримый аргумент в пользу того, что она актрисой была!

И во-вторых. Помимо психологии есть и фактическое подтверждение этому.

Прежде всего. В списке кандидатов в действительные члены Русского театрального общества (РТО) за 1919 год под номером 54 значится актриса Борисовская Мина Осиповна (настоящая фамилия Каце-

ва). Дата вступления — 19 февраля¹⁰⁶¹. Все эти сведения взяты из ее личного заявления.

Теперь откроем журнал «Вестник театра», издававшийся Театральным отделом Наркомпроса в 1919–1921 годах, в котором печатались программы московских театров. И здесь в Замоскворецком театре Совета рабочих депутатов (бывшем Театре П. Струйского), находившемся по адресу: угол Серпуховской площади и Большой Ордынки, дом 69, тогда это была почти окраина Москвы, а ныне здесь филиал Малого театра, находим и актрису Борисовскую, и перечень сыгранных ею ролей. (Кстати, Анисимов уверенно утверждает: Борисовская в Москве никогда не была¹⁰⁶²).

Вот роли Борисовской:

Стеша, горничная в доме Кукушкиной («Доходное место» А. Островского); Степанида («Мещане» М. Горького); Хана, жена Аэрша («Евреи» Е. Чирикова); Харчевница («Укрощение строптивой» У. Шекспира); Аннушка («Без вины виноватые» А. Островского); Мария Григорьевна, жена Годунова («Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого); нянька Ивкова («В старые годы» П. Шпагинского); Роза, жена портного Герша («Король» С. Юшкевича).

Кроме этого неоспоримого подтверждения актерства матери Гари есть и еще одно. В картотеке членов Русского театрального общества хранятся карточки со следующими сведениями: «Борисовская Мина Осиповна, Кацева». Слева в верхнем углу помечено амплуа: «Бытовая, характерная». Рядом приписка: «Заявление о вступлении в РТО подано 11 февраля 1919 года». Местом работы указывается Замоскворецкий советский театр¹⁰⁶³. Здесь же карточка со сведениями об уплате актрисой М. Борисовской членских взносов в РТО¹⁰⁶⁴.

Следующее утверждение Мириам Анисимов требует уточнения: «Но у Островского нет пьесы с таким названием (“Крушение надежд”. — В.Н.)»¹⁰⁶⁵.

Добавлю от себя, что роль Розы Борисовская играла в пьесе «Король» С. Юшкевича. Детская память, не вооруженная опытом и знанием, конечно, может подвести. Но только в том, что касается фактической стороны событий. Но образ, но эмоции, запечатленные детством, всегда безупречно подлинны и точны. Что же до «Крушения надежд», то здесь, скорее всего, чуткая детская память Гари выдала ему название сути, идеи, главной мысли и главного чувства комедии «Доходное место». (Она же вся про «крушение надежд» Василия Николаевича Жадова и почти всех других персонажей.)

Еще один странный упрек Анисимов в адрес детских воспоминаний Гари:

...Гари рассказывает, как его мать «несла театральное искусство “в народные рабочие массы”», разъезжая от деревни к деревне по засеянным полям на санях, в которые была запряжена лошадь с колокольчиками под дугой! Описание Гари сильно отличается от той жестокости и абсурда Октябрьской революции, которые изображает в «Конармии» Исаак Бабель. Хотя в семнадцатом году евреи были полностью уравнены в правах с остальным населением, погромы петлюровцев и белогвардейцев продолжались на протяжении всей Гражданской войны вплоть до 1921 года, при этом уничтожалось еврейское население Киева, Бердичева, Житомира. Следуя своему воображению и полагая, что читатель все проглотит, Гари живописует хрестоматийного матроса, бежавшего с корабля, который сажает к себе на плечи маленького Романа...¹⁰⁶⁶

Прежде всего, удивляет здесь то, что такой серьезный исследователь в качестве образца исторической реальности для Москвы берет уникальную метафорическую прозу И. Бабеля.

И разве матросик, увлеченно смотревший выступление московских артистов и посадивший к себе на плечи маленького Гари, был обязательно причастен к погромам в Киеве, Бердичеве и Житомире и должен был прежде спросить его национальность? И отчего этот «хрестоматийный матрос» в понимании Анисимов — это матрос, «бежавший с корабля»? Что за ерунда!

На самом деле в факте присутствия матроса на театральном представлении не было ничего необычного. История Замоскворецкого театра Совета рабочих депутатов типична для зрелищных учреждений того времени, и она вкратце такова.

Открылся театр 10 октября 1918 года пьесой Г. Гауптмана «Бобровая шуба». Перед началом спектакля выступил П. Керженцев (тот самый, который потом закрывал Театр Вс. Мейерхольда) и «призывал публику быть не только пассивным зрителем, но и деятельным участником строительства и развития вновь народившегося первого советского драматического театра»¹⁰⁶⁷.

Приведу перечень всего репертуара сезона театра: «Бобровая шуба» прошла 6 раз, «Последняя жертва» — 14 раз, «Собака садовника» — 14 раз; «Гроза» — 21 раз; «Зори» — 6 раз; «Тартюф» — 13 раз; «Доходное место» — 11 раз; «Евреи» — 8 раз; «Мещане» — 11; «Укрощение строптивой» — 12; «Недоросль» — 4; «Без вины виноватые» — 5; «Вечерняя заря» — 21; «Ревизор» — 18. Кроме репертуарных спектак-

лей, были даны оперные (4 раза) и концерты (6 раз)¹⁰⁶⁸. (Директором театра был Е.А. Беляев, а режиссером — В.В. Образцов.)

Театр обслуживал свой район, и зрителями были его жители, рабочие и красноармейцы. Поэтому и матрос был не символическим, не с броненосца «Потемкин» и не участник Кронштадского восстания, как утверждает М. Анисимов¹⁰⁶⁹, а реальным зрителем, обитателем Замоскворечья.

Теперь о сценическом псевдониме матери — Борисовская. Этот псевдоним появился за много лет до выхода книги Жозефа Кесселя «Княжеские ночи» (роман был опубликован в 1927 году), и, стало быть, он произведен не от отчества героини романа Елены Борисовны, — как утверждает Анисимов¹⁰⁷⁰. Скорее всего, этот псевдоним произошел от семейного имени Борис. На него могут претендовать два человека.

Первый — брат Мины, адвокат Борух (Борис, Болеслав) Овчинский. (Он был женат на Мириам (Марии) Овчинской, с которой Р. Гари сохранял родственные связи вплоть до ее кончины; после войны Мириам Овчинская несколько раз ездила в гости к племяннику.) Скорее всего, от имени брата и произошел сценический псевдоним Мины Осиповны.

Второй возможный персонаж — Борух Касев (Кацев), бывший муж сестры матери, дядя Гари. В 1933 году он приезжал в Ниццу и поселился в пансионе «Мермон» под одной крышей с сестрой своей жены.

И наконец, о Москве. В своей книге Мириам Анисимов уверенно, но, к сожалению, бездоказательно предполагает, что мать Гари в Москве «никогда не была»¹⁰⁷¹.

Так вот. На одной из упомянутых карточек РТО со сведениями об актрисе Борисовской указаны год начала ее артистической деятельности — 1910 и место ее проживания — «Пятницкая, Климентовский, дом 27/6, кв. 4»¹⁰⁷².

Об этом доме следует рассказать особо. Если заглянуть в справочник «Вся Москва» за 1917 год, то там по адресу Пятницкая, 27, числится доходный дом Михаила Ивановича Бабанина (он жил в квартире 5). Этот восьмиэтажный дом был построен в 1912–1913 годах по проекту архитектора Э.К. Нирнзее. По его же проекту возведен знаменитый московский дом в Большом Гнездниковском переулке, который коренные москвичи до сих пор называют «домом Нирнзее».

Сын владельца этого доходного дома — Константин Михайлович Бабанин (1884–1965) был актером, педагогом, режиссером Московского Художественного театра в 1906–1923, 1932–1956 годах. Другой знаменитый артист, чтец, мастер художественного слова Владимир Нико-

лаевич Яхонтов после сильных душевных потрясений в середине июля 1945 года выбросился из окна во внутренний двор этого дома. А еще здесь обитал известный всей Москве модный врач-педиатр Александр Андреевич Галунов, а много позже жил известный кинорежиссер Э. Рязанов.

Сегодня этот дом числится только по Климентовскому переулку, дом 6. Его лепной декор сочетает в себе мотивы московского ампира и модернизированные мотивы неоклассики. В угловую часть дома с уровня третьего этажа и до самого верха вписан цилиндрический объем, имеющий на уровне третьего этажа ордерный строй и купольное завершение.

Конечно, почти за столетие внешний вид дома несколько изменился. Исчезли львы, сидевшие на постаментах у подъездов, нет цветных витражей над входными дверями, появились аляповатые вывески. Снесен храм, стоявший недалеко от дома, на его месте — вход в вестибюль станции метро «Новокузнецкая». В 1941 году строительство станции еще не было завершено, и в первую воздушную тревогу люди, прячась от бомб, стали спускаться в глубокую шахту метро по временным деревянным настилам. Настилы рухнули, и многие погибли. В 1960-е годы к дому было пристроено здание Радиокомитета. Напротив «Бабанинского дома» (так называют его старожилы) стоял двухэтажный домик. Домик снесли, дворовый фасад «Бабанинского дома» стал уличным, и теперь прямо перед ним ходят трамваи.

Справа с переулка расположен подъезд № 1. Несколько ступенек вверх — и вы оказываетесь перед квартирой № 4. Именно здесь жила Мина Кацева (Борисовская) со своим сыном Романом. В коммунальной квартире еще с тремя актерскими семьями.

Жизнь в России, в Москве — иначе и не могло быть — оставила особый «русский» отпечаток в жизни Гари. Он любил читать в оригинале Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Лескова. Этот факт подтверждает и М. Анисимов.

Ну что ж, теперь к биографии Ромена Гари прибавилось несколько московских страниц, но еще остались вопросы, на которые пока не получены окончательные ответы. Вот, например, в «Обещании на заре» есть рассуждение о Франции:

...Франция из лирических и вдохновенных рассказов моей матери, знакомых мне с самого раннего детства, в конце концов превратилась для меня в чарующий миф, надежно защищенный от всякой реальности, в некий поэтический шедевр, непостижимый и недостижимый для лю-

бого человеческого опыта. Она прекрасно говорила по-французски, правда, с сильным русским акцентом, отзвук которого до сих пор слышен в моем собственном произношении, — она так и не захотела мне объяснить, где, как, когда и с чьей помощью выучила его. «Я была в Ницце и Париже» — вот и все, чего я от нее добился¹⁰⁷³.

Будущим исследователям творчества Гари и истоков его франко-филии придется обратить внимание на загадочную фразу его матери: «Я была в Ницце и Париже». Быть может, эти города хранят и до сих пор память о пребывании матери Гари или о людях, которые научили ее говорить прекрасно по-французски...

Существует еще одна неразгаданная пока «жгучая» тайна семейства Гари. Или, может быть, еще одна блестящая литературная мистификация Ромена Гари? Или все-таки это правда, что будто бы отцом Гари на самом деле был Иван Мозжухин — звезда немого кино 1920-х годов? Вопрос сегодня скорее закрытый, чем открытый. Во всяком случае, Гари уважил «умолчание» матери по этому поводу, попытался его закрыть. Приведу в сокращении ответ Гари своему другу Франсуа Бонди на прямой вопрос «об отцовстве Мозжухина».

Еще до моего рождения мать вышла замуж за русского еврея по имени Леонид Касев, который подал на развод вскоре после моего появления на свет. <...> Мозжухин, с которым она познакомилась до моего рождения, несомненно, был большой любовью ее жизни. Что касается нашего родства, все очень просто. После смерти матери, в Ницце, одна русская дама забрала всю переписку между моей матерью и Мозжухиным, хранившуюся в семейном сундуке, в отеле «Мермон». Эта дама — ее звали мадам Виноградофф... — показывала письма всей русской диаспоре Ниццы, попам, в русском бистро на бульваре Гамбетта, моей кухне, всем, кого она знала. С этого момента слухи о том, что я — сын Мозжухина, из русской колонии в Ницце пошли гулять по всему свету. <...> Мать никогда мне не говорила, что Мозжухин мой отец, и, тем не менее, я часто видел этого человека у нас в отеле. Он появлялся в «Мермоне» всякий раз, когда снимался на Лазурном Берегу. <...> Мозжухин часто бывал у нас дома. Но нет, ничего... ни слова. Так что к черту¹⁰⁷⁴.

Но, возможно, все-таки существует где-то так и не уничтоженная ею переписка с Мозжухиным? И остается, стало быть, возможность иного ответа...

Или еще один вопрос, требующий тщательных разысканий, пока не разъясненный биографом Гари и, кажется, не до конца ясный ему самому — о его «татарских предках». Он часто о них упоминал, однако не называл по именам.

И все же были ведь наверняка среди моих татарских предков лихие наездники¹⁰⁷⁵.

Или вот в «Белой собаке»:

Но моя мать была еврейка. Эта неразрешимая дилемма. Кроме того, мои татарские предки были гонителями, а мои еврейские предки — гонимые¹⁰⁷⁶.

Так вот, эти татарские предки — правда или миф? Мириам Анисимов считает, что миф. Но возможно, как и в истории с Москвой, когда-то откроются новые факты.

Уж не знаю, сознательно или случайно, но свой роман-биографию Мириам Анисимов строит по законам этнопсихологии, делая причинно-следственной образующей всех поступков или житейских коллизий Ромена Гари его национальность. Но Гари отнюдь не «суммарная личность», а творческая уникальная индивидуальность. И настойчивость исследовательницы в такой ее установке только удаляет читателя от правды событий.

Русская история на бессчетном количестве биографий показывает: живущие в России немцы, татары, евреи, грузины — кто там еще? — в большинстве своем становятся русскими немцами, русскими татарами, русскими евреями, русскими башкирами и т.п.

Вот и Гари, даже когда он стал гражданином Франции и с гордостью часто повторял: «Я француз», так и не расстался со своей рускостью. Как, впрочем, и его мать. В тяжелые минуты жизни, во всех поворотных событиях Мина Осиповна Кацева поступала именно так, как поступил бы всякий русский человек. Перед отправкой сына в Сорбонну она ведет его под напутственное благословение именно в русскую церковь — собор Св. Николая. И провожает его на фронт так, как всегда провожали своих сыновей русские матери:

— А главное, обо мне не беспокойся. Я старая кляча: до сих пор дотянула, уж как-нибудь еще продержусь. Сними фуражку...

Я снял. Она перекрестила мой лоб.

— *Благословляю тебя*, — сказала она по-русски. — *Благословляю тебя*¹⁰⁷⁷.

И еще один типично «русский» штрих ее характера:

Должен сказать, что к ругани у моей матери был подлинный дар: всего в нескольких удачно подобранных словах ее поэтически-ностальгической натуре удавалось воссоздать атмосферу горьковского «На дне» или, на худой конец, «Бурлаков на Волге». Любого пустяка хва-

тало, чтобы эта благообразная седовласая дама... вдруг начинала воскрешать перед ошарашенной публикой всю святую Русь...¹⁰⁷⁸

О любви Гари к своей родине, к ее литературе, к ее языку мы уже упоминали.

Но он не только запоем читал книги французских авторов, но не переставал интересоваться русской и польской литературой. Гари понимал идиш и умел на нем говорить: им он пользовался дома, разговаривая с мамой, дядей Львом и тетей Беллой. Не забывал он и свой родной язык, русский. Владение несколькими языками давало ему преимущество, которого были лишены многие коренные французы¹⁰⁷⁹, —

свидетельствует Мириам Анисимов.

В этом контексте русскому отведено место как бы из последних, а он для Гари был *душеобразующим* языком. И недаром А. Камю заметил в Гари творческий огонь, отличающий русских авторов.

Эта *русскость* Гари постоянно проявляется не только в творчестве, но и на житейском уровне, даже в его ностальгических кулинарных привычках, непонятных для иностранцев. Например:

В полдень отправлялся на улицу Муфтар, где покупал хлеб, сыр и, разумеется, *соленые огурцы* (курсив мой. — В.Н.). Мне никогда не удавалось донести огурцы до дома: я их поедал тут же, прямо на улице¹⁰⁸⁰.

Журналистке Ивонне Баби, которую принимал племянник Гари Поль Павлович (исполнявший по просьбе Гари роль вымышленного автора романа «Вся жизнь впереди» Эмиля Ажара), обстановка дома «показалась очень русской, но ничто не вызвало у нее подозрений»¹⁰⁸¹.

Ромен Гари покинул Россию в 1921 году, когда ему было уже семь лет. Он часто возвращался в мыслях к реалиям своего детства, которое виделось ему пленительной сказкой. Вот и Мириам Анисимов пишет о том же:

Гари ничего не знал о России, несмотря на то что воспринимал эту страну как потерянный рай¹⁰⁸².

КОММЕНТАРИИ

На ветрах истории: Александр Александрович Кизеветтер

¹ *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ : в 2 т. М. : Сов. писатель : Новый мир, 1989. Т. 1. С. 36.

² См.: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М. : Priso, 1990. С. 21.

³ Письмо заместителя наркома просвещения М.Н. Покровского от 12 октября 1918 г. // Архив ФСБ. Архивно-следственное дело А.А. Кизеветтера.

⁴ Постановление Президиума коллегии отдела по борьбе с контрреволюцией от 5 декабря 1918 г. // Там же.

⁵ В.И. Ленин и ВЧК : сб. док. (1917–1922). 2-е изд., доп. / сост. Ж.Г. Адибешова, Ю.А. Ахапкин, В.К. Виноградов и др. М. : Политиздат, 1987. С. 112.

⁶ Постановление коллегии юридически-следственного отдела ВЧК от 11 февраля 1919 г. // Архив ФСБ. Архивно-следственное дело А.А. Кизеветтера.

⁷ См.: *Красная книга ВЧК* : в 2 т. / ред. А.С. Велидов. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1989. Т. 2. С. 311, 322, 341.

⁸ *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1965. Т. 54. С. 265.

⁹ Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 12 августа 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. 18 авг.

¹⁰ *Центролен* — Всероссийский центральный кооперативный союз льноводов и коноплеводов. Находился по адресу: Большая Дмитровка, д. 26.

¹¹ *Бердяев Николай Александрович* (1874–1948) — философ, публицист, общественный и религиозный деятель. Профессор философии Московского университета (1917–1922). В 1922 г. выслан из России. Поселился в Берлине. Основал и возглавил Религиозно-философскую академию (1927–1948), главный редактор издательства «YMCA-Press» (1923). Член-учредитель Братства Св. Софии (1924). С 1934 г. жил в Клараме (Франция). Преподавал в Св.-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Основатель и редактор журнала «Путь» (1925–1940). Один из организаторов Лиги православной культуры (1930).

¹² *Осоргин Михаил Андреевич* (наст. фам. Ильин; 1878–1942) — прозаик, публицист, критик. Член Партии социалистов-революционеров. В 1906–1916 гг. жил в Италии. Один из организаторов книжной лавки писателей в Москве (1918–1921). Заместитель председателя Московского отделения Всероссийского союза писателей. Член Всероссийского комитета помощи голодающим (1921). Выслан из России в 1922 г. Вначале жил в Берлине, с 1923 г. — в Париже. Председатель ревизионной комиссии Союза русских писателей и журналистов в Париже. Член Общества друзей русской книги (1924–1941) и член правления Тургеневской библиотеки.

¹³ *Изюмов Александр Филаретович* (1885–1951) — историк-архивист. Участник Первой мировой войны. В 1918–1922 гг. работал инспектором архивов при Московском областном управлении архивных дел и старшим инспектором Главного архивного управления. В 1922 г. выслан за границу. В 1922–1925 гг. жил в Берлине и сотрудничал с Русским научным институтом. В 1925 г. по приглашению А.А. Кизе-

веттера приехал в Прагу. Работал в Русском заграничном историческом архиве. С 1934 г. заместитель директора архива. Член Русского исторического общества. В 1941 г. интернирован и заключен в концлагерь, освобожден американскими войсками в 1945 г. Умер в Праге.

¹⁴ *Ильин Иван Александрович* (1883–1954) — философ, правовед, публицист, литературовед. Преподавал философию на юридическом факультете Московского университета, в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, Высшем музыкально-педагогическом институте. Пользовался популярностью у студенческой аудитории. Председатель Московского психологического общества (1921–1922). Выслан в 1922 г. Жил в Берлине. Один из организаторов Русского научного института при Берлинском университете в 1923 г. Редактор-издатель журнала «Русский колокол» (1927–1930). В 1938 г. переехал в Швейцарию.

¹⁵ *Трубецкой Сергей Евгеньевич* (1890–1949) — общественно-политический деятель, публицист, философ. Доцент Московского университета. Один из организаторов Национального и Тактического центров в Москве (1919–1920). В 1922 г. выслан из России. Жил в Кларе. Политический советник генерала А.П. Кутепова. С 1923 г. член Братства Св. Софии. Участвовал в деятельности общества «Икона». Присоединился к движению евразийцев. С 1947 г. член Комитета Общества помощи русской эмиграции.

¹⁶ «*Русские ведомости*» — одна из крупнейших политических и литературных газет. Выходила в Москве в 1863–1918 гг. Основатель и первый редактор Н.Ф. Павлов. С 1864 г. тон газеты задавали либеральные профессора и земские деятели, составляющие ядро редакции. В газете сотрудничали К.А. Тимирязев, В.О. Ключевский, А.Н. Веселовский. Печатались Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др. Публиковались переводы из иностранной литературы. С 1905 г. — орган Конституционно-демократической партии. А.А. Кизеветтер печатал здесь свои статьи общественно-политического характера. Газета приветствовала падение самодержавия, но поддерживала Временное правительство. Закрыта в 1918 г.

¹⁷ *Розенберг Владимир Александрович* (1860–1932) — публицист, литературовед, историк, экономист, библиограф. Сотрудничал в газете «Русские ведомости», а с 1907 г. редактировал газету. В 1922 г. выслан из России. Поселился в Берлине, в 1923 г. переехал в Прагу. Сотрудник Русского экономического кабинета С.Н. Прокоповича, Русского заграничного исторического архива. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

¹⁸ *Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924) — юрист, философ. С 1901 г. профессор права Московского университета. Один из основателей Конституционно-демократической партии (1905). Профессор Московского коммерческого института. Преподавал в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского. В 1918 г. возглавлял московскую кадетскую организацию. Один из руководителей Национального центра. Осенью 1918 г. выехал в Киев, в распоряжение Добровольческой армии. В январе 1919 г. в Одессе, а в ноябре 1919 г. приехал в Харьков для участия в кадетской конференции. С сентября 1920 г. жил в Берлине, откуда переехал в Прагу. Один из организаторов Русского юридического факультета. Активно участвовал в работе русских научных и учебных учреждений в Чехословакии: председатель Религиозно-философского общества, председатель правления Русского института в Праге, товарищ председателя Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике, член правления Союза русских академических организаций за границей и Русской академической группы в Чехословакии.

¹⁹ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) — политик, экономист, философ, историк, публицист, критик. Профессор Высших женских (Бестужевских) курсов,

Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербургского политехнического института. С 1905 г. член ЦК Конституционно-демократической партии (в 1915 г. вышел из ЦК). Редактор журнала «Русская мысль» (с 1905 г. до его закрытия в 1918 г.). В апреле — мае 1917 г. директор Экономического департамента МИД. Участвовал в организации Белого движения, в т. ч. в создании Национального центра. В 1919–1920 гг. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине, начальник управления иностранных дел в правительстве генерала П.Н. Врангеля в Крыму. С 1920 г. в эмиграции в Париже. В 1921–1927 гг. редактор возобновленного журнала «Русская мысль», член редколлегий газет «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1927–1928). В апреле 1926 г. избран председателем Российского зарубежного съезда, проходившего в Париже. В 1928–1942 гг. в Белграде. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Югославии (1930–1934). В 1934 г. отошел от политической и общественной деятельности.

²⁰ *Федотова* Гликерия Николаевна (урожд. Позднякова; 1846–1925) — актриса. Заслуженная артистка императорских театров, народная артистка Республики (1924). С 1863 г. в Малом театре. С конца 1860-х гг. ведущая актриса театра. С 1885 г. преподавала в Московском театральном училище. В 1905 г. по болезни оставила сцену.

²¹ *юридический факультет* — Русский юридический факультет (РЮФ), высшее учебное заведение, открывшееся 18 мая 1922 г. в Праге и призванное готовить специалистов для обновленной России. Первым деканом факультета был избран П.И. Новгородцев. С 1926 г. работа РЮФ начала постепенно сокращаться: уже не принимали студентов на первый курс. Дипломы факультета не признавались даже в Чехословакии.

²² *Вернадский* Георгий Владимирович (1887–1973) — историк, публицист. В 1917–1918 гг. профессор Пермского университета, в 1918–1920 гг. — Таврического университета. С 1920 г. в эмиграции. В 1922 г. через Константинополь и Афины переехал в Прагу. Профессор истории русского права на Русском юридическом факультете (1922–1927). Член-учредитель Братства Св. Софии (1924). Член парижского общества «Икона». Один из идеологов евразийского движения. С 1927 г. переехал в США, занимал кафедру в Йельском университете.

²³ *Сургучев* Илья Дмитриевич (1881–1956) — писатель, драматург, критик, общественный деятель. Член Ставропольской городской управы, председатель железнодорожной комиссии. После 1917 г. в армии П.Н. Врангеля, переехал в Крым. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, с 1921 г. жил в Праге. Один из организаторов Русского камерного театра. В 1924 г. переехал в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. С 1937 г. председатель правления музыкально-артистического общества «Ассамблея». В 1940 г. организовал Объединение русских деятелей литературы и искусства, основал «Театр без занавеса» (1942–1944) в Париже.

²⁴ *Полевицкая* Елена Александровна (1881–1973) — актриса. После окончания музыкально-драматических курсов Е. Рапофа играла в театрах провинции. В 1909/10 — в Новом театре в Петербурге. В 1910–1914 и 1916–1918 гг. выступала в провинции. В 1914–1916 гг. — в театрах Москвы. В 1920 г. уехала на гастроли в Болгарию и до 1955 г. жила за границей. Выступала в театрах Европы: Австрии, Чехии, Германии и др. В 1923–1925 гг. гастролеровала в России. В 1943–1955 гг. преподавала сценическое искусство в Государственной академии Вены. С 1961 г. педагог в Высшем театральном училище им. Б.В. Щукина.

²⁵ *Касторский* Владимир Иванович (1870–1948) — артист оперы (бас), педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1939). Солист Мариинского театра (1898–1918, 1923–1930), Большого театра (1918–1923). В 1907–1909 гг. был участником «Русских сезонов» С.П. Дягилева. Гастролировал в Праге, Берлине, Мила-

не, Мюнхене, Лондоне, Харбине. В 1923 г. во время гастролей в Праге им был создан Русский оперный ансамбль, просуществовавший недолго.

²⁶ *Екатерина Ивановна Большакова* — подруга Г.Н. Федотовой. Последние годы ухаживала за актрисой.

²⁷ *Яблочкина Александра Александровна* (1866–1964) — актриса. Народная артистка СССР (1937). Училась у Г.Н. Федотовой. В 1885 г. выступала на сцене Тифлисского театра русской драмы, затем — в Московском театре Ф.А. Корша (1886–1888). Артистка Малого театра с 1888 г. С 1915 г. председатель московского отделения Русского театрального общества (РТО), а в 1917–1964 гг. председатель РТО (с 1932 г. Всероссийское театральное общество).

²⁸ *Турчанинова Евдокия Дмитриевна* (1870–1963) — актриса. Народная артистка СССР (1943). В 1891–1959 гг. в Малом театре. С 1910 г. вела педагогическую работу. В 1918–1923 гг. преподавала на драматических курсах при Малом театре.

²⁹ Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации (далее РО ЦНБ СТД). Ф. А.А. Кизеветтера. Оп. 1. Д. 4.

³⁰ *Алданов М. А.А. Кизеветтер*. На рубеже двух столетий. Прага. Изд. Орбис. 1929 [Рец.] // Современные записки (Париж). 1929. № 40. С. 546–548.

³¹ *Розенберг Владимир Александрович* — см. примеч. 17.

³² *Кукова Екатерина Дмитриевна* (урожд. Есипова, в 1-м браке Ювеналиева; 1869–1958) — публицист, политический и общественный деятель. Жена С.Н. Прокоповича. Участвовала в создании Союза освобождения (1903). С 1904 г. редактировала газету «Наша жизнь». В октябре 1905 г. была избрана в ЦК Конституционно-демократической партии, но отказалась в него войти. В апреле 1917 г. начала издавать газету «Власть народа» (закрыта в 1918 г.). Осенью 1918 г. была одним из организаторов Лиги спасения детей, помогавшей беспризорникам, а в 1921 г. — одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. В 1922 г. выслана из России, жила сначала в Берлине, затем в Праге (1924). Входила в Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), в совет Русского заграничного исторического архива, сотрудничала в периодических изданиях «Последние новости», «Дни», «Воля России», «Новый журнал» и др. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. С 1939 г. жила в Женеве.

³³ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871–1955) — политический деятель, экономист, статистик, публицист. С 1904 г. участвовал в деятельности Союза освобождения. Во Временном правительстве — министр торговли и промышленности, затем — продовольствия (1917). Декан юридического факультета 1-го Московского университета (1919–1920). Один из учредителей Всероссийского комитета помощи голодающим (1921). В 1922 г. выслан за границу. Организовал Русский экономический кабинет (затем — Русский научный институт) в Берлине. С 1924 г. жил в Праге. Член пражского отделения Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Редактор «Русских экономических сборников», выходивших в Праге в 1925–1928 гг. В 1939 г. переехал в Швейцарию.

³⁴ *Лосские* — семья Лосского Николая Онуфриевича (1870–1965), философа, историка философии. Приват-доцент (с 1900), затем профессор (с 1916) кафедры философии Санкт-Петербургского университета. Преподавал в Женском педагогическом институте, на Высших женских (Бестужевских) курсах. Один из редакторов журнала «Мысль» (1920–1922). В 1922 г. выслан из России. Обосновался в Праге. Преподавал и вел научную работу на Русском юридическом факультете. В 1945 г. поселился в Париже, а в 1946 г. уехал в США. Читал лекции по философии в Св.-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. В 1960 г. вернулся в Париж.

³⁵ *Панина Софья Владимировна* (1871–1956) — графиня, культурно-общественный и политический деятель. До 1917 г. активно занималась благотворительностью. Член ЦК Конституционно-демократической партии (с мая 1917). Во Времен-

ном правительстве — товарищ министра государственного призрения, затем товарищ министра народного просвещения (1917). В эмиграции с 1920 г. Через Константинополь приехала в Прагу. Член Временного комитета Всероссийского союза городов за границей, член инициативной группы по организации Русского культурно-исторического музея в Праге (с 1934). Председатель Комитета по проведению Дней русской культуры (1925–1938). Участвовала в создании «Русского очага» в Париже. В конце 1930-х гг. переехала в Швейцарию, затем — в США.

³⁶ *Альтшуллер* Исаак Наумович (1870–1943) — врач. В 1895 г. начал врачебную деятельность. В 1898 г. переехал в Ялту и стал крупным специалистом по лечению туберкулеза. Лечил А.П. Чехова, Л.Н. Толстого К.С. Станиславского, В.И. Кавалова, О.Л. Книппер-Чехову, семью Ф.И. Шаляпина и др. В 1910 г. был представителем России во Всемирной лиге по борьбе с туберкулезом. В 1920 г. уехал в Берлин, затем в Прагу. В 1938 г. переехал в Нью-Йорк.

³⁷ *Чернов* Виктор Михайлович (1873–1952) — политический деятель, публицист. Один из основателей Партии социалистов-революционеров (ПСР), ее теоретик. Во Временном правительстве — министр земледелия (1917). В январе 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Эстонии и Германии, затем переехал в Чехословакию. Сотрудничал в журнале «Воля России». С 1938 г. в Париже. Выступал с публичными докладами на политические темы. В 1941 г. уехал в США, участвовал в деятельности нью-йоркской группы ПСР. Автор трудов по политической экономии, истории.

³⁸ РО ЦНБ СТД. Ф. А.А. Кизеветтера. Оп. 1. Д. 2.

³⁹ Сегодня (Рига). 1932. 12 сент. № 202; 5 окт. № 225; 7 нояб. № 253.

А.А. Кизеветтер. Мои тюрьмы. [1919–1921]

⁴⁰ *жена* — Кизеветтер (урожд. Фраузенфельдер, в 1-м браке Кудрявцева) Екатерина Яковлевна (1864–1924), жена А.А. Кизеветтера, общественный и политический деятель. Член Конституционно-демократической партии. Участвовала в редактировании газеты «Русская мысль». Член Общества воспитательниц и учительниц в Москве. Автор воспоминаний «Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников)» (опубл.: Российский архив: Альманах. [Вып. V.] М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 338–425).

⁴¹ «Русские ведомости» — см. примеч. 16.

⁴² *Милуков* Павел Николаевич (1859–1943) — русский политический деятель, историк, публицист. В 1886–1895 гг. — приват-доцент Московского университета. Активный участник Союза освобождения. С 1905 г. лидер Конституционно-демократической партии. В 3-й и 4-й Государственных думах лидер кадетской фракции. Министр иностранных дел Временного правительства (1917). После Октябрьской революции уехал в Москву для организации сопротивления большевикам, а затем в Новочеркасск, где присоединился к Добровольческой армии. С 1918 г. в эмиграции. Жил в Лондоне, редактировал еженедельник «New Russia». В 1921 г. переехал в Париж. Редактор газеты «Последние новости» (1921–1940), соредaktor газеты «Звено» (1923–1926), редактор журнала «Русские записки» (1938–1939). Профессор культурно-исторического факультета Русского народного университета.

⁴³ *Партия народной свободы* — Конституционно-демократическая партия (партия кадетов), одна из наиболее влиятельных политических организаций, основанная в 1905 г. На II съезде партии (1906) к ее основному названию было добавлено: «Партия народной свободы». 27–29 мая 1918 г. в Москве состоялась партийная конференция, которая наметила программу действий партии: возрождение единой России, установление единоличной власти, заключение соглаше-

ний с другими партиями и группами для борьбы против большевиков, оказание поддержки Добровольческой армии, сохранение верности союзникам. Когда стали известны решения конференции, кадеты подверглись репрессиям: в Москве был закрыт партийный клуб, проведены массовые обыски и аресты.

⁴⁴ *Мирбах* Вильгельм (Mirbach; 1871–1918) — граф, германский дипломат. С апреля 1918 г. посол Германии в Москве при правительстве РСФСР. Убит левым эсером Я.Г. Блюмкиным.

⁴⁵ *Винавер* Максим Моисеевич (1863–1926) — адвокат, публицист, общественный деятель, кадет. В 1905 г. стал одним из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии. В 1906 г. член 1-й Государственной думы. По решению майской конференции Конституционно-демократической партии (1919) выехал в Киев для встречи с П.Н. Милюковым. Весной 1919 г. министр внешних сношений Краевого правительства Крыма. В эмиграции с 1919 г. Жил в Париже. Был председателем Парижской группы кадетов, организатором Парижской демократической группы Партии народной свободы. Участвовал в организации Русского юридического факультета при Сорбонне. Участвовал в издании газеты «Последние новости». Один из основателей и соредкторов газеты «Звено» (1923–1926).

⁴⁶ *Антанта* — блок Великобритании, Франции и России, сформировавшийся в 1904–1907 гг. В ходе Первой мировой войны объединил против Германии более 20 государств. После Октябрьской революции Россия вышла из Антанты. В 1918–1921 гг. блоком была организована антисоветская интервенция.

⁴⁷ *Кишкин* Николай Михайлович (1864–1930) — врач. После окончания медицинского факультета Московского университета (1889) основал водолечебницу и пансион для нервнобоных в Москве. В политической жизни участвовал с начала 1900-х гг. Член ЦК Конституционно-демократической партии с момента ее основания. Министр государственного призрения Временного правительства (1917). 25 октября 1917 г. назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда, а 26 октября арестован вместе с другими министрами Временного правительства. Освобожден весной 1918 г. В 1921 г. один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. Неоднократно арестовывался ВЧК. С 1923 г. работал в Наркомздраве РСФСР.

⁴⁸ *Катя* — Максимович Екатерина Александровна (урожд. Кизеветтер; 1895–1991), педагог. Дочь А.А. Кизеветтера, жена историка Е.Ф. Максимова.

⁴⁹ *Большевики воспылавали этими событиями для начала массового террора.* — 30 августа 1918 г. в Петрограде студентом юнкером Л.И. Каннегиссером был убит председатель Петроградского ЧК, нарком внутренних дел Северной области Моисей Соломонович Урицкий (1873–1918). В тот же день в Москве после выступления на заводе Михельсона был ранен В.И. Ленин. По официальной версии, покушение на В.И. Ленина совершила Ф. Каплан (наст. имя и фам. Рейга Хаймовна Ройтблат, 1888–1918), взявшая на себя всю ответственность за покушение. 1 сентября 1918 г. «Красная газета» писала: «За кровь Ленина и Урицкого пусть прольются потоки крови — больше крови, столько, сколько возможно». Только в одном Петрограде было расстреляно более 900 заложников.

⁵⁰ *Алексеев* Михаил Васильевич (1857–1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1916). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. С 1915 г. начальник штаба Ставки. В апреле – мае 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армией. В декабре 1917 г. в Новочеркасске приступил к формированию Добровольческой армии для борьбы с большевиками. *Участвовал* в 1-м и 2-м Кубанских походах Добровольческой армии. Скончался в Екатеринодаре 25 сентября 1918 г. от воспаления легких. В начале 1920 г., во время отступления Добровольческой армии, его прах был перевезен в Сербию.

⁵¹ *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал от инфантерии (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1907–1911 гг. военный атташе в Китае. В июле – августе 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армией. С ведома А.Ф. Керенского отправил 3-й кавалерийский корпус в Петроград, чтобы предоставить в распоряжение Временного правительства надежные войска, но Керенский переменял свое решение и объявил генерала мятежником. Он был смещен с поста главнокомандующего и вместе со своими сторонниками отправлен в тюрьму в г. Быхове. Однако начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин освободил Корнилова и его сторонников. Корнилов прибыл в Новочеркасск и вместе с генералом М.В. Алексеевым приступил к формированию Добровольческой армии. Убит снарядами при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 г.

⁵² *Деникин* Антон Иванович (1872–1947) — генерал-лейтенант (1916). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В апреле — мае 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. В мае — августе 1917 г. командовал Западным и Юго-Западным фронтами. За поддержку генерала Корнилова в августе 1917 г. снят с должности и заключен в быховскую тюрьму. Бежал из Быхова в Новочеркасск, принял участие в формировании Добровольческой армии. С апреля 1918 г. командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. Заместитель верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака (1919–1920). С 1920 г. в эмиграции. Выехал в Лондон, затем жил в Берлине, в Венгрии. В 1926 г. переехал во Францию, а с 1945 г. — в США. Автор капитального труда «Очерки Русской Смуты» в 5 томах (Париж; Берлин, 1921–1926).

⁵³ *Марков* Сергей Леонидович (1878–1918) — генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской войны (1904–1905). Начальник штаба «Железной дивизии» Юго-Западного фронта — знаменитой 4-й стрелковой бригады (1915). После февраля 1917 г. начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов. Вместе с генералом А.И. Деникиным был арестован по «делу Корнилова» и заключен в быховскую тюрьму. Участвовал в создании Добровольческой армии. Убит в бою в 1918 г.

⁵⁴ ...вырвавшись из тюремного заключения в Быхове, пробрались к Алексееву на Дон. — Л.Г. Корнилов и поддержавшие его генералы А.И. Деникин, С.Л. Марков, А.С. Лукомский, И.П. Романовский и др. были арестованы в Ставке и заключены в тюрьму в г. Быхове. Освобождены по распоряжению генерала Н.Н. Духонина 19 ноября. В начале декабря 1917 г. они прибыли в Новочеркасск.

⁵⁵ *Астров* Николай Иванович (1868–1934) — юрист, политический и общественный деятель. С 1894 г. мировой судья в Москве. В 1905 г. вступил в Конституционно-демократическую партию (с 1916 г. член ЦК). Московский городской голова (1917), председатель Всероссийского союза городов (1917). В сентябре 1918 г. избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории), но, узнав, что совещание признало зависимость Директории от Учредительного собрания, отказался вступить в правительство. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Париже, Лондоне, Женеве. С 1924 г. в Праге. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Был организатором и руководителем Русского зарубежного исторического архива.

⁵⁶ *Панина* Софья Владимировна — см. примеч. 35.

⁵⁷ *Струве* Петр Бернгардович — см. примеч. 19.

⁵⁸ *Новгородцев* Павел Иванович — см. примеч. 18.

⁵⁹ *Юрнев* Петр Петрович (1874–1943) — инженер, общественно-политический деятель. В 1906 г. вступил в Конституционно-демократическую партию (с 1911 г. член ЦК). Депутат 2-й Государственной думы. Министр путей сообщения Временного правительства (июль — август 1917). В 1920 г. эмигрировал в Константинополь. Участвовал в открытии русской гимназии для детей эмигрантов. Переехал

во Францию, вел крестьянское хозяйство в Нормандии. В 1930–1931 гг. Член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Член правления Союза русских дипломированных инженеров, а с 1935 г. товарищ председателя правления Федерации союзов русских дипломированных инженеров. Во время войны служил заводским сторожем в парижском пригороде.

⁶⁰ *Долгоруков Павел Дмитриевич* (1866–1927) — князь, публицист, общественно-политический деятель. Один из основателей Союза освобождения (1903). Один из основателей Конституционно-демократической партии (1905), председатель ее ЦК (1905–1907; 1917). Депутат 2-й Государственной думы (1907). Осенью 1917 г. был избран в Учредительное собрание. В день предполагаемого открытия Учредительного собрания (28 ноября 1917) был арестован большевиками вместе с Ф.Ф. Кошкиным и А.И. Шингаревым, но в феврале 1918 г. освобожден. Один из основателей Национального центра (1918). В октябре 1918 г. выехал на юг. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1922 гг. член Совета при главнокомандующем Русской армией генерале П.Н. Врангеле (Константинополь, Белград). В 1923 г. переехал в Париж. Один из руководителей Русского национального союза. Работал по заданию генерала П.Н. Врангеля в Софии, Праге, Белграде. В 1926 г. нелегально перешел границу Советского Союза. Был задержан и через 11 месяцев расстрелян.

⁶¹ *Головин Федор Александрович* (1867–1937) — общественно-политический деятель. Член Союза освобождения (1903). Один из основателей Конституционно-демократической партии (1905), член ее ЦК. Председатель Московской губернской земской управы (1904–1907). Председатель 2-й Государственной думы, депутат 3-й Государственной думы. С марта 1917 г. комиссар Временного правительства по всем учреждениям бывшего Министерства двора. После революции служил в советских учреждениях. Расстрелян по решению УНКВД Московской области.

⁶² *Наташа* — Кудрявцева Наталья Александровна (1886–1931), падчерица А.А. Кизеветтера, дочь Е.Я. Кизеветтер от первого брака.

⁶³ *Давыдов Николай Васильевич* (1848–1920) — общественный деятель, юрист. Прокурор Тульского окружного суда (1878–1894), председатель Тульского окружного суда (1894–1897), затем председатель Московского окружного суда (1897–1908). Приват-доцент Московского университета (1901–1910). Друг Л.Н. Толстого, который в процессе работы над романом «Воскресение» обращался к Давыдову за консультациями. В 1913 г. первый ректор Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Один из организаторов музея Л.Н. Толстого в Москве.

⁶⁴ «*Потемкин*» — броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический», на котором 14–25 июня 1905 г. произошло первое массовое революционное выступление в вооруженных силах России в революцию 1905–1907 гг. Не поддержанная другими судами, команда сдала корабль румынским властям в Констанце.

⁶⁵ *Нилендер Элиза Романовна* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁶⁶ *Маклаков Николай Алексеевич* (1871–1918) — государственный деятель. Черниговский губернатор (с 1909). Управляющий делами МВД (1912), в 1913–1915 гг. министр внутренних дел, с 1915 г. член Государственного совета, гофмейстер. Брат В.А. Маклакова. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

⁶⁷ *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861–1918) — министр юстиции (1906–1915), сенатор (1911), с января 1917 председатель Государственного совета. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

⁶⁸ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1918) — крупный помещик и промышленник, общественный и государственный деятель. Член партии октябристов («Союз 17 октября»). Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. Предводитель дворянства Симбирской губернии (с февраля 1916). Министр внутренних дел (декабрь 1916 — февраль 1917). Арестован после Февральской революции. Расстрелян 27 октября 1918 г.

⁶⁹ *Восторгов* Иоанн (1864–1918) — протоиерей, проповедник, активный деятель монархического движения. С 1913 г. настоятель Покровского собора на рву (храма Василия Блаженного), председатель Московского столичного совета благочинных. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

⁷⁰ *Виленкин* Александр Абрамович (1883–1918) — юрист, военный и политический деятель. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Участник Первой мировой войны. Член Конституционно-демократической партии, в 1917 г. присоединился к Народно-социалистической партии. В 1918 г. участник Союза защиты родины и свободы. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

⁷¹ *Дзержинский* Феликс Эдмундович (1877–1926) — советский государственный и партийный деятель. Активный участник революции 1905–1907 гг. Член ЦК РСДРП с 1907 г. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. Освобожден во время Февральской революции из Бутырской тюрьмы. 7 декабря 1917 г. назначен председателем ВЧК. 7 июля 1918 г. ушел в отставку с поста председателя как свидетель по делу убийства сотрудником ВЧК эсером Блюмкиным германского посла В. Мирбаха. 22 августа вновь назначен на этот пост. Один из организаторов красного террора. С марта 1919 г. нарком внутренних дел. В 1922–1926 гг. председатель ГПУ (ОГПУ). С 1924 г. председатель ВСНХ СССР и кандидат в члены Политбюро ЦК партии.

⁷² *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, богослов, литературовед, поэт. С 1914 г. приват-доцент кафедры западноевропейской литературы Московского университета. Читал курсы по культуре и литературе на московских Высших женских курсах и в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского. После революции профессор Саратовского университета (1918–1920). В 1919 г. дважды арестовывался. В 1920 г. эмигрировал в Польшу. С 1921 г. преподаватель, а в 1924–1944 гг. профессор русской литературы Кенигсбергского университета. В 1945–1947 гг. жил в Париже. С 1947 г. в США, преподавал в Св.-Владимирской духовной семинарии, читал лекции в американских и канадских университетах. Председатель Русской академической группы в США (1971–1977), один из основателей «Записок Русской академической группы в США». Автор около 40 книг по истории культуры, философии и богословию.

⁷³ *Найденев* Александр Николаевич (1866–1920) — коммерции советник, гласный Московской городской думы (1909–1917), председатель правления Московского торгового банка, член совета Государственного банка (1909–1912), заместитель председателя Московского биржевого комитета (с 1915). Женат на актрисе Малого театра Е.И. Решетниковой (Найденовой).

⁷⁴ *Шполянский* Борис Семенович — присяжный поверенный. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁷⁵ *Мячин* Георгий Николаевич — служащий Окружного военного комиссариата. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁷⁶ *Романов* Николай Петрович — участник военной организации Национальный центр. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁷⁷ *Маниковский* Алексей Алексеевич (1865–1920) — генерал от артиллерии (1916). С 1915 г. начальник Главного артиллерийского управления. Во Временном правительстве временный управляющим военным министерством (апрель — май 1917), затем товарищ военного министра. Арестован вместе с другими членами Временного правительства. Дал согласие работать на советскую власть и через несколько дней был освобожден. В 1918–1919 г. начальник Артиллерийского управления, Управления снабжения Красной армии. Погиб при крушении поезда.

⁷⁸ *Шипов* Дмитрий Николаевич (1851–1920) — общественный деятель. Председатель Московской губернской земской управы (1893–1904). В ноябре 1904 г. председатель Земского съезда. В ноябре 1905 г. стал одним из учредителей и первым председателем ЦК партии «Союз 17 октября» (в 1906 г. ушел с этого поста,

затем вышел из партии). Член Государственного совета (1906–1909), член Московской городской думы (1909–1911). В 1918–1919 гг. входил в состав Национального центра, в декабре 1919 г. арестован ВЧК, умер в тюрьме. *Дочь* — Наталья Дмитриевна Шипова (1870–1945).

⁷⁹ *Щепкин* Николай Николаевич (1854–1919) — политический деятель. Внук великого русского актера М.С. Щепкина. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878) (сражался в авангарде генерала М.Д. Скобелева). Гласный Московской городской думы (с 1889), мировой судья (1883–1894), товарищ городского головы (1884–1897). Член Союза освобождения, член Конституционно-демократической партии (с 1905; с 1907 г. председатель Московского городского комитета партии). Депутат 3-й и 4-й Государственных дум. После Октябрьской революции участник Союза возрождения России, руководитель Национального центра. Готовил вооруженное восстание в Москве. 28 августа 1919 г. был арестован у себя дома. На допросах брал всю вину на себя. Был расстрелян. Сообщение о его смерти было опубликовано 23 сентября 1919 г. в газете «Известия». Похоронен на Калитниковском кладбище в братской могиле.

⁸⁰ ...книги *Шарля-Пу «Наполеон III, Александр II и Горчаков»*... — Речь идет о книге: *Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III*. Paris, 1913. На русском языке книга не выходила.

⁸¹ *Сабашников* Михаил Васильевич (1871–1943) — издатель. Вместе с братом Сергеем основал издательство в Москве (1891–1930), выпускавшее историко-литературные и естественно-научные книги, в частности, серию «Памятники мировой литературы». Член Союза освобождения, Конституционно-демократической партии (член ЦК с 1905). Председатель правления Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского (с 1915). После Октябрьской революции активный член московского отделения Национального центра. Затем отошел от политики, продолжал издательскую деятельность до 1934 г.

⁸² *Мрозовский* Иосиф Иванович (1857–1934) — генерал от артиллерии, командующий войсками Московского военного округа (1915–1917). С 1919 г. во Франции.

⁸³ *Будберг* Андрей Романович (1851–1918) — барон, генерал-майор, московский полицмейстер.

⁸⁴ *Львов* — вероятно, Львов Алексей Евгеньевич (1850–1937), князь, гофмейстер. Служил в Министерстве финансов. Секретарь совета Московского художественного общества (с 1892). Директор Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1896–1917). В 1918 г. эмигрировал во Францию.

⁸⁵ *Львов* Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь. Председатель Тульской губернской земской управы. Депутат 1-й Государственной думы. В 1905–1911 гг. член Конституционно-демократической партии. Председатель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым военным. В 1915–1917 гг. возглавлял Главный по снабжению армии комитет (Земгор). В марте — июле 1917 г. глава Временного правительства. С приходом к власти большевиков уехал в Тюмень. В октябре 1918 г. уехал по поручению Временного сибирского правительства в США, в конце 1919 г. поселился в Париже.

⁸⁶ *Львов* Николай Николаевич (1867–1944) — юрист, крупный землевладелец, общественный деятель. Саратовский предводитель дворянства (1893–1900), с 1899 г. председатель губернской земской управы. Участвовал в создании Союза освобождения, один из основателей Конституционно-демократической партии, член ЦК (1905, вскоре вышел из партии), основатель Партии мирного обновления (1906). Депутат 1-й, 3-й и 4-й Государственных дум (в 4-й Думе — товарищ председателя). В 1912 г. один из учредителей Партии прогрессивов. После октября 1917 г. участник 1-го Кубанского похода Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, затем переехал во Францию. С 1921 г. член Русского совета, с марта 1922 г. член ЦК Русского народно-монархического союза.

⁸⁷ *Макса* Прокоп (Маха; 1883–1961) — чешский общественный деятель, дипломат. До Первой мировой войны — преподаватель Торговой академии, активный член Реалистической партии Т.Г. Масарика. В 1917–1918 г. заместитель председателя отделения Чехословацкого национального совета в Петрограде. После антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса в июне 1918 г. был арестован. После возвращения на родину на дипломатической службе. В Праге Макса и Кизеветтер неоднократно встречались.

⁸⁸ *Масарик* Томаш Гарриг (Masaryk; 1850–1937) — чешский философ, политический деятель, первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

⁸⁹ *Нодо* Людовик (Naudeau; 1872–1949) — французский журналист. Издавал в Москве газету «Русский журнал». 30 июля 1918 г. арестован, освобожден благодаря помощи французской военной миссии. Автор книги «В тюрьме под гнетом русского террора» (1920).

⁹⁰ *Локкарт* Роберт Гамильтон Брюс (Lockhart; 1887–1970) — английский дипломат, журналист, глава британской миссии при советском правительстве, выслан из советской России в 1918 г. как организатор в Петрограде «заговора трех послов» (Великобритании — Р. Локкарт, Франции — Ж. Нуланс, США — Д. Фрэнсис) с целью свержения советской власти.

⁹¹ *Фриде* Александр Владимирович (1884?–1918) — подполковник, представитель американской фирмы К. Каламатиано, работал в Главном управлении вооружений Красной армии.

⁹² *Иоффе* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁹³ *Каблуков* Николай Алексеевич (1849–1919) — экономист, статистик, общественный деятель. В 1885–1907 гг. заведующий Статистическим отделением Московской губернской земской управы. В 1894–1919 гг. преподавал в Московском университете (с 1903 г. — заведующий кафедрой статистики).

⁹⁴ *Гольдовский* Анисим Борисович (1865–1922) — присяжный поверенный, муж писательницы Р.М. Хин.

⁹⁵ *Новиков* Михаил Михайлович (1876–1964) — биолог, общественно-политический деятель. В 1917–1922 гг. профессор Московского университета (в 1917–1919 гг. ректор). Член Конституционно-демократической партии, депутат 3-й и 4-й Государственных дум. В 1922 г. выслан. Жил в Берлине, в 1923 г. переехал в Прагу. Возглавлял Русский народный университет (1923–1939), преподавал в Карловом университете. Участвовал в организации Русского культурно-исторического музея в Праге. В 1939 г. переехал в Словакию, затем в Германию. С 1949 г. жил в Нью-Йорке. Председатель Русской академической группы в США.

⁹⁶ *Гзовская* Ольга Владимировна (1889–1962) — драматическая актриса. Играла в Малом театре (1905–1910, 1917–1919) и в МХТ (1910–1917). С 1920 г. в эмиграции. Гастролировала в разных странах, жила в Германии. В 1932 г. вернулась в Россию. Играла в Ленинградском академическом театре драмы им. А.С. Пушкина (1943–1956). Вела педагогическую работу.

⁹⁷ *Шаляпин* Федор Иванович (1873–1938) — оперный певец. Народный артист Республики (1918). Дебютировал на профессиональной сцене в 1893 г. В 1896–1899 гг. солист Русской частной оперы К.С. Винтер. С 1899 г. солист Большого театра. Много гастролировал за рубежом. После Октябрьской революции руководил художественной частью Мариинского театра. С 1923 г. жил в Париже. Выступал в Швеции, Англии, США, Франции и др.

⁹⁸ *Фриде* Мария Владимировна — сестра А.В. Фриде (см. примеч. 91), надзирательница женской гимназии. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁹⁹ *Крыленко* Николай Васильевич (1885–1938) — советский государственный и партийный деятель. В 1917–1918 гг. нарком по военным делам, Верховный главнокомандующий. 7 марта 1918 г. выступил в качестве обвинителя в ревтрибунале Петрограда по делу провокатора Деконского, а 4 апреля — в Московском ревтри-

бунале по делу редактора «Русских ведомостей» Егорова. Этими выступлениями было положено начало института публичных обвинений в ревтрибуналах (с мая 1918 г. при них стали создавать коллегии обвинителей). До 1931 г. государственный обвинитель на крупнейших политических процессах. Председатель Верховного трибунала при ВЦИК (1922–1931), с 1928 г. прокурор РСФСР, с 1931 г. нарком юстиции РСФСР (затем СССР).

¹⁰⁰ *Кобяков* Сергей Артемьевич (1876–1923) — адвокат, присяжный поверенный, социал-революционер. В 1921 г. эмигрировал в Прагу, где выступал с лекциями на тему «Красный суд и большевистский террор».

¹⁰¹ *Рязанов* Давид Борисович (наст. фам. Гольдендах; 1870–1938) — российский и советский общественный деятель. Участник революционного движения с 1887 г. В 1918–1920 гг. возглавлял Главное управление по архивным делам, Главное управление по делам науки, входил в состав Государственного ученого совета и президиума Социалистической академии. Организатор и директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931). Помогал жертвам политических репрессий. В 1931 г. арестован, сослан на 3 года в Саратов. В 1937 г. снова арестован, приговорен к расстрелу.

¹⁰² *Мельгунов* Сергей Петрович (1879–1956) — историк, публицист, общественно-политический деятель. В 1906 г. член Конституционно-демократической партии, с 1907 г. член Народно-социалистической партии. В 1911 г. организовал кооперативное издательское товарищество «Задруга» (закрыто большевиками в 1922 г.). Редактор-издатель журнала «Голос минувшего» (1913–1923). В 1918 г. один из руководителей Союза возрождения России, участник Тактического центра. Неоднократно арестовывался. В 1922 г. выслан из России. Основал издательство «Ватага» в Берлине, выпускал исторические сборники «На чужой стороне» (1923–1926). В 1925 г. переехал в Прагу, в 1926 г. — в Париж, где вместе В.А. Мякотиним издавал журнал «Голос минувшего на чужой стороне» (1926–1928). Возглавлял Союз борьбы за свободу России (1946–1956). Автор исторических исследований, посвященных русской революции и Гражданской войне.

¹⁰³ *Флеров* Александр Ефимович (1882–1919) — педагог, коллежский ассессор, основатель мужской гимназии, председатель школьного совета гимназии. Редактор-издатель журнала «Педагогическое обозрение».

¹⁰⁴ *Рикси* Ян (1857–1939) — инженер, генеральный консул Чехословацкой Республики в России, с 1922 г. член президиума Чешской православной общины в Праге.

¹⁰⁵ *Эверт* Алексей Ермолаевич (1857–1926) — генерал от инфантерии (1911). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн. Во время Первой мировой войны главнокомандующий армиями Западного фронта (с августа 1915). После Февральской революции снят с поста главнокомандующего, уволен со службы.

¹⁰⁶ *Столянский* Петр Николаевич (1872–1938) — историк, журналист, автор книг о Петербурге.

¹⁰⁷ *Варнава* (Василий Александрович Накропин; 1859–1924) — епископ Русской православной церкви, с 1924 г. — архиепископ Тобольский и Сибирский. Считался ставленником Григория Распутина.

¹⁰⁸ ...«Когда вас призовут перед князи, и не думайте о том, что вам глаголати, ибо Дух Святой сам внушит вам, что глаголати». — Неточная цитата из Нового Завета. Ср.: Мк. 13: 11: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святой». См. также: Мф. 10: 18–20; Лк. 12: 11–12; Ин. 15: 31.

¹⁰⁹ *Алексинский* Григорий Алексеевич (1879–1967) — публицист, член РСДРП, депутат 2-й Государственной думы, после Февральской революции член группы

«Единство» (с 1917). С 1919 г. в эмиграции. Некоторое время жил в Праге, затем в Париже. Редактировал пражскую газету «Огни» (1924), газету и журнал «Родная земля» (1925–1926), газету «Наше дело» (1939–1940). Выступал с публичными докладами. Переводил на французский язык русских писателей. В последние годы работал в Центре научных изысканий.

¹¹⁰ Голубинцев (?–1921) — дополнительных сведений установить не удалось.

¹¹¹ Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — зоолог, основатель русской орнитологии. С 1898 г. профессор, а в 1917–1919 гг. ректор Московского университета. Академик АН СССР.

¹¹² Ильин Иван Александрович — см. примеч. 14.

¹¹³ Огородников Николай Александрович (1872–1919) — адвокат, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат 1-й Государственной думы, с июня 1917 гласный Костромской городской думы, один из руководителей московского отделения Национального центра. Расстрелян вместе с сыном Александром.

¹¹⁴ Черношвитов Кирилл Кириллович (1866–1919) — политический деятель. Член Конституционно-демократической партии (с 1905), входил в состав ЦК партии. Депутат 1-й–4-й Государственных дум. Участвовал в деятельности Национального центра. Расстрелян 23 сентября 1919 г.

¹¹⁵ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) — общественный и церковный деятель. Егермейстер (с 1910), московский губернский предводитель дворянства (1908–1915), член Государственного совета (с 1912), обер-прокурор Священного синода (июль — сентябрь 1915). Член Всероссийского Поместного собора (1917–1918), на котором его предложили кандидатом к избранию в Патриарха. Председатель Совета объединенных приходов Москвы (с 1918). Неоднократно арестовывался, последний раз арестован и освобожден в Костроме весной 1931 г.

¹¹⁶ Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) — генерал-лейтенант (1917). Московский губернатор (1908–1913), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1913–1915). С осени 1915 г. в действующей армии. После Октябрьской революции неоднократно арестовывался. В 1938 г. расстрелян.

¹¹⁷ Распутин Григорий Ефимович (наст. фам. Новых; 1869?–1916) — крестьянин Тобольской губернии, получивший известность «прорицаниями» и «исцелениями». Оказывал помощь больному гемофилией наследнику престола Алексею. Друг семьи Николая II. Убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

¹¹⁸ Южин Александр Иванович (наст. фам. Сумбатов; 1857–1927) — артист Малого театра (с 1882, с 1923 директор театра), драматург, театральный деятель. Народный артист Республики (1922).

¹¹⁹ Никандр (Николай Григорьевич Феноменов; 1872–1933) — епископ Вятский и Слободской (с 1914), член Священного синода, ближайший помощник патриарха Тихона. В 1918–1925 гг. неоднократно арестовывался. Митрополит Ташкентский и Туркестанский (с 1927).

¹²⁰ «Логос» — «Логос. Международный ежегодник по философии культуры», в 1910–1914 гг. издавался в Санкт-Петербурге, затем в Москве под редакцией С.И. Гессена. В 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание (вышел 1 номер).

¹²¹ «Овражки» — рассказ А.Н. Толстого, впервые опубликован в сборнике «Слово» (Кн. 1. 1913), выпускаемом Книгоиздательством писателей в Москве. С 1913 по 1917 г. было издано 8 сборников (редактор В. Вересаев, с 1915 г. — Н. Телешов).

¹²² Вот и наше крыльцо. — «Мы жили тогда напротив дома Румянцева, где пирожковая», — вспоминала Е.А. Максимович. Квартира А.А. Кизеветтера находилась в доме № 10 по Моховой улице.

¹²³ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — историк, партийный и государственный деятель. Член РСДРП (с 1905). В 1908–1917 гг. в эмиграции. С мая

1918 г. заместитель наркома просвещения. В Наркомпросе возглавлял научный отдел, отдел школьной политики и высших учебных заведений. В 1918–1932 гг. член ВЦИК и ЦИК СССР. Председатель Президиума Социалистической (с 1921 г. Коммунистической) академии, созданной в 1918 г.

¹²⁴ «*Задруга*» — кооперативное издательское товарищество, основанное в 1911 г. Один из основателей и председатель правления до закрытия большевиками в 1922 г. — С.П. Мельгунов. Выпускало книги по истории, вопросам государства, церкви, свободы слова и т.д. Всего было издано более 500 книг.

¹²⁵ *Колчак* Александр Васильевич (1874–1920) — политический деятель, вице-адмирал Российского Императорского флота (1916), адмирал Сибирской флотилии (1918). Участник северных экспедиций 1900–1903 гг. Участник Русско-японской войны (1904–1905). В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. В 1918–1920 гг. верховный правитель России. Установил режим военной диктатуры в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Весной 1919 г. было предпринято генеральное наступление сибирских армий, остановленное в мае войсками РККА. Расстрелян без суда по постановлению Иркутского ВРК.

¹²⁶ *Балиев* Никита Федорович (наст. имя и фам. Мкртич Асвадурович Баян; 1876–1936) — актер, режиссер, конферансье. В 1908 г. создал пародийный театр «Летучая мышь», переехавший в 1920 г. за границу. Кизеветтер ошибочно называет этот театр «Синяя птица». (Театр «Синяя птица» был создан в эмиграции драматическим актером и режиссером Я.Д. Южным в 1922 г.)

¹²⁷ *Елизавета* (1837–1898) — австрийская императрица, жена императора Франца Иосифа I. Во время прогулки по набережной Женевы Елизавета была убита ударом заточки анархистом Л. Луккени.

¹²⁸ *супруги Алферовы* — Алферов Александр Данилович (1862–1919), Алферова Александра Самсоновна (урожд. Косович; 1868–1919), педагоги, основатели женской гимназии в Москве (1895). Члены Конституционно-демократической партии.

¹²⁹ *братья Астровы* — Астров Александр Иванович (1870–1919) — ученый, инженер-гидравлик, профессор Императорского Московского технического училища, профессор Московского сельскохозяйственного института (с 1914). Астров Владимир Иванович (?–1919) — мировой судья, инспектор Центрального союза потребителей. Арестованы и расстреляны по делу Национального центра.

¹³⁰ *Шилов* Дмитрий Николаевич — см. примеч. 78.

¹³¹ *Доброхотов* Дмитрий Николаевич (1852–1920) — адвокат, председатель московского Совета присяжных поверенных с 1913 г. Сотрудник «Русских ведомостей».

¹³² *Горемыкин* Иван Логгинович (1839–1917) — государственный деятель, министр внутренних дел (1895–1899), член Государственного совета (с 1899), председатель Совета министров (апрель – июль 1906, 1914–1916).

¹³³ *Сипягин* Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — министр внутренних дел с 1900 г. Убит эсером С.В. Балмашевым.

¹³⁴ *Плеве* Вячеслав Константинович, фон (1846–1904) — государственный деятель. В 1881–1884 гг. директор Департамента государственной полиции МВД. С 1902 г. министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов. Убит эсером Е.С. Созоновым.

¹³⁵ *Витте* Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (с 1903), член Государственного совета (с 1903), председатель Совета министров (1905–1906). Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы. 9 октября 1905 г. Витте представил Николаю II записку, в которой указывал на опасность революционного развития событий. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все повергнет в прах. Какой выйдет Россия из беспример-

ного испытания, ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории», — говорилось в записке. В результате появился Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), подписанный Николаем II и провозглашавший гражданские свободы, создание Государственной думы. В апреле 1906 г. отправлен в отставку.

¹³⁶ ...на знаменитом общеземском съезде в ноябре 1904 года. — 6 ноября 1904 г. в Петербурге в квартире земского деятеля И.А. Корсакова (Фонтанка, 52) открылся первый легальный земский съезд под названием Частное совещание земских деятелей. Далее (7–9 ноября) совещание проходило на квартире В.Д. Набокова (Большая Морская, 47). Была принята резолюция и избрана делегация к Николаю II от представителей всех сословий России с требованием предоставления им прав. В ходе дальнейшей так называемой Банкетной кампании стало ясно, что речь идет о принятии конституции, созыве парламента и предоставлении свобод.

¹³⁷ *Котляревский* Сергей Андреевич (1873–1939) — правовед, писатель, историк. Участник кружков «Аргонавты», «Беседа». Участник Союза освобождения. Один из учредителей и член ЦК Конституционно-демократической партии (1905). Печатался в газете «Русские ведомости». Комиссар Временного правительства по инославным и иноверным исповеданиям, с июля 1917 г. товарищ обер-прокурора Синода и товарищ министра вероисповеданий. Был привлечен к суду по делу Тактического центра, приговорен к 5-летнему условному заключению. Впоследствии занимался исследованиями в области финансов, международных отношений. Юрисконсульт комиссариата юстиции. Главный консультант Института государственного права АН СССР. В 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу.

¹³⁸ *Кропоткин* — вероятно, речь идет об Алексее Алексеевиче Кропоткине (?–1920), кадете, московском мировом судье (с 1894).

«Именная печать»:

Сергей Владиславич Завадский

¹³⁹ *Катулл*. Книга стихотворений. М.: Наука, 1986. С. 283.

¹⁴⁰ *Завадский С.В.* [Выступление на гражданской панихиде по П.И. Новгородцеву 26 апреля 1924 г.] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

¹⁴¹ *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. С. 684–685.

¹⁴² *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: Записки эмигранта. М.: АПН, 1966. С. 207.

¹⁴³ «Пражская группа Художественного театра» — В 1919 г. группа актеров Московского Художественного театра отправилась в гастрольную поездку по югу России. Прорыв Белой армии отрезал артистов, находившихся в то время в Харькове, от метрополии. «Качаловская группа», так стали ее называть, начала странствия по югу России, отступая вместе с армией А.И. Деникина. В 1920 г. артисты давали спектакли в Грузии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Австрии, Германии. (Подробно о гастролях «Качаловской группы» см.: *Шверубович В.В.* О старом Художественном театре. М.: Искусство, 1990. С. 178–416.) В 1922 г. по рекомендации В.И. Немировича-Данченко часть «Качаловской группы» вернулась в Москву. Часть, возглавляемая Н.О. Массалитиновым и М.Н. Германовой, получив поддержку и приют, осталась в Праге. После 1925 г. «Пражская группа МХТ» гастролеровала по странам Западной Европы. В 1927 г. группа прекратила свое существование. Актеры играли в разных русских труппах.

¹⁴⁴ *Качалов* Василий Иванович (наст. фам. Шверубович; 1875–1948) — актер. Народный артист СССР (1936). С 1900 г. в труппе Московского Художественного театра. В 1920–1922 гг. гастролеровал в Европе с группой актеров МХТ (см. при-

меч. 143). В 1922 г. вернулся в Россию. В 1922–1924 гг. принял участие в зарубежных гастролях МХАТ.

¹⁴⁵ *Германова* Мария Николаевна (наст. фам. Красовская-Калитинская; 1894–1940) — актриса, режиссер, педагог. С 1902 г. в Московском Художественном театре. В 1919 г. уехала из Москвы в Киев, а затем в Ростов, где присоединилась к «Качаловской группе» (см. примеч. 143). В 1922 г. решила не возвращаться в Москву и возглавила вместе с Н.О. Массалитиновым работу оставшихся за границей артистов МХТ, так называемой «Пражской группы МХТ». После распада «Пражской группы» в 1927 г. играла в парижских труппах Ж. Питоева, Г. Бати. В 1929–1930 гг. работала как режиссер и педагог в США. Умерла в Париже.

¹⁴⁶ *Крыжановская* Мария Алексеевна (1891–1979) — актриса. В 1915–1919 гг. в Московском Художественном театре. Приняла участие в гастролях «Качаловской группы» (см. примеч. 143). Из-за тяжелой хронической болезни мужа, скульптора Аркадия Бессмертного, осталась за границей. Участвовала в зарубежных гастролях МХАТ (1922–1924), затем примкнула к «Пражской группе МХТ». Сезон 1930/31 г. работала с М.А. Чеховым, играла, в частности, в его постановке «Дворец пробуждается». В 1935 г. участвовала в гастролях чеховской группы в США. Во время войны жила в оккупированном Париже. Некоторое время играла в театре, руководимом П. Павловым и В. Греч.

¹⁴⁷ *Вырубов* Александр Александрович (1882–1962) — актер Московского Художественного театра и Первой студии МХТ. С 1922 г. в эмиграции. В Париже выступал с «Пражской группой МХТ». В 1929 г. в составе труппы Русского интимного театра Д.Н. Кировой, затем перешел в Рижский драматический театр. С 1948 г. в Париже играл в Русском драматическом театре (1950–1954) и в Русском театре (директор К. Константинов, 1955–1957).

¹⁴⁸ *Владимиров* Владимир Харитонович (наст. фам. Хинкулов; ?–1956) — актер театра и кино. Снялся более чем в 20 фильмах. После 1935 г. работал только в театре.

¹⁴⁹ *Чириков* Евгений Николаевич (1864–1932) — писатель, драматург. Февральскую революцию приветствовал, к Октябрьской отнесся враждебно. В годы Гражданской войны был идейно близок к конституционным демократам. С 1920 г. в эмиграции, сначала в Софии, а с 1922 г. в Праге. Вместе с Вас.И. Немировичем-Данченко стоял во главе русской колонии в Праге. Роман «Зверь из бездны» (1923), посвященный истории Белого движения в России и показывающий разложение и Белой, и Красной армий, вызвал бурные нападки на писателя как слева, так и справа. В 1929–1931 гг. в Белграде вышел автобиографический роман «Отчий дом» в 5 т.

¹⁵⁰ *Иолишина* Валентина Георгиевна (наст. фам. Чирикова, урожд. Григорьева; 1876–1966) — актриса. Играла в труппе Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской (1907–1910), в Новом театре комедии и драмы (1911–1912) и др. В 1922 г. выехала в Германию. Затем переехала в Чехословакию. Выступала на литературных вечерах. В 1947 г. переехала в Нью-Йорк. Жена писателя Е.Н. Чирикова.

¹⁵¹ *Новелла Евгеньевна* Чирикова (в браках Рождественская, Бирюкова, Ретивова; 1894–1978) — драматическая актриса. Старшая дочь писателя Е.Н. Чирикова. Играла в провинциальных театрах. С 1922 г. в эмиграции. Жила во Вшенорах, а с 1928 г. в Праге. Играла в любительских театральных труппах. В 1945 г. переехала в Германию, а в 1949 г. — в США.

¹⁵² *Татьяна Даниловна* Ратгауз-Клименко (1909–1993) — поэтесса, актриса. Отец — известный в конце XIX — начале XX в. поэт Даниил Максимович Ратгауз, на чьи стихи писали романсы композиторы П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов, Р.М. Глиэр и др. В мае 1921 г. семья Ратгаузов переселилась в Берлин, в январе 1924 г. — в Прагу. В 1925 г. состоялся дебют Т. Ратгауз как актрисы, а ранее, в 1923 г., были опубликованы ее стихи. Член Союза русских артистов в Чехословацкой Республике (1927), Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1930). Участница пражского литературного объединения «Скит». С 1935 г. актриса Театра

русской драмы в Риге. В 1944 г. приняла гражданство СССР. С 1963 г. до выхода на пенсию работала техническим переводчиком.

¹⁵³ *Алексеев* Павел Николаевич (1890–?) — драматический артист, режиссер. Играл в спектаклях «Пражской группы МХТ», затем в Русском камерном театре в Праге. Снимался в кино. Был актером и режиссером Русской драматической группы. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

¹⁵⁴ «*Квадратура круга*» — пьеса В. Катаева (1927). В постановке Русской драматической группы в Праге (1933) К.П. Макаева играла роль Людмилы, а Т.Д. Ратгауз — Тони.

¹⁵⁵ *Днепров* Эвелина Федоровна (наст. фам. Мерц; ?–1945) — драматическая актриса, режиссер.

¹⁵⁶ *Дузе* Элеонора (1858–1924) — итальянская актриса. Выступала с огромным успехом во многих странах. В России гастролеровала в 1891–1892 и в 1908 гг.

¹⁵⁷ *Норманд* Евгений Осипович (1891–?) — драматический артист, режиссер, художник. С 1922 г. жил в Риге, а в начале 1930-х гг. переехал в Прагу. В конце 1930-х гг. переехал в Бухарест.

¹⁵⁸ *Коваленская* Нина Григорьевна (1888–1993) — актриса. В 1909 г. зачислена в труппу Александринского театра. Играла в спектаклях, поставленных В.Э. Мейерхольдом: «Гроза», «Стойкий принц», «Маскарад» и др. В 1919 г. эмигрировала в Болгарию. Затем жила в Праге, играла в Русском драматическом театре. В 1923 г. организовала театральную студию. После 1945 г. переехала в США, где и скончалась. В 1995 г. ее прах был перезахоронен на Литераторских мостках в Петербурге.

¹⁵⁹ *Полуэктова* Ольга Александровна (в браке Куфтина; 1896–1983) — актриса. Играла в спектаклях Московского Художественного театра. В эмиграции входила в «Пражскую группу МХТ». Работала режиссером в Русском культурно-просветительском обществе им. А. Духновича (Ужгород).

¹⁶⁰ *Васильев* Василий Иванович (наст. фам. Синкевич; 1893–1986) — артист театра и кино. После окончания студии Художественного театра был принят в МХТ. Входил в «Пражскую группу МХТ». С 1930 г. работал в Польше, а с 1941 г. — снова в Праге. В 1955 г. вернулся в Россию. Работал в Ленинградском театре комедии, затем — в Театре им. Ленсовета.

¹⁶¹ *Гуляницкая* Галина Степановна (1902–1972) — филолог, переводчик, драматическая актриса. Жена В.И. Васильева. Училась в драматической студии Н.Г. Коваленской. С 1923 г. жила в Праге, где окончила философский факультет Карлова университета (1927). В 1932 г. вместе с мужем открыла театральную школу в Варшаве. С 1955 г. жила в Ленинграде.

¹⁶² *её сестра* — Синкевич-Комаровская Надежда Ивановна, актриса Малого театра.

¹⁶³ *Павлов* Поликарп Арсеньевич (1885–1974) — артист МХТ с 1908 г. В 1919–1922 гг. в составе «Пражской группы МХТ». С 1925 г. в Париже. Гастролировал в Белграде, в США, Англии. В 1943 г. вернулся в Париж. Работал в Театре русской драмы (1944/45), в Русском драматическом театре (дирекция Н.А. Корганова, 1948/49), Русском театре (администрация К. Константинова, 1955–1960) и др. Член правления Союза сценических деятелей. Участвовал в благотворительных вечерах и концертах.

¹⁶⁴ *Греч* Вера Мильтиадовна (наст. фам. Коккинаки; 1893–1974) — актриса, театральный деятель. Работала в МХТ с 1916 г. В 1919–1922 гг. в составе «Пражской группы МХТ». Обосновалась в Париже. После Второй мировой войны играла в Театре русской драмы, Русском драматическом театре (дирекция Н.А. Корганова, 1948–1952), в Русском театре (администрация К. Константинова, 1955–1960) и др. Стала одним из создателей Союза сценических деятелей, объединявшего русских актеров за границей. Вела драматическую студию в Русской консерватории в Париже (1949–1952). В 1952–1955 гг. работала в Англии. В 1960-е гг. часто выступала на вечерах в русских домах в предместьях Парижа.

- ¹⁶⁵ Письмо К.П. Макаевой В.П. Нечаеву от 22 июня 1989 г. // Личный архив В.П. Нечаева.
- ¹⁶⁶ Письмо К.П. Макаевой В.П. Нечаеву от 12 дек. 1985 г. // Там же.
- ¹⁶⁷ *Завадский С.В.* Краткое автобиографическое жизнеописание С.В. Завадского // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.
- ¹⁶⁸ *Он же.* [Детство] // Там же. Д. 2. Л. 2–3.
- ¹⁶⁹ *Он же.* [Университет] // Там же. Л. 23.
- ¹⁷⁰ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Дорожные жалобы» (1829).
- ¹⁷¹ *Завадский С.В.* [Русский суд] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- ¹⁷² *Он же.* На Великом изломе // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Кн. 8. Берлин, 1923. С. 33–34.
- ¹⁷³ *Чебышев Н.Н.* Завадский // Возрождение (Париж). 1935. 4 июля. № 3683. С. 4.
- ¹⁷⁴ *Завадский С.В.* На Великом изломе // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 1. Л. 80. Сергей Владиславич вернулся к своим воспоминаниям и внес авторскую правку. Ссылка дается на гранки, хранящиеся в архиве.
- ¹⁷⁵ *Чебышев Н.Н.* Завадский. С. 4.
- ¹⁷⁶ *Струве* Петр Бернгардович — см. примеч. 19.
- ¹⁷⁷ *Зайцев* Кирилл Иосифович (1887–1975) — юрист, экономист, общественный деятель. В 1920 г. эмигрировал во Францию, затем переехал в Прагу. В 1922–1923 гг. приват-доцент Русского юридического факультета. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1925 г. вернулся в Париж. В 1926–1932 гг. преподавал в Институте русского права и экономики, во Франко-русском институте, Русском коммерческом институте. Редактировал парижскую газету «Россия и славянство» (1928–1934). В 1934 г. уехал в Харбин. Ректор Русского педагогического института в Харбине (1935–1938). В 1944 г. принял священство (в 1949 г. пострижен в монашество с именем Константин, с 1954 г. архимандрит). В 1948 г. переселился в США. Профессор пастырского богословия и русской литературы в Св.-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль). В 1949–1975 гг. редактор журнала «Православная Русь».
- ¹⁷⁸ *Лапшин* Иван Иванович (1870–1952) — философ, психолог, музыковед, литературовед, историк. Профессор Петроградского университета (1913–1922). В ноябре 1922 г. выслан из России. Обосновался в Берлине, а с января 1923 г. — в Праге. Профессор Карлова университета, Русского юридического факультета. Председатель Русского философского общества в Праге. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Сотрудник Русского научного института.
- ¹⁷⁹ *Лосский* Николай Онуфриевич — см. примеч. 34.
- ¹⁸⁰ Письмо С.В. Завадского к К.И. Завадской [1922] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 37. Л. 106.–206.
- ¹⁸¹ *Завадский С.В., Панас И.О.* [Воззвание правления издательского общества «Единство»] // Там же. Д. 46. Л. 1.
- ¹⁸² *Завадский С.В.* Писание и предание // Там же. Д. 9. Л. 7.
- ¹⁸³ *Он же.* Русский человек в слове // Крестьянская Россия: Сб. Прага, 1923. Т. 5/6. С. 3.
- ¹⁸⁴ *Он же.* О Гоголе и юморе. [Конец 1920-х] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–15.
- ¹⁸⁵ *Он же.* Тургенев как человек и писатель // Труды V съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 265–275.
- ¹⁸⁶ *Он же.* [Лекция о Л.Н. Толстом, 1930] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–29.
- ¹⁸⁷ *Он же.* Великий упроститель: К познанию личности Л. Толстого // Русский народный университет в Праге: Научные труды. Прага, 1931. Т. 4. С. 129–139.

¹⁸⁸ Он же. Н.С. Лесков // РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 10. Л. 19–20; Он же. Пародия Достоевского на Щедрина. [1930] // Там же. Л. 16–18; Он же. Салтыков-Щедрин // Там же. Д. 15. Л. 12–20.

¹⁸⁹ Он же. [Лекция о литературе] // Там же. Д. 15. Л. 28.

¹⁹⁰ Он же. [Автобиография] // Там же. Д. 47. Л. 1.

¹⁹¹ Фаринич А.А. На похоронах С.В. Завадского // Наш путь (Ужгород). 1935. 9 июля (26 июня).

¹⁹² Новиков М.М. Памяти С.В. Завадского // Справочный листок при Русском свободном университете. 1935. 3 июня. № 25 (31).

¹⁹³ РО ЦНБ СТД. Ф. С.В. Завадского. Оп. 1. Д. 7, 10, 16, 26.

С.В. Завадский. [Памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева]

¹⁹⁴ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) — ученый-юрист, общественно-политический деятель. Участник кружка «Беседа», Союза освобождения. Один из основателей и член ЦК Конституционно-демократической партии (1905). Депутат 1-й Государственной думы (1906). Государственный контролер Временного правительства, председатель Особого совещания по изготовлению проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. После прихода к власти большевиков был избран членом Учредительного собрания. Мать, Ольга Наумовна Кокошкина (урожд. Гладун), была начальницей женской губернской гимназии во Владимире (1874–1902). Брат Владимир Федорович Кокошкин (1874–1926) — адвокат, участник Белого движения на юге России, эмигрант.

¹⁹⁵ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — врач, земский, общественно-политический деятель. Участник Союза освобождения. Член ЦК Конституционно-демократической партии (с 1907). Депутат 2-й–4-й Государственных дум. Министр земледелия (март – май 1917) и министр финансов (май – июнь 1917) Временного правительства.

¹⁹⁶ Павлова Каролина Карловна (урожд. Яниш; 1807–1893) — русская поэтесса. С.В. Завадский ошибался, Каролина Павлова была дочерью обрусевшего немца, а не чеха. В роду матери были и французы, и англичане.

¹⁹⁷ Цитата из стихотворения «Разговор о Кремле» (1854) (Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М. ; Л. : Сов. писатель, 1964. С. 164–165).

¹⁹⁸ Илья Муромец — богатырь, один из главных героев русских былин. Воплощение народной идеи героя-воина.

¹⁹⁹ Петров Василий Владимирович (1761–1834) — физик, академик. В 1802 г. открыл электрическую дугу и указал на возможность ее практического применения.

²⁰⁰ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) — филолог, исследователь русского языка, академик Санкт-Петербургской АН (1894). Член Государственного совета и член ЦК Конституционно-демократической партии (1906). Выступал за изменение политического строя. Власть большевиков и разгон Учредительного собрания назвал «величайшим бедствием» для страны. Эмигрировать отказался. Умер от истощения.

²⁰¹ Урусов Николай Петрович (1864–1918) — государственный деятель. Гродненский (1901–1902), затем полтавский губернатор (1902–1906). Екатеринославский губернский предводитель дворянства (1908–1918). Член Государственного совета (с 1912). В октябре 1918 г. расстрелян как заложник.

²⁰² Маклаков Николай Алексеевич — см. примеч. 66. Его старший брат Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — адвокат. Участник кружка «Беседа», Союза освобождения. Член Конституционно-демократической партии (с 1905; с 1906 член ЦК). Депутат 2–4-й Государственных дум. В 1917 г. посол России во Франции. С 1924 г. возглавлял Эмигрантский комитет, представлявший интересы рус-

ских эмигрантов во Франции. С 1937 г. председатель комитета Франко-русского института.

²⁰³ *Чебышев* Николай Николаевич (1865–1937) — юрист, публицист, журналист. С 1906 г. прокурор Смоленского окружного суда, с 1914 г. прокурор Киевской, а с 1916 г. — Московской судебной палаты. После февраля 1917 г. сенатор уголовно-кассационного департамента Сената. Во время Гражданской войны член Совета государственного контроля при гетмане П.П. Скоропадском (1918), начальник управления внутренних дел при Особом совещании генерала А.И. Деникина (1919). С 1920 г. в эмиграции, сначала в Константинополе, затем в Софии, в конце 1921 г. переехал в Берлин. С 1923 г. жил в Белграде, возглавлял канцелярию П.Н. Врангеля. В 1927 г. переехал в Париж. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже (с 1937).

²⁰⁴ *Муратов* Николай Павлович (1867–1918) — государственный деятель. Член Государственного совета, в 1906–1912 гг. тамбовский губернатор, с 1912 г. курский губернатор, с 1915 г. товарищ министра внутренних дел.

²⁰⁵ *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869–1922) — юрист, публицист, общественный и политический деятель. В 1894–1899 гг. служил в Государственной канцелярии. Профессор уголовного права в Училище правоведения (с 1895). Депутат 1-й Государственной думы. 7–9 ноября 1904 г. в его доме проходили заседания Частного совещания земских деятелей (см. примеч. 136). Один из организаторов Конституционно-демократической партии (с 1905 г. член ЦК, затем товарищ председателя). Участник Первой мировой войны. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. В ноябре 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания от Конституционно-демократической партии. В декабре 1917 г. выехал в Крым, где был министром юстиции Крымского краевого правительства (1919). С апреля 1919 г. эмигрант сначала в Лондоне, затем в Берлине. Убит террористом, стрелявшим в П.Н. Милюкова, которого прикрыл своим телом.

²⁰⁶ *«Правительственный вестник»* — ежедневная официальная газета российского Министерства внутренних дел в 1869–1917 гг. Публиковала правительственные распоряжения и сообщения.

О российском и русском многоединстве

²⁰⁷ *Гитлер* (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889–1945) — лидер фашистской Национал-социалистической немецкой рабочей партии с 1921 г., глава германского фашистского государства (в 1933 г. рейхсканцлер, в 1934 г. соединил этот пост с постом президента).

²⁰⁸ *Судковский* Руфин Гаврилович (1850–1885) — живописец-маринист, академик Императорской Академии художеств.

²⁰⁹ *Воронихин* Андрей Никифорович (1759–1814) — архитектор. Наиболее выдающееся произведение — Казанский собор в Санкт-Петербурге (1801–1811).

²¹⁰ *Захаров* Андреян Дмитриевич (1761–1811) — архитектор. Создатель комплекса зданий Адмиралтейства в Санкт-Петербурге (1805–1823).

²¹¹ *Витберг* Александр Лаврентьевич (1787–1855) — художник и архитектор шведского происхождения, автор утвержденного, но не реализованного проекта храма Христа Спасителя в Москве, Александро-Невского собора в Вятке (1838–1864).

²¹² *Востоков* Александр Христофорович (наст. имя и фам. Александр-Вольдемар Остенек; 1781–1864) — филолог, исследователь русского стихосложения, академик Санкт-Петербургской АН (с 1841).

²¹³ *Шахматов* Алексей Александрович — см. примеч. 200.

²¹⁴ *Потебня* Александр Афанасьевич (1835–1891) — первый крупный теоретик лингвистики в России, литературовед, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН (1875).

²¹⁵ *Миних* Бурхард Кристоф (1683–1767) — граф, русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1732).

²¹⁶ *Сперанский* Михаил Михайлович (1772–1839) — граф, государственный деятель. С 1807 г. ближайший советник Александра I, автор плана либерального преобразования России, инициатор создания Государственного совета, государственный секретарь (1810). С 1826 г. руководил кодификацией основных государственных законов Российской империи.

²¹⁷ *Милютин* Николай Алексеевич (1818–1872) — государственный деятель. С 1859 г. товарищ министра внутренних дел, фактический руководитель работ по подготовке крестьянской реформы 1861 г.

²¹⁸ *Бунге* Николай Христианович (1823–1895) — государственный деятель, экономист. В 1881–1886 гг. министр финансов, в 1887–1895 гг. председатель Комитета министров.

²¹⁹ *Витте* Сергей Юльевич — см. примеч. 135.

²²⁰ *Балудянский* (Балугьянский) Михаил Андреевич (1769–1847) — сенатор, ученый-юрист. Ректор Санкт-Петербургского университета (1819–1821). Сотрудник М.М. Сперанского при кодификации российских законов.

²²¹ *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708–1744) — князь, поэт-сатирик, переводчик, дипломат.

²²² *Лорис-Меликов* Михаил Тариелович (1825–1888) — граф, государственный и военный деятель, генерал от кавалерии (1875). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). Член Государственного совета (1880), министр внутренних дел (1880–1881).

²²³ *Жаков* Каллистрат Фалалеевич (1866–1926) — философ, лингвист, этнограф, ученый-энциклопедист.

²²⁴ *Алексей Михайлович* (1629–1676) — русский царь (с 1645). В его правление произошло усиление центральной власти, воссоединение России с Украиной (1654), возвращение некоторых исконно русских земель — Смоленска, Северной земли и др.

²²⁵ *Данила Туптеленков* — Димитрий (Даниил Саввич Туптало; 1651–1709), митрополит Ростовский, духовный писатель. Поддерживал реформы Петра I с условием невмешательства государства в церковные дела. Автор антираскольнических сочинений. Канонизирован Русской православной церковью в 1757 г.

²²⁶ *Разумовские* — Алексей Григорьевич (1709–1771), граф, генерал-фельдмаршал (1756). Участник переворота 1741 г. Морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны. Алексей Кириллович (1748–1822), граф, государственный деятель. В 1810–1816 гг. министр народного просвещения. Кирилл Григорьевич (1728–1803), граф, последний гетман Войска Запорожского (1750–1764), генерал-фельдмаршал, президент Санкт-Петербургской АН (1746–1798). Андрей Кириллович (1752–1836), князь (с 1815), государственный деятель, дипломат, посол в Вене (1790–1799, 1801–1807). Один из руководителей русской делегации на Венском конгрессе европейских государств (1814–1815), завершившем войны европейских держав с Наполеоном I.

²²⁷ *Безбородко* Александр Андреевич (1747–1799) — государственный деятель, дипломат. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1784 г. фактически глава Коллегии иностранных дел, канцлер и светлейший князь (1797).

²²⁸ *Завадовский* Петр Васильевич (1739–1812) — граф, государственный деятель. В 1802–1810 гг. министр народного просвещения, в 1811–1812 гг. председатель Комиссии составления законов Государственного совета.

²²⁹ *Кочубей* Василий Леонтьевич (1640–1708) — при гетмане И.С. Мазепе генеральный писарь (с 1687), генеральный судья (с 1699). Узнав о тайных переговорах Мазепы со шведским и польским королями с целью отделения Украины от России, несколько раз предупреждал Петра I о готовящейся измене. Казнен по приказу гетмана.

²³⁰ *Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) — государственный деятель, член Государственного совета, главный директор почт, министр уделов (1802–1806), министр юстиции (1814–1817).

²³¹ *Вронченко* Федор Павлович (1780–1852) — государственный деятель, в 1844–1852 гг. — министр финансов.

²³² *Алеша* (Александр) *Попович* — мифологический образ богатыря в русском былинном эпосе. Алеша Попович как младший входил третьим по значению в богатырскую тройку вместе с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем.

²³³ *Шевченко* Тарас Григорьевич (1814–1861) — украинский поэт и прозаик, художник, академик Императорской Академии художеств (1860).

Пушкин и Катулл

²³⁴ *Катулл*, Гай Валерий Катулл Веронский (Gaius Valerius Catullus; 87 или 84 — после 54 до н.э.) — римский поэт. Сохранился его сборник из 116 стихотворений. Творчество Катулла — важнейший этап формирования римской лирической поэзии. «Трагические мотивы тоски о прошлом, верности и измены, разлуки и одиночества, страдания и искупления», — все это нашло отклик в поэзии Катулла (*Гаспаров М.Л.* Катулл // Крат. лит. энцикл. М. : Сов. энцикл., 1966. Т. 3. Стб. 451). Его любовная лирика отличается непосредственностью и силой чувств. Поэзия Катулла оказала влияние и на лирику нового времени. Катулла переводили А.С. Пушкин (одно стихотворение), А.А. Фет, В.Я. Брюсов, А.И. Пиотровский, С.В. Шервинский и др.

²³⁵ *Цезарь*, Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar; 102 или 100 — 44 до н.э.) — римский диктатор в 49, 48–46, 45 гг. до н.э, с 44 г. до н.э. — пожизненно, полководец, писатель.

²³⁶ *Август* (Augustus; до 44 до н.э. Гай Октавий, с 44 Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 до н.э. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август; 63 до н.э. — 14 н.э.) — римский император с 27 до н.э.

²³⁷ *Корнелий Непот* (Cornelius Nepos; ок. 99 — 24 до н.э.) — римский историк, поэт. В своем труде «De viris illustribus» («О знаменитых людях») упоминает Катулла как лучшего поэта своего времени.

²³⁸ *Гораций*, Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus; 65–8 до н.э.) — римский поэт. В своей 1-й книге «Сатиры», в X стихотворении Гораций писал:

Шуткой нередко решается трудность и легче и лучше,
Нежели силой ума! — То старинные комики знали!
Нам бы не худо последовать им, а их не читают
Ни прекрасный собой Гермоген, ни та обезьяна,
Чье все искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву!

(*Serm. I, X. Пер. М.Д. Дмитриева*)

²³⁹ *Марциал*, Марк Валерий Марциал (Marcus Valerius Martialis; ок. 40 — ок. 104) — римский поэт, мастер эпиграммы.

²⁴⁰ *Авсоний*, Децим Магн Авсоний (Decimus Magnus Ausonius; ок. 310–394) — римский поэт, преподаватель риторики.

²⁴¹ *Моммзен* Теодор (Mommson; 1817–1903) — немецкий историк, автор работ по истории Древнего Рима и римского права. Почетный член Петербургской АН (1893). Лауреат Нобелевской премии (1902).

²⁴² ...«на каждый звук призывный» жизни «отзывной песнью отвечать»... — неточная цитата из стихотворения Д.В. Вeneвитинова «Я чувствую, во мне горит...» (1827): «На каждый звук ее призывный / — Отзывной песнью отвечай!»

²⁴³ ...что бы ни утверждал в своем знаменитом «Памятнике». — Речь идет о строке из оды XXX 3-й книги «Од», где Гораций говорит, что ему принадлежит заслуга перенесения на итальянскую почву греческой лирики (которую он называет «эолийским напевом»): «Эолийский напев в песнь итальянскую / перелив» (Carm. III, XXX. Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского).

²⁴⁴ *Александрійцы* — древнегреческие поэты эпохи эллинизма (III–I в. до н.э.), называемые по своему главному центру Александрии, столице царства Птолемея.

²⁴⁵ *Вергилий*, Публий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maro; 70–19 до н.э.) — римский поэт, автор Энеиды.

²⁴⁶ *Овидий*, Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso; 43 до н.э. — ок. 18 н.э.) — римский поэт, автор любовных элегий, поэм «Искусство любви», «Метаморфозы».

²⁴⁷ *Тибулл*, Альбий Тибулл (Albius Tibullus; ок. 50 – 19 до н.э.) — римский поэт, мастер любовной элегии.

²⁴⁸ *Проперций*, Секст Проперций (Sextus Propertius; ок. 50 – ок. 15 до н.э.) — римский поэт, мастер любовной элегии.

²⁴⁹ *Всем памятен разговор... ~ ...будучи «духовного происхождения»*. — Речь идет о том месте романа И.С. Тургенева «Дым» (1867), где Григорий Михайлович Литвинов встречается с надворным советником Созонтом Ивановичем Потугиным в гостинице модного курорта Баден-Баден (гл. V). Завадский пересказывает фрагмент их разговора, где Потугин заявляет, что родину он любит и ненавидит, ссылаясь на стихи Катюлла: «Odi et amo. Quare id faciam, fortasse, requiris? / Nescio: sed fieri sentio et excrucior. [Ненавижу и люблю. Почему это бывает, может быть, ты спросишь? / Не знаю, но чувствую, что это так, и это мучительно (*лат.*)] Катюлл, LXXXVI».

²⁵⁰ *Фет* Афанасий Афанасьевич (наст. фам. Шеншин; 1820–1892) — поэт. Всю жизнь занимался переводческой деятельностью, перевел на русский язык почти всю римскую поэзию: Горация, Тибулла, Проперция, Овидия, Вергилия, Ювенала, Персия, Марциала, Катюлла. См.: Стихотворения Катюлла в переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1886.

²⁵¹ *перевод Грибенов* — речь идет об издании Катюлла на немецком языке, издатель Теодор Грибен (1826–1914): Catullus. Leipzig : Th. Grieben Verlag, 1905.

²⁵² *Гербель* Николай Васильевич (1827–1883) — один из самых плодовитых русских переводчиков-просветителей 1860–1880-х гг. Издатель собраний сочинений Ф. Шиллера, Дж. Байрона, У. Шекспира, И.-В. Гете, антологий русской, славянской, английской, немецкой поэзии.

²⁵³ Стихотворение А.С. Пушкина «Мальчику (Из Катюлла)» (1832).

²⁵⁴ *Фалеков стих* — фалексий, или гендекасиллаб (одиннадцатисложник), один из любимейших лирических размеров Катюлла.

²⁵⁵ *Гай Валерий Катюлл Веронский*. Сочинения. М. : Рус. панорама, 2009. С. 362.

²⁵⁶ «*Гермес*» — научно-популярный вестник Древнего и нового мира. Выходил в 1908–1917 гг. Редакторы: *Цыбульский* Степан Осипович (1858 — после 1933), филолог, преподаватель древних языков; *Малейн* Александр Иустинович (1869–1938), филолог, историк, профессор, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН (1916).

²⁵⁷ *Catulle. Poésies / texte établi et traduit par G. Lafaye*. Paris, 1923. (Collection Guillaume Budé.)

²⁵⁸ Строка из перевода А.С. Пушкиным «Оды LVII» (1835) древнегреческого поэта Анакреона (ок. 570–487 до н.э.).

²⁵⁹ *Зелинский* Фаддей Францевич (1859–1944) — филолог-классик. Ему принадлежат переводы на русский язык Софокла, Овидия, Цицерона и др. В 1885–1921 гг. профессор Петербургского университета, с 1921 г. профессор Варшавского университета.

²⁶⁰ *Холиямб* (или скадзон) — шестистопный ямб, в последней стопе которого ямб заменен хореем. В работе «Древнегреческая литература эпохи независимости» (Пг. : Огни, 1919. Ч. 1. С. 75–76) Ф. Зелинский писал: «...он (Гиппонакт. — В.Н.) пользовался

ямбическим триметром Архилоха, но, удливив предпоследний слог, превратил его этим в холиямб (т.е. хромой ямб). По-русски передать это удлинение нельзя...»

²⁶¹ *Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949) — русский поэт, филолог, переводчик, теоретик символизма. Его поэзия ориентирована на культурно-философскую проблематику Античности и Средневековья. В 1917–1924 гг. вел научную, культурно-педагогическую деятельность. С 1924 г. жил в Италии.

²⁶² «Сладкий запах анис и медуница» — цитата из стихотворения «Аттиде» Сафо в переводе В.И. Иванова. Ср.:

Розы пышно раскрылись; лют
Сладкий запах анис и медуница.

(Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размера подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М., 1914. С. 92).

²⁶³ Цитата из незавершенной повести А.С. Пушкина «[Повесть из римской жизни]» (1833–1835) о смерти римского писателя Гая Петрония (?–66 н.э.).

²⁶⁴ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Поедем, я готов: куда бы вы, друзья...» (1829).

²⁶⁵ Речь идет о незаглавленном тексте А.С. Пушкина «[Наброски к замыслу о Фаусте]» (1825?).

«Это бесспорно талантливый беллетрист»:
Василий Георгиевич Федоров

²⁶⁶ *Мережковский Д.С.* Около важного // Меч (Варшава). 1934. № 13/14. С. 3–4.

²⁶⁷ *Федоров В.Г.* Точки над «Э» // Там же. 1934. № 15/16. С. 10.

²⁶⁸ Письмо А.Л. Бема к В.Г. Федорову от 6 сентября 1934 г. // РО ЦНБ СТД. Ф. В.Г. Федорова. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

²⁶⁹ *Махно Нестор Иванович* (1889–1934) — в 1918–1921 гг. один из руководителей анархо-крестьянского движения на Южной Украине, которое под лозунгом «Безвластное государство» вело вооруженную борьбу против германского нашествия, белогвардейцев и советской власти. С 1921 г. в эмиграции, сначала в Румынии, потом в Польше, а с 1923 г. во Франции.

²⁷⁰ *Петлюра Симон Васильевич* (1879–1926) — политический и военный деятель Украинской народной республики. Один из организаторов Центральной рады (1917), Директории (1918; с февраля 1919 г. ее глава). В 1920 г. заключил договор с Польшей о совместном походе на Киев с целью изгнания советских войск. С 1920 г. в эмиграции. Убит в Париже.

²⁷¹ *Григорьев Никифор Александрович* (1885–1919) — «атаман повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии». Участник Первой мировой войны. В 1917 г. поддержал Центральную раду, был на стороне С. Петлюры. Летом 1918 г. восстал против гетмана Скоропадского и германских оккупантов. В феврале 1919 г. перешел на сторону большевиков. Вскоре поднял восстание против большевиков. Был застрелен ординарцем Н. Махно.

²⁷² *Струк Илько (Илья) Тимофеевич* (1896–1969) — атаман сформированных им отрядов в период Гражданской войны на Украине. Участник Первой мировой войны. С апреля 1919 г. воевал со своей «армией» в составе войск А.И. Деникина. С 1920 г. союзник Польской армии. Бежал в Польшу. Оставил свои воспоминания (не опубликованы).

²⁷³ *Скоропадский Павел Петрович* (1873–1945) — украинский военный, политический и государственный деятель, генерал-лейтенант (1916). Участник Русско-японской войны (1904–1905). В Первую мировую войну командовал дивизией, а

затем корпусом. С ноября 1917 г. во главе военных формирований Центральной рады. В 1918 г. гетман Украины. В 1918 г. эмигрировал в Германию.

²⁷⁴ *Федоров В.Г.* Автобиография. 1949 // РО ЦНБ СТД. Ф. В.Г. Федорова. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–106.

²⁷⁵ *«Неделя»* — газета, выходившая в 1920–1921 гг. в Кишиневе на русском языке под редакцией А.Б. Новацкого. Издатель И.И. Соколя-Ржадковский.

²⁷⁶ *Потемкин Петр Петрович* (1886–1926) — поэт, писатель-юморист, драматург. Печатался в журналах «Сатирикон», «Солнце России», «Аргус», в газетах «Русское слово», «День» и др. В ноябре 1920 г. эмигрировал в Румынию, потом переехал в Прагу, в 1924 г. уехал в Париж. В 1922–1926 гг. печатался в рижских газетах «Сегодня», «Рижский курьер», берлинских газетах «Руль» и «Дни», пражском журнале «Воля России», парижской газете «Последние новости» и журнале «Жар-птица», писал миниатюры для театров «Летучая мышь» и «Бродячая собака».

²⁷⁷ *«Чтец-декламатор»* — популярные художественные сборники стихотворений, сцен, рассказов, монологов для чтения в дивертисментах, на драматических курсах, литературных вечерах и т.п. Выходили в 1906–1917 гг. Эта идея издателя, литератора В.Н. Вайсблата была продолжена — в Берлине в 1922 г. был издан сборник под тем же названием. В советской России издавались тематические сборники «Чтец-декламатор» (новейшей поэзии, в помощь художественной самодеятельности, красноармейским организациям, антирелигиозные и т.д.).

²⁷⁸ *Пильский Петр Моисеевич* (1876–1941) — критик, публицист, беллетрист. Печатался в журналах «Мир Божий», «Журнал для всех», в газетах «Биржевые ведомости», «Курьер» и др. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. Пильский перебрался в Киев, затем — в Одессу и Бессарабию. С 1921 г. в Риге, сотрудник газеты «Сегодня» (выходила с 1919 г., издатель Я.И. Брамс). В 1922–1927 гг. жил в Таллине. Вернувшись в Ригу, стал вести литературный отдел газеты до ее закрытия в 1940 г.

²⁷⁹ *...в местных газетах.* — газета «Бессарабия», выходившая в Кишиневе в 1919–1923 гг. на русском языке (под редакцией С. Богдановича, с 1921 г. — Г.С. Тудора и С. Богдановича, директор Г. Пыня); газета «Бухарестские новости», выходившая в Бухаресте в 1922 г. на русском языке (директор Н.С. Бенони, ответственный администратор М. Гаврилеску); «Неделя» — см. примеч. 275.

²⁸⁰ *Ивони Елена Стефановна* (годы жизни установить не удалось) — артистка оперы (драматическое сопрано). Выступала в Екатеринбурге (1913–1915), в опере С. Зимина в Москве (1915–1917). Затем — в Бухаресте.

²⁸¹ *Лучезарская Евгения Владимировна* (урожд. фон Луч; 1881–1968) — артистка оперы (меццо-сопрано). Выступала в Мариинском театре (1905–1906), в Большом театре (1912–1916), в Зеркальном театре сада «Эрмитаж» (1920), в Кишиневе (оперная труппа Э. Массини, 1923–1925). С 1918 г. выступала в Италии, Югославии, Румынии. Затем обосновалась во Франции. В 1926 г. вошла в состав Русской оперы, затем выступала в Русской опере А. Церетели и В. де Базиля, Камерной опере А. Долинова.

²⁸² *«Наталка-Полтавка»* — опера Н.В. Лысенко по мотивам пьесы И.П. Котляревского. Впервые поставлена в Одессе в 1889 г.

²⁸³ *Земгор* — обиходное название организаций: 1) Главный по снабжению армии комитет. Создан деятелями Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского союза городов в 1915 г. для содействия снабжению действующей армии. Упразднен декретом СНК в 1918 г. 2) Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (РЗГК). Создан в эмиграции деятелями Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, объединившимися в феврале 1921 г. с целью организации помощи нуждающимся беженцам. Зарегистрирован в Париже, с отделениями в Праге, Берлине и др. Занимался вопросами здравоохранения и образования, рас-

пределения средств и фондов русских посольств, курировал детские дома и школы русской эмиграции в разных странах.

²⁸⁴ *Русский юридический факультет* — см. примеч. 21.

²⁸⁵ ...с будущей своей женой — мораванкой. — Мария Штефлова (1908–1985), уроженка Моравии, исторической области в восточной части Чехии.

²⁸⁶ «Годы» — иллюстрированный литературно-публицистический и информационный двухмесячный журнал, издававшийся в Праге в 1926–1928 гг. Объединением русских эмигрантских студенческих организаций. «Роман с сапогами» Федорова напечатан № 3 (25) за 1926 г.

²⁸⁷ Бем Альфред Людвигович (1886–1945) — литературовед, критик, публицист. Работал в Рукописном отделении Российской АН. В 1920 г. эмигрировал в Белград, затем переехал в Варшаву. Участвовал в организации литературного кружка «Таверна поэтов» (1921). С 1922 г. в Чехословакии. Преподавал в Русском педагогическом институте им. Я. Коменского, Русском народном университете, Карловом университете. С 1922 г. руководитель литературного объединения «Скит поэтов». Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

²⁸⁸ «Скит поэтов» (позднее «Скит») — пражское литературное объединение молодых русских поэтов, а позднее и прозаиков, существовавшее с 1922 г. по 1940 г. Руководитель — А.Л. Бем. Членами объединения были С.М. Рафальский, А.А. Туринцев, А.С. Головина, Э.К. Чегринцева, А.В. Эйсер, Н.Е. Андреев, В.Г. Федоров и др. Объединение выпустило 4 сборника стихотворений «Скит», книги стихов А.С. Головиной, Э.К. Чегринцевой, сборник рассказов В.Г. Федорова «Суд Вареника» и др.

²⁸⁹ *Немирович-Данченко* Василий Иванович (1848–1936) — прозаик, публицист. Брат Вл.И. Немировича-Данченко — одного из основателей МХТ. Автор сборников путевых очерков о России и зарубежных странах. Был военным корреспондентом на Сербско-турецкой, Русско-турецкой, Русско-японской, Балканской и Первой мировой войнах. В 1921 г. эмигрировал в Берлин, а с конца 1922 г. жил в Праге.

²⁹⁰ *Колесников* Владимир Дмитриевич (1896–1942) — издатель в Праге. В частности, в 1939 г. им был издан сборник рассказов В.Г. Федорова «Суд Вареника».

²⁹¹ *Федоров В.Г.* Эмигрантские писатели о себе // Молва (Варшава). 1934. 28 янв. № 29. С. 3.

²⁹² *Тизенгаузен* Елена Самсоновна (урожд. Лабинская; 1880–1941) — графиня, гражданская жена Вас.И. Немировича-Данченко (с 1910 г.), которую он представлял как племянницу.

²⁹³ Письмо В.Г. Федорова к Вас.И. Немировичу-Данченко от 29 сентября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 242.

²⁹⁴ *Федоров В.Г.* Автобиография [1953] // РО ЦНБ СТД. Ф. В.Г. Федорова. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

²⁹⁵ Он же. Человек задумался. [Черновой автограф] // Там же. Д. 4. Л. 2.

²⁹⁶ Письмо В.Г. Федорова в редакцию журнала «Огонек» от 29 янв. 1959 г. // Там же. Д. 41. Л. 106.

²⁹⁷ Цитата из романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868; Ч. 4. XII. Заключение).

²⁹⁸ Бем А. От творчестве Василия Федорова // Меч (Варшава). 1938. 3 апр. № 14. С. 11.

²⁹⁹ *Философов Д.* В поисках лица (Федоров В.Г. Суд Вареника. Прага, 1930) // За свободу (Варшава). 1930. 28 дек. № 350. С. 4.

³⁰⁰ *Пильский П.* Погасающие огни. Новая книга Вас. Федорова «Канареечное счастье» // Сегодня (Рига). 1938. 2 февр. № 29. С. 3.

³⁰¹ *Ходасевич В.* Канареечное счастье // Возрождение (Париж). 1938. 11 марта. № 422. С. 9.

³⁰² *Hkt.* Emigrantenliteratur... // Prager Presse (Praga). 1933. 3. März. № 62. S. 5.

³⁰³ РО ЦНБ СТД. Ф. В.Г. Федорова. Оп. 1. Д. 1, 2.

И.С. Шмелев в Подкарпатской Руси

³⁰⁴ *Шмелев Иван Сергеевич* (1873–1950) — писатель. Автор книг «Человек из ресторана» (1911), «Солнце мертвых» (1923), «Богомолье» (1931), «Лето Господне» (1933–1948) и др. В 1922 г. эмигрировал в Берлин, затем переехал в Париж. Член Пушкинского комитета в Париже (1937). Член Союза русских писателей и журналистов в Париже, в 1926 г. избран товарищем председателя союза. Сотрудничал в журналах «Современные записки», «Русская мысль», «Иллюстрированная Россия», в газетах «Возрождение», «Последние новости», «Руль», «Сегодня» и др. В годы Второй мировой войны публиковался в газете «Парижский вестник» (1942–1944).

³⁰⁵ *Савва* (Константин Петрович Струве; 1900–1949) — сын экономиста и философа П.Б. Струве. Участник Гражданской войны. Эмигрировал во Францию, где окончил Св.-Сергиевский православный богословский институт (1928). Издавал «Сергиевские листки». В 1930 г. пострижен в монашество с именем Савва. Настоятель обители Преп. Иова Почаевского в с. Ладомирова (1930–1949) в Чехословакии, впоследствии архимандрит (1944).

³⁰⁶ *Васильцев А.С.* — книгоиздатель в Ужгороде. Дополнительных сведений установить не удалось.

³⁰⁷ «*Каменный век*» — повесть И.С. Шмелева, написана в сентябре 1924 г., опубликована в журнале «Современные записки» (Париж. 1925. № 25).

³⁰⁸ *Сова* Петр Петрович (1895 — после 1974) — историк, этнограф, писатель, краевед. Городской голова Ужгорода в 1930-е гг., в 1944–1945 гг. председатель городского Народного комитета.

³⁰⁹ *Куприн Александр Иванович* (1870–1938) — писатель, публицист. Автор повестей и романов: «Молох» (1896), «Поединок» (1905), «Яма» (1909, 1914–1915), «Гранатовый браслет» (1911) и др. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. выехал в Финляндию, а с 1920 г. в Париже. С 1921 г. член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. Ответственный редактор журнала «Отечество» (1921–1923). Под его редакцией выходила однодневная газета «День русской культуры» (1926–1927). Печатался во многих периодических изданиях, выпустил «Новые повести и рассказы» (1927), романы «Юнкера» (1933), «Жанета» (1934) и др. По свидетельству К.А. Куприной: «Как ни странно, Шмелев в России недолюбливал Куприна, и, только очутившись на чужбине, он вдруг почувствовал к нему симпатию, а также чувство поклонения перед его талантом. В письме от 7 января 1928 года он говорит о том, как “чутко и чисто” обращается Куприн “с родным прекрасным словом”. “Мои чувства к Вам я никогда не старался держать в себе. Вы их знаете. Они истинны, — писал он. — ...И если я счастлив (и уже столько лет!) говорить славному Куприну — я счастлив знать Вас, жить и работать рядом с Вами, — это свободная и светлая правда”.

Отец так же высоко ценил талант Шмелева, о чем говорит его статья, написанная к шестидесятилетию Ивана Сергеевича и напечатанная в маленьком парижском журнале профессиональных шоферов «За рулем» в декабре 1933 года» (Куприна К.А. Куприн — мой отец. 2-е изд., испр. и доп. М.: Худож. лит., 1979. С. 233–234). 29 мая 1937 г. Куприн вернулся в СССР, поселился в Ленинграде.

³¹⁰ *Александр I Карагеоргиевич* (1888–1934) — король Югославии (с 1921). Убит в Марселе вместе с французским министром иностранных дел Ж.Л. Барту хорватскими националистами.

³¹¹ *Куприна Елизавета Морицевна* (урожд. Гейнрих; 1882–1942) — вторая жена А.И. Куприна, мать актрисы Ксении Куприной. С 1919 г. в эмиграции. В конце 1920-х гг. открыла переплетную мастерскую и библиотеку в Париже. В 1937 г. вернулась с мужем в Россию.

³¹² *Владимирова обитель* — Речь идет об обители Преп. Иова Почаевского в г. Ладомировой (Владимировой, Карпатская Русь), основанном в 1923 г. монаха-

ми-беженцами из Почаевской лавры под руководством архимандрита (будущего архиепископа) Виталия (Максименко). Монастырь занимался миссионерской и издательской деятельностью.

³¹³ ...*праздник Дня русской культуры*... — В 1924 г. в Эстонии по инициативе Союза русских просветительных и благотворительных обществ был устроен праздник, названный Днем русского просветителя и приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина (6 июня). Праздник прошел с успехом. Со следующего года в странах, где жили русские эмигранты, в июне стал отмечаться День русской культуры.

³¹⁴ *Липшеская обитель* — православный женский монастырь, основанный в 1926 г. около села Липша (округ г. Хуст) игуменьей Иулианией Прокоп. В монастыре находили приют многие русские эмигранты.

³¹⁵ *Ладинский* Антонин Петрович (1896–1961) — поэт, прозаик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920 г. эвакуировался в Египет, затем в 1924 г. переехал в Париж. Один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925). Член Центрального Пушкинского комитета в Париже (1937). Во время Второй мировой войны участвовал в Сопротивлении. В 1955 г. вернулся на родину.

³¹⁶ *«Неупиваемая Чаша»* — повесть И.С. Шмелева, житие крепостного художника, написана в ноябре 1918 г. в Алуште. Впервые опубликована в «Литературном сборнике «Отчизна»» ([Симферополь]: Русское книгоиздательство в Крыму, 1919. Кн. 1).

Человек задумался Главы из романа

³¹⁷ Строки из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон» (не позднее 1930).

³¹⁸ Парафраз строк стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно...» (1840): «Любить... но кого же?... на время — не стоит труда, / А вечно любить невозможно».

³¹⁹ Строки из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833; Вступление).

Почерк судьбы: Павел Петрович Лыжин

³²⁰ Литературное наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 420.

³²¹ «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии Русского зарубежья. 1920–1990. (Первая и вторая волна): в 4 кн. М., 1994–1997. Кн. 2. С. 274–278.

³²² РО ЦНБ СТД. Ф. П.П. Лыжина. Оп. 1. Д. 13, 14, 17.

П.П. Лыжин. Стихотворения

ЗАКАТ КАЗАНОВЫ

³²³ *Казанова* Джованни Джакомо (Casanova; 1725–1798) — итальянский писатель. Автор фантастического романа «Икосамерон» (1788), двенадцати томов «Мемуаров» о любовных и авантурных приключениях автора, общественных нравах и современниках, а также других произведений. За свои проделки неоднократно сидел в тюрьме. объездил всю Европу, был в России. Был лично знаком или находился в переписке с Вольтером, Екатериной II, Фридрихом II, А.В. Суворовым и др. Умер в замке Дукс в Богемии (ныне Чехия), куда в 1784 г. был приглашен графом Вальдштейном в качестве библиотекаря (там и были написаны его воспоминания).

³²⁴ *Торкватовы октавы* — речь идет о поэме «Освобожденный Иерусалим» (1574–1575) итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595), написанной восьми-

стишными строфами — октавами. Ср. у А.С. Пушкина в поэме «Евгений Онегин» (1823–1831): «Но слаще, средь ночных забав, / Напев Торкватовых октав!» (глава первая, XLVIII).

³²⁵ *Гольдони* Карло (Goldoni; 1707–1793) — итальянский драматург, создатель национальной комедии, реформатор итальянского театра.

³²⁶ *Валленштейн* (Вальдштейн) Альбрехт (Wallenstein (Waldstein, Valdstejn); 1583–1634) — полководец войск габсбургского блока. В 1625 г. назначен императором Священной Римской империи Фердинандом II имперским главнокомандующим в Тридцатилетней войне (1618–1648). Одержал ряд побед над войсками датского короля Кристиана IV и немецких протестантских князей. В 1632 г. потерпел поражение при Лютцене от армии шведского короля Густава II Адольфа. Был отстранен от командования по обвинению в сношениях с неприятелем. Убит своими офицерами.

³²⁷ *Шамфор* Себастьян-Рош Николя, де (Chamfort; 1741–1794) — французский писатель.

³²⁸ *«Икосамерон»* — утопический роман Дж.-Дж. Казановы (1788) о путешествиях в глубь земли. Рисуя картину развитой цивилизации, автор предрекает появление автомобилей, самолетов, телеграфа, телевидения и т.д.

³²⁹ *Мир в Кампо-Формио*... — речь идет о Кампоформийском мирном договоре 1797 г., завершившем победоносную для Французской Республики войну против в Австрии.

³³⁰ *Буонапарте* — Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821), французский император в 1804–1814 гг. и марте — июне 1815 г. Военную службу начал в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии. В период Французской революции достиг чина бригадного генерала, а при Директории — командующего армией. В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот, в результате которого сосредоточил в своих руках всю полноту власти. В 1804 г. провозгласил себя императором. Вел масштабные завоевательные войны, однако поражение наполеоновских войск в войне 1812 г. против России положило начало крушению его империи. После поражения при Ватерлоо отрекся от престола. Последние годы жизни провел на острове Св. Елены пленником англичан.

³³¹ *Каналетто* Джованно Антонио (Canaletto, наст. фам. Каналь (Canal); 1697–1768) — итальянский живописец. Писал пейзажи-панорамы, главным образом архитектурных ансамблей и памятников Венеции со сценами городской жизни.

³³² *Сан-Марко* — главная площадь Венеции.

³³³ *Пьяцетта* — маленькая площадь между площадью Сан-Марко и каналом.

³³⁴ *Ридотто* — игорный дом, занимавший правое крыло дворца Сан-Моизе. В 1638 г. был узаконен по приказу Большого совета Венеции по случаю проведения ежегодного карнавала. Был центром венецианской жизни.

³³⁵ *Фурлана* — венецианский фольклорный танец.

³³⁶ *Скарлатти* Доменико (Scarlatti; 1685–1757) — итальянский композитор, органист и клавесинист.

³³⁷ *Тартини* Джузеппе (Tartini; 1692–1770) — итальянский скрипач, композитор, музыкальный теоретик.

ТЕРПЕНИЕ

³³⁸ Строки из трагедии И.-В. Гете «Фауст» (1774–1831; ч. I, сцена четвертая. Пер. Н.А. Холодковского).

ВОСПОМИНАНИЕ

³³⁹ *Гарднер* Вадим Даниилович (наст. фам. де Пайва-Перера-Гарднер; 1880–1956) — поэт. С 1913 г. участник литературного объединения «Цех поэтов». Служил в Лондоне с 1914 г. В апреле 1918 г. на одном пароходе с Н. Гумилевым вернулся в Россию. В 1921 г. бежал в Финляндию. В 1929 г. в Париже вышел его третий и пос-

ледний прижизненный сборник стихов «Под далекими звездами». Слово «дремывь» несколько раз употребляется в стихотворениях Гарднера.

³⁴⁰ *Кампанила* — в итальянской архитектуре Средних веков и Возрождения четырехгранные или круглые башни-колокольни, обычно стоящие отдельно от храма.

³⁴¹ *Фьезоле* — город в провинции Флоренция (область Тоскана, Италия).

³⁴² *Торнабуони* — знаменитый флорентийский род, состоявший в родстве с Медичи.

ЦЫГАНЩИНА

³⁴³ *Давыдов* Александр Давыдович (наст. фам. Карапетян; 1850–1911) — артист оперетты и эстрады. С 1876 г. играл на сцене московского Общедоступного театра Ф.М. Урусова и С.В. Танеева. В 1879–1882 гг. работал в московском Малом театре. Исполнитель цыганских романсов.

³⁴⁴ *Панина* Варвара Васильевна (1872–1911) — эстрадная певица (контральто), исполнительница бытовых романсов и цыганских песен.

ОПТИМИЗМ

³⁴⁵ *Франценсбад* — немецкое название известного курорта Франтишкови-Лазне в Чехии.

БОРБОШКИ

³⁴⁶ *Воинов* Игорь Владимирович (1885–1942) — писатель, поэт. Казак, участник Гражданской войны. В 1920 г. эмигрировал в Финляндию. С 1923 г. жил в Париже. Был секретарем великого князя Дмитрия Павловича. Член Объединения русских писателей и поэтов (в 1938 г. его генеральный секретарь).

Переводы

³⁴⁷ *Переводы* немецкой и французской поэзии были сделаны П.П. Лыжиным в 1930–40-е гг. В 1947 г. он издал сборник стихов французских поэтов «Перепевы» (на множительной технике), тиражом не более 10 экз., переводы из которого и печатаются в наст. изд. Авторская датировка переводов отсутствует.

³⁴⁸ *Деборд-Вальмор* Марселина (Desbordes-Valmore, наст. имя и фам. Марселина-Фелисите-Жозефина Деборд; 1786–1859) — крупнейшая поэтесса французского романтизма, писательница. В 1830-е гг. была популярна в России.

³⁴⁹ *Аккерман* Луиза-Викторина (Ackermann; 1813–1890) — французская поэтесса.

³⁵⁰ *Мореас* Жан (Moréas, наст. имя и фам. Иоаннис А. Пападиамандопулос; 1856–1910) — французский поэт. Ввел термин «символизм». Создал «романтическую школу», ставшую во французской модернистской поэзии первым проявлением неоклассицизма. На русский язык его переводили И. Эренбург, Б. Лившиц, И. Тхоржевский и др.

ПРИПОМИНАНИЯ

³⁵¹ *Пиччикато* — прием игры на струнных смычковых музыкальных инструментах, при котором звук извлекается щипком пальцев.

³⁵² *Тинторетто* Якопо (Tintoretto, наст. фам. Робусти; 1518–1594) — итальянский живописец, представитель венецианской школы позднего Возрождения.

«ПУСТЬ МЕРТВЫЕ В ГРОБАХ ПОЙМУТ МОЙ ГОРЬКИЙ СТОН...»

³⁵³ *Аквилон* — древнеримское название северо-восточного, иногда северного ветра.

³⁵⁴ *Самен Альбер* (Samain; 1858–1900) — французский поэт-символист. На русский язык его переводили В. Брюсов, Н. Гумилев, Г. Иванов, Б. Лившиц и др.

ВЕРСАЛЬ

³⁵⁵ *Тритона водомет* — имеется в виду «Бассейн Аполлона» (создан Ш. Лебреном и Ж.-Б. Тюби в 1668–1671 гг.) в Версале. В центре композиции расположена выезжающая из воды колесница Аполлона, которую сопровождают дельфины, трубящие в фигурки тритонов. По краям бассейна установлены два мощных водомета.

³⁵⁶ *Людвик XIV де Бурбон* (1638–1715) — французский король с 1643 г. Сторонник принципа абсолютной монархии, ему приписывают изречение: «Государство — это я». Царствование «короля-солнца» — время значительной консолидации Франции, роста ее военной мощи и политического веса, расцвета культуры. При нем был создан роскошный дворцово-парковый ансамбль Версаля. В то же время его внешняя и внутренняя политика привела в итоге к экономическому истощению Франции, к росту оппозиционных настроений.

³⁵⁷ *Конде* — титул «принц Конде» имели «принцы крови», представители младшей ветви Бурбонов. Один из самых известных — Луи II де Бурбон де Конде (1621–1686), «великий Конде», французский полководец. Победы, одержанные им в Тридцатилетней войне, способствовали заключению выгодного для Франции Вестфальского мира 1648 г. В 1651 г. возглавил «Фронду принцев», по ее окончании бежал в Нидерланды, где, возглавив испанскую армию, опустошал северные провинции Франции. Впоследствии, вернувшись во Францию, успешно руководил военными операциями при Людовике XIV.

³⁵⁸ *Фронсак* — титул «маркиз де Фронсак», а с 1608 г. «герцог де Фронсак» наследовали многие известные представители французской знати. Один из них — Луи Франсуа Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де Фронсак, а затем де Ришелье (1696–1788), маршал Франции, правнучатый племянник знаменитого кардинала Ришелье, прославившийся не только военными подвигами, но и многочисленными любовными похождениями.

³⁵⁹ *Креки*, Франсуа де (1625–1687) — один из маршалов Людовика XIV. Происходил из славного своими военными талантами рода Креки. Одержал несколько значимых для Франции побед, в частности над Францем Вильгельмом Бранденбургским, приведших к выгодному для французов завершению Голландской войны (1672–1678).

³⁶⁰ *Земира* — героиня французской комической оперы-балета «Земира и Азор» (1771) А. Гретри.

³⁶¹ *Трианон* — видимо, речь идет о дворце Большой Трианон (1687, архитектор Ж. Ардуэн-Мансар, 1687), входящем в версальский дворцово-парковый комплекс. До завершения строительства Малого Трианона в 1768 г. носил название Мраморный Трианон.

³⁶² *Большой канал* — один из основных структурных элементов версальского парка. Сооружен между 1668 и 1771 гг. Длина 1500 м, ширина 62 м.

³⁶³ *Вертун* — в римской мифологии бог перемен, смены времен года, осени, покровитель садов.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

³⁶⁴ *Адонис* — божество финикийско-сирийского происхождения, в греческой мифологии олицетворял ежегодный цикл умирания и возрождения природы. По велению Зевса часть года он должен был проводить с богиней любви Афродитой, другую часть года с Персефоной, царицей подземного царства.

³⁶⁵ *Пан* — в греческой мифологии бог пастушества и скотоводства, плодородия и природы.

³⁶⁶ *Диана* — в римской мифологии богиня растительности, олицетворение Луны.

³⁶⁷ *Эндимион* — в греческой мифологии прекрасный юноша, которого Зевс погрузил в вечный сон. По одной из версий мифа, Зевса об этом попросила влюбленная в юношу богиня луны Селена (позже отождествленная с римской Дианой), чтобы сохранить его молодость и красоту.

В САДУ ИНФАНТЫ

³⁶⁸ *Эскуриал* (Эскориал) — знаменитый монастырь Св. Лаврентия под Мадридом, построенный испанским королем Филиппом II в 1563–1584 гг. в честь победы в битве при Сен-Кентене (1557) в качестве королевской резиденции. В комплекс входит собор с пантеоном испанских королей и дворец с собранием работ лучших испанских и европейских живописцев.

³⁶⁹ *Ван-Дик* (соврем. написание Ван Дейк) Антонис (van Dyck; 1599–1641) — фламандский живописец, мастер портрета и живописи на религиозные и мифологические сюжеты.

³⁷⁰ *Лафорг* Жюль (Laforgue; 1860–1887) — французский поэт-символист. На русский язык его переводили В. Брюсов, В. Шершеневич, И. Эренбург, Б. Лившиц и др.

³⁷¹ *Ренье* Анри Франсуа Жозеф, де (Regnier, de; 1864–1936) — французский поэт и романист. Близок к символизму. Его произведения переводили М. Волошин, В. Брюсов, И. Анненский, И. Эренбург, Б. Лифшиц, Вс. Рождественский и др.

«Вам — едино дорогá Россия...»: Сергей Милич Рафальский и Александр Александрович Туринцев

³⁷² *Кочаровский* Карл-Август Романович (1870 – после 1940) — ученый-экономист, статистик, общественный деятель. Участник революционного движения. Занимался исследованием правовых, экономических и бытовых особенностей русского села. С 1917 г. в эмиграции. Жил в Праге. В 1924 г. организовал Институт русской сельской культуры, который вошел в Институт изучения России. Переехал в Белград. Работал библиотекарем в Белградской публичной библиотеке. Член Союза русских писателей и журналистов в Югославии.

³⁷³ *Дзевановский* Николай Вячеславович (псевд. Болеслус; 1897–1944?) — поэт, писатель. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. демобилизован, поступил в Новороссийский университет. В декабре 1918 г. в рядах Добровольческой армии. Эмигрировал в Болгарию, в ноябре 1921 г. переехал в Прагу. Вместе с С.М. Рафальским основал Литературно-художественный кружок, преобразованный в феврале 1922 г. в «Скит поэтов». С 1925 г. член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1929 г. переехал в Польшу, работал врачом.

³⁷⁴ *Алешко* Е.П. — знакомый С.М. Рафальского еще со времени острожской гимназии. Однополчанин в Гражданскую войну. Дополнительных сведений установить не удалось.

³⁷⁵ *Бем* Альфред Людвигович — см. примеч. 287.

³⁷⁶ *Милюков* Павел Николаевич — см. примеч. 42.

³⁷⁷ *Врангель* Петр Николаевич (1878–1928) — барон, один из руководителей Белого движения, генерал-лейтенант (1917). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918–1920 г. в Добровольческой армии. В апреле 1920 г. избран главнокомандующим Русской армией в Крыму. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, в 1922 г. переехал в Сремски-Карловци (КСХС), а в 1927 г. — в Брюссель. В 1924–1928 гг. организатор и председатель Русского общевойскового союза.

³⁷⁸ *Савинков* Борис Викторович (1879–1925) — политический деятель, писатель. С 1903 г. по сентябрь 1917 г. эсер, один из руководителей Боевой организации. Неоднократно арестовывался, приговаривался к ссылкам, в 1906 г. приговорен к смертной казни. Бежал в Румынию. В 1911–1917 гг. в эмиграции во Франции. Вернулся в Россию после Февральской революции. Во Временном правительстве — управляющий Военным министерством (в августе 1917 г. подал в отставку). Руководитель антисоветских заговоров и мятежей. В феврале — марте 1918 г. создал в Москве контрреволюционный Союз защиты родины и свободы. В 1918 г. уехал с военной миссией от Уфимской директории во Францию. В 1920–1921 г. в Польше. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы. Приговорен к высшей мере наказания, заменена на 10 лет лишения свободы. В мае 1924 г. ходатайствовал об освобождении. Убит чекистами.

³⁷⁹ *Кнут Довид* (наст. имя и фам. Фиксман Давид Миронович; 1900–1955) — поэт, прозаик, критик. Печатался в кишиневской периодике (1914–1918). Редактировал журнал «Молодая мысль» (Кишинев, 1918). В 1920 г. уехал во Францию. Окончил химический факультет Университета в Кане (Нормандия). Один из организаторов Союза молодых писателей и поэтов (1925). В 1927 г. открыл ателье для ручной раскраски тканей в Париже. Во время Второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении. Осенью 1949 г. переехал в Израиль.

³⁸⁰ *Рафальский С.М.* [Стихи, посвященные жене Т.Н. Рафальской] // РО ЦНБ СТД. Ф. С.М. Рафальского. Оп. 1. Д. 24.

³⁸¹ Цит. по: *Райс Э.* Поэзия Рафальского. 1968 [Автограф] // Там же. Д. 57. Л. 1.

³⁸² *Дарственная Т.Н. Рафальской* // Там же. Д. 65.

³⁸³ *Райс Э.* Поэзия Рафальского. Л. 4.

³⁸⁴ *Рафальский С.М.* За чертой. Париж [: Альбатрос], 1983. С. 14.

³⁸⁵ Цит. по: *Райс Э.* Поэзия Рафальского. Л. 5.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же. Л. 2.

³⁸⁹ Там же. Л. 2–3.

³⁹⁰ РО ЦНБ СТД. Ф. С.М. Рафальского. Д. 22. Л. 12, 20, 23, 29, 35, 41, 48.

³⁹¹ Строки из стихотворения В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским на даче» (1920).

³⁹² *Туринцев А.* Опыт обзора // Версты. 1926. № 1. С. 213–218.

³⁹³ *Туринцев А.* [Наброски к беседам] // РО ЦНБ СТД. Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 5.

³⁹⁴ Письмо Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову от 22 марта 1960 г. // Минувшее: Ист. альм. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 333.

³⁹⁵ РО ЦНБ СТД РФ. Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 10, 14, 23, 25, 27, 28.

С.М. Рафальский. Стихотворения

«ТЫ В ПЕРВЫЙ РАЗ ПРИХОДИШЬ В ЭТОТ МИР...»

³⁹⁶ *Тургенева* Наталия Алексеевна (в браке Поццо; 1888–1942) — член Антропософского общества. Участница строительства Гетеанума. Сестра Аси Тургеновой, первой жены Андрея Белого. Жена А.М. Поццо, юриста, редактора журнала «Северное сияние». В 1913 г. уехала из России в Дорнах. Сначала жила в Швейцарии, потом во Франции.

НА БУЛЬВАРЕ

³⁹⁷ *Эон* — очень длительный отрезок времени, вечность, период в развитии мира. В древнегреческой философии — «жизненный век», «вечность», противо-

положность времени. В христианской традиции приобрел значение «мир» в историческом аспекте (противопоставление «века сего» — «веку грядущему» в Новом Завете).

ПРОЛОГ

³⁹⁸ *Вирей* (укр.) — теплые края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна.

ЧУР

³⁹⁹ *Роланд* — герой французских эпических сказаний, нашедший наиболее яркое воплощение в поэме неизвестного автора «Песнь о Роланде» (к. IX в.).

⁴⁰⁰ *Ланселот* — герой поздних, куртуазных рыцарских романов, самый знаменитый рыцарь из цикла легенд о короле Артуре.

⁴⁰¹ *...на Каяле...* — имеется в виду сражение князя Игоря с половцами в 1185 г., о чем повествуется в Слове о полку Игореве (к. XII в.). В Слове упоминается, что это сражение происходило на Каяле-реке.

⁴⁰² *...на Дону.* — речь идет о Куликовской битве (1380).

Письма к А.А. Туринцеву

Н.Е. АНДРЕЕВ

⁴⁰³ *Андреев* Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, прозаик, литературный критик. В 1919 г. эмигрировал с семьей в Эстонию. После окончания таллинской частной русской гимназии в 1927 г. уехал в Прагу, где учился в Русском институте сельскохозяйственной кооперации и на философском факультете Карлова университета. В 1928 г. был принят на работу в Семинарий им. Н.П. Кондакова. Участник литературного объединения «Скит». С 1933 г. доктор философии. Работал библиотекарем Археологического института им. Н.П. Кондакова, затем — его директором (1939–1945). Арестован советскими войсками в 1945 г., в 1947 г. освобожден. С 1948 г. жил в Англии, преподавал в Кембридже. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 7).

⁴⁰⁴ Книга поэм и стихотворений С.М. Рафальского «За чертой» была издана в Париже в 1983 г. с предисловием Э. Райса.

⁴⁰⁵ *Лебедев* Вячеслав Михайлович (1896–1969) — поэт, критик, переводчик. Участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Добровольческой армии. В 1920 г. эвакуировался в Болгарию. В 1922 г. переехал в Прагу и поступил в Чешское высшее техническое училище. С 1922 г. член литературного объединения «Скит поэтов». Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

⁴⁰⁶ 15 марта 1968 г. состоялся вечер, посвященный памяти А.М. Ремизова по случаю 10-летия со дня смерти. Вечер был организован Союзом русских писателей и журналистов в Париже, председательствовал Б.К. Зайцев. Слово о творчестве Ремизова произнес Н.Е. Андреев. В газете «Русские новости» от 22 марта 1968 г. (№ 6980) был опубликован отчет о вечере, проходившем в зале Русской консерватории.

В.С. ВАРШАВСКИЙ

⁴⁰⁷ *Варшавский* Владимир Сергеевич (1906–1978) — писатель, литературный критик, масон. В 1920 г. эмигрировал с родителями в Константинополь, затем в Чехословакию. Окончил Русскую гимназию в Моравской Тршебове, потом юридический факультет Карлова университета. В 1928 г. переехал в Париж. Участник литературных объединений «Зеленая лампа», «Кочевье», «Перекресток», «Круг». Участвовал во Второй мировой войне в составе французской армии. В

1950–1968 гг. жил в США, вернулся в Европу. Жил во Франции и Швейцарии. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 6).

⁴⁰⁸ *Таня* — Варшавская Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; р. 1922), переводчица, жена В.С. Варшавского.

⁴⁰⁹ «*Фернейский злой крикун*» — цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Городок» (1815); имеется в виду *Вольтер* (Voltaire, наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруз; 1694–1778), французский писатель, философ, просветитель, с 1758 г. до конца жизни живший в поместье Ферней.

⁴¹⁰ *Шмеман* Александр Дмитриевич (1921–1983) — протопресвитер, богослов, историк церкви. Родился в Эстонии. С 1929 г. во Франции. Окончил историко-филологический факультет Парижского университета и Св.-Сергиевский православный богословский институт (1945). Помощник настоятеля церкви Свв. Константина и Елены в Клараме (1946–1951), настоятель церкви Рождества Богородицы в Пти-Клараме (1951). В 1951 г. поселился в США. Вице-президент РСХД в Америке (1963–1979), член Митрополичьего совета (1964–1983). Играл ключевую роль во встречах с представителями Московской патриархии.

Н.В. ВЫРУБОВА

⁴¹¹ *Вырубова* Нина Владимировна (1921–2007) — балерина, педагог. Родилась в Гурзуфе. С 1924 г. жила в Париже. Училась у О. Преображенской, В. Трефиловой, Л. Егоровой. С 1940 г. выступала в театре «Летучая мышь», «Русском балете» (дирекция Е.Н. Арцюка), Балете Б. Князева, Театре Елисейских Полей. В 1949–1956 гг. танцевала в парижской Национальной опере, в 1957–1960 гг. — в «Гран балле дю маркиз де Куэвас». В 1966 г. открыла балетную школу. Письма публикуются по автографам, хранящимся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 8).

⁴¹² Письмо 1 датируется по содержанию, остальные — по почтовому штемпелю.

⁴¹³ Речь идет о ежегодном концерте, организуемом Благотворительным женским содружеством при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы приходов Московской патриархии и состоявшемся 8 февраля 1976 г.

К.Ф. ГРУНДТ

⁴¹⁴ *Грундт* Ксения Федоровна (Грундт-Дюмэ, в браке Солодовникова; 1908–1979) — танцовщица, хореограф, певица, артистка музыкальной драмы, художник. С 1919 г. с родителями в эмиграции в Югославии. Училась в балетной школе у солистки Мариинского театра и Русского балета Дягилева Елены Поляковой (1884–1973). Танцевала в белградском Королевском театре. Гастролировала по Европе. В 1933 г. выступала в Париже с концертом. Работала натурщицей. После войны выступала в Русском театре миниатюр, Русской камерной опере. В 1954 г. открыла балетную студию. Рисовала эскизы к своим костюмам. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 23).

⁴¹⁵ 15 февраля 1974 г. К.Ф. Грундт дала сольный концерт в Русской консерватории в Париже. В концерте прозвучали в ее исполнении произведения Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Чайковского, Гречанинова, Россини. А 28 апреля 1974 г. в «Зале торжеств» (Salle des Fêtes) в Исси-ле-Мулино состоялась спектакль Театральной студии РСХД «Волки и овцы» А.Н. Островского, приуроченный к юбилею драматурга. Постановка В.П. Субботина.

Л.А. И В.А. ЗАНДЕР

⁴¹⁶ *Зандер* Лев Александрович (1893–1964) — религиозный деятель, богослов. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. Доцент Пермского университета. В 1918–1919 гг. преподавал в университете Владивостока. В 1922 г. эмигрировал в Китай,

оттуда в Чехословакию, затем во Францию. Работал библиотекарем в Св.-Сергиевском православном богословском институте. С 1926 г. профессор логики и педагогики, финансовый секретарь института. Деятель Русского студенческого христианского движения, его генеральный секретарь в 1936–1952 гг. Автор работ о С. Булгакове, Ф. Достоевском и др. Его жена *Зандер* Валентина Александровна (урожд. Калашникова; 1893–1989) — педагог, религиозный деятель, занималась иконописью. Одна из организаторов и секретарь Высших женских богословских курсов при Св.-Сергиевском православном богословском институте в Париже (1949). Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 10), датируется по содержанию.

⁴¹⁷ 17 января 1950 года после тяжелой болезни скончалась жена А.А. Туринцева Татьяна Викторовна (урожд. Милобендзская; 1913–1950). Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

А.М. ЛАНСКОЙ

⁴¹⁸ *Ланской* Андрей Михайлович (1902–1976) — граф, живописец. В 1918 г. переехал с родителями в Киев, первые уроки живописи получил в студии А.А. Экстер. В 1919 г. воевал в Белой армии, затем эвакуировался в Константинополь. С 1921 г. в Париже. Занимался в мастерской С.Ю. Судейкина. Впервые экспонировался на выставке группы русских художников «Удар» в 1923 г. В 1925 г. состоялась первая персональная выставка. С 1937 г. находился под влиянием В. Кандинского и П. Клее и начал отходить от предметной живописи. В 1942 г. состоялась первая выставка абстрактных картин. В этот период подружился с художником Н.В. де Сталем. Создал ряд иллюстраций к книгам «Кортеж» (1954) и «Дедал» (1960) П. Лекугура, «Книге Бытия» (1966) и т.д. Установить точно, о каких иллюстрациях идет речь в письме, не удалось. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 14), датируется по почтовому штемпелю.

⁴¹⁹ *де Сталь* (фон де Сталь-Гольштейн) Николай Владимирович (1914–1955) — барон, живописец, график. С 1919 г. эмигрировал с семьей в Польшу. Учился в Королевской академии искусств в Брюсселе. В 1940-е гг. перешел к чистой абстракции. В 1952 г. начался возврат к предметности. В 1954 г. устроил мастерскую в Антибе (Франция). В состоянии депрессии покончил жизнь самоубийством.

⁴²⁰ *Антоний* (Блум Андрей Борисович; 1914–2003) — митрополит Сурожский, с 1923 г. жил с родителями во Франции. Активный член РСХД, прихожанин Трехсвятительского подворья. В 1939 г. тайно принял монашеский постриг. В 1939–1940 гг. армейский хирург. Участвовал во французском Сопротивлении. В 1948–1950 гг. руководитель англо-православного Содружества св. Албания и преп. Сергия в Великобритании. В 1950–2003 гг. настоятель Успенской церкви патриаршего прихода в Лондоне. С 1956 г. архимандрит. В 1962 г. возведен в сан архиепископа, в 1965 г. — в сан митрополита.

⁴²¹ *Настя* — ученица А.М. Ланского. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴²² *Анна de Stael* — Анна Николаевна де Сталь (р. 1942), дочь Н.В. де Сталя. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴²³ *Катя* — Зубченко Екатерина Михайловна (р. 1937), художник, декоратор, мозаист. Во время Второй мировой войны угнана в Германию. В Париже с 1946 г. Ученица и сотрудница А.М. Ланского с 1958 г. В 1960-е оформляла спектакли театральной группы РСХД и театра «Калейдоскоп». Участница художественных выставок в Париже, выставки «Русский Париж, 1910–1960» в Русском музее в Санкт-Петербурге (2003).

⁴²⁴ *Guston Pull* — неустановленное лицо.

С.М. РАФАЛЬСКИЙ

⁴²⁵ *Рафальский* Сергей Милич (1898–1981) — см. о нем с. 233–240 наст. изд. Письма публикуются по автографам, хранящимся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 2).

⁴²⁶ Датируется по почтовому штемпелю.

⁴²⁷ *Померанцев* Кирилл Дмитриевич (1906–1991) — журналист, поэт. Ученик Г. Иванова. В эмиграции с 1920 г. Переехал в Париж в 1927 г. Автор книги путевых очерков «Итальянские негативы» (1965), поэтического сборника «Стихи» (1986) и воспоминаний «Сквозь смерть» (1986). Любитель езды на мотоцикле.

⁴²⁸ Датируется по содержанию.

З.А. ШАХОВСКАЯ

⁴²⁹ *Шаховская* Зинаида Алексеевна (в браке Малевская-Малевич; 1906–2001) — княгиня, писательница, поэтесса, журналистка, переводчица. В 1920 г. эмигрировала с матерью в Константинополь, затем в Брюссель. Сотрудничала в эмигрантских изданиях. Во время Второй мировой войны участвовала во французском и бельгийском Сопротивлении. С 1941 г. редактор Французского информационного агентства в Лондоне. В 1945–1948 гг. корреспондент в Германии, Австрии, Греции, Италии. В 1956–1957 гг. жила в Москве. С 1968 г. главный редактор газеты «Русская мысль» в течение десяти лет. См. о ней с. 373–377 наст. изд. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 25).

⁴³⁰ *Святослав* — Малевский-Малевич Святослав Святославович (1905–1973), граф, дипломат, живописец. С 1920 г. жил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Учился в Донском кадетском корпусе и на филологическом факультете Белградского университета, а с 1924 г. — на физико-химическом факультете Сорбонны. В 1926 г. женился на княгине З.А. Шаховской, переехал в Брюссель. В 1928 г. принял бельгийское гражданство. Один из организаторов съезда евразийцев в Брюсселе в 1931 г. В 1939 г. попал в Англию и вступил в бельгийский отряд Армии Великобритании. С 1945 г. служил в бельгийском посольстве в Берне, в военной миссии в Израиле. В 1956 г. работал первым секретарем бельгийского посольства в Москве. В 1958 г. в Париже прошла его персональная выставка.

ПРОТ. А. ШМЕМАН

⁴³¹ *Шмеман* Александр Дмитриевич — см. примеч. 410. Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в РО ЦНБ СТД (Ф. А.А. Туринцева. Оп. 1. Д. 27).

⁴³² ...о детях Ваших... — дети А. и Т. Туринцевых, Александр (р. 1942) и Мария (р. 1944). сын стал предпринимателем, президентом компании. Дочь — арабистом, преподавателем.

Легенда балета:

Матильда Феликсовна Кшесинская

⁴³³ *Лидов П.П.* Маяковский под судом // Лит. газ. 1931. 10 июня. № 31 (130).

⁴³⁴ Цит. по: *Кшесинская М.* Воспоминания. М.: АРТ: Культура, 1992. С. 48.

⁴³⁵ *Дневник* императора Николая II. Paris: Lev, 1980. С. 23.

⁴³⁶ *Кшесинская М.* Воспоминания. С. 32.

⁴³⁷ *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1983. С. 432.

⁴³⁸ *Кшесинская М.* Воспоминания. С. 48.

⁴³⁹ Там же. С. 244–245.

Дневник М. Кшесинской

⁴⁴⁰ *Андерсон Мария Карловна* (Васильева Мария Анисимовна, в браке Риттер; 1870–1944) — дочь известного фотографа К. Андерсона, по документам — крестьянина А. Васильева. Окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1888 г. Определена в балетную труппу Мариинского театра корифейкой 2-го разряда. Считалась очень талантливой в своем выпуске. «...Я поступила в училище, я впервые танцевала на сцене Большого театра 30 августа 1881 года в балете “Дон Кихот”, — вспоминала Кшесинская. — Я танцевала со старшей воспитанницей Андерсон, которая, несмотря на разницу в возрасте, была одного роста со мной. Мы изображали двух марионеток...» (*Кшесинская М.* Воспоминания. С. 25). В 1893 г. произошел несчастный случай — от спиртовой лампочки вспыхнуло платье на Андерсон, и она получила сильные ожоги. Ей была определена пенсия.

⁴⁴¹ *Троицкая Мария Николаевна* (1869–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1887 г. и была определена в Мариинский театр корифейкой. В ноябре самовольно покинула Петербург и была исключена из труппы. Сестра Н.Н. Троицкой.

⁴⁴² *Никитин Михаил Осипович* (1873–1920) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1892 г. и определен в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком, в 1896 г. переведен в корифеи, а с 1905 г. зачислен в танцовщики 2-го разряда. В 1912 г. числился танцовщиком 1-го разряда и в том же году был уволен. В 1919 г. работал в коллективе артистов Коммунального театра, находившемся на Кронверкском проспекте.

⁴⁴³ *Пащенко Евгений Назарьевич* (1874–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1892 г. и принят кордебалетным танцовщиком в балетную труппу Мариинского театра. Учился игре на скрипке у Л.С. Ауэра. В 1905 г. был назначен скрипачом-репетитором в класс характерного театра училища. Уволен в 1916 г. без пенсии. В апреле 1917 г. был выселен домовладельцем за неплатежи за квартиру. Ночевал с семьей на Николаевском вокзале.

⁴⁴⁴ *Трудов Дмитрий Михайлович* (1872–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г. и определен в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком, затем — танцовщиком-корифеем. Хорошо играл на скрипке. В 1908 г. уволен на пенсию. Служил учителем танцев в Вольском кадетском корпусе, а в 1917 г. — в Оренбургском кадетском корпусе.

⁴⁴⁵ *Израилов Федор Иванович* (1872–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г. и был определен в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком. Не прекращая работы в театре, окончил драматические курсы театрального училища и с 1892 г. был переведен в труппу Александринского театра.

⁴⁴⁶ *Титов Александр Иванович* (1873–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г. и определен в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком, в 1893 г. переведен в корифеи 2-го разряда. В 1899 г., не бросая службы, поступил в Академию художеств, которую окончил в 1907 г. В 1909 г. и 1916 г. участвовал в антрепризе С. Дягилева. В 1910 г. уволен с пенсией. В 1913–1919 гг. преподавал в Харьковском художественном училище, а в 1920–1937 гг. преподавал рисование в Ленинградском художественном училище; затем работал в мастерских Ленизо, производственном подразделении Ленинградского союза художников. Участвовал в выставках.

⁴⁴⁷ *научные классы* — в Санкт-Петербургском театральном училище «преподавали не только танцы, но и общие предметы наравне с нормальными школами — было пять классов с семилетним курсом» (*Кшесинская М.* Воспоминания. С. 21–22).

⁴⁴⁸ *«Фараон»* — балет «Дочь фараона» Ц. Пуни, либретто Ж.-А. Сен-Жоржа и М.И. Петипа (по повести Т. Готье «Роман мумии»). Премьера — 18 января 1862 г. в Большом Каменном театре (Санкт-Петербург).

⁴⁴⁹ *Цукки* Вирджиния (1847–1930) — знаменитая итальянская балерина. В 1885–1892 гг. с успехом гастролировала в России. В 1885–1888 гг. исполняла в Мариинском театре ведущие партии. Ее исполнительское искусство оказало известное влияние на русских танцовщиц, в частности на Кшесинскую.

⁴⁵⁰ *Монтани* — итальянская балерина, педагог В. Цукки. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁵¹ *Фролов* Александр Петрович (1819–1894) — управляющий Санкт-Петербургским театральным училищем с 1879 г., а с 1882 г. заведовал и балетной труппой Мариинского театра. Уволен со службы в 1887 г.

⁴⁵² *Левинсон* Ольга (Ляля) Фердинандовна (1871–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1889 г., определена в кордебалет Мариинского театра. Считалась посредственной танцовщицей. Дирекция, несмотря на неоднократные нарушения Левинсон дисциплины, миролюбиво относилась к ней. Уволена в 1908 г.

⁴⁵³ *Волков* Василий Васильевич (1871–1895) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г. и определен в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком. С декабря 1892 г. отбывал воинскую повинность, с 1894 г. вновь был в театре. Умер от брюшного тифа.

⁴⁵⁴ *Воронков* Константин Иванович (1871–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г., определен танцовщиком в балетную труппу Мариинского театра кордебалетным танцовщиком, в 1907 г. зачислен в корифеи. В 1909 и 1916 гг. гастролировал в антрепризе С. Дягилева. Уволен в 1910 г. После революции жил в провинции и обучал танцам. Хорошо играл на скрипке.

⁴⁵⁵ *Юзя* — Кшесинский Иосиф-Михаил Феликсович (наст. фам. Кржезинский; 1868–1942), брат М. Кшесинской, характерный танцовщик Мариинского театра в 1886–1905 и 1914–1917 гг. После революции преподавал, ставил балеты. В 1928 г. получил звание заслуженного деятеля Республики. Скончался от дистрофии 18 августа 1942 г. в Ленинграде.

⁴⁵⁶ *Бенефис Цукки* состоялся 17 декабря 1886 г. Специально для нее М. Петипа поставил балет «Эсмеральда» Ц. Пуни.

⁴⁵⁷ *Папа* — Адам-Феликс Иванович *Кшесинский* (наст. имя и фам. Адам-Феликс-Валериуш Кржезинский-Нечуй; 1823–1905), отец М. Кшесинской, артист балета. В 1831–1838 гг. учился в балетной школе (у М. Пиона) в Варшаве. Выступал как классический и характерный танцовщик в варшавском Театре Вельки. В 1853 г. дебютировал на сцене Александринского театра и был принят в петербургскую балетную труппу. Прославился как первый в России «мазурист». За 67 лет карьеры выступал партнером лучших балерин. Ставил балеты, отдельные концертные номера. Давал частные уроки салонных танцев для светской молодежи. В 1898 получил звание заслуженного артиста императорских театров.

⁴⁵⁸ *Бертенсон* Жак — знакомый семьи Кшесинских. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁵⁹ *Макферсон* Чарльз — знакомый семьи Кшесинских. Дополнительных сведений установить не удалось. «Четырнадцатилетней девочкой я кокетничала с молодым англичанином Макферсоном, — писала М. Кшесинская. — Я им не увлекалась, но мне нравилось кокетничать с молодым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал со своей невестой, что меня задело, и я решила отомстить. Пропустить этот афронт даром я не могла. Выбрав время, когда мы все были вместе и его невеста сидела рядом с ним, я ненароком сказала, что

люблю по утрам до кофе ходить за грибами. Он любезно спросил меня, не может ли пойти со мной. Этого мне только и нужно было — значит, клянуло. Я ответила в присутствии невесты, что если она дает ему разрешение, то я ничего не имею против. Так как это было сказано в присутствии всех гостей, то ей ничего не оставалось, как дать требуемое согласие. На следующее утро мы отправились с Макферсоном в лес за грибами. Он мне тут подарил прелестное портмоне из слоновой кости с незабудками — подарок вполне подходящий для барышни моего возраста. Грибы мы собирали плохо, и к концу прогулки мне показалось, он совсем позабыл про свою невесту. После этой лесной прогулки он стал писать мне любовные письма, присылал цветы, но мне это скоро надоело, так как я им не увлекалась. Кончилось это тем, что свадьба его не состоялась» (*Кшесинская М. Воспоминания. С. 20–21*).

⁴⁶⁰ *Лев Иванович* — Иванов Лев Иванович (1834–1901), русский танцовщик, балетмейстер. Преподавал в Санкт-Петербургском театральном училище с 1858 г. Среди его учениц Е. Соколова, Е. Вазем, М. Горшенкова, К. Куличевская, О. Преображенская, М. Кшесинская и др. С 1885 г. второй балетмейстер Мариинского театра, помощник М.И. Петипа.

⁴⁶¹ *Павлова Варвара Павловна* (1871–?) — с 1889 г. в труппе Мариинского театра.

⁴⁶² *«Корделия»* («Месь») — опера Н.Ф. Соловьева, либретто П.К. Бронникова по драме «Ненависть» В. Сарду. Была поставлена под названием «Месь» в Петербурге в 1885 г., во второй редакции — в 1898 г.

⁴⁶³ *Андерсон Александра Кирилловна* — сестра М.К. Андерсон. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁴⁶⁴ *Гавликовский Николай Людвигович* (1868–?) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1887 г., принят в Мариинский театр кордебалетным танцовщиком. В 1899 г. назначен в училище учителем бальных танцев. Уволен в 1922 г. Позже работал преподавателем танцев в Доме культуры Северо-Западной железной дороги.

⁴⁶⁵ *Мама* — Деминская Юлия Станиславовна (в 1-м браке Леде; 1832–?), мать М. Кшесинской. Окончила Санкт-Петербургское театральное училище. В 1862–1868 гг. танцевала в кордебалете Мариинского театра.

⁴⁶⁶ *Юля* — Кшесинская Юлия Феликсовна (наст. фам. Кржезинская, в браке баронесса Зедделер; 1865–1969), сестра М. Кшесинской. Окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1883 г., зачислена корифейкой 2-го разряда. Занимала одно из ведущих мест в кордебалете Мариинского театра. В эмиграции с 1920 г. Умерла в Париже.

⁴⁶⁷ *Паша* — горничная в семье Кшесинских. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁴⁶⁸ *Галкин* — неустановленное лицо.

⁴⁶⁹ *«Пилюли»* — феерия-балет «Волшебные пилюли», музыка Л.Ф. Минкуса, либретто Ф. Лалу, Т. Лансье, Л. Буржуа и М. Лорана. Танцы М.И. Петипа. Поставлен в 1886 г.

⁴⁷⁰ *Николай Николаевич младший* (1856–1929), великий князь — внук Николая I, генерал от кавалерии (1901). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1884 г. командир лейб-гвардии Гусарского полка. В 1905–1908 гг. председатель Совета государственной обороны. Верховный главнокомандующий (1914–1915), затем главнокомандующий войсками Кавказского фронта (1915–1917). Эмигрировал в 1919 г. в Италию, затем во Францию.

⁴⁷¹ *«Пахита»* — пантомимный балет, музыка Э.-М.-Э. Дельдевеза и Л.Ф. Минкуса, либретто П. Фушера и Ж. Мазилье. Танцы и постановка Ж. Петипа, П.-Ф. Фредерика и М.И. Петипа. Первая постановка — 1846 г. в Гранд-опера в Париже. В Петербурге поставлен в 1847 и в 1881 гг.

⁴⁷² *Ольга Федоровна* — Бострем Ольга Федоровна, инспектриса театрального училища (с 1887), общественная деятельница. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁷³ *Перетц* Петр Алексеевич — присяжный поверенный. Служил в Обществе защиты детей от жестокого обращения, Обществе призрения калек несовершеннолетнего возраста. Знакомый семьи Кшесинских. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁷⁴ *Хаммарберги* — семейство артиста балета Ивана Егоровича Хаммарберга (1838–1894), репетитора с 1878 г. в танцевальном классе училища.

⁴⁷⁵ *Кустерер* Альбертина (Аля) Альбертовна (в браке Кушинникова; 1870–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1888 г., принята в труппу Мариинского театра в кордебалет.

⁴⁷⁶ *Филипп* — Леде Филипп Федорович (?–1916), сводный брат М. Кшесинской, кандидат коммерции, служащий страховой компании, кинолог.

⁴⁷⁷ *Урбан* Фредерика (1848–?) — артистка балета, окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1867 г.

⁴⁷⁸ *Дриго* Ричард (Рикардо) Евгеньевич (1846–1930) — балетный композитор, дирижер (с 1879), а затем главный дирижер балета Мариинского театра (1886–1920). В 1920 г. уехал в Италию.

⁴⁷⁹ *Виноградова* Александра Ивановна (1869–1889) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1887 г.

⁴⁸⁰ *Горский* Александр Алексеевич (1871–1924) — артист, балетмейстер, педагог. Заслуженный артист императорских театров (1915). Окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1889 г., определен в труппу Мариинского театра. В 1886–1900 гг. преподавал в Санкт-Петербургском театральном училище, а с 1902 г. в Москве. С 1901 г. режиссер балета, в 1902–1924 гг. балетмейстер Большого театра. Возглавив московскую балетную труппу, стал осуществлять реформу балета.

⁴⁸¹ *Ракицкий* Михаил Михайлович (1865–?) — штабс-капитан Санкт-Петербургской полиции. Знакомый семьи Кшесинских. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁸² *Кякшт* Георгий Георгиевич (1873–1936) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1891 г., в 1891–1910 гг. солист Мариинского театра, в 1909–1911 гг. участвовал в «Русских сезонах» С. Дягилева. С 1910 г. не возвращался в Россию. В начале 1920-х гг. балетмейстер Венской оперы, с 1925 г. — буэнос-айресского театра «Колон», с 1930 г. — Каунасского музыкального театра.

⁴⁸³ *Волков* Николай Иванович (1836–1891) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1855 г., определен в балетную труппу Мариинского театра. Помогал М.И. Петипа вести занятия в училище. По ходатайству Петипа назначен учителем балетных танцев.

⁴⁸⁴ *Парфентьева* Прасковья Петровна (в браке Березкина; 1874–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1892 г., определена в кордебалет Мариинского театра.

⁴⁸⁵ «*Фенелла*» — опера с балетом, музыка Д. Обера, либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня. Поставлена в 1828 г. в Парижской опере под названием «Немая из Портики». Первая постановка в Петербурге — в 1834 г. под названием «Фенелла».

⁴⁸⁶ *Яковлева* Антонина Николаевна (в браке Лихарева; 1869–?) — окончила училище в 1887 г., зачислена кордебалетной танцовщицей Мариинского театра.

⁴⁸⁷ *Троицкая* Антонина (Тоня) Николаевна — ученица Санкт-Петербургского театрального училища. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁸⁸ *Боголюбов Владимир Николаевич* (1873–1892) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1892 г. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁸⁹ *«Виндзорские кумушки»* — комедия У. Шекспира, поставлена в Александринском театре. Премьера — 13 февраля 1887 г.

⁴⁹⁰ *Ольга Борисовна* — инспектриса Санкт-Петербургского театрального училища. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁹¹ *Носов А.А.* — артист, историк театра. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁹² *Андреев Константин Александрович* (1858–1894) — кордебалетный танцовщик. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁴⁹³ *Бекефи Альфред Федорович* (1843–1925) — выдающийся характерный танцовщик; артист балета московского Большого (1876–1883) и Мариинского (1883–1905) театров. С его именем связано развитие характерного танца в России.

⁴⁹⁴ *Декомб Ольга Карловна* (урожд. Шеберг; 1867–1900) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1885 г. Зачислена в балетную труппу Мариинского театра.

⁴⁹⁵ *«Наяда»* — балет «Наяда и рыбак» Ц. Пуни, либретто Ж. Перро. Первая постановка в 1843 г. в лондонском Королевском театре. В России — в 1851 г. в петербургском Большом театре. Новая редакция М.И. Петипа в 1874 г.

⁴⁹⁶ *Головкина Александра Егоровна* (в браке Пермикина; 1872–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г. Зачислена кордебалетной танцовщицей в труппу Мариинского театра. В 1902 г. уволена.

⁴⁹⁷ *Преображенская Ольга Иосифовна* (Осиповна) (1871–1962) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1889 г. Солистка Мариинского театра. Участвовала в «Русских сезонах» С.П. Дягилева (1911). В годы учебы в училище подруга М.Ф. Кшесинской, затем их пути разошлись. В эмиграции с 1921 г. В 1924–1934 гг. выступала в сольных концертах. С 1923 по 1960 г. руководила своей парижской студией.

⁴⁹⁸ *Дубровская* — ученица Санкт-Петербургского театрального училища. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁴⁹⁹ *Матвеева Наталья Николаевна* (в браке Ширяева; 1873–1918) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1891 году, зачислена в труппу Мариинского театра кордебалетной танцовщицей.

⁵⁰⁰ *Варламов Константин Александрович* (1848–1915) — заслуженный артист императорских театров (1896). С 1875 г. в Александринском театре, выступал в спектаклях разных жанров, мастер импровизации. Его называли «царем русского смеха».

⁵⁰¹ *Рош Анна Николаевна* (наст. фам. Васильева-Мессарош; 1871–?) — в 1889 г. окончила Санкт-Петербургское театральное училище, зачислена кордебалетной танцовщицей в труппу Мариинского театра.

⁵⁰² *Постников Сергей Дмитриевич* (?–1918?) — штабс-ротмистр лейб-гвардии. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁵⁰³ *Ольга Васильевна* — Левинсон Ольга Васильевна, мать О.Ф. Левинсон. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁵⁰⁴ *Гвоздецкие* — семейство статских советников Владимира и Ромуальда Флорентиновичей Гвоздецких. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁵⁰⁵ *Левинсон Анна Федоровна* (Леля, Аня) (в браке Реммен; 1869–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1887 г., зачислена в Мариинский театр.

⁵⁰⁶ *Пишо Мария Александровна* (в браке Тешнер; 1870–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1887 г., зачислена кордебалетной танцовщицей в труппу Мариинского театра.

⁵⁰⁷ *Ильина* Елена Васильевна (в браке Шенк; 1874–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1892 г., зачислена кордебалетной танцовщицей в труппу Мариинского театра.

⁵⁰⁸ *Дьяконова* Антонина Тимофеевна (сцен. псевд. Дорина; 1872–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г., зачислена кордебалетной танцовщицей в труппу Мариинского театра.

⁵⁰⁹ *«Баядерка»* — балет Л.Ф. Минкуса, либретто С.Н. Худекова, хореография М.И. Петипа. Премьера 23 января 1877 г., в бенефис Е. Вазем на сцене Большого театра в Петербурге.

⁵¹⁰ *Трутя* — неустановленное лицо.

⁵¹¹ *Васильева В.О.* — неустановленное лицо.

⁵¹² *Гвоздецкая* Е. — родственница В.Ф. и Р.Ф. Гвоздецких (см. примеч. 504).
Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵¹³ *Фридман* Александр Александрович (1866–1916) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1884 г., зачислен в кордебалет Мариинского театра. В 1899 г. окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу композиции. Автор музыки к балету «Праздник лодочников» (поставлен Л.И. Ивановым; премьера 26 июля 1891 г.).

⁵¹⁴ *Ранси* Альфонс Иосифович — преподаватель Николаевского кадетского корпуса. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵¹⁵ *Андреев* Николай Николаевич (сцен. псевд. Неверов; 1870–1907) — окончил Санкт-Петербургское театральное училище в 1888 г., зачислен в кордебалет Мариинского театра. С 1897 г. артист Михайловского театра.

⁵¹⁶ *«Млада»* — фантастический балет Л.Ф. Минкуса, либретто С.А. Геденова, хореография М.И. Петипа. Поставлен в Петербурге в 1879 г.

⁵¹⁷ *Петипа* Мариус Иванович (1818–1910) — балетмейстер, педагог. С 1838 г. выступал во Франции, США, Испании. С 1847 г. солист петербургского Большого театра. С 1862 г. балетмейстер, затем в 1869–1903 гг. главный балетмейстер Мариинского театра. Своими оригинальными работами заложил основу дальнейшего развития русского балета. С 1855 г. педагог балетного отделения Санкт-Петербургского театрального училища. Подготовил и воспитал несколько поколений русских артистов балета.

⁵¹⁸ *«Картинка с натуры»* — пьеса С.И. Турбина (1864).

⁵¹⁹ *Государь* — Александр III (1845–1894), российский император (с 1881 г.), отец Николая II.

⁵²⁰ *Вазем* Екатерина (Матильда) Оттовна (1848–1937) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1867 г., была определена в балетную труппу Мариинского театра. С начала 1870-х гг. прима-балерина. Прощальный бенефис состоялся в 1884 г. В 1886–1896 гг. преподавательница средних классов в Санкт-Петербургском театральном училище.

⁵²¹ *Облаков* Николай Александрович — воспитатель в Санкт-Петербургском театральном училище. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵²² *Красное Село* — пригород Петербурга. Свой первый сезон Кшесинская начала выступлениями в Красносельском театре, выстроенном для офицеров гвардии, проводившей летом в Красном Селе военные учения и смотры.

⁵²³ *Владимир Александрович* (1847–1909), великий князь — третий сын Александра II, президент Академии художеств (с 1876), главнокомандующий войсками гвардии Санкт-Петербургского военного округа (1884–1905).

⁵²⁴ *Мария Павловна* (урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская; 1854–1923), великая княгиня — жена великого князя Владимира Александровича.

⁵²⁵ *Наследник* — Николай Александрович (1868–1918), старший сын императора Александра III, будущий российский император Николай II (1894–1917).

⁵²⁶ «*Два вора*» — комический балет «Роберт и Бертрам, или Два вора», музыка И.Ф. Шмидта и Ц. Пуни, либретто и хореография Ф.М. Оге. Первая постановка — в 1841 г. в берлинской Королевской опере. В России — в 1858 г. в петербургском Большом театре, хореография Ф.И. Кшесинского.

⁵²⁷ Р. Н. П. и Л. — видимо, М. Кшесинская имеет в виду В.Т. Рыхляеву, В.А. Никитину, О.И. Преображенскую и Н.Г. Легат.

⁵²⁸ «*Талисман*» — фантастический балет Р.Е. Дриго, либретто К.А. Тарновского и М.И. Петипа, балетмейстер М.И. Петипа. Премьера — 25 января 1889 г. в Мариинском театре.

⁵²⁹ Гудович Александр Васильевич (1869–1919) — граф, служил при дворе камер-юнкером (с 1895), статский советник (с 1901), вице-губернатор Ярославской губернии (1902–1905), губернатор Кутаисской губернии (1916–1917). В 1918 г. арестован, расстрелян как заложник.

⁵³⁰ Ганьковы — семья Григория Григорьевича Ганькова, почетного гражданина, кандидата коммерции.

⁵³¹ Володя — Ганьков Владимир Григорьевич, сын Г.Г. Ганькова, впоследствии глава Петербургской думы. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵³² Волков Евгений Николаевич (1864–1933) — лейб-гусар, впоследствии генерал свиты, начальник кабинета Николая II. В Гражданскую войну в Вооруженных силах Юга России, затем генерал-губернатор Черноморской области (1919). В эмиграции жил во Франции.

⁵³³ Ср. запись от этого же числа в дневнике Николая Александровича: «4-го июля. Среда. Сегодня отдых. <...> После обеда поехал в театр. Было прекрасное открытие красносельского сезона по случаю объезда лагеря д. Владимира, у которого после театра ужинали» (Дневник императора Николая II. Париж: Lev, 1980. С. 27).

⁵³⁴ Татищев Илья Леонидович (1859–1918) — граф, адъютант вел. кн. Владимира Александровича; с 1905 г. генерал-майор свиты Николая II, генерал-адъютант (1910), в 1910–1914 гг. личный представитель Николая II при императоре Вильгельме II. Убит большевиками.

⁵³⁵ Ср. запись от этого же числа в дневнике Николая Александровича: «6-го июля. Пятница. После обеда поехали в театр. Положительно Кшесинская 2-я меня очень занимает» (Там же. С. 28).

⁵³⁶ Савицкая Вера Александровна — артистка балета Мариинского театра с 1880 г. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵³⁷ Оголейт Елена Карловна (1862–1919) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1881 г. Считалась одной из красивейших русских балерин.

⁵³⁸ Александров Михаил Сергеевич (псевд. Михайлов, Долгорук; 1870–1920) — сын танцовщицы И.А. Александровой и князя С.М. Долгокурова.

⁵³⁹ Евгений Максимилианович (1847–1901), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский — генерал от инфантерии (с 1898), член российского императорского дома.

⁵⁴⁰ Георгий Александрович (1871–1899), великий князь — сын Александра III, брат Николая II.

⁵⁴¹ Крылов — директор красносельского театра. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁵⁴² Ср. запись Николая Александровича:

«10 июля. Вторник. <...> Обедали у меня: он [Георгий], Eugene, Николаша и Клушин. Были в театре, ходили на сцену» (Там же. С. 28).

⁵⁴³ Здесь в рукописи повтор даты.

⁵⁴⁴ Никитина Варвара Александровна (1857–1920) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1877 г., определена в труппу Мариинского театра (1877–1893).

⁵⁴⁵ Бабин Евгений Викторович — чиновник Министерства внутренних дел.

⁵⁴⁶ *Александр Михайлович* (1866–1933), великий князь — контр-адмирал, генерал-адъютант (1909). В 1901–1905 гг. главноуправляющий торговым мореплаванием и портами. В 1916–1917 гг. полевой генерал-инспектор военно-воздушного флота. С 1918 г. в эмиграции.

⁵⁴⁷ *Дмитрий Константинович* (1860–1919), великий князь — сын Константина Николаевича, флигель-адъютант, главноуправляющий государственным коннозаводством. Расстрелян большевиками.

⁵⁴⁸ *Полюс Жан Поль* (Paulus, наст. фам. Абан; 1845–1908) — французский певец.

⁵⁴⁹ *Рыхлякова* Варвара Трофимовна (1871–1919) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1890 г., в 1890–1910 гг. в Мариинском театре. Преподавала в младших классах Санкт-Петербургского театрального училища.

⁵⁵⁰ *Лабунская* Мария Николаевна (1868–?) — окончила Санкт-Петербургское театральное училище в 1886 г., зачислена в кордебалет Мариинского театра танцовщицей. В 1890 г. переведена в корифейки 1-го разряда. Была посредственной танцовщицей, но внешне довольно привлекательной. Среди определенных кругов Петербурга распространялся упорный слух, что Лабунской поручено обучать «искусству любви» наследника Николая. В 1892 г. артистка взяла двухнедельный отпуск за границу. Затем она ходатайствовала несколько раз о продлении отпуска. Отпуск продлевали с сохранением содержания, но в 1894 г. она была уволена. Жила в Париже, где еще в 1925 г. содержала «табачную лавочку».

⁵⁵¹ *Орлов* Владимир Николаевич (1868–1927) — князь, флигель-адъютант (с 1903), начальник Военно-походной его императорского величества канцелярии (с 1906). Помощник по гражданской части наместника на Кавказе (с 1915). Эмигрировал во Францию.

⁵⁵² Ср. дневниковую запись Николая Александровича: «17 июля, вторник. В 6½ у меня обедали: Георгий, Сандро и Сергей. Поехали в театр. В антракте пел Paulus. Кшесинская 2-я мне положительно очень нравится» (Там же. С. 29).

⁵⁵³ ...шел новый балет Иванова... — балет «Праздник лодочников» А.А. Фридмана, либретто и хореография Л.И. Иванова. Николай II записал в своем дневнике: «24 июля. Вторник. Георгий и Сандро обедали у меня, последний был в долмане. Поехали в театр, балет был очень хорош!» (Там же. С. 30–31).

⁵⁵⁴ *Цехалевский* Витольд Нестерович (1857–?) — штаб-ротмистр лейб-гвардии. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁵⁵⁵ *Гарденин* Петр Гаврилович — штабс-капитан лейб-гвардии. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁵⁵⁶ *Потоцкий* Павел Платонович (1857–1931) — граф, военный деятель, историк, коллекционер. Участник Первой мировой войны, генерал от артиллерии (1916), командир 1-го гвардейского корпуса (1916). В 1918 г. арестован как заложник, затем освобожден. Передал собранную им библиотеку Наркомпросу.

⁵⁵⁷ *Мухортов* Николай Захарович (1861–1898) — после окончания Санкт-Петербургского университета служил в Кавалергардском полку (1882–1895).

Свидетель истории:

Лев Александрович Казем-Бек

⁵⁵⁸ *Кривошеина* Н.А. Младороссы // Русское зарубежье против фашизма. М. : Русский дом, 2005. С. 336. (Антология русского зарубежья. Т. 2.)

⁵⁵⁹ *Алексеев* Н. ГПУ и младороссы // Возрождение (Париж). 1937. 11 авг. С. 3.

⁵⁶⁰ *Казем-Бек* Л.А. [Воспоминания] // РО ЦНБ СТД. Ф. Л.А. Казем-Бека. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁶¹ Цит. по: *Massip* M. La vérité est fille du Temps. Genève : Georg Editeur, 1999. Р. 578.

⁵⁶² РО ЦНБ СТД. Ф. Л.А. Казем-Бека. Оп. 1. Д. 4.

Л.А. Казем-Бек. Боратынские

⁵⁶³ *Ольга Александровна* — Боратынская Ольга Александровна (урожд. Казем-Бек; 1844–1918), жена Н.Е. Боратынского.

⁵⁶⁴ *Боратынский* Николай Евгеньевич (1835–1898) — младший сын Е.А. Боратынского (1800–1844). В 1854 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. После окончания Крымской войны вышел в отставку, жил за границей. В 1861 г. вернулся в Россию и занялся хозяйством своих имений в Казанской губернии. В 1864 г. женился на О.А. Казем-Бек. Был избран гласным Казанского уездного собрания, уездным предводителем дворянства. Занимался устройством школ. Был избран председателем попечительского совета Мариинской гимназии. В 1872 г. отказался от должности предводителя дворянства. Издавал сочинения отца. Казанским уездным дворянством была учреждена стипендия его имени на один полный курс Мариинской гимназии.

⁵⁶⁵ *Казем-Бек* Прасковья Александровна (урожд. Костливцева, 1823–1854) — мать О.А. Боратынской, см. примеч. 563.

⁵⁶⁶ *Иславин* Лев Владимирович (1866–1934) — дипломат, художник-любитель, библиофил, коллекционер. Консул в Ницце, генеральный консул в Вене, затем посланник в Цетине (Черногория).

⁵⁶⁷ *Боратынский* Александр Николаевич (1867–1918) — старший сын Н.Е. Боратынского. Жена Надежда Дмитриевна Шипова (1866–1903). В 1899–1917 гг. уездный предводитель дворянства Казанского и Царевококшайского уездов. Участник съезда земских деятелей (1904). Председатель казанского отдела партии «Союз 17 октября». Член 3-й Государственной думы. Председатель попечительского совета Мариинской гимназии и попечитель Учительской семинарии. В 1918 г. казнен большевиками.

⁵⁶⁸ *Шипов* Павел Дмитриевич (1860–1919) — флигель-адъютант (1908), генерал-майор свиты его императорского величества (1913–1915), генерал-лейтенант (с 1915). Жена Александра Сергеевна Зыбина. С 1875 г. — вольный слушатель Санкт-Петербургской академии художеств. Занимался живописью, не оставляя воинской службы в лейб-гвардии Преображенском полку. Мастер военных портретов. Участник Первой мировой войны. Расстрелян большевиками.

⁵⁶⁹ *...знаменитый каульбаховский портрет царицы.* — Портрет императрицы Александры Федоровны работы немецкого художника Фридриха Августа фон Каульбаха (1850–1920).

⁵⁷⁰ *Ламздорф* Владимир Николаевич (1844–1907) — граф, русский государственный деятель. С 1866 г. на службе в Министерстве иностранных дел. В 1882–1896 гг. директор канцелярии министерства. В 1900–1906 гг. министр иностранных дел России.

⁵⁷¹ *...знаменитый придворный бал в боярских костюмах...* — костюмированный бал в Зимнем дворце 11 февраля 1903 г. Этому событию был посвящен альбом, изданный Экспедицией заготовления государственных бумаг в 1904 г., в который были включены фотографические портреты всех участников бала с указанием костюмов.

⁵⁷² *Михаил Александрович* (1878–1918), великий князь — младший брат императора Николая II. Генерал-лейтенант (1916), генерал-инспектор кавалерии (1917). В 1898–1912 гг. на военной службе, в Первую мировую войну командовал конной дивизией, затем — кавалерийским корпусом. В 1917 г. отказался от прав на престол после отречения Николая II. Расстрелян большевиками.

⁵⁷³ *...русская форма по макетам художника Шипова... ~ ...теперь в Красной армии...* — Форма Красной армии менялась постепенно. В разработке формы первоначально принимали участие известные художники В. Васнецов, Б. Кустодиев и др. В 1919 г. были введены кафтан (шинель), рубаха, суконный головной убор, похожий на шлем (буденновка). Затем добавили клапаны, нарукавники,

кокарды, эмблемы родов войск. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. вводились новые знаки различия — погоны, новые военные звания. Произошли изменения в форме одежды. Армейская одежда стала похожа на форму русской армии конца XIX — начала XX в.

⁵⁷⁴ *Боратынский Н.Е.* Другам на память. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1882. (Тираж 100 экз.)

⁵⁷⁵ *Гревс* Варвара Леонидовна (урожд. Юшкова) — дополнительных сведений установить не удалось.

⁵⁷⁶ Памятник Минину и Пожарскому (скульптор И.П. Мартос) установлен в Москве в 1818 г.

⁵⁷⁷ *Дистерло* Георгий (Юрий) Романович (1895–1975), барон — штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка, писатель. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1921 г. в эмиграции во Франции. Участвовал в движении младороссов. Печатался в журнале «Возрождение». Председатель правления Союза русских дворян (1970–1975).

⁵⁷⁸ ...по случаю столетия «Дворянской грамоты»... — «Жалованная грамота дворянству» 1785 г., закреплявшая привилегии дворянства.

⁵⁷⁹ *Казем-Бек* Надежда Геннадьевна (урожд. Шпигельберг; 1881–1943) — жена Л.А. Казем-Бека, мать А.Л. Казем-Бека. Сестра милосердия, работала в Царском Селе в лазарете императрицы Марии Федоровны, в Гражданскую войну — медицинской сестрой в одной из здравниц Красного Креста в Сочи.

⁵⁸⁰ *Боратынский* Александр (Алек) Александрович (1899–1919) — сын А.Н. и Н.Д. Боратынских. Художник и музыкант. Погиб в бою под Елабугой 13 июля 1919 г.

⁵⁸¹ *Толстой-Милославский* Сергей Сергеевич (1859–1925) — гофмейстер, член Государственного совета. Двоюродный брат Л.В. Иславина (см. примеч. 566). С 1905 г. казанский губернатор и предводитель губернского дворянства. Умер в Дубровнике.

⁵⁸² *Казем-Бек* Николай (Боба) Николаевич (1899–1919) — сын Н.А. Казем-Бека. Л.А. Казем-Бек ошибается: Боба погиб в бою под Красноярском 21 марта 1919 г.

⁵⁸³ *Догель* Михаил Михайлович (1896–1918) — поручик лейб-гвардии Конного полка. Сын профессора Казанского университета Михаила Ивановича Догеля (1865–1936). Погиб под Казанью 4 сентября 1918 г.

⁵⁸⁴ *Никита* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁵⁸⁵ *Лита* — Ильина Ольга Александровна (урожд. Боратынская; 1894–1991), писательница. В 1922 г. эмигрировала в США. В 1951 г. издала автобиографический роман «Канун восьмого дня» (на русском языке: Казань, 2003), затем «Санкт-петербургский роман» (1982), «Белый путь. Русская Одиссея 1919–1923» (1983).

⁵⁸⁶ *Ильин* Кирилл Борисович (1896–1974) — муж О.А. Ильиной. Окончил Николаевскую артиллерийскую академию в Петрограде. Воевал в составе Павловского гусарского полка, затем служил в частях Белой армии. В 1922 г. эмигрировал с семьей в Америку, где занимался торговлей недвижимостью.

⁵⁸⁷ *Жена* — Боратынская Софья Сергеевна (урожд. Депрейс; 1881–1972), жена Д.А. Боратынского.

⁵⁸⁸ *Боратынский* Дмитрий Александрович (1892–1933) — сын А.Н. и Н.Д. Боратынских. Учился на педагогическом факультете Казанского университета. Во время Первой мировой войны командовал санитарным поездом, в Гражданскую — служил в Белой армии. Работал фотографом Института древесины Наркомлеса. В 1933 г. расстрелян.

⁵⁸⁹ *Дебособр* Николай Владимирович (1888–1933) — в советское время издательский работник.

⁵⁹⁰ В 1934 г., после ареста и расстрела Д.А. Боратынского, Софья Сергеевна вместе с детьми: Надеждой (Адей) (в браке Брайант; р. 1915), Николаем (1915–1989), Марией (1916–1986), Татьяной (в браке Батлер; 1916–?) уехала в Америку к О.А. Ильиной.

⁵⁹¹ В России остались внуки Е.А. Боратынского: Екатерина Николаевна Боратынская (1869–1943) и Ксения Николаевна Боратынская (в браке Алексеева; 1878–1958), автор книги «Мои воспоминания» (М., 2007).

Зигзаги судьбы:

Аглая Сергеевна Шиманская и ее братья

⁵⁹² РО ЦНБ СТД. Ф. Ю.К. Терапиано. Оп. 1. Д. 19.

⁵⁹³ Шиманская А. Два стихотворения // Новое русское слово. 1947. 21 сент.

⁵⁹⁴ [Сообщение о смерти Ю. Левицкого] // Русская мысль. 1959. 5 марта.

№ 1331. С. 2.

⁵⁹⁵ РО ЦНБ СТД. Ф. А.С. Шиманской. Оп. 1. Д. 52.

⁵⁹⁶ Там же. Д. 50.

⁵⁹⁷ Там же. Д. 51.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Тамара Левицкая (урожд. Лебедева, отчество установить не удалось) — бывшая жена А.С. Левицкого.

⁶⁰² Книга английского антрополога Эдварда Тайлора (1832–1967) «La civilisation primitive» (в 2 т. Париж, 1876–1878).

⁶⁰³ Книга французского филолога и лингвиста Фернанда Брюно (1860–1987) «La pensée et la langue» (Париж, 1922).

⁶⁰⁴ Книга французского историка Рене Груссе (1885–1952) «L'Empire des steppes» (Париж, 1938).

⁶⁰⁵ РО ЦНБ СТД. Ф. А.С. Шиманской. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

⁶⁰⁶ Там же. Д. 53.

⁶⁰⁷ Там же. Д. 45. Л. 4.

⁶⁰⁸ Б.п. Памяти русских героев Соппротивления // Русские новости. 1947. 14 марта. № 93. С. 5–6.

⁶⁰⁹ См.: Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 391.

⁶¹⁰ Рубисова Е. А. Шиманская. Антенны // Современник. 1976. № 32. С. 82.

⁶¹¹ Таубер Е. Аглайда Шиманская. «Новолунье» // Новый журнал. 1955. № 41. С. 302.

⁶¹² Цит. по: Одоевцева И. Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 943.

⁶¹³ Там же. С. 944.

⁶¹⁴ РО ЦНБ СТД. Ф. А.С. Шиманской. Оп. 1. Д. 1–3, 27, 30, 36, 39.

А.С. Шиманская. Стихотворения

⁶¹⁵ Публикуемые стихотворения А.С. Шиманской написаны в 1950–60-е гг. К сожалению, Шиманская их не датировала. В изданные сборники эти стихотворения не вошли.

«НЕ ВОСКРЕСИТЬ И НЕ ВЕРНУТЬ ВОЛНЕНИЯ...»

⁶¹⁶ Ср.: «...а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савахфанí? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46).

О Юрии Константиновиче Терапиано — поэте и критике

⁶¹⁷ Терапиано Ю.К. Маздеизм: Современные последователи Зороастра. Париж, 1968. См. рец.: Шиманская А.С. Ю. Терапиано. Маздеизм // Современник. 1968. № 17/18. С. 119–120.

⁶¹⁸ Принято считать, что несколько доисторических цивилизаций исчезло, не оставив неоспоримых следов. После Всемирного потопа исчезла Атлантида. Исчез и континент Му (Ма) — так этот континент называли индейцы майя. На некоторых островах южных морей сохранились каменные храмы и руины эпохи Ма. Судьбами исчезнувших цивилизаций занимались и продолжают заниматься многие ученые и исследователи. Так, Д.С. Мережковский вторую часть трилогии «Тайна трех» назвал «Тайна Запада: Атлантида — Европа» (Белград, 1931).

⁶¹⁹ Лекцию об исчезнувших материках Ма (Лемурия) и Атлантида Ю.К. Терапиано прочел в октябре 1962 г. на заседании общества «Быстрая помощь».

⁶²⁰ Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) — поэт, прозаик, критик, меуарист. Публиковался с 1910 г. Сотрудник журнала «Аполлон», член «Цеха поэтов» (с 1917). В 1922 г. был командирован в Берлин, в Россию не вернулся. С 1923 г. жил во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже, председатель литературного общества «Зеленая лампа» (1927–1934). По-видимому, речь идет о вечере «Поэты о поэтах» 4 февраля 1973 г. в помещении Парижской русской консерватории им. С. Рахманинова, где Терапиано выступал с докладом о Г. Иванове.

⁶²¹ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, литературный критик, переводчик. Близок акмеистам, один из руководителей «Цеха поэтов». В 1923 г. эмигрировал во Францию. Регулярно печатал свою литературную эссеистику, сначала в парижском журнале «Звено», а с 1928 г. в газете «Последние новости», где вел еженедельное книжное обозрение. Точного определения «парижской ноты» никто не дал, даже сам Адамович. Это была неоформленная поэтическая школа, ориентирующаяся на требования, предъявляемые к поэзии Адамовичем (отражение непреходящих тем — смерть, страдание, любовь, соблюдение классической строгости формы). В своих статьях, публикуемых в журнале «Меч», А.Л. Бем, в свою очередь, пробовал отметить приемы поэтов «парижской ноты»: нарочитая простота словаря, разорванный синтаксис, обилие вводных предложений, оборванные строки, неожиданный афоризм, приглушенные интонации, вопросительные обороты. При этом он отмечал, что поэзия «парижской ноты» продолжала непосредственно школу символистов, не отразив в себе русского футуризма, имажинизма. (См. статьи «О стихах Эмили Чегринцевой», «В тупике», «О парижских поэтах», ««Столица» и «Провинция»» и др. в сб.: Бем А.Л. Письма о литературе / Slovanský ústav. Praha : Euroslavica, 1996.)

⁶²² «Русская мысль» — еженедельная газета, издающаяся с 1947 г. в Париже, с 2006 г. — в Лондоне. Главные редакторы: В.А. Лазаревский (1947–1954), С.А. Водов (1954–1968), З.А. Шаховская (1968–1978), И.А. Иловайская-Альберти (1979–2000). В 1955–1978 гг. литературно-критический отдел вел Ю.К. Терапиано.

⁶²³ Терапиано Ю.К. Путешествие в неизвестный край. Париж, 1946. Религиозно-мистическая повесть, отразившая интерес автора к восточной культуре, отмечена напряженным духовным поиском.

⁶²⁴ Муза Диаспоры: Избранные стихи зарубежных поэтов. 1920–1960 / отв. ред. Ю.К. Терапиано. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. Фактически Терапиано был составителем антологии.

⁶²⁵ Жена — Терапиано Ирина Николаевна (урожд. Новоселова; 1890–1973), в 1920 г. в составе армейского лазарета эвакуировалась на Кипр. С 1923 г. жила в Медоне, затем в Париже. Зарабатывала на жизнь как домашняя работница. Помощник секретаря масонской ложи «Аврора» (1930).

⁶²⁶ ...в русском общежитии в предместье Парижа. — Русский дом в Ганьи под Парижем, где последние свои годы жили Ю.К. Терапиано, А.С. Шиманская, Т.Н. Рафальская, Н.Н. Евсеев, В.В. Савицкая и некоторое время И.В. Одоевцева. Основан обществом «Быстрая помощь» (руководитель общества — адвокат и журналист М.М. Тер-Погонян, 1890–1967) в 1945 г.

⁶²⁷ Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя и фам. Гейнике Ираида Густавовна; 1895–1990) — поэтесса, прозаик, мемуарист. Участница «Цеха поэтов». Первый сборник стихов — «Двор чудес» (Петроград, 1922). В 1922 г. уехала за границу. Жила с мужем Г. Ивановым во Франции. Выпустила 6 книг стихотворений. Писала романы, пьесы. Автор мемуаров «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983). В последних она рассказывает, в частности, о Ганьи, Ю. Терапиано, А. Шиманской. В 1987 г. вернулась в Россию, жила в Ленинграде.

⁶²⁸ «Зеленая лампа» — литературное общество (1927–1939), организованное З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским, сыгравшее огромную роль в духовной жизни русской диаспоры. См. о нем в книге воспоминаний Ю. Терапиано «Встречи» (Нью-Йорк, 1953).

Письма к А.С. Шиманской

Ю.К. ТЕРАПИАНО

⁶²⁹ Датируется по содержанию.

⁶³⁰ Кутырина Юлия Александровна (1891–1979) — преподавательница, деятель культуры, сказительница. Племянница И.С. Шмелева. С 1918 г. во Франции. В 1936 г. открыла Театр-студию Ю. Кутыриной. Тогда же дебютировала в качестве сказительницы в программе парижского радио. С 1950 г. автор циклов передач Французского радио. С 1965 г. работала в Национальном центре научных исследований. Печаталась в газете «Русская мысль», журнале «Возрождение».

⁶³¹ Елена Федоровна Рубисова (урожд. Гейтман; 1897–1988) — писательница, художница, поэт, искусствовед. Жила во Франции, с 1940 г. в США, затем снова во Франции. Автор поэтического сборника «Дуэль» (Париж, 1946), книг прозы «Нью-Йорк» (1958), «Огни Азии» (1961). Много путешествовала, изучала восточную философию.

⁶³² Ирина Николаевна Терапиано — см. примеч. 625.

⁶³³ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — писатель, переводчик. Начал печататься в 1901 г. Участник «Сред» Н. Телешова. Первый сборник «Рассказы» вышел в 1906 г. С 1907 г. действительный член Общества любителей российской словесности. Автор повестей «Аграфена» (1908), «Голубая звезда» (1918). В июне 1922 г. уехал в Германию, а с конца 1923 г. поселился в Париже. Редактировал литературно-художественный отдел журнала «Перезвоны» (Рига, 1925–1929). Работал в газетах «Последние новости», «Возрождение» (с 1927). Один из учредителей Общества «Икона» (1927). С 1945 г. возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже. С 1947 г. сотрудничал в газете «Русская мысль». В эмиграции им опубликовано более 30 книг на русском языке.

⁶³⁴ Рерих Хелен — знакомая Ю.К. Терапиано и А.С. Шиманской. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁶³⁵ Датируется по содержанию.

⁶³⁶ Екатерина Пик — неустановленное лицо, вероятно, литературный персонаж.

⁶³⁷ Померанцев Кирилл Дмитриевич — см. примеч. 427.

⁶³⁸ ...с «женихом»... — Горбов Яков Николаевич (1896–1981), писатель, литературный критик. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. Второй муж И.В. Одоевцевой. В 1930-е гг. участвовал в движении младо-

россов. В 1940 г. воевал во французской армии. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. С 1960 г. соредатор журнала «Возрождение». Автор романа «Асунта» (1967) и нескольких романов на французском языке.

⁶³⁹ *Волочков Павел Захарович* (1889–1975) — член литературного «Соленого кружка» в Париже (собрания кружка посещала и А.С. Шиманская). Умер в старческом доме в Нуази-ле-Гран.

⁶⁴⁰ *Довилль (Довиль)* — курортный город в Нормандии, на северо-западе Франции.

⁶⁴¹ *Маккавейский Владимир Николаевич* (1893–1920) — поэт, переводчик. Автор сборника «Стилы Александрии: Сонеты и поэмы» (1918), пьесы «О Пьеро убийце» (1919). Сборник стихов «Белая Вандея» не был издан. 7 стихотворений из сборника были опубликованы в изд.: Белая лира: Антология поэзии Белого движения. Смоленск: Русич, 2006.

⁶⁴² ...не «Югом», а «М[ерд]ом»... — от фр. *merde* — дерьмо.

⁶⁴³ *Елену* — вероятно, Е.Ф. Рубисова, см. примеч. 631.

⁶⁴⁴ *Маришка* — неустановленное лицо.

⁶⁴⁵ *Юлинька* — неустановленное лицо.

⁶⁴⁶ Установить дату написания письма не представляется возможным.

И.В. ОДОЕВЦЕВА

⁶⁴⁷ *Одоевцева Ирина Владимировна* — см. примеч. 627.

⁶⁴⁸ Ю.К. Терапиано родился 9 октября 1892 г. в Керчи, где окончил Александровскую гимназию (1911).

⁶⁴⁹ *Горбов Яков Николаевич* — см. примеч. 638.

⁶⁵⁰ *Соколова Софья Арнольдовна* (урожд. Ржавская; р. 1935) — участница независимого женского движения. Печаталась в альманахе «Женщина и Россия» (1979) и в журнале «Мария» (1980). В 1981 г. под давлением КГБ эмигрировала из Ленинграда и поселились в Париже. Часто приезжает в Россию. Автор сборника рассказов «Я, ты, они» (СПб., 1992).

Е.Ф. РУБИСОВА

⁶⁵¹ *Рубисова Елена Федоровна* — см. примеч. 631.

⁶⁵² ...*двух Жоржей!* — Рубисов Георгий Алексеевич (1897–1980), муж Е.Ф. Рубисовой, инженер, музыкант, переводчик, автор пьесы «Судьба, или Сила свершаемости» (1963); Рубисов Георгий Георгиевич, сын Е.Ф. Рубисовой, пианист.

⁶⁵³ Датируется по содержанию.

⁶⁵⁴ *Трено* — деревня недалеко от г. Шартр, где жили русские. Природа Трено напоминала Россию. По преданию, сюда приезжал И.С. Тургенев с Полиной Виардо.

⁶⁵⁵ *Ирина* — Одоевцева Ирина Владимировна, см. примеч. 627.

⁶⁵⁶ *Соня* — Иваницкая Софья Львовна (урожд. Ардашникова; р. 1931), журналистка, преподаватель. Автор книги «О русских парижанах» (М.: Эллис Лак, 2006).

⁶⁵⁷ *Рудукина Елена Гаспаровна* — соседка Рубисовых в Трено. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁶⁵⁸ Датируется по содержанию.

⁶⁵⁹ Статью Ю.К. Терапиано о Г.Г. Рубисове найти не удалось.

⁶⁶⁰ *Рерих Николай Константинович* (1874–1947) — русский живописец, археолог, писатель, театральный художник. Для театра начал работать в 1907 г. — «Три волхва» (Старинный театр), «Пер Гюнт» (1912, МХАТ) и др. В 1913 г. для Русского балета Дягилева оформлял «Весну священную». С 1910 г. глава объединения «Мир искусства». В декабре 1916 г. из-за болезни легких поселился в Сердоболе (ныне Сортавала, Карелия) на Ладожском озере. В апреле 1918 г. эта территория отошла к Финляндии. В 1918–1919 гг. жил в Выборге, а осенью 1919 г. выехал

в Лондон для оформления оперы «Князь Игорь» А.П. Бородина для Русского балета Дягилева. В сентябре 1920 г. переехал в США. В мае 1928 г. поселился в долине Кулу (Индия).

⁶⁶¹ *Иоанн* (Дмитрий Алексеевич Шаховской, псевд. Странник; 1902–1989), архиепископ Сан-Францисский — князь, богослов, филолог, поэт, критик. Уехал из России в 1920 г. Окончил Лувенский университет в Бельгии. В 1926 г. редактировал литературный журнал «Благонамеренный», публиковал стихи. В 1926 г. принял постриг на Афоне. Служил в Сербии (1927–1930), во Франции (1931–1932), в Германии (1932–1945), с 1946 г. в США. С 1950 г. епископ Сан-Францисский и Западно-Американский. С 1961 г. архиепископ. В 1975 г. ушел на покой. Издал более 30 книг стихов и богословских сочинений. Книга «Созерцания» вышла в 1971 г. в Сан-Франциско.

⁶⁶² *книга Ю[рия] К[онстантиновича]* — речь идет о книге, изданной только через 3 года на средства А.С. Шиманской: *Терапиано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи / сост. Р. Герра, А. Глезер. Париж: Альбатрос; Нью-Йорк: Третья волна, 1987.

Е.Л. ТАУБЕР (СТАРОВА)

⁶⁶³ *Таубер* Екатерина Леонидовна (в браке Старова; 1903–1987) — поэтесса, прозаик, критик. В 1920 г. эмигрировала с родителями в Сербию. Окончила французское отделение Белградского университета (1928). Первый сборник стихотворений вышел в Берлине в 1935 г. В 1936 г. переехала с мужем К. Старовым во Францию. Преподávalа русский язык в лицее Карно в Каннах (1955–1971). Выпустила 5 поэтических книг.

⁶⁶⁴ *Шиманская А.* [Рец. на сб.] Е. Таубер. Нездешний дом. Мюнхен. 1973 // Современник. 1974. № 26/27. С. 130–131.

⁶⁶⁵ *Кленовский* Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский; 1893–1976) — поэт. Сын художника-пейзажиста И. Крачковского. В 1916 г. выпустил первую книгу стихов «Палитра» под своей фамилией. В 1918–1920 гг. жил в Москве, а с 1921 г. в Харькове. Работал переводчиком в Радиотелеграфном агентстве. В 1942 г. эмигрировал вместе с женой и два года провел в лагерях для беженцев в Австрии, потом переехал в Германию, жил в Баварии. Опубликовал 11 книг. Жена — Маргарита Денисовна Гутман. См.: *Кленовский Д.И.* Теплый вечер. Мюнхен, 1975.

⁶⁶⁶ *Величковский* Анатолий Евгеньевич (1901–1981) — поэт. В 17 лет вступил в Добровольческую армию. С 1920 г. жил в Польше, затем переехал во Францию. Работал чернорабочим, таксистом. Во время войны жил в Париже. Печататься начал в 1947 г. Первый сборник «Лицом к лицу» вышел в 1952 г. в издательстве «Рифма». Второй сборник «С бору по сосенке» вышел через 22 года (Париж, 1974), следующий — «О постороннем» — в 1979 г., последний, посмертный — «Нерукотворный свет» — в 1981 г. Е. Таубер указала на зависимость стихов Величковского от Ходасевича (см. рец.: *Таубер Е. А.* Величковский. С бору по сосенке // Новый журнал. 1975. № 119. С. 294–296). Жена — Жирова Елена Николаевна (?–1960).

⁶⁶⁷ См.: *Терапиано Ю.* Новые книги // Русская мысль. 1975. 23 янв. № 3035. С. 8–9. Отношения Д.И. Кленовского с Терапиано не сложились, т. к. в 1950-е гг. Кленовский и Марков выступили против литературного засилья «парижан», упрекая в парижскую критику в замалчивании новоэмигрантских поэтов. Однако Терапиано неоднократно писал о стихах Кленовского в газетах «Русская мысль» и «Новое русское слово».

⁶⁶⁸ *Рене* — французский славист и коллекционер Рене Герра (р. 1946).

⁶⁶⁹ *Прегель* Софья Юльевна (1894–1972) — поэтесса. Училась в Петербургской консерватории. Эмигрировала сначала в Константинополь, с 1922 г. жила в

Берлине. Первая книга «Разговор с памятью» вышла в 1935 г. До войны издала еще две книги. В 1932 г. уехала в Париж, а в начале войны поселилась в США. Основала журнал «Новоселье» (1942–1950). В 1948 г. вернулась в Париж. Седьмой сборник «Последние стихи» и мемуары «Мое детство» вышли в 1973 г. посмертно. Оказывала поддержку парижскому издательству «Рифма», в 1957–1972 гг. была директором издательства.

⁶⁷⁰ «Карантин» — роман В.Е. Максимова. Распространялся в самиздате, впервые опубликован как отдельное изд.: Франкфурт-на-Майне : Посев, 1973.

⁶⁷¹ Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) — прозаик. Автор книги «В окопах Сталинграда» (1946), за которую получил Сталинскую премию II степени. Автор повестей и рассказов, изданных в России и переизданных за границей (в частности, повести «Кира Георгиевна» (Cambridge, 1967)). В 1974 г. эмигрировал в Швейцарию, затем во Францию.

Встречи на берегах Сены:

Наталья Сергеевна Гончарова и Михаил Федорович Ларионов

⁶⁷² См.: Николаев Д. К вопросу о происхождении псевдонима Тэффи // Творчество Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века: Сб. М. : Наследие, 1999. С. 252–255.

⁶⁷³ Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) — русский режиссер, драматург, теоретик театра. Инициатор создания Старинного театра (1907, возрожден в 1911). Режиссер Театра Комиссаржевской. Руководитель театра «Кривое зеркало» (1910–1916). Руководитель грандиозной постановки «Взятие Зимнего дворца» (7 ноября 1920). С 1925 г. в эмиграции во Франции, где продолжал активную творческую деятельность.

⁶⁷⁴ Тикстон Павел Александрович (1872–1935) — известный промышленник, банкир, предприниматель, близкий друг Н.А. Тэффи.

⁶⁷⁵ Ядвига (1373–1399) — польская королева (1384–1399), оставшаяся в истории как символ благородства и жертвенности.

⁶⁷⁶ Строки из стихотворения Н.С. Гумилева «Гончарова и Ларионов» (1917).

⁶⁷⁷ Цитата из статьи М. Цветаевой «Наталья Гончарова» (1929).

⁶⁷⁸ Цит. по ст.: Сидорова А. Живые прикосновения // Советская культура. 1974. 5 февр. № 11 (4707). С. 4.

С.М. Лифарь. Н. Гончарова — чародейка русской театральной живописи

⁶⁷⁹ ...в мою Пушкиниану... — см.: Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана: Пушкин, выставки и издания. Париж, 1966.

⁶⁸⁰ Picasso — Пикассо Пабло (1881–1973), испанский художник. Им были оформлены для труппы Русского балета Дягилева балеты: «Парад» Э. Сати (1917), «Треуголка» М. де Фалья (1919), «Пулчинелла» И. Стравинского (1920) и др.

⁶⁸¹ Matisse — Матисс Анри (1869–1954), французский живописец. Оформлял балеты: «Песнь соловья» И. Стравинского (1920, Русский балет Дягилева), «Красное и черное» Д. Шостаковича (1939, Русский балет Монте-Карло).

⁶⁸² Braque — Брак Жорж (1882–1963), французский художник. В его оформлении шли балеты «Докучные» Ж. Орика, «Зефир и Флора» В. Дукельского (1924, 1925, Русский балет Дягилева), «Салат» Д. Мийо (1929, Парижские вечера графа Э. де Бомона) и др.

⁶⁸³ Derain — Дерен Андре (1880–1954), французский художник. Для Русского балета Дягилева оформлял балеты «Джек из коробки» Э. Сати (1926), «Волшеб-

ная лавка» О. Респиги (1929), для Русского балета Монте-Карло — «Испытание любви» В.-А. Моцарта (1936) и др.

⁶⁸⁴ *Miro* — Миро Жоан (1893–1983), испанский живописец. Художник балетов «Ромео и Джульетта» К. Ламберта (бутафория, задник, 1926, Русский балет Дягилева), «Детские игры» Ж. Бизе (1932, Русский балет Монте-Карло).

⁶⁸⁵ *Utrillo* — Утрилло Морис (1883–1955), французский художник. Оформил балет «Барабау» В. Риети для труппы Русского балета Дягилева (1925).

⁶⁸⁶ *Rouault* — Руо Жорж (1871–1958), французский живописец. В его оформлении шел балет «Блудный сын» С. Прокофьева (1929, Русский балет Дягилева).

⁶⁸⁷ *Дягилев* Сергей Павлович (1872–1929) — русский театральный и художественный деятель, антрепренер, организатор «Русских сезонов» за границей (1907) и труппы Русский балет Дягилева (1911–1929). Был одним из основателей объединения «Мир искусства».

⁶⁸⁸ *Бенуа* Александр Николаевич (1870–1960) — художник, историк искусства, художественный критик. Оформлял балеты «Павильон Армиды» Н. Черепнина (1909, «Русские сезоны»), «Петрушка» И. Стравинского (1911, Русский балет Дягилева), «Соловей» И. Стравинского (1914, антреприза Дягилева), «Поцелуй феи» И. Стравинского (1928, труппа И. Рубинштейн) и др. Много работал для антрепризы Дягилева, а также для Мариинского театра, МХТ, Большого драматического театра. С 1928 г. жил в Париже.

⁶⁸⁹ *Бакст* Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг; 1866–1924) — живописец, театральный художник. Один из основателей объединения «Мир искусства». В 1910 г. поселился в Париже. Им оформлены для Русского балета Дягилева балеты «Дафнис и Хлоя» М. Равеля (1912), «Послеполуденный отдых фавна» К. Дебюсси (1912), «Женщины в хорошем настроении» Д. Скарлатти (1917), «Нарцисс и Эхо» Н. Черепнина (1911) и др.

⁶⁹⁰ *Билибин* Иван Яковлевич (1876–1942) — театральный художник, график. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Учился в Рисовальной школе Общества поощрения художеств и в школе княгини М.К. Тенишевой. В 1908–1909 гг. участвовал в оформлении оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского и танцевальной сюиты «Пир» для антрепризы С.П. Дягилева. В Гражданскую войну сотрудничал в Осведомительном агентстве при правительстве генерала А.И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Египет. В 1925 г. переехал в Париж. Оформил для труппы А. Павловой балеты Н. Черепнина «Русская сказка» (1923), «Роман мумии» (1924). В 1936 г. вернулся в Россию и был назначен профессором графической мастерской Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры.

⁶⁹¹ *Рерих* Николай Константинович — см. примеч. 660.

⁶⁹² *Коровин* Константин Алексеевич (1861–1939) — русский живописец. Им оформлены балеты «Дочь Гудулы» А. Симона (1902, Большой театр), «Аленький цветочек» Ф. Гартмана (1907, Мариинский театр), «Саламбо» А. Арендса (1910, Большой театр) и др. С 1924 г. жил и работал в Париже, оформлял спектакли в театрах Турина, Лондона, Нью-Йорка и др.

⁶⁹³ *Добужинский* Мстислав Валериянович (1875–1957) — русский график, театральный художник. Оформлял спектакли для Старинного театра, Театра Комиссаржевской, МХТ. С 1914 г. принимал участие в «Русских сезонах» С.П. Дягилева: балеты «Мидас» М.О. Штейнберга, «Бабочки» Р. Шумана (1914). В 1925 г. уехал в Литву. В 1939–1957 гг. жил в США и Франции.

⁶⁹⁴ «*Мир искусства*» — творческое объединение художников, существовавшее с конца 1890-х гг. до 1924 г. В ядро объединения входили Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов. Наиболее яркий след объединение оставило в области книжной графики и театрально-декорационного искусства.

⁶⁹⁵ *Шервашидзе* Александр Константинович (наст. фам. Чачба; 1867–1968) — князь, театральный художник, живописец. С 1907 г. работал в театрах Петербурга: Мариинском, Александринском, Старинном. С 1922 г. жил во Франции, работал как художник в антрепризе С. Дягилева: «Триумф Нептуна» Дж. Бернерса (1926, Русский балет Дягилева), «Ромео и Джульетта» К. Ламберта (1926, Русский балет Дягилева) и др.

⁶⁹⁶ *Грис* Хуан (Gris, наст. имя и фам. Хосе Викторiano Гонсалес; 1887–1927) — испанский художник, сценограф. В 1924 г. создал декорации и костюмы для спектакля труппы С. Дягилева: «Голубка» Ш. Гуно, «Неудачное воспитание» Э. Шабрие, «Искушение пастушки, или Любовь-победительница» М. Монтеклера.

⁶⁹⁷ *Стравинский* Игорь Федорович (1882–1971) — русский композитор, дирижер. Автор музыки балетов «Жар-птица» (поставлен в 1910 г., во время «Русских сезонов» в Гранд-опера, балетмейстер М. Фокин), «Петрушка» (поставлен в 1911 г., в труппе С. Дягилева в Театре Шатле, балетмейстер М. Фокин), «Весна священная» (поставлен в 1913 г., во время «Русских сезонов» в Театре Елисейских Полей, балетмейстер В. Нижинский). Балета «Свадебка» (1923) — одна из вершин, завершающих первый период творчества композитора. Специально для труппы Иды Рубинштейн были написаны балеты «Поцелуй феи» (1928) и «Персефона» (1933–1934). С 1914 г. жил в Швейцарии, с 1920 г. во Франции, с 1940 г. в США.

⁶⁹⁸ *Прокофьев* Сергей Сергеевич (1891–1953) — русский композитор, пианист, дирижер. Им написаны для Русского балета Дягилева следующие произведения: «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» (1921), «Стальной скок» (1927), «Блудный сын» (1929) и др. С 1918 г. жил за рубежом, сначала в США, с 1921 г. во Франции. В 1932 г. вернулся в Россию.

⁶⁹⁹ «Свадебка» — балет И. Стравинского. Премьера — 13 июня 1923 г., поставлен труппой Русского балета Дягилева в театре «Гетэ-лирик», балетмейстер Б. Нижинская, художник Н. Гончарова.

⁷⁰⁰ *Нижинская* Бронислава Фоминична (1891–1972) — в 1909–1913 гг. выступала как танцовщица в спектаклях «Русских сезонов», затем танцевала в лондонской антрепризе своего брата Вацлава Нижинского, а в 1915–1921 гг. выступала и преподавала в Киеве. С 1921 г. танцовщица, режиссер и балетмейстер Русского балета Дягилева. Поставила «Байку про Лису, Петуха, Кота и Барана» И. Стравинского (1922), «Лани» Ф. Пуленка, «Докучные» Ж. Орика, «Голубой экспресс» Д. Мийо (1924). Работала во многих театрах мира: в Парижской опере, театре «Колон» (Буэнос-Айрес), труппе И. Рубинштейн и др.

⁷⁰¹ ...*лубочность «балиевского» спектакля*. — театр «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева, созданный в 1916 г. на основе «капустников» МХТ, в 1920 г. переехал за границу. Атмосфера актерского кабачка, сохранявшая неповторимость «Летучей мыши», исчезла. Злободневные обозрения, пародии шли на фоне едва намеченных декораций. Оформление сценок было примитивно, неброско, иногда в стиле лубочных картинок.

⁷⁰² *Фокин* Михаил Михайлович (1880–1942) — танцовщик, балетмейстер. В 1909–1912, 1914 гг. был художественным руководителем и балетмейстером труппы С. Дягилева во время «Русских сезонов» в Париже. Выступал и как исполнитель. В 1918 г. уехал на гастроли в Швецию. С 1921 г. жил в США. В 1934–1935 гг. работал в Парижской опере, в 1936–1939 гг. в Русском балете Монте-Карло.

⁷⁰³ *Нижинский* Вацлав Фомич (1890–1950) — артист русского балета. С 1909 г. выступал в «Русских сезонах». По предложению Дягилева с 1912 г. стал балетмейстером. Им поставлены «Послеполуденный отдых фавна», «Игры», «Весна священная», «Уленшпигель». В 1909–1913 гг. был ведущим танцовщиком «Русских сезонов» за границей. В 1914 г. организовал собственную труппу, а в 1916 г. возвратился в труппу Дягилева. Психическое заболевание заставило его рано покинуть сцену.

- ⁷⁰⁴ *Мясин* Леонид Федорович (1895–1979) — русский балетмейстер. С 1914 г. солист труппы С. Дягилева. Дебютировал как хореограф в труппе Дягилева в 1915 г.
- ⁷⁰⁵ *Габо* Наум (наст. фам. Певзнер; 1890–1977) — художник, скульптор. В 1926–1927 гг. оформил для Русского балета Дягилева постановку «Кошка» А. Соре.
- ⁷⁰⁶ *Певзнер* Антон (наст. имя Натан; 1884–1962) — скульптор, живописец. В 1934 г., создавая вместе с Н. Габо декорации к балету «Кошка» А. Соре (балетмейстер Д. Баланчин), сконструировал фигуру «Богиня».
- ⁷⁰⁷ *Яковлев* Александр Евгеньевич (1887–1938) — живописец, график. В 1934 г. создал декорации к балету «Семирамида» А. Онеггера для труппы И. Рубинштейн.
- ⁷⁰⁸ *Дубровская* Фелицата Леонтьевна (наст. имя и фам. Фелия Длужневская; 1896–1981) — балерина, педагог. После окончания Санкт-Петербургского театрального училища танцевала в кордебалете Мариинского театра. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1929 гг. артистка Русского балета Дягилева, танцевала главные партии в балетах «Свадебка» И. Стравинского, «Ода» Н. Набокова, «Пастораль» Ж. Орика и др. В 1929–1931 гг. в труппе А. Павловой, в 1932, 1937 г. в составе Русского балета В. Базиля, в 1933 г. в труппе Русской оперы (директор М.Э. Кашук). В 1939 г. уехала в США. Преподавала в школе театра Нью-Йоркского городского балета (1948–1980). Жена П.Н. Владимирова.
- ⁷⁰⁹ «*Дивертисмент*» — I акт балета «Спящая красавица» П.И. Чайковского, хореография М. Петипа (с участием С. Лифаря). Оформление Н.С. Гончаровой. Поставлен в Гранд-опера, премьера 6 июня 1932 г.
- ⁷¹⁰ *Спесивцева* Ольга Александровна (1895–1991) — русская артистка балета. С 1913 г. участвовала в выступлениях Русского балета Дягилева. В 1914–1924 гг. в труппе Мариинского театра. В 1924–1932 гг. артистка Парижской оперы. Много гастролировала. С 1939 г. жила в США.
- ⁷¹¹ «*На Днепре*» — балет С. Прокофьева, либретто С. Прокофьева и С. Лифаря. Премьера 16 декабря 1932 г. в Гранд-опера. Балетмейстер С. Лифарь, декорации М. Ларионова, костюмы Н. Гончаровой.
- ⁷¹² «*Шота Руставели*» — балет А. Онеггера, Н.Н. Черепнина и Т. Аршани. Балетмейстер С. Лифарь. Постановка осуществлена в 1945 г. труппой Новый балет Монте-Карло.
- ⁷¹³ *Евреинов* Николай Николаевич — см. примеч. 673.
- ⁷¹⁴ *Черепнин* Николай Николаевич (1873–1945) — композитор, дирижер. В 1909–1914 гг. дирижировал балетами и оперными спектаклями «Русских сезонов» в Париже, а также спектаклями Русского балета Дягилева в Лондоне, Монте-Карло, Риме, Берлине. Написал балеты «Павильон Армиды» (1907), «Нарцисс и Эхо» (1911), «Роман мумии» (1924) и др. Аранжировал и оркестровал ряд музыкальных пьес для балетов, восстановленных в труппе Дягилева, — «Бабочки», «Карнавал», «Клеопатра».
- ⁷¹⁵ *Онеггер* Артур (Honegger; 1892–1955) — французский композитор, автор музыки балетов «Амфион» (1931, балетмейстер Л. Мясин), «Семирамида» (1934, балетмейстер М. Фокин), «Песнь песней» (1938, балетмейстер С. Лифарь) и др.
- ⁷¹⁶ *Непо* Константин Константинович (наст. фам. Непокойчитский; 1914–1976) — живописец, художник театра и актер. Создал декорации к нескольким балетным спектаклям. В 1946 г. оформил для Нового балета Монте-Карло «Ночь на Лысой горе» М.П. Мусоргского и «Шота Руставели» А. Онеггера, Н.Н. Черепнина и Т. Аршани. Оба балета поставил С. Лифарь.

Письма Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова к В.Ф. Рындину и Г.С. Улановой

⁷¹⁷ М.Ф. Ларионов родился 22 мая 1881 г.

⁷¹⁸ *Вакхевич* (Вакевич) Георгий (Юрий) Леонидович (1907–1984) — сценограф, художник кино, живописец. В 1921 г. эмигрировал через Болгарию и Румынию во Францию. Учился в Русской гимназии в Париже, в Национальной школе декора-

тивных искусств. Оформил более 300 балетных, оперных и драматических спектаклей на сценах театров Парижа, Лондона, Милана, Берлина, в частности балеты «Жар-птица» (1954), «Ромео и Джульетта» (1955), «Петрушка» (1971). Создал декорации и костюмы к фильмам «Мадам Бовари» (1934), «Великая иллюзия» (1937) Ж. Ренуара, «Вечерние посетители» (1942) М. Карне, «Двуглавый орел» (1947) Ж. Кокто, «Али-Баба и сорок разбойников» (1954) Ж. Беккера, «Мари-Октябрь» (1959) Ж. Дювивье, «Дневник горничной» (1964) Л. Бунюэля и др.

⁷¹⁹ *m-lle Cournand* — Курнан Эвелин (1931–1984), артистка балета, руководитель балетной труппы во Франции. Преданная поклонница Г.С. Улановой. В 1982 г. подарила Улановой коллекцию произведений русского искусства. По просьбе Улановой эта коллекция была передана государству. Курнан писала: «Я дарю это стране, давшей миру великую балерину» (цит. по: *Тогунян И.* Рядом с Улановой // Литературная газета. № 12 (5917). 2003. 26 марта – 1 апр. С. 8).

⁷²⁰ *50 лет современному искусству* — имеется в виду павильон на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 г., который посетили В.Ф. Рындин и Г.С. Уланова. В нем экспонировались картины Матисса, Дали и других художников, была устроена экспозиция книг, демонстрировались фильмы, а также был показан балет «Жар-птица».

⁷²¹ *А от Вас еще нет ответа на мое первое в Гамбург.* — В 1958 г. состоялись гастроли Большого театра во Франции, Бельгии, ФРГ.

⁷²² *Фонвизин* Артур Владимирович (1882–1973) — живописец, заслуженный деятель искусств РСФСР (1970). Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в 1901–1904 гг. Дружил с М. Ларионовым. В 1920–30-е гг. состоял с ним в переписке.

⁷²³ *Жегин* Лев Федорович (наст. фам. Шехтель; 1892–1969) — живописец, график, теоретик искусства. В 1911–1919 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В середине 1920-х гг. переправлял картины Ларионова и Гончаровой в Париж.

⁷²⁴ *Романович* Сергей Михайлович (1894–1968) — живописец. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества в 1909–1918 гг. Был другом Ларионова, который причислял Романовича к художникам — творцам современного искусства.

Фарфорова испанка: Софья Васильевна Федорова

⁷²⁵ Первый вариант статьи: «То, что было, не будет, прошло...»: Судьба балерины Софьи Федоровой 2-й // *Культура*. 1998. 27 авг. – 2 сент. № 32 (7143). С. 5.

⁷²⁶ *Теляковский* В.А. Воспоминания. Л. ; М. : Искусство, 1965. С. 148.

⁷²⁷ Рапорт А. Горского в Московскую контору императорских театров от 7 декабря 1900 г. // РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 3796. Л. 7.

⁷²⁸ *Григорьев* С. Балет Дягилева. 1909–1929. М. : АРТ, 1993. С. 29.

⁷²⁹ *Гиацинтова* С. Сцена жива женщиной // *Театральная жизнь*. 1960. № 9. С. 13.

⁷³⁰ *Григорьев* С. Балетное искусство и С.В. Федорова 2-я. М.: [Труд], 1914. С. 35–36.

⁷³¹ Там же. С. 66.

⁷³² *Светлов* В. Современный балет. СПб., 1911. С. 96, 85.

⁷³³ *Левинсон* А. Старый и новый балет. Пг.: Современное искусство, 1917. С. 85.

⁷³⁴ *Берберова* Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 203.

⁷³⁵ *Григорьев* С. Указ. изд. С. 64.

⁷³⁶ *Левинсон* А. Балет «Жизель» // *Речь*. 1914. 4 нояб. № 298. С. 5.

- ⁷³⁷ Федорова С. В летний день // Рампа и жизнь. 1913. № 15.
- ⁷³⁸ Заключение врача Московских императорских театров о здоровье С.В. Федоровой 2-й от 8 окт. 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 3476. Л. 124.
- ⁷³⁹ Иванов П. [Вяч. Иванов.] Заметки о балете // Театральный курьер. 1918. 30 окт. № 38. С. 2.
- ⁷⁴⁰ Справка театрального врача // РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Д. 3476. Л. 157.
- ⁷⁴¹ Кругликов С. К бенефису Оленина // Новости дня. 1904. 20 янв. – 2 февр. № 7407. С. 3.
- ⁷⁴² Григорьев С. Указ. изд. С. 198.
- ⁷⁴³ Шайкевич А. Судьба артистки // Русские новости. 1963. 28 июня. № 943. С. 2–3.
- ⁷⁴⁴ Строки из стихотворения А.С.Пушкина «Желание» (1816).
- ⁷⁴⁵ Пс. 117: 18.
- ⁷⁴⁶ Марков П.А. Книга воспоминаний. М. : Искусство, 1983. С. 345.
- ⁷⁴⁷ РО ЦНБ СД. Ф. С.В. Федоровой. Оп. 1. Д. 3, 4.

С.В. Федорова. Стихотворения

«СПИ СПОКОЙНО, Я С ТОБОЙ...»

⁷⁴⁸ Столповский Григорий Петрович (1883–?) — юрист, журналист. Окончил юридический факультет Московского университета. Участник Первой мировой войны. Во Франции жил с 1924 г. Член Российского монархического союза. Муж балерины С.В. Федоровой. Сохранил ее небольшой архив, который ныне хранится в РО ЦНБ СД РФ.

«В нашей стране за любовь...»

⁷⁴⁹ У А.Н. Островского такого высказывания ни в произведениях, ни в письмах найти не удалось. Возможно, эти слова принадлежат адвокату Александру (Исааку) Абрамовичу Островскому (1904–1994), жившему в Париже.

«Шах-княгиня, драгоценнейшая...»:

Зинаида Алексеевна Шаховская

⁷⁵⁰ «Русская мысль» — см. примеч. 622.

⁷⁵¹ Зайцев Борис Константинович — см. примеч. 633.

⁷⁵² Слоним Марк Львович (1894–1976) — критик, публицист, литературовед, общественно-политический деятель. Член Партии социалистов-революционеров. После октября 1917 г. редактировал газету «Народное дело» в Киеве. В 1918 г. был членом Комитета Учредительного собрания в Самаре, членом Государственного совещания в Уфе. В 1919 г. эмигрировал через Японию. Жил во Флоренции, затем в Берлине. Соредатор журнала «Воли России». С 1922 г. в Праге. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1928 г. обосновался в Париже. Основал и возглавил объединение «Ковчег». Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Возглавлял Франко-славянское издательство. В 1941 г. переехал в США, где преподавал русскую и европейскую литературу. В 1965–1971 гг. жил в Женеве, затем во Франции. Был сотрудником «Русской мысли».

⁷⁵³ Адамович Георгий Викторович — см. примеч. 621.

⁷⁵⁴ Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978) — историк, библиограф, общественный деятель. В 1920 г. вместе с семьей эмигрировал во Францию. Окончил историко-филологический факультет Сорбонны. Был слушателем Богословских курсов в Париже. Учился в Школе восточных языков. Руководил работой Братства Св. Александра Невского. Член Братства Св. Троицы с 1924 г. Преподавал русский

язык, литературу, историю и географию России в лицее Мишле (1926–1941). Один из основателей и постоянный сотрудник газеты «Русская мысль» (1947–1971). Генеральный секретарь Общества охранения русских культурных ценностей (с 1948). С 1958 г. старший протоиерей. Автор книг «Зарубежная Россия» (1971), «Исторический и культурный атлас России и славянских стран» (1961), «Наши достижения: Роль русской эмиграции в мировой науке» (1960) и др.

⁷⁵⁵ *Русский альманах* / сост. З.А. Шаховская, Р. Герра, Е.С. Терновский. Париж, 1981.

⁷⁵⁶ Личный архив В.П. Нечаева.

⁷⁵⁷ Письмо З.А. Шаховской В.П. Нечаеву от 30 сентября 1995 г. // Там же.

⁷⁵⁸ Кузнецова О. Последний парижский поэт // Чиннов И. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Согласие, 2000. С. 5.

Письма И.В. Чиннова к З.А. Шаховской

⁷⁵⁹ Датируется по содержанию.

⁷⁶⁰ В 1972 г. за литературные заслуги французское правительство присудило З.А. Шаховской звание командора Ордена искусств и литературы. В «Новом журнале» за 1973–1974 гг. не было статей о З.А. Шаховской.

⁷⁶¹ В 1991–1992 гг. И.В. Чиннов посетил Россию, был в Петербурге и Москве. В 1922 г. присутствовал на конференции славистов в Сан-Франциско.

⁷⁶² Датируется по помете З.А. Шаховской на письме.

⁷⁶³ ...*Вам теперь просторно в пустоте.* — 5 июня 1973 г. умер муж З.А. Шаховской С.С. Малевский-Малевич (см. примеч. 430); 8 октября 1988 г. — сестра Н.А. Набокова (урожд. Шаховская; 1903–1988), первая жена композитора Н.Д. Набокова (двоюродного брата В.В. Набокова), с 1934 г., переехав из Франции в США, работала на радиостанции «Голос Америки»; 30 мая 1989 г. умер брат, архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Д.А. Шаховский, см. примеч. 661).

⁷⁶⁴ *Варшавская* Татьяна Георгиевна — см. примеч. 408.

Исчезнувший поэт: Анатолий Иванович Андреев

⁷⁶⁵ *Величковская Т.* О Леониде Федоровиче Зурове // Новый журнал (Нью-Йорк). 1981. Кн. 142. С. 149–160.

⁷⁶⁶ Цит. по: *Быков П.В.* Силуэты далекого прошлого. М. ; Л. : Земля и фабрика, 1930. С. 84.

⁷⁶⁷ РО ЦНБ СТД. Ф. А.И. Андреева. Оп. 1. Д. 1, 2.

А.И. Андреев. Стихотворения

ИСТОРИЯ ВЫПУСКА В СВЕТ «СБОРНИКА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ»

⁷⁶⁸ *Вера* — Стамболи Вера Ивановна (1912–1906), общественный деятель, артистка-любительница. Эмигрировала с родителями в детском возрасте. Жила в Париже. В 1930–50-е гг. вела литературный кружок. В течение многих лет руководила театральным кружком. В 1946 г. организовала Союз ревнителей искусства, с 1947 г. — Объединение молодых деятелей русского искусства и науки.

⁷⁶⁹ *Кобылянский* Александр Андреевич (1892–1971) — подполковник. Во время Первой мировой войны руководил постройкой мостов, понтонных переправ. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в эмиграции.

⁷⁷⁰ *Оболенский* Николай Николаевич (1905–1993) — князь, общественный деятель, генеалог, поэт и прозаик. В 1918 г. вместе с родителями выехал на Украину.

С 1920 г. жил во Франции. Во время Второй мировой войны служил во французском маршевом полку иностранных добровольцев. Награжден Военным крестом. Принимал участие в литературной жизни эмиграции. Издал сборники стихов: «Семь стихотворений» (Париж, 1947) и «Пять стихотворений» (Париж, 1948).

⁷⁷¹ *Богаевский* Михаил Иванович (1912–2003) — инженер-аэроавиатик, поэт, масон. С 1926 г. жил во Франции. Работал в авиационной промышленности (1942–1959), в области атомной энергетики (1959–1962), в морском отделе бюро поиска (1963–1978). В 1978 г. в Париже выпустил книгу стихов «Исканья».

⁷⁷² *Смоленский* Владимир Алексеевич (1901–1961) — поэт, прозаик. Участник Гражданской войны. Эвакуировался в Турцию, жил в Тунисе, с 1922 г. в Париже. Работал на металлургическом и автомобильном заводах. Член Союза молодых поэтов и писателей, был его председателем (1925–1931). Член Союза русских писателей и журналистов в Париже, с 1955 г. член правления, затем вице-председатель союза. Издал книги стихов «Закат» (Париж, 1931), «Наедине» (Париж, 1938), «Собрание стихотворений» (Париж, 1957), «Стихи. 1957–1961» (Париж, 1963 (посмертно)).

⁷⁷³ *Бунин* Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель, поэт. С 1920 г. в эмиграции. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1933). Председатель Союза русских писателей и журналистов в Париже (1921–1922). Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

⁷⁷⁴ *Зайцев* Борис Константинович — см. примеч. 633.

⁷⁷⁵ *Иванов* Георгий Владимирович — см. примеч. 620.

⁷⁷⁶ *Померанцев* Кирилл Дмитриевич — см. примеч. 427.

⁷⁷⁷ *Адамович* Георгий Викторович — см. примеч. 621.

⁷⁷⁸ *Терапиано* Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, писатель, критик, масон. Один из организаторов и первый председатель Союза молодых поэтов и писателей (1925) в Париже. Участник собраний «Зеленой лампы» (1927–1939). В 1947 г. инициатор создания литературной группы «Муза». С 1947 г. член правления, а с 1948 г. председатель Объединения русских писателей в Париже. См. о нем с. 326–329 наст. изд.

⁷⁷⁹ *Гингер* Александр Самсонович (1897–1965) — поэт. Эмигрировал в 1919 г., жил в Париже (с 1921). Работал бухгалтером на фабрике. Член Союза молодых поэтов и писателей. С конца 1930-х до конца 1940-х гг. устраивал с женой А.С. Присмановой в своей квартире «Литературные среды». Работал корректором в отделе информации ЮНЕСКО. Автор 5 сборников стихотворений.

⁷⁸⁰ *Щербаков* Евгений (отчество установить не удалось; 1917–1974) — поэт. Муж В.И. Стамболи. В эмиграции жил во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже (в 1947 г. вышел из союза). Член Объединения молодых поэтов и Объединения русских писателей и поэтов во Франции. Редактор «Сборника стихов поэтов Объединения молодых деятелей русского искусства и науки». Автор сборника стихов «Свет и камень» (Париж, 1951).

⁷⁸¹ *Величковская* Тамара Антоновна (1908–1990) — поэт, прозаик, журналист, танцовщица, певица. В 1920 г. вывезена родителями в Константинополь. Жила в Югославии, а с 1925 г. во Франции. Работала на ткацкой фабрике, расписывала шарфы. После 1944 г. поселилась в Париже. Выступала на вечерах Объединения молодых поэтов (1947–1948), Союза русских писателей и журналистов в Париже (1955) и др. В 1955 г. избрана в правление Союза русских писателей и журналистов в Париже. Выпустила сборники стихов «Белый посох» (Париж, 1952) и «Цветок и камень» (Париж, 1981).

⁷⁸² *Кибела* — богиня фригийского происхождения. Великая мать, богиня материнской силы и плодородия. Андреев обыгрывает строки из стихотворений Т. Величковской, напечатанных в сборнике: «Раскинула руки праматерь — Кибела / И спит...» («Май»), «Положите со мною перстни / И праматерь земли — Кибела...» («Этрусская гробница»).

⁷⁸³ *Доброхотов* Владимир Владимирович (1891–1963) — военный летчик, историк искусства, писатель, художник. Участник Первой мировой войны. В эмиграции во Франции. Работал шофером такси. Занимался историей древнерусского искусства. Писал иконы. Участвовал в литературных вечерах группы «Муза». С 1958 г. член Русской академической группы.

⁷⁸⁴ *Секретов* Анатолий Петрович (1908–1974) — поэт, общественный деятель. Член Объединения русских студентов в Париже, в 1934 г. был избран членом ре-визионной комиссии объединения. Выпустил два сборника стихов: «Фиолетовые облака» (Париж, 1940), «Мираж» (Париж, 1972).

Переводы

⁷⁸⁵ Андреев пробовал перевести Омара Хайяма во 2-й половине 1950-х — начале 1960-х гг. Считается, что из приписываемых Омару Хайяму более 400 четверостиший только 66 принадлежат поэту. Трактровка рубаи у разных ученых иногда носит диаметрально противоположный характер. Четыре строки рубаи содержат целую гамму чувственных страстей и мыслей, ритм рубаи дает возможность переводчику свободного выбора слов. Существует множество переводов рубаи на европейские языки. Каким переводом пользовался Андреев, установить невозможно.

«На роду написано...»:

Елена Александровна Лыжина-Полушина

⁷⁸⁶ *Труайя* Анри (Troyat, псевд. Льва (Левона) Аслановича Тарасова (Торосьяна); 1911–2007) — писатель, художник. В 1917 г. выехал с родителями в Константинополь. С 1921 г. жил в Париже. По образованию юрист. Опубликовал более ста сочинений. В 1959 г. был избран членом Французской академии.

⁷⁸⁷ *Муссолини* Бенито (Mussolini; 1883–1945) — диктатор Италии в 1922–1943 гг. В 1919 г. основал фашистскую партию. В 1922 г. при содействии монополий, монархии и Ватикана захватил власть и установил фашистскую диктатуру.

⁷⁸⁸ *Невельская* Мария Карловна (в браке Бардыгина; 1891–1971) — хореограф, балерина, педагог. Танцевала в Большом театре в Москве. В 1910-е гг. работала с труппой А. Павловой. В 1922 г. эмигрировала во Францию. В 1923 г. в Ницце открыла балетную студию классического танца. Создала при студии детский балет (1925). Ставила с учениками своей студии хореографические спектакли в театре «Казино-варьете» в Ницце. Создала балетные труппы в других городах Франции. В 1953 г. переехала в Нью-Йорк.

⁷⁸⁹ *Седова* Юлия Николаевна (1880–1969) — балерина, балетмейстер, педагог. В 1898 г. дебютировала в Мариинском театре. До 1914 г. прима-балерина театра. Гастролировала по Европе и США. Партнерша В. Нижинского. С 1918 г. жила во Франции. Прима-балерина и балетмейстер Русского балета Монте-Карло. Работала в театрах Италии. В 1930 г. открыла балетную школу в Ницце. Профессор танца.

⁷⁹⁰ *Юскевич* Игорь Иванович (Юшкевич; 1912–1994) — артист балета, педагог. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Учился в Белграде в балетной школе у Е.Д. Поляковой. В 1932 г. стал партнером К. Грундт и дебютировал в Париже. Занимался в балетной студии О.И. Преображенской. Выступал в труппах Б. Нижинской, Л. Войцеховского, Русского балета Монте-Карло. После 1945 г. работал с Дж. Балланчиным. С 1960 г. жил в США, преподавал в Техасском университете и собственной балетной школе.

⁷⁹¹ *Скарпа* Тина (наст. имя и фам. Анна Скарпова; ?–1997) — балерина. Жена И. Юскевича. Работала в труппе «Балле рюс Колонель» В. де Базиля.

⁷⁹² *Щербачева* Ирина — балерина. Выступала в составе трио с И. Лучезарской, Б. Лисанович. Принимала участие в благотворительных вечерах.

⁷⁹³ *Лыжин* Юрий Петрович (1900–1964) — преподаватель. Брат Павла Лыжина. С 1917 г. жил с родителями в имении под Териоки. С 1922 г. жил в Праге. Окончил Русский юридический факультет. Преподавал русский язык. Затем переехал в Париж.

⁷⁹⁴ *Кшесинская* Матильда Феликсовна (1872–1971) — балерина. В 1890–1917 гг. солистка Мариинского театра. В 1920 г. эмигрировала. В 1929 г. открыла балетную студию в Париже. См. о ней с. 260–292 наст. изд.

⁷⁹⁵ *Лифарь* Серж (Сергей Михайлович; 1905–1986) — танцовщик, балетмейстер, историк танца, деятель культуры, коллекционер. Учился в Киеве в студии Б. Нижинской. В 1923 г. приехал в Париж. Ведущий танцовщик Русского балета Дягилева (1923–1929). Ведущий танцовщик, хореограф, балетмейстер Парижской оперы (1929–1944, 1947–1958, с 1962). Организовал в Париже выставки «Пушкин и его эпоха» (1937), «Русские балеты Дягилева. 1909–1929» (1939), «К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина» (1949). В 1945–1947 гг. создал балетную труппу Новый балет Монте-Карло. В 1947 г. основал Институт хореографии (позже Университет танца) при Парижской опере. Создал кафедру хореологии и хореографии при Сорбонне, где читал лекции о балете (1956–1986). В 1976 г. был избран почетным президентом Совета танца при ЮНЕСКО. В 1970–1975 гг. занимался живописью. Автор множества книг о балете.

⁷⁹⁶ *Ушесинской был сын...* — Романов Владимир Андреевич (Романовский-Красинский; 1902–1974) — светлейший князь, офицер, общественный деятель. Сын великого князя Андрея Владимировича и М.Ф. Кшесинской. В эмиграции в Париже. Примыкал к младороссам.

⁷⁹⁷ *Вронская* Алисия Францевна (урожд. Янушкевич; 1897–1992) — балерина, педагог. Окончила Петроградское театральное училище и была зачислена в труппу Мариинского театра. С 1917 г. жила в Париже. В 1918–1925 гг. солистка «Опера-Комик», театров «Гетэ-лирик» и «Вандевилль» и др. В 1926 г. участвовала в гастролях в составе труппы Анны Павловой. В 1930-е гг. создала свою труппу «Балет Вронской». В 1956 г. переехала в Лозанну и открыла Академию классического танца.

⁷⁹⁸ *Деларова* Евгения Максимовна (1911–1990) — балерина. Окончила Ленинградское театральное училище. В 1926 г. эмигрировала. Вторая жена Л.Ф. Мясина. Танцевала в театре «Фоли-Берже». В 1928 г. уехала с мужем в США. Выступала в театре «Рокси». В 1933–1940 гг. артистка Русского балета Монте-Карло. В Нью-Йорке выступала как танцовщица и актриса на Бродвее.

⁷⁹⁹ *Мясин* Леонид Федорович — см. примеч. 704.

⁸⁰⁰ *Аренская* Зинаида А. — балерина. В эмиграции жила во Франции. С 1927 г. выступала на концертах и вечерах. Входила в состав труппы Русской оперы в Париже (1930–1932). В 1939 г. танцевала в Русской оперетте (режиссер В.С. Горев).

⁸⁰¹ *Гржебина* Лия (Ляля) Зиновьевна (в браке Воловик; 1906–1989) — балерина. В 1921 г. вывезена родителями за границу. В Париже с 1923 г. В 1930-е гг. выступала в «Казино де Пари» (Casino de Paris), в театре «Летучая мышь». В годы войны танцевала в Ницце, в Опере Монте-Карло. После войны — солистка Русского балета И. Гржебиной. В 1969–1972 гг. преподавала в Школе русского балета И. Гржебиной.

⁸⁰² *Гржебин* Зиновий Исаевич (1877–1929) — книгоиздатель, редактор, художник-карикатурист. Редактор журналов «Жупел» (1905–1906) и «Отечество» (1914–1915). Один из основателей издательства «Шиповник». В 1919 г. основал собственное издательство в Петрограде с филиалами в Москве и Берлине. В 1921 г. выехал в Берлин, с 1923 г. — в Париже. Служил в торговом представительстве.

⁸⁰³ *Преображенская* Ольга Иосифовна — см. примеч. 497.

⁸⁰⁴ *Туманова* Тамара Владимировна (1919–1996) — балерина, актриса. Эмигрировала с родителями в Шанхай, затем в Каир и Париж. С 1925 г. училась в балет-

ной студии О.И. Преображенской. Впервые выступила на сцене в 1925 г. в гала-концерте А. Павловой в театре «Трокадеро». В 1932–1937 гг. прима-балерина в Русском балете де Базиля. В 1939–1941 гг. работала в «Оригиналь балле рюс», продолжала выступать в Русском балете Монте-Карло (1941–1942). В 1947 г. танцевала в Парижской опере. Вела концертную деятельность. Снималась в кинофильмах.

⁸⁰⁵ *Баронова* Ирина Михайловна (в браке Теннет; 1920–2008) — балерина, артистка музыкальной комедии и кино. Ребенком была вывезена в Румынию. С 1928 г. в Париже. Училась у Преображенской. В 1932–1941 гг. солистка Русского балета Монте-Карло. В 1940–1942 гг. выступала в Театре американского балета.

⁸⁰⁶ *Чинарова* Тамара Евсеевна (урожд. Рекемчук; 1919–2006) — балерина. Вместе с семьей эмигрировала в Париж. Училась в балетной студии О.И. Преображенской. В 1933 г. выступала в труппе Дж. Баланчина «Балле 1933». С 1934 г. танцевала в труппе Русский балет Монте-Карло; в 1936 и 1938–1939 гг. как солистка участвовала в гастрольных поездках по Австралии. В 1937 г. с труппой Русский балет Л. Войцеховского совершала турне по Европе. В 1939 г. осталась в Австралии. Выступала в труппе Элен Кирсовой (1940–1943) в Сиднее, в труппе Эдуарда Борованского (1944–1948) в Мельбурне. В начале 1950-х гг. переехала в Англию.

⁸⁰⁷ *Дьяконова* Наташа — балерина, выпускница балетной студии Л.Н. Егоровой. Входила в состав труппы театра «Летучая мышь» под руководством Н.Ф. Баляева.

⁸⁰⁸ *Гитри* Саша (наст. имя и фам. Александр Жорж Пьер Гитри; 1885–1957) — французский писатель, актер, режиссер. Родился в Петербурге в семье известного французского актера Михайловского театра Люсьена Гитри. С 1915 г. снимался в кино. Автор 115 пьес и 29 киносценариев.

⁸⁰⁹ *Стаатс* Лео (1877–1952) — французский балетмейстер, педагог. В 1898–1909 гг. танцовщик Парижской оперы, в 1908–1909 и в 1919–1926 гг. балетмейстер труппы. В 1910–1914 гг. художественный директор Театра искусств.

⁸¹⁰ *Билик* Ирина — балерина. Выступала на благотворительных вечерах.

⁸¹¹ *Долин* Антон (наст. имя и фам. Сидни Фрэнсис Патрик Чиппендалл Хили-Кей; 1904–1983) — английский артист, педагог, балетмейстер. В 1917–1923 гг. учился у С.А. Астафьевой и Б.Ф. Нижинской. В 1924–1925, 1928–1921 гг. работал в труппе Русский балет Дягилева. В 1931–1932 гг. ведущий танцовщик в «Вик-Уэллс балле». В 1935 г. основал с партнершей А. Марковой труппу «Маркова — Долин». В 1940–1946 гг. в американской труппе «Балле тиэтр». В 1949–1962 гг. один из организаторов и руководителей «Фестивал балле» (Лондон).

⁸¹² *Комарова* Екатерина — балерина. Выступала в составе балетной труппы под руководством А. Долина, затем в Русском балете В.Г. де Базиля.

⁸¹³ *Шаталова* Нина — балерина. Солистка балетной труппы под руководством А. Долина.

⁸¹⁴ *Горовенко* Ольга — танцовщица. Дополнительных сведений установить не удалось.

⁸¹⁵ *Рубинштейн* Ида (Лидия) Львовна (1883–1960) — балерина, актриса, педагог, театральная деятель. Драматическому искусству училась в Театральном училище при Малом театре (класс А.П. Ленского), работала в Художественном театре. Искусством балета занималась с М.М. Фокиным. В 1909–1910 и в 1920–1929 гг. участвовала в парижских «Русских сезонах» С.П. Дягилева. С 1910 г. жила в Париже. В 1911–1918 гг. танцевала на сцене Гранд-опера. В 1928 г. организовала в Париже балетный сезон. В 1928–1935 гг. руководила собственной балетной труппой «Балет Иды Рубинштейн». Для нее были написаны «Болеро», «Поцелуй феи», «Персефона» и мистерия д'Аннунцио «Мученичество святого Себастьяна» в 1939 г. В Париже выступила в последний раз на сцене в драматической оратории «Жанна д'Арк на костре» А. Онеггера.

⁸¹⁶ *«Семирамида»* — балет-пантомима А. Онеггера по мотивам трагедии Вольтера, либретто П. Валери. Поставлен труппой И. Рубинштейн, балетмейстер М. Фокин. Художники А.Е. Яковлев и А.Н. Бенуа. Премьера 11 мая 1934 г.

⁸¹⁷ *«Болеро»* — балет М. Равеля, либретто и хореография Б.Ф. Нижинской. Поставлен труппой И. Рубинштейн, художник А.Н. Бенуа. Премьера 22 ноября 1928 г.

⁸¹⁸ *Фокин* Михаил Михайлович — см. примеч. 702.

⁸¹⁹ *Стравинский* Игорь Федорович — см. примеч. 697.

⁸²⁰ *«Диана де Пуатье»* — балет Ж. Ибера, либретто Э. де Грамона, хореограф М.М. Фокин, художники А.Н. Бенуа и Д.Д. Бушен. Поставлен труппой И. Рубинштейн. Премьера 30 апреля 1934 г.

⁸²¹ *Нижинская* Бронислава Фоминична — см. примеч. 700.

⁸²² *«Поцелуй феи»* — балет И.Ф. Стравинского, либретто И.Ф. Стравинского, хореограф Б.Ф. Нижинская, художник А.Н. Бенуа. Поставлен труппой И. Рубинштейн. Премьера 27 ноября 1928 г.

⁸²³ *Йосс* Курт (Jooss; 1901–1979) — немецкий артист, балетмейстер, педагог. В 1909–1921 гг. учился в Высшей музыкальной школе в Штутгарте. Затем работал с балетмейстером Р. Лабаном в театре Мангейма в Гамбурге. В 1924–1925 гг. балетмейстер государственного театра в Мюнстере. Один из организаторов труппы «Нойе танцбюне». В 1930–1933 гг. работал как балетмейстер в Эссенском муниципальном театре. В 1933 г. эмигрировал со своей труппой «Балле Йосс» в Англию, где открыл собственную школу. В 1949–1968 гг. руководил отделением танца в школе «Фолькванг-шULE» и труппе «Фолькванг-балет».

⁸²⁴ *«Персефона»* — балет И.Ф. Стравинского по мотивам древнегреческой мифологии, либретто А. Жида и И.Ф. Стравинского, балетмейстер К. Йосс, художник А. Барсак. Поставлен труппой И. Рубинштейн. Премьера 30 апреля 1934 г.

⁸²⁵ *Яковлев* Александр Евгеньевич — см. примеч. 707.

⁸²⁶ *Яковлева* Татьяна Алексеевна (в 1-м браке дю Плесси, во 2-м браке Либерман; 1906–1991) — художник-дизайнер, модельер. В 1925 г. приехала в Париж по вызову дяди А.Е. Яковлева. В 1928 г. познакомилась с В. Маяковским. В 1930–1931 гг. жила в Варшаве, затем вернулась в Париж, открыла салон шляп. В 1941 г. переехала в США. Возглавляла шляпный отдел в одном из салонов моды.

⁸²⁷ *Тихонова* Нина Александровна (1910–1995) — балерина, хореограф, педагог. Эмигрировала с матерью через Финляндию в Берлин в 1921 г. Посещала балетную школу Е.П. Эдуардовой, занималась у О.И. Преображенской. В 1925–1926 гг. выступала в Русском романтическом театре Б.Г. Романова. Была приглашена О.А. Спесивцевой в ее труппу. В 1928–1934 гг. участвовала в спектаклях Иды Рубинштейн. С 1929 г. танцевала в составе труппы Русский балет Б. Нижинской. Работала в Русском балете Монте-Карло. В 1950 г. открыла балетную студию. В 1958–1968 гг. руководила «Балетом молодежи», вела класс академического балета в Русской консерватории (до 1973). См. ее воспоминания: «За время репетиций я ближе познакомилась с нашими новыми товарищами: дочерью Войцеховского — Соней, всегда веселой и говорливой Елиной Полушиной, с красавцем Юрой Зоричем, сыном Леонида Андреева — Саввой, мать которого, Анна Ильинична, у нас в буфете продавала невкусные котлеты...» (*Тихонова Н.* Девушка в синем. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. С. 169).

⁸²⁸ *Зорич* Юрий (наст. имя Георгий Сергеевич; 1917–2009) — артист балета. В 1918 г. был вывезен матерью в Каунас. В 1932 г. семья переехала в Париж. Учился в балетной студии О.И. Преображенской. В составе труппы И. Рубинштейн танцевал в спектаклях Парижской оперы (1933), выступал в Русской опере (хореограф Б. Нижинская). В 1934–1935 гг. участвовал в составе труппы Русского балета под руководством В. Дандре в гастрольной поездке по Австралии, Африке, Индии. В 1936–1938 гг. танцевал в составе Русского балета де Базиля. В 1938–1951 гг. в составе гастрольной труппы Русского балета Монте-Карло выехал в Америку. В 1951–

1955 гг. танцевал в «Гран балле дю маркиз де Кузвас». В 1957 г. жил в США, где занимался педагогической деятельностью.

⁸²⁹ *Юшкевич* Нина Семеновна (1916–1998) — балерина, педагог. Дочь писателя С.С. Юшкевича. С 1921 г. жила с семьей в Париже. Окончила консерваторию по классу рояля, училась искусству балета у О.И. Преображенской и Л.Н. Егоровой. С конца 1920-х гг. выступала в концертах и на вечерах. В 1934 г. в качестве солистки выступала в спектаклях Русского балета Б. Нижинской. В 1934–1937 гг. танцевала в Русском балете Монте-Карло. В конце 1930-х гг. переехала в США. Выступала в балете Метрополитен-оперы в Нью-Йорке. Преподавала в Голливуде, в 1977 г. открыла балетную школу в Манхэттене.

⁸³⁰ *Войцеховский* Леон (1899–1975) — артист балета, балетмейстер, педагог. В 1916–1929 гг. солист Русского балета Дягилева, с 1929 г. работал в труппе А. Павловой, а с 1932 г. в Русском балете Монте-Карло. В 1935 г. входил в состав Русского балета под управлением Е. Искольдова и Б. Дашевского, в составе Театра русского балета под руководством З. Эпштейна. В том же году организовал собственную труппу Русский балет Л. Войцеховского. В 1945 г. переехал в Варшаву, где работал художественным руководителем Нового театра Варшавского балета, педагогом Высшей театральной школы.

⁸³¹ *Раевская* Нина (годы жизни установить не удалось) — балерина. В эмиграции жила во Франции. Танцевала в Русском балете Дягилева. В 1930-е гг. вела концертно-театральную деятельность. Солистка Русской балетной труппы под управлением Е. Искольдова и Б. Дашевского, затем — Русского балета Л. Войцеховского. В 1933–1938 гг. танцевала в труппе Русского балета В. де Базиля.

⁸³² *Шаляпин* Федор Иванович — см. примеч. 97.

⁸³³ *Унгер* Сергей Л. (1901–1969) — артист балета. В Париже с 1923 г. Выступал в труппе И. Рубинштейн (1928), в Русской опере в Париже (дирекция А. Церетели и В. де Базиля, 1930–1931), в Русском балете В. де Базиля (1936–1941).

⁸³⁴ *Федоров* Михаил Васильевич (1886–1957) — артист балета, балетмейстер. В 1905–1920 гг. танцевал в Большом театре. В эмиграции жил в Париже. В 1922–1928 гг. артист Русского балета Дягилева. В 1932 г. выступал в Русской опере под управлением К.Д. Агренева-Славянского, в 1933–1936 гг. ставил для нее балеты.

⁸³⁵ *Базиль, де* (наст. имя и фам. Воскресенский Василий Григорьевич; 1888–1951) — полковник, импресарио. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции жил в Париже. В 1923 г. создал театральную труппу. В 1925 г. открыл с А. Церетели и И. Зонном балетное предприятие. Организовал сезоны Русской оперы в Париже (1930–1932). В 1932 г. основал вместе с Р. Блюмом Русский балет Монте-Карло, а в 1936–1948 гг. был его руководителем.

⁸³⁶ *«Видение розы»* — балет на музыку К.-М. Вебера, либретто Ж.-Л. Водуайе, хореограф М.М. Фокин, художник Л.С. Бакст. Поставлен труппой Русский балет Дягилева. Премьера 19 апреля 1911 г.

⁸³⁷ *Нуриев* Рудольф Хаметович (1938–1993) — танцовщик, хореограф, дирижер. Окончил Ленинградское балетное училище, танцевал на сцене Театра оперы и балета им. С. Кирова (1958–1961). В 1961 г. во время гастролей балетной труппы во Франции попросил политического убежища. В 1961–1962 гг. солист «Гран балле дю маркиз де Кузвас». Первое выступление состоялось 23 июня 1961 г. в Театре Елисейских Полей в балете П.И. Чайковского «Спящая красавица» вместе с Н. Вырубовой. С 1962 г. работал в Лондонском королевском балете. Поставил ряд балетов. В 1983–1989 гг. художественный руководитель Парижской оперы.

⁸³⁸ *Павлова* Анна Павловна (1881–1931) — балерина. Окончила Санкт-Петербургское театральное училище. Дебютировала в Мариинском театре в 1899 г. С 1906 г. прима-балерина. В 1909–1911 гг. выступала в «Русских сезонах» С.П. Дягилева. В 1910 г. создала собственную труппу, с которой гастролировала по всему миру.

⁸³⁹ *Шебалин* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁸⁴⁰ *Триполитова* Ксения Артуровна (урожд. Рубом; р. 1915) — балерина, педагог. В 1920 г. вместе с родителями перебралась из родного Вильно в западную Польшу, в 1933 г. вернулась в Вильно. Брала уроки балета у С Горечкой и Р. Моравского. В 1935 г. переехала в Париж. Занималась у Л.Н. Егоровой. В 1936 г. работала в «Балле Дерби». Вместе с мужем Н.И. Триполитовым выступала в дуэте, вела гастрольную деятельность (1937–1940). В годы оккупации жила в Париже. Выступала на концертах. В 1947–1948 гг. работала в кордебалете труппы В. де Базиля. Гастролировала по Италии, Бельгии, Германии, Египту. В 1954–1955 гг. работала в оперном театре в Тунисе. В 1960-е гг. вела курс характерных танцев в балетной студии Н. Вырубовой, преподавала также русский танец.

«Этуаль Гранд-опера»:
Нина Владимировна Вырубова

⁸⁴¹ *Лифарь С.* Мемуары Икара. М. : Искусство, 1999. С. 136–137.

⁸⁴² *Зорич Ю.* Магия русского балета. Пермь, 2004. С. 189.

⁸⁴³ Там же.

⁸⁴⁴ *Лифарь С.* Указ. изд. С. 135.

⁸⁴⁵ Там же. С. 148.

⁸⁴⁶ *Преображенская* Ольга Иосифовна — см. примеч. 497.

⁸⁴⁷ *Трефилова* Вера Александровна (в 1-м браке Бутлер, во 2-м Соловьева, в 3-м Светлова; 1875–1943) — балерина, педагог, хореограф. После окончания Санкт-Петербургского театрального училища была принята в Мариинский театр (1894), с 1906 г. прима-балерина. В 1907 г. гастролировала в Париже. В 1910 г. оставила сцену. В 1915–1917 гг. артистка драматического театра. Эмигрировала в 1917 г. в Париж, открыла вместе со своим мужем В.Я. Светловым (редактор журнала «Нива», балетоман, автор книг о балете) балетную школу. В 1921–1926 гг. выступала в труппе Русский балет Дягилева. В 1924 г. гастролировала с дягилевской труппой в Монте-Карло. Периодически выступала в программах театра «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева. Вместе со студийцами Н. Вырубовой поставила хореографическую фантазию «Времена года» (1937). Вела педагогическую работу.

⁸⁴⁸ *Егорова* Любовь Николаевна (в 1-м браке Мамонтова; во 2-м Трубецкая-Егорова; 1880–1972) — балерина, педагог. В 1898 г. окончила Санкт-Петербургское театральное училище и была принята в труппу Мариинского театра. В 1917 г. уехала в Париж, выступала в труппе Русский балет Дягилева. В 1920 г. открыла в Париже курсы хореографии, а в 1923 г. основала собственную балетную школу (студию). Работала балетмейстером в Балете Б. Князева (1929). В 1929–1931 гг. работала в труппе А.П. Павловой. Ставила спектакли учеников своей балетной студии. В 1937 г. основала труппу «Балет юности».

⁸⁴⁹ *«Сильфида»* — балет Ж. Шнейцхоффера, либретто А. Нурри по сказке Ш. Нодье «Трильби». Художники А. Серебряков (декорации), К. Берар (костюмы). Восстановлен В. Гзовским для труппы Р. Пети в Театре Елисейских Полей. Премьера 15 июня 1946 г.

⁸⁵⁰ *«Половецкие пляски»* — как отдельный балет из оперы «Князь Игорь» А.П. Бородин был впервые показан во время «Русских сезонов» (балетмейстер М. Фокин), дирижер Э.А. Купер, художник Н.К. Рерих) в Театре Шатле (Париж) — 19 мая 1909 г.

⁸⁵¹ *Лифарь Серж* — см. примеч. 795.

⁸⁵² *...в группе мадам Кирста.* — танцевальная группа из 12 человек, выступающая в кабаре, в основном с танцами в стиле модерн.

⁸⁵³ *Гзовский* Виктор Иванович (1902–1974) — артист балета, балетмейстер. В эмиграции с 1925 г. Балетмейстер и танцовщик Берлинской оперы. В 1937 г. переехал во Францию, где открыл балетную школу. Ставил балетные спектакли для Рус-

ского балета в Париже (дирекция Е.Н. Арцюка, 1940–1941) и танцы для театра, кино и кабаре. Работал балетмейстером в Гранд-опера (1945) и Балете Елисейских Полей (1946–1948). С 1950 г. работал в Германии.

⁸⁵⁴ *Игнатов* Владимир Васильевич (годы жизни установить не удалось) — артист балета, хореограф. Первый муж Н. Вырубовой. В 1940 г. входил в труппу «Молодой русский балет» (директор Е.Н. Арцюк). В 1942 г. был приглашен в труппу Балета Б. Князева. С 1946 г. танцевал в Русском балете И. Гржебиной. С 1959 г. — балетмейстер в Лионской опере.

⁸⁵⁵ «*Русский балет*» — театр, созданный в 1941 г. танцовщиком и театральным деятелем Е.Н. Арцюком с разрешения оккупационных властей. Директором театра был назначен Арцюк, художественным руководителем Б. Князев. Было дано более 50 балетных спектаклей в зале «Плейель».

⁸⁵⁶ *Дейде* Лиан (Daydé; р. 1932) — французская балерина. В 1946–1959 гг. в труппе парижской Гранд-опера. Выступала в «Гран балле дю маркиз де Куэвас» (1961), в труппах М. Мишкова (1962) и «Звезды французского балета» (1964). С 1963 г. прима-балерина труппы «Гран балле классик де Франс».

⁸⁵⁷ *Лудьер* Моник (Lourdieres; р. 1956) — французская балерина. Танцевала в Гранд-опера, в Гамбургском балете, в Штуттгарте.

⁸⁵⁸ *Алгаров* Юлий Владимирович (1918–1995) — французский артист. С 1921 г. жил в Берлине, где с 1934 г. учился у Е.П. Эдуардовой, затем — в Париже, где занимался у Л. Егоровой и Б. Князева. В 1937–1942 гг. солист Лионской оперы. В 1946, 1948–1949 гг. в Балете Елисейских Полей, затем — ведущий танцовщик Парижской оперы (1952–1964). С 1965 г. работал импресарио.

⁸⁵⁹ «*Поцелуй феи*» — см. примеч. 822; о И.Ф. Стравинском см. примеч. 697.

⁸⁶⁰ *Бабиле* Жан (Babilée, наст. фам. Гутман; р. 1923) — французский артист, балетмейстер. В 1940–1942 гг. в труппе М. Безобразовой (Канны). С 1944 г. участвует в Вечерах танца, организованных Р. Пети в Париже. Солист Балета Елисейских Полей (1945–1950), «Балле тиэтр» (1950–1952), с 1952 г. — парижской Национальной оперы. В 1956 г. организовал собственную труппу, с которой гастролировал в разных странах.

⁸⁶¹ *Нижинский* Вацлав Фомич — см. примеч. 703.

⁸⁶² *Рено* Мишель (Renault; р. 1927) — французский артист балета. С 1944 г. в труппе парижской Национальной оперы. С 1960 г., уйдя из театра, гастролировал во многих странах. Преподавал в школе парижской Национальной оперы.

⁸⁶³ *ван Дйк* (Дейк) Петер (van Dijk (Dyk); 1929–1997) — немецкий артист и балетмейстер. Учился у Т. Гзовской, Б. Князева, С. Лифаря. В 1946–1950 гг. солист Немецкой оперы в Берлине, Городской оперы в Западном Берлине (1950–1952), во Франции: Балета Жанин Шарра (1952–1954) и парижской Национальной оперы (1955–1962). Работал в Висбадене (1951–1952), в 1962–1970 гг. возглавлял балетную труппу Гамбургской государственной оперы, в 1973–1979 гг. — Ганноверской государственной оперы и с 1974 г. — страсбургской «Опера дю Рен».

⁸⁶⁴ *Пети* (Пти) Ролан (Petit; 1924–2011) — французский артист и балетмейстер. В 1940–1944 гг. — артист Парижской оперы. Его первые постановки для концертов с Ж. Шарра относятся к 1942–1944 гг. Был художественным руководителем Балета Елисейских Полей в 1945–1947 гг., а в 1948–1967 гг. (с перерывами) возглавлял собственную труппу «Балет Парижа». В 1965–1972 гг. работал в парижской Национальной опере. С 1972 г. организатор и руководитель Марсельского балета. В его постановках обнаружился «дар пластически выразительной компоновки массовых сцен и остропсихологической индивидуализации образов».

⁸⁶⁵ *Головин* Серж (Golovine; 1924–1998) — французский артист, балетмейстер, педагог. Работал в Новом балете Монте-Карло (1946); в парижской Национальной опере (1947–1950). Ведущий солист «Гран балле дю маркиз де Куэвас» (1950–1961), главный балетмейстер Женевской оперы (1964–1968). Преподавал в Женеве.

⁸⁶⁶ *«Бродячие комедианты»* — одноактный балет, музыка А. Соге, сценарий Б. Кохно. Поставлен труппой Балет Елисейских Полей. Премьера 2 марта 1945 г. Балетмейстер Р. Пети, художник К. Берар. В этой постановке Н. Вырубова исполняла роль Спящей красавицы, а Р. Пети — фокусника.

⁸⁶⁷ *Нуриев* Рудольф Хаметович — см. примеч. 837.

⁸⁶⁸ *Куэвас* Жорж, де (Cuevas; маркиз де Пьедрабланка де Гуана де Куэвас; 1885–1961) — американский импресарио, меценат и балетоман. С 1947 г. финансировал труппу Новый балет Монте-Карло, в 1950 г. переименованную в «Гран балле дю маркиз де Куэвас». В разное время с ним работали: А. Эглевский, И. Шовире, Р. Жанмер, Л. Черина, Ж. Шарра, Ю. Алгаров, В. Скуратов, А. Маркова, Т. Туманова, Н. Вырубова, С. Головин и др.

⁸⁶⁹ *Гржебина* Ирина Зиновьевна (1907–1994) — балерина, хореограф, педагог. Дочь издателя З.И. Гржебина. Училась в студии Мариинского театра И.Н. Кусова. В 1921 г. вывезена родителями в Берлин. С 1923 г. в Париже. Образование закончила у О.И. Преображенской. Танцевала в Русской частной опере М.Н. Кузнецовой-Массне (1929), Русской опере в Париже (с 1930). В 1935 г. совершила турне по Франции. В 1938 г. создала Школу русского балета в Париже, а затем труппу Русский балет Ирины Гржебиной. Ставила танцы для Русской камерной оперы, Нового русского театра миниатюр, оперетты, кино. Преподавала характерные танцы в школе Парижской оперы.

⁸⁷⁰ *Флергоф* Анна (?) — помехи в аудиозаписи не позволяют установить, о ком идет речь.

⁸⁷¹ *Лидова* Ирэн (Ирина Сергеевна) (урожд. Каминская; 1907–2002) — исследовательница, критик балета, танцовщица. В 1920 г. приехала с родителями во Францию. Брала уроки танцев у О.И. Преображенской. Посещала школу пластического балета К.Л. Исаченко. Окончила филологический факультет Сорбонны. Работала в журнале «Вю» (Vu). В 1945 г. вместе с Б. Кохно организовала труппу Балет Елисейских Полей (Ballets des Champs-Élysées).

⁸⁷² *Жанмер* Зизи (Jeanmaître, наст. имя Рене Марсель; р. 1924) — французская артистка. Училась в балетной школе Парижской оперы. Позднее занималась у А.Е. Воынина, Б. Князева. С 1939 г. в труппе Парижской оперы. В 1945–1947 гг. работала в труппе Новый балет Монте-Карло. В 1947 г. солистка труппы «Оригиналь данс рюс». Солистка труппы «Балле де Пари» (1948–1953). В 1954 г. вышла замуж за Р. Пети. Выступала как певица мюзик-холла, драматическая актриса. Снималась в кино.

⁸⁷³ *Шарра* Жанин (Charrat; р. 1924) — французская актриса, балетмейстер. Училась у Ж. Рено, Л. Егоровой, А. Воынина. Выступала и ставила балеты во многих французских труппах (Парижская опера, Балет Елисейских Полей, Новый балет Монте-Карло), в Италии, Швейцарии, Германии, Австрии. В 1950–60-е гг. создала несколько собственных трупп: Балет Жанин Шарра, затем — Балет Франции и др. В 1970 г. организовала школу в Париже.

⁸⁷⁴ *Скорик* Ирэн (Skorik; 1924–2006) — французская балерина, актриса.

⁸⁷⁵ *Нина* — Тихонова Нина Александровна, см. примеч. 827.

Тени русского Парижа: Борис Константинович Билинский

⁸⁷⁶ Первый вариант статьи: *Нечаев В. Тени русского Парижа // Культура. 1999. 11–17 февр. № 5. С. 7.*

⁸⁷⁷ *Майер* Адольф, фон (Meyer; 1881–1929) — немецкий архитектор. В 1910–20 гг. работал в архитектурном бюро В. Гропиуса. С 1919 г. занимался преподавательской деятельностью.

⁸⁷⁸ *Балушек* Ганс (Balushek; 1870–1935) — немецкий художник.

⁸⁷⁹ *Судейкин* Сергей Юрьевич (1882–1946) — живописец, график, театральный художник. Член-учредитель объединения «Мир искусства». С 1920 г. в Париже. Сотрудничал с театрами «Летучая мышь» и «Балаганчик». В 1922 г. выехал с театром Н.Ф. Балиева на гастроли в США, остался в Нью-Йорке. Оформлял балеты А. Павловой, заведовал декорационной частью в труппе М.Н. Кузнецовой-Массне. Участвовал в выставках русских художников в Париже, в галерее «La Voëtie» и в Осеннем салоне.

⁸⁸⁰ *Григорьев* Борис Дмитриевич (1886–1939) — живописец, график. Член объединения «Мир искусства». В 1919 г. через Финляндию эмигрировал в Берлин, а с конца 1920 г. жил в Париже. Участвовал в Осеннем салоне. В 1920–1930-х гг. проходили его персональные выставки в парижских галереях. В 1930 г. преподавал в Русской академии Т.Л. Сухотиной-Толстой в Париже, затем открыл собственную школу (1931).

⁸⁸¹ *Б.л.* Выставка молодых художников // Воскресение (Париж). 1922. № 2. С. 6.

⁸⁸² *Бакст* Лев Самойлович — см. примеч. 689.

⁸⁸³ *Рейнхардт* Макс (Reinhardt; 1873–1943) — немецкий режиссер, актер и театральный деятель. В 1894–1904 гг. актер Немецкого театра в Берлине. В 1902 г. основал «Малый театр», затем — «Новый театр», руководителем которого был в 1903–1906 гг. Возглавлял Немецкий театр (1905–1914 и далее с перерывами до 1933 г.). Открыл при театре драматическую школу. В 1915–1919 гг. в берлинском театре «Фольксбюне», 1919–1920 гг. в театре «Гроссе шаушпиляуэ». В 1923–1937 гг. руководил «Йозефштадттеатром». Был талантливым и смелым экспериментатором в области театральной формы. Искусство Рейнхардта оказало влияние на европейских и американских режиссеров. В 1938 г. эмигрировал в США.

⁸⁸⁴ *Эпштейн* Жан (Epstein; 1897–1953) — французский кинорежиссер, теоретик кино. Им сняты фильмы «Красная гостиница» (1922), «Лев Моголов» (1924), «Двойная любовь» (1925), «Приключения Робера Макера» (1926), «Падение дома Эшер» (1928), «Сердце бродяг» (1935) и др.

⁸⁸⁵ *Мозжухин* Иван Ильич (1889–1939) — актер театра и кино, режиссер, сценарист. С 1907 г. играл в театре при Введенском народном доме в Москве. В кино начал сниматься в 1908 г. Поступил в труппу Московского драматического театра в 1916 г. Снялся в фильмах «Крейцера соната» (1911), «Николай Ставрогин» (1915), «Пиковая дама» (1916) и др. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Снялся в фильмах «Мишель Строгов» (1926), «Дитя карнавала» (1921), «Кин» (1924), «Казанова» (1927), «Лев Моголов» (1924) и др. В 1927 г. уехал в Голливуд. В начале 1930-х гг. вернулся в Париж. Снялся в фильмах «Сержант Икс» (1932), «Тысяча и вторая ночь» (1933), «Ничего» (1936) и др.

⁸⁸⁶ *Комиссаржевский* Федор Федорович (1882–1954) — режиссер, педагог, теоретик театра, художник, переводчик. По образованию архитектор. В 1904–1909 гг. возглавлял постановочную часть Театра В.Ф. Комиссаржевской. В 1910 г. организовал свою студию, открыв при ней Театр им. В.Ф. Комиссаржевской (1914). Работал режиссером Частного театра К.Н. Незлобина в Москве, Оперного театра С.И. Зимина. В 1919 г. уехал за границу. Работал в театрах Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Вены. В 1925 г. в Париже открыл маленький театр «Радуга». Выполнял эскизы костюмов для своих спектаклей. Преподавал в Королевской академии драматических искусств в Лондоне. Автор статей и книг о театре. В 1939 г. уехал в США.

⁸⁸⁷ *Потемкин* Петр Петрович — см. примеч. 276.

⁸⁸⁸ **Анненков** Юрий Павлович (1889–1974) — художник, писатель, режиссер. С 1913 г. оформлял спектакли для московских и петербургских театров. В 1924 г. не вернулся из командировки в Венецию, а в 1925 г. поселился в Париже. Член Союза русских художников во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Выполнял декорации и эскизы костюмов для театра Н.Ф. Балиева (1931–1933), Русского балета Б. Нижинской (1933–1934), «Правжской группы МХТ» (1935) и др. С 1933 г. работал в кинематографе, исполнил декорации и костюмы более чем к шестидесяти фильмам. Автор мемуаров «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» (Нью-Йорк, 1966).

⁸⁸⁹ **Андреев** Михаил Федорович (Андреев-Нечитайло; 1894–1982) — художник, писатель. Работал декоратором в театре Литературно-художественного общества, затем в Камерном театре в Одессе. В 1920 г. эмигрировал в Румынию, Чехословакию. С 1923 г. жил в Париже. Оформлял спектакли Труппы Ф.Ф. Комиссаржевского, Русского балета Дягилева. Выполнял декорации и костюмы для фильмов «Казанова» (1927) и «Шехерезада» (1928) А. Волкова, «Деньги» (1927) М. Л'Эрбье и др. Автор книги рассказов «Перекресток» (Париж, 1979).

⁸⁹⁰ **Бенуа** Николай Александрович (1901–1988) — художник, декоратор. Оформлял спектакли петербургских театров. В 1924 г. по приглашению Национального театра Оперы приехал в Париж. Сотрудничал в театрах «Летучая мышь» и «Фемина», выполнял декорации для балетных спектаклей А. Павловой и И. Рубинштейн. С 1925 г. жил в Италии. Работал художником-декоратором в театре Ла Скала, главным художником Королевской оперы в Риме.

⁸⁹¹ **Асланов** Николай Петрович (1877–1944) — драматический актер, режиссер. Играл в МХТ. В эмиграции жил во Франции. Входил в труппу Русского художественного театра в Берлине (1921), затем в труппу Русской драматической школы Ю.Э. Озаровского в Париже (1921–1922). Открыл в Париже драматическую школу (1922). Играл в составе «Правжской группы» МХТ (1926, 1928), в спектаклях русского Зарубежного камерного театра (1930–1931), Русского интимного театра Д.Н. Кировой (1931), Театра Михаила Чехова (1931), театра «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева, Камерного театра А. Долинова (1934). В 1935 г. вернулся в Россию. Работал в Камерном театре (1938–1943), во МХАТе (1943–1944). Снимался в кино.

⁸⁹² **Тэффи** Надежда Александровна (наст. фам.: урожд. Лохвицкая, в браке Бучинская; 1872–1952) — прозаик, драматург, литературный критик. Публиковалась с 1901 г. В 1910 г. выпустила сборник стихов «Сеть огней». К 1916 г. было уже опубликовано десять книг. В 1918–1919 гг. печаталась в «Киевской мысли», в одесском «Русском слове». В 1919 г. эмигрировала через Константинополь в Париж. С 1921 г. член Союза русских писателей и журналистов в Париже, в 1930–40-е гг. член правления. Гражданская жена П.А. Тикстона. Автор книг «Русь» (1923), «Городок» (1927), «Книга Июнь» (1931), «Ведьма» (1936), «Все о любви» (1946), «Земная радуга» (1952) и др. См. о ней с. 343–344 наст. изд.

⁸⁹³ **Авдеенко** Н. — художник. Дополнительных сведений найти не удалось.

⁸⁹⁴ **Кривуц** Владимир Федорович (1901–1972?) — живописец, сценограф. Организовал и возглавил ателье, где создавались рисунки тканей для фирмы П. Пуаре. Работал для театра «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева и кинематографа. Оформил балет «Капризы бабочек» для творческого вечера О. Спесивцевой (1928). В 1946 г. поселился в Бразилии.

⁸⁹⁵ **Смирнов** Дмитрий Алексеевич (1882–1944) — оперный и камерный певец (лирико-драматический тенор), педагог. В 1903 г. дебютировал в театре «Эрмитаж» в партии Ленского («Евгений Онегин» П.И. Чайковского). Выступал на сцене Московской частной русской оперы С.И. Мамонтова. В 1904–1919 гг. солист Большого театра, пел в Мариинском театре. Участвовал в «Русских сезонах» С.П. Дягилева в

Париже. С 1920 г. в эмиграции. Исполнял ведущие теноровые партии в спектаклях Русской оперы кн. А. Церетели и В. де Базиля в Париже. Периодически жил в Риге, вел концертную и педагогическую деятельность.

⁸⁹⁶ *Билибин* Иван Яковлевич — см. примеч. 690.

⁸⁹⁷ *Коровин* Константин Алексеевич — см. примеч. 692.

⁸⁹⁸ *Миллиоти* (Милиоти) Николай Дмитриевич (1874–1962) — живописец, сценограф. Один из учредителей объединения «Мир искусства». Участник Первой мировой войны. В 1918 г. председатель Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма. С 1920 г. в эмиграции. Недолго жил в Софии, в 1921–1922 гг. жил в Берлине, а с 1923 г. поселился в Париже. Оформлял спектакли для разных театров. В 1930 г. преподавал в Русской художественной академии Т.Л. Сухотиной-Толстой. Член правления Союза деятелей русского искусства во Франции (с 1931).

⁸⁹⁹ *Соломко* Сергей Сергеевич (1867–1928) — художник-график, акварелист. С 1910 г. жил в Париже. Иллюстрировал книги парижских издательств. В 1924–1926 гг. выступал на открытии сезонов Русского артистического общества. Принимал участие в деятельности Русского художественно-промышленного института.

⁹⁰⁰ *Сологуб* Леонид Романович (наст. фам. Салогуб; 1884–1956) — художник, архитектор. В 1912 г. основал Объединение живописцев, архитекторов, скульпторов. Во время Первой мировой войны доброволец, штабс-капитан лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады. В начале 1919 г. выехал в Сибирь и на Дальний Восток. Затем эмигрировал через Грецию в Италию. Потом жил в Гааге.

⁹⁰¹ *Экстер* Александра Александровна (урожд. Григорович; 1882–1949) — художник, сценограф, педагог. Участвовала в выставках русских художников-авангардистов: «Треугольник» (1910), «Бубновый валет» (1910–1917), «Магазин» (1916) и др. С 1915 г. работала в московском Камерном театре. Сотрудничала в «Школе движения» Б.Ф. Никитинской, оформляла театральные постановки, в том числе и для МХТ (1920–1922). Преподавала в Высших государственных художественно-технических мастерских (1921–1922). В 1924 г. выехала в Италию для организации советского павильона на Международной биеннале в Венеции. В Россию не вернулась, жила в Париже. В 1924–1925 гг. сотрудничала с балетной труппой «Русский романтический театр» Б.Г. Романова.

⁹⁰² *Волконский С.М.* С. Лисим // Последние новости (Париж). 1928. 27 апр. № 2226. С. 3.

⁹⁰³ «Руслан и Людмила»: (Из беседы с Н.Н. Евреиновым) // Последние новости (Париж). 1930. 23 мая. № 3329. С. 2.

⁹⁰⁴ *Светлов В.Я.* Русский балет из Монте-Карло // Возрождение (Париж). 1933. 21 июня. № 2943. С. 3.

⁹⁰⁵ «Титанус-фильм» — известная итальянская киностудия.

⁹⁰⁶ «Пиковая дама» — о какой постановке идет речь, установить не удалось. В архиве Б.К. Билинского никаких следов работы над оперой не осталось.

⁹⁰⁷ *Дисней Уолт* (Disney; наст. имя Уолтер Элайас; 1901–1966) — американский кинорежиссер, мультипликатор, художник, продюсер. Снял циклы короткометражных фильмов с постоянными персонажами (утенок Дональд, мышонок Микки и др.), полнометражные мультфильмы «Белоснежка и семь гномов» (1938), «Бэмби» (1942) и др. В 1929 году вышел его фильм «Танец скелетов» на музыку К. Сен-Санса, положивший начало серии «Наивных симфоний». В 1940 г. создал фильм «Фантазия».

⁹⁰⁸ *Щербатов С.* Незавершенный «Апокалипсис»: Памяти художника Б. Билинского // Русская мысль (Париж). 1948. 3 февр. № 48. С. 5.

Неожиданный собеседник:
Владимир Дмитриевич Безыменский

⁹⁰⁹ *Безыменский* Лев Александрович (1920–2007) — писатель, журналист, историк, германист, профессор Академии военных наук.

⁹¹⁰ *Седовень* Елена Алексеевна (1894–1978) — артистка оперы (меццо-сопрано), камерная певица. В 1916 г. пела на сцене Большого театра, в 1917–1918 гг. солистка Мариинского театра. Затем в Одесском оперном театре (1918–1919), в Киевской опере (1919–1920). В 1920 г. уехала в Париж. Выступала в Гранд-опера, Опера-Комик. Преподаватель Парижской русской консерватории им. С. Рахманинова.

^{911/912} *Джилли* Беньямино (Gigli; 1890–1957) — итальянский певец (тенор). В 1918 г. пел в театре Ла Скала, 1920–1930 гг. — на сцене Метрополитен-опера (Нью-Йорк). С 1932 г. пел в театре Ла Скала. Один из выдающихся оперных певцов первой половины XX в.

⁹¹³ *Альфонс XIII* (1886–1941) — испанский король. В 1931 г. был изгнан из страны революцией.

⁹¹⁴ *Ильина* Вера Николаевна (1912–2004) — жена В.Н. Ильина. В 1928 г. секретарь издательства «YMCA-Press» в Париже. Основала агентство недвижимости.

⁹¹⁵ *Ильин* Владимир Николаевич (1891–1974) — богослов, философ, композитор. Преподавал философию в Киевском университете. В 1919 г. эмигрировал сначала в Константинополь, с 1923 г. в Берлине, с 1925 г. в Париже. В 1927–1940 гг. преподавал литургику, историю философии в Св.-Сергиевском православном богословском институте. Деятели РСХД. Член Религиозно-философской академии.

⁹¹⁶ *Кэрролл* Эдит Мадлен (Carroll; 1906–1987) — английская актриса театра и кино. Кинодебют состоялся в Англии в 1928 г. В 1935 г. А. Хичкок пригласил ее в Голливуд сниматься в своих фильмах. Была популярна в 1930–40-е гг.

⁹¹⁷ *Лифарь* Серж — см. примеч. 795.

⁹¹⁸ *Майоль* Аристид (Maillol; 1861–1944) — французский скульптор.

⁹¹⁹ *Алефельдт* Лиллан — Инга-Лиза д'Алефельдт-Лаурвиг, графиня, жена С. Лифаря.

⁹²⁰ *Бушен* Дмитрий Дмитриевич (1893–1993) — художник, график, декоратор. Работал хранителем Эрмитажа. С 1925 г. жил в Париже. Разрабатывал рисунки тканей и моделей одежды для французских домов моды. Создал эскизы костюмов для А. Павловой (1926), а также для спектаклей Парижской оперы, Театра Елисейских Полей, Русского балета Монте-Карло, миланского Ла Скала и др.

⁹²¹ *Дитрих* Марлен (Dietrich; наст. имя и фам. Мария Магдалена фон Лош; 1901–1992) — немецкая и американская киноактриса и певица.

⁹²² *Кузвас* Жорж, де, маркиз — см. примеч. 868.

⁹²³ *Ирш* Жорж (1895–1974) — директор парижской Национальной оперы в 1946–1951 гг. и в 1956–1959 гг.

⁹²⁴ *Левасир* — врач, однокурсник В.Д. Безыменского.

⁹²⁵ *Ле Пен* Жан-Мари (Le Pen; р. 1928) — французский политик, в 1951 г. член парламента.

⁹²⁶ *Толстой* Сергей Михайлович (1911–1996) — граф, врач, писатель, деятель культуры, общественный деятель. Эмигрировал с родителями в 1920 г. Жил в Марокко, во Франции. Генеральный секретарь Медицинского общества в Париже. Принимал участие в культурной жизни русского Парижа. Член Союза русских дворян.

⁹²⁷ *Ростропович* Мстислав Леопольдович (1927–2007) — виолончелист, дирижер, пианист, композитор. Окончил Московскую государственную консерваторию. Лауреат Сталинской, Государственных и Ленинской премий. Народный артист СССР. В 1974 г. выслан из Советского Союза за диссидентскую деятельность, лишен гражданства (восстановлен в 1990 г.). Жил в Париже. В 1977–1994 гг. возглавлял Вашингтонский симфонический оркестр. Вел концертную деятельность.

⁹²⁸ **Буков Юрий Георгиевич** (р. 1923) – болгарский пианист. Воспитанник двух музыкальных школ, болгарской и французской. Народный артист Болгарии, лауреат международных конкурсов. Мать – русская.

⁹²⁹ **Бриннер Юл** (наст. имя Юлий Борисович; 1915–1985) – американский киноактер. Родился в России. Детство провел в Китае, затем переехал в Париж, пел в русских ресторанах. Был стажером и одновременно машинистом сцены в труппе Ж. Питоева. С 1934 г. снимался в кино. Играл в Студенческой драматической студии А.И. Долинова (1938). В 1941 г. уехал в США. Снялся в фильмах «Король и я» (1956), «Путешествие» (1959), «Завещание Орфея» (1960) и др.

⁹³⁰ **Кессель Жозеф** (наст. имя Иосиф Самуилович; 1898–1979) – писатель, журналист, летчик. В 1905–1908 гг. учился в гимназии в Оренбурге. В 1908 г. семья поселилась во Франции. Окончил авиационную школу, был военным летчиком в Первую мировую войну. Окончил филологический факультет Сорбонны (1922). Работал журналистом. В начале Второй мировой войны перебрался в Англию, где служил во французской эскадрилье. Автор ряда книг. В 1962 г. избран во Французскую академию.

⁹³¹ **Пикассо Пабло** – см. примеч. 680.

⁹³² **Мясин Леонид Федорович** – см. примеч. 704.

⁹³³ В 1961, 1968, 1969 и 1976 гг. С. Лифарь посещал Советский Союз. Он безвозмездно передал в дар Пушкинскому Дому некоторые автографы А.С. Пушкина. Лифарь хотел, чтобы один из его балетов был поставлен на сцене Большого театра, и собирался подарить 11 писем А.С. Пушкина к Н.Н. Гончаровой. Но власть не решилась на постановку балета. Однако С. Лифарь хотел, чтобы письма Пушкина вернулись в Россию. В 1988 г. вдова С. Лифаря продала эти 11 писем Пушкинскому Дому.

⁹³⁴ **Давыдова Мария Самойловна** (в браке Скобелева; 1889–1987) – оперная певица (меццо-сопрано), педагог. В 1912–1918 гг. выступала в Театре музыкальной драмы в Петрограде, в Оперном театре С. Зимина в Москве. В 1913–1914 гг. гастролировала в Париже и Лондоне («Русские сезоны» Дягилева). В 1925–1926 гг. пела на сцене московского Большого театра и Государственного академического театра оперы и балета в Ленинграде. В конце 1926 г. уехала в Париж, где выступала в Русской частной опере М.Н. Кузнецовой-Массне, Русской опере под управлением М.Э. Кашука и др. Гастролировала в Латинской Америке, Лондоне, Бельгии, Испании. В Русской консерватории в Париже поставила оперы «Борис Годунов», «Царская невеста». После 1945 г. профессор пения и режиссер оперного класса в Русской консерватории в Париже. В 1960 г. принимала участие в премьере балета С. Лифаря «Пиковая дама», в котором исполняла партию Графини. В 1963 г. приезжала в Советский Союз.

⁹³⁵ **Габен Жан** (Gabin; наст. имя и фам. Жан Алексис Монкорже; 1904–1976) – французский актер. С 1923 г. выступал в музыкальных ревю и опереттах. С 1930 г. снимался в кинофильмах «Каждому может повезти» (1930), «Великая иллюзия» (1937), «Набережная туманов» (1938), «По ту сторону решетки» (1948), «Не тронь добычу» (1954), «Месье» (1964) и др.

⁹³⁶ **Буш-старший** (Bush; наст. имя и фам. Джордж Герберт Уокер; р. 1924) – 41-й президент США (с 1989 г.). В 1967–1970 гг. член палаты представителей, в 1971–1973 гг. на дипломатических постах. В 1976–1977 гг. директор ЦРУ. В 1981–1989 гг. вице-президент США.

⁹³⁷ **Жаров Сергей Алексеевич** (1896–1985) – хормейстер, регент. В Первую мировую войну руководил хором военных инвалидов. Участник Гражданской войны. В 1920 г. эвакуировался на о. Лемнос. Жил в Болгарии. В 1921 г. создал Хор донских казаков и стал его бессменным руководителем. В течение полувека хор гастролировал по всему миру. После 1945 г. жил в США.

⁹³⁸ **Рахманинов Сергей Васильевич** (1873–1943) – композитор, пианист, дирижер. Окончил Московскую консерваторию. Дирижер Московской русской част-

ной оперы С. Мамонтова, Большого театра (1904–1906). В 1917 г. эмигрировал во Францию, затем поселился в США. В 1928–1933 гг. в Париже давал сольные концерты, выступал с симфоническим оркестром под управлением Я.А. Горенштейна. Один из основателей Русской консерватории в Париже (1924).

⁹³⁹ *Гржебина* Ирина Зиновьевна — см. примеч. 869.

⁹⁴⁰ *Свенсон* Глория (Swanson; 1899–1983) — американская киноактриса. В кино с 1913 г. Снималась в фильмах «На радость и на горе» (1919), «Похождения Анатоля» (1926), «Королева Келли» (1928) и др. С приходом звука в кино утратила популярность, снималась редко. В 1974 г. снялась в фильме «Аэропорт».

⁹⁴¹ *Дарье* Даниель (Darrieux; р. 1917) — французская киноактриса. В 14 лет дебютировала в кино. Снималась в фильмах «Правда о малютке Донж» (1951), «Мадам де...» (1953), «Красное и черное» (1954), «Мари-Октябрь» (1959), «Дьявол и десять заповедей» (1962). Работала также в театре.

⁹⁴² *Питоев* Саша (наст. имя Александр Георгиевич; 1920–1990) — артист, режиссер, театральный деятель. Сын Жоржа и Людмилы Питоевых. Окончил театральную школу под руководством Луи Жуве при театре «Атеней». Театральную карьеру начал в 1938 г. В 1939 г. в Швейцарии участвовал в последней постановке Ж. Питоева «Враг народа». С 1939 г. выступал и как режиссер своей матери. Был помощником режиссера в труппе Л. Питоевой. Постоянно работал в Париже, основал компанию «Питоев». В 1960-х гг. возглавлял Модернистский театр, 1970-е гг. — Школу драматического искусства.

⁹⁴³ *Питоев* Жорж (наст. имя Георгий Иванович; 1884–1939) — артист, режиссер, деятель театра. В 1908 г. работал в Театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге, затем как актер и режиссер в Передвижном театре П. Гайдебурова и Н. Скарской. В 1912 г. участвовал в создании «Нашего театра», с которым гастролировал по России. В 1914 г. уехал во Францию. В 1918 г. с женой Л. Питоевой организовал труппу «Театр Питоевых». В 1927 г. совместно с Л. Жуве, Ш. Дюлленом, Г. Бати основал театральный союз «Картель», прогрессивное режиссерское объединение.

⁹⁴⁴ *Жуве* Луи (Jouvet; 1887–1951) — французский режиссер, актер, педагог. С 1934 г. руководитель театра «Атеней» (Париж).

⁹⁴⁵ *Дюллен* Шарль (Dullin; 1885–1949) — французский актер, педагог. В 1922 г. основал театр «Ателье».

⁹⁴⁶ *Бати* Гастон (Baty; 1885–1952) — французский режиссер. В 1930–1947 гг. глава театра «Монпарнас-Бати».

⁹⁴⁷ *Питоева* Людмила Яковлевна (урожд. Сманова; 1895–1951) — артистка, деятель театра. Жена Ж. Питоева, мать С. Питоева. В 1909 г. после окончания Института благородных девиц св. Нины вместе с родителями переехала в Париж. Сценическую деятельность начала в 1916 г. В 1918 г. вместе с мужем создала труппу «Театр Питоевых». Играла в постановках Ж. Питоева главные женские роли в пьесах Г. Ибсена, Б. Шоу, К. Гольдони. С 1939 г. жила в Швейцарии, в годы войны — в США и Канаде. В 1946 г. вернулась с сыном в Париж. Снималась в фильмах.

⁹⁴⁸ *Одоевцева* Ирина Владимировна — см. примеч. 627.

⁹⁴⁹ *Лепешинская* Ольга Васильевна (1916–2008) — артистка балета, народная артистка СССР. В 1933–1963 гг. выступала на сцене Большого театра. Педагог-консультант в Венеции, Швеции, ФРГ, ГДР.

⁹⁵⁰ *Плисецкая* Майя Михайловна (р. 1925) — артистка балета. Народная артистка СССР (1959). С 1943 г. солистка Большого театра.

⁹⁵¹ *Малахов* Владимир Анатольевич (р. 1958) — артист балета. В 1986 г. окончил Московское хореографическое училище. Работал в Московском государственном театре балета. С 1991 г. в Штутгартском театре.

⁹⁵² *Фраччи* Карла (Fracchi; р. 1936) — итальянская балерина. После окончания школы, с 1954 г. солистка театра Ла Скала, с 1958 г. прима-балерина. В 1959–1960 гг. гастролировала в труппах «Фестиваль балле» и «Европейский балет Мяси́на».

Глазами очевидца:
Сергей Георгиевич Поволоцкий

⁹⁵³ *Клейнмихель* Мария Эдуардовна (1846–1931) — графиня. На ее каменно-островской даче проходили знаменитые балы-маскарады. Написала воспоминания «Из потонувшего мира» (рукопись).

⁹⁵⁴ *Лидия* Николаевна Назарова (1904–?) — артистка Малого театра, вторая жена Д. Бедного.

⁹⁵⁵ *Вера Руфовна* Придворова (1887–1958) — первая жена Д. Бедного.

⁹⁵⁶ *Нечаев В.* Ненаписанные воспоминания // *Минувшее: Ист. альм.* Т. 16. М.: Atheneum ; СПб. : Феникс, 1994. С. 106.

⁹⁵⁷ *Либо А.* — лодзинский врач. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁹⁵⁸ *Поволоцкий С.* Письма Ленина и Крупской // *Русский голос* (Варшава). 1958. 1–15 апр. № 5 (48). С. 12.

⁹⁵⁹ Воспоминания Б. Полевого о Демьяне Бедном найти не удалось.

⁹⁶⁰ *PZPR* — Польская объединенная рабочая партия (*Polska zjednoczona partia robotnicza*), основана в 1948 г. слиянием Польской рабочей партии и Польской социалистической партии.

⁹⁶¹ *Кобылянский Я.* Пушкин в Кишиневе // Бессарабец (Кишинев). 1899. 22 мая.

⁹⁶² *Назимов Н.И.* — дальний родственник хозяйки дома, управляющий ее делами. Дополнительные сведения установить не удалось.

⁹⁶³ «*Лев Толстой*» — видимо, имеется в виду картина «Л. Толстой, обнимающий Христа» (1915) польского художника Яна Стыки (1858–1925). Ранее Я. Стыка написал портрет Л.Н. Толстого (1909).

⁹⁶⁴ *Поволоцкий С.* В гостях у невестки Пушкина // РО ЦНБ СТД. Архив С.Г. Поволоцкого. Оп. 1. Д. 11.

⁹⁶⁵ *Он же.* Воспоминания об Алексее Каплере // Там же. Д. 2. Л. 1.

⁹⁶⁶ См.: *Шамраев Н., Грачева Л.* Путь к сердцам людей. М., 2008. С. 31.

⁹⁶⁷ *Поволоцкий С.* Воспоминания о необыкновенном театре за Полярным кругом // РО ЦНБ СТД. Архив С.Г. Поволоцкого. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 20.

⁹⁶⁸ РО ЦНБ СТД. Архив С.Г. Поволоцкого. Оп. 1. Д. 4, 5.

С.Г. Поволоцкий. Встреча в Брюсселе (Анна Павлова)

⁹⁶⁹ Строки из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839. Ч. 2).

⁹⁷⁰ *Гретхен* (Маргарита) — возлюбленная Фауста, героиня первой части трагедии И.-В. Гете «Фауст» (1808).

Концерт Рахманинова

⁹⁷¹ *Рахманинов* Сергей Васильевич — см. примеч. 938.

⁹⁷² ...композитор выступает с единственным концертом в одном из парижских концертных залов перед своим отъездом в Америку. — 2 декабря 1928 г. в парижском Театре Елисейских Полей состоялся концерт С.В. Рахманинова. В программе исполнялись произведения Баха, Шопена, Листа и др.

⁹⁷³ ...я корреспондент одной газеты, издающейся в Польше... — В 1928 г. С.Г. Поволоцкий был корреспондентом газеты «Слово», издававшейся в Вильно (ред. Чеслав Янковский).

⁹⁷⁴ *Бузони* Ферруччо Бенвенуто (Busoni; 1866–1924) — итальянский пианист, композитор, дирижер, педагог.

⁹⁷⁵ *Галковский* (Галкаускас) Константин Михайлович (1875–1963) — композитор, дирижер. Народный артист Литовской ССР. В 1908 г. окончил Петербургскую

консерваторию. В 1909 г. организовал симфонический оркестр в Вильнюсе. Вел педагогическую работу, с 1947 г. профессор Вильнюсской консерватории.

Сеньора из Ленинграда:
Людмила Васильевна Бенвенуто

⁹⁷⁶ *Нечаева А. А.* Санину посвящается: Вечер в музее // Вечерняя Москва. 1994. 14 апр. № 69.

⁹⁷⁷ *Даманская А.* На экране моей памяти. *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов в годы бедствий. СПб.: Мир, 2006. С. 130.

Т.Б. Проскурникова. [Рассказ Людмилы Васильевны Бенвенуто]

⁹⁷⁸ *Туринцев Александр Александрович* — см. о нем с. 240–246 наст. изд.

⁹⁷⁹ *Санин Александр Акимович* (наст. фам. Шенберг; 1869–1956) — актер, режиссер, деятель музыкального театра. С 1898 г. сорежиссер К.С. Станиславского. Один из ведущих артистов МХТ. В 1902–1907 гг. актер и преподаватель сценического искусства в Александринском театре. Работал в театрах Петербурга, а также в Большом и Малом театрах в Москве. В 1908–1911 гг. главный режиссер в антрепризе оперных спектаклей «Русских сезонов» С.П. Дягилева. В 1918–1919 гг. режиссер фильмов «Девьи игры», «Поликушка» и др. С 1922 г. жил сначала в Берлине, затем в Париже. Осуществил ряд постановок, в том числе в Русском театре поставил «Хорошую жизнь» И.А. Бунина, работал в основном в музыкальном театре: в Русской опере кн. А. Церетели и В. де Базиля, в Русском театре в Париже С. Юшкевича, в театре «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева. С 1931 г. периодически работал в оперных театрах США, Европы. Переехал из Франции в Италию, где работал в театре Ла Скала.

⁹⁸⁰ *Вера Игнатьевна Горемыкина* (в браке Петкевич; 1888–1975) — дочь действительного статского советника, члена Казанского окружного суда И.И. Горемыкина и его жены В.А. Горемыкиной (урожд. Калачовой).

⁹⁸¹ *Петкевич Георгий Болеславович* (1873–1937) — воронежский генерал-губернатор, вице-губернатор Пензы и Саратова.

⁹⁸² *Кира Георгиевна Волконская* (урожд. Петкевич; 1911–1995) — мать композитора Андрея Волконского.

⁹⁸³ *Волконский Михаил Петрович* (1891–1961) — переводчик, профессиональный певец, пел в Белградской опере, в Париже.

⁹⁸⁴ *Волконский Андрей Михайлович* (1933–2008) — композитор. Родился в Женеве. В 1947 г. вернулся с родителями на родину. Учился в Московской консерватории. Организатор и руководитель ансамбля старинной музыки «Мадригал». Выступал как клавесинист и органист. С 1972 г. жил за границей, в основном во Франции.

⁹⁸⁵ *Мария Георгиевна Петкевич* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁹⁸⁶ *Ирина Георгиевна Петкевич* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁹⁸⁷ Книгу о сестрах Горемыкиных найти не удалось.

⁹⁸⁸ *Карцевский Сергей Иосифович* (1884–1955) — русский языковед. В 1920 г. уехал из России, преподавал в Страсбургском университете. С 1923 г. жил в Праге, создатель Пражского лингвистического кружка. В 1928 г. переехал в Женеву, один из активных участников Женевской лингвистической школы.

⁹⁸⁹ *Черносвитова Евгения Александровна* (1903–1974) — переводчица, преподавательница иностранных языков. В 1926 г. работала секретарем у Р.-М. Рильке.

⁹⁹⁰ *Карцевский* Игорь Сергеевич (р. 1921) — переводчик.

⁹⁹¹ *Щепкина-Куперник* Татьяна Львовна (1874–1952) — писательница, переводчица. Правнучка актера М.С. Щепкина, сестра А.Л. Щепкиной. Писала рассказы о жизни народа. Автор 3 стихотворных сборников. Писала пьесы. Первая ее пьеса «Летняя картинка» (1892) была поставлена в Малом театре. С 1894 г. и до конца жизни Щепкина-Куперник работала над переводом драматических произведений Э. Ростана, У. Шекспира, Лопе де Вега, Мольера, К. Гольдони, Р.-Б. Шеридана и др. Автор мемуаров «Дни моей жизни» (1928), «О М.Н. Ермоловой» (1940), «Театр в моей жизни» (1948).

⁹⁹² *Куперник* Анна Львовна (наст. фам. Щепкина-Куперник; 1883–1975) — врач-дерматолог, косметолог, общественный деятель. В 1922 г. эмигрировала в Германию. В 1923 г. переехала во Францию. Имела частную практику. С 1932 г. член правления Комитета помощи больным и нуждающимся студентам, член правления Русской секции университетских женщин.

⁹⁹³ *Жак-Далькроз* Эмиль (1865–1950) — швейцарский композитор и педагог. Основатель системы ритмического воспитания. Метод Жака-Далькроза построен на связи музыки и движения. В 1911–1914 гг. преподавал ритмическое воспитание в спецшколе в Хеллерау, а с 1915 г. в созданном им Институте Жака-Далькроза в Женеве. Подобные школы были созданы в Стокгольме, Лондоне, Париже, Вене, Барселоне и др. городах.

⁹⁹⁴ *Волконский* Сергей Михайлович (1860–1937) — театральный деятель. Директор императорских театров (1899–1901). Пропагандировал теории Э. Дельсарта и Э. Жака-Далькроза, т.е. требовал от актеров точного и сознательного управления своей речью и движением. После 1917 г. преподавал искусство сценической речи в Художественном театре и в Оперной студии Большого театра.

⁹⁹⁵ *Будберг* Мария Игнатьевна (урожд. Закревская, в 1-м браке Бенкендорф; 1892–1974) — баронесса, секретарь А.М. Горького с 1919 г. Любовница Р. Локкарта, Г. Уэллса. Ей посвящена книга Н. Берберовой «Железная женщина» (1981).

⁹⁹⁶ *жена профессора Карцевского* — Карцевская Евгения Евгеньевна, врач, общественный деятель. Даты жизни установить не удалось.

⁹⁹⁷ *дочь купца Селитрина* — дополнительных сведений установить не удалось.

⁹⁹⁸ *Юнг* Анна (1906–?) — общественный деятель. Дочь К.-Г. Юнга и психиатра Сабины Шпильрейн, уроженки Ростова-на-Дону, погибшей там же в 1942 г. Автор статьи «Русский Патриарший приход в Женеве» (Журнал Московской Патриархии. 1967. № 1).

⁹⁹⁹ *Серафим* (Родионов Владимир Иванович; 1905–1997) — архиепископ. Окончил гимназию и Училище живописи, ваяния и зодчества, затем учился на физико-математическом факультете Московского университета. В 1923 г. эмигрировал в Париж. Окончил Академию художеств. Работал художником. В 1934 г. поступил в Св.-Сергиевский православный богословский институт, но был исключен за приверженность юрисдикции Московской патриархии. Продолжил учебу на филологическом факультете Сорбонны. В 1937 г. пострижен в монашество, затем — иеромонах (1939). В 1939 г. помощник настоятеля храма Трехсвятительского подворья. В 1939–1940 гг. санитар во французской армии. В 1944–1945 гг. исполнял обязанности настоятеля храма Трехсвятительского подворья, в 1945–1948 гг. помощник настоятеля. В 1949–1993 гг. настоятель Воскресенской церкви в Цюрихе и церкви Рождества Богородицы в Женеве (1957–1961). С 1952 гархимандрит, затем епископ Цюрихский, викарий Западно-Европейского экзархата Московской патриархии (1971). В 1989 г. возведен в сан архиепископа.

¹⁰⁰⁰ *Таиров* Александр Яковлевич (наст. фам. Корнблит; 1885–1950) — режиссер. В 1914 г. создал Камерный театр. В 1917 г. стал первым председателем Московского союза артистов. В 1919–1936 гг. член президиума ЦК Рабис, с 1944 г. вице-президент театральной секции ВОКСа.

¹⁰⁰¹ *Мак-Дермот* Нил (1916–1996) — муж Л.В. Бенвенуто. Служил в английской разведке. Закончил Вторую мировую войну в чине полковника. Работал в Министерстве иностранных дел Великобритании.

¹⁰⁰² *Трахтенберг* Рафаил Михайлович (1893–1968) — заведующий Бюро русских переводов в ООН.

¹⁰⁰³ *Тукалевская* Тамара Владимировна (1905–1965) — поэтесса, художница. С 1918 г. жила с матерью в Финляндии. С 1925 г. в Праге, участница литературного объединения «Скит». В 1935 г. познакомилась с М.И. Цветаевой. Перед отъездом в СССР Цветаева оставила у Тукалевской пакет с рукописями, которые после войны были переданы М. Слониму. В 1939 г. окончательно переезжает во Францию. Умерла в Женеве.

¹⁰⁰⁴ *Гальперин* Иона Соломонович (р. 1921) — политик, переводчик. Ребенком вывезен из России. Окончил университет в Цюрихе. Переводчик в ООН, в 1966–1967 гг. руководитель переводческого отдела ООН.

Ничто не проходит бесследно:

Михаил Николаевич Каракаш и Елизавета Ивановна Попова

¹⁰⁰⁵ *Шаляпин* Федор Иванович — см. примеч. 97.

¹⁰⁰⁶ «*Vous qui pleurez*» — «Вы, которые плачете» (фр.), начальные слова известного романа «Сгусифи́х» («Распятие») для дуэта тенора и баритона Ж.-Б. Фора на стихи В. Гюго.

¹⁰⁰⁷ *Коршунов Г.Ф.* Воспоминания [Машинопись] // РО ЦНБ СТД. Собрание мемуаров.

¹⁰⁰⁸ *Ю.К.* «Евгений Онегин» [Вырезка из газеты «Новое время» от 21 янв. 1922 г.] // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Д. 81. Л. 18.

¹⁰⁰⁹ [Обзор прессы об участии Е.И. Поповой в опере «Черевички» П.И. Чайковского со ссылкой на газету «Биржевые ведомости» от 19 дек. 1911 г. : Вырезка из газеты] // Там же. Д. 80. Л. 2.

¹⁰¹⁰ *Немирович-Данченко Вл.И.* Творческое наследие. Т. 2. Письма 1908–1922. М. : МХТ, 2003. С. 532.

¹⁰¹¹ *Б.п.* Концерт сербской песни г-жи Лизы Поповой [Вырезка из газеты «Время» от 5 апр. 1928 г.] // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Д. 83. Л. 50.

¹⁰¹² *Трубецкой* Никита Сергеевич (1877–1963) — князь, военный историк, общественный и церковный деятель. Муж балерины Л.Н. Егоровой. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции с 1920 г. Жил во Франции. Член-основатель Общества охранения русских культурных ценностей (1958). Один из основателей, а с 1958 г. председатель Общества любителей русской военной старины. С 1952 г. товарищ председателя Генеалогической комиссии Союза русских дворян. Председатель Особого комитета по сбору средств на ремонт собора Св. Александра Невского в Париже.

¹⁰¹³ *Владимиров* Петр Николаевич (1893–1970) — артист балета, педагог. После окончания Петербургского театрального училища солист Мариинского театра (1911–1919). В 1912 и в 1914 гг. выступал в Русском балете Дягилева. С 1920 г. в эмиграции в Париже. Танцевал в спектаклях Русского балета Дягилева (1921–1922). В 1928–1931 гг. работал в труппе А. Павловой. В 1934 г. уехал в США, где работал главным преподавателем Школы американского балета в Нью-Йорке (1934–1967).

¹⁰¹⁴ *я* — Нури-Хаджич Бахрия (1904–1993) — сербский певец, солист Национального театра в Белграде.

¹⁰¹⁵ *Дубровская* Фелицата Леонтьевна — см. примеч. 708.

¹⁰¹⁶ *Егорова* Любовь Николаевна — см. примеч. 848.

¹⁰¹⁷ *Васильев* Федор Алексеевич (наст. фам. Васильев-Филипченко; 1876–?) — артист Мариинского театра (с 1894), балетмейстер, педагог. В эмиграции жил во Франции. В 1920 г. преподавал на курсах хореографии артистов Петроградского балета, вел курс пластики на киностудии Л. Рындиной. В начале 1930-х гг. открыл в Медоне Студию хореографического искусства. Работал в Русской опере под управлением К.Д. Агренева-Славянского.

¹⁰¹⁸ *Вальска* Ганна (1887–1984) — польская оперная певица (сопрано).

¹⁰¹⁹ *Узунова-Васенкова* Ксения Владимировна — певица, бывшая артистка Оперы С. Зимина. Дополнительные сведения установить не удалось.

¹⁰²⁰ *театр Зимина* — Оперный театр Зимина, частный театр в Москве, основан в 1904 г. С.И. Зиминным (1875–1942). В 1917 г. театр стал государственным и получил наименование Театра Совета рабочих депутатов; в 1919–1920 гг. назывался Малая государственная опера. В 1922–1924 гг. — товарищество «Свободная опера Зимина».

¹⁰²¹ *Животовские* — семейство Давида Леонтьевича Животовского (?–1930), промышленника, купца 1-й гильдии и благотворителя, председателя правлений Северного экспортного акционерного общества и Общества для производства ламп «Орион». В первые дни революции 1917 г. пожертвовал свой дом и миллион рублей на устройство «Дома Свободы». В эмиграции жил во Франции.

¹⁰²² *Ермольев* Иосиф Николаевич (1889–1962) — продюсер, предприниматель в кинематографе. Работал в московском представительстве французской фирмы «Патэ». Построил киностудию. Один из основателей русской кинематографии. С 1920 г. жил в Париже. В 1923–1932 гг. работал в Германии. Организовал кинематографическое предприятие «Ермольев-Синема». С 1936 г. работал в фирме «Gaumont-Franko-Film-Auber». Переехал в США.

¹⁰²³ *Мозжухин* Иван Ильич — см. примеч. 885.

¹⁰²⁴ *Лисенко* Наталья Андреевна (1886–1969) — артистка театра и кино. Окончила школу МХТ. Играла в Драматическом театре Ф.А. Корша. Была партнершей И.И. Мозжухина. В 1920 г. эмигрировала в Париж. Снималась в фильмах «Дитя карнавала» (1921), «Бури» (1922), «Кин» (1924), «Лев Моголов» (1924), «Пиковая дама» (1916–1937). Преподавала в парижской студии киноведческих искусств (1924). Была в труппе Русского театра (1927), Русского зарубежного камерного театра (1931), Русского драматического театра (1936–1937).

¹⁰²⁵ *Кованько* Наталья Ивановна (1899–1967) — жена В.К. Туржанского, киноактриса. Снималась в кино с 1918 г. В 1920 г. эмигрировала сначала в Германию, затем в Италию, потом переехала во Францию. Снималась в фильмах В.К. Туржанского «Сказки 1000 и одной ночи» (1921), «Ночь карнавала» (1922), «Песнь торжествующей любви» (1923), «Мишель Строгов» (1926) и др.

¹⁰²⁶ *Римский* Николай Александрович (наст. фам. Курмашев; 1886–1941) — актер, режиссер театра и киносценарист. В России работал на кинофабриках Г. Либкена и И.Н. Ермольева с 1915 г. В 1920 г. эмигрировал через Константинополь и Бизерту в Марсель, затем переехал в Париж. Снимался на киностудии И.Н. Ермольева, потом на студии «Альбатрос» в Монтре (под Парижем). Играл в фильмах «Роковой срок» (1921), «Дикарка» (1922), «Дама в маске» (1928), «Не целуй меня в губы» (1930), «Патриот» (1938) и др. С 1935 г. в труппе Русского зарубежного камерного театра. Член Объединения русских деятелей литературы и искусства.

¹⁰²⁷ *Туржанский* Вячеслав (Виктор) Константинович (1891–1976) — кинорежиссер, артист, художник, сценарист. В кино снимался с 1913 г. Участник Первой мировой войны. До 1919 г. жил в Париже. Некоторое время был режиссером в Русской опере кн. А. Церетели. Один из создателей киностудии «Альбатрос» (1922). С 1924 г. работал в компании «Cine-France-Film» как режиссер. Периодически работал в Германии, а с 1938 г. там жил. С 1957 г. работал в Италии.

¹⁰²⁸ Письмо Б. Нури-Хаджича М.Н. Каракашу от [1929] // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Оп. 1. Д. 51.

¹⁰²⁹ [Обращение А.А. Санина к труппе Русской оперы в Париже от 10 июня 1930 г.] // Там же. Д. 93.

¹⁰³⁰ «Русалка» — опера А.С. Даргомыжского. Премьера с участием Ф.И. Шаляпина (Русская опера кн. А. Церетели и В. де Базиля) в Театре Елисейских Полей 21 декабря 1930 г. Видимо, 16 декабря 1920 г., когда Ф.И. Шаляпин пел в опере «Князь Игорь» Бородина (партия Галицкого), поставленной в Русской опере кн. А. Церетели и В. де Базиля, у Каракаша с Шаляпиным состоялся разговор о предстоящей премьере «Русалки» с участием Федора Ивановича.

¹⁰³¹ Каракаш М.Н. Что Шаляпин говорит о «Русалке». 16 декабря 1930 г. // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Оп. 1. Д. 41. Л. 9.

¹⁰³² Ракитин Юрий Львович (наст. фам. Ионин; 1882–1952) — артист, режиссер. Окончил Санкт-Петербургское театральное училище, ученик В.Н. Давыдова. Работал с В. Мейерхольдом. В 1907–1911 гг. артист Московского Художественного театра, затем артист и режиссер Александринского театра в Петербурге. Эмигрировал в 1919 г. в Константинополь, в 1920 г. переехал в Югославию. В 1921–1946 гг. режиссер Белградского национального театра. Один из основателей Союза русских писателей и журналистов в Югославии.

¹⁰³³ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — режиссер, актер. После окончания Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества вступил в труппу МХТ, где работал в 1898–1902 гг. В 1902–1905 гг. режиссер и актер труппы (с 1903 — Театр новой драмы), игравшей в Херсоне, Николаеве, Тифлисе и др. городах. Работал в Студии на Поварской, созданной по инициативе К.С. Станиславского. В 1906–1907 гг. главный режиссер Театра В.Ф. Комиссаржевской. С 1908 г. работал в Александринском театре. Руководитель Театра РСФСР 1-го (1920–1921; вошел в Театр актера при Государственных высших театральных мастерских, в конце 1922 г. преобразован в Театр ГИТИСа, с 1923 г. — Театр им. Мейерхольда).

¹⁰³⁴ Шмидт Иван Федорович (1871–1939) — режиссер, адвокат. Муж известной актрисы Е.А. Полевицкой. Окончил Московский университет. Один из организаторов Школы сценического искусства в Петербурге. В 1914–1916 гг. был режиссером Московского драматического театра. Участвовал в театральных предприятиях Н. Синельникова (1918–1919), в антрепризе Сибирякова (1919–1920). В мае 1920 г. уехал на гастроли в Болгарию. С 1921 г. сотрудник театров М. Рейнхардта. В 1924 г. руководит турне по Германии труппы Е.А. Полевицкой. С 1926 г. режиссер Русского драматического театра в Риге.

¹⁰³⁵ Каракаш М.Н. Музыка и драма // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Оп. 1. Д. 35.

¹⁰³⁶ Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — актер театра и кино, режиссер, педагог. Племянник А.П. Чехова. В 1913 г. принят в труппу 1-й студии Московского Художественного театра. С 1922 г. возглавлял студию, преобразованную во МХАТ 2-й. В 1928 г. уехал в Германию, где работал в Театре М. Рейнхардта. В 1930 г. приехал в Берлин, где открыл Театр М. Чехова. В 1932 г. работал в Риге, в Национальном театре и Театре русской драмы. Одновременно ставил спектакли в Литовском государственном театре в Ковно (ныне Каунас) и вел занятия по технике актерского мастерства. В 1936–1938 гг. вел занятия в театре-студии в Лондоне. В 1938 г. переехал в США. Снимался в кино, ставил спектакли и вел занятия в Лабораторном театре в Голливуде.

¹⁰³⁷ Романов Борис Георгиевич (1891–1957) — артист балета, балетмейстер, хореограф, педагог. С 1914 г. артист и балетмейстер Мариинского театра. В 1911–1913 гг. постановщик в Русском балете Дягилева. В 1920 г. эмигрировал в Германию, где был одним из организаторов и балетмейстером Русского романтического

го театра (1922). В 1926 г. балетмейстер в труппе А. Павловой. С 1932 г. сотрудничал с Русским балетом Монте-Карло. В 1938–1942, 1945–1952 гг. главный балетмейстер театра Метрополитен-оперы.

¹⁰³⁸ *Крыжановская* Мария Алексеевна — см. примеч. 146.

¹⁰³⁹ *Фокин* Михаил Михайлович — см. примеч. 702.

¹⁰⁴⁰ *Владимиров* Петр Николаевич — см. примеч. 1013.

¹⁰⁴¹ «*Раймонда*» — балет А.К. Глазунова, либретто Л.А. Пашкова и М.И. Петипа (на сюжет рыцарской баллады). Поставлен Русским балетом Монте-Карло в 1946 г. (балетмейстеры Д. Баланчин и А. Данилова).

¹⁰⁴² *Нижинский* Вацлав Фомич — см. примеч. 703.

¹⁰⁴³ *Войцеховский* Леон — см. примеч. 830.

¹⁰⁴⁴ *Баланчин* Джордж (наст. имя и фам. Георгий Мелитонович Баланчивадзе; 1904–1983) — артист балета, хореограф. Окончил Петроградское театральное училище. Учился в Петроградской консерватории по классу рояля и теории музыки. В 1924 г. выехал на гастроли в Германию, затем — в Париж. В 1925–1929 гг. балетмейстер Русского балета Дягилева, поставил девять балетов. В 1932–1933 гг. работал в Русском балете Монте-Карло. В 1933 г. создал в Париже собственную труппу «Балле 1933» и тогда же уехал в США. Организатор и руководитель Школы американского балета (1934), на ее основе — труппы «Американский балет» (с 1948 г. — «Нью-Йорк сити балле»).

¹⁰⁴⁵ *Данилова* Александра Дионисьевна (1904–1997) — балерина, педагог. Окончила Петроградское театральное училище. В 1921–1924 гг. танцевала в Государственном театре (быв. Мариинский). В 1924 г. эмигрировала во Францию. В 1925–1929 гг. прима-балерина Русского балета Дягилева. Танцевала в Русском балете Монте-Карло (1929–1930, 1938–1952), в Русском балете В. де Базиля (1933–1936). Переехала в США, где организовала собственную балетную труппу (1954–1956). Преподавала в Школе американского балета в Нью-Йорке, в Негритянском балете Гарлема.

¹⁰⁴⁶ *Немчинова* Вера Николаевна (1899–1984) — артистка балета, педагог. Окончила частную балетную школу Л.С. Нелидовой в Москве. С 1915 г. жила за границей. В 1916–1926 гг. выступала в труппе Русского балета Дягилева. В 1927 г. организовала труппу «Немчинова — Долин-балле». Гастролировала в Европе. Основала вместе с Н.М. Зверевым «Русский балет Веры Немчиновой» (1929–1931). Работала в труппе Оперного театра в Каунасе (1931–1935), в труппе Русского балета Монте-Карло (с 1936). В 1943 г. переехала в США, где с 1947 г. преподавала в Школе балетного искусства в Нью-Йорке. В 1962 г. открыла собственную школу классического балета.

¹⁰⁴⁷ *Спесивцева* Ольга Александровна — см. примеч. 710.

¹⁰⁴⁸ *Асланов* Николай Петрович — см. примеч. 891.

¹⁰⁴⁹ *Кайданов* Константин Евгеньевич (1883–1951) — оперный певец (бас). Артистическую карьеру начал в Харькове, потом работал в Тифлисе, а с 1915 г. в Петрограде: в Театре музыкальной драмы (1915–1919), ГАТОБе (1919). В 1920 г. эмигрировал в Париж. Гастролировал в городах Южной Америки, в Берлине, Лондоне, Неаполе и др. Пел в Русской частной опере М.Н. Кузнецовой-Массне (1929), Русской опере кн. А. Церетели и В. де Базиля (1930-е), Русской опере под управлением М.Э. Кашука (1932–1934), Русской опере (дирекция Н.Ф. Алексинской, 1942). Пел в составе квартета Н.Н. Кедрова (1933–1940), Русского лирического вокального квартета (1944–1951).

¹⁰⁵⁰ *Обухов* Анатолий Николаевич (1896–1962) — танцовщик, педагог, балетмейстер. С 1913 г. артист балета Мариинского театра. В эмиграции с 1920 г. Один из создателей Русского романтического театра в Берлине (1922–1925). Был занят в балетных номерах спектаклей Русской частной оперы М.Н. Кузнецовой-Массне. Один из основателей труппы «Немчинова — Долин-балле». В 1931–1935 гг. солист

труппы Литовской оперы, в 1935–1939 гг. — труппы Русского балета Монте-Карло, в 1939–1940 гг. в «Оригиналь балле рюс». В 1940 г. уехал в США, где преподавал в Школе американского балета в Нью-Йорке.

¹⁰⁵¹ *Лифарь* Серж — см. примеч. 795.

¹⁰⁵² *Давыдова* Мария Самойловна — см. примеч. 934.

¹⁰⁵³ *Каракаш М.Н.* Музыка и драма // РО ЦНБ СТД. Ф. М.Н. Каракаша и Е.И. Поповой. Оп. 1. Д. 35.

¹⁰⁵⁴ *В.К.* «Живой труп». Общедоступный театр [Вырезка из газеты «Русский голос» от 14 апр. 1934 г.] // Там же. Д. 85. Л. 23.

¹⁰⁵⁵ *Д.* Лиза Попова поет сегодня вечером Кармен [Беседа с Е.И. Поповой: Вырезка из газеты «Политика» от 14 марта 1938 г.] // Там же. Д. 86. Л. 7.

Московские страницы: Ромен Гари

¹⁰⁵⁶ *Анисимов М.* Ромен Гари, хамелеон. Нижний Новгород: Деком, 2007. С. 99.

¹⁰⁵⁷ Там же. С. 81–82.

¹⁰⁵⁸ *Гари Р.* Обещание на заре: Роман. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 33–34.

¹⁰⁵⁹ *Анисимов М.* Указ. изд. С. 31.

¹⁰⁶⁰ *Гари Р.* Обещание на заре. С. 297.

¹⁰⁶¹ Список кандидатов в действительные члены Русского театрального общества // РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 4. Д. 16. Л. 69 об.

¹⁰⁶² См.: *Анисимов М.* Указ. изд. С. 69.

¹⁰⁶³ Учетная карточка члена Русского театрального общества (РТО) М.О. Борисовской (Кацевой) // Научно-библиографический кабинет ЦНБ СТД РФ. Картотека членов РТО.

¹⁰⁶⁴ Карточка об уплате взносов члена РТО М.О. Борисовской (Кацевой) // Там же.

¹⁰⁶⁵ *Анисимов М.* Указ. изд. С. 31.

¹⁰⁶⁶ Там же.

¹⁰⁶⁷ *Эрманс В.* Бобровая шуба // Труд. 1918. 13 окт.

¹⁰⁶⁸ Календарь. Замоскворецкий советский театр // Вестник театра. № 31/32. 1919. 5–14 июня. С. 13.

¹⁰⁶⁹ См.: *Анисимов М.* Указ. изд. С. 32.

¹⁰⁷⁰ См.: Там же. С. 41.

¹⁰⁷¹ См.: Там же. С. 69.

¹⁰⁷² Учетная карточка члена РТО М.О. Борисовской (Кацевой).

¹⁰⁷³ *Гари Р.* Обещание на заре. С. 35.

¹⁰⁷⁴ *Он же.* Ночь будет спокойной. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 256–257.

¹⁰⁷⁵ *Он же.* Обещание на заре. С. 68.

¹⁰⁷⁶ *Он же.* Белая собака. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 201.

¹⁰⁷⁷ *Он же.* Обещание на заре. С. 226.

¹⁰⁷⁸ Там же. С. 33.

¹⁰⁷⁹ *Анисимов М.* Указ. изд. С. 76.

¹⁰⁸⁰ *Гари Р.* Обещание на заре. С. 172.

¹⁰⁸¹ *Анисимов М.* Указ. изд. С. 471.

¹⁰⁸² Там же. С. 32.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август 126, 502
Августин Блаженный 212
Авдеенко Н. 410, 550
Аверченко А.Т. 144
Авсоний 126, 502
Агреньев-Славянский К.Д. 545, 559
Адамович Г.В. 328, 373, 386, 387, 529, 538, 540
Адан А. 400
Адибешова Ж.Г. 481
Ажар Э. — см. Гари Р.
Азнавур Ш. 418
Айхенвальд Ю.И. 17
Аккерман Л.-В. 220, 510
Алгаров Ю.В. 399, 404, 547, 548
Алданов М.А. 5, 6, 22, 484
Александр I Карагеоргиевич, король Югославии 147, 507
Александр I, российский император 424, 501
Александр II, российский император 490, 523
Александр III, российский император 301, 304, 523, 524
Александр Македонский 463
Александр Михайлович, вел. кн. 289, 291, 525
Александра Федоровна, российская императрица 526
Александров Б.И. 392
Александров М.С. 286, 524
Александрова И.А. 524
Алексеев М.В. 28, 486, 487
Алексеев Н.Н. 109, 525
Алексеев П.Н. 100, 101, 497
Алексей Михайлович, русский царь 123, 501
Алексей, цесаревич 493
Алексинская Н.Ф. 561
Алексинский Г.А. 67, 492
Алефельдт Л. 415, 552
Алешко Е.П. 235, 512
Алферов А.Д. 16, 90, 91, 494
Алферова А.С. 16, 494
Алферовы, супруги 90, 494
Альтшуллер И.Н. 23, 485
Альфонс XIII, испанский король 414, 552
Аля — см. Кустерер А.А.
Амфитеатров А.В. 445, 446, 448
Амфитеатров-Кадашев В.А. 141
Амфитеатрова И.В. 445, 446
Анакреон 129, 503
Андерсен М. 268
Андерсон А.К. (Саша) 269, 270, 520
Андерсон К. 518
Андерсон М.К. (Маня) 267, 269, 270, 272, 273, 277, 278, 283, 290, 518
Андреев А.И. 380–386, 539–541
Андреев В.Л. 204
Андреев К.А. 275, 522
Андреев Л.Н. 203, 204, 508, 544
Андреев Н.Е. 253, 514
Андреев Н.Н. 279, 523
Андреев С.Л. 204, 391, 544
Андреева А.И. 544
Андреева В.Л. 204
Андреевко М.Ф. 237, 343, 409, 550
Андрей Владимирович, вел. кн. 265, 266, 542
Андрусов Д.Н. 204

- Анисимов М. 471, 473, 475–477, 479, 480, 562
Анненков Ю.П. 409, 550
Анненский И.Ф. 512
Антоний (Блум), митрополит Сурожский 256, 257, 516
Ардуэн-Мансар Ж. 511
Арендс А. 534
Аренская З.А. 394, 542
Арсеньев Н.С. 39, 41, 58, 489
Архилох 504
Арцюк Е.Н. 404, 515, 546
Аршани Т. 536
Асафьев Б.В. 460
Асланов Н.П. 410, 467, 550, 561
Астафьева С.А. 543
Астров В.И. 494
Астров Н.И. 28, 56, 487, 494
Ауэр Л.С. 518
Ахапкин Ю.А. 481
Ахмадулина Б.А. 376
Ахматова А.А. 244, 245

Бабанин К.М. 476
Бабанин М.И. 476
Бабель И.Э. 241, 475
Баби И. 480
Бабиле Ж. 404, 406, 547
Бабин Е.В. 288, 524
Базиль В.Г., де 397, 410, 505, 536, 541, 543–546, 551, 556, 560, 561
Байрон Дж. 503
Бакланов Г.А. 465
Бакст Л.С. 5, 347, 409, 534, 545, 549
Баланчин Дж. 262, 467, 536, 541, 543, 561
Балиев Н.Ф. 82, 494, 535, 543, 546, 549, 550, 556
Балмашев С.В. 494
Балудянский М.А. 122, 501
Балушек Г. 409, 549
Бальзак О., де 260
Бальмонт К.Д. 260, 428
Баронова И.М. 362, 395, 399, 543
Барро Ж.-Л. 262
Барсак А. 544
Барту Ж.Л. 507

Басилашвили О.В. 418
Баскина И.Б. 8
Бати Г. 417, 496, 554
Бах И.-С. 411, 438, 555
Бедный Д. 419–422, 555
Бежар М. 262
Безбородко А.А. 123, 501
Безыменский А.И. 413
Безыменский В.Д. 413, 416, 418, 552
Безыменский Л.А. 414, 552
Бекер Ж. 465
Бекефи А.Ф. 275, 522
Беккер Ж. 537
Бекони Н.С. 505
Белинский В.Г. 110
Бельмонт Л. 423
Бельская Н. 461
Белый А. 513
Беляев Е.А. 476
Бем А.Л. 137, 138, 141, 144, 235, 241, 504, 506, 512, 529
Бенвенуто Л.В. 444–454, 558
Бенуа А.Н. 5, 347, 534, 544
Бенуа Н.А. 409, 418, 446, 448, 550
Берар К. 546, 548
Берберова Н.Н. 358, 452, 537, 557
Берггольц О.Ф. 244, 246
Бердяев Н.А. 5, 17, 18, 243, 364, 481
Бернерс Дж. 534
Бертенсон Ж. 268, 269, 272, 273, 275–282, 519
Беседовский Г.В. 236
Бессмертный А.С. 496
Бетховен Л., ван 215, 411
Бизе Ж. 534
Билибин И.Я. 347, 410, 534, 551
Билик И. 395, 398, 543
Билинская В.Б. (Валерия Борисовна) 408, 409, 411, 412
Билинский Б.К. 408–412, 444, 551
Блок А.А. 244
Блюм Р. 545
Блюмкин Я.Г. 486, 489
Бобров С.П. 346
Богаевский В.М. 388
Богаевский М.И. 381, 386, 540

- Богданович С. 505
 Боголепов Н.П. 105
 Боголюбов В.Н. 274, 275, 522
 Богомолов А.Е. 299
 Богословский М.М. 16
 Боккаччо Дж. 54
 Большакова Е.И. (Екатерина Ивановна) 20, 484
 Бомон Э., де 533
 Бонди Ф. 472, 478
 Боратынская Е.Н. 528
 Боратынская К.Н. 528
 Боратынская М.Д. 527
 Боратынская Н.Д. 527
 Боратынская О.А. (Лита, Ольга Александровна) 299, 300, 305, 526, 527
 Боратынская С.С. 527
 Боратынская Т.Д. 527
 Боратынские, семья 297, 299–301, 303–306
 Боратынский А.А. 305, 527
 Боратынский А.Н. 301, 304, 305, 526, 527
 Боратынский Д.А. 305, 306, 527
 Боратынский Е.А. 299, 300, 301, 327, 328, 526, 528
 Боратынский Н.Д. 527
 Боратынский Н.Е. (Коля, дядя Коля) 299–301, 303–306, 526, 527
 Борисовская (Кацева) М.О. 473, 474, 476, 477, 479, 562
 Борованский Э. 543
 Бородин А.П. 121, 357, 396, 532, 546, 560
 Бострем О.Ф. (Ольга Федоровна) 270, 273, 276, 277, 279, 521
 Брак Ж. 533
 Брамс И. 438
 Брамс Я.И. 505
 Бриннер Ю. 415, 417, 553
 Бродский И.А. 376
 Бронников П.К. 520
 Брюно Ф. 316, 528
 Брюсов В.Я. 502, 511, 512
 Бугаринович М. 465
 Будберг А.Р. 57, 61, 490
 Будберг М.И. 452, 557
 Будье М. 404
 Бузони Ф.-Б. 438, 555
 Буков Ю.Г. 415, 553
 Булгаков В.Ф. 99
 Булгаков М.А. 244, 464
 Булгаков С., свящ. 5, 243, 293, 516
 Бунге Н.Х. 121, 501
 Бунин И.А. 5, 146, 343, 364, 386, 540, 556
 Бунюэль Л. 537
 Буонапарте — см. Наполеон I Бонапарт
 Буржуа Л. 520
 Буссенар Л. 162
 Бушен Д.Д. 415, 544, 552
 Буш Дж. 416, 553
 Быков П.В. 539
 В.К. 469, 562
 Вадим Федорович — см. Рындин В.Ф.
 Вазем Е.О. 263, 283, 520, 523
 Вайсблат В.Н. 505
 Вакхевич Г.Л. (Юрий) 352, 536
 Валентинов В.П. 427
 Валери П. 395, 544
 Валерия Борисовна — см. Билинская В.Б.
 Валленштейн (Вальдштейн) А. 207, 508, 509
 Вальска Г. 462, 559
 Ван-Дик (Ван Дейк) А. 229, 512
 Ванцо В. 461
 Варламов К.А. 276, 522
 Варнава (Накропин), архиеп. 65–68, 492
 Варнек А.Г. 461
 Варшавская Т.Г. 253, 254, 379, 515, 539
 Варшавский В.С. 5, 244, 246, 253, 254, 310, 514, 515
 Варшавский С.И. 100
 Васильев В.И. 102, 260, 497
 Васильев Ф.А. 462, 559
 Васильева В.О. 279, 523
 Васильева М.А. 8
 Васильцев А.С. 146, 507
 Васнецов В.М. 526
 Васютинская В.Д. — см. Маркадз-Васютинская В.Д.
 Вебер К.-М. 397, 545

- Вейдле В.В. 6, 244, 293
 Велехова-Фомина Я.И. 103
 Велидов А.С. 481
 Величковская Т.А. 381, 385, 388, 539, 540
 Величковский А.Е. 340, 532
 Венгеров С.А. 110
 Веневитинов Д.В. 502
 Вера Игнатьевна — см. Горемыкина В.И.
 Вера Руфовна — см. Придворова В.Р.
 Вера — см. Стамболи В.И.
 Вергилий 126, 131, 503
 Вересаев В.В. 493
 Вермель С. 358
 Вернадский В.И. 14
 Вернадский Г.В. 20, 483
 Вертинский А.Н. 428
 Веселовский А.Н. 12, 482
 Ветлугин А. 6
 Вечеслова Т.М. 399
 Виардо П. 531
 Вийон Ф. 205
 Виленкин А.А. 38, 489
 Вильборг А. 296
 Вильгельм II, германский император 524
 Вильде Б.В. 314, 317, 318
 Вильсон Г. 453
 Винавер М.М. 26, 486
 Виноградов В.К. 481
 Виноградов П.Г. 12
 Виноградова А.И. 273, 521
 Виноградский Н.Н. 17
 Винтер К.С. 491
 Виппер Р.Ю. 16
 Витали Е. 447
 Виталий (Максименко), архимандрит 508
 Витберг А.Л. 121, 500
 Витковский Е.В. 205
 Витте С.Ю. 94, 121, 494, 501
 Владимир Александрович — см. Розенберг В.А.
 Владимир Александрович, вел. кн. 284–287, 289–291, 523, 524
 Владимир Федорович — см. Кокошкин В.Ф.
 Владимиров В.Х. 101, 496
 Владимиров П.Н. 462, 467, 536, 558, 561
 Водов С.А. 529
 Водуайе Ж.-Л. 545
 Воеводин А.А. 141
 Воинов И.В. 215, 510
 Войцеховский Л. 396, 397, 467, 541, 543, 545, 561
 Волков А. 550
 Волков А.А. 16
 Волков В.В. 268, 287, 288, 292, 519
 Волков Е.Н. 284, 524
 Волков Н.И. 274, 521
 Волконская К.Г. (Кира) 450, 556
 Волконский А.М. 450, 556
 Волконский М.П. 450, 556
 Волконский С.М. 204, 410, 451, 551, 557
 Володя — см. Ганьков В.Г.
 Волочков П.З. 332, 531
 Волошин М.А. 244, 512
 Воынин А.Е. 548
 Воынский А.Л. 263
 Вольтер 207, 254, 395, 508, 515, 544
 Воронихин А.Н. 121, 500
 Воронков К.И. 268, 519
 Востоков А.Х. 121, 500
 Врангель П.Н. 108, 234, 236, 483, 488, 500, 512
 Вронская А.Ф. 394, 395, 542
 Вронченко Ф.П. 123, 502
 Вырубов А.А. 101, 465, 496
 Вырубов В. 402
 Вырубова Н.В. (Нина, Нина Владимировна) 243, 254, 255, 260, 399–404, 407, 515, 545–548
 Вышеславцев Б.П. 243, 293
 Габель С.И. 461
 Габен Ж. 416, 553
 Габо Н. 349, 536
 Гавликовский Н.Л. 269, 271, 281, 520
 Гаврилеску М. 505
 Гаврин А.М. 100
 Гаджибеков У. 428
 Газданов Г.И. 5

- Гай Петроний 504
 Гай Юлий Цезарь 126, 131, 133, 173, 502
 Гайдебуров П.П. 554
 Галилей Г. 177
 Галина Петровна — см. Макаева Г.П.
 Галина Сергеевна — см. Уланова Г.С.
 Галкин 270, 520
 Галковский (Галкаускас) К.М. 442, 443, 555
 Галунов А.А. 477
 Гальперин И.С. 454, 558
 Гамбаров Ю.С. 105
 Ганьков В.Г. (Володя) 284, 291, 524
 Ганьков Г.Г. 524
 Гарденин П.Г. 292, 525
 Гарднер В.Д. 213, 509, 510
 Гари Р. (Ажар Э.) 476–480, 471–475, 562
 Гартман Ф. 534
 Гаспаров М.Л. 502
 Гауптман Г. 475
 Гвоздецкая Е. 279, 523
 Гвоздецкий В.Ф. 522, 523
 Гвоздецкий Р.Ф. 522, 523
 Гедеонов С.А. 523
 Гельцер Е.В. 355
 Георгий — см. Рубисов Г.Г.
 Георгий Александрович, вел. кн. 287, 524
 Гербель Н.В. 128, 503
 Германова М.Н. 101, 363, 465, 495, 496
 Герра Р. 308, 340, 374, 532, 539
 Гертель П. 357
 Герье В.И. 12
 Гессен И.В. 22, 498
 Гессен С.И. 493
 Гете И.-В. 211, 215, 433, 503, 509, 555
 Гзовская О.В. 60, 491
 Гзовская Т. 547
 Гзовский В.И. 399, 400, 403, 546
 Гиацинтова С.В. 357, 537
 Гингер А.С. 237, 387, 540
 Гиппиус З.Н. 244, 530
 Гиппонакт 503
 Гитлер А. 120, 500
 Гитри Л. 543
 Гитри С. 395, 543
 Глаголин Б.С. 444
 Гладков А.К. 244
 Глазунов А.К. 358, 561
 Глезер А. 532
 Гликерия Николаевна — см. Федотова Г.Н.
 Глинка М.И. 121, 446, 515
 Глиэр Р.М. 201, 496
 Гоголь Н.В. 111, 121, 124, 125, 145, 148, 244, 309, 477, 498
 Голике Р. 296
 Голль Ш., де 317
 Головин А.Я. 343
 Головин С. 401, 404, 547, 548
 Головин Ф.А. 28, 488
 Головина А.С. 343, 506
 Головкина А.Е. 276, 522
 Голубинцев 68, 70, 81, 493
 Гольдовский А.Б. 60, 491
 Гольдони К. 206, 509, 554, 557
 Гончаров И.А. 102
 Гончарова Н.Н. — см. Пушкина Н.Н.
 Гончарова Н.С. 262, 341–343, 345–350, 352–354, 362, 533, 535, 536
 Гораций 98, 126–128, 131, 502, 503
 Горбачев М.С. 307
 Горбов Я.Н. 334, 530, 531
 Горев В.С. 542
 Горемыкин И.И. 556
 Горемыкин И.Л. 94, 494
 Горемыкина В.А. 556
 Горемыкина (Горемыкина-Ханс-Жакоб) В.И. 450, 452, 453, 556
 Горенштейн Я.А. 554
 Горецкая С. 546
 Горовенко О. 395, 543
 Горский А.А. 273, 355–357, 359, 367, 521, 537
 Горшенкова М. 520
 Горький А.М. 18, 107, 203, 361, 448, 474, 508, 557
 Горянский П.Е. 103
 Готье Т. 519
 Грамон Э., де 544
 Грачева Л. 555
 Гревс В.Л. 303, 527
 Гретри А. 511
 Греч В.М. (Вера) 102, 496, 497

- Гречанинов А.Т. 201, 515
 Гржебин З.И. 394, 542, 548
 Гржебина И.З. 405, 416, 542, 547, 548, 554
 Гржебина Л.З. 394, 542
 Грибен Т. 128, 503
 Грибоедов А.С. 111
 Григ Э. 356
 Григоров С. 357, 359, 537
 Григорьев Б.Д. 409, 410, 549
 Григорьев Н.А. 138, 504
 Григорьев С.Л. 363, 406, 537, 538
 Грим Д.Д. 204
 Грим И.Д. 204
 Гри (Грис) Х. 347, 535
 Громов В.А. 466
 Гронский И.М. 419, 420
 Гропиус В. 548
 Грот Н.Я. 12
 Грундт К.Ф. 255, 256, 515, 541
 Груссе Р. 316, 528
 Грэхем М. 262
 Гудович А.В. 284, 291, 524
 Гуляницкая Г.С. 102, 497
 Гумилев Н.С. 244, 245, 345, 509, 511, 533
 Гуно Ш. 461, 535
 Густав II Адольф, шведский король 509
 Гутман М.Д. 532
 Гюго В. 357, 558

 Д. 562
 Д'Аннунцио Г. 543
 Давыдов А.Д. 214, 510
 Давыдов В.Н. 560
 Давыдов Н.В. 33, 36, 488
 Давыдова М.С. 416, 468, 553, 562
 Дали С. 537
 Даманская А.Ф. 445, 556
 Дандре В.Э. 544
 Данилова А.Д. 467, 561
 Данте А. 368
 Даргомыжский А.С. 461, 515, 560
 Дарье Д. 416, 417, 554
 Дашевский Б. 545
 Дворжак А. 204
 Деборд-Вальмор М. 219, 510
 Дебособр Н.В. 306, 527
 Дебюсси К. 411, 534
 Дейде Л. 404, 547
 Дейнека Б.С. 427
 Декомб О.К. 275, 276, 281, 522
 Деконский 491
 Делавинь Ж. 521
 Деланнуа М. 400
 Деларова Е.М. 394, 542
 Делиб Л. 399, 461
 Дельдевез Э.-М.-Э. 520
 Дельсарт Э. 557
 Деминская Ю.С. 520
 Денев К. 418
 Дени Э. 204
 Деникин А.И. 28, 82, 108, 117, 297, 483, 487, 495, 500, 504, 534
 Дерен А. 347, 533
 Джильи Б. 414, 552
 Джойс Дж. 137
 Джунковский В.Ф. 71, 72, 493
 Дзевановский Н.В. 235, 512
 Дзержинский Ф.Э. 15, 17, 38, 489
 Дийк П., ван 401, 404, 547
 Дисней У. 412, 551
 Дистерло Г.Р. (Юрий) 304, 527
 Дитрих М. 415, 552
 Дмитриев М.Д. 502
 Дмитрий Константинович, вел. кн. 289, 525
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 510
 Димитрий, митрополит Ростовский 123, 501
 Днепрова Э.Ф. 101, 102, 497
 Доброхотов В.В. 388, 541
 Доброхотов Д.Н. 94, 96, 494
 Добужинский М.В. 5, 345, 347, 534
 Догель М.И. 527
 Догель М.М. 305, 527
 Долгоруков П.Д. 28, 488
 Долгоруков С.М. 524
 Долин А. 395, 543
 Долинов А.И. 505, 550, 553
 Долинов М. 310
 Доротео (Бесчастный), свящ. 447
 Достоевский Ф.М. 110, 111, 121, 144, 146, 244, 356, 364, 499, 506, 516

- Дрейер Н.Н. 103
 Дриго Р.Е. 273, 521, 524
 Дрогосло-Романкевич И.И. 423
 Дубровская 276, 522
 Дубровская Ф.Л. 349, 462, 536, 558
 Дуван-Торцов И.Э. 469
 Дузе Э. 101, 497
 Дукельский В. 533
 Дунаевский И.О. 427, 428
 Духонин Н.Н. 487
 Дьяконова А.Т. 278, 523
 Дьяконова Н. 395, 543
 Дювивье Ж. 537
 Дюкин В.Н. 447
 Дюкина Е.А. 447
 Дюллен Ш. 417, 554
 Дюма А. 417
 Дягилев С.П. 263, 265, 341, 347–349, 354, 357, 358, 363, 395, 483, 515, 518, 519, 521, 522, 531–537, 542, 543, 545, 546, 550, 553, 556, 558, 560, 561
 Е.Р. — см. Рубисова Е.Ф.
 Евгений Максимилианович, герцог Лейхтенбергский 287, 524
 Евреинов Б.А. 21, 202
 Евреинов Н.Н. 99, 310, 344, 350, 410, 533, 536, 551
 Евсеев Н.Н. 530
 Евтушенко Е.А. 244
 Егоров П.В. 492
 Егорова Л.Н. 399, 402, 403, 462, 515, 543, 545–548, 558
 Екатерина II, российская императрица 14, 297, 304, 501, 508
 Екатерина Александровна — см. Максимович Е.А.
 Екатерина Ивановна — см. Большакова Е.И.
 Елагин И.В. 244
 Елена, Елена Федоровна — см. Рубисова Е.Ф.
 Елена Самсоновна — см. Тизенгаузен Е.С.
 Елизавета Петровна, российская императрица 501
 Елизавета, австрийская императрица 88, 494
 Ельцин Б.Н. 307
 Ермолова М.Н. 12, 557
 Ермольев И.Н. 463, 559
 Ершов И. 460
 Есенин С.А. 241
 Жак-Далькроз Э. 451, 452, 557
 Жаков К.Ф. 122, 501
 Жанмер Э. 406, 548
 Жаров С.А. 416, 553
 Жаров М.И. 428
 Жегин Л.Ф. 354, 537
 Жедринский В.И. 465
 Животовская С.Л. 463
 Животовский Д.Л. 559
 Жид А. 395, 544
 Жирардо А. 418
 Жирова Е.Н. 532
 Жуве Л. 417, 554
 Журне М. 465
 Завадовский П.В. 123, 501
 Завадская К.И. 498
 Завадский В.Р. 103
 Завадский С.В. 98–101, 103–113, 128, 131, 133, 204, 495, 498, 499, 503
 Зайцев Б.К. 5, 330, 343, 373, 386, 514, 530, 538, 540
 Зайцев К.И. 108, 498
 Зак Л. 362
 Закович Б. 310
 Замятин Е.И. 145
 Зандер В.А. 256, 516
 Зандер Л.А. 256, 515
 Захаров А.Д. 121, 500
 Захаров Ф.И. 104
 Зверев Н.М. 561
 Зелинский Н.Д. 14
 Зелинский Ф.Ф. 130, 503
 Зеньковский В.В. 243, 293
 Зимин С.И. 360, 462, 505, 549, 553, 559
 Зинаида Алексеевна — см. Шаховская З.А.
 Зонн И. 545

- Зорич Ю. 396, 399, 544, 546
 Зубченко Е.М. (Катя) 257, 516
 Зуров Л.Ф. 539
 Зыбина А.С. 302, 526
- Ибер Ж. 395, 544
 Ибсен Г. 417, 554
 Иван IV Грозный, русский царь 68
 Иван Михайлович — см. Гронский И.М.
 Иваницкая С.Л. (Соня) 336, 338, 531
 Иванов В.И. 121, 130, 359, 504, 538
 Иванов Г.В. 5, 244, 327, 329, 375, 385, 386, 511, 517, 529, 530, 540
 Иванов Д.Б. 100
 Иванов Л.И. (Лев Иванович) 263, 269, 281, 292, 520, 523, 525
 Иваск Ю. 244
 Ивем М. 400
 Ивони Е.С. 140, 505
 Игнатов В.В. 403, 547
 Игнатьев А.А. 295, 299
 Иевиль Ш. 383
 Израилев Ф.И. 267–271, 274–276, 278, 280–283, 518
 Изюмов А.Ф. 18, 21, 481
 Иисус Христос 72, 106, 148, 528
 Иловайская-Альберти И.А. 529
 Ильин В.Н. 243, 293, 414, 552
 Ильин И.А. 5, 18, 70, 71, 482, 493
 Ильин К.Б. 305, 527
 Ильина В.Н. 414, 552
 Ильина Л. (Елена Васильевна) 278, 523
 Иоанн (Восторгов), протоиерей 37, 38, 489
 Иоанн (Шаховской), архимандрит 339, 375, 532, 539
 Иогансон Х.П. 263
 Иолшина В.Г. 101, 496
 Йосс К. 395, 544
 Иоффе 59, 491
 Ирина — см. Одоевцева И.В.
 Ирина Николаевна — см. Терапиано И.Н.
 Ирш Ж. 400, 415, 552
 Ирэн — см. Лидова И.С.
 Исаев Н.А. 465
- Исаченко К.Л. 261, 548
 Искольдов Е. 545
 Иславин Л.В. 301, 306, 526, 527
 Иулиания, игуменья 508
- Каблуков Н.А. 60, 68, 491
 Казанова Дж.-Дж. 204, 206, 508, 509
 Казем-Бек А.К. 297
 Казем-Бек А.Л. 294–297, 527
 Казем-Бек Л.А. 293, 296–300, 525, 527
 Казем-Бек Н.А. 527
 Казем-Бек Н.Г. (Надя) 304, 527
 Казем-Бек Н.Н. 305, 527
 Казем-Бек П.А. 301, 526
 Кайданов К.Е. 467, 561
 Каламатиано К. 491
 Калигула 173
 Калинин М.И. 17
 Кальман И. 427
 Каминская И.С. 261
 Камю А. 480
 Каналетто Дж.-А. 208, 509
 Кандинский В.В. 244, 516
 Каннегиссер Л.И. 486
 Кант И. 212
 Кантемир А.Д. 122, 501
 Каплан Ф. 28, 486
 Каплер А.Я. 425, 428, 555
 Каплун Б.Г. 362
 Каракаш А.М. 458, 470
 Каракаш М.Н. 455, 458–466, 468–470, 558, 560, 562
 Каракаш Н.И. 461
 Каратаев М.К. 244
 Карне М. 537
 Карсавин Л.П. 244
 Карсавина Т.П. 5, 263, 265, 357
 Карташев А.В. 243, 293
 Карцевская Е.Е. 557
 Карцевский И.С. 451, 557
 Карцевский С.И. 450, 451, 452, 556
 Касаткина Т.С. 8
 Касев (Кацев) Б. 476
 Касев Л. 478
 Касторский В.И. 20, 483
 Катаев В.П. 101, 465, 497

- Катулл 98, 103, 112, 113, 126–133, 135, 495, 502, 503
 Катя — см. Зубченко Е.М.
 Каульбах Ф.-А., фон 526
 Кафка Ф. 204
 Кацева М.О. — см. Борисовская М.О.
 Качалов В.И. 101, 485, 495
 Кашина-Евреинова А.А. 6
 Кашук М.Э. 536, 553, 561
 Кедров Н.Н. 561
 Керенский А.Ф. 107, 487
 Керженцев П.М. 475
 Кессель Ж. 415, 476, 553
 Кизеветтер А.А. 6, 11–17, 20–24, 29, 42, 47, 63, 64, 77, 79, 110, 201, 202, 204, 205, 481, 482, 484–486, 488, 491, 493, 494
 Кизеветтер А.И. 11
 Кизеветтер А.Н. 11
 Кизеветтер Е.Я. 81, 485, 488
 Кин В. 420
 Кинкулькина Н. 448
 Киплинг Р. 343
 Кира — см. Волконская К.Г.
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 295, 297
 Кирова Д.Н. 496, 550
 Кирсова Э. 543
 Кирста 403, 546
 Киселева Т.А. 392
 Кишкин Н.М. 27, 42–46, 49–51, 53, 54, 56, 57, 62, 71, 73, 74, 76, 78, 79, 93, 486
 Клее П. 516
 Клейнманн А. 238
 Клейнмихель М.Э. 420, 555
 Кленовский Д.И. 340, 532
 Клименко, Клименко-Ратгауз Т.Д. — см. Ратгауз-Клименко Т.Д.
 Ключевский В.О. 12–14, 105, 482
 Клячкина Р.С. 243
 Книппер-Чехова О.Л. 485
 Кнорринг Н.Н. 6
 Кнут Д. 236, 242, 513
 Князев Б. 515, 546, 547, 548
 Кобылянский А.А. 386, 539
 Кобылянский В.Я. 423
 Кобылянский П.И. 423
 Кобылянский Я.П. 423, 555
 Кобяков Д.Ю. 310
 Кобяков С.А. 62, 492
 Ковалевский П.Е. 373, 538
 Коваленко Т.В. 8, 373, 377
 Коваленко Ю.И. 8, 373
 Коваленская Н.Г. 102, 497
 Кованько Н.И. 463, 559
 Кодрянская Н. 244
 Кожевников П.А. 141
 Кокошкин В.Ф. (Владимир Федорович) 117, 499
 Кокошкин Ф.Ф. 113–119, 488, 499
 Кокошкина О.Н. (Ольга Наумовна) 117, 499
 Кокто Ж. 262, 537
 Колбасина-Чернова О.Е. 98
 Колесников В.Д. 141, 506
 Колоницкая А.П. 8, 233
 Колпакова И. 260
 Колчак А.В. 82, 305, 487, 494
 Коля (дядя Коля) — см. Боратынский Н.Е.
 Комарова Е. 395, 543
 Коменский Я.А. 20, 506
 Комиссаржевская В.Ф. 496, 533, 534, 549, 554, 560
 Комиссаржевский Ф.Ф. 409, 549, 550
 Кононова В.Г. 8
 Константин Константинович, вел. кн. 419–422
 Константин Николаевич, вел. кн. 525
 Константинов К. 496, 497
 Корвин-Пиотровский В.Л. 237
 Корганов Н.А. 497
 Корень С. 399
 Корнеева О.Ю. (Ольга Юрьевна) 8, 309, 310, 311, 313, 315, 316
 Корнелий Непот 126, 502
 Корнилов Л.Г. 28, 487
 Коровин К.А. 341, 347, 410, 534, 551
 Короленко В.Г. 482
 Корсаков И.А. 495
 Корш Ф.А. 484, 559
 Коршунов Г.Ф. 455, 458, 558
 Котляревский И.П. 427, 505
 Котляревский С.А. 16, 97, 495

- Кохно Б.П. 548
 Кочаровский К.-А.Р. 235, 512
 Кочубей В.Л. 123, 501
 Крандиевская Н.В. 260
 Крачковский Д.Н. 141
 Крачковский И. 532
 Креки Ф., де 225, 511
 Крекшин Г.П. 100
 Кривошеина Н.А. 294, 525
 Кривуц В.Ф. 410, 550
 Кристиан IV, датский король 509
 Кропоткин А.А. 97, 495
 Кроткова Х.П. 237
 Кроче П. 446
 Кругликов С. 360, 538
 Крупская Н.К. 555
 Крыжановская М.А. 101, 465, 466, 496, 561
 Крыленко Н.В. 62, 72, 491
 Крылов 287, 524
 Крылов И.А. 60
 Ксения — см. Грундт К.Ф.
 Ксенофонов И.К. 15
 Кудрявцева Н.А. (Наташа) 31, 81, 488
 Кузнецова О. 539
 Кузнецова-Бенуа (Кузнецова-Массне) М.Н. 462, 548, 549, 553, 561
 Кузьмин Н.В. 346
 Куличевская К. 520
 Купер В. 451, 452
 Купер Э.А. 546
 Куперник А.Л. — см. Щепкина-Куперник А.Л.
 Куприн А.И. 6, 147, 507
 Куприна Е.М. 147, 507
 Куприна К.А. 507
 Курнан Э. 537
 Кускова Е.Д. 23, 484
 Кусов И.Н. 548
 Кустерер А.А. (Аля) 271–273, 277, 283, 521
 Кустодиев Б.М. 526
 Кутепов А.П. 482
 Кутырина Ю.А. 330, 530
 Кузвас Ж., де 400, 404, 415, 548, 552
 Кшесинская М.Ф. 198, 260, 262–266, 394, 517–525, 542
 Кшесинская Ю.Ф. (Юля) 269–273, 275–281, 283, 285–292, 520
 Кшесинский А.-Ф.И. 519
 Кшесинский И.-М.Ф. (Юзя) 268–274, 276–281, 283, 288, 291, 519
 Кшесинский Ф.И. 524
 Кэрролл Э.-М. 414, 552
 Кякшт Г.Г. 274, 275, 521
 Л'Эрбье М. 550
 Лабан Р. 544
 Лабинский А. 461
 Лабунская М.Н. 291, 525
 Ладинский А.П. 148, 508
 Лазаревский В.А. 529
 Лалу Ф. 520
 Ламберт К. 534, 535
 Ламздорф В.Н. 302, 526
 Лансере Е.Е. 534
 Ланской А.М. 246, 256, 257, 516
 Ланской П.П. 425
 Лансье Т. 520
 Лапшин И.И. 108, 498
 Ларионов М.Ф. 262, 341–343, 345–347, 349, 350, 352–354, 362, 533, 536, 537
 Лаура Гульельмовна 445, 446
 Лафорг Ж. 231, 512
 Лацис М.Я. 16
 Ле Пен Ж.-М. 415, 552
 Лебедев В.М. 141, 202, 253, 514
 Лебедев П.Н. 14
 Лебрен Ш. 511
 Лев Иванович — см. Иванов Л.И.
 Левасир 415, 552
 Левинсон А.Я. 263, 358, 537
 Левинсон А.Ф. (Аня) 278, 283, 522
 Левинсон О.Ф. (Леля) 268, 270–272, 277, 278, 283, 519, 522
 Левинсон М. 285, 287, 289, 292
 Левинсон О.В. (Ольга Васильевна) 277, 278, 522
 Левитан И.И. 121, 341
 Левицкая Т. 528
 Левицкие, семья 308, 310, 313, 318
 Левицкий А.А. 308

- Левицкий А.С. 308, 313–318, 528
 Левицкий В. 313
 Левицкий О.С. 308, 311, 312
 Левицкий С.А. 308
 Левицкий С.С. 308, 312, 313
 Левицкий Ю.С. 308, 310, 311, 528
 Легат Н.Г. 524
 Легоньякая Е.Я. 428
 Леде Ф.Ф. (Филипп) 272, 273, 521
 Лекугур П. 516
 Леля — см. Рубисова Е.Ф.
 Леля — см. Левинсон О.Ф.
 Ленин В.И. 15–18, 28, 150, 313, 425, 481, 486, 555
 Ленский А.П. 12, 543
 Леонкавалло Р. 461
 Леонов Л.М. 241, 451, 452
 Лепешинская О.В. 418, 428, 554
 Лермонтов М.Ю. 148, 244, 395, 429, 477, 508, 555
 Лесков Н.С. 111, 145, 477, 499
 Либкен Г. 559
 Либо А. 421, 555
 Лившиц Б. 510–512
 Лидина Л.К. 103
 Лидия — см. Назарова Л.Н.
 Лидо (Лидов) С.П. 260–262, 405
 Лидов П.П. 261, 517
 Лидова Е.С. 261
 Лидова И.С. 260, 262, 400, 401, 405, 406, 548
 Липковская Л.Я. 266, 465
 Липковская Т.Я. 266
 Лисанович Б. 542
 Лисенко Н.А. 463, 559
 Лисим С. 410, 551
 Лист Ф. 555
 Лита — см. Боратынская О.А.
 Литинский Г.М. 420, 425
 Лифарь С.М. 260, 262, 265, 346, 362, 394, 399, 400, 403, 404, 414–416, 468, 533, 536, 542, 546, 547, 552, 553, 562
 Лобачевский Н.И. 121
 Локкарт Р.-Г.-Б. 58, 61, 491, 557
 Ломоносов М.В. 115, 121
 Лоран М. 520
 Лорен Ж. 401
 Лорен С. 418
 Лорис-Меликов М.Т. 122, 501
 Лосские 23, 484
 Лосский Н.О. 20, 108, 484, 498
 Лудьер М. 547
 Лукаш И. 468
 Луккени Л. 494
 Лукомский А.С. 487
 Лучезарская Е.В. 140, 505
 Лучезарская И. 542
 Лыжин Павел П. 201–206, 391, 508, 510, 542
 Лыжин Петр П. 203
 Лыжин Ю.П. 202, 204, 205, 391, 394, 398, 542
 Лыжина-Полушина Е.А. 204, 205, 391, 392, 398, 401, 544
 Лысенко Н.В. 505
 Львов А.Е. 57, 490
 Львов Г.Е. 57, 490
 Львов Н.Н. 57, 490
 Любавский М.К. 13
 Людовик XIV, французский король 224, 511
 Мазепа И.С. 501
 Мазилье Ж. 520
 Майданович Н.Л. 380, 384
 Майер А., де 409, 548
 Майоль А. 414, 415, 552
 Макаев С.С. 100
 Макаева Г.П. (Галина Петровна) 99, 104
 Макаева К.П. — см. Полешко К.П.
 Мак-Дермот Н. 448, 453, 558
 Маккавейский В.Н. 332, 531
 Маклаков В.А. 13, 488, 499
 Маклаков Н.А. 37, 117, 488, 499
 Маклецов А.В. 109
 Маковский С.К. 141, 244, 246, 309
 Макса П. 58, 491
 Максимов В.Е. 533

- Максимова Е.С. 260
 Максимович Е.А. (Екатерина Александровна) 6, 11, 17, 20, 23, 27, 201–203, 205, 214, 486, 493
 Максимович Е.Ф. 486
 Макферсон Ч. 269–273, 275–283, 519, 520
 Малахов В.А. 418, 554
 Малевич К.С. 374
 Малевский-Малевич С.С. 258, 374, 517, 539
 Малейн А.И. 98, 129, 503
 Малышева Т.А. 8
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 482
 Мамонтов С.И. 360, 550, 554
 Мамченко В. 237, 244
 Мандельштам Н.Я. 244
 Мандельштам О.Э. 244
 Маниковский А.А. 47, 489
 Мануйлов А.А. 14
 Мари, гувернантка 392
 Маришка 333, 531
 Мария Павловна, вел. кн. 284, 286, 289–291, 523
 Мария Федоровна, российская императрица 117, 527
 Мария Францевна — см. Федорова М.Ф.
 Мария (Скобцова), монахиня 243
 Маркадэ-Васютинская В.Д. 343, 344, 345
 Марков В.Ф. 513, 532
 Марков П.А. 366, 538
 Марков С.Л. 28, 487
 Маркова А. 543, 548
 Маркушевич А.И. 7
 Мартос И.П. 527
 Марциал 98, 126, 502, 503
 Масарик Т.Г. 58, 204, 491
 Масловский В.И. 8
 Массалитинов Н.О. 495, 496
 Массини Э. 505
 Массип М. 294, 296, 525
 Массне А. 462
 Матвеева Н.Н. 276, 278, 522
 Матисс А. 347, 533, 537
 Махно Н.И. 138, 156, 504
 Маяковский В.В. 240, 261, 396, 513, 517, 544
 Медведенко Д.Г. 420, 425
 Мейер Г. 244
 Мейербер Дж. 461
 Мейерхольд В.Э. 428, 465, 469, 475, 497, 560
 Мейснер Д.И. 99, 495
 Мельгунов С.П. 16, 22, 65, 66, 68–70, 481, 492, 494
 Менделеев Д.И. 121
 Мензбир М.А. 14, 70, 81, 493
 Мережковский Д.С. 137, 138, 327, 329, 428, 504, 529, 530
 Метнер Н.К. 243, 244
 Мизинова Л.С. 446
 Мийо Д. 533, 535
 Миланова З. 465
 Миллер Е.К. 6
 Миллиоти Н.Д. 410, 551
 Милобездская Т.В. 242, 516, 517
 Милутонович Д. 465
 Милюков П.Н. 26, 236, 485, 486, 500, 512
 Милютин Н.А. 121, 501
 Милютин Ю.С. 428
 Минаков П.А. 14
 Миних Б.-К. 121, 501
 Минкус Л.Ф. 520, 523
 Мирбах В. 26, 486, 489
 Миро Ж. 349, 534
 Михаил Александрович, вел. кн. 302, 526
 Михайлов М. 263
 Мичурин И.В. 297
 Мишкович М. 547
 Мозжухин А.И. 363
 Мозжухин И.И. 408, 409, 428, 463, 478, 549, 559
 Мольер 557
 Моммзен Т. 126, 502
 Монтани 267, 519
 Монтеклер М. 535
 Моношко С. 460
 Моравский Р. 546
 Мордвинов Б.А. 420, 426

- Мореас Ж. 222, 510
 Морозов С.Т. 308
 Морфесси Ю. 363
 Москвин И.М. 16
 Моцарт В.-А. 204, 534
 Мочульский К.В. 6, 244, 293
 Мрозовский И.И. 57, 62, 490
 Мулер С. 420–422
 Муравьев Н.К. 107
 Муратов Н.П. 117, 500
 Мусоргский М.П. 121, 446, 534, 536
 Муссолини Б. 393, 541
 Мухартов Н.З. 292, 525
 Мякотин В.А. 21, 492
 Мясин Л.Ф. 349, 394, 396, 397, 406, 415, 536, 542–554
 Мячин Г.Н. 42, 43, 45, 47, 49, 54, 56, 73, 489

 Набоков В.В. 142, 243, 539
 Набоков В.Д. 118, 495, 500
 Набоков Н.Д. 536, 539
 Набокова Н.А. 539
 Надя — см. Казем-Бек Н.Г.
 Назарова Л.Н. (Лидия) 420, 555
 Назимов Н.И. 424, 555
 Найденов А.Н. 40, 489
 Наполеон I Бонапарт, французский император 207, 501, 509
 Наполеон III, французский император 490
 Наталия Сергеевна — см. Гончарова Н.С.
 Наташа — см. Кудрявцева Н.А.
 Невельская М.К. 393, 541
 Нежданова А. 460, 461
 Незлобин К.Н. 549
 Некрасов В.П. 244, 340, 533
 Нелидова Л.С. 561
 Немирович-Данченко Вас.И. 141, 142, 144, 445, 496, 506
 Немирович-Данченко Вл.И. 426, 460, 495, 506, 558
 Немчинова В.Н. 467, 561
 Непо К.К. 350, 536
 Нерон 173
 Нечаев В.П. 238, 373, 449, 451, 454, 498, 539, 548, 555
 Нечаева А.В. 8, 556
 Нижинская Б.Ф. 348, 349, 395, 411, 535, 541–545, 550, 551
 Нижинский В.Ф. 5, 260, 357, 349, 359, 366, 404, 467, 535, 541, 547, 561
 Никандр (Феноменов), епископ Вятский 72–74, 78–80, 493
 Никита 305, 527
 Никитин М.О. 267, 518
 Никитина В.А. 288, 524
 Николаев Д. 343, 533
 Николай I, российский император 520
 Николай II, российский император 14, 263–265, 493–495, 517, 523–526
 Николай Александрович, вел. кн. — см. Николай II
 Николай Николаевич, вел. кн. 270, 520
 Нилендер Э.Р. 35, 52, 81, 488
 Нина, Нина Владимировна — см. Вырובה Н.В.
 Нина Александровна — см. Тихонова Н.А.
 Нирнзее Э.К. 476
 Новацкий А.Б. 505
 Новгородцев П.И. 19, 28, 204, 482, 483, 495
 Новелла Евгеньевна — см. Чирикова Н.Е.
 Новиков М.М. 60, 112, 491, 499
 Новосильцев Л.К. 298
 Нодо Л. 58, 491
 Нодье Ш. 546
 Норманд Е.О. 102, 497
 Носов А.А. 275, 277, 279, 522
 Нуланс Ж. 491
 Нуриев Р.Х. 397, 404, 545, 548
 Нури-Хаджич Б. 462, 463, 558, 560
 Нурри А. 546

 О'Дуар М. 444
 Обер Д. 521
 Облаков Н.А. 283, 523
 Оболенский Н.Н. 386, 388, 539
 Образцов В.В. 476
 Обухов А.Н. 468, 561
 Овидий 126, 131, 168, 503
 Овчинская М. 476

- Овчинский Б. 476
 Оге Ф.М. 524
 Оголейт Е.К. 286, 288, 524
 Огородников А.Н. 493
 Огородников Н.А. 70, 71, 90, 493
 Оддон И. 314
 Одоевцева И.В. (Ирина) 233, 307, 310, 319, 329, 332, 334–336, 385, 417, 528, 530, 531, 554
 Озаровский Ю.Э. 550
 Оленин А.А. 360
 Оленин П.С. 360, 361, 538
 Оленина-д'Альгейм М.А. 360
 Ольга Александровна — см. Боратынская О.А.
 Ольга Борисовна 275–277, 522
 Ольга Васильевна — см. Левинсон О.В.
 Ольга Наумовна — см. Кокошкина О.Н.
 Ольга Федоровна — см. Бострем О.Ф.
 Ольга Юрьевна — см. Корнеева О.Ю.
 Онеггер А. 350, 395, 536, 543, 544
 Орик Ж. 400, 533, 535, 536
 Орлов В.Н. 291, 525
 Осоргин М.А. 6, 18, 481
 Осоргин Н.М. 293, 294, 299
 Осоргина Т.А. 343
 Островский А.А. 538
 Островский А.Н. 20, 372, 426, 474, 515, 538
 Охлопков Н.П. 428
 Павлов И.П. 121
 Павлов Н.Ф. 482
 Павлов П.А. 102, 496, 497
 Павлова А.П. 198, 357, 358, 363, 397, 400, 428, 429, 432, 433, 534, 536, 541–543, 545, 546, 549, 550, 552, 558, 561
 Павлова В.П. 269, 520
 Павлова К.К. 114, 499
 Павлова П.А. 465
 Павлович П. 480
 Панас И.О. 21, 99, 498
 Панина В.В. 214, 510
 Панина С.В. 23, 28, 202, 484, 487
 Пантелеймонов Б.Г. 6
 Парлич Д. 400
 Парфентьева П.П. 274, 521
 Пастер Л. 233, 237
 Пастернак Б.Л. 241, 244
 Патрикеев В. 446
 Паша, горничная 270, 277, 278, 520
 Пашков Л.А. 561
 Пашенко Е.Н. 267, 268, 518
 Певзнер А. 349, 536
 Пек Г. 418
 Перетц П.А. 271, 273, 276, 277, 282, 521
 Перро Ж. 522
 Персий 503
 Петерс Я.Х. 16
 Пети Р. 260, 400, 404, 406, 546, 547, 548
 Петипа Ж.-А. 520
 Петипа М.И. 280, 288, 349, 519–524, 536, 561
 Петкевич Г.Б. 450, 556
 Петкевич И.Г. 450, 556
 Петкевич М.Г. (тетушка Мария) 450, 556
 Петлюра С.В. 108, 138, 182, 504
 Петр I, российский император 501
 Петрарка Ф. 213
 Петров В.В. 115, 499
 Петроний 131
 Петрункевич А.С. 23
 Пешкова Е.П. 261
 Пик Е. 331, 530
 Пикассо П. 347, 415, 533, 553
 Пильский П.М. 139, 144, 505, 506
 Пион М. 519
 Пиотровский А.И. 128, 502
 Писарев Д.И. 382
 Питоев А.Г. (Саша) 417, 554
 Питоев Г.И. (Жорж) 417, 496, 553, 554
 Питоева Л.Я. 417, 554
 Пишо М.А. 278, 522
 Плеве В.К. 94, 494
 Плеханов Г.В. 445
 Плещеев А.А. 263
 Блисская М.М. 418, 554
 Поволоцкая Е.Я. 8
 Поволоцкий С.Г. 419–428, 555

- Поволоцкий-Орлаш-Ивасенко Г.З. 422
 Покровский М.Н. 15, 81, 481, 493
 Полевицкая Е.А. 20, 483, 560
 Полевой Б.Н. 421, 555
 Полешко К.П. (Макаева) 6, 99, 100, 103, 108, 497, 498
 Полешко П.А. 99
 Полторацкий 423
 Полушина Е.А. — см. Лыжина-Полушина Е.А.
 Полуэктова О.А. 102, 497
 Полюс Ж.-П. 290, 525
 Полякова Е.Д. 515, 541
 Померанцев К.Д. 237, 257, 332, 386, 517, 530, 540
 Поплавский Б.Ю. 5, 310
 Попова Е.И. 455, 458–461, 462, 464, 465, 469, 470, 558, 560, 562
 Постников С.Д. 277, 522
 Постников С.П. 6
 Потенба А.А. 121, 500
 Потемкин П.П. 139, 409, 410, 505, 549
 Потоцкий П.П. 292, 525
 Потье К. 401
 Поццо А.М. 513
 Прегель С.Ю. 244, 309, 340, 532
 Преображенская О.И. 5, 261, 276, 282, 283, 362, 394–396, 399, 402, 403, 406, 515, 520, 522, 524, 541–546, 548
 Преображенский В. 399
 Придворова В.Р. (Вера Руфовна) 420, 555
 Примаков Ф.Л. 364
 Присманова А.С. 237, 540
 Пришвин М.М. 241
 Прокопович С.Н. 23, 482, 484
 Прокофьев С.С. 348, 349, 534–536
 Промтов М.Н. 234
 Проперций 126, 503
 Проскурникова Т.Б. 448, 449
 Протопопов А.Д. 37, 488
 Пруст М. 137
 Пуаре П. 550
 Пуленк Ф. 535
 Пуни Ц. 519, 522, 524
 Пуччини Дж. 460, 461
 Пушкин А.С. 105, 111, 113, 121, 124–132, 148, 166, 174, 217, 244, 250, 275, 347, 365, 395, 415, 423, 424, 442, 463, 477, 498, 502–504, 508, 509, 515, 533, 538, 542, 553, 555
 Пушкин Г.А. 423, 425
 Пушкина В.А. 423–425
 Пушкина (Гончарова) Н.Н. 347, 424, 425, 553
 Пыня Г. 505
 Пясковская В.М. 427
 Равель М. 395, 396, 412, 534, 544
 Раевская Н. 396, 545
 Разумовские 123, 501
 Разумовский А.Г. 501
 Разумовский Ал.К. 501
 Разумовский Ан.К. 501
 Разумовский К.Г. 501
 Райс Эм. 238, 239, 253, 513, 514
 Ракитин Ю.Л. 465, 468, 469, 560
 Ракицкий М.М. 273, 521
 Ранси А.И. 279, 523
 Рапгоф Е. 483
 Распутин Г.Е. 72, 106, 492, 493
 Растрелли Б. 121
 Ратгауз Д.М. 144, 201, 204, 496
 Ратгауз-Клименко Т.Д. 99–101, 201, 496, 497
 Рафальская Т.Н. 233–235, 237–240, 380, 513, 530
 Рафальский С.М. 233–242, 246, 247, 253, 257, 373, 380, 506, 512–514, 517
 Рахманинов С.В. 5, 201, 416, 428, 433–443, 496, 515, 529, 553, 555
 Рейнхардт М. 409, 549, 560
 Ремизов А.М. 5, 145, 244, 253, 514
 Рено Ж. 548
 Рено М. 404, 547
 Ренуар Ж. 537
 Ренье А.-Ф.-Ж., де 231, 512
 Рерих Н.К. 339, 347, 531, 534, 546
 Рерих Х. 330, 530
 Респига О. 534

- Решетникова (Найденова) Е.И. 489
Риети В. 534
Рикси Я. 65, 68, 492
Рильке Р.-М. 451, 556
Римский Н.А. 463, 559
Римский-Корсаков Н.А. 121, 201, 358, 411, 448, 460, 461, 515
Рождественский Вс.А. 512
Розанов В.В. 204
Розенберг В.А. (Владимир Александрович) 18, 23, 482, 484
Рокфеллер Д. 415
Романов Б.Г. 466, 467, 544, 551, 560
Романов В.А. 266, 542
Романов Н.П. 42, 43, 46, 54, 489
Романов П.С. 100
Романович С.М. 354, 537
Романовский И.П. 487
Рославлева Л.А. 355
Росси Я.Б., де 103
Россини Дж. 461, 515
Ростан Э. 557
Ростов Л. 266
Ростропович М.Л. 415, 552
Рош А.Н. 276, 282, 522
Рощина-Инсарова Е.Н. 363
Рубинштейн А.Г. 460, 461
Рубинштейн И.Л. 357, 395, 396, 534–536, 543–545, 550
Рубисов Г.А. 335, 531
Рубисов Г.Г. 337, 531
Рубисова Е.Ф. (Елена, Елена Федоровна, Леля, Е.Р.) 310, 318, 319, 330–333, 335–339, 528, 530, 531
Рудковский Т.И. 427
Рудукина Е.Г. 336, 531
Руо Ж. 349, 534
Руссо Ж.-Ж. 207
Рутеова Л. 204
Рынди́н В.Ф. (Вадим Федорович) 341, 342, 346, 351, 352–354, 537
Рындина Л. 559
Рыхляева В.Т. 290, 524, 525
Рябушинская Т.М. 266, 362, 364, 399
Рязанов Д.Б. 63, 82, 492
Рязанов Э.А. 477
Сабашников М.В. 15, 53, 490
Сабашников С.В. 15, 490
Сабина Александровна, дочь Амфитеатрова А.В. 445
Сабина Е. 461
Савва (Струве), архимандрит 146, 148, 507
Савинков Б.В. 236, 241, 513
Савицкая В.А. 286, 288, 289, 524
Савицкая В.В. 530
Садовские, семья 12
Салтыков-Щедрин М.Е. 111, 499
Самарин А.Д. 71, 72, 74, 78, 493
Самен А. 224, 511
Самохвалов И.В. 422
Самохвалова Е.Я. 423
Санин А.А. 444, 446, 453, 463, 448, 449, 451, 556, 560
Сапфо (Сафо) 135, 504
Сарду В. 520
Сати Э. 533
Саша — см. Андерсон А.К.
Свенсон Г. 416, 554
Светлов В.Я. 358, 411, 537, 546, 551
Седова Ю.Н. 393, 541
Седовень Е.А. 414, 552
Седых А. 6
Секретов А.П. 388, 541
Селитрин 452, 557
Семенова М. 399
Семенов-Тянь-Шанский А.П. 503
Сен-Жорж Ж.-А. 519
Сен-Санс К. 198, 400, 551
Серафим (Родионов), архиеп. 452, 453, 557
Сербский В.П. 14
Сервий Сульпиций Руф 133
Сергеев К. 399
Серебряков А. 546
Серов В.А. 121, 341
Сиби́ряков 560
Сидорова А. 533
Симон А. 357, 534
Симонов К.М. 102
Синельников Н.Н. 560
Синкевич-Комаровская Н.И. 497

- Сипягин Д.С. 94, 494
 Скарлатти Д. 208, 509, 534
 Скарпа Т. 393, 541
 Скарская Н.Ф. 554
 Скибин Ж. 399
 Скобелев М.Д. 490
 Скорик И. 406, 548
 Скоропадский П.П. 107, 139, 500, 504
 Скриб О.-Э. 521
 Скрыбин А.Н. 412
 Скуратов В. 548
 Слоним В.Е. 243
 Слоним М.Л. 373, 538, 558
 Смелянский А.М. 8
 Смирнов Д.А. 363, 410, 460, 550
 Смоленский В.А. 237, 244, 385, 386, 540
 Собинов Л.В. 364
 Сова П.П. 147, 148, 507
 Соге А. 400, 536, 548
 Созонов Е.С. 494
 Соколова Е. 520
 Соколова С.А. 8, 233, 334, 335, 413, 531
 Соколя-Ржадковский И.И. 505
 Солженицын А.И. 15, 244, 245, 481
 Соловьев В.С. 243
 Соловьев Н.Ф. 520
 Сологуб Л.Р. 410, 551
 Соломко С.С. 410, 551
 Сомов К.А. 5, 534
 Соня — см. Иваницкая С.Л.
 Сосинский В.Б. 6
 Софокл 103, 107, 111, 112, 503
 Спак Г.Г. 8
 Сперанский М.М. 121, 501
 Спесивцева О.А. 349, 359, 362, 366, 411, 467, 536, 544, 550, 561
 Спиноза Б. 212
 Стаатс Л. 395, 543
 Сталин И.В. 295, 302, 425
 Сталина С.И. 425
 Сталь А.Н., де 516
 Сталь Н.В., де 256, 516
 Стамболи В.И. (Вера) 381, 386, 539, 540
 Станиславский К.С. 16, 426, 463, 485, 556, 560
 Старов К. 532
 Стеллецкий Д.С. 293
 Столповский Г.П. 363, 370, 538
 Столпянский П.Н. 65, 492
 Стороженко Н.И. 12
 Стравинский И.Ф. 5, 348, 349, 395, 400, 404, 533–536, 544, 547
 Страдивари А. 459
 Струве Г.П. 318, 528
 Струве П.Б. 13, 19, 28, 108, 482, 487, 498
 Струйский П. 474
 Струк И.Т. 139, 154, 504
 Стыка Я. 424, 555
 Субботин В.П. 515
 Суворов А.В. 121, 508
 Судейкин С.Ю. 409, 516, 549
 Судковский Р.Г. 121, 500
 Сургучев И.Д. 20, 483
 Сухотина-Толстая Т.Л. 549, 551
 Тагор Р. 364, 365, 390
 Тайлор Э. 316, 528
 Таиров А.Я. 358, 452, 557
 Тамара 315
 Танеев С.В. 510
 Тараканова Н. 266
 Тарновский К.А. 524
 Тартини Дж. 208, 509
 Тассо Т. 508
 Татаринов В. 310
 Татищев И.Л. 285, 292, 524
 Татищев Н. 310
 Татьяна Данииловна — см. Ратгауз-Клименко Т.Д.
 Таубе-Аничкова С. 556
 Таубер (Старова) Е.Л. 310, 318, 319, 340, 528, 532
 Телешов Н.Д. 13, 493, 530
 Телешова Н.Д. 458
 Теляковский В.А. 355, 460, 537
 Тенишева М.К. 534
 Терапиано И.Н. 330, 332, 529, 530
 Терапиано (Торопыяно) Ю.К. 5, 244, 246, 307–310, 312, 313, 318, 319, 326–330, 334–337, 339, 340, 387, 513, 528–532, 540

- Терновский Е.С. 539
Тер-Погонян М.М. 530
Тибулл 126, 503
Тизенгаузен Е.С. 142, 506
Тикстон П.А. 344, 533, 550
Тимашев Н.С. 109
Тимирязев К.А. 14, 482
Тинторетто Я. 223, 510
Титов А.И. 267, 270, 273–275, 278, 282, 283, 518
Тихон (Белавин), патриарх Московский 493
Тихонова Н.А. (Нина Александровна) 361, 363, 366, 396, 401, 406, 544, 548
Тихонравов Н.С. 12
Тогунян И. 537
Толстой А.Н. 79, 260, 474, 493
Толстой Л.Н. 99, 106, 110, 111, 121, 124, 125, 146, 244, 364, 415, 424, 469, 482, 485, 488, 498, 555
Толстой С.М. 415, 552
Толстой-Милославский С.С. 305, 527
Торнабуони, род 213, 510
Трахтенберг Р.М. 453, 454, 558
Трефилова В.А. 5, 399, 402, 515, 546
Триполитов Н.И. 546
Триполитова К.А. 398, 546
Троицкая А.Н. (Тоня) 274, 275, 281, 282, 521
Троицкая М.Н. 267, 283, 518
Троицкая Н.Н. 518
Троицкий М.М. 12
Тропинин В.А. 392
Троцкий Л.Д. 17
Трощинский Д.П. 123, 502
Труайя А. 392, 541
Трубецкой Н.С. 462, 558
Трубецкой П.П. 341
Трубецкой С.Е. 16–18, 482
Трудов Д.М. 267, 270, 273, 274, 278, 282, 283, 518
Трутя 279, 523
Тудор Г.С. 505
Тукалевская Т.В. 448, 454, 558
Туманова Т.В. 260, 362, 395, 399, 542, 548
Туптеленков Д. — см. Димитрий, митрополит Ростовский
Турбин С.И. 523
Тургенев И.С. 111, 112, 126, 127, 498, 503, 531
Тургенева А.А. 513
Тургенева Н.А. 247, 513
Туржанский В.К. 463, 559
Турунцев А., свящ. 237, 240–246, 253–256, 258, 259, 383, 384, 401, 449, 453, 454, 506, 513–517, 556
Турунцев-младший А.А. 8, 237, 238, 240, 242, 243, 245, 384, 449, 517
Турунцева М.А., сестра свящ. А. Турунцева 241, 242
Турунцева М.А., дочь свящ. А. Турунцева 242, 517
Турунцева Н.А. 241, 242
Турунцева Т.В. — см. Милобендзская Т.В.
Турчанинов П.И. 11
Турчанинова Е.Д. 20, 484
Тхоржевский И. 510
Тэффи Н.А. 5, 343, 344, 410, 533, 550
Тюби Ж.-Б. 511
Тютчев Ф.И. 150, 244, 245, 364, 508
Уайлдер Б. 416
Узунова-Васенкова К.В. 462, 559
Уланова Г.С. 260, 341, 342, 346, 351–354, 399, 537
Унгер С.Л. 396, 545
Урбан Ф. 272, 273, 277, 278, 280, 521
Урванцов Л.Н. 141
Урицкий М.С. 15, 28, 362, 486
Урусов Н.П. 117, 499
Урусов Ф.М. 510
Успенская Л.А. 383
Устинов П. 418
Утрилло М. 349, 534
Уэлс Г. 451, 557
Фалья М., де 533
Фаринич А.А. 112, 499

- Федоров В.Г. 5, 137–146, 202, 343, 504–506
Федоров Г.Ф. 138
Федоров М.В. 396, 545
Федорова М.Ф. (Мария Францевна) 145
Федорова О.В. 361
Федорова С.В. 355–361, 363–368, 537, 538
Федотов Г.П. 243, 293
Федотова Г.Н. 12, 19, 20, 483, 484
Фельдман О.М. 8
Фердинанд II, император Священной Римской империи 509
Фет А.А. 113, 127–130, 265, 502, 503, 517
Филипп II, испанский король 512
Филипп — см. Леде Ф.Ф.
Философов Д.В. 137, 138, 144, 506
Флавицкая Т.Н. 245
Флавицкий К.Д. 246
Флейшер А.Н. 447
Флергоф А. 405, 548
Флеров А.Е. 65, 68, 492
Флоровский А.В. 21
Фокин М.М. 349, 357, 358, 395, 396, 467, 535, 536, 543–546, 561
Фокина В.П. 357
Фонвизин А.В. 354, 537
Фондаминский И.И. 314
Фонтейн М. 260, 266
Фор Ж.-Б. 558
Фортунатов С.Ф. 12
Форштер М. 246
Фострем А. 460
Франк С.Л. 17, 243
Франц Иосиф I, австрийский император 494
Фраччи К. 418, 554
Фредерик П.-Ф. 520
Фриде А.В. 58, 61, 62, 491
Фриде М.В. 491
Фридман А.А. 279, 292, 523, 525
Фролов А.П. 268, 269, 519
Фролова С.Е. 8
Фроловский Г.В. 243
Фрэнсис Д. 491
Фушер П. 520
Хазанов В.Г. 8
Хайям О. 365, 389, 541
Хаммарберг В.И. 271, 277, 283
Хаммарберг И.Е. 521
Ханс-Жакоб 450
Хин Р.М. 491
Хичкок А. 552
Ходасевич В.Ф. 5, 144, 244, 245, 506, 532
Холодковский Н.А. 509
Хохлов Г.Д. 343
Хохлов Е.С. 6
Худеков С.Н. 523
Цветаева М.И. 98, 99, 244, 245, 341, 346, 495, 533, 558
Цветкова Н.Г. 143
Цегоев К.К. 100
Цезарь — см. Гай Юлий Цезарь
Церетели А.А. 410, 463, 505, 545, 551, 556, 559–561
Цехалевский В.Н. 292, 525
Цицерон 503, 508
Цукки В. 267–269, 519
Цуриков Н.А. 138
Цыбульский С.О. 98, 129, 503
Чабров А.А. 358
Чайковский П.И. 201, 214, 349, 400, 460, 496, 515, 536, 545, 550, 558
Чаморян С.А. 458
Чаплыгин С.А. 14
Чарская Л.А. 263
Чебышев Н.Н. 106, 117, 498, 500
Чегринцева Э.К. 6, 201, 234, 506, 529
Черепанов А.Ф. 469
Черепнин Н.Н. 350, 534, 536
Черина Л. 548
Чернов В.М. 23, 202, 485
Чернова Н.Ю. 8, 260
Черносвитов К.К. 71, 90, 493
Черносвитова Е.А. 451, 556
Чехов А.П. 23, 111, 244, 445, 458, 482, 485, 560
Чехов М.А. 426, 459, 466, 467, 496, 550, 560
Чинарова Т.Е. 395, 543

- Чиннов И.В. 375–379, 539
Чириков Е.Н. 101, 142, 144, 202, 474, 496
Чирикова Н.Е. (Новелла Евгеньевна) 101, 496
Чубинский М.П. 107
Чупров А.И. 105
- Шабрие Э. 535
Шайкевич А.А. 361, 363, 538
Шайкевич В.В. 361
Шаляпин Ф.И. 60, 396, 397, 416, 428, 455–462, 464, 465, 485, 491, 545, 558, 560
Шамраев Н. 426, 555
Шамфор С.-Р.-Н., де 207, 509
Шанявский А.Л. 14, 18, 33, 77, 82, 482, 488–490
Шарль-Ру Ф. 15, 53, 490
Шарра Ж. 406, 547, 548
Шаршун С. 237
Шаталова Н. 395, 396, 543
Шахматов А.А. 116, 499, 500
Шаховская (Малевская-Малевиц) З.А. 244, 258, 373–379, 517, 529, 539
Шаховской Д.А. — см. Иоанн (Шаховской), архимандрит
Шаховской Д., племянник З.А. Шаховской 376
Шверубович В.В. 495
Шебалин 397, 545
Шевченко Т.Г. 124, 125, 502
Шейнин Л. 427
Шекспир У. 474, 503, 522, 557
Шенк П. 460
Шервашидзе А.К. 347, 350, 535
Шервинский С.В. 502
Шеридан Р.-Б. 557
Шершеневич В. 512
Шестов Л. 5, 243
Шиллер Ф. 503
Шиманская А.С. (Аглая Сергеевна, Аглаида, Аличка) 246, 307–313, 315, 318, 319, 330, 334–340, 381, 528–532
Шиманский С.С. 308
Шингарев А.И. 113–115, 118, 119, 488, 499
Шипов Д.Н. 52, 56, 94–96, 489, 494
Шипов П.Д. 301, 302, 526
Шипова Н.Д. 490, 526
Шмелев И.С. 5, 145–149, 507, 508, 530
Шмеман А., прот. 246, 254, 259, 515, 517
Шмидт И.Ф. 465, 524, 560
Шмурло Е.Ф. 21, 204
Шнейцхоффер Ж. 400, 546
Шовире И. 260, 266, 399, 548
Шопен Ф. 371, 412, 438, 555
Шостакович Д. 533
Шоу Б. 554
Шпажинский П. 474
Шпигельберг Н.Г. 297
Шполянский Б.С. 42, 43, 45, 49, 54, 56, 63, 64, 73, 80, 489
Штейнберг М.О. 534
Штефлова М. 506
Штраус Р. 465
Шуберт Ф. 400
Шуман Р. 228, 534
- Щегловитов И.Г. 37, 105, 488
Щепкин М.С. 21, 490, 557
Щепкин Н.Н. 16, 53, 82, 83, 87, 90, 91, 93, 490
Щепкина-Куперник А.Л. 451, 557
Щепкина-Куперник Т.Л. 203, 451, 557
Щербаков Е. 381, 385, 388, 540
Щербатов С. 412, 551
Щербачева И. 393, 542
- Эверт А.Е. 65, 69, 492
Эгк В. 401
Эглевский А. 548
Эдуардова Е.П. 544, 547
Эйснер А.В. 6, 506
Экстер А.А. 410, 516, 551
Элиза Романовна — см. Нилендер Э.Р.
Эпштейн Ж. 409, 549
Эпштейн З. 545
Эредиа Ш.-М., де 205
Эренбург И.Г. 510, 512
Эрманс В.К. 562
Эскина М.А. 8
Эсхил 103, 111
Эфрон С.Я. 310

- Ю.К. 459, 558
Ювенал 503
Юденич Н.Н. 240
Южин А.И. 12, 15, 72, 493
Южный Я.Д. 494
Юзя — см. Кшесинский И.-М.Ф.
Юлий Цезарь — см. Гай Юлий Цезарь
Юлинька 333, 531
Юля — см. Кшесинская Ю.Ф.
Юнг А. 452, 557
Юнг К.-Г. 557
Юренев П.П. 28, 487
Юскевич (Юшкевич) И.И. 393, 397, 399, 541
Юшкевич Н.С. 396, 545
Юшкевич С.С. 474, 545, 556
Яблочкина А.А. 20, 484
Ядвига, польская королева 344, 533
Яковлев А.Е. 349, 396, 536, 544
Яковлева А.Н. 274, 521
Яковлева Т.А. 396, 544
Янжул И.И. 105
Янковский Ч. 555
Янчевецкая О.П. 465
Яссен И. 309
Яхонтов В.Н. 477
Яша — см. Горбов Я.Н.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Нам остается память</i>	5
----------------------------------	---

Из жизни Русского зарубежья *Очерки. Беседы. Документы*

На ветрах истории: Александр Александрович Кизеветтер	11
<i>А.А. Кизеветтер</i>	
Мои тюрьмы. [1919–1921]	
Часть I. Бутырки	25
Часть II. Второй арест	82
«Именная печать»: Сергей Владиславич Завадский	98
<i>С.В. Завадский</i>	
[Памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева]	114
О российском и русском многоединстве	120
Пушкин и Катулл	126
Переводы	
<i>Гай Валерий Катулл Веронский</i>	
II. Воробей Лесбии	132
XXVII. «Влагу терпкую старого фалерно...»	133
XXXIV. «Нам Диана — защитница...»	133
LI. «Тот в моих глазах божеству подобен...»	135
LXX. «Милая мне говорит, что всех я как муж ей желаннее...»	135
LXXII. «Лесбия, ты говорила, что знаешь ты только Катулла...»	135
LXXXVI. «Квинтией все восхищаются. Белой, высокой и статной...»	136
CVII. «Если желанья чьи-либо судьба исполняет нежданно...»	136
CIX. «Счастье в любви мы найдем, конца любви не увидим...»	136

«Это бесспорно талантливый беллетрист»: Василий Георгиевич Федоров	137
<i>В.Г. Федоров</i>	
И.С. Шмелев в Подкарпатской Руси	146
Человек задумался (<i>Главы из романа</i>)	
Часть I. Окно в Европу	150
Часть II. Жизнь наизнанку	184
Почерк судьбы: Павел Петрович Лыжин	201
<i>П.П. Лыжин</i>	
Стихотворения	
Закат Казановы	206
Дятел	209
Поэту	210
Терпение	211
Терцины	212
Воспоминание	213
Цыганщина	214
Оптимизм	214
Борбошки	215
Тридцать шесть	216
Петрик	218
Переводы	
<i>М. Деборд-Вальмор</i>	
Моя комната	219
Воспоминание	220
<i>Л. Аккерман</i>	
Человек	220
Второе сердце	221
Позитивизм	222
<i>Ж. Мореас</i>	
Припоминания	222
«Пусть мертвые в гробах поймут мой горький стон...» .	223
«Не говори, что жизнь лишь праздник бесконечный...»	223
«Когда же, сбросив груз забот вечнотомящих...»	224
<i>А. Самен</i>	
Версаль	224
«Люблю приход зари воздушной и босой...»	226
«Взять душу хрупкую и в сладком упоении..»	227

Вечер	227
Языческий вечер	228
В саду инфанты	229
Героическая симфония	230
<i>Ж. Лафорг</i>	
Эфемерный фарс	231
<i>А. де Ренье</i>	
Желтая луна	231
Голос	232
 «Вам — едино дорогá Россия»: Сергей Милич Рафальский и Александр Александрович Туринцев	 233
<i>С.М. Рафальский</i>	
Стихотворения	
«Нас огорчает злая боль земная...»	247
«Ты в первый раз приходишь в этот мир...»	247
На бульваре	248
Пролог	249
Осень	250
Чур	251
Чужим внукам	252
 Письма к А.А. Туринцеву	
Н.Е. Андреев	253
В.С. Варшавский	253
Н.В. Вырубова	254
К.Ф. Грундт	255
Л.А. и В.А. Зандер	256
А.М. Ланской	256
С.М. Рафальский	257
З.А. Шаховская	258
Прот. А. Шмеман	259
 Легенда балета: Матильда Феликсовна Кшесинская	 260
<i>М.Ф. Кшесинская</i>	
Дневник М. Кшесинской [1886–1890]	267
 Свидетель истории: Лев Александрович Казем-Бек	 293
<i>Л.А. Казем-Бек</i>	
Боратынские	300

Зигзаги судьбы: Аглая Сергеевна Шиманская и ее братья	307
<i>А.С. Шиманская</i>	
Стихотворения	
«Разбудил меня свет ранним утречком...»	320
«В осенний вечер так ленивы думы...»	320
«Скажи, что не порвана нить...»	321
«Забытые столетние могилы...»	321
«Не воскресить и не вернуть волненья...»	321
«Почему на свете столько зла...»	322
«По вóлнам слушаю родную речь...»	322
«Пишу в печали, в темноте...»	323
«Была когда-то я цветком...»	323
«Мне все равно, что дождь, что непогода...»	324
«Сегодня снова умер кто-то...»	324
«Черные птицы летают...»	325
«Не тревожся памятью напрасной...»	325
«Девочка под утро умерла...»	326
О Юрии Константиновиче Терапиано — поэте и критике ..	326
Письма к А.С. Шиманской	
Ю.К. Терапиано	330
И.В. Одоевцева	334
Е.Ф. Рубисова	335
Е.Л. Таубер (Старова)	340
Встречи на берегах Сены: Наталья Сергеевна Гончарова	
и Михаил Федорович Ларионов	341
<i>С.М. Лифарь</i>	
Н. Гончарова — чародейка русской театральной живописи	347
Письма Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова к В.Ф. Рындину	
и Г.С. Улановой	351
Фарфоровая испанка: Софья Васильевна Федорова	355
<i>С.В. Федорова</i>	
Стихотворения	
«Хаос, хаос везде, в природе...»	368
«Холодно... Ветер мне выстудил сердце...»	368
«Опять Париж, кольцом заката окруженный...»	369
«Шумит Париж. Зовут афиши...»	369

«Осенний день меня сегодня обманул...»	369
«Спи спокойно, я с тобой...»	370
«Расписал мороз окно...»	370
Шопен	371
«Восстань, о Русь! Иди и внемли...»	371
«Мы одною мыслью жили...»	372
«В нашей стране за любовь...»	372
«Шах-княгиня, драгоценнейшая...»: Зинаида Алексеевна	
Шаховская	373
Письма И.В. Чиннова к З.А. Шаховской	378
Исчезнувший поэт: Анатолий Иванович Андреев	380
<i>А.И. Андреев</i>	
Стихотворения	
История выпуска в свет «Сборника молодых поэтов» ..	386
Маме	388
«Побьют камнями пророка...»	388
«В наш век человек...»	389
«В окопы и во рвы — солдаты...»	389
Переводы	
<i>Из Омара Хайяма</i>	
«Всю жизнь грешим, а наказания не ждем...»	389
«Вперед и ввысь. Там солнца шар...»	389
«В саду на ветке соловей...»	390
«Тоскуешь ты? Пойди в кабак...»	390
<i>Из Тагора</i>	
«Пятьдесят лет я блуждал в пустыне жизни...»	390
«Молю, Господи, в маленькое ведерко души моей...» ...	390
«Ты плачешь? Перестань. Умчалась гроза...»	390
«На роду написано...»: Елена Александровна	
Лыжина-Полушина	391
«Этуаль Гранд-опера»: Нина Владимировна Вырубова	399
Тени русского Парижа: Борис Константинович Билинский	408
Неожиданный собеседник: Владимир Дмитриевич Безыменский	413

Глазами очевидца: Сергей Георгиевич Поволоцкий	419
<i>С.Г. Поволоцкий</i>	
Встреча в Брюсселе. (Анна Павлова)	429
Концерт Рахманинова	433
Сеньора из Ленинграда: Людмила Васильевна Бенвенуто.....	444
<i>Т.Б. Проскурникова</i>	
[Рассказ Людмилы Васильевны Бенвенуто]	449
Ничто не проходит бесследно: Михаил Николаевич Каракаш и Елизавета Ивановна Попова	455
Московские страницы: Ромен Гари	471
<i>Комментарии</i>	481
<i>Указатель имен</i>	563

Нечаев, В.П.

Н-59 В поисках минувшего: Из жизни Русского зарубежья : Очерки, беседы, документы / авт.-сост. В.П. Нечаев. — М. : Книжница : Русский путь, 2011. — 592 с. : ил.

ISBN 978-5-903081-15-8 (Книжница)

ISBN 978-5-85887-415-7 (Русский путь)

Книга архивиста и историка Русского зарубежья В.П. Нечаева откроет читателю неизвестные страницы жизни таких признанных деятелей искусства и науки, как С.М. Лифарь, Н.В. Вырубова, М.Ф. Кшесинская, А.А. Кизеветтер, Н.С. Гончарова, Б.К. Билинский, и познакомит с творчеством и судьбами некоторых ныне почти забытых, но порой пронзительно талантливых представителей русской эмиграции первой волны. Увлеченность автора, много лет по крупицам собиравшего факты и документы, захватывает читателя, который движется вместе с ним от встречи к встрече, от одной удивительной судьбы к другой. Большинство архивных материалов публикуется впервые.

УДК 929

ББК 84 (2 Рос)6

Литературно-художественное издание

В поисках минувшего
Из жизни Русского зарубежья
Очерки, беседы, документы

Автор-составитель: **Нечаев Вячеслав Петрович**

Редактор *Т.А. Малышева*
Корректор *О.А. Савичева*
Художественный редактор *Т.Л. Белкина*
Верстка *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 14.12.2011.
Формат 60х90/16. Тираж 1000 экз.
Заказ № 4391.

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47
E-mail: info@rp-net.ru. Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-903081-15-8

9 785903 081158

